

ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ ВОЙНЫ

«НАМ ЗАПРЕТИЛИ БЕЛЫЙ СВЕТ...»

АЛЬМАНАХ ДНЕВНИКОВ
И ВОСПОМИНАНИЙ
ВОЕННЫХ
И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Составители
П. Полян и Н. Поболь

Москва
РОССПЭН
2006

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16354

Н 24 **«Нам запретили белый свет...»:** Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Составители П. Полян, Н. Поболь. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 416 с.
(Серия: Человек на обочине войны)

Сборник подготовлен как один из результатов исследовательского гранта РГНФ № 04-01-01 242 «Выявление и описание дневников, воспоминаний и писем советских военнопленных и гражданских лиц, находившихся под оккупацией». Ядро сборника составляют пять дневников — жителя оккупированного Таганрога Григория Саенко, двух остарбайтеров — Бориса Андреева и Василия Баранова, бывшего военнопленного, угнанного в Германию как остарбайтер Василия Пахомова, и военнопленного Сергея Воропаева. Каждый из этих уникальных документов снабжен примечаниями и послесловием.

ISBN 5-8243-0655-9

© Коллектив авторов, 2006.
© П.М. Полян, Н.Л. Поболь,
составление, 2006.
© «Российская политическая
энциклопедия», 2006.

Светлой памяти тех, кто погиб...
С пожеланием здравствовать живущим!

Предисловие к серии «Человек на обочине войны»

Одна на всех — великая и неделимая война

В 00 часов 42 минуты 9-го мая 1945 года в Карлсхорсте гитлеровская Германия полностью и безоговорочно капитулировала перед союзнической коалицией. С той поры в сознании советского народа заронилось и быстро и очень прочно укоренилось представление о 9-го Мая как о всенародном празднике Дня Победы.

Уже одно то, как проходит в этот день народное гулянье на Поклонной Горе — с цветами, которые люди покупают заранее и раздают незнакомым ветеранам, радостно и со слезами, но без всякого нажима и понукания со стороны властей, — говорит о том, что этот праздник в сердцах и душах прижился, что и желанен, и любим. Каждое 10-летие спустя праздник этот достигал новой кульминации.

И в то же время власти далеко не статисты на этом празднике: официальные торжества — в их руках и под их контролем. И каждое новое 10-летие Дня Победы поэтому было и похоже, и вместе с тем не похоже на предыдущее торжество. Косный идеологизм культурно-пропагандистской политики ЦК КПСС делал их похожими именно в вопросах военно-исторических и военно-патриотических и всегда достигал своего апогея. Поручиком и гарантом этой зашоренности и заскорузлости был такой уникальный орган как Главное политическое управление советской армии — монстр, властный гибрид советской однопартийной и военной систем.

В культивируемом сверх мифосознании советского общества Великая Отечественная — это исключительно ратные подвиги, это генералиссимус или маршалы, склоненные над штабными картами, это Саша Матросов, бросающийся на амбразуру, и это алое знамя над черно-белым Рейхстагом. Соответственно, негласное правомочие на причастность к торжествам имеют не все, а только генералитет и ветераны боевых действий, ну, разве что еще партизаны и подпольщики в тылу врага вписываются в этот же миф и размещаются в светлой части спектра — потенциальных героев.

Но была и другая сфера спектра. Среди полвека не признававшихся Главпуrom участниками войны были и миллионы военнопленных (по мифу — потенциальные предатели), и десятки миллионов гражданского населения оккупированных вра-

гом территорий, как угнанного, так и не угнанного в Германию (по мифу — потенциальные пособники врага).

С первых же дней оккупации на советской территории планомерно и систематически убивали евреев. Только за то, что они евреи. Сколько еще можно в стране, на которую пришлось добрая половина 6-миллионного еврейского мартиролога, делать вид, что расстреливали не евреев, а каких-то безличных «советских мирных граждан»? И даже на концлагерниках смотрят у нас с подозрением: сколько же их, по возвращении на родину, пересажали по новой! Да и то сказать: большинство из них — те же евреи, да бывшие военнопленные.

Но сама Великая Отечественная — не только война, но и трагедия, и нуждается в более сосредоточенном и глубоком к себе отношении, более целостном и, если хотите, более скорбном осмыслении событий тех лет — событий, не уместяющихся в рамках только военной истории.

Не пора ли потребовать равноуважительного отношения ко всем участникам войны — и ветеранам-красноармейцам, и военнопленным, и гражданским жертвам нацистских преследований? Времени уже нет — средний возраст этих людей давно перешагнул за среднестатистическую продолжительность жизни российских граждан.

Тут-то уместно и подчеркнуть: то была Великая Отечественная война Советского Союза — единая война единого государства, а не каких-то российских, украинских или казахских полков. И с этой точки зрения выплата компенсации жертвам принудительного труда в разных независимых государствах по отдельности и по разным регламентам — грубая историческая ошибка, замешанная на превратно понятой суверенности и обернувшаяся в итоге урезанием общей доли в денежном «пироге» и позором борьбы за эти доли.

Общая неделимая судьба и у бывших советских военнопленных. Немецкая юстиция оказала им большую «честь» — фигурировать в качестве одной из категорий совершенно нормальных военнопленных, находившихся под защитой Международного Красного Креста (наподобие американских, английских, французских или польских). Историческая наука, правда, решительно не подтверждает такой уравнительной интерпретации. Если у не-советских военнопленных в немецком плену смертность колебалась вокруг 5%, то у советских — она составляла 58% (3,3 млн погибших делают их второй, после евреев, группой).

Того, что мы знаем о политике Третьего рейха по отношению к советским военнопленным, более чем достаточно для того, чтобы квалифицировать их как особую категорию жертв национал-со-

циалистических преследований, правомочную на получение компенсации в рамках Закона о компенсационном фонде и без его изменения. Однако немецкий Закон сконструирован таким образом, что против его официальных интерпретаторов ничего нельзя предпринять. Жертвы двух диктатур, советские военнопленные, стали еще и жертвами нескольких демократий.

И все-таки 9 Мая 2005 года — то есть 60-летие Победы — содержало в себе великолепный шанс впервые стать хоть немного другим праздником — общим для всех участников. Но, увы, и этот юбилей — первый в новом столетии и последний с физическим присутствием самих участников и героев, — прошел с тем же главпуровским акцентом, как и все предыдущие.

Людей как бы поставили по две стороны незримых баррикад, но они не виноваты в этом. И сама война, и принесенные ею страдания и горе были едиными и всенародными, были общими и неделимыми, — давайте же перестанем бить себя в грудь кулаком, рвать на себе тельняшку и звенеть орденами: да прислушаемся молча к крикам отправляемых в газовые камеры и к расстрельным залпам, к стуку кованых сапог в двери изб и квартир, к немому отчаянью голодных обмороков и бесшумным стежкам иголки, наматывающим на кофту ненавистную нашивку. Прислушаемся друг к другу, пойдем друг друга, простим...

Издавая книжную серию «Человек на обочине войны», мы хотели бы предоставить слово тем очевидцам военного лихолетья, кого никогда не подпускали ни к микрофону, ни к печатному станку, — с полвека они почти не подавали голоса, и спасибо тем из них, кто все же заговорил. Думаем, что интересными для читателя могут оказаться и голоса наших бывших врагов, не исключая и голосов коллаборантов.

Павел Полян

ЗОВ ИСТОРИИ

«Это надо делать уже сейчас...»

Виталий Семин

В этой книге собраны голоса и свидетельства двенадцати человек. Трое — хлебнули лиха под оккупацией, один военнопленный простился со своей молодой жизнью в финском плену, а восемь человек — тянули лямку в Германии. Из них одного (гражданского моряка) интернировали в первый же день войны в Германии, куда он приплыл накануне, шестерых угнали туда позднее как остарбайтеров (при этом один на самом деле был изначально окруженцем и военнопленным), а еще одного — как военнопленного. Оба военнопленных погибли еще во время войны, остальные же — уцелели, из них трое даже дожили до выхода этой книги в свет.

Голосов немного, и каждый из них на свой лад и одинок, тем не менее говорят они — о миллионах и от имени миллионов.

Миллионов — неспрошенных, униженных, проданных-перепроданных, битых-перебитых, оголодавших и охолодавших людей, допытанных претерпевших и от Гитлера, и от Сталина — главных человеконенавистников столетия.

Миллионы красноармейцев, особенно в начале войны, сдались — или были захвачены силой — в немецкий плен. Где и как бы ни протекал их плен, — на оккупированной ли родине или в Третьей рейхе, на родине врага, повсюду судьба их ветвилась одинаково: или смерть, или рабский труд, или измена присяге.

Миллионы военнопленных попали в Германию и оказались рядом с другими миллионами сограждан — остовцев, или «остарбайтеров». Так, выхолостив даже след их национальной или государственной принадлежности, называли немцы своих гражданских рабов из СССР. Угнанных с завоеванных на востоке земель, подчас с не меньшей brutality, чем военнопленных, таких же бесправных и голодных, их привезли в рейх с точно такой же целью: выжимая последние соки, залатать их мускулами, их подневольным потом и непосильным трудом бреши в трудовом балансе государства. Вместо собственных, призванных в армию рабочих и крестьян, Гер-

мания собрала к своим станкам и на своих полях миллионы пар рабочих рук из-за границы, в том числе и советских военнопленных и гражданских рабочих.

Трудоотдача или, по крайней мере, трудоспособность стала едва ли не единственным, что все же поддерживала относительную ценность человеческой жизни, ставшей в военное время поистине разменной монетой войны. Да и труд в те годы был почти сплошь подневольным и стоил недорого.

Когда же 1418 дней войны истекли, уцелевшие в рейхе военнопленные и остовцы (к ним следовало бы добавить и новую группу сограждан — добровольцев-беженцев и насильственно эвакуированных) оказались перед тройным и незавидным выбором: могила — невозвращенчество — принудительная репатриация.

«Родина ждет вас!», — агитировали советские офицеры по репатриации. «Родина ждет вас, сволочи!» — переименовывали невозвращенцы. «Добровольцами смерти» называли они репатриантов.

И все же большинство, отбросив все страхи и сомнения, возвратилось на Родину. На родину, но отнюдь не домой, — иных этапировали в спецконтингент, но особенно много было таких, кому снова пришлось потрудиться не по своей воле — на этот раз на советское государство. И снова их пот, мускулы, непосильный труд бессовестно и насильно были изъяты у них и у их семей — в качестве своеобразной мзды за все лишения и мытарства военных и послевоенных лет.

Ощутить себя полноценными гражданами им, увы, дано не было.

Кем же были они тогда?

Гражданами второго сорта, не вызывающими доверия репатриантами, чуть ли не диверсантами, — предателями с навсегда испорченными анкетами и листками учета кадров.

Вместе с тем советские военнопленные и остарбайтеры — это классический пример громадного и по охвату, и по значению исторического явления, которое в СССР десятилетиями положено было не замечать, делать вид, что его вовсе не было.

Отчасти тут срабатывало уродливо-своеобразное «совпадение интересов» государства и граждан. Государству такие напоминания были «неудобны» и «неприятны»: ведь тем самым признавалось бы, что блистательный победитель потерпел на первом этапе войны целую серию сокрушительных поражений, оставив на поле боя и в сборных пунктах для пленных красноармейцев миллионы душ и преступно допустив оккупацию столь громадной части своей территории, что поставил другие миллионы граждан в безвыходное положение перед лицом немецких «вербовщиков».

Для бывших военнопленных и остарбайтеров — это было тем более опасно и страшно, поскольку за стратегическую бездарность и государственное бесстыдство своих вождей и командиров они и

так уже расплачивались пожизненным «клеймом» изменников, фашистских наймитов и пособников, своим трудом усиливавших врага и таким образом предававших родину. В стране абсолютного бесправия эти миллионы несчастных были еще более, нежели другие, ущемлены в правах и поставлены перед необходимостью избегать малейших упоминаний о вынужденном путешествии в Третий рейх.

Жестокая воля и суровая жизнь свела военнопленных и остарбайтеров вместе, свила их трагедию воедино, в некий общий исторический сюжет, и эта встреча и эта общность, естественно, отразились на этих страницах.

Каторжный труд или вспомогательная служба в добровольческих формированиях вермахта или СС — вот, пожалуй, наиболее распространенные варианты судьбы советского военнопленного в немецком плену, в том числе и на территории рейха. Но сам диапазон этих судеб гораздо шире: от подвергнутых медицинским экспериментам и от казненных евреев, комиссаров и концлагерников-штрафников до участников экзекуций с другой стороны — рядовых палачей из зондеркоманд и от бежавших к макизерам или четникам героев Сопротивления до вхожих в высокие берлинские кабинеты советских генералов в немецкой, с иголочками, форме Русской Освободительной армии. Все это очень далекие судьбы, и если их что-то и объединяет, то только одно: трагичность, навязанная извне.

Большинство из тех миллионов военнопленных и остовцев уже умерли, но многие — а самым «юным» из них (прихваченным в Германию детям от 10 лет) тоже уже за семьдесят — живут и поныне, впервые подав голос и заявив о себе лишь в конце XX столетия.

Советской историографии трагедии оказавшихся под оккупацией, остовцев и военнопленных до самого недавнего времени в явном виде не существовало. Не находилось для них места ни в учебниках, ни в справочниках, ни в энциклопедиях! Подумаешь, какие-то сомнительные миллионы подозрительных личностей!..

Хотя сказать, что они вовсе игнорировались в официальных документах Советского правительства во время войны, нельзя. Там и тогда, где их упоминание сулило те или иные политические выгоды, там такие упоминания ничтоже сумняшесь делались и при этом проливались ручьи дипломатических слез¹.

Резкая разница в подходе к проблеме остарбайтеров и военнопленных между разными ведомствами просто бросается в глаза. Так, Наркомат (позднее Министерство) иностранных дел работал «на экспорт» и выдавал для мировой общественности сигналы

¹ Блистательными образчиками таких «ручьев» являются ноты народного комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении

о заботе Советского правительства о своих гражданах, реальную же политику по отношению к этим самым гражданам вершили чекисты и военные, и вершили без лишней сентиментальности.

Впрочем, и те, и другие, и третьи (органы советской пропаганды) остро нуждались в оперативной информации о немецких преступлениях на оккупированных территориях. И такая информация о зверствах немецких оккупантов собиралась и довольно широко публиковалась в годы войны. Историографически она явно недооценена — отчасти по своей малоизвестности и труднодоступности, и по пренебрежению к пропагандистскому элементу такого рода изданий¹. В 1943 году вышел первый систематический указатель сообщений о зверствах, опубликованных в советской печати между 22 июня 1941 и 31 июня 1942 года².

советских военнопленных» от 25 ноября 1941 года, «О практике объявления гражданских лиц военнопленными и установлении для них тем самым нечеловеческого режима» от 6 января 1942 года, «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 года, «О массовом насильственном увозе в немецко-фашистское рабство советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих невольный труд советских граждан в Германии» от 11 мая 1943 года, а также Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы от 14 октября 1942 года.

¹ Вот их далеко не полный перечень, в составлении которого принял участие и Н.Л. Поболь: Зверства германских фашистов. Сборник материалов. М.: Госполитиздат, 1941 и др.

² Составитель (М.С. Воинов) учел официальные публикации, сообщения Совинформбюро, а также публикации и корреспонденции в газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Красный флот», «Правда» и «Труд». Тематически сборник разбит на шесть разделов: I. Ноты советского правительства о зверствах фашистских извергов; II. Чудовищные документы современных каннибалов; III. Зверства над пленными красноармейцами, краснофлотцами, командирами, политработниками и партизанами; IV. Зверства над детьми; V. Зверства над взрослым населением; VI. Уничтожение культурных ценностей и памятников. При этом заметим, что здесь мы имеем дело не с библиографией в строгом смысле этого слова, хотя бы и аннотированной, а с подробнейшим сводом кратких фактических справок о немецких зверствах, приводимых по возможности текстуально. Поэтому более чем уместны именной и географический указатели, помещенные в сборнике (интересно, что в именном указателе учтены только жертвы, но не палачи).

Мало того, ошибкой было бы утверждать, что тему немецких зверств проигнорировало пострадавшее население, в том числе и один из основных объектов этих зверств — советские военнопленные. Причем речь шла не только о фиксации происходящего (задача, решаемая посредством дневников), но и об их художественном преломлении.

Еще в 1943 году (!), то есть по горячим следам, Константин Воробьев написал свою автобиографическую повесть о плене «Это мы, Господи!..». В 1946 году он передал ее в «Новый мир». Но как справедливо пишет М.Г. Николаев: «Не только тема плена, но и сам уровень правды в передаче событий войны надолго исключили возможность ее публикации»¹. Эта повесть — переждав эпоху позднего Сталина, Хрущева и Брежнева — впервые была опубликована только спустя 40 лет!²

Первые литературные «ласточки» вырвались только в хрущевскую оттепель — это повести, рассказы или воспоминания Ю. Пиляра (1955)³, С. Анваер⁴, М. Шолохова («Судьба человека», 1956), С. Голубкова (1958)⁵, В. Бондарца (1960)⁶, С. Злобина (1962)⁷, Л. Волынского (1963)⁸ и др. Большинство этих произведений было написано в согласии или по крайней мере не в противоречии с общесоветской трактовкой плена — как приемлемого только в случае сопротивления, героической гибели или, на худой конец, побега, то, что не вписывалось в эти установки, просто-напросто отбрасывалось.

В середине 1950-х годов, на волне хрущевских разоблачений сталинизма, появились и первые книги о фашистских концлагерях и о лагерном Сопротивлении. Одной из первых ласточек

¹ См. его предисловие к подготовленной публикации: «Русский человек и перед лицом смерти не пасует». Из воспоминаний военнопленного Г.Н. Сатирова // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 58–92.

² Воробьев К. Это я, Господи!.. // Наш современник. 1986. № 10. С. 96–153.

³ Пиляр Ю. Все это было! // Новый мир. 1955. № 10. С. 113; № 11. С. 95–132. (в начале 1956 г. в московском издательстве «Советский писатель» вышло ее отдельное издание). См. также его повесть «Люди остаются людьми» (М.: Молодая Гвардия, 1963; М.: Советская Россия. 1966).

⁴ Анваер С. Незабываемое // Знамя. 1956. № 9. С. 114–136.

⁵ Голубков С. В фашистском концлагере. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958.

⁶ Бондарец В. Военнопленные. Записки капитана. М.: Молодая Гвардия, 1960.

⁷ Злобин С. Пропавшие без вести. М., 1962 и 1965.

⁸ Волынский Л. Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1. С. 113–143.

явилась книга Юрия Пиляра «Все это было!». Софья Анваер, узница нескольких шталагов и концлагеря Штутхоф, так описала свое знакомство с ней: «Я начала читать книгу Пиляра вечером, ночью перевернула с последней страницы на первую, прочла еще раз, встала и пошла на работу. Написала автору, он тут же позвонил, встретились. Послушав мои рассказы, он сказал: «Ты должна написать». Поставила перед собой задачу написать о том, как попадали в концлагерь (у Пиляра описан только сам лагерь). Написала, отнесла в журнал «Знамя». Рукопись приняли, посмотрев на меня, как на графомана, велели зайти через две недели... Принесла я рукопись в апреле, а в девятом номере 1956 года ее уже опубликовали под названием «Незабываемое» (мое название было «Сопротивление») практически без редактирования»¹.

Но даже жуковской реабилитации военнопленных 1955–1956 годов² оказалось недостаточно, чтобы закрепить в журналах тему плена как такового. Та же С. Анваер вспоминала, как трудно ей давались воспоминания о дулагах в Вязьме и Смоленске: «...Написав десяток страниц, бросила — слишком тяжело было не только писать, но и читать было невыносимо тяжело»³. Но хуже всего — с репатриацией: «Воспоминания о спецпроверке не стали печатать нигде. Обиды от своих тяжелее, хотя условия (у меня, по крайней мере) были легче».

Об оstarбайтерах же та «оттепель» совершенно отмолчалась.

Время этой темы пришло спустя два десятилетия — в разгар брежневско-сусловской эпохи, когда плотину умолчания, слежавшуюся вокруг нее, буквально прорвала русская проза — прежде всего в лице Виталия Семина.

Именно этот гражданский порыв — в сочетании с художественной глубиной и почти дневниковой доподлинностью — сделали его повесть «Нагрудный знак Ost» выразительным символом не только описанной эпохи, но и времени ее появления на свет. Художественность служит здесь своего рода «прикрытием» автобиографичности, которой повесть, безусловно, проникнута⁴.

¹ Анваер С. Кровоточит моя память... (Из записок студентки-медики). М.: РОССПЭН, 2005.

² См. об этом в: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 586–594.

³ К теме плена она вернулась только зимой 1992–1993 гг., и тут оказалось: «...Если по более свежим следам я пыталась смягчить ужас пережитого, чтобы возможно было читать, то через 50 лет ужас ушел сам, и оказалось почти невозможно его передать».

⁴ Это позволяет обращаться к повести В. Семина и как к художественному источнику, и как к документальному свидетельству.

Впервые повесть В. Семина увидела свет в апрельском и майском номерах журнала «Дружба народов» за 1976 год¹. В 1978 году появилось и первое книжное издание «Нагрудного знака Ost» — в однотомнике писателя, выпущенном издательством «Известия»². В том же году в мюнхенском издательстве «К. Бертельсман» вышел и немецкий перевод повести (в переводе А. Кэмпфе), но с несколько измененным заглавием «Zum Unterschied ein Zeichen» — «Отличительный знак»³. До конца жизни В. Семин работал над продолжением этой повести — романом «Плотина», описывающим уже послевоенные — репатриационные — перипетии, но успел завершить только его первую часть⁴.

Семинская повесть открыла тему и для других. Так, в 1985 году был опубликован роман Юрия Слепухина «Сладостно и почетно»⁵, о котором А. Полянская пишет как о строго документальном и правдивом произведении, героиней которого является украинская девушка, попавшая в немецкую семью в качестве прислуги⁶. В 1992 году увидела свет очаровательная повесть Николая Карпова «Маленький Ostarbeiter»⁷, посвященная оstarбайтерской эпопее его самого, 13-летнего, и его бабушки; в 2003 году она вышла отдельной книжкой и на немецком языке⁸. Общим для этих произведений является строго автобиографическая основа, изменены только имена и очень редко — в интересах изложения — сами события. По сути, это закамouflированные воспоминания, в случае В. Семина усиленные исторической или философской рефлексией.

Симптоматично, что повести К. Воробьева предстояло еще 10 лет пылиться в редакторских столах, а ничего другого художественно

¹ Первому В. Семин предложил свою повесть «Новому миру», но А. Твардовский отказался ее печатать.

² Семин В. Нагрудный знак «Ost»: Роман, повесть, рассказы / Б-ка «Дружбы народов»; Послесл. И. Дедкова. М.: Известия, 1978. С. 7–382.

³ В 1989 г. эта же книга была переиздана в берлинском издательстве «Ровольт». См.: Sjomín V. Zum Unterschied ein Zeichen / Aus dem Russischen von A. Kaemfe. Reinbeck: Rowohlt, 1989.

⁴ Впервые опубликовано в одном томе с изначальной повестью. См.: В. Семин. Нагрудный знак Ost. Романы. М., 1978.

⁵ Слепухин Ю.А. Сладостно и почетно. Л.: Советский писатель, 1985.

⁶ Полянская А.Н. Оstarбайтеры: опыт устно-исторического и антропологического исследования (1941–1945). Дипломная работа студентки V курса дневного отделения (Антропологическая история России). М.: РГГУ, 2004.

⁷ Согласие. 1992. № 8–9. С. 59–82.

⁸ Karpow Nikolai. Der kleine Ostarbeiter / Hrsg. u. Nachwort: G. Schwarze. Mynster: Ardey-Verlag, 2003.

соизмеримого тема немецкого плена в это время не дала. Поэтому не удивительно, что тема эта начала появляться в печати, во-первых, через мемуариистику, а во-вторых — в провинции.

Кажется, первыми опубликованными в СССР воспоминаниями бывшего советского военнопленного стала книга Дмитрия Иванцова «Во власти безумия», впервые вышедшая в г. Новозыбкове Брянской области в 1980 году фантастическим тиражом в 50 экземпляров¹. Автор последовательно описывает этапы своего плена — лагеря в Нововоархангельске, Умани, Виннице (на территории бывшего племенного завода им. Буденного) и Ровно (побег, возврат, желтые повязки с надписью «ТК» — Totenkommando), в конце февраля 1942 года — транспорт в рейх, в шталаг XI В Бад-Эрбке, где он постепенно попадает в организации под названием СФ («Смерть фашизму») и в Подпольный комитет. Завершается книга Маутхаузен и его различными филиалами². Вместе с тем время выхода книги наложило определенную печать. Так, Д. Иванцов не называет ни национальности Минца (одного из руководителей лагерного Сопротивления), ни обстоятельств, вызвавших появление его псевдонима.

Во второй половине 1980-х годов воспоминания бывших советских военнопленных стали появляться и на Западе. Их существенной особенностью было то, что принадлежали они перу так называемых «невозвращенцев» — бывших советских граждан, сумевшим избежать насильственной репатриации и остаться на Западе. Наиболее известны два тома из основанной А.И. Солженицыным и выпускаемой издательством YMCA-Press книжной серии «Всероссийская мемуарная библиотека. Серия: Наше недавнее». Один из томов составили мемуары Ф.Я. Черона и И.А. Лугина³, другой — П.Н. Палия и Н.В. Ващенко⁴. Есть и другие похожие издания⁵, а попыткой обобщить такого рода литературу стала монография И.А. Дугаса и Ф.Я. Черона «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным» (1994)⁶.

¹ Иванцов Д. Во власти безумия. Новозыбков, 1980.

² Интересная деталь: упоминание успешного «побега» и перехода военнопленного Козлова в лагерь для остовцев (с. 74).

³ Черон Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение. Лугин И.А. Полглотка свободы // Всерос. мемуарная б-ка. Париж: YMCA-Press, 1987. Вып. 6.

⁴ Палий П.Н. В немецком плену; Ващенко Н.В. Из жизни военнопленного // Всерос. мемуарная б-ка. Сер. Наше недавнее. Париж: YMCA-Press, 1987. Вып. 7.

⁵ Панарин В. Из плена... в армию Власова. Париж, 1994.

⁶ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. Париж: YMCA-Press, 1994. Т. 11.

Не будет большим преуменьшением сказать, что советская историческая наука упустила оба благоприятных отрезка времени (и в 1950-е, и в 1970-е годы) и не устремилась вслед за литературой в открывшиеся проломы и бреши. Кажется, всерьез считалось, что публикации части материалов Нюрнбергского процесса¹ и риторических упоминаний самого общего характера в обзорных или энциклопедических статьях, будет достаточно, чтобы эту малоприятную тему «исчерпать». Слово «Холокост» и стоящая за ним беспримерная трагедия евреев до самого последнего времени замалчивалась, а идентичность жертв разбавлялась или подменялась словечками типа «советские люди» или «мирные советские граждане».

Положение стало медленно меняться только в начале 1990-х годов.

В 1991 году Институт всеобщей истории РАН выпустил — тиражом 250 экз. — ротапринтный двухтомник «Советские люди в Европейском сопротивлении», состоящий главным образом из комментированных публикаций эго-документов.² Среди множества других материалов здесь опубликованы воспоминания целого ряда военнопленных (Германа Баумана³, Георгия Кондакова⁴, Анатолия Корчина⁵ и Юрия Орешкина⁶), уз-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1957–1961. См. также: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987–1991. (Вышли т. 1–5).

² Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Н.П. Комолова. Отв. ред. М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1991. Часть I: В партизанском движении; Часть II: Противостояние фашизму в нацистской неволе.

³ Бауман Г.Г. «Без вести пропавший» // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. Е.П. Красильникова. Часть I. М., 1991. С. 231–256.

⁴ Кондаков Г.И. Остров Олдерни (Великобритания) и Франция. // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. Г.А. Чернаковой. Часть II. М., 1991. С. 256–361.

⁵ Корчин А.Н. Остаться человеком. // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. Н.П. Комоловой. Часть II. М., 1991. С. 394–413.

⁶ Орешкин Ю.Г. Все возвращается на круги своя // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. Н.С. Иванова. Часть II. М., 1991. С. 429–464.

⁷ Турец А.И. Круги ада // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. М.Б. Корчагиной. Часть II. М., 1991. С. 372–385.

ников гетто и концлагерей (Анны Турец⁷) и оstarбайтеров (Норы Смирновой¹).

В середине 1990-х годов в России впервые были опубликованы выдержки из нескольких редких источников — чудом сохранившихся и к тому времени выявленных **дневников** — военнопленного-врача Федора Чумакова², оstarбайтера Василия Баранова³ и военнопленного Сергея Воропаева⁴. Усилился и мемуарный поток⁵, а к рубежу столетий публикации воспоминаний бывших военнопленных или оstarбайтеров стали обыденностью⁶.

Наряду с архивными, эго-документы как исторический источник стали важной составной частью научного анализа истории принудительного труда и военного плена в годы Второй мировой войны.

В той или иной степени в нашем издании представлены все важнейшие их разновидности — письма, дневники и воспоминания.

Особый акцент мы делаем на **дневники** и **воспоминания**, ибо многочисленные **письма** (а точнее, открытки) оstarбайтеров на родину представляют, как правило, небольшой интерес: найти среди них свободное, неподцензурное слово не так и просто. А военнопленным (советским военнопленным!) такая роскошь как переписка с домом и вовсе не причиталась⁷.

...В те короткие часы, когда оstarбайтеры или военнопленные были предоставлены сами себе, некоторые из них умудрялись... **вести дневники!** Это просто поразительно, если вспомнить условия, в которых это происходило. Ведь дневник — не просто запись пережитого, увиденного — это, в сущности, записка кому-то неведомому, кто увидит когда-нибудь твои записи, про-

¹ Смирнова Н. Сестры // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). Часть II. М., 1991. С. 392–393. Отметим, что здесь же опубликованы и аутентичные стихи советского военнопленного Виктора Мамонтова, написанные им в 1942–1945 годах (Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. Н.С. Иванова. Часть II. М., 1991. С. 386–390.

² Немецкий плен глазами врача. (Воспоминания Ф.И. Чумакова) / Публ. М.Г. Николаева // Отечественные архивы. 1995. № 2.

³ Баранов В. Дневник оstarбайтера / Предисл. и подгот. текста П. Поляна // Знамя. 1995. № 5.

⁴ Дневник советского военнопленного Сергея Воропаева / Вступит. заметка, публ. и примеч. П. Поляна // Знамя. 1996. № 6.

⁵ Скрябина Е.А. Страницы жизни. М.: Прогресс-Академия, 1994.

⁶ Ломоносов Д.Б. Исповедь узника гитлеровских лагерей // Военно-исторический архив. 2002. № 10. С. 67–91; № 11. С. 65–101.

⁷ См. об этом: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. С. 294–296.

чет и, будем же оптимистами, поймет и оценит. Для того, чтобы вести дневник, нужно было чтобы сошлось, совпало несколько внутренних и внешних условий, причем каждое из них и само по себе — редчайшая удача.

Ведь нужно было не только найти бумагу, карандаш или ручку, но и смелость, и внутренние силы. Необходимо было еще придумать, где и как писать незаметно для других (ведь длительное писание вызовет подозрительность окружающих, а что же может быть опасней?), где и как хранить. Но прежде всего нужно было услышать в себе **зов летописца**, почувствовать и принять его настоятельность,

Эту внутреннюю потребность испытывали, конечно, немногие, может быть, единицы, — и не у всех из них под рукой была бумага!.. Как не было ее у Анны Исааковны Турец, еврейки из Двинского гетто, чудом уцелевшей в нескольких эстонских и восточно-прусских лагерях и освобожденной 10 февраля 1945 года в Штаблаке. Спустя месяц, в лазарете, лишившись пальцев и едва начав приходить в себя, она первым делом жадно набрасывается на бумагу (амбарная книга или несколько чистых листов из нее) и записывает свои горестные стихи и страшные воспоминания. Заканчиваются же они так: «Я нахожусь в лазарете в руках медицинского персонала Любимой Красной Армии. Меня оперировали. Я потеряла кончики некоторых пальцев, но пишу и счастлива... Анна Исаак. Турец. 16.III.1945»¹.

В повести В. Семина есть такой выразительный персонаж, который ведет дневник. Это «папаша Зелинский», еврей со станции Журавской, проникшийся доверием к мальчишке, герою повести:

«...А когда через несколько дней я пришел к нему на нары, он поразил меня. Он сидел, отделенный ото всех своей подслеповатостью, и глаза его как будто были закрыты. Порывшись под подушкой, он вытащил тетрадь.

— Послушай.

Раскрытую тетрадь он поднес близко к глазам, сел к свету, проникавшему в межкоечное пространство. Время от времени продувая нос, он читал о том, как по утрам нас гонят на пересчет, как фельдшер выгоняет больных, записавшихся к врачу, как полицейский бьет пожилого человека...

— Это надо делать уже сейчас, — сказал папаша Зелинский.

Написано у него было немного. Он успел прочитать мне все прежде, чем кто-то подошел и помешал нам. Но я запомнил, как

¹ Турец А.И. Круги ада // Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы) / Публ. М.Б. Корчагиной. Часть II. М., 1991. С. 372–385.

поразил меня этот фокус. То, о чем писал Зелинский, было вчера или позавчера, я сам это видел, слышал, принимал невольное участие... Я был ошеломлен. Нет, это, конечно, было не то чтение, к которому я привык, а нечто необычайно важное и опасное. И читательская дрожь моя, напряжение были от этого. И еще потому, что я, не зная, что скажет дальше папаша Зелинский перед каждой новой его фразой боялся, не ошибется ли он. И радость от того, что он не ошибался, говорил правильно. И долго еще после чтения я чувствовал себя связанным с чем-то важным и опасным (в то время важное и опасное было для меня единым), что значительнее самой моей жизни. И я не удивился, когда папаша, Зелинский показал мне тайник в матрасе, в котором он прятал тетрадку»¹.

То сочетание страха и героизма, с которым было сопряжено ведение дневника в нацистском лагере, само по себе не являлось ни страхом, ни героизмом. Тут скорее нечто еще более подспудное и, наверное, еще более редкое: **инстинкт сбережения истины**, может быть — **зов самой истории...**

В альманахах вошли семь дневников и пять воспоминаний. Все материалы публикуются полностью и, в таком качестве, впервые². Фрагменты из дневников В. Баранова и С. Воропаева публиковались П.Поляном в журнале «Знамя» в середине 1990-х гг.³, а фрагменты из дневников Н. Саенко, А. Галибина и А. Пилипенко, предваряя и анонсируя выход этого тома, П. Поляном и Н. Поболем — в газете «Известия» весной 2005 года⁴.

Каждый материал снабжен примечаниями и послесловием, выполненными, как правило, составителями тома (все исключения оговорены в тексте).

Местами хранения публикуемых материалов являются Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Центральный Военно-Медицинский музей в Санкт-Петербурге, текущий архив Российского Фонда «Примирение и взаимопонимание», городской архив Хаттингена (ФРГ), а также частные собрания П.М. Поляна и В.А. Страздовского.

¹ Семин В. Нагрудный знак «Ost». М., 1978. С. 167–169.

² Все пропуски или купюры в текстах графически обозначаются и обосновываются.

³ В.Баранов. Дневник оstarбайтера // Знамя. 1995. № 5. С. 135–155; Дневник военнопленного Сергея Воропаева // Знамя. 1996. № 6. С. 156–176.

⁴ Таганрогский дневник. Жизнь и оккупация глазами рабочего Николая Саенко // Известия. 2005. 3 марта. С. 8; «Нам запретили больший свет...» Дневник военнопленного, найденный в его могиле // Известия. 2005. 10 марта. С. 8; «Мы знали друг друга по номерам...» Дневник Анатолия Пилипенко, узника концлагеря // Известия. 2005. 13 мая. С. 8.

Большинство участников сборника не дожили до 60-летия окончания Второй мировой войны, а тем из них, кто к моменту выхода сборника в свет, продолжают здравствовать, составители и издательство желают доброго здоровья.

Сборник подготовлен как результат исследовательского гранта РГНФ № 04-01-00242 «Выявление и описание дневников, воспоминаний и писем советских военнопленных и гражданских лиц, находившихся под оккупацией» и в порядке реализации издательского гранта РГНФ № 05-01-16354. Значительное число выявленных составителями материалов было подготовлено ими к печати, но не вошло в сборник — по причине превышения объема сборника по сравнению с запланированным. Составители надеются, что возможность их опубликования не заставит себя долго ждать и сердечно благодарят К. Александрова (Санкт-Петербург), А.Б. Андреева (Санкт-Петербург), О.А. Анкудинову-Пилипенко (Днепропетровск), В.М. Баранова (Брянск), Т. Вайса (Хаттинген, ФРГ), В. Вебера (Аугсбург, ФРГ), А.В. Волынакую (Москва), С. Ильенкова (Москва), А. Истогину (Москва), И.П. Казырина (Санкт-Петербург), П. Кауппала (Хельсинки), А. Литвина (Москва), В.Н. Кузьмичеву (Волгоград), Л.В. Лисину (Москва), Г.М. Лодкина (Москва), Т.А. Малофееву (Луганск), А.Ю. Морозову (Москва), И. Ньюблинг (Денцлинген), А.К. Сорокина (Москва), Л. Сочку (Киев), В.А. Страздовского (Москва), С.А. Трухачева (Москва), Г. Шварце (Мюнстер, ФРГ) и М. Шлаппа (Вадуц, Лихтенштейн) за щедрую помощь в подготовке этой книги.

Часть первая Оккупация. Интернированные. Остовцы

ТАГАНРОГСКИЙ ДНЕВНИК**(2 октября 1941 г. — 1 сентября 1943 г.)**

(Публикация и примечания П. Поляна и Н. Побоя)

С 1 октября 1941 года

2-го. Частичные налеты вражеск[их] аэропланов на разные промышленные объекты.

3-го. Сброшено 3 бомбы на ж[елезно]д[орожную] станцию. Ночь прошла спокойно.

4-го. Сброшены бомбы на ст. Марцево и в порту.

5-го. Сброшены бомбы на ст. Ряжено, 2 бомбы разорвались в 50 м от рабочего поезда. Осколки попали в вагон матери и ребенка. Жертв нет, одна упала бомба и не разорвалась.

6-го. Частичные налеты аэропланов усиленная стрельба наших зениток и пулеметов по аэропланам.

7-го. Налет самолетов на город, бомбы не сбрасывали, наши истребители вступили в бой, один наш самолет загорелся в воздухе.

8-го. Поступило распоряжение начать приготовление к упаковке материалов в складе и с 8 часов вечера приказ Управления завода снимать станки, завод эвакуируется.

9-го. С начала дня поднялась паника. В Главн[ой] конт[оре] и во всех отделах документы изолируют. Рабочие добрались до спирта и напились пьяные, к 15 ч[асам] толпа рабочих стала собираться у текстильного склада и у склада спецодежды с требованием выдать им спецодежду, толпу НКВД разогнало и склады закрыли на замки. В течение всего дня спецодежда выдавалась по требованиям за подписью зам. директора Кушнарева и преимущественно выдавалась главенствующему составу: нач. отделов и кто поближе к начальнику склада хозяйств[енного имуще-ства] Горланову. Сам же Горланов взял овчинную шубу с воротн[иком], бурки с галошами, плащ прорезин[енный], фуфайку и шапку. Ночь прошла в тревоге; загорелись текстильный склад и спецовки, и склад БСТ и центр[альный] склад нормал[ей].

10-го. Началась погрузка станков на вагоны, частичная слышимость оружейных выстрелов, частичные налеты аэропланов, сброшены бомбы на ж[елезно]д[орожную] ст[анцию].

11. X. В городе сильная суетня, массовое таскание с вещами. Начался массовый отпуск по магазинам пшеницы, ячменя и др.

Началась отправка эшелонов с оборудованием и с людьми. На погрузки станков и вообще на завод пришло 50% рабочих. Остальные бросились по очередям и за продуктами.

12. X. Началась выгрузка с кладовых материалов. Ночь прошла спокойно, частичные выстрелы по аэропланам.

13. X. Пригнали мобилизованных на погрузку материалов.

14. X. 11-й склад полностью упакован и погружен в вагоны.

15. X. 7-й склад упакован и погружен в вагоны. Налет аэропланов. Бомбы не сброшены.

16-го. Сильная канонада дальноточных орудий. Погрузка на заводе прекратилась.

17-го. С 3 ч. ночи сильная орудийная стрельба до 13 ч. В 11 ч. начали взрывать заводы 65¹ и 31², в домах вылетали в окна стекла.

В 13 ч. 10 мин появились первые неприятельские танки и все более и более. К 17 ч. весь город был занят немцами, взад и вперед много прошло автомашин, из них наши, как видно захваченные в Таганроге. На предприятиях вспыхнули пожары и взрывы заводов.

С 13 ч в городе происходили усиленные грабежи, подожгли и сгорела макаронная фабрика, растащили массу муки, растащили имущество общежитий ФЗО³ и ремесленных школ, детские ясли з[аво]да 31, растащили всю обстановку, кровати, постели и всю мебель.

О вступлении немецких войск в г. Таганрог⁴

17-го числа в 13 ч[асов] 10 мин[ут] появились первые немецкие мотоциклы, а затем танкетки, танки и автомашины, с[о] знаками кресты, орел.

Последними шли пешие германские солдаты, вооруженные большею частью автоматами и ручными пулеметами. У некоторых винтовки, на груди у каждого висит бинокль, сбоку в ножны кинжал или же штык от ружья, на головах стальные каски, летние мундиры на них превосходно замаскированы под цвет травы и

¹ 65-й завод (бывший Русско-Балтийский завод), одно из крупных военных предприятий Таганрога, выпускавшее патроны, мотоциклы и др. Ныне Таганрогский инструментальный завод. К заводу примыкал крупный рабочий поселок — так называемый Соцгородок.

² 31-й авиационный завод — одно из крупных военных предприятий на юго-западе Таганрога (нынешний авиазавод им. Бериева). Основное оборудование завода было эвакуировано в Тбилиси.

³ ФЗО — фабрично-заводское обучение.

⁴ Главка «О вступлении немецких войск в г. Таганрог» была помещена автором между 10-м и 11-м октября.

даже с оттенками листьев. На ногах короткие сапоги с деревянными подборами. Противогазов нет.

Началась расстановка по частным квартирам.

Подзавезли машины и оружие под закрытые места, под деревья, под подъезды, через некоторое время проехала машина, развозившая солдатам провизию, русское сливочное масло бочонками, колбаса «Таганрогская», сыры швейцарские, пиво «Таганрогское» скатывают бочками с машины, папиросы высшего сорта «Наша марка», фабрики ДПФ¹. К вечеру многие уже были изрядно выпивши и уже начали громить магазины и склады. Первые немцы выбивают дверь или окна, заходят в магазин и что им нужно забирают и уходят, а за ними следом уже местное население, подай бог, все растаскивает, кто что успеет захватить.

Город превратился в Содом и Гоморру, по заводам взрыв за взрывом, везде пожары, дым поднимается клубами от взрывов на огромную высоту, летят обломки здания, что выброшенное легкое, носится в воздухе. Люди бегут, как будто бы прячутся, но не найдут места. От сильного взрыва во всех зданиях, особенно в высоких (4 и 5 этаж[ей]) стекла в окнах и дверях повысыпались, особенно в районе завода, где были взрывы. На 31 з[аво]де взорвались здания электроподстанции и склада № 11, в Главной конторе и во всех служебных комнатах и домах буквально все нарушено, штукатурка вся отвалилась, все столы и письменные приборы засыпаны известью, окна и двери от воздуха повыврваны, всевозможные бумаги и документы оставшиеся валяются.

Статуи скульптуры Ленина, стоявшей в цветнике, немцы уже успели разбить и выбросить в сор.

18-го. Люди с утра занимались растаскиванием имущества дет[ских] яслей 31-го завода. Особенно активное участие принимали в грабеже домовладельцы, живущие против 27 дома, а также и жильцы 26-го, 27 дома. В 9 ч[асов] утра вывешено объявление германских военных властей о запрещении грабежей с угрозой наказания до расстрела, а также о запрещении переодевать и укрывать красноармейцев, о хождении русских денег — 10 р[ублей] равен 1 марки. Военные части, исключительно механизированные, остановились на ночлег. К 15 ч[асам] началась раздача обеда. Солдаты получили колбасу, консервы и привезли на взвод бочонков Таганрогского пива и по 4 пачки папирос Ростовской фабрики. Привезли 2 машины «ЗИС 101», в 16 ч[асов] пролетел наш истребитель. Немцы открыли по нему стрельбу. Солдаты разместились на ночь по квартирам. В течение дня было несколько взрывов на предприятиях, водопровод не работает, водой пользуются из бассейнов, где есть поблизо-

¹ Донская государственная табачная фабрика в Ростове.

сти, во дворе новостроящегося завода работает мотор радиостанции, жильцы дома № 9 привели лошадь с тачками в запряжке, кучер хотел бежать и оказался убитым немцами, пришлось выпрячь и привязать на ночь к дороге и достать на конном дворе сена. Настроение у публики разнообразное, в большинстве — подавляющее, хорошее настроение у тех, кто занимался грабежом государственного имущества, в дет[ских] яслях вытащили пианино на улицу с целью утащить. Со слов немецких солдат, что сколько они прошли советских городов, еще не встречали таких людей, как в Таганроге, а именно в других городах при входе немецких солдат в город улицы совершенно пустые, в некоторых местах приходилось выгонять людей из убежищ и подвалов, а настроение публики подавляющее, напуганное. В Таганроге же при входе немцев в городе оживленность и грабежи не прекратились ни на минуту. Публика высыпала вся на улицы, некоторые, даже 50% с сияющими лицами здоровались с немецкими солдатами, а одна старуха из 26 дома стоит и в пояс кланяется.

19-го. На улицах, а особенно около вывешенных приказов толпится много молодых мужчин, из них 80% скрывающихся от мобилизации по приказу начальника гарнизона г. Таганрога о всеобщей мобилизации от 16 до 50 лет, теперь они радуются, что остались дома, около своих жен, и преусердно занимаются грабежом. Расположившиеся на ночлег в 10 доме немец[кие] солдаты, выпившие пива, пытались ночью поухаживать за женщинами, но те догадались, убежали в 9-й дом и там спали до утра, несмотря на то что мужья дома. Днем пролетали советские самолеты на большой высоте. В 9 ч[асов] утра военная часть выехала из города, осталась охрана. От взрыва на заводе 31 близкие постройки и в жилых домах окна и стекла все повывлетали, контора з[аво]да 31 горит в середине здания, пропусков и на верхнем этаже, где помещался профсоюз и партком. Помещение 11-го склада и подстанция взорвана, постройка электроподстанции разрушена до основания.

Ночь под 20-е прошла спокойно.

20-го. Приказ по городу очистить все улицы от сора и травы, жители с 8 ч[асов] утра заняты по всем улицам очисткой мусора, в городе кризис из-за питьевой воды, водопровод не работает с 15-го числа, электрического — с 16 числа. На горизонте над городом пролетал советский истребитель. 15 мин продолжался обстрел немцами нашего аэроплана, вреда ему не причинили. По слухам, есть разговор, что Ростов сдан 19-го числа в 12 ч[асов] дня. Грабежи все еще не прекращаются, тянут кто чего найдет. Щели и убежища все разоряют с целью воспользоваться дровами, т.е. лесом, которым были оборудованы убежища.

Жители раб[очих] городков завода 31 и 65 и весь поселок Собачеевки¹ вышли на розыски овощных плантаций с целью накопать картофеля, буряков и прочее.

21-го. Жители Таганрога и пригородные все озабочены приобретением продуктов, идут на степя² на пригородные хозяйства, копают оставшуюся свеклу, морковь и прочие грабежи и растаскивание оставленного имущества. Налет советских самолетов — были сброшены бомбы на аэродром. На Северном поселке продолжается уборка убитых местными жителями, на некоторых предприятиях продолжают пожары, тушением никто не занимается.

Издан приказ о сдаче населением оружия всех родов, и радиоустановок и приемников, о воспрещении грабить и растаскивать государственное имущество, за нарушение приказа расстрел.

22-го. Появлялись советские истребители над городом, слышна пулеметная стрельба. Публика уже свыкла с выстрелами, не бросаются прятаться, на базаре кучка людей обсуждают о новом управлении делами города, все горят желанием, чтобы скорее пошла продажа хлеба, пущен в ход водопровод и электроподстанция. Немцы обещают хлеб пустить в продажу с 9-го ноября. В порту началась работа на зернохранилищах — Заготзерно. Уборка зерна в амбары, на хлебозаводе рабочие приступили к приведению в порядок оборудования и печей. Появились случаи отбирания у жителей города теплой одежды, одеяла и сапог. В городе очень много стоит воинских частей, управление городом находится у военных властей. По приказу все население города должно находиться в спокойствии, рабочие на своих местах работы, а особенно хлебозавода и бойни. Колхозники должны немедленно заняться уборкой оставшегося хлеба, убой разного скота без разрешения воспрещен.

23-го. День прошел спокойно, люди занимаются переселением с квартиры на квартиру. Ночью на 24-е был налет советских бомбардировщиков, на город были сброшены много бомб, есть много разрушений и жертвы.

24-го. Утром ходил осматривать разрушенные дома на стаханов[ский] город[ок] 31-го завода, разрушено 2 дома, стекла выбиты по всей улице, жертв нет. По улице Елизаветинской и переулке 9 и 6 сильно пострадали жилые постройки, в одном доме — 2-е убитые и во 2-м — бомба — дома и постройки разнесены до основания. В деревне Петрушиной выбран сельский староста, произ-

¹ Большой район Таганрога, тянувшийся с юго-востока на северо-запад.

² По всему тексту сохранена стилистика оригинала.

водится опись скота, птицы, свиней и хлеба, у некоторых крестьян взяли свиней и птицу, все зерно и фураж берется на учет. Старостой выбран бывший председатель колхоза, коммунист. В связи с произведенной ночью бомбежкой города население бросает квартиры и бежит в ближайшие селения, опасаясь ночной бомбардировки с самолетов. Оставшиеся жители города вечером сидят все в готовности одетые и с необходимыми вещами на первый несчастный случай. Променял плащ и туфли на 1 мешок картофеля.

25. X. Водопровод не работает. Люди нуждаются в питьевой воде, на базаре начинают появляться продукты, но на обмен вещей. Время, число и какой день люди перепутали, правильное время на часах установить не по чем, радио нет, газет нет; о положении на фронтах ничего не известно, пользуются люди одними слухами да разговорами. Идут слухи, что Ростов сдан в 3 часа ночи, другие слухи есть, что советские войска оттеснили немцев от Ростова. Временами были слышны орудийные выстрелы по направлению Азова. В отношении бомбардировки города Таганрога идут разные толки, одни говорят, что советский самолет преследовали немецкие истребители, и дабы облегчить скорость советский самолет вынужден был сбросить бомбы где попало, другие говорят, что прежде были сброшены листовки с угрозой городу отомстить за то, что таганрогские жители с цветами якобы встречали немцев и махали ладонями в знак приветствия, а старухи стояли и кланялись в пояс проезжающим немцам, а мужчин за саботаж и укрывательство от изданного приказа начальника гарнизона о мобилизации мужчин от 16 до 50 лет, а явилось населения всего 10%, а остальные все попрятались, а также эвакуировались с заводами рабочие, живущие в заводских домах, рабочие же, живущие в собственных домах, и на заводы не вышли с 10 числа, по мобилизации не явились по обороне города и не эвакуировались с заводами, а попрятались до входа немцев, а как немец вошел в город, все мужчины вышли на улицы города, чем и объясняется то, что бомбы были сброшены исключительно в районы города, где индивидуальные жители в собственных домах на Собачевке, по улице Ольгинской в 8 ч[асов] вечера стали опять появляться над гор[одом] совет[ские] самолеты, слышны три взрыва и выстрелы пулеметов.

26. X. Воскресенье, на базаре люди толпятся, происходит обмен товара на продукты, за деньги ничего не продается, ночь прошла тревожно, всю ночь летали советские самолеты, были сброшены бомбы, по ним стреляли пулеметы. Пищеторг вывесил объявление всем сотрудникам явиться в контору Пищеторга. В колонках по городу появилась вода, начал работать водопровод.

27-го. В хлебопекарне проведен электросвет, на базаре в некоторых магазинах открылась торговля, продавалась соленая

рыба на советские деньги. В порту на базаре Заготзерно производилась выдача пшеницы населению, ночь прошла спокойно. Немцы запрещают производить обмен товара, на базарах должна производиться продажа на деньги, население бросилось по селам для приобретения продуктов.

28-го. На базаре начинается торговля на деньги, но многие делают товарообмен. По городу в некоторых кварталах были произведены обыски. На новом базаре по Гоголевской улице расстреляли немцы 10 человек прямо на улице при публике, и лежали до вечера не убраны. Над убитыми вывешено объявление, что в гор[оде] Таганроге выявлено, что преступная деятельность лиц, выпускающих почтовых голубей для связей с Красной Армией, а поэтому военно-полевой суд приговорил к расстрелу сегодня в 12 часов дня 10 человек, из которых двое за грабеж, и впредь все лица, замеченные в противодействиях, будут подвергаться расстрелу. Все граждане, знающие и заметившие противные действия лиц, скрывающихся НКВД, должны немедленно сообщить в германскую полицию.

29-го. Пущена в ход вальцовая мельница Симановича¹. Завезено зерно. Ночью всю ночь были налеты советских самолетов. Ночь прошла тревожно; на базаре началась торговля за деньги, но цены невероятные: стакан соли — 5 руб[лей], махорка — 25 р[ублей] восьмушка, рыбка таранка сухая — 5 р[ублей] штука, яйцо — 10 р[ублей] шт[ука]. С 7 ч[асов] вечера появились советские самолеты, сброшены бомбы в районе Чкаловского аэродрома. Всем евреям приказано собраться на Красную площадь для выселения, но неизвестно куда. Велено взять харчей и сколько можно на себе унести багажа.

30-го. В 5 ч[асов] утра был налет советских самолетов, сброшено несколько бомб. В порту на базе Заготзерно третий день идет раздача испортившегося от пожара зерна бесплатно. В порту очередь за зерном до 5 тыс. человек. Испорченного зерна — большое количество. За городом за аэродромом 31 завода расстреляны евреи, все собранные в городе старики и дети.

31-го. Утром в 4 часа был налет советских самолетов, бомбы не сброшены. Открылась торговля в аптеках, и в некоторых магазинах промторга — скобяными товарами, открываются хлебные лавочки. Немцы весь скот, оставленный колхозами и совхозами, разбирают себе. На базарах привозу с деревень нет, продовольствие все дорожает, цены выросли в три раза. Вывешено объявление о требовании рабочих в Севковстрой плотников, столяров и печников; ночью были налеты советских самолетов.

¹ Большое 4-хэтажное здание на ул. Свердлова.

[Ноябрь]

1. XI. В 9 ч[асов] утра занимался перевозкой багажа на другую квартиру на Елизаветинской улице. Остановил нас немецкий офицер, что-то спросил по-немецки, как видно, спрашивал, что за багаж и куда везете, мы ему объяснили, что везем с квартиры на другую квартиру, он повернулся и пошел, мы поехали дальше. На старом базаре по Украинскому переулку, где брали мы свой багаж, в это время зашла немецкая комиссия: человек 6 офицеров, прошли все квартиры, в некоторых смотрели по гардеробам, написали кресты на дверях и пошли дальше по порядку.

2. XI. С утра вывешено объявление, всем домкомам и частным домовладельцам составить списки жильцов и представлять в Городское управление для получения карточек на выдачу хлебного пайка. Некоторые учреждения приступают к регистрации рабочих. Кирпичный завод объявил продажу кирпича всем лицам, учреждениям. Вывешено объявление, ввиду того, что водопровод работает не полной нагрузкой, вода будет отпущаться с колонок, кои выкрашены белой краской и с 9 ч[асов] 30 мин до 6 ч[асов] вечера, запрещается открывать колонки без времени. У колонок собирается огромная очередь за получением воды. Ночь прошла спокойно, с вечера появились советские самолеты, бомб не сбросили.

3-го. Выбрали домком, составили список на получение хлебных карточек. Жилотдел произвел регистрацию жильцов по квартирам. По городу носится слух, что Ростов окружен германскими войсками, но не взят. Германские войска якобы уже перешли за Дон, но официально ничего нет. Газет нет. Часы заводить правильное время не по чему. Ночь прошла благополучно.

4-го. Производится выдача хлебных карточек населению. В 2 ч[аса] ночи был налет сов. самолетов. Сброшены бомбы в районе раб. городка 31 завода, во дворе дома № 30 и 31. Жертв нет. Одна бомба упала в Стахановском городке. Разрушен один дом. Население носит и сдает обратно награбленное имущество, как казенное, так и лиц, уехавших и бросивших имущество. За день — налетов с воздуха не было. В городе оказалось очень много германских механизированных войск и транспортных колонн отряда СС. Установлена гор[одская] помощь.

5-го. С утра огромные очереди у мест получения хлеб[ных] карточек. На базаре привозу с поселков продовольствия нет. Исключительно приносится местным населением тот продукт и товар, что награблено населением. Особенно много кожи, — подожженной. Но цены очень высокие: пара подошвы — от 100 р. до 150 р. Табак махорка — от 15 до 25 р. Соль — от 3 р. до 5 р. Селедка — 3 р. штука, лук — 2 р. 1 шт. Германские солдаты расквартированы по частным квартирам. Нередко бывают случаи —

ходят по дворам и велят хозяевам ловить кур и уплачивают марками. Например, за три курицы и ведро картошки уплатили 1 марку в переводе на наши деньги 10 р., т.к. ведро картошки стоит 50 р., курицы — по 50 р. С деревень привозится много раненых красных бойцов.

6-го. Вывешен приказ об уничтожении всякого рода афиш, лозунгов и т.п. революционного характера. В 6 ч[асов] утра пошли в деревню менять продукты, крестьяне боятся расходувать продукты, т.к. излишки записаны немцами. Стараются сбыть молоко, а то придет немец и скажет: «Давай млеко». Немцев заменили румынами, а румын заменили чехословаками. На побережье моря везде стоит вооруженная военная охрана: орудия, зенитки, пулеметы и пр. Ночь прошла спокойно, налетов с воздуха не было.

7-го. Немцы выдают солдатам муки по 10 фунт[ов]. Обсуждают наших молодых мужчин, оставшихся, т.е. спрятавшихся от мобилизации, говорят, что это изменники своей родины, своей власти, а нам они и подавно изменят. В гор[одском] саду сброшена бомба, убито 6 чел[овек] немцев. Похоронены в саду. Во время раздачи населению испортившегося в порту зерна в очередях сходились до 10 000 чел[овек] мужчин. Немцы непрерывно фотографировали собравшуюся очередь за получкой зерна. В порту разбомбили 2 сов[етских] катера, шедших с моря с людьми. Весь день происходили налеты советских самолетов, сброшены бомбы на военные объекты по аэродромам. Весь день слышны взрывы бомб и стрельба с орудий и зениток. Прошли сильные дожди, движение на автомашинах ухудшилось.

8. XI. В общественной жизни изменений никаких не произошло. Открылась столовая на фабрике-кухне 65 завода. Рабочим дают обеды и хлеб 85%. 1 р. за кг. Население продолжает сносить обратно награбленное имущество. Крестьяне по деревням свозят описанные излишки зерна и овощей, картофеля и проч. Немецкие солдаты собирают по дворам как свое молоко, яйца и кур, изредка берут и свиней, на дорогах у переезда через реку Миусь начали отбирать у везущих из деревень наменянные продукты питания.

9-го. На базаре немцы устанавливают цены на продукты. Открылись некоторые магазины. Происходит ремонт ларьков и киосков. На дверях финансового отдела вывешено объявление, всем частным ремесленникам и торговцам подать заявление в трехдневный срок на получение промыслового свидетельства. Ночью были налеты советских самолетов, бомбы не сбрасывали. Наблюдается большое движение немецких войск.

10-го. С утра началась выдача населению города хлеб[ных] карточек. В рабочем гор[одке] з[аво]да 31 оборудуется помеще-

ние школы и быв[ших] детских яслей под военный госпиталь для раненых немцев. В 1-й Советской больнице лежат русские раненые, раненые обижаются, что плохое питание, а также и уход и лечение неудовлетворительное. Рабочие, работающие на производстве, кои вырабатывают продукцию для военной надобности для немецкой армии, получают продуктами пайки и зарплату по квалификации до 20 руб. в день. Ночью были налеты советских самолетов, сброшены бомбы в районе аэродрома Чкалова. Пущен первый трамвай с помощью дрезины. Из частных разговоров слышно, что из затонувших пароходов с эвакуированными людьми ежедневно выплывают трупы утонувших. На днях выплыл и опознан Дычай и быв[ший] директор кожзавода и многие другие.

11-го. Вывешено: приказ о регистрации лошадей с повозками и кучерами. Производства, где функционирует работа, рабочим выдают муку и хлеб. Открылось Бюро отдела труда для регистрации безработных и посылки на работу.

12-го. На воротах завода № 31 вывешено объявление, что ввиду больших разрушений завод в ход в скором времени пущен не будет. 2-е объявление, что рабочие на завод не принимаются. Началась выдача хлебных карточек и прикрепление к магазину для получения хлеба. Разрешена ловля рыбы в море, расстоянии до 5 километров. Ночь прошла спокойно, налетов не было.

13-го. Температура на дворе сильно изменилась, выпал небольшой снежок. Мороз до 15 градусов, ветер северный. Население нуждается в размоле зерна на муку, но мельницы принимают зерно на помол с дачей горючего 5 литров на центнер, но требуются справка на получение зерна от организации.

14-го. Пущена в работу мельница газогенераторная и работает только казенное зерно для немецкой армии. Весь день был налет советских самолетов с исключительной активностью. Температура на дворе до 10 градусов.

15-го. Все время слышны орудийные выстрелы по направлению Ростова. По Таганрогу есть случаи, что немцы забирают теплую одежду и обувь у жителей города. Происходит прикреплением карточек к магазинам. Некоторые мелкие магазины начинают развешивать торговлю. С утра были налеты советских самолетов на военные объекты и на аэродромы завода № 31 и им. Чкалова.

16-го. Происходили дни и ночи интенсивных налетов советских самолетов. Сброшено много бомб в разных местах города, преимущественно за заводами 31 и 65 и аэродроме.

17-го. Пустил переночевать двух красноармейцев, отпущенных из плена от германцев, пробирающихся на свою территорию советских войск, в разговоре высказываются, что в Южной армии много сдалось добровольно в плен немцам, а особенно те,

которые близко были от своей родины, т.е. местные жители украинцы и белорусы. Пленных красноармейцев очень плохо кормят, а то и совсем не кормят, а попрошайничеством у крестьян.

18-го. Приказ № 5 о регистрации автотранспорта. Приказ № 6 о взятии на учет и регистрации квартир всех уехавших семей и оставшегося их имущества. Городская полиция делает описи квартир и имущества уехавших. Уличенные в растаскивании и грабеже имущества уехавших арестовываются. Объявлена регистрация коммунистов. Ночь и день прошли спокойно, воздушных налетов не было.

19-го. Приказ о регистрации женщин, болевших венерической болезнью. Выдача пшеницы по карточкам приостановлена до особого распоряжения. На базарах продукты продаются за деньги, самые не всеми потребляемые, как кормовой буряк по 3 р. шт[ука] и т.п., а более важные овощи, капуста свежая, картофель, рыба — все это в обмен на другие товары. В большом спросе махорка, на деньги — 1 восьмушка стоит 30 руб., и на табак можно любую вещь выменять. В 11 час[ов] случился взрыв здания, в котором помещалось Управление коменданта города. Налетов с воздуха не было.

20-го. Здание коменданта города догорает — вся середина, остались одни стены. Извлекают много жертв, число убитых не выяснено, много пострадало частной публики, пришедшей к коменданту по личным делам.

21. XI. Целый день и ночь слышны орудийные выстрелы со стороны г. Ейска, снаряды падали в разных местах города, есть человеческие жертвы. Вследствие сильного похолодания залив Азовского моря затянуло льдом — основательно.

22-го. Началась выдача пшеницы населению города по карточкам на № 1 по 800 г на человека на 5 дней: пшеница выдается с примесью горелой по 1 р. 50 к. за кг. Ночью всю ночь слышна орудийная канонада в сторону Ростова. О сдаче Ростова немцам точных данных нет, пользуемся слухами.

23-го. Получили с мамой на 2-х пшеницы по 800 г, а всего 1600 г и якобы на 5 дней, пшеница с примесью 30% горелой и вообще вся воняет дымом по 1 р. 50 к. кг. Налетов с воздуха почти не было. Только ночью слышна орудийная канонада.

24-го. Погода стоит прекрасная, день солнечный, 7 градусов мороза. В городе наблюдается большое скопление немецкого автотранспорта, все улицы забиты автомашинами разных видов. Немецкие солдаты, как видно, недавно прибывшие в город, имеют неважное обмундирование, шинели истрепаны, а также и обувь.

25-го. Ходил в дер. Петрушино, выменял 3 литра молока, отдал 10 шт. селедок. По городу вывешено воззвание о борьбе с

большевизмом и коммунизмом. Ввиду того что водопровод в городке завода 31 и 65, жильцам городка приходится водой пользоваться с моря, но подниматься на гору с водой очень высоко и круто. Люди падают, обливают водой дорогу и дорожка леденеет и выход очень тяжелый, вследствие верхового ветра вода в заливе ушла в море очень на большое расстояние.

26. XI. Вывешен приказ по городу, всем гражданам, проживающим в г. Таганроге, зарегистрироваться у бургомистра города с указанием, откуда прибыл и род занятия. В течение дня налетов с воздуха не было.

27-го. С 5 ч[асов] утра началась активная перестрелка орудий с противоположного берега и с таганрогского берега на противоположный. Прибывшие из Ростова передают, что Ростов сдан 2. XI. Разрушений в городе нет. В 7 ч[асов] вечера производили налет с воздуха советские самолеты.

28-го. С утра весь день и ночь слышна пушечная канонада и налет советских самолетов. Немецкие военные части с ближайших деревень от Таганрога выехали к Ростову.

29-го. Ходили в поселки Бессерченовку, Митрякову менять продукты. По побережью моря установлены немецкие дальнобойные орудия и зенитки, весь день происходила стрельба. Снаряды падали на лед. Идут разговоры, что немцы рвут лед с целью на случай поломать лед, дабы преградить путь красным через пролив. Ночью была интенсивная орудийная стрельба.

30-го. С утра и весь день никаких военных действий не происходило, езда по городу на автомашинах заметно уменьшилась. С противоположного берега красные дали с дальнобойных орудий по городу несколько выстрелов. Бомба попала в госпиталь. Много убитых и раненых. По распоряжению городского Медицинского управления устанавливается денежная уплата за посещение врача в амбулатории 2 руб. За вызов врача на дом 5 руб., удаление зуба 5 р., лечение и пломбирование зубов 10 р.

[Декабрь]

1. XII. В восемь часов утра ходил в амбулаторию, удалил один зуб, уплатил 5 руб., выписывал на дом врача, уплатил 5 руб. В 9 ч[асов] утра немецкий военный транспорт весь был построен на улицах к отправлению. К 5 часам вечера город опустел, все помещения, занимаемые немецкими штабами, опустели, как школы, дет[ские] ясли и прочие, уже все подверглись ограблению таганрогской публикой, даже дети от 7 лет и те так и смотрят, как только немцы с помещения вышли, а они уже начинают свое дело, бьют окна, ломают все, что попадало под руку, и тащат по своим квартирам. Началась выдача кормового бурака

по хлебной карточке по талону № 2 по 1 кг на человека, а за какое время — неизвестно. Вывешен приказ или объявление о том, что 25 числа было совершено покушение на немецкого офицера, поэтому взято и расстреляно из подозрительных лиц 10 чел. Надо полагать, что коммунистов. Вывешен приказ о принятии строжайших мер по борьбе с коммунизмом. В течение всего времени пребывания немецких частей в Таганроге наблюдались расстрелы лиц, взятых на особый учет, а особенно если выявлялись евреи и коммунисты.

2-го. Весь день происходило по городу спешное передвижение военных немецких частей. Автоколонны целыми обозами направлялись из города в сторону Мариуполя. С вокзала отправился поезд с убегающим из Таганрога городским начальством. Уехал бургомистр Кулик, переводчики и прочее начальство. Новая полиция с белой нашивкой на рукаве тоже намеревается убежать с немцами. Оставшаяся молодежь, мужчины, не вступившие в ряды Красной Армии, согласно приказа коменданта города, и прятавшиеся, пока пришли немцы, теперь разбегаются по деревням, дабы избежать опять мобилизации в городе, в случае возврата красных войск и спрятать следы своего пребывания. Оставшиеся и не эвакуировавшиеся коммунисты, поступившие на производство, дабы этим способствовать и угождать немецкому начальству, а теперь начинают разбегаться по деревням с целью скрыть свое деяние перед партией и Родиной. Убит мальчик немцем за неподчинение приказу о запрещении грабежа. Ночью слышна орудийная перестрелка.

3-го. С 5 ч[асов] утра слышна сильная орудийная перестрелка в сторону Ростова и весь день до 12 ч[асов] и до вечера установилось затишье. Воздушная атака самолетов с обеих сторон особенно была интенсивная, один самолет загорелся и упал над морем, но неизвестно чей. Все время наблюдается выезд из города автотранспорта, а также и частей, в автомашины грузятся всевозможные продовольственные продукты, мука, масло, мясо, консервы и проч., что захвачено в городе. Много грузится чугунных печек и труб к ним, железные кровати с сетками, даже пианино, радиоприемники, патефоны, все то, что есть хорошее и ценное. Можно наблюдать, как таганрогская публика стоит везде у хлебных пекарен, в кладовых с печеным хлебом, выжидают случайной работы, за которую можно получить 1/2 кг хлеба, а [за] весь день — 1 кг. Освободившиеся здания от немцев, школы, общежития ФЗУ¹ немедленно же подверглись разграблению оставшейся мебели от населения, тащат все, что можно взять: стулья, столы и пр.

¹ ФЗУ — фабрично-заводское училище.

4. XII. День и ночь прошли спокойно, не слышно ни выстрелов, не было налета с воздуха, даже за весь день не было ничьих самолетов, ни советских, ни немецких. Из частных разговоров слышно, что красные якобы отступили от Ростова и якобы Ростов взят обратно немцами.

5. XII. Происходила орудийная перестрелка, весь день происходили воздушные бои, по дорогам вереницами по два человека назад и вперед движутся люди, по словам их, они как военнопленные, но из них 90% тех, которые боятся красных, красные придут, спросят, где они были, а также могут мобилизовать в армию, а тут они пользуются тем, что немец их не трогает, они как будто бы мирные жители, а крестьянам говорят, что они отпущенные пленные, и крестьяне их покормят из-за жалости, а они и шатаются. Фронт подвигается от Таганрога к Ростову, они возвращаются в Таганрог, фронт подвигается от Ростова к Таганрогу, они уходят из Таганрога в сторону Мариуполя. Это те дезертиры, которые не подчинились приказу военных властей и коменданта города о явке всех военнообязанных от 16 до 55 лет. Они попрятались и ждали прихода немцев, а когда пришли немцы, тогда и они вылезли наружу и с восхищением встречали немцев, радуясь тому, что избежали мобилизации и не попали в военную часть, а свободно прогуливаясь по городу и ежедневно посещая базар, дабы променять, что награблено, на махорку, собираясь кучами и обсуждая всячески советское правительство за неправильное руководство и утверждая, что в советских войсках везде измена, что в советских — недостача в оружии, что дают одни бутылки с горючим и все такое, что в оправдание дезертирам.

6. XII. Весь день периодически слышны пушечные выстрелы, несколько раз был налет самолетов, брошены были бомбы в районе завода 65. В районе завода № 31 и 65 немецких воинских частей совсем нет, все выехали, 65 завод все еще продолжает работать. По слухам, красные бросили на Таганрогский фронт 10 дивизий, а немцы 200 танков. Приехавшие люди из деревень передают, что немцы все активнее начинают забирать у населения свиней, овец, уток, гусей, яйца, масло, уплачивая ничтожные марки. Рабочие завода 65 получили паек пшеницей. Все рабочие идут с пшеницей веселые, что немец мажет нашим салом, то по нашей шкуре, не замечая того, что помогают вооружаться противнику.

7-го. С 4 ч[асов] ночи слышна интенсивная орудийная перестрелка, частые налеты самолетов и воздушные бои самолетов. В городе совершенно мало осталось немцев, а по деревням и селам большинство стоят чехословаки. За время занятия немцами Таганрога они занимались отдыхом и чистоплотностью, все бани заняты были ими, все расквартированы были по частным кварти-

рам, где хозяйки ухаживали за ними: обстирывали белье, убирали за ними, а они их подкармливали, давали хлеб и прочее продовольствие, так что многие женщины очень были довольны такими квартирантами.

8. XII. Вывешено объявление о подаче заявлений желающим иметь электросвет, должны подать заявление в Городское управление электроэнергии с указанием № счетчика и сколько имеется ламп и сколько свечей. Большое пребывание германских военных частей, все улицы и переулки заставлены автомашинами; разносятся слухи, что красные отступили от Ростова, всю неделю были ужасные бои. Красные были в 45 км от Таганрога. Можно наблюдать, что таганрогцы многие стали чувствовать себя бодрее, а особенно дамочки одиночки и барышни на улицах. Можно наблюдать новое знакомство с немецкими солдатами. Некоторые и позабыли, что их друзья и мужья находятся на фронте, защищают честь своих жен. Исключительно односторонние хорошие отзывы от хозяек квартир, у которых квартировали немцы, а особенно офицеры, главное то, что они хозяек кормили хорошо и хозяйки были обеспечены продовольствием, дровами и углем, керосином и что только потребуется, ведь в городе всего много, а они хозяева положения. Нужно ему курицу, пошел в другой двор, где есть куры, ловит хозяйка курицу, а не поймает, он из нагана застрелит, давай яички, давай молоко, а попадется поросенок и поросенка заберет и все это снесет там хозяйкам, где стоит на квартире, а те не налюбуются житухой, они и при мужьях так не довольствовались. Но вот сразу все оборвалось, милые, хорошие кормильцы уехали и вот они, хозяйки, стоят уже на базаре и советуются, что теперь делать, нужно нести в деревню что-нибудь, менять на продукты. Хорошо, говорит одна, было пока немцы стояли ни об чем не беспокоились, все принесут, а теперь нужно самой добывать. Но вот в угоду им приехала новая часть, началось новое знакомство и эти, вероятно, тоже будут носить и курей, и гусей, яйца и молоко.

9. XII. О прописке. О помоле зерна.

Вывешено объявление об обязательной прописке в домовую книгу всех граждан, проживающих в гор. Таганроге. Объявление доводит жителям города и окрестных деревень, что вальцовая мельница крестьянского помолу, что на колхозном базаре принимают на помол зерно на размол 95%. И за принятое зерно выдается мукой 70%, т.е. за 100 кг выдается 70 кг. По улице Розы Люксембург пущен камень для размолу зерна. За размол 16 кг взимается 2 1/2 кг зерна и один литр горючего. Размол общий. Началась раздача горелого зерна населению из амбара Заготзерна в порту бесплатно. День и ночь прошли спокойно, налетов с воздуха было незначительное количество.

10-го. С утра слышна активная оружейная перестрелка в сторону Ростова. Активные налеты советских самолетов, сброшены бомбы в районе рабочих городков 31-го и 65 завода.

11-го. Ночь и весь день слышны ужасные оружейные выстрелы в сторону Ростова и Николаева. Частые налеты советских самолетов, слышны сильные взрывы от брошенных бомб. Вывешен приказ о строгом запрещении хождения на лед Азовского залива, за нарушение — расстрел. По городу наблюдается усиленная вывозка всевозможных материалов, как строительных, так и производственных. С завода 31 машины груженные лесом и прочим материалом ходят непрерывно, по мере приближения фронта к Таганрогу началось бегство таганрогских дезертиров из Таганрога в тыл — далее по деревням, занятым немцам, целыми вереницами по два, по три человека с котомочками под видом пленных, отпущенных немцами на свободу. Но под видом пленных скрываются наглые дезертиры, уклонившиеся и спрятавшиеся от мобилизации советской власти и вылезли наружу, когда вступили немцы в Таганрог. При первой возможности занялись разграблением государственного имущества и магазинов. Награбленное теперь носят на базар и меняют кому что нужно и очень были довольны тем, что из войны вылезли сухими и на фронт не попали и всего награбили так, что можно жить да радоваться, что пришел немец-освободитель всех угнетенных (как он выражается в своих расклеенных воззваниях к населению города, селений). А вот теперь, когда стали приближаться и слышнее звуки выстрелов орудий все ближе к Таганрогу и надвигается фронт, а поэтому Таганрог может перейти в руки красных, а этого эти господа дезертиры и боятся потому, что из них немало и партийных, и кандидатов, и комсомольцев, а если вернется советская власть, то, вероятно, им придется отдать отчет и спросят, где вы были и что делали и как помогали красным войскам и почему не в рядах Красной Армии. Вот почему они так заворошились, как тараканы, выброшенные зимой на снег, бегут в сторону жилого дома, так и дезертиры бегут в тыл советского неприятеля, а как видно их покровителя и защитника немца, надежда укрыться там, если только придут красные, то могут опять мобилизовать в армию, а этого они не хотят и защищать родину от нашествия врага не желают. Они, даже многие из них, поторопились устроиться на производство помогать немцу ремонтировать его самолеты, автотранспорт, пустить в ход мельницы, чтобы размолоть советское зерно для немецкой армии, пустить хлебозавод и пекарни, выпекать хлеб для немцев, бойни, колбасные, пивозавод, кожзавод, сели в мастерские изготавливать для немцев сапоги, из леса теплушки на фронт с печками и так активно работают, ибо немец дает паек всем работающим на оборону: муку и овощи, а теперь и произ-

водство многие побросали и стараются опять спрятаться от советской власти и будучи в восторге, что от советской мобилизации улизнули, а немец тоже таких приветствует, зато теперь у них паническое настроение, как перепуганные зайцы, мечутся из стороны в сторону, и по селам их хорошо угадывают и не верят, что они пленные, ибо уж очень интересуются, в каком положении фронт.

12-го. С утра везде тихо, местами взрывы бомб, налет советских самолетов, выстрелов не слышно, движение немецких войск оживленное, как будто бы отступают. Нелишнее описать поведение таганрогских женщин к отступающим немцам. В рабочем городке 31 завода в доме № 6 в одной из квартир стояли немецкие командиры, ибо на парадных дверях была прибита табличка на немецком языке. И вот подъехала машина, из машины вышел офицер, забежав в дом, через 15 минут вышел обратно к машине в сопровождении женщины, как видно, хозяйка, молодая вышла проводить дорогого гостя в путь-дорогу, и как видно, на прощанье пожелала счастливого пути и так усердно махала и рукой и платком вслед уезжающему автомобилю. Недаром немцы восхищаются таганрогской публикой, что гостеприимные, приятные, не гордые и главное быстро знакомятся, как немцы сами говорят, что нигде, ни в одном городе так публика дружелюбно и сочувственно не относилась, как в Таганроге, там, бывало, заходили во двор, а хозяева прячутся и сидят где-нибудь в подвале, пока не вытащишь, а в Таганроге сами встречают и приглашают на квартиру, правда, не все, но 50% таких есть. В отношении мужчин, в особенности молодежи, нужно сказать откровенно, что не заслуживает должного внимания советской власти. Сразу же по приходу немцев можно было слышать разные насмешки, например, на улице Ленина кучка молодых людей лет по 17 и между ними два немецких солдата, в руках советская листовка — воззвание к рабочим Донбасса тов. Сталина, а на обороте портрет Сталина, вот ребята и показывают немцам. Вот это знаешь кто — это Ёська, Ёська, а это на другой стороне он рабочим Донбасса большевистскую песню поет, и все это делается с насмешкой, с критикой. Один говорит, а другой подсказывает, и не только молодежь, ребята, не лучше вели себя и взрослые, только и слышно было, что такие-сякие, что пожгли все, поломали заводы, сожгли макаронный завод, пожгли пшеницу, лучше бы людям раздали, чем жечь, и всякую грязь лили на голову советской власти и коммунистов.

13. XII. С утра и целый день — теплая погода с дождиком, всюду тихо, налета с воздуха не было. Оружейных выстрелов не слышно. По рассказам очевидцев, немцы отступают, все дороги забиты автомашинами, на реке Миюсы на переезде через мост скопление войск. Советские самолеты бомбят мост и авто-

транспорт, по дороге везде набросаны автомашины. По Таганрогу наблюдается усиленное движение грузовых машин. Перевозятся строевые материалы, главным образом лес, бревна, доски, плахи и прочее.

14. XII. Воскресенье, базарный день, на базаре все только меновая, за деньги только в ларьках и магазинах, продукт на столах только можно выменять за мыло, за махорку, за керосин, за спички. Базарная охрана преследует меновую. День и ночь тихо, выстрелов не слышно, самолетов тоже не было, наблюдается усиленное движение автомашин. На базаре встретил приехавшего эвакуированного в Тифлис — бывший начальник 28 отдела Галицын. По его словам, все эвакуированное оборудование прибыло на место. День прошел спокойно. Везде тихо, налетов с воздуха не было. Погода стоит ненастная, и дождик и снег весь день, туманно, к вечеру разъяснилось.

15-го. Весь день и ночь спокойно, не слышно ни выстрелов, ни взрывов снарядов, ни налетов самолетов; переход по берегу в сторону поселка Петрушина запрещен и вообще проход по берегу и по льду запрещен немцами; ночью сгорела электроподстанция 65 завода. Завод работает без гудка с 8 ч[асов] до 5 ч[асов] вечера. Как видно, маскируется и не хочет подать виду, что на заводе идет работа и вооружение армии мотоциклами.

16. XII. В 10 ч[асов] утра пришли трое немцев, начали делать вроде обыска. Посмотрели квартиры в доме № 9 в квартирах № 9–10, 11, 12, 13, 14, 15. В квартире № 14 Саенко взяли часы карманные серебряные, швейцарской фирмы и деньги в ящике шифоньера. В квартире № 13 взяли патефон и 900 руб. денег и ушли неизвестно куда. Ночь прошла спокойно, выстрелов не слышно и налетов в воздухе не было. В доме № 13 обобрали две квартиры, взяли 13 метров мануфактуры и 8 метров, и 450 рублей денег, заявка коменданту о похищении безрезультатна.

17-го. Ходили все пострадавшие к коменданту, но ничего не добились. По городу вывешено объявление о сдаче населением строительного инструмента военным властям, топоры, молотки, сципы¹, лопаты. За невыполнение — расстрел. В город приходят крестьяне со станиц, заявляют, что их немцы выселили из деревни Вареновка, а там делают укрепление и позиции. Немецкие солдаты все, что попадает под руку у крестьян забирают, а самих выгоняют из поселка. В городе тоже забирают даже тарелки, вилки, столовые ложки и керосиновые лампы. Немецкая полевая почта увозит большое количество посылок с фронта. Некоторые хозяева, где квартируют немцы и особенно офицеры рассказывают, что посылками в Германию отправляют отобранные у насе-

¹ Щипцы.

ления радиоприемники, патефоны, меха дорогие, разные шерстяные материалы, сукна, шифон, шелковые материалы и даже пианино. Как видно, немцы устраивают оборонительную позицию на время зимы, распускают слухи, что с 1-го числа будут выдавать населению хлеб по 200 г на человека, чем давать будут, пшеницей или мукой, неизвестно.

18-го. В 4 1/2 часа ночи слышны были сильные взрывы в продолжение 20 минут. В 16 ч[асов] тоже слышны были орудийные выстрелы в сторону Ростова. У коменданта города огромная очередь с жалобами по поводу взятия вещей немецкими солдатами с квартир. Некоторым удастся возвратить вещи обратно.

19-го. Объявлена выдача муки по хлебным карточкам. Первый день получили до № 400 муки 96% из горелой пшеницы по 700 г на человека, а на сколько дней — неизвестно.

20-го. В 12 ч[асов] дня приехало два немецких полисмена от коменданта города, переписали все вещи, взятые немецкими солдатами в 13 доме и в 14 доме, и уехали обратно, в 4 часа вечера приехал на мотоцикле один из гестапо и привез нам вещи в 13 кварт[иру] патефон с пластинками, 750 руб. денег, в 14 кв. Саенко часы карманные серебряные и 58 р. денег и уехали обратно. В 13 дом 16 метров мануфактуры, чемодан, подошвенную кожу. Вывешено объявление, что скоро начнется выдача печеного хлеба по 200 г на человека, сразу выдаваться будет на 5 дней. Движение автомашин по рабочим городкам совсем сократилось, только по линии 31 и 65 завода автотранспорт движется усиленно, вывозятся лесоматериалы, как видно, для сооружения укреплений на фронт. В городе много стоят, как видно, на отдыхе военных частей и автотранспорта.

Вывешено воззвание от бургомистра города такого содержания: «Ввиду начавшихся зимних морозов германское командование, желая удержать избавленный от большевистского ига гор. Таганрог, просит население всю излишнюю теплую одежду сдать военным властям. В случае указанная мера не достигнет желаемых результатов, то будут применены обыски и отбираться, за новые вещи будет уплачено по стоимости продуктами питания».

21. XII. Ночь была морозная, с 6 ч[асов] утра начала слышаться орудийная канонада по направлению к фронту, в городе пока спокойно, самолетов совсем не было налетов. На базаре большое скопление людей и все исключительно занимаются меной продуктов на вещи и вещей на продукты.

22-го. С 6 ч[асов] утра началась сильная орудийная перестрелка и тянулась до 5 ч[асов] вечера, днем появлялись несколько раз советские самолеты. В торгующих магазинах и в аптеках ощущается недостаток разменной мелкой монеты. Настроение у

таганрогских жителей у многих изменилось. При входе немцев большинство как будто бы торжествовало, а особенно из таких переродков, которые из кулачков, да из подкулачников сделались рабочими, можно было услышать всякую небылицу по адресу советской власти, о Красной Армии, что Красной Армии нечем воевать, что красноармейцев гонят на позицию без оружия, дают только бутылки с горючим, а однажды случайно пришлось слышать такой разговор, что, мол, мы 8 человек убили своего начальника, а сами разбежались по домам. Вот такие-то и им подобные попрытавшиеся от приказа явиться в военкомат от 16 лет до 50 лет и сидели, пока пришел немец и вот вылезли наружу, восхищались тем, что остались невредимыми и вместе с немцами пограбили склады и магазины порядком, и запрятав награбленное, постепенно выходят на базар, обменивают награбленное на продукты и поживают себе припеваючи, восхваляя власть, что она не препятствует всякой частной торговле. Некоторые из них поторопились даже устроиться на завод на работу под видом того, что хлеб тот, что выдавал немец, выставил их пойти на работу к немцам, несмотря на то что работали на оборону немцам.

На заводе 31 наши рабочие, например, подвешивали к самолетам бомбы и провожали их бомбить советские города, села и Красную Армию, заправляли и ремонтировали самолеты. На 65 з[аво]де вырабатывают мотоциклы, одним словом, что на той стороне братья и товарищи защищают родину от врага, а наши таганрогские дезертиры помогают врагу. И вот настало время, что фронт приблизился к Таганрогу на несколько километров, слышна сильная орудийная перестрелка, в городе не спокойно. Регулярных воинских частей немецких совсем нет. В городе время тревожное, германские части отступают и принимают защищающуюся сторону. Настроение таганрогцев изменилось и особенно у женщин. Сразу по приходу восхваляли немцев, что они не трогают, что сов. власть обманывала и радио говорило неправду, что немцы такие хорошие, что рады даже их приходу. Осмотревшись, немцы и, обжились немного, начали полегонечку принудительно покупать у населения то курицу, то гуся, то поросенка, а затем и дошло дело и до свиней, до овец и т.д. до всего того, что можно с удовольствием покушать, яички, молоко, сметана и городские жители многие, везя из деревни для себя продукты, тоже подвергались той же участи, по дороге немцы все отбирали для себя. Надежда на то, что немцы будут давать населению хотя по 200 г муки или хлеба в день, то все же будет поддержка, а оказалось, что немец по карточкам дал всего по 800 г пшеницы да буряка и все, а поэтому и настроение у людей изменилось, то говорили обыкновенно, что раз уж пришли

немцы, то пусть уж лучше они и хозяйствуют, а теперь уже говорят, если бы красные пришли обратно, все бы хлеба хоть понемногу, а дали бы, а немцы мелют зерно, а муку себе забирают, а нам горелой пшеницы и то не дают, как полагается. А когда вы попытаетесь ему сказать, что почему же вы остались в плену, а не отступили с красными, то он, во-первых, сказал бы вам, что в красных нечем было защищаться и наговорит всякую реплику, а теперь уже говорит, что они были заняты на производстве до последнего дня, но это все только для оправдания и очищения своей совести. Но хорошо известно, что все рабочие, работавшие до последних дней, уехали с эшелонами, даже семьи оставили здесь, не успевали вывезти, это категория тех рабочих, которые живут и дышат только производством и не оглядываются по сторонам, не придет ли кто вроде немца, чтобы опять ему начать владеть соб. домами или еще чем, другая категория рабочих, живущая частично в пригородных поселках и в городе, имеющих собственные дома, имеют в окружности родных и знакомых, для него ничего не страшно, если ощущается голодовка и недостаток в городе продуктов и хлеба, то у него в деревне у родных всего натаскано с колхозных полей и плантаций и из свинарника и с МЕТФ и с птичника, а он здесь в городе понатаскал всякой всячины: и обстановку, и товары, и инструменты, и материалы, а теперь им и с немцем хорошо, а если у кого и есть, может быть, в чем недостаток, то они уже поустроились на производства, не считаясь с тем, что та продукция, которую он вырабатывает, служит врагу для укрепления обороны немецкой армии, а если коснется прихода Красной Армии, то ему есть куда укрыться, он уйдет в деревню к родным и там будет жить спокойно, то на случай опять мобилизации, он опять сумеет от нее увернуться, а если и возьмут его, то он все равно удерет и в плен сдастся. В настоящее время очень большой наплыв пленных наших, как выясняется мобилизованные и, дойдя до фронта, сразу же посадавались в плен немцу, а теперь и ходят, странствуют, которым нельзя пробраться через фронт домой, это исключительно кубанцы и донцы, северокавказцы, а местные жители, мобилизованные и оставленные в здешних частях, сразу же бросили фронт и разбежались по домам, были даже такие случаи, что командир ведет в наступление или контратаку, а они не хотят и убивают командира, а сами разбегаются по домам. Это те, у коих близко родные села и семьи. Со слов пленных видно, что в г. Мариуполе очень много пленных и все очень в плохом положении, раздеты, разуты, кормят кое-как и впроголодь, так что каждый день умирают человек по 20 и все эти гореваяки сдались большею частью добровольно, а теперь некоторые говорят, что лучше умереть на фронте, чем в плену быть у немца.

23. XII. Весь день было спокойно, выстрелов не слышно, немцы ходят по квартирам и добывают посуду и тарелки, чашки, ложки для фронта, в окопы, где укрепились.

24-го. Приказ о празднестве 25. XII Рождества Христова по новому стилю — все учреждения будут закрыты. В 12 ч[асов] был налет советских самолетов, была сильная стрельба из пулеметов. Со слов крестьян, пришедших из деревень, что немцы укрепились в деревнях, сожгли много домов и, превратив дома в укрепления и все имущество, как единоличное, так и колхозное, пропало, осталось у немцев, а жителей из домов повыгоняли и сказали, иди куда хочешь. Германские солдаты, остановившиеся, как видно, на отдых после взятия Ростова и отступившие от него, хвастаются большими вещами, награбленными в Ростове, патефоны, радиоприемники ОС в дз. шубы меховые, коверкоты и шелка, и все отправляют посылками в Германию или вообще на родину, курят папиросы Ростов[ской] фаб[рики] «Наша марка» высший сорт и др. высшие сорта.

25. XII. Весь день периодические налеты советских самолетов, орудийные выстрелы, ночью в один час была сильная орудийная канонада и до 4 ч. Военнопленные убегают через пролив по льду до Ейска на сторону Красной Армии. С вечера и всю ночь немцы устраивали елки в школах и в домах, где квартировали. В одном из домов перепились пьяные и устроили дебош со стрельбой из револьвера. На базаре выезжала автомашинка менять теплые вещи: чулки шерстяные, варежки, шапки на табак и папиросы. По базару ходили немцы и отбирали теплые вещи для солдат, платили марками, сколько вздумается немцу, взял в руки, сует марки в руки — хочешь берешь, хочешь нет.

26-го. День прошел спокойно, выстрелов не слышно, погода стоит переменная — то ясно, то дождик, то снег и так вся ночь была тревожная, всю ночь слышна сильная орудийная канонада, налеты советских самолетов, взрыв бомб. Вывешен приказ о регистрации всех — поваров, шоферов, сапожников и портных. На базаре полиция устроила облаву и всех мужчин угнали на работу по устройству окопов и укреплений.

27-го. Вышло распоряжение о закрытии всех простых жерновых мельниц, работающих на жидком горючем топливе. Была выдача муки по карточкам по № 3 по 150 г муки на 5 дней, с 20 по 25-е.

Днем частичные налеты самолетов, а также слышны выстрелы орудий.

28-го. Базарный день. На базаре продуктов совсем нет, а если что появится, то все на обмен — табака, спичек, мыла и т.д., за деньги редко что можно купить. Люди все идут по деревням менять вещи на продукты, у многих на пути немцы отбирают и вещи

и продукты. В Таганроге много возвращаются обратно мобилизованные советской властью в Красную Армию. По словам сведущих лиц, что многие из местного населения, у коих близко здесь родное село или родственники, просто умышленно при отступлении Красной Армии прятались и оставались в плену у немца в занятых ими селениях, а потом переодевались в штатскую одежду и пробирались к своим домам. Вот в 10 дом тоже вернулся один, как видно, из тех же вышеупомянутых.

29. XII. С 9 ч[асов] слышна сильная орудийная стрельба и до 5 часов вечера. Со слов очевидцев, ходивших в селах, расположенные на берегу Азовского моря, для обмена вещей на продукты питания, рассказывает, что в его бытность в одном селе перешли три партии красноармейцев с противоположного берега на наш берег, т.е. в район, занятый немцами, т.е. пришли к немцу в плен самовольно, лишь стремясь попасть домой, пользуясь, как видно, слухами, что немцы пленных пускают домой, а особенно добровольно бросивших оружие и сдавшихся в плен. Не считаясь с тем, что, убегая со своей части к неприятелю, это значит предавать родину врагу и весь свой русский народ, даже сами немцы и то при разговоре о дезертирах машут головами и говорят, что плохой русский патриот, такой надо стрелять, и действительно, сколько пострадало городов сел и деревень и люди, может быть, и действительно через таких подлецов, которые бросают оружие и свой пост и открывают свободную дорогу врагу, а сам убегает в плен к врагу, не считаясь с тем, что от этого могут пострадать тысячи людей, которые доверили ему оружие защищать родину от врага, а он тут же делается изменником — предателем родины. Есть даже такие факты, слышанные собственными ушами от пробиравшихся пленных красноармейцев (нужно упомянуть, что исключительно из мобилизованных), которые при рассказе мужчинам о том, как они попали в плен, а очень просто — застрелили своего командира и разбежались кто куда хочет, а мы вот двое, теперь вот пробираемся домой, тут от Таганрога верст 40 и все точно так же местные крестьяне. Приходилось встречать пленных из рабочих, но они из бывших раненых и за неимением мест в госпиталях и больницах их выписывают преждевременно, не долечившись, и дают бумажку, иди куда хочешь, и при разговоре у них настроение совсем не то, что у дезертиров. Пришлось разговаривать с рабочими ростовского завода «Сельмаш», пробиравшимися тоже через фронт к своим частям с целью вступить обратно, защищать родное отечество, с уверенностью, что мы должны победить, а если вы затронете этот разговор с пленным дезертиром, то он вам скажет, что о победе нам и мечтать нечего, так как и оружия нет, что у нас даже пулеметов нет, а одни винтовки и что наши по 60 тысяч сразу сдаются в плен, что у нас

начальство все только измену делает, а солдат губят, и лучше бы бросили все оружие и пошли по домам. Это его пожелание, а он уже поторопился и бросил оружие и пошел домой, считая себя ни в чем неповинным.

Один пленный из рабочих рассказывает, что сдавшиеся добровольно очень большое количество наших красноармейцев исключительно происходят из местного черноморско-азовского населения из крестьян. Попробовавши и испытывая все прелести немецкого плена, решили просить переговоров с начальством лагеря военнопленных и, когда они стали протестовать о том, что будучи на фронте у красных нам ваши летчики разбрасывали листовки, что кто добровольно сдастся в плен, то будет пропущен и отпущен домой и всякие привилегии и льготы, а теперь им не то, чтобы какая-нибудь была привилегия, а мы находимся на положении скота, да еще хуже, а начальник им сказал коротко и ясно, что листовки для того они и бросаются, а у вас есть голова на плечах, чтобы разбираться, что вы есть пленные, а раз пленный, то и разговора быть не может, и скот пленный быть не может, а если попадет в плен, то для него и взявшему его он вреда не принесет, а только пользу, а вы можете быть и на худшем положении, ибо вы можете принести нам вред, а нам нужна от вас только польза, и тем всем закончилась, и так настали морозы и начали некоторые по очереди добровольно по сараям, где ночевали, ноги вытягивать и выходит, что честно не хотели защищать отечество, боялись смерти, так она их нашла бесчестно в плену у немца, недалеко от своего дома, только в чужом сарае и, наверное, многих постигнет такая участь и многие говорят, что лучше быть на фронте в окопах, чем быть в плену. Это те, у которых нет близко дома и он не стремится попасть пленным домой. Итак, по словам этих же пленных, что все те мобилизованные в Красную Армию крестьяне из местных южных приазовских районов и попавшие в здешние южные воинские части на фронт, то буквально все сдались в плен и многие даже добровольно ушли в плен, надеясь, что немец их распустил по домам и больше им ничего не нужно, а фронт, черт с ним, пусть дерутся те, у кого дома и родные семьи где-то далеко. Анализируя всю обстановку обороны гор. Таганрога, безошибочно можно сказать, что и в городе с мобилизованными людьми получилась полная бесконтрольность, недисциплинированность и полная безответственность, ибо за три дня до прихода немцев уже все мобилизованные и находившиеся на работах по сооружению укреплений в городе разбежались, прятались и не вышли на работу, боясь, что им прикажут отступить вместе с Красной Армией. Поэтому в городе все противотанковые сооружения, построенные на улицах и переулках при въезде

в город и все препятствия остались недоделанными, как были временно оставлены проезды, так и остались не заделанные и немецкие части вошли в город без единого выстрела и безо всякой задержки и препятствия. Домком отобрал все паспорта для прописки в милиции. Погода на дворе изменилась — с утра и до вечера шел сильный снегопад, с самолета красные сбрасывали в город листовки.

30-го. Весь день шел снегопад. Выстрелов не слышно, самолетов тоже не было. Немцы начинают ломать новую постройку: на кирпичном заводе снимают лес с потолков и полов для укреплений на фронтах, на 65 з[аво]де пригнали большую партию военнопленных для работы на заводе.

31. XII. Вывешен приказ о регистрации населения имеющих лыжи. На базаре забрали всех мужчин и угнали на работу по постройке укреплений. Немецких автомашин совсем мало появляется в городке, с фронта слышна сильная стрельба. По сообщению крестьян, пришедших с прифронтовых селений, рассказывают, что Красная Армия выбила немцев с разъезда Бесергеновка, Матвеев курган и заняли красные войска и Неклиновку. В селениях к Новому году немцы буквально занялись собиранием у крестьян птицы, кур, гусей, уток, а также свиней, поросят. Некоторые крестьяне совершенно лишились птицы, забрали немцы.

[Январь 1942 г.]

1. I. 1942 г. С 1-го часа ночи началась оружейная и пулеметная перестрелка и весь день орудийная перестрелка, налеты самолетов, весь день стрельба из зениток по советским самолетам. Городские полицейские из русских граждан с повязками белого полотна с надписью по-немецки на рукаве ходят по квартирам и предлагают жителям пожертвовать что-нибудь для раненых, а именно простыню, а не дашь, будут обыск делать и, если найдут, то и все заберут. Городская рабочая масса с жадностью стараются почитать сброшенные с самолета листовки и сегодня, как обещано было в листовке, 1-го января вместе будем встречать Новый год. Женщины начали читать молитву «Отче наш», каждую ночь 40 раз, чтобы Бог ускорил возврат советских войск. Наблюдается, что те люди, которые говорили по приходе немцев, что может быть оно и с немцами будет жить хорошо, а теперь они же говорят, хотя бы наши войска скорей бы пришли в Таганрог. Раньше говорили и обсуждали тех, кто уехал и эвакуировался из города, что, мол, глупо те или другие уехали, а смотри, что немцы пришли и никому ничего, поверили, что газеты писали всякую ерунду на немцев, что они и расстреливают, и отбирают вещи, птицу и т.д. В настоящее время уже разговор другой, смотри все

как есть то, что писали газеты, — расстрелы продолжаются всегда только уже без объявления, вещи и продукты лютуют, если долго наши не придут, то дела жителей Таганрога скверные, уже в настоящее время есть много слухов, что люди ходят опухшие от недоедания, да сейчас еще кое-где можно в деревне выменять что-нибудь из продуктов на вещи, а теперь немцы установили контроль и все, кто что несет, проверяют и, если что подходящее, отбирают, а по карточкам за 2 месяца выдали по 1 1/2 кг на человека пшеницы да 800 г мерзлого кормового бурака. Заходили 2 полицейских за пожертвованием простыни или еще что для германских раненых солдат.

2-го янв[аря]. Погода стоит холодная, идет снегопад, на фронте затишье, самолетов тоже не было. Немцы торопятся вывезти зерно, лес для укрепления, используя и мобилизуя гужевой транспорт, где какой есть. Все кустарные мельницы с нефтяными двигателями размола на камнях, приостановлены.

3-го янв[аря]. Ничего существенного не произошло. Изредка слышны орудийные выстрелы. Ночь тоже прошла спокойно.

Добавление.

Под 1 января немцы и вообще вся их военщина справляли встречу Нового года, везде были устроены вечера, в городе по домам у населения ходили, отбирали посуду, тарелки, стаканы, вилки, ложки и даже керосиновые лампы, а в селах и пригородных поселках забирали все из животности, что попало — кур, гусей, свиней и т.д. и встречали Новый год с выпивкой, со спиртом и с пивом. Есть частные слухи, что советские войска в этот вечер много побили пьяных немцев на фронте так, что, вероятно, если это верно, то многим, вероятно, и не удалось встретить Новый год, а если и встретили, то уж жить в Новом году не довелось, напрасно будут жены и невесты ждать посылочки из России на платья шелку, туфли, чулочки или тюль на занавеси и, наверное, поплатились своею головой. Перед Новым годом и для встречи немцы обещали возвратить посуду после Нового года, но да это только одно обещание и все набранное осталось у тех хозяек, где немцы встречали Новый год, а нужно сказать, что немцы хорошо встречали Новый год. В Таганроге на некоторых квартирах по три дня готовили кушанья, варили, парили, жарили всевозможные кушанья и яства, всего было навезено и птица всевозможная и поросята и окорока свиные, мясо: баранина и говяжье, колбасы, молочные изделия, масло сливочное, сливки, сыры разные и все это наше местное русское производство, часть из государственных складов, а молоко и птица взята, где попало на глаза и пошло все для удовольствий чужих непрошенных гостей, хотя нужно заметить, что много и наших советских граждан принимали участие встречи Нового года вместе с немцами, ведь все это без расхода, но интересно было бы ус-

лышать при возгласении тоста и поднятии бокалов с вином, за чье благополучие выпивали наши бывшие советские товарищи, которые уже успели примазаться к немцам.

Весь день и ночь слышны орудийные выстрелы. Люди возвратились с деревень, ходили менять продукты, рассказывают, что немцы все отбирают у проходивших людей. Приходили немецкие полицейские, просили пожертвовать на немецких солдат простыни. Немцы мобилизуют мужчин на работу и отправляют на фронт, а на фронте заставляют работать под выстрелами советских войск и с взятых 90 человек возвратилось 45 человек, а остальные неизвестно где.

С ночи и весь день дула сильная вьюга в связи с запрещением размола зерна на жерновых мельницах с жидким топливом, население начало приспособливаться первобытным способом, устраивают ручные жернова, разные местные терки, размалывают на мясорубках зерно. Ощущается острый недостаток в керосине, население устраивает освещение разного рода светильники, сальники и что попало, лишь бы горело. С фронта слышны редкие орудийные выстрелы.

6. 1. Появлялся советский самолет, слышны взрывы сброшенных с самолета бомб. С фронта в течение дня выстрелов не слышно. В 2 часа дня ходил на фабрику-кухню, купил 2 порции супу из горелой пшеницы. Это варят обеды рабочим, работающим на 65 завода, а оставшийся от обеда рабочих, продают частным людям. Ночь прошла спокойно, с фронта выстрелов не слышно.

7. 1. Вывешено объявление об обязательной сдаче теплых вещей и простыней германским военным властям. Издано распоряжение о регистрации безработных лиц мужчин.

Начали магазины пищеторга выдачу пшеницы по карточкам на 4 за время с 1-го по 5-е января по 750 г на человека. Ходил в столовую 65 завода, купил суп 2 порции из паленой пшеницы. Население начинает задумываться, а что же будет дальше. Продукты, какие у кого были припасены, подходят к концу, а в деревнях немцы поедят и к весне неминуемая будет голодовка. Для устройства укреплений немцы разбирают полы, потолки и разную новую постройку из дерева.

8. 1. Весь день с фронта слышны выстрелы орудийные. Пролетел советский самолет. Приезжающие колхозники рассказывают, что немцы собирают по деревням всех шатающихся мужчин пленных и дезертиров на работы, а особенно без документов.

9. 1. День прошел спокойно, с фронта выстрелов не слышно. Намочил пшеницу вечером и перемолол на мясорубку. Три раза сделал тесто.

10. 1. Выпек в духовке хлеб, хлеб сравнительно неплохой из моченой пшеницы. С фронта слышны редкие выстрелы с ору-

дий. На базаре немецкие солдаты вывезли табак и папиросы Ростовской фабрики Д.Г.Т.Ф.¹ Меняли на яички 10 шт. яиц за одну пачку папирос 3-й сорт. По городу очень много немецких грузовых автомашин стоят по всем улицам. Температура на дворе теплая с мелким дождиком. Снег превращается в воду. Появились советские самолеты, бомбы не сбрасывали, ночь прошла спокойно.

11. 1. Воскресенье на базаре — большое скопление людей. Все хотят променять вещи на продукты. Продуктов на базаре очень мало, за деньги купить очень редкость. Всевозможных вещей старых очень много, очень ценится на базаре табак, папиросы, мыло, спички и керосин. Получил паек пшеницы по № 4, 5, 6 по 750 г весом 4 кг 500 г по 1 р. 50 к. Немцы продавали табак и папиросы Ростовской фабрики Д.Г.Т.Ф. по 10 марок за одну пачку. Явились спекулянты, продают папиросы по 5 руб. за 1 папиросу.

12. 1. Полное затишье, с фронта ничего не слышно. После снежной выюги на дорогах много замерзших людей, ходивших в села для обмена продуктов. Для размол зерна пришлось достать в соседнем доме ручные жернова. Вообще население начинает исключительно пользоваться для размол зерна мельницами самодельного производства.

13. 1. Весь день и всю ночь сильные орудийные выстрелы с фронта, фронт от Таганрога в 15 километрах. Самолеты не появлялись.

14. 1. Утром в б[ывших] яслях, дом № 13 жильцы соседних домов разломали сарай и растащили по домам на дрова. Вообще начинается безответственная разборка и поломка сараев заборов, сорных ящиков, а жилотдел 31 з[аво]да равнодушно поглядывает, ему лишь бы деньги за квартиры собирать, а остальное его не касается.

15 января. С утра начинались налеты советских самолетов и весь день с пулеметными и зенитной стрельбой. Вывешено объявление, что ввиду близости военных действий частным гражданам на поселок Северный хождение не разрешается чрез рабочий городок завода № 31. Масса проехала немецких автомашин и танков с вооружением по направлению к выезду на западное направление. В хлебном магазине 65 з[аво]да впервые за три м[еся]ца выдавали по талону № 6 на печеный хлеб из горелой пшеницы, те лица, которые не получали по 6 № пшеницу, с фронта не слышно выстрелов, все спокойно. По берегу Азовского залива всю ночь пускают немцы ракеты над заливом, остерегаются красных подхода с моря. Со слов людей, возвра-

¹ Донская государственная табачная фабрика.

тившихся из сел, сообщают, что возле деревни Натальевки высадился советский десант и военная часть какая-то подходила со льда, но неизвестно укрепились на берегу или возвратилась обратно на ту сторону. С дому № 10 с квартиры № 1 заведующий распределением жилой площади Серебряков вывез гардероб, оставленный выехавшим Цвепиловым, и увез неизвестно куда. Еще вещи брали с дома № 8.

16. 1. С утра появлялись советские самолеты, весь день немцы имели большое передвижение — орудий, танков и автомашин. Берег Азовского залива вокруг Таганрога минирован. Очевидцы рассказывают, что трое красноармейцев перебежали и сдались в плен к немцам. Население сильно негодует на таких предателей и оказывается, что все эти перебежчики — местные жители из местных сел. Ходить на море по воду не в указанном месте запрещено, за нарушение расстрел.

Приказ коменданта города об обязательной чистке тротуаров от льда, снега и посыпать песком.

17. 1. Исполнилось три месяца, как Таганрог находится под властью немцев. Много таганрогское население и население окрестных селений кое-что увидели в хозяйничании новых хозяев. Заметно, как люди чувствуют себя беззащитными, безвластными, вот немец на базаре облюбовал вещь, вынимает из кармана одну или сколько ему вздумается по его усмотрению и без согласия хозяина вещи, берет, а марки бросит на стол, хотя бы вещь стоила в 5 раз дороже этих марок, а сколько поели немцы пшеницы, свиней, молока и яиц, в деревнях начинают добираться до дойных коров. В настоящее время люди начинают уже голодать, у которых не за что выменять продукты, в магазинах ничего нет, население ощущает недостаток в керосине, освещают квартиры, чем попало, разные масла, устраивают маленькие горелочки, чтобы было экономней. Вместо хлеба выдают по карточкам пшеницу и приходится, для того чтобы испечь хлеб, размачивать и молоть на мясорубке, многие начинают устраивать самодельные терки, где получается и крупа, и мука. Наблюдается нехватка у населения топлива, начинается по ночам поломка строений, сараев, заборов, оград. Всю ночь была сильная бомбардировка.

18. 1. С утра весь день и всю ночь — сильная орудийная бомбардировка на фронте. 1-я советская поликлиника закрывается, превращается в лазарет раненых, здесь же помещаются и раненые пленные красноармейцы. Выздоровливающие пленные красноармейцы ежедневно непрерывно ходят по квартирам просят кусочек хлеба, ибо в госпитале дают питаться впроголодь. С советского берега в Таганрог через море пришли 6 человек красноармейцев, как видно, из бывших кулаков и жители из местных

деревень Таганрогского района или поблизости, оккупированных немцами. Ходил на базар, выменял за 5 штук селедок пачку махорки, а за пачку махорки выменял 2 кг мяса конины. Купил два кормовых бурака за 30 рублей мерзлые, дома употребил в борщ вместо капусты.

19. 1. Весь день с фронта сильная орудийная перестрелка, на подводах провозили раненых немецких солдат в госпитали. В опасении перехода через лед красных немцы заминировали весь лед по берегу залива вокруг Таганрога и установили по горе над морем батареи и наблюдательные посты.

20. 1. С утра и весь день затишье, с фронта выстрелов не слышно. Сегодня читал таганрогскую украинскую газету «Новое слово» — речь Гитлера, речь Риббентропа.

Немецкий патруль убил женщину, собиравшую щепки возле детских яслей, где люди разламывали забор. Погода на дворе изменилась, дует северо-восточный ветер и срывается пурга, температура понизилась до 20 градусов. Получил паек по карточке, пшеницу горелую, но очень сильно воняет дымом.

21-го. В женском ресторане. Сильное похолодание, с утра была пурга. С фронта слышны орудийные выстрелы в сторону Матв[ева] кургана. В городе немцы открыли публичный дом, таганрогцы называют его женский ресторан. В селах, где стоят немецкие военные части, все школы превращены в танцевальные дома. Каждый вечер сходятся местные девушки и молодежь танцевать с немецкими солдатами. В женский ресторан принимают одни барышни, преимущественно красивые.

22-го. Весь день несет сильная пурга со снегом и сильный мороз, люди, ходившие в села менять провизию и возвращавшиеся домой на 4-й день, теперь возвращаются на 7-й день. На дорогах есть замерзшие люди. Несмотря на неприятную погоду, люди идут в далекие села за 60 км для выменивания продуктов, все боятся будущей голодовки, ибо немцы до весны все проедят, если простоят долго.

23-го. Погода изменилась — ясный солнечный день. В половине дня начались выстрелы береговой артиллерии в сторону залива. В 6 часов вечера было несколько выстрелов береговой артиллерии. Вывешено объявление отдела труда — требование на рабочих следующей квалификации: слесаря, сапожники и прочие с выездом в гор. Мариуполь.

24-го. Вывешен приказ коменданта города о наложении штрафа на население города за несвоевременную очистку снега по тротуарам в размере однодневного пайка, который будет удержан при выдаче хлеба, вывешено объявление о наборе в городскую милицию в качестве милиционеров из лиц преимущественно из офицерских чинов и старших унтер-офицеров от 18 до 45 лет из царской, Белой и Красной армии.

25-го. Воскресенье, на дворе температура до 28 градусов, с фронта слышна артиллерийская канонада с утра до ночи. Возвратившиеся люди из сел, очевидцы рассказывают о гнусном обращении немцев с русскими военнопленными, — на ночлег загоняют, как скот, в холодную хату, на работе бьют, как скотов, одежда и обувь ветхая, отмораживают руки и ноги. На базаре немцы меняют пшеницу на разные хорошие вещи и вообще на деньги мало что можно найти, купить, а цены и определить страшно. Молоко — до 150 руб. литр, яйца — 300 рублей 10 штук, бурак кормовой средней величины — 20 рублей штука, луковица — от 5 до 7 руб. шт.

26-го. С утра и весь день сильные орудийные выстрелы. Немцы по берегу моря устраивают проволоочные заграждения, даже проход для набора воды населению не оставляют. Из точных источников идут разговоры, что некие лица, эвакуированные с заводом № 31, услышав, что объявлена всеобщая мобилизация на фронт, ухитрились дезертировать и пробрались через фронт обратно в Таганрог, соблазнившись тем, что немцы мирных жителей не мобилизуют, и они поэтому будут избавлены от военной мобилизации. Теперь же, поняв, чем здесь у немца пахнет, что можно попасть на фронт без ружья для устройства укреплений, и как немцы угощают пайком по 20 граммов паленой пшеницы на человека в день, теперь мечтают обратно вернуться через лед на ту сторону фронта к красным.

27-го. Весь день на фронте — орудийная перестрелка. В хлебном магазине получил печеный хлеб из горелой пшеницы по 1 кг на 8-й № карточки на одного человека на одну неделю.

28-го. Погода на дворе изменилась, морозы ослабли до 12 градусов, на фронте ничего не слышно, весь день прошел спокойно, ночью жильцы домов № 9–10 и других разломали ограду в доме № 13 и приспособление леса для штукатурки в доме № 26 разломали.

29-го. Весь день временами слышны орудийные выстрелы с фронта. С 31-го завода все время автомашины возят на позицию лес, бревна, доски, железо разное для укрепления окопов. Советские самолеты разбрасывали листовки с обещанием скорого освобождения от оккупации немцев. О фронте передают словесно, что поселок морской занят красными войсками.

Янв[аря] 30-го. Весь день с фронта слышна сильная орудийная перестрелка. В рабочем городке и по городу падают орудийные снаряды, выпущенные с советской стороны противоположного берега с береговых орудий, есть в городе убитые, шесть человек, и раненые. Вследствие большого поступления с фронта раненых в городе 1-я советская амбулатория переведена на 65-й завод.

31-го. Весь день и всю ночь прошли спокойно. С фронта ничего не слышно. Со слов военнопленных, что в советской армии в

настоящее время очень хороший порядок. Красноармейцы хорошо одеты, в шубах и в валенках, пища хорошая. В занятых красными и выгнанных немцев селах восстанавливается порядок, рабочим и рыбакам колхозникам выдается паек хлеба по 400 г на человека и на рабочего 600 г.

[Февраль]

1-го февраля. Весь день дует снежная метель. Выстрелов с фронта не слышно, день и ночь спокойно. Согласно сброшенным советскими самолетами листовкам, в которых обещались красные войска занять Таганрог в январе м[еся]це, не сбылось. Население рабочих городков, находясь в тяжелом продовольственном положении, у некоторых многосемейных уже в настоящее время хлеб употребляют впроголодь, а что же ожидается дальше — неминуемая голодовка. Та часть населения, которая бросила работу на предприятиях еще с 9-го числа и занялась стаскиванием всевозможных материалов и продуктов питания, овощей с пригородных хозяйств. Захватывали в степи у отставшей от эвакуированных совхозных стада коров, овец и прочие, а свиней загоняли домой, резали и засаливали мясо, растаскивали с производства материалы, а из магазинов грабили товары, из учреждений растаскивали обстановку — столы, стулья, часы, пишущие машинки, арифмометры, электросчетчики, телефонные аппараты. Теперь все эти граждане заняты торговлей, меной, поездкой в села, а ремесленники изготавливают разные хозяйственные принадлежности и посуду из награбленного материала и пожидают себе беспечно и забыли думать о скорейшем приходе красных, а также и та часть населения, которая имеет своих коров, свои дома, своих свиней, птицу, тоже ничего не думают. Сильно страдает та часть населения, которая не занималась ни растаскиванием заводского имущества и грабежом складов и магазинов, а работала до последнего дня на производстве по эвакуации заводского имущества и не успевшая эвакуироваться и до настоящего времени не идет на работу на предприятия, работавшие на оборону немцам, считая, что это недостойно русского патриота — помогать делать оружие для вооружения неприятеля против своих братьев. Есть и такая часть населения, что, не считаясь ни с чем, с первых дней прихода немцев толпой стояла у 65-го завода и 31-го завода, ожидала набора рабочих на завод, не считаясь с тем, что немец заставит работать вооружение на свою армию, например, на 65-м заводе вырабатывают мотоциклы и за выполнение в срок задания получают премию по пуду муки и, если вы спросите любого рабочего, а особенно квалифицированного, то он вам скажет, что его вызывали с квартиры и заставили работать принудительно, без его согласия.

2 февр[аля]. С часу ночи и до утра по городку была советская дальноточная артиллерия с противоположного берега, от упавших бомб есть разрушения зданий и жертвы. С 18 часов вечера видно большое зарево пожара на западе от Таганрога, выясняется, что в 25 км имеется цыганский колхоз и что колхозников-цыган всех немцы расстреляли и колхозное строение общежитие и прочие постройки сожгли, а имущество и скот забрали.

3 февр[аля]. С утра несла сильная снежная пурга с холодным сильным ветром. Выстрелов с фронта не слышно. Хлебные магазины начали делать обмен населению печеный хлеб на пшеницу, килограмм хлеба с доплатой 10 копеек на килограмм пшеницы. Хранящиеся на пригородном хозяйстве возле пороховых погребов в степи в зарытых ямах кормовые бураки население города по ночам выкапывало из-под снега и растащили по домам для употребления в пищу.

4 февр[аля]. Целый день несла снежная буря, с фронта ничего не слышно, выстрелов нет. Получил паек пшеницы по № 9 и 10 по 750 г на две карточки.

5 февр[аля]. Весь день несла снежная пурга, с фронта выстрелов не слышно. Передают со слов якобы красные отступили к Ростову, а немцы, словесно передают, что в феврале немцы должны взять Ростов, вообще до разлива реки Дона все закончить. Со слов очевидцев, что по дороге с Мариуполя идет большая масса войск танков на Таганрогский фронт. По имеющимся разговорам, что немцы должны с половины февраля наступать.

6-го февр[аля]. Вследствие плохой погоды, больших морозов и снежных бурь, много по дорогам мерзлых людей. По городу вывешено объявление, что вследствие того, что русские солдаты, сдавшиеся в плен, имеют плохую одежду и обувь, а поэтому имеют обмороживание тела, германское командование обращается к населению города пожертвовать добровольно теплую одежду, обувь, полушубки, стеганные штаны, варежки, рукавицы, валенки, бурки и прочие, подпись — бургомистр.

7-го. Вывешен приказ бургомистра города об обязательной регистрации иностранных ценностей, валюты золотой, вещей золотых, драгоценных камней, алмазов, бриллиантов и прочих ценностей. Погода на дворе изменилась, ясно и солнечно с небольшим морозом и ветром. С фронта выстрелов не слышно. День и ночь спокойно прошли. Немцы на подводах и автомашинах возят с заводов уголь на позицию для землянок и убежищ на фронте.

8-го. Погода на дворе изменилась, с утра ясный солнечный день в 5 градусов мороза, с фронта слышна орудийная перестрелка и воздушный бой самолетов. На базаре всего много для

мены на продукты питания. Немцы на машинах меняют пшеницу на кожу, на разные теплые вещи — шапки, валенки, фуфайки и прочее.

9-го. О приказах и объявлен[иях] [о] регистрац[ии] военноплен[ных]. Вывешены приказы о регистрации военнопленных и вообще лиц, прибывающих в гор. Таганрог для получения работы и карточку на паек хлеба. Объявление о регистрации безработных и прикреплении их на работы с обязательным выполнением порученной по квалификации работы, за невыполнение будут наказаны, как саботажники. Городской отдел Труда объявил желающим пойти на работу со своими мешками, оказалось, что лиц, пришедших на работу заставили мешки сдать, а самих отправили обратно по домам, а работы не дали. Вследствие того, что население не жертвует теплой одежды для военнопленных, гор. милиция устроила на базаре облаву и отобрала у лиц, вынесших теплые вещи на базар продать или обменять и уплатила по твердым ценам, выдав владельцам вещей расписки на получение денег. Днем советские самолеты несколько раз делали налеты на военные объекты, сброшены бомбы и обстреляны из зениток. С фронта весь день слышна орудийная перестрелка. Советские самолеты бросали листовки с просьбой к населению во время сильных боев, предполагаемых в ближайшее время, по улицам не ходить и в степь не уходить, а сидеть в домах и подвалах, дабы спастись от осколков.

10-го. С утра и весь день моросил дождик. На базаре немцы делали облаву, мужчин забирали и проверяли документы и угоняли на работу по рытью окопов. Немцы прекратили обмен зерна на муку на мельнице. На базаре производится исключительно обмен зерна на продукты, мыло, табак, спички, папиросы и прочее. С фронта слышны по временам орудийные выстрелы, с вечера море непрерывно освещает прожектор и изредка орудийные выстрелы.

11-го. С 1-го часу ночи — сильная орудийная канонада. Стреляли с советского берега, снаряды рвались по рабочим городкам з[аво]дов 31 и 65. Издан приказ всем домкомам представить списки жильцов мужчин и женщин, трудоспособных для посылки на рытье окопов, за неподчинение и невыход на работу виновные будут наказаны и сняты с хлебного пайка, т.е. лишены хлебной карточки. Получили из магазина паек пшеницы по 750 г на человека на неделю. Погода потеплела, моросит дождик. Население города хлынуло по деревням менять вещи на продукты питания. Со стороны советского берега в Таганрог пришли перебежчики — 4 человека, на берег вышли у карантинной. По городу большой наплыв военнопленных, просят милостыню ежечасно, из них есть раненые, но еще не выздоровев-

шие, а есть часть из них вольношляющиеся под видом военнопленных, а в сущности они отступают в тыл, оккупированный немцами. Например, стало появляться много инородцев, а именно кавказцев. Оказалось, что большая половина их, т.е. армян из селения Чалтырь возле станции Хапры 30 км от Ростова, когда красные нажали от Ростова, немцы отступали к Таганрогу, то и чалтырская братия, которая скрывалась от мобилизации в Красную Армию, надеясь, что немец будет к ним так относиться хорошо, будет кормить, а на фронт не посылать, вот теперь скитаются по хатам, просят милостыню, кусочек хлеба или что есть, но к ним население относится недружелюбно и большею частью отказывают. Тогда они прибегают к хитрости — перевязывают руку или ногу, опираясь на палку, как будто бы раненый, ибо раненым подают больше и мало кто отказывает. Такое же явление есть много и с нашими русскими, а особенно с местными жителями, которые боятся, что придут красные, мобилизуют в армию, вот и бродят в тылу у немца по селам.

12-го февр[аля]. С утра до ночи слышны по городу и на фронте сильные орудийные выстрелы и взрывы снарядов, на заводе № 65 пал снаряд у кочегарки, 3 человека убиты и 2-е ранены. Население городка, которое мечтает о скорейшем приходе красных в окончательном смысле, в панике из-за боязни, что красным не удастся выбить немцев из укреплений, да и в настоящее время все еще укрепляются, людей забирают на базаре и гонят на рытье окопов и с заводов. Лес, железо, все везут на укрепление окопов и все те граждане, которым интересней, чтобы немцы хозяйствовали у нас, ибо для них присутствие немецкой власти выгодней, то они утверждают, что немца теперь ни за что отсюда не выгонят, а скоро немец пойдет в наступление и пройдет до Каспийского моря и до Волги, а советскую Россию загонят в Сибирь. Выходящая в Таганроге газета «Украинское новое слово» пишет, что Красная Армия уже почти не существует, остались одни остатки, укрывшиеся кое-где, а промышленность разбита и стоит на 70%. Русские люди не хотят воевать, защищать коммунистов и их власть, а в сводке главной квартиры фюрера сообщается, что на всем фронте идут упорные оборонительные бои, спрашивается, чему же верить, от кого же германская армия обороняется, если Красная Армия почти не существует и она разбита, а русские люди не хотят защищать советскую власть.

13-го. С утра и до ночи шел дождь, снег быстро тает, везде образовалась вода. Носятся слухи, что красные прорвали фронт по направлению г. Сталино. С фронта ничего не слышно, весь день и ночь спокойны.

14-го. Очевидцы рассказывают, что на базаре устроена виселица, вывешено объявление о принятии учащихся в с.-х. школу

мужского пола, срок обучения 2 года. С фронта слышны орудийные выстрелы, на море всю ночь освещают прожектора. Погода установилась теплая с дождем, ручейки и балочки наполнились водой. Люди, идущие в села менять продукты питания, рассказывают, что приходилось переходить балочки в брод.

15-го. Погода на дворе похолодела, температура понизилась до 15° ниже нуля. Сегодня воскресенье, на базаре большое скопление народу, но среди базара небывалое зрелище, устроена виселица и на ней висят шесть человек мужчин, все молодые, старшему из них на вид около 35 лет. За какую вину повешены, точного обвинительного акта не объявлено, как это было при расстреле раньше. Носятся разговоры, что повешено 6 человек рецидивистов за убийство, за кражи и грабеж и еще будут повешены следующие 6 человек, между ними одна женщина. Правильные ли эти слухи, доверяться нельзя, ибо таганрогская публика очень способная сочинять и верить всяким слухам и небылицам, например, все заговорили в три языка, что Сталин уже отказался руководить обороной страны, что Тимошенко сдался в плен, Молотов убежал в Германию, Ворошилов застрелился, а Буденный тоже где-то сбежал, а почему немцы долго не брали Ростов, более месяца, потому что Гитлер сам прилетал и сказал, чтобы Ростов взяли без единого выстрела по городу, чтобы не беспокоить мирных жителей. Это уже, как видно, немецкая агитация. Приехавшие из сел и деревень люди рассказывают, что у крестьян в некоторых прифронтовых селах немцы забирают дойных коров, оставляют только тем, у кого много детей, т.е. более 5 человек, а всей семьи — 10 человек, птицу тоже всю перевели и, если у кого найдут две курицы, то одну оставляют, а одну берут, свиней совсем уже не видно нигде, всех поели. Сегодня 15-е число февраля, ранее прошел слух и разговор, якобы от немцев известно, что 15 февраля начнется немецкое наступление для того, чтобы до разлива рек Дона и других и в связи весеннего посева на полях хлеба, очистить Украину от фронта до самой Волги, взять Ростов, Москву, Ленинград. От германских солдат можно часть слышать неудовольствие, а особенно от чехословаков, что красные теперь имеют хорошее вооружение и что германец ошибся, что ввязался в войну с Россией, а некоторые все уверены, что как откроется весна, так большевиков-коммунистов всех угоним в Сибирь, за Урал, в лесах.

16-го. С утра все тихо, с фронта не слышно ничего. День и ночь прошли спокойно. Население города ожидает с 15 февраля наступления и сильных боев. Крестьяне из деревень рассказывают, что немецкие солдаты, а именно комсостав, спешно готовят посылки награбленного добра вещей в Германию. Есть такие, что поупаковали по 5 чемоданов с вещами, патефоны, тюль, шевит

трико, крепдешин, сукно, гардины на окна, бархат и вообще мануфактура, кожа, шитая детская и дамская обувь и все это, по его словам, награблено в Ростове, а у них в Германии оказывается ничего своего нет, они только пользуются награбленным на фронтах, ибо свое производство уже много все переведено для снабжения армии, а население кое-как.

17-го февр[аля]. О расстреле крестьян. Весь день слышны выстрелы орудийные и пулеметные. Вывешены объявления о регистрации хлебных карточек у граждан польского происхождения, живущих в гор. Таганроге, сегодня исполнилось 4 месяца, как Таганрог занят немцами. Носятся слухи, что немцы с 18 числа должны наступать. В станице Платовой по подозрению в имеющейся партизанской группе расстреляли около 70 человек мужчин, а остальных всех угнали в Мариуполь. По селам всех посторонних мужчин забирают и гоняют на работы по рытью окопов, все лица, отказавшиеся от работы, считаются саботажниками и предаются полемому суду и уже есть случаи расстрела за невыход на работу. Военнопленные красноармейцы находятся в очень плохом положении, те, которые попадают в лагеря, приходят раздетые и разутые, так как немцы снимают хорошую одежду, а дают что попало. По дорогам валяется много мерзлых, а также пристреленных, которые во время перехода не могли идти, заболели или от недоедания изнемогли, то их пристреливают. В лагере военнопленных большая смертность, — каждый день вывозят по несколько человек.

18-го. С утра в 10 часов был налет советских самолетов, сброшены 4 бомбы в разных местах города, сняли повешенных и вывезли на кладбище, в 8 часов вечера выстрелы с советского берега дальноточных орудий, бомбы упали в рабочем городке 31 з[аво]да.

19-го. Объявление по городу об открытии курсов немецкого языка. С утра и до ночи — выстрелы с орудий. Был налет советских самолетов, сброшены бомбы в разных концах города. По городу всех мужчин от 16 до 60 лет гонят на общественные работы по рытью окопов. В 12 ч[асов] ночи налет советских самолетов.

20-го. В 9 ч[асов] утра налет советских самолетов. Сброшено много бомб по германским объектам и скоплениям войск. Весь день выстрелы береговой артиллерии с германской стороны и с советской стороны. По городу заметно большое движение автомашин в сторону Мариуполя, даже частично проходят танки с орудиями. На базаре замечается тяготение к советским деньгам, те продукты и вещи, которые можно было только выменять за то или другое, а теперь можно купить на деньги, также и зерно, пшеницу и прочее.

21-го. Весь день и ночь — сильная орудийная перестрелка, большие налеты самолетов, разрушено много домов, есть человеческие жертвы. На базарах Таганрога милиция начала устанавливать цены

на все продукты, существующие до прихода немецкой армии, то есть до 17. X. Согласно распоряжения бургомистра города за нарушение привлекают к штрафу до 1000 руб. По рассказам очевидцев, что на вывешенное объявление о наборе девушек в женскую гостиницу (т.е. публичный дом) на Греческой улице, явилось вместо требуемого количества в 60 чел. 600 человек, из которых по освидетельствовании врача выбрали нужное количество, а всех, кои признаны врачом заболевшими венерическими болезнями, признали вредными для общества и уничтожили всех. Все русские женщины и девушки, имевшие половую связь с немецкими солдатами, в случае беременности, получают справку на право произведения аборта. На дорогах, переходящих через реку Миус, на льду немецкие солдаты встречают горожан, идущих в села для обмена продуктов на вещи и всех обыскивают под предлогом: ищут ручные гранаты и все хорошие вещи из белья и костюмов отбирают, что поценнее, посылают домой, а что неважное, отдают своим хозяйкам, у которых квартируют и имеют тесную связь. По селам объявлена запись добровольцев в германскую армию и, как передают из разговоров, что много уже записалось из числа кулацкого и буржуазного элемента, а особенно те, коим уже в случае прихода обратно красных, придется неминуемо отступить с немецкими войсками.

22-е. Погода на дворе установилась ясная, с небольшим морозцем. Весь день с фронта слышна сильная орудийная перестрелка, весь день были налеты советских самолетов, было много сброшено бомб, есть большие разрушения жилых домов, есть человеческие жертвы. Ввиду тяжелого положения с помолотом зерна на муку, население устраивает всевозможные приспособления, ручные жернова, железные терки и т.д.

23-го. Советская Россия празднует праздник Красной Армии. Весь день и ночь до самого утра сильная орудийная перестрелка. Налеты советских самолетов на Таганрог. Много сброшено бомб большой тяжести, разрушено много жилых домов, есть человеческие жертвы. Население настроено панически. Одни обвиняют красную авиацию за то, что бомбят мирное население, другие оправдывают, основываясь на том, что по городу в каждом дворе и в каждом доме стоят немцы, попрятались за спины мирного населения, а красные летчики будут посматривать, как германские солдаты угощают их жен кофе и спят на мягких подушках, а это приносит ей булочку хлеба.

24-го. День прошел благополучно, была частичная перестрелка береговой артиллерии и налет самолетов. Ночью красные войска пытались прорваться на Таганрог с моря через лед, но были отогнаны береговой охраной.

25-го. О пропуске в другие селения. День прошел спокойно, с фронта изредка слышались орудийные выстрелы, ночью красные

пытались прорваться в город с моря по льду, но были отбиты береговой охраной. На базаре была сделана облава. Весь базар был оцеплен солдатами и милицией, проверяли документы и забирали на работу, главное мужчин. По дорогам, ведущим на Мариуполь, везде установлена охрана и без пропуска от коменданта с города в селение не пропускают, а городской комендант если и даст пропуск, то только на одни сутки. По объявлению о наборе в городскую милицию лиц мужского пола от 18 до 45 лет. Много поступило из таганрогских жителей рабочих с 31-го завода, работавших мастерами из бывших активистов по общественной работе.

26-го. Весь день и ночь происходили бои на запад от Таганрога на береговом поселке Барандакино с прошедшими красными отрядами через лед со стороны Ейска. Весь день немецкие части с орудиями на автомашинах передвигались к селению Барандакино. Совершались похороны милиционера (что с белым нарукавником), убитого нечаянно немцами. Похороны были с попом, с музыкой и с певчими по-православному. Ночью самолет сбросил бомбы в городе 31 [аво]да.

27-го. О налете на буерах красных. Ночью перед рассветом красная военная часть переехала на буерах через море в район поселка Барандакина и Митрякина, перебили команды, дежурившие на постах у береговой артиллерии и пулеметов и уехали обратно, скрылись на льду, все бойцы были одеты в белые халаты. Немцы выслали из Таганрога большое подкрепление, на машинах промчались солдаты с пулеметами и вооружением, танки с орудиями, но уже опоздали и стреляли вслед красным. Несколько человек красных убито. Халаты белые вывешены на берегу моря для показа.

28-го. О получении земли на огороды. О налете партизан. О возвращении в свои дома. Весь день затишье, с фронта ничего не слышно. Передают из разговоров, что красные отступили к Ростову, есть приказ, что население тех селений, где был фронт и люди были высланы, теперь могут возвратиться по своим домам. В селении Платовой вторично был налет партизан. Результаты налета неизвестны. С 15 часов на берегу моря по направлению Бесергеньевки слышны сильные орудийные выстрелы. Вывешено объявление, желающие получить земли в аренду под огород должны подать заявление в указанное место. Земля сдается на каждую семью 2000 кв. м. Взнос при подаче заявления 50 рублей с обязанностью посева овощами 30% всей земли под овощи. Население сомневается в том, что нем чем будет вспахать и нанять никого не найдешь.

[Март]

1-го марта. О снижении цен на продукты. Об электросвете. Воскресенье, на базаре заметное снижение цен на продукты питания, а главное на подержанные вещи. Питание — пшеница была

12 руб., а стала 9 руб., яйца были 25 руб. штука, а стали 15 руб. шт. Молоко было 110 р. литр, а стало 80 р. литр. Ощущается тяготение к деньгам, а особенно многие предпочитают германские марки, так как за марки легче купить у немцев табак, с фронта слышна весь день пушечная перестрелка, в городе было два взрыва бомб. Над городом пролетело два русских самолета и три немецких, бомб не сбрасывали. По слухам говорят, что красные части отступили до Ростова, ночью была слышна сильная пушечная стрельба по берегу моря по направлению к Мариуполю. Из жилотдела 31-го завода приходил электромонтер, осматривает линию электропроводки, говорил, что к 15 марта должны дать свет, как только исправят линию электропровода, идущую с Мариуполя до г. Таганрога.

2-го марта. День и ночь прошли спокойно с фронта выстрелов не слышно, самолетов не было. Наблюдается большое движение автотранспорта.

3-го. Об установлении милицией цен на продукты. С утра слышна орудийная перестрелка в сторону Матвеева кургана. Налетов самолетов на город не было. Несколько снарядов упало с противоположного берега дальнотойного орудия. По городу начинает развеваться торговля. Открываются комиссионные магазины и скупка поношенных вещей. На базарах началась продажа продуктов на столах за деньги. Базарная милиция ведет борьбу с дороговизной цен. Цены на продукты заметно снизились на 25%. Фронт отодвинулся в сторону Ростова от Таганрога на 30 км. На базаре немецкие солдаты забирают у продавцов-крестьян яйца и платят по цене 1 р. за штуку, а на базаре цена 15 р. штука, а кто пытается протестовать, того отправляют к коменданту базара.

4-го. В 8 ч утра советский самолет налетел на город, давал очереди из пулемета. С фронта не слышно ничего. Все спокойно, и день и ночь прошли спокойно.

5-го. С утра слышна с фронта сильная орудийная перестрелка. Фронт подвинулся ближе к Таганрогу, погода установилась ясная, солнечные дни, ночью 5 градусов мороза. Цены на базаре на продукты постепенно снижаются, некоторые продукты снижаются [на] 50%.

6-го. День и ночь прошли спокойно, с фронта не слышно стрельбы, погода изменилась, шел весь день и ночь снегопад.

7-го. Весь день и ночь шел снегопад. С фронта не слышно стрельбы. Передают словесно, что фронт стоит около Ростова за Синявкой. Приходили три барышни, собирают, кто пожертвует для русских раненых военнопленных, ложки, тарелки и проч. На кирпичном заводе открыли госпиталь для русских раненых военнопленных.

8-го. Весь день с 4 ч[асов] утра и до 7 ч[асов] вечера были сильные бои на фронте, в сторону Кургана слышна сильная ору-

дийная стрельба. Воскресенье, большой базар. На базаре все, как продукты, так и вещи, сильно дешевеют, зерно подешевело на 70%. Поношенные вещи очень в плохом ходу.

9-го. О поведении женщин с немцами. С ночи и до 12 ч дня сильные орудийные выстрелы и пулеметная и оружейная перестрелка в районе северного поселка и взрывы бомб дальнотойного орудия. Последний день принятия заявления на получение в аренду участка земли под огороды, уплатил аренду 50 руб. Получил в Земоделе огородные семена. На базаре немцы учиняют самоуправие, забирают на столах у крестьянок яйца, сало, молоко и платят по ценам, существующим до прихода немцев, почему на базаре и нет в продаже яиц, молока и проч., а можно купить только из-под полы. Таганрогские женщины невольно заставляют обратить на себя внимание и создают нехорошее мнение о поведении с немцами. Некоторые похожие с внешнего вида на барышек, стараются через посредство базара познакомиться с немецкими офицерами, подсматривают, когда офицеры покупают или обменивают обыкновенно на табак или сигареты какие-нибудь хорошие вещи, в это время они стараются предложить свои такие же вещи, только на дому и тут же дают свой адрес или же ведут их к себе на квартиру и уже входит в обыкновение и даже счастливицам, удавшимся познакомиться, начинают завидовать, что такой-то (Шурочке) удалось познакомиться с немцем. Много случаев, что солдаты собираются уехать с немцами, были случаи, что как будто бы женились и брали с собой жен и отвозили до Мариуполя и возвращали обратно домой пешком, а приданое вещи оставались немцу на память о распутных таганрогских женщинах. На открывшихся курсах немецкого языка занимаются исключительно женщины, большей частью из тех, где квартируют немцы, и вообще женщины, молодежь, многие уже объясняются с немцами на немецком языке и вообще была большая гонка за самоучителями немецкого языка.

10. III. Весь день на фронте затишье, выстрелов не слышно. Вывешен приказ о воспрещении лицам городского населения ходить в прифронтовые селения, Северный поселок, ст. Марцево, Николаевка и другие, для прохода необходимо брать пропуск у коменданта города, другие документы не действительны.

11-го. Объявлена по городу регистрация детей от 7 до 15 лет. С фронта слышна временами орудийная перестрелка. В таганрогской газете за 7. III «Новое время» в статье о партизанах германское верх[овное] командование извещает, что все лица, заметившие о действиях партизан и вовремя заявившие военным властям, будут наделены достаточным количеством земли в собственное владение и воззвание ко всем гражданам сплотиться в единое общество европейских людей и всем вместе завоевать себе свобод-

ную и хорошую жизнь. В статье «Чем ты помог фронту» говорится, что тот только имеет право садиться за общий европейский стол, кто честно принимал участие в освобождении людей от еврейского владычества и в прочем за настоящую войну Гитлер в своей речи всю вину слагает на Америку и Англию. В статье обо всем автор старается разъяснить, что Япония в силу того, что у нее промышленность развивается, а серьезных баз нет, нет угля, нет руды и пр., и пр., а население размножается ежегодно в миллионах человек, то Япония и вынуждена искать на стороне недостающие у нее территории и сырье путем насильственного захвата, как уже и была захвачена Северная Маньчжурия и образовано Маньчжоуго, под ведением Японии, и теперь она старается и намерена отнять и завладеть некоторыми островами и территорией, принадлежащими США и Англии. Ставка Главнокомандующего в сводке сообщает, что на Восточном фронте идут сильные оборонительные бои. На базаре и везде по городу наклеена карикатура: Сталин едет верхом на рабочем и погоняет плеткой, на конце плетки 5-конечная звезда и написана песня: «Широка страна моя родная, в ней много нищих и калек, я такой страны не знаю, где так тяжело дышит человек».

12-го. Редкие орудийные выстрелы береговой охраны артиллерии. Вывешено объявление бургомистра г. Таганрога. Всем домохозяйкам составить списки на жильцов, для перемены продуктовых карточек. Все лица, не работавшие, должны быть зарегистрированы в Отделе труда от 15 до 60 лет. Карточки выдаваться будут на 1-е апреля (норма выдачи пока неизвестна). Рабочим уже норма выдачи повышена на 500 г, а особенно на предприятиях, работающих на оборону, и высококвалифицированным. С фронта ничего не слышно. День и ночь прошли спокойно.

13-го. День и ночь прошли спокойно, выстрелов с фронта не слышно, самолетов тоже не было. Весь день шел снегопад.

14-го. Погода изменилась, с ночи задул сильный ветер с морозом и весь день не переставал. По городу открылись все колонки для воды, население немного легче вздохнет, обещают дать электросвет, но неизвестно когда. По рассказам крестьян, германцы жестоко расправляются с населением. Неизвестно откуда в Таганрог привезли партию ребят, все в формах ремесленного училища или ФЗУ и всех уничтожили. В городе Таганроге тоже много взято молодых ребят и где они находятся, неизвестно.

15-го. Погода на дворе сильно похолодала. Мороз до 20 градусов, сильный ветер. С фронта неслышно, выстрелов самолетов не было.

16-го. С фронта слышна сильная орудийная перестрелка, весь день и ночь — налеты самолетов. По разговорам известно, что

красные ведут наступление и как будто бы первую линию окопов у немцев отбили красные. На площадке 65 завода обучают русских молодых ребят, записывающихся добровольцами в германскую армию. Немцы обещают всем записавшимся в немецкую армию добровольцем, тем платят по 40 марок в месяц и паек солдатский, обмундировку и по окончании войны выдадут участок земли на вечное пользование бесплатно (и, вероятно, из захваченной у советской власти).

17-го. Об изменении положения в центре города. Прошло пять месяцев вступления немцев в Таганрог. Многие изменилось в городе и в жизни людей и в самом городе. Улицы переименовались по дореволюционным названиям так, что наименование их старое могут знать только жители старого Таганрога, а молодежь вовсе не знает. Установленные на улицах, в парках, в садах, в скверах статуэтки теперь можно видеть местами одни пьедесталы, кое-где еще уцелела, но некоторые без рук, некоторые без голов, а памятники и бюсты Ленина и Сталина везде уничтожены с первых же дней прихода немцев. Рабочие городки заводов наполовину опустели, огромные дома в 4 этажа на целый квартал стоят пустые, окна все повыбитые, плиты в печах, на кухнях повыломаны, решетки и ограды, скамейки все поломаны. Воду приходится всем носить с моря, да и в назначенное время, с 9 до 4 ч. Свету нет. Керосин на базаре 100 р. литр. С отоплением квартир населению очень трудно, особенно тем, кои жили в домах с паровым отоплением, им талонов на покупку угля в Гортопе не выдавалось, а в квартирах и домах за отсутствием водопровода паровое отопление не велось. И кто смог, понапеккали, где с учреждений, где с заводов, а многие только и ходили по ночам да ломали постройку, сараи, заборы и рубили на дрова. В отношении продовольствия и хлеба. Хлебом население, можно сказать, что запаслось до мая м[еся]ца. Многие имеют достаточно и провизии, но большая часть населения недоедает, большие трудности переносили люди, ходившие для мена в селения, особенно женщины многосемейные. Некоторые ходили по 15 раз и за 60 км. Многие пообморозились, лицо, ноги, руки, а много и совсем померзли. Большое затруднение люди испытывали в помоле зерна на муку. Немцы хотя и открыли маленькие механические мельницы для простого помола, но нужно было нести горючего на каждые 16 кг. 1 литр и взимают 20% гарнцев за помол, и население стало приспособлять всевозможные ручные жернова, терки и мясорубки для размолла распаренного зерна. Для употребления в пищу большую роль сыграл кормовой бурак, так как картофеля совсем на базаре нет, а если и есть, то и цены до 200 руб. кг, и капуста кислая 35 руб. блюдечко, то бурак стал заменять и картошку и капусту. Мясо

на базаре встречается, то конина; то кто его знает, что и установить трудно и битое илидохлое, но многие покупали, не считаясь с качеством. В настоящее время проводится борьба с дороговизной, а поэтому некоторые продукты совсем исчезли с рынка, а продаются по улицам, по закоулкам и по квартирам вразноску, молочные изд[елия].

18-го. На фронте затишье, выстрелов не слышно. На 31-м з[аво]-де немцы начали менять уголь на яйца — 10 шт. яиц — 80 к[г] угля, в городе меняют пшеницу на яйца 40 шт. яиц — 16 кг пшеницы. По городу наблюдается совсем малое движение автотранспорта, больше стали ездить немцы на лошадях, гужтранспорт применяется везде. С 31-го завода вывозят всевозможные деревянные детали, станки, приспособления, везут к фронту, как видно, для отопления убежищ.

19-го. Весь день и ночь спокойно, выстрелы слышны изредка с фронта. Открылась колонка с водопроводной водой, брали все. Выдавался печеный хлеб по карточке № 14 с 16 по 23/III по одному кг на человека.

20-го. Весь день и ночь спокойно, выстрелов не слышно, самолетов не было. На базаре продукты питания вздорожали на 50% по случаю плохой погоды.

21-го. Домком отобрал паспорта и составил списки для получения новых продуктовых карточек с 1-го апреля, норма выдачи пока неизвестна. По рассказам, передают, что в Мариуполь ворвались красные. Выбили всех немцев, выпустили и забрали с собой много политзаключенных немецких солдат, предполагавшихся отправить в Германию для произведения показательного суда и выполнения наказания, забрали своих 600 человек русских пленных, пробыли в Мариуполе 4 часа и уехали невредимые. С фронта слышна оружейная перестрелка.

22-го. С фронта слышна оружейная перестрелка, в магазине выдавали муку по карточке № 16 по 700 г на человека на 7 дней. Температура на дворе холодная, мороз до 20 градусов, ветер северный, дни ясные, днем — маленькая оттепель. Домком составил список на получение воды из колонки водопровода.

23-го. С 8 ч утра был налет советских самолетов, сброшены бомбы в районе Собачеевки. Несколько снарядов упали в городе, посланные с того берега дальноточными орудиями. С деревень немцы гонят ежедневно на бойню коров, подростков, телят для убоя на мясо. По деревням, лежащим по берегу моря до селения Поляковка и в окрестности, наложено на каждую дойную корову один литр молока в день и доставлять обязаны в село Поляновку ежедневно. Сегодня погода теплая, а поэтому с 1-й больницы пустились на милостыней, лежавшие на излечении, военнопленные русские солдаты, и при хорошей погоде их ходит очень

много, не успели встречать да провожать, по их жалобам, как видно, что очень плохо кормят, и очень малые порции, а также очень мал паек хлеба. Пришедшие женщины с деревень, ходившие менять продукты питания, рассказывают, что по селам румынские солдаты бесцеремонно загоняют в амбар на ночлег всех пришедших для мена из города людей, а молоденьких девушек и вообще красивеньких берут и уводят к себе на квартиру на ночевку. Такие вещи проделываются в тех селениях, где стоят румынские военные части.

24/III. Весь день периодически падали снаряды с того берега, с фронта слышна редкая оружейная перестрелка. Проходя через кладбище, бросается в глаза очень большая смертность, людей так много хоронят, что в сравнении с прошлым наполовину больше, а в особенности много умирает детей, а вновь рождающиеся вымирают на 50%, так как и матери питаются кое-как и чем попало разными суррогатами, а потому и ребенок от плохого питания матери не выдерживает и умирает.

Подкармливать же ребенка нужно молоком и сахаром, но молока на базаре нет, а его нужно искать где-то, да и цена была все время 100 р. литр, а в настоящее время, так как милиция стала преследовать и штрафуют за повышенную цену, а велят продавать по цене существующей до прихода немцев, т.е. 6 руб. литр, то на базарах молочные продукты совсем исчезли, а приезжие из сел торгуют молоком в проулках, в разных закоулках, а к местным нужно ходить на дома и искать, у кого есть корова дойная.

25/III. Получили новые хлебные карточки, на двух карточках вырезано пять хлебных №№. С фронта слышна оружейная перестрелка, по городу наблюдается интенсивное движение автотранспорта и гужтранспорта, налетов самолетов не было.

26/III. С фронта слышны выстрелы оружейные весь день. Крестьянки с поселка Баромдескина рассказывают, что 23/III чрез лед по морю перешел отряд красных, перебили всех немецких солдат по всему поселку и где стояли на квартирах, испортили и взорвали немецкие береговые охранные боевые точки, орудия и пулеметы и благополучно скрылись на море, оставили одного убитого и одного раненого.

27/III. День и ночь прошли спокойно, выстрелов не слышно, налета самолетов не было. В деревнях немцы арестовывают всех проходящих без пропусков, пришедших менять, и отправляют под конвоем в Таганрог. Для того чтобы получить пропуск нужно подать заявление коменданту города и нужно ходить целую неделю, да и еле получишь, если только есть уважительные причины, а то еще и не разрешат.

28/III. С 4 ч[асов] ночи слышны оружейные выстрелы, весь день прошел спокойно. Очевидцы рассказывают, что в селении Лака-

демоновка комендант села и вообще местная власть чинит свой праведный суд за клевету на немецких солдат (вывешен приказ) отпустить 10 плетей в спину, и для исполнения приговора двое палачей из наших приверженцев, один садится на голову, а другой на ноги, а третий бьет, вместо плети берет тонкую сырую вишневого дерева палку и ей бьют по голой спине, а мужчине одному дали 25 палок, то он еле-еле живой остался и кровь текла по штанам, стекала на землю. На крестьян начинают налагать налоги. Молока с коровы должен сдать 500 л. Куриц оставляют по 5 шт. Сегодня 1-й день хорошая весенняя погода, утром первый раз ставили самовар, а вечером тоже, с 1931 года самовар лежал в подвале. Теперь же, когда не стало керосину для примуса, а также и дрова внатяжку, приходится искать, как бы экономнее обойтись вскипятить кипятку, вообще население города очень нуждается в топке, все время стояли холода, морозы, и многие сидели в холодных квартирах, да еще и хлеб нужно выпекать самим в духовках, что и удвоило расход топлива, а в продаже уголь и дрова на базаре до 100 р. ведро.

29/III. Воскресенье, погода очень теплая, вывешено объявление об обязательной регистрации всех безработных с 14 лет до 50 лет в районном отделе труда. С фронта по временам слышна оружейная перестрелка.

30/III. Вывешено объявление Гормилиции, что во дворе здания 6. НКВД в канализационном люке найдены изуродованные трупы убитых людей. Просьба знающих об убийстве оных заявить. Публика свободно может заходить для опознания убитых лиц.

31/III. Воскресенье, базар в особенности большой, на базаре все начало дорожать, цена на пшеницу была 6 р., а стала 8 р. стакан, также и овощи, бурак был 10 руб., а теперь 20 р., яйца были 10 р. шт., а теперь 20 р. шт. Табак махорка 200 руб. пачка, мыло стиральное 100 руб. кусок, спички 15 р. коробка, молоко 70 р. литр, масло сливочное 1000 р. кг, масло подсолнечное 500 р. литр. Началась выдача хлеба по новым карточкам. Нам получать не по чему, так как у нас на двух карточках вырезаны 5 №, так как при составлении домкомом списков на получение карточек записывалось в графу, сколько имеет данная семья хлебных продуктов, и вот, поддерживая по привычке честность и правильность в показании хозяина о количестве зерна, я и показал, что у нас есть 15 кг, вот и вырезали 5 №. С фронта ничего не слышно.

[Апрель]

1/IV. Отдел труда проводит обязательную регистрацию безработных и всех работавших и поступивших на работу раньше при регистрации спрашивают, куда согласен выехать,

в Украину или в Германию, результат будет объявлен для выдачи пропусков на выезд 21/IV.

2/IV. День и ночь прошли спокойно, по улице много появилось русских милиционеров с белой повязкой на руке с германской надписью. Каждое утро идут маршем целыми заводами. Есть еще команды добровольцев, вступивших внаймы в германскую армию и уже обучаются военному делу по-германски, в станицах и деревнях крестьяне рассказывают, что много военнопленных вступают добровольцами в германскую армию.

3/IV. О взятии немцами на базаре жиров самовольно. Предпраздничные, т.е. накануне Пасхи очень большой сбор людей на базаре, германские солдаты и офицеры охотятся по базару за жирами, маслом, салом, яичками, как видно, немцы очень охотники до жиров и так как на дворах у жителей уже ничего этого не стало, то они теперь высматривают на базарах, но платить по существующим ценам не охотники, как уже они и привыкли быть хозяевами положения, что понравится брать самовольно безо всего, и на базарах, как увидели на столе что подходящее, и безо всякого спросу берут и кладут в свой чемодан и если яйца стоят 15 руб. штука, то они бросят на стол 10 руб. и больше не разговаривай. Одна крестьянка вздумала вцепиться немцу в руку, взявшему у нее яйца, объясняя ему, что у нее 3-е детей малых дожидают ее, пока она продаст яйца и купит им несколько стаканов пшеницы и сварит кашу, а немец в ответ начал ее избивать кулаком и основательно поколотил, и яйца не возвратил, а дал ей 10 руб., т.е. одну марку. Второй случай тоже у мужчины, продававшего кое-какие свои подержанные вещи, немец облюбовал себе готовальню, готовальня очень хорошая, большая, по ценам до начала войны она стоила до 100 руб. приблизительно, а теперь он за нее хотел взять 150 р., немец же сунул ему 2 марки, т.е. 20 р., положил на стол, а готовальню взял и уходит. Мужчина вцепился за руку немцу и просит возвратить готовальню, немец, не желая уступить мирно и видит, что собралась толпа людей вокруг них, ударил мужчину готовальней прямо по лицу и бросил ее, разбив мужчине весь нос, все губы и все лицо. Кровь залила ручьем, а немец, видя, что собралась толпа людей, схватился за револьвер и кричит на публику, ком, ком, т.е. иди, иди. С фронта ничего не слышно, день и ночь прошли спокойно. На кладбище совершались похороны лиц, найденных в колодезе НКВД 9 человек, процессия состояла из 4 священников, музыка, все несшие были одеты в черные халаты с крестами на черных шапочках, надетых на головы, на гробах положены венки, на могиле тоже высказывали речи погибшим лицам за веру и отечество и за правое дело.

4/IV. В городе все спокойно, по временам бывают выстрелы немецкой охранной артиллерии, с фронта тоже слышны отдель-

ные выстрелы. В деревне, где Золотая коса, ночью зашли красные и пошли по квартирам, где стояли немцы, с одной квартиры в окно выскочил немецкий офицер и его убили, а в дом стучались, а хозяева не отворили, то они им бросили в окно гранату, а сами скрылись, не потеряв ни одного человека.

5/IV. Воскресенье, православная Пасха. Попы начали себя чувствовать как у своей власти, беспрепятственно выполняют церковные обряды, святили пасхи и, вероятно, пойдут поздравлять с праздником верующих. Многие особенно местные жители, т.е. (старожилы), а старожилы обыкновенно были торговцы, ремесленники, кустари, извозчики, рыбаки, вся эта часть жителей Таганрога сразу же возобновила веру в Бога и усердно посещают богослужение. Из среды заводских рабочих пока еще не видно активности в церкви.

6/IV. Выпал снег толщиной 1/3 метра. День прошел спокойно, с фронта не слышно ничего.

7/IV. Вывешено объявление о немедленной сдаче населением города в указанное учреждение телефонных аппаратов, так как аппараты считаются собственностью государства. Следующее объявление. Во избежание в будущем голодовки, все граждане, желающие выехать на Украину для посева хлеба, могут записываться в отделе труда, где и производится регистрация.

8/IV. День прошел спокойно, вечером самолеты сбросили несколько бомб на окраинах города.

9/IV. Вечером в 7 ч[асов] самолет сбросил бомбы в районе завода Андреева. С фронта слышна по временам оружейная перестрелка. С фронта привозят много немецких солдат раненых.

10/IV. На базаре продукты питания вздорожали, особенно хлебные, пшеница по 10 р. стакан. В связи с записью на выезд в Западную Украину, записавшиеся вывозят массу домашней обстановки для продажи на базаре, с фронта слышны по временам отдельные пушечные выстрелы, над городом пролетали русские самолеты.

11/IV. День и ночь прошли спокойно, с фронта слышна оружейная перестрелка, в городе вывешено объявление: желающие работать на сельскохозяйственных работах в городском коммунальном хозяйстве могут записаться в указанном на объявлении месте записи.

12/IV. Воскресенье, на базаре большая масса людей. Многие распродают свои пожитки, собираются выезжать на Украину на с[ельско]х[оз]яйственные работы. Спекуляция на базарах входит в свои права, все продукты питания попадают в руки перекупщиков, тут же перекупают и тут же на столах и продают и за перекупщиками нет возможности купить у крестьян из первых рук,

а как к скупщикам попало, то уже вдвое дороже платить надо. С фронта слышна с 4 ч[асов] ночи сильная перестрелка оружейная и весь день до вечера.

13/IV. День прошел спокойно, с фронта слышны по временам оружейные выстрелы, появились разведывательные самолеты, бомбы не сбросили.

14/IV. Весь день слышны с фронта оружейные выстрелы. Вечером в 20 ч[асов] группа лиц отплыли от берега по направлению на ту сторону залива, немцы пытались остановить их выстрелами из орудий и пулемета, но не удалось, беглецы скрылись в ночной темноте в море. На 14-е число назначена была отправка записавшихся на выезд в Украину, поступило распоряжение, что отправка остановлена на 2 недели, а кто желает в Германию может отправляться.

15/IV. День и ночь прошли благополучно, с фронта не слышно выстрелов, на дворе ненастье.

16/IV. С фронта слышны оружейные выстрелы, над городом появлялись советские самолеты.

17/IV. Исполнилось 6 м-цев со дня вступления немцев в г. Таганрог. Много изменилось в жизни и быту города. Процветает спекуляция и частная торговля, все ларьки, мелочные и скупочные магазины старых вещей оказались у частных торгашей и преимущественно у б. продавцов Пищеторга, Промторга и вообще где кто торговал, и по-видимому, что было в магазинах, все присвоили и повывезли на дома, а теперь выкладывают на полки новый подбор товару. За спекулянтами на базаре ничего не купишь с первых рук. Производства вводят только для военной надобности. У населения стал ощущаться недостаток хлеба, а жиров уже давно нет, последнее время ходили люди в деревни за 60 км, а теперь нельзя. В 1-й больнице находятся на излечении русские военнопленные солдаты, ежедневно по несколько человек приходят за милостыней, обижаются, что плохо ухаживают за больными, медикаментов нет, лечения нет, а питание совсем плохое, хлеба дают 400 г.

18/IV. Утром зашел немецкий солдат с каким-то чином, взял самовольно цветок самый лучший (драценц) и унес. Оказывается, скоро именины Гитлера, вот они и собираются чествовать его и украшают буфеты цветами. Расстреляли начальника паспортного стола и двух сотрудников за выдачу паспорта военнопленному комиссару. При очистке больниц под госпиталь раненых немцев все безнадежно больные и умалишенные были уничтожены.

19/IV. Весь день слышна перестрелка с вечера и до 4 часов ночи, сильная оружейная перестрелка. Всю ночь пускались ракеты. По городу вывешено объявление о воспрещении раз-

бирать, ломать всякие жилые и нежилые строения, за невыполнение строгое наказание.

20/IV. В 7 часов утра появились русские самолеты, начали стрелять зенитки. По людским разговорам слышно, якобы немцы должны сегодня взять Ростов, в подарок Гитлеру на именины, а население оккупированной немцами местности и г. Таганрога ожидают с нетерпением прихода своих к 1-му Мая, особенно у которых семья разбита — одни эвакуировались, а одни остались.

21/IV. День и ночь прошли благополучно, с фронта не слышно ничего и с воздуха не было налетов.

22/IV. В результате воздушных налетов были сброшены бомбы, в районе города есть жертвы.

23/IV. Советские самолеты сбросили много листовок. Население с жадностью читает их и осторожно передает знакомым людям. Так же по деревням и селам. По городу объявлен раздел земли под огороды. Кто имеет на руках договор с отметкой об уплате денег, предлагают явиться по месту регистрации на огороды. Возвратившиеся с места огородов говорят, что землю отводит Земотдел за 14 километров от города. Многие из граждан посмотрели и вернулись, не взяли пайка огорода за отдаленность. Нашему району нужно выходить на дележку 23/IV.

24/IV. Утром в 7 часов налет советских самолетов, зенитки интенсивно защищали город.

25/IV. Весь день прошел спокойно. Ночью была сильная бомбардировка по самолетам, летавшим над городом и сбрасывавшим бомбы.

26/IV. Воскресенье — базарный день. Городская милиция с участием немцев оцепила базар и проверяла паспорта и удостоверения личности. На базаре появилось в продаже очень много рыбы. Цена на рыбу (судак) все еще стоит высокая — весом на 2 кг стоит до 70 руб., а было 120 руб. Немцы на столах у крестьянок отбирали яйца и ничего не платили. Настроение населения все более становится недружелюбным к немцам, по сравнению с первым месяцем их пришествия, а по селам и деревням военнопленные казаки, да и вообще все вступившие добровольцами в германскую армию, везде встречают на дорогах, на мостах у людей, идущих с города для меня и обратно с продуктами, и все дочиста отбирают.

27/IV. День и ночь прошли без перемен. Вывешено распоряжение о порядке убоя скота. Убивать скот самовольно воспрещается. Второе приказание — об обязательной сдаче военным властям оловянных изделий и олова. За обнаруженное олово после срока, указанного в приказе, будут строго наказаны. Объявление о сдаче библиотечных книг и библиотечного имущества. От-

правилась первая партия лиц, записавшихся ехать на работу в Германию, запись все продолжается. Одиночек записывают, не спрашивая их желания, и многим не желающим ехать с трудом вернули паспорта.

28/IV. День и ночь прошли спокойно, только немецкие пешотные части маршируют по улицам со своими немецкими песнями. Население города не может равнодушно относиться к их песне, а с ненавистью каждый смотрит и думает, а когда же это все кончится, а поете вы на свою голову, ибо скоро придет тот час, что некогда будет вам распевать, ходить на прогулку на чистый воздух, накушавшись советского мяса, масла, сала, молока, яиц, рыбы, куриц, индюшек, гусей, уток, а также и овощей, и за 6 месяцев выкормились все красные, как быки. Как видно, по немецкому желудку пришлось советско-колхозное добро, а также и крестьянское. Зато на кладбище в городе прибавилось новых могилок. Если взять сравнение год тому назад, то, пожалуй, вдвое больше людей померло, а в особенности пожилых, больных сердцем и прочих, так как недоедание и нехватка жиров, а поэтому обмен веществ в организме людей вызывает всевозможные болезни, люди начинают опухать, лицо, ноги, является головная боль и общее недомогание, болят ноги, руки и общее расслабление, даже как будто бы обнаружено заболевание цингой, а лечение совсем плохое, лекарств нет, врачей тоже хороших нет, да и плохих не хватает. Население оккупированных районов с радостью собирает по полю и везде разбросанные листовки советскими летчиками и очень довольны, что о них там за фронтом не забывают и все же, хотя коротенькую, весточку посылают. А то ведь у немцев на квартирах стоят наши же радиоприемники самые лучшие, но они, как Москва передает последние известия, все выключаются и трансляция городская также не работает и население не знает даже, где находится фронт.

29/IV. Весь день немецкие автомашины и вообще мотоциклы проявляли особенную активность беспрерывно взад и вперед через рабочие городки 31 и 65 заводов. Налеты советских самолетов, но без стрельбы. С фронта слышна оружейная перестрелка. Настроение у населения города напряженное, все ожидают 1-го Мая — своего родного праздника, а в особенности выполнение обещаний советских листовок, что май мы будем встречать вместе в Таганроге. Характерное совпадение перед 20-м числом, когда немцы распустили слух через своих прихлебателей, что к 20-му числу апреля мы должны взять Ростов в подарок Гитлеру на его именины. И вот вся публика была в паническом настроении, в ожидании известий о взятии Ростова. К этому же времени совсем не слышно стало с фронта оружейного выстрела, все люди

положились на то, что, значит, фронт действительно ушел к Ростову, выходит, что красные не выдержали и отступили к Ростову. А тут уже распустили слух, что красные отступили к Батайску. Ну, все пали духом, значит, придется многим погибать с голоду, не дождавшись своих освободителей. И вдруг люди получают точные сведения с сел, что фронт, где стоял, там и стоит. А вот же все-таки, как видно, попытались они наступать, да, наверное, им красные накрошили мяса на пирог Гитлеру на именины, ибо очень много раненых повезли в Таганрог. Вот и в настоящее время люди присматриваются, прислушиваются к каждому выстрелу, перешептываются друг с другом, и у всех одно мнение, — наверное, погибнем, не дождемся хотя бы взглянуть на своих дорогих сыночков, защитников и освободителей от этих анафемских варваров. И вот завтра остается один день. Всех интересует, а сколько же дней в апреле, хотя бы хватило дня для того, чтобы выгнать немцев с Таганрога.

30/IV. Последний день апреля, завтра 1-е Мая — пролетарский праздник, по ту сторону фронта, на советской земле отмечается все достигнутое советской властью. По Таганрогу наблюдается оживленность немецких воинских частей. С 13 часов немцы обошли все огороды и забрали все железные лопаты для рытья себе убежищ возле казарм, обещали возвратить, но еще не возвратили. С 20 часов начался налет советских самолетов. Все время слышны взрывы бомб и выстрелы зениток и пулеметов. Со слов немцев, — большевики отбили обратно Горловку.

[Май]

1/V. Под 1-е Мая с вечера началась слышаться сильная оружейная перестрелка. Пулеметы стрекотали всю ночь в разных направлениях за город ежечасные налеты советских самолетов и сбрасывание бомб и стрельба по ним с зениток. Всю ночь до утра было тревожное и напряженное состояние. Стены домов содрогались, стекла в окнах дребезжали. В рабочем городке 31 и 65 заводов положение стало опасным, так как во многих домах квартируют воинские вновь прибывшие части, как видно, вновь призванные, все молодежь лет по 18.

2/V. День прошел спокойно, ночью слышна оружейная перестрелка, налетов самолетов не было.

3/V. Весь день периодически слышна с фронта оружейная канонада, а также и по городу в разных концах временами слышны пулеметные очереди и оружейные выстрелы. По городу расквартировано много немецких воинских частей, ведется усиленное обучение. Как видно, новый призыв 18 лет, а также и наши русские люди, записавшиеся добровольцами, ежедневно маршируют по рабочему городку, с песнями: «Соловей, соловей,

пташечка...» и «Чубарики чубчики...». Вновь прибывшие воинские германские части начинают обзаводиться бесплатными вещами, на дороге осаживают проезжих на велосипедах и отбирают, а также шарят по квартирам и что попадает подходящее забирают. Выходит, что каждая вновь прибывшая часть обеспечивает себя награбленным имуществом у населения города, и так все 7 месяцев. Были случаи, что владелец пытался не давать вещи, то немцы его изрядно избивали, да еще, пожалуй, шомполом.

Сегодня воскресенье, вся духовная свора, вылезшая из-под укрытия, скинула с себя овечью шкуру и уже облачилась в духовную одежду, в рясы с широкими рукавами и с крестами на шее, на цепочках, благословенные им Николаем 2-м в честь коронации на его царство. Протоиереи, священники, дьяконы и псаломщики службу совершают, пока в доме на кладбище, т.е. в сторожке, не хотел верить своим глазам, когда я увидел идущего мне навстречу протоиерея в солидной рясе, с крестом на шее и с тростью в руках. Это бывший мой сослуживец, в ЖКО 31-го завода он был сторожем в банно-прачечном комбинате, а последнее время, до прихода немцев, был в качестве портного, шил на общежитие разное белье, матрацы, наволочки, простыни. Люди поговаривали, что он из духовенства, а особенно его жена, уж очень она ненавидела советскую власть, ну, теперь она опять пока будет попадья.

4/V. Сегодня с утра назначена отправка рабочих в Германию. Это уже 4-я очередь. Со слов возвратившихся почему-то обратно, рассказывают, что по приезде на место в Германию, всякий лишается самостоятельности, все имеющиеся при себе вещи отбирают и выдали после бани одно нижнее белье. Квартиры — в концлагере. Командировочных и подъемных никаких не платят, дорожное довольствие — на свой счет. Так что многие из наших дезертиров, записавшихся добровольно и ехали с охотой, полагали, что их там будут встречать с простертыми руками. Со слов молодых мужчин, уезжающих, можно заключить, что все они боятся, что в случае красные вернутся, то их в первую очередь мобилизуют в Красную Армию. Тогда-то они отпрятались, а многие дезертировали с Красн[ой] Арм[ией], а теперь уж номер не пройдет, ибо и старухи, и жены мобилизованных в Кр[асную] Арм[ию] при всяком разговоре, в особенности в очередях за хлебом, где наши мужчины, а особенно молодняк любят влезть без очереди, нахрапом, а если вздумаете ему сказать, чтобы встал в очередь, то он тебя же и обругает, вот тут и начинаются с толпы женщин да стариков уколы и реплики разного рода по адресу всех дезертиров, прятывшихся от мобилизации в Красную Армию, а теперь и боитесь

ее прихода, ибо уже не отпрячешься, все равно соседи выдадут, а особенно красноармейка.

5/V. День и ночь прошли спокойно, временами слышны были орудийные выстрелы. По городу вывешено объявление с призывом всех граждан о помощи по выявлению партизан. Выплачивается вознаграждение в городе до 1000 руб., а в деревне — двойной паек земли на вечное пользование, и в селе лицам, прибывающим в чужое село, немедленно нужно явиться к старосте и коменданту.

6/V. Прибыли германские военные части из новобранцев последнего призыва. Все — один молодняк 18 лет, и сейчас усиленно ведут военное обучение на всех родах оружия. Целыми днями раздаётся оглушительный гул орудий, пулеметов и прочих оружий. Из прибывших частей есть группы, состоящие из русских, большей частью украинцев. Это считается добровольческая часть. Но со слов тех же добровольцев якобы их немец мобилизовал насильно и обучает по-своему. Обмундировка и вся амуниция такая же, как и у немцев.

7/V. С утра появлялись самолеты, над городом бомбы не сбрасывали. С фронта слышна орудийная перестрелка.

8/V. Вывешен по городу приказ о запрещении выхода населению с родных мест в другие села без разрешения старосты и коменданта, а по прибытии немедленно являться до старосты. В некоторых местах на городской земле, выданной в аренду жителям под огороды, запретили производить обработку земли и посадку овощей и прогнали всех людей с огородов, а сами устраивают укрепления, устанавливают пулеметы и орудия. Люди всему придают большое значение, что, может, немцы думают отступить, ибо и телефонную связь уже снимают по городу, и даже немцы, где стоят на квартирах, и даже хозяевам передают, что 15/V мы уйдем, а придут красные. Но все это уже вышло из вероятности, так уже люди потеряли всякую надежду верить в то число, в которое якобы все это совершится и придет наша родная Красная Армия. В том, что нас освободят из-под ига немцев, люди твердо верят, но не верят в назначенное время, а неизвестно где.

9/V. День прошел спокойно. Ночью с 20 часов до 24 часов — оглушительные взрывы бомб от обстрела с советского берега дальноточных орудий, и налет советских самолетов, сброшены в городе бомбы.

10/V. С утра и весь день шел сильный дождь, везде спокойно, с фронта ничего не слышно. Из разговоров известно, что из расквартированной в доме 32 рабочего города з[аво]да № 31 добровольческой части, сформированной из русских военнопленных и частных лиц, оказались многие рыбаки, изъявив желание ловить в море рыбу и получив разрешение от начальства поймать

рыбы для своей части, взяли из рыбацкой артели баркас и ловечные снасти и отправились в море, но только уже обратно не возвратились, а переехали на советский берег, как видно, покушали немецких палок.

Сегодня была очередная отправка людей в Германию. Отправлялась исключительно молодежь, ребята, девки и женщины несемейные. Сколько плачущих, как уезжающих, так и проживающих, ибо запись производится без всякого разговора — нет семьи и без разговора, а если есть семья на иждивении, неси справку или метрическую выписку. Если нам, советским людям, усмотреть как следует в эти насильные отправки людей, то невольно воображаются старые времена рабовладения — стоят люди и дожидаются — вот подъедут, заберут их и увезут неизвестно куда и что заставят делать — тоже неизвестно, и спрашивать не у кого, а будешь допрашиваться, то получишь плети или палки, а то и по морде заедет немец. А люди, стоявшие для отправки, сразу видно, что это невольники и рабы немецких магнатов — нет той энергии, веселья, резвости, какая бывала у молодых людей при отправке куда-нибудь на ново-строящиеся предприятия в советской России. Бывало, — песня, пляски, гармошки, гитары, везде по группам веселье, а также и в вагонах по железной дороге. А тут стоят невеселые, угрюмые, заплаканные, каждый сам себе, ни друг, ни товарищ, поистине невольники, рабы всяк сам по себе.

11/V. Весь день и ночь шел сильный дождь. День и ночь прошли спокойно. В город конвой погнал всех лиц, которые вышли с города в деревни для мены продуктов, но без пропусков, согласно приказу.

12/V. Все спокойно, с фронта ничего не слышно. С 20 часов началась сильная воздушная бомбардировка с советских самолетов. В 24 часа происходил сильный шум и грохот автотранспорта, похоже на передвижение воинских частей и снаряжения.

13/V. К вечеру усилились на фронте орудийные выстрелы. Ночью слышна была по направлению к Ростову сильная канонада, передают со слов, что советский бронепоезд приходил на линию фронта и чуть ли не до Таганрога. Отправка людей в Германию продолжается, но сделана отсрочка с 12 до 17 числа. Характерный способ изобрели германские офицеры. Для того чтобы не поехать в Германию, особенно девушкам, нужно пойти с офицером, куда он поведет, на ночь и тогда получает на руки бумажку и остается на месте в Таганроге. Но то, что ночевать, то это факт налицо, и [в] 31 доме, а вот, останется ли дома — еще неизвестно. Может быть, с этой бумажкой отец с матерью в уборную сходят, позволившие такую учинить мерзость над своей родной

дочерью, хотя эти люди не очень страшатся бесчестия. Их четыре человека и все взрослые малые, детей нет, и они не эвакуировались с заводом, побоялись, что там могут мобилизовать сына в Красную Армию, а здесь, у германца, мы будем поживать спокойно, но пусть там себе защищают родину, а нас это не касается. А теперь вот и коснулось, пришлось пухнуть от недоедания, да и сына, вероятно, увезут в Германию и дочь, хотя, может, останется за ночевку с офицером, и по твердой цене.

[Июнь]

17. VI. Крестьяне-хлеборобы, тоже 50%, радовались приходу немцев, а особенно оставшиеся кулачки и подкулачники, ожидая, что откроется им полная свобода действий — ни заготовок, ни налогов никаких, все пойдет только в свою пользу. А получилось наоборот — все давай и подчистую — молоко полный удой, яйца, ск. есть, коров забирают прямо со стада, свиней уже всех перерезали, рабочий скот, который лучше, позабрали, а на негодном остались крестьяне и пахать весной и сеять пришлось нечем, пришлось копать лопатами и сеять по стерне кукурузу. Теперь уже мнение сложилось другое — уже 80% ждут ухода немцев с нетерпением и с радостью ожидают прихода красных. В городе тоже. Даже те, кто с радостью открывали свои мастерские, бывшие артельщики и работавшие впоследствии на производствах, а по приходу немцев открыли свои мастерские, как будто бы сами хозяева и то уже поговаривают, что пожертвовали бы своими мастерскими, лишь бы ушли немцы и возвратилось то, что было. Одни лишь бывшие собственники домов, да бывшее кулачество и буржуи с попами и разная свора, начавшая творить собственные спекулятивные и коммерческие дела, те еще надеются пожить за спиной немцев. В селениях выгоняют бедняков, колхозников со своих бывших домов, отобранных советской властью и даны беднякам. Но в связи с отправкой людей в Германию, а их тоже не милуют, то у многих уже мнение складывается другое. Что советская власть отправляла хотя по своему государству, а эти совсем в чужую сторону и не знают куда.

18–19–20. VI. Полное затишье с фронта, ничего не слышно. Самолеты ежедневно и ночью делают налеты главным образом на трактовые дороги, в городе сброшено много бомб, есть человеческие жертвы.

21. VI. После долгого перерыва магазины начали выдавать хлеб по карточкам по той же норме. С фронта слышна оружейная перестрелка ночью, налеты самолетов. В связи с тем что большое количество людей, подлежащих отправке в Германию, не являются на биржу труда, а скрываются и не хотят получать хлебных карточек, а ходят в деревни и меняют продукты. Поэтому

на всех переправах через реку Миус установлен строгий контроль, без пропуска и регистрационной карточки отдела труда с отметкой, а без этого не пропускают за Миус и вообще по деревням.

22. VI. Весь день и ночь затишье, с фронта ничего не слышно. Немцы и румыны празднуют годовщину вступления германских войск на территорию СССР.

23. VI. Все стоявшие военные части из новобранцев. Отправились на фронт с полной боевой обмундировкой. В детяхлях у кладовщика немецкие воинские части выменяли за 10 шт. яиц хлеба 1 кг 200 г и за лук 1/2 кг.

24 и 25. VI. Временами слышно с фронта активная оружейная перестрелка. По рассказам крестьян, что идут сильные бои на Курганском и Никлиновском направлении. Самолетов не было.

26. VI. С 5 часов началась бомбардировка со стороны Ростова, сначала бомбы падали около завода «Гидропресс» и по другим местам, а затем бомбы начали падать в центре на улице Гоголя на новом базаре и по улице Чехова. Люди с базара хлынули толпой бежать с базара получилась суматоха, давка, слабые падали, а здоровые перепрыгивали через них и по ним, есть убитые и раненые. Положенная на 26 отправка людей в Германию отложена до объявления, на Украину тоже пока запрещено. Все окраины города и дороги, где находились военные части, подверглись сильному обстрелу с самолетов красными.

27. VI. Весь день и ночь велись бои, с фронта оружейные выстрелы и налеты самолетов; с города беспрерывно выезжают жители в тыл и на Украину, избегая голодовки, хлебное зерно на базаре ужасно дорого. Пшеница 18 р. чайный стакан, ячмень 12 р., кукуруза 15 руб. Вывешена такса, как на все продукты питания, но на них никто не обращает внимание и торгуют кто как захочет.

28. VI. Весь день активные налеты самолетов, на фронте идут сильные бои, все время слышны оружейные выстрелы.

29–30. VI. Днем спокойно, с фронта слышна оружейная перестрелка. По ночам активная воздушная бомбардировка. Немцы, как видно, все вырывают окопы и укрепления. Гонят людей на рытье окопов. Ломают и разбирают постройки. Много уже поломали барачных и общежитий для рабочих. С заводов вывозят всевозможные строительные материалы. На 31-м заводе уголь кокс меняют населению за яйца. За 5 шт[ук] яиц набирай сколько донесешь.

Июль

1. VII. День спокойно, ночью сильная бомбежка с воздуха. На фронте перестрелка. В деревню Барандакино переехали девушки, со стороны красных якобы бежали от красных, но немцы их заподозрили за партизанок и расстреляли.

2. VII. День и ночь спокойно, с фронта временами слышны выстрелы. С самолета сброшено везде много листовок, сообщение о положении на фронтах. По городу везде вывешено объявление, что Севастополь пал и находится в руках немцев.

3, 4 и 5. VII. На фронте идут бои днем и ночью налеты самолетов, брошены бомбы, есть жертвы.

6 и 7. VII. Массовая отправка партий пешеходом людей в Германию и дают пропуска на Украину, кто отбракован комиссией и не годится в Германию. На фронте идут бои по ночам и днем город подвергся сильной воздушной бомбардировке, в городе много разрушено жилых построек и производств, кожевенный завод, пивзавод, городской сад.

8 и 9. VII. Ночью подвергся город воздушной бомбардировке, разрушены большие пятиэтажные дома. Много жертв. С фронта обстреливается город с дальноточных орудий, много поврежденных построек. Население города голодает, пропусков за хлебом в деревни не дают, а без пропусков не пропускают и забирают и сажают в подвал.

10, 11 и 12. VII. С фронта слышны периодические выстрелы орудий (через Таганрог), перелетает много немецких самолетов для бомбежки советских городов. На 65 заводе упаковываются и вывозятся неизвестно куда, все машины новые и старые. Разносятся слухи, что немцы якобы взяли Воронеж и готовятся наступления на Ростов-на-Дону. В воскресенье немцы праздновали в честь взятия русских городов. Румыны косят для лошадей зеленые хлеба, на крестьянских огородах хозяйничают без спроса, что им нужно, то и рвут.

13, 14, 15. VII. Происходят ночные воздушные бомбежки города, много разрушений и жертв. Начинается массовая торговля овощами, все очень дорого. Горторг пытается установить твердые цены на продукты питания и на промтовары, цены на зерно снизились, было до 24 р. стакан, а стал 15 р. за стакан.

16. VII. На фронте происходят сильные бои, красные продвинулись к Бессарабии, ночью сильные налеты самолетов в городе. Много разрушений и человеческих жертв.

17. VII. Исполнилось девять месяцев со дня вступления немцев в Таганрог. Чем можно отметить пройденный срок под немецкими правами. Особенно можно отметить наплыв нищих везде. На каждом углу сидят с протянутыми руками на тротуарах, а на кладбище и возле ворот особенно там, как смертность людей очень велика, а в особенности пожилых людей. Вокруг кладбища в домах открылись гробовые мастерские, гроб стоит 500 рублей. Людей опухших по городу 50 процентов от недоедания, часть населения, которая связана с немцами, живет на квартирах, прислуживает за немцами, многие своих дочерей отда-

ли для пользования немецким офицерам, те только и живут без нужды в питании, у них и электричество, и отопление, и все, что нужно, у немецких кухонь целыми днями толпится масса детей и женщин и старух в ожидании остатков от обеда на кухне, чтобы им раздали все оскребки или забракованную врачом пищу, многие этим только и живут.

18. VII. Наблюдается большой налет немецких самолетов, по слухам, говорят, что немцы начинают наступление и бомбят Ростов и ж[елезнодорожные] пути к нему.

19. VII. С раннего утра начался перелет немецких воздушных сил на фронт и весь день без остановки продолжалось воздушное наступление на советский тыл и такая масса самолетов, что и поверить невозможно. По городу выдача хлеба по карточкам не производится, за неимением муки, а выдавать якобы будут пшеном. В приюте для старых ежедневно вывозят мертвецов, без гробов, а прямо наваливают на дроги в ящик и как скотину валят в яму на кладбище по несколько трупов.

20. VII. На рынках началась регулировка твердых цен на продукты и промтовары. На фронт пролетело большое количество немецких самолетов, по слухам, бомбят Ростов и ж[елезные] д[ороги]. Прошел слух, что якобы Новочеркасск взят немцами, Шахты и Миллерово.

21. VII. Немцы делают наступление на Ростов, большое движение военных частей, ужасный гул раздается от множества больших самолетов, летающих над городом и движения автомашин. Много больших школ, как 26-я в рабоч[ем] гор[одке] 31 зав[ода], приспособляются для каких-то учреждений или госпиталей, беспрерывно приходят автомашины с ранеными с фронта, по слухам, якобы Ростов взят немцами.

22. VII. Сильное передвижение немецких войск с фронта, не слышно выстрелов, ночью разрушено 5 домов с воздуха.

23. VII. Ночью сброшены бомбы с самолета на немецкие зенитки, разносятся слухи, что якобы Ростов взят немцами, точно неизвестно, в город привозят большую массу раненых, ремонтируются школы под госпитали.

24. VII. Вывешено объявление, приглашаются все служащие и рабочие 31-го завода регистрируются для поступления на 31 завод на работу.

25. VII. Вывешено объявление, что в 10 часов Ростов взят немецкими войсками. По городу Таганрогу сильное движение военных частей, навезли много пленных и большое количество раненых, цены на хлеб понизились, пшеница 12 рублей стакан.

26. VII. Всю ночь были налеты советских самолетов, много брошено на город бомб, много разрушений и человеческих жертв. С Ростова приходят машины, нагруженные разными пред-

метами питания, о фронте ничего неизвестно. Со слов немцев рассказывают, что в Ростове расстреляно до трех тысяч женщин, якобы как партизанок, способствующих уничтожению немецких солдат и офицеров, разными мерами.

27. VII. Вывешен приказ о запрещении перехода через реку Миус в районах от селения Паевки и выше, как запретная зона. В рабочем городке 31 завода все дома пустующие заняты под военные части, прибывающие с тыла.

28 и 29. VII. Огромное передвижение немецкого автотранспорта, заняты все улицы, переулки автомашинами, заняты и скоро ремонтируются разрушенные большие дома. Ж.К.О. завод 31 заметно уменьшилось движение военной авиации.

29, 30, 31. VII. Сильные бои идут в стороне Азова, непрерывный гул выстрелов орудий. В связи с установлением твердых цен на продукты питания, запрещена продажа пшеницы, запрещена поливка огородов с водопровода.

[Август]

1. VIII. Открывается работа в заводе 31, вызываются все рабочие, зарегистрированные и работавшие в 31 заводе. Выселение жильцов дома № 13 для немцев, а жильцы куда хочешь переселяйся. Неприятно смотреть на русских людей, в особенности на молодых женщин и девушек, как они, не оценивая свой труд, не говоря уже о самолюбии и гордости русского человека [например] возле домов больных особенно, приезжает немецкая военная часть на автомашинах, не успеет остановиться, как набегают женщины и девушки, мужчин хотя мало и начинают предлагать свои услуги и просят работы и утром еще немцы спят, а они уже собираются и дожидаются, пока возьмут их на работу, не спрашивая о зарплате, а вечером нальют им супу по котелку, хорошо, если дадут 200 граммов хлеба. Вот до чего докатилась наша молодежь, давно ли им были открыты двери и на работу и учение.

2. VIII. Сегодня воскресенье, день отдыха, а у ворот дворов и около входов, где стоит немецкая кухня, уже с 4 часов утра стоят в ожидании работы и работают за то, что дадут тарелку супа. С 8 часов утра дети и женщины с детьми до вечера толпятся около ворот в ожидании, когда на кухне останется в котле суп или же солдаты вынесут в котелке и выносят к воротам и где ожидает толпа голодной детворы. Вот какую свободу принесли немцы русским людям; в 26-м доме рабоч[его] гор[одка] завода 31 расквартировалась военная часть в дом 26-27. На кухне убили кабана, но он оказался больным, врач велел зарыть в землю, но рабочие, работавшие у немцев, из жильцов 27-26 дома ночью отрыли его и утащили к себе, вот до чего дошло.

3-4. С фронта не слышно ничего, где-то за Ростовом.

С 5 по 12. Вышел в деревню для меня продуктов питания и возвратился 12 числа, прошел 80 километров, выменял пшеницы 80 кг, подсолн. 15 кг, проса 10 кг променял — 2 п. брюк, 4 метра сатина материала, зажигалку и фуражку, очки.

С 13 по 23. Никакой перемены в быту нет. На базаре хлеб подешевел на 50. Город весь переполнился немецкими военными транспортными частями, а аэродромы заняты немецкой авиацией. В 5 часов вечера принесли письмо с Ростова до Ромочки.

24. VIII. Отправил с поручиками письмо Ромме в Ростов.

С 25 по 29 вкл[ючительно]. По городу перемен никаких нет, хлеб по карточкам не выдают, уже за 2 недели. Расклеены афиши, что гора Эльбрус взята германскими войсками и водружен германский флаг. Из вновь оккупированных местностей в Таганрог начали производиться продукты питания и хлеб. 28-го получил письмо из Ростова от Максима и отправил обратно.

30. VIII. На кладбище было освящение кладбищенской церкви, съезжались попы и благочинные. На базаре был большой съезд крестьян с овощами, многие на собственных лошаденках, добытых всякими неправдами, а многие на коровах и на ручных тачках.

31. VIII. По городу разместилось огромное количество немецкого автотранспорта, все улицы, все переулки, дворы, а в особенности <там>, где есть древесная растительность, все заставлено автомашинами, сейчас едут конные транспорты на фугонах с будками и румынские солдаты, на огороды пускают лошадей на кукурузу, на бахчи и сами копают карт[ошку].

[Сентябрь]

1. IX. В бытовой жизни перемен нет, но когда посмотришь на своих русских людишек, то становится и обидно и досадно, что до какой степени наши люди, в особенности молодежь, гибкая <и> несамолюбивая, свою нацию считает ни во что и готова сделать что угодно и до какой степени унижаются перед немцами, что даже делается противно и все за то, что ему дадут покурить сигарету и нальют тарелку супа и хлеба 1/2 кг и иногда испортившиеся продукты.

Продукты, которые подлежат уничтожению, протухшее мясо, заветавшее масло и так далее, то наши люди и забирают их себе, вот и вся плата, а работают от темна до темна, чуть рассветает 5 часов, а они уже сидят возле кухонь, а немцы еще спят, а как встанут, то наши ребята уже начинают им чистить костюмы, сапоги, брюки. С расчетом дети уже ходят вокруг больших 4-х и 5-этажных домов, выглядывают, не бросят ли немцы с балконов и из окон что-нибудь, какие-нибудь объедки или бумажки из-под масла и колбасы и целый день до поздней ночи ходят и си-

дят против окон, дожидаются подачи от немцев. А ведь достаточно вспомнить, какая у нас при советской власти была молодежь, активная, самолюбивая, гордая, а теперь у немцев, как божьи телята, девчата повыучились по-немецки говорить и гуляют всюду с немцами.

2 и 3. IX. Большое количество немецких самолетов оперируют с фронта в Таганрог, привозят раненых на аэродром 31-го завода.

3. VIII¹. 41 г. Таганрог. Начало отступления нем[ецкой] армии.

С 1-го января стало заметное движение румынского транспорта, везде по дорогам потянулись конные обозы румын, пошли в обратную сторону поезда, вагоны переполненные, везде на тормозах и буферах румынскими солдатами. Вдоль жел. д. с Ростова на Таганрог вереницами растянулись румынские солдаты полурасдетые и голодные. В Таганроге на базаре, продавая с себя последние фуфайки, и покупают хлеб. Лошади до того изнуренные и отошальные, что их солдаты ведут в руках, еле-еле движутся, а по дороге лежат брошенные лошади, но еще живые, которые уже двигаться далее не могут. С 15-го января ударили сильные морозы, которые сильно ухудшили положение пешеходной отступающей румынской армии и много солдат плохо одетые позамерзли. Встреча. С 1-го февраля в Таганроге, когда началось сильное движение германского транспорта, все улицы и дворы заставлены автомашинами, рабочие гор. 31-го и 65 з-да переполнены немцами, во всех квартирах по несколько человек и уезжают один, а другие приезжают. В Таганроге большой наплыв беженцев, едущих через лед из кубанских и терских станиц на бричках, на санях, большинство казачество. 4-го фев[раля] вывешено воззвание атамана войска Донского, Кубанского и Терского к казакам, что все казаки эвакуировавшиеся должны явиться на сборный пункт в г. Таганрог для регистрации.

[Февраль 1943 г.]

5. II. На ул. Ленина большое скопление эвакуировавшихся казаков. На горизонте пролетел советский самолет, сброшены 3 бомбы, жертв не было. Настроение разное — одни душевно радуются и ожидают Крас[ной] Армии, другие ходят унылые, якобы что потеряли; на брички парой конец поехали 6 человек полисменов, поехали следы тереть. Всюду встречаются добровольцы: казаки, калмыки, киргизы несут полученное новое обмундирование.

6. II. Появились конные казаки. Немецкие добровольцы в казачьей форме с погонами хорунжих, есаулов, с золотыми пого-

¹ Неточность в документе. Правильно: IX.

нами. Погоны все новенькие, на шапках немецкий герб, двуглавый орел, все как из-под земли выползли.

7. II. Скопление автомашин уменьшилось, все идут на Мариуполь и на Сталино.

8. II. Большое движение самолетов, в сторону моря слышны пулеметные очереди.

9. II. В 5 часов утра. Выехал с немецкой машиной в Ростов по грунтовой дороге; при выезде из Таганрога по дороге начали встречаться автомашины разных систем и в таком невероятном количестве, что машина шла за машиной и всю дорогу до самого Ростова. Много также и встречалось танков, массу машин везли на буксире, а особенно автобусов. По сторонам дороги и увек (по канаве, идущей по обе стороны дороги) очень много стоят и лежат опрокинутых автомашин со снятыми резинами или же поломанные. Я пытался подсчитать, но нет возможности, на расстоянии 5 км я насчитал 70 машин и бросил, так как идущие напротив машины в сплошную ширину, заслоняют левую сторону дороги и все равно правильно не подсчитать. Из румынского транспорта конного, идущего по этой дороге из Ростова на Таганрог, наверное, половина осталась на дороге. Упавшие лошади лежат по двадцати штук на каждом километре, повозки, фургоны и всякое снаряжение, люди лежат замерзшие (румыны). Это настоящее наполеоновское отступление, только старостихи Марфы не достает. По дороге, начиная от Таганрога, по всем оврагам, где имеются мосты, большое скопление всевозможного транспорта, и пришлось простаивать по 1/2 часа, начиная с половины против Синявки, обогнали конные батареи с орудиями выезжающих на позицию и виднеются в сторону Донца батареи, выезжающие на позицию. В Чалтыре уже стало заметно безвластие, люди всюду идут с мешками, как видно, с набранным зерном не иначе как колхозное. Со станции Хопры тоже идут вереницами туда с пустыми мешками и саночками, а оттуда уже с ношей. Подъезжая к Ростову, уже слышны резкие взрывы и орудийные выстрелы, на фоне Ростов показался весь в дыму и пожарищах; во всех концах пожары, горят дома, склады, учреждения, клубы, театры, мельницы, хлебозавод, водопровод, электростанция. На улицах Ростова нет ни души, кое-где пробегают машины, люди выглядывают из ворот из-за угла. Придя на квартиру, меня встретила дочь Раечка, а войдя в комнату, внучка Таня мне объявила неприятную весть, что бабушка наша померла. Целый день я поревел и провёл в слезах, что мне не пришлось лично быть при смерти и похоронить дорогую нашу мамочку.

11. II. 10 час[ов]. Я пробыл в Ростове, день и ночь канонада не переставала, особенно усиленно били немцы с Ростова на ту сторону Дона и по Батайску. Советские войска уже были в Ба-

тайске. Властей в городе нету, рвутся снаряды, везде пожары, тащат все, что попало, особенно много тащили с порта, ячмень, кукурузу и прочее. Жителей с прибрежных улиц всех выселили за 20 минут выбирайся, поселок Заречный немцы весь разбили и сожгли, мосты все взорвали. За оба дня налета и бомбежки самолетов не было, орудийная канонада к концу 11-го стала стихать.

12/II. В 5 часов утра пошел по Буденновскому проспекту, улицы города мертвы как в могиле, тишина везде, по пути к военведу с намерением найти попутную машину до Таганрога, на выезде из города стали, обгоняли единичные машины, но все поворачивали по дороге на Сталино, на Таганрог пробегали одни фронтовые да Красного Креста, пришлось шагать пешком, по дороге присоединились еще трое эвакуировавшихся, т.е. убегающих от советских войск, боятся, что их мобилизуют, а потом из разговоров я узнал, что они дезертиры из русской армии при отступлении. Идя по дороге время дискутировали по отношению [к] советской власти, Красной Армии, их трое против, а я один за. Из всех наших споров я убедился, что это люди не нашего общества, несоветские, и когда, подходя к Таганрогу, они просили меня пустить их переночевать у себя в квартире, но я им отказал, что у меня своего дома нет, а квартиру мне предоставила советская власть, а раз вы бежите от советской власти и Красной Армии, не желаете защищать Родину, а уходите к немцам, то и квартиру идите просите у немцев, на Петровской улице, там вам дадут и квартиру, и хлеба, а советская власть и Красная Армия тогда вам даст квартиру для ночлега, когда вам уже бежать некуда будет и даже в Германии не спасетесь. Выходя из Ростова в 8 часов утра началась сильная орудийная и пулеметная перестрелка по концам города Нахичевани и Верхнегниловской и по всему побережью Дона и Донца и весь день до самой Морской и Винявки. Мосты все до самого Таганрога ликвидированы и охраняют патрули. Ночевали в Самбеке. Жители говорят, что немцы думают опять уже укрепиться, делают приготовление, чистят окопы и прочее.

13. II. В 10 часов утра я пришел к себе на квартиру и тут меня постигло несчастье, — немцы ночевали в моей квартире, увезли мой велосипед, кожаный портфель.

14. II. Я отдыхал и занимался уборкой в квартире.

15. II. Погода на дворе изменилась, пошел снег. 27-й дом немцы ломают на дрова, полы и перегородки для кухни, и мне дали часть дров, пришлось переносить в подвал. В 12 часов дня прошумел советский самолет, сбросил две бомбы на берегу моря, временами слышны выстрелы ружейные и пулеметные, вероятно, учебные. Призывал меня начальник штаба колонны автотранспорта, делал допрос о похищении у меня велосипеда, обещал за-

вернуть уехавшего комрота. На базаре — обилие продуктов, а особенно много хлебного зерна, муки и крупы. Цены понизились на 25 процентов. Менял для своих немцев советские деньги на марки. Погода стоит теплая.

16 и 17/II. Изменений никаких нет. Немецкие автомашины перевозят груз в Мариуполь и в Сталино. В сторону Ростова слышны орудийные выстрелы, объявлена эвакуация 31-го з[аво]да.

18–19–20/II. Большое оживление в немецком транспорте, по всем колоннам идет приготовление к отъезду, 18-го вечером в 6 часов должна наша колонна выехать, но отложили до 3 часов ночи, боясь русских самолетов. За три дня были два налета, 6 чел. убито, сброшено 5 бомб. Квартировавшая в нашем доме колонна бросила массу железных бочек из-под горючего. После выезда немцев из 22-го дома началось растаскивание мебели населением городка. Мебель была отобрана немцами у жителей города. 31-й завод эвакуируется. Тяжелые самолеты беспрерывно поднимаются с аэродрома, вероятно, вывозят груз. Рабочие многие не ходят на завод. По городу можно везде встретить дезертиров. Молодые мужчины по два, по три с вещами на саночках держат путь на Мариуполь, вероятно, многим нельзя оставаться через занимаемую службу из немцев. Полицейские службисты уезжают на подводах парами на фургонах. Паяк хлеба выдавать прекратили, водопровод не работает, воды по городу в кранах нет. На базаре большой привоз хлебопродуктов — зерна, муки и прочие. Марки немецкие плохо ходят, многие не берут. Настроение у граждан у большинства ожидающее. Торговцы магазинами, а в особенности кофейных и ресторанов, позакрывали свои лавочки. В продаже появилось много лошадей, как видно продают беженцы из-за Дона, уходившие в тыл к немцам. Из мясных продуктов на базаре много мяса, ног, требухи, головы рогатого скота. Мясо большею частью конина, как видно удалцы рубят от упавших на дороге румынских лошадей и продают. Санитарного надзора нет, продавай что хочешь.

В сторону Ростова вдаль слышна орудийная стрельба. За 18. II, вышла газета «Таганрогское новое слово», в сводке за 15. II, сказано, что немецкие войска без единого выстрела оставили гор. Ростов и Ворошиловград и отошли на предписанные позиции совершенно не тревоженные противником, и всюду советские войска несут большие кровавые потери. Прорвавшийся в тыл советский кавалерийский полк отрезан от своих войск и должен погибнуть. Сегодня 20. II, вечером уехали с рабочего города 31 и 65 з-ды. Последние колонны немецких машин. В сторону завода помчались немецкие танки. Сравнялось 20 дней, как не стало нашей дорогой мамочки, осталась одна память 42-х лет нашей дорогой совместной жизни, унесла в могилу все наше дорогое.

21. II. Всю ночь были налеты советских самолетов на город, слышны были взрывы сброшенных бомб. Приходили три немецких офицера, делали по квартирам обыск, искали у населения городка солдатское обмундирование, разграбленное из немецкого склада, у кого, что нашли, отобрали и унесли.

22. II. Налет советских самолетов начался с вечера и продолжался всю ночь. Много сброшено бомб, есть жертвы. Население волнуется, что долго не приходят советские войска, боясь, что опять фронт остановится у Таганрога до весны. Немецких солдат совершенно нет по городу, изредка пробегают автомашины. Останавливаются у брошенных испорченных немецких машин, как видно снимают более ценные части и уезжают к другой. В 7 ч вечера зашли два немца СС с русским полицейским, ищут квартиру ночевать, я им предложил холодную комнату, но, узнав, что я живу один, и ушли, складывается [впечатление, что] они искали квартиру, где есть барышни или молодые женщины. Живущая в нижнем этаже в одной комнате одиночка Маруся, пришлось позвать соседа и уверить немцев, что это ее муж, работает на заводе, дабы отвязаться от сволочей. Немного позднее пришел один немец спрашивать квартиру, посмотрел на комнаты и остался ночевать. Немец хотя и плохо, но говорит по-русски.

Началась между нами беседа, узнав, что я один, что благодаря войне у меня в могилу ушли трое, т.е. капут, с этого и начались разговоры, что война нехорошо, что он уже 4 года на фронте, что у него тоже есть семья, что ему уже надоело воевать, а когда я ему задал вопрос, а зачем воевать, чего Германии нужно, ведь Россия не хочет воевать, и России от Германии ничего не надо, но Россия воюет вынужденно. Помолчав немного, он начал отвечать, что в России есть нехорошие люди, которые хороших людей обижают, все забирают, людям ничего не оставляют и люди голодные, на вопрос, кто плохие люди и кто хорошие, ответил, плохой коммунист, а хороший это тот, кто не желает, чтобы была советская власть, т.е. против коммунистов, а тех, кто не хочет коммунистов и против них, заковывают в кандалы и высылают в далекие и глухие места, где холодная зима и они все время работают в кандалах до смерти, т.е. пока будет капут, вот Германия и не хочет коммунистов и хочет их всех истребить. Местность он не мог указать, куда высылают хороших людей, долго думая, сказал далеко на восток, а когда я сказал в Сибирь, то он с восторгом повторил несколько раз: «я», «я», Сибирь. Когда я ему сказал, что я прожил в Сибири 15 лет и недавно оттуда приехал в [19]34 году, то он с удивлением стал спрашивать меня — правильно ли он говорит и что я тоже из хороших людей и был сослан и ходил в кандалах, но я ему стал рассказывать, что я в Сибирь выехал еще при царе Николае [II] и что то, что он говорит, все неправда, что в

Сибири такой же народ, как и здесь, в России, и в кандалах никто не ходит и я не видел за 15 лет и при советской власти, и если кто и был выслан из хороших людей, но без кандалов и теперь уже нехорошие и работают вольно на государственном предприятии, как все люди, получая зарплату, что заработает сам. И эти люди уже смирились, что можно хорошо жить и без царя и без капиталистов, и самим собой управлять и государством и что советская власть не хочет, чтобы людям плохо жилось и это доказывается на факте, что вот уже полтора года идет война, германская армия кушает все: и хлеб, и мясо, и масло, и русская армия и все люди едят и все еще есть на базарах всего полно, хотя и дорого, а также и одежда и обувь, все есть, даже немцы сколько вывезли к себе да почтой посылали, а сколько хлеба, мяса и масла вывезено в Германию за это время, вот это и показывает, что русский народ не голодал и не ходил раздетый, несмотря на то что у нас ведь была Гражданская война и была полная разруха, да плюс еще сколько было вредительства со стороны тех хороших людей, которых вы называете. А вот у вас хорошо люди жили и вот завести к вам в Германию хотя бы на один год таких две армии, что хватило бы им продуктов. На это он мне сказал, что в Германии продуктов не хватило бы. Когда я ему задал вопрос, откуда он это знает, о хороших и нехороших людях и о Сибири, то он мне сказал, что у них все так уверенно знают и читают в журналах и газетах и даже помотал головой, что это все неправда, и очень мне был благодарен, что я ему все как есть правду рассказал. В конце нашего разговора я его спросил, а что у них в Германии делают с теми людьми, которые не согласны с вашим правительством или с существующей властью. В Германии, это по его мнению, тоже люди нехорошие и таким людям немедленно же делают капут. На этом мы закончили наш разговор. Утром 23-го он попрощался со мной любезно, поблагодарил за квартиру и за разговор, пожелал мне всего хорошего, увидиться с детьми и добавил, что войне скоро капут, и он пойдет к своей семье в Германию.

23 и 24/II. Ежедневно продолжались налеты русских самолетов, сброшены бомбы в разных местах города. Днем 23/II налет на Чкаловский аэродром — был воздушный бой, в результате сбито два немецких самолета. Фронт стоит в Бесереновке — немцы, а в Морской — русские. Бежавшие из Бесереновки люди рассказывают, что у них стоят казаки (изменники родины и поступившие в немецкие войска), селения все жгут подряд, люди убегают только в чем стоят. У колхоза — вода, по берегу немцы делают укрепления, забирают всех мужчин и женщин и гонят на работу. По улицам города бродят партиями и в одиночку немецкие солдаты в полной амуниции. Со слов их выясняется, что они отбившиеся от своих частей, разгромленных русскими и теперь ходят в

тылу, избегая случая, дабы дальше не попасть на фронт. Можно полагать, что эти дезертиры не хотят больше воевать и держат путь по льду берега моря на Мариуполь. Многие из них в плохой одежде и в ботинках с оторванными подошвами, подвязанными проволокой. Автомашин по городу совсем мало, а грузовых совсем нет. Встречаются кухни, но на лошадях, а также и грузовые подводы парами на фурах, вероятно, подвозившие на фронт провизию. По городу разбирают большие дома, выламывают все дерево, видно, для укрепления окопов на фронте. Днем — с рассвета и весь день — слышны сильные орудийные выстрелы со стороны Самбека. В народе идет разговор, что русские уже заняли Федоровку в 70 км от Мариуполя.

25/II. С утра до вечера слышна орудийная перестрелка в сторону Бесереновки и Приморки, налета самолетов не было.

26/II. Весь день затишье, вдали слышны артиллерийские выстрелы. Вышла экстренная газета, возвещающая о том, что предпринятые 23/II, в День Красной Армии, советскими войсками наступления не увенчались успехом и что попытка взять в окружение немецкие войска не удалась. В народе ходят слухи, что были сброшены советскими самолетами листовки на немецком языке якобы предлагают сдаться, так как Таганрог находится в окружении. Из положения видно, что пути в сторону Сталино отрезаны, ибо поезда уже не ходят и автотранспорта, привозившего продукты, совсем нет. Автомашин по городу, хотя и редко, бегают, но местного значения, как оставшиеся в городе.

27 и 28/II. В городе заметный приток немецких автомашин, появилось много немцев. В колоннах по городу появилась вода, беженцев не стало, а которые приехали в последнее время, остановились в Таганроге. Самолетов совсем не видно — ни русских, ни немецких. В сторону Кургана слышны вдали орудийные выстрелы; на 65-м заводе производится сокращение рабочих на 50 процентов, хлеб по карточкам не выдается уже с 15-го февраля.

Март

1 и 2/III. Ночные единичные налеты советских самолетов, сброшены бомбы, но без жертв, вдали слышны орудийные выстрелы. Газета «Новое слово» извещает, что взяты приступом Краматорская и Лозовая, идут ожесточенные бои. Немцы стали чувствовать себя ободряюще, да и из русских граждан многие повеселели, особенно сотрудники полиции и опять стали на свои места, но белые повязки на рукаве почему-то снимали.

3 и 4/III. В городке 31-го завода в домах из водопроводных кранов пошла вода. По городу носятся слухи, что граждане от 14 лет и выше будут отправляться в Германию на работу, так как на базаре

начали случаться облавы и отбирают документы до вызова по повестке в отдел труда. По приказу коменданта города переезд и переход за р. Миус запрещен под страхом расстрела. Ночью сброшены бомбы советскими самолетами во дворе 1-й больницы, жертв нет. Днями слышна усиленная орудийная стрельба в сторону дер. Самбека. Погода на дворе изменилась, идет сильный снегопад и сильный ветер с морозом. По городу к жильцам наставили много немцев на квартиры.

5-6/III. Издан приказ по городу всем лицам — мужчинам до 60 лет и женщинам до 50 лет — явиться на биржу труда для регистрации. Таганрогская газета «Новое слово» сообщает, что сдан г. Ржев, а Славянск взят приступом, помещена большая статья под заголовком «Тайны Кремлевского дворца», главным образом характеризующая и критикующая т. Сталина, Кагановича и многих лиц. С 3-х часов ночи и до вечера слышна сильная орудийная стрельба в сторону дер. Николаевки; налетов на город самолетов не было. На базаре привозу крестьянами нет, продукты сильно дорожают, а что продается, то все с рук спекулянтов.

7/III. В поселке Бесергеновка был налет партизан в количестве до 25 человек. Взяли немецкую машину, нагрузили продуктами, забрали бочонки масла, мясо, муку и все, что было в кладовой, взяли двух немцев и 7 человек русских мужчин и уехали по льду на ту сторону. День и ночь в городе прошли спокойно, бомбардировки не слышно и налетов самолетов не было. В три часа дня похоронили умершую соседку Пашу, похороны справлялись по церковному обряду, со священником и певчими.

8/III. День и ночь прошли спокойно. В городе появилось много немецкого транспорта, особенно кухонных фур. В поселках Барандакино и Петрушино (они рядом) убиты два немецких солдата, гестапо собрало всех мужчин из этих деревень на 31-й завод и делало допрос, а после построили в шеренгу и, отсчитав 20 человек, 21-го берут и всех, кто оказался 21-м, забрали и неизвестно, где они, вероятно, пустили в расход. На базаре ужасно дороги продукты, в особенности хлебные, так как у крестьян, идущих на базар в город, немцы отбирают, даже у везущих на мельницу отбирают.

9-10/III. С фронта слышны по временам орудийные выстрелы. По дороге, ведущей через р. Миус на Мариуполь советские самолеты разбомбили ехавший обоз машин с беженцами.

11-12/III. Вывешен приказ по городу о сдаче населением огнестрельного оружия и боеприпасов. Ходил на биржу, зарегистрировался по хлебной специальности. У населения города немцы забирают на убой коров, в город все больше и больше приезжают немецкие транспорты, над городом стали появляться

немецкие самолеты, 65-й завод стал давать для рабочих гудки по немецкому времени, на 2 часа позднее русского. С фронта не слышно ничего, все тихо.

13/III. Немецкие офицеры делали обыск по квартирам городка, искали военное обмундирование, растянутое населением со склада, оставленного немцами при бегстве, у которых что найдено, тех посажали в тюрьму сроком до 10 лет.

14–15/III. Ходил в паспортный стол на продление паспорта. По городу вывешен приказ бургомистра о регистрации хлебных карточек. Вышел очередной номер газеты «Новое слово», где помещена статья из центральной газеты, в которой сообщается о сдаче города Белый, напечатан призыв ко всем европейским государствам вступить в борьбу с большевизмом, ибо угрожает опасность в случае победы большевиков над немцами и тогда неминуемо будет введен советский строй по всей Европе. Газета осуждает те государства, которые помогали большевикам поднять свою индустрию и технику производства вооружения, посылая своих специалистов в Россию для организации производства, так что, видно, немцы отчасти в душе трусят, хотя и пишут, что, без сомнения, победа будет за ними. Даже Гитлер говорил, что на Запад мы пошли воевать по вдохновению божьему, даже на пряжках поясов у солдат написано «С нами бог!» и каждый солдат знает, что наше дело правое, священное (но только со слов немецких солдат видно, что они защищают капиталистов, а не рабочих) и это уже многие солдаты знают. Дни и ночи прошли спокойно, временами слышны с фронта орудийные выстрелы и стали появляться немецкие самолеты.

16/III. По городу вывешен приказ: все граждане, имеющие голубей, должны немедленно их зарезать, за невыполнение приказа — расстрел. Возобновилось движение трамвая по перевозке рабочих на 65-й завод — утром на работу и вечером в три часа — с работы. На базаре городская полиция отобрала у продающих литературу — книги и журналы. С фронта ничего не слышно, на базаре установлены громкоговорители. По городу вывешено объявление, что за неуплату очередной квартплаты жильцы будут выселяться из домов и квартир.

17/III. День и ночь прошли спокойно, с фронта выстрелов не слышно, на береговой охране по временам бывали орудийные выстрелы, по ночам беспрестанно берег освещается ракетами. Вывешен приказ по городу об обязательной регистрации лиц немецкой национальности.

18/III. День и ночь прошли спокойно. Вывешено воззвание к населению и к бывшим красноармейцам, комсоставу и даже политработникам с призывом на борьбу за родину с большевизмом. Организован военный русский комитет по борьбе с большевиз-

мом во главе с русскими генералами... в народе идет разговор, что этот генерал на фронте сдался в плен немцам со своей армией, в народе ожидается мобилизация для формирования русской военной армии против большевиков. Хлеб населению не выдают уже более 1/2 месяца и неизвестно когда будут давать, в первых числах марта выдавали кукурузу по 400 граммов на 6 м[арок] и больше не выдавали.

18/III. Весь день с утра до ночи были выстрелы из орудий со стороны русских, снаряды падали по городу. С самолета сброшено 2 бомбы на Соляном спуске и около 2-й больницы. Немцы со стороны русских ожидают бомбардировку города, во дворах по городу роют окопы (убежища). Сегодня служащие биржи получили паек хлеба: черный, кукурузный. За два дня в 26-м доме рабочего городка 31-го завода немцы сломали и разобрали крышу. За оба дня пролетело множество немецких самолетов — то на фронт в сторону Ростова, то обратно, до 60 штук. Немцы говорят, что бомбят русский фронт.

20–21/III. На фронте развиваются бои. Целыми днями слышна орудийная перестрелка. С той стороны берега летят орудийные снаряды на город, особенно достается городу, вокруг старого базара много домов жилых разрушено. Живущие по квартирам немецкие солдаты всегда готовы к тревоге и по ночам несколько раз делается тревога. 20 был парад немецких войск, проходили маршем под музыку, вероятно, готовятся на весну к наступлению, ибо немцы говорят, что через два месяца опять пойдем в Ростов, в 1943 году война — капут (т.е. заканчивается). Перед вечером над городом пролетели советские бомбардировщики — 56 шт. в сторону Мариуполя.

22/III. Весь день слышна орудийная перестрелка. Ходил на биржу отмечаться. На бирже меня поразило множество молодых мужчин, таких, чтобы только защищать родину с оружием в руках, а они остались, прятались, чтобы свои не мобилизовали при отступлении от Таганрога, но зато гестапо их постепенно перешупывает, так как много осталось партийцев, а особенно в настоящее время, после отступления с Кубани. Со слов одного гражданина, который каким-то чудом оправдался и вышел, как видно, однофамилец был, рассказывает, что пытки делают ужасные, выкручивают руки, ноги, бьют ужасно, до тех пор, пока не выдаст, кого знает, из партийных. Одну женщину, будучи активисткой при советской власти, так терзали, что это ужасно, пока она не выдала еще несколько человек и набрали человек 20 и всех расстреляли и ее тоже.

23–24/III. С фронта не слышно ничего. Немецкие самолеты большими партиями пролетают в сторону фронта. Советские самолеты частично наведываются, бомб не сбрасывают. Немецкие

транспорты все наезжали больше и больше в город, по улицам деревья срубают на топливо, дома большие в рабочем городке 31 и 65 заводов разбирают, а дерево увозят.

25-26/III. Ничего существенного не произошло.

27-28/III. Вывешен приказ по городу о чистке дворов от навоза и мусора. Погода на дворе стоит теплая.

29-30/III. По городу большое оживление немецких автомашин. Над городом непрерывно летают немецкие самолеты, немецкие солдаты все прибывают, временами появляются советские самолеты. По слухам, немцы собираются в наступление на Ростов.

31/III. На базаре и по всем углам улиц стояли патрули из русских полицейских, проверяли документы у проходящих людей, без документов отправляют на биржу. Есть слухи, что после первого будут отправлять в Германию и мобилизация мужчин. С фронта ничего не слышно, временами бывают единичные орудийные выстрелы.

Апрель

1/IV. Все дни с утра и до ночи с фронта слышна орудийная стрельба, на горизонте часто появляются советские самолеты и ужасные взрывы неизвестно где, стены у домов дрожат, двери и окна отворяются. Настроение у людей ужасное, большая часть голодает и с нетерпением ждет прихода своих, т.е. советских войск. Одни лишь спекулянты, торговцы да содержатели кофейных равнодушно относятся, потому что им и при немцах живется еще лучше, чем при советской власти, тогда нужно было работать, а теперь они жиреют да сотнями тысяч рублей карманы набивают, почем хотят, по той цене и торгуют.

2-3/IV. По городу вывешено объявление о раздаче индивидуальных огородов, срок 11 число. Оба дня шел сильный дождь, погода стоит сырая и пасмурная. С фронта ничего не слышно, носят слухи, но ничем не подтверждаются, что якобы немцы оставили Крым. Газета в Таганроге не выходит за неимением тока. Тока по всему городу нет, заводы не работают. Есть слухи, якобы в Мариуполе русские разбомбили электростанцию. Воды по городу тоже нет, население пользуется дождевой водой. Хлеб по карточкам не выдают уже две недели. Население находится в ожидании положения, все что-то ожидают, что-то будет с фронтом, большинство ожидают с нетерпением русских, даже и те, которые имели симпатию к немцам и те уже проклинают немцев. Последняя газета вышла с призывом к населению, что кто способен носить оружие, должен немедленно стать в ряды германских солдат для защиты родины от большевизма, а остальные должны все стать на работу, дабы ускорить победу над большевиками, ибо

1943-й год должен быть решающим годом (как видно, у немцев гайка ослабла). Немецкие солдаты многие уже апатично относятся к войне и между ними ведутся споры. Транспортники тыловые рассуждают так, что нам необходимо взять Сталинград, Астрахань, захватить Волгу, чтобы русским нельзя было провезти к фронту нефть и горючее, тогда и Баку будет нашим, а фронтовики им отвечают: «Здесь, в тылу, да в теплой кабинке вам хорошо рассуждать, а вы бы вот побывали на позиции, как нам пришлось брать Сталинград, вы бы понюхали, чем там пахнет». Одни говорят, что опять на Кубани будем кушать вволю белый хлеб, а другие им отвечают: «Нет, уж лучше будем кушать черный, а белого не хотим, теперь уже вам нужно идти первыми на Кубань за белым хлебом, а то вы в тылу, конечно, кушали, что ни на есть лучшее и сытное, а нам на фронте не то что белого, а и черного по три дня не видели, замерзший кофе на спине отогревали, вот как нас Кубань кормила белым хлебом». И дело доходило до споров между собой (это со слов понимающих немецкий язык).

4/IV. Весь день слышны с фронта орудийные выстрелы, ночью была по квартирам облава, проверяла документы русская полиция, полицейские опять надели белые повязки на левую руку с немецкой надписью.

5-6/IV. За два дня существенных перемен не произошло. В город все новые и новые немцы прибывают. Немецкие отряды солдат усиленно занимаются борьбой, непрерывно на берегу идет стрельбище с самолетов и орудий, очищаются и приводятся в порядок большие по городку дома для прибытия новых военных частей.

7-8/IV. Ходил на биржу на отметку, был на комиссии врачебной, но комиссия не сняла с учета, признала способным к легкому труду, сторожем, дворником и т.д. Вообще такое распоряжение, что с учета снимают только тех, кто совсем не способен, без ног, без рук, слепой и т.п.

9/IV. На биржу из Германии пришло два мешка русских паспортов или документов, оставшихся от умерших, убитых и без вести пропавших людей, отправленных в Германию на работу. Бежавшие из Германии люди передают устно, что 90 процентов умерших — от голодовки, хлеба нет, а труд тяжелый, сами немцы говорят, что в Германии хлеба нет, пока русские хлеб подвозили, все же давали, а теперь нема, т.е. нет. Немецкие фронтовики жалуются на плохую пищу и мало хлеба, немецкие офицеры поставлены на общий солдатский паек, сигарет выдают по 2 штуки в день, посылки в Германию очень редко стали посылать, как видно, ввиду недостатка транспорта. Между немецкими солдатами идет недовольное брожение, началось массовое дезертирство, по городу часто проводят с усиленным конвоем солдат со связанными назад руками, а то нередко и закованных цепями. Машин по городу,

в сравнении с прошлым, очень мало, большей частью бегают легковые, с фронта ничего не слышно. По слухам, немцы собираются в наступление.

10–11/IV. В городской жизни перемен не произошло. Трамвай начинает работать ежедневно по линии 31 завода и старый базар и Котельный завод. С фронта в сторону Матвеева кургана слышна ежедневная орудийная перестрелка, на 32 заводе немцы начинают уборку аэродрома, набирают рабочих. Из деревни Николаевки и Троицкой привезли раненых рабочих, бывших на рытье окопов. Самолеты над городом совсем не появляются — ни русские, ни немецкие. Крестьяне из деревни Бареновка и из Бесергеновки рассказывают, что ночью русские ворвались втихомолку в деревню и перебили всех стоявших здесь добровольцев, а рабочих, бывших там на рытье окопов, угнали к себе.

12/IV. По городу отрывают старые противотанковые рвы, которые поделаны советской властью, а по приходе немцев их закопали и засыпали землей и мусором, а теперь начали отрывать обратно. В народе идет разговор, что немцы якобы ожидают наступления русских войск, по городу наблюдается сильное движение автомашин. В народе идут разговоры, якобы русские войска стоят в 12 верстах от Мариуполя.

13–14/IV. С фронта слышна орудийная стрельба в сторону Матвеева кургана, над городом ночью пролетают советские самолеты, сброшены бомбы — небольшое количество. С разобранных домов немцы возят лес на Северный поселок, строят укрепления. Людей забирает полиция и гонит на окопы. В жизни города изменений никаких нет. Люди в большинстве изнывают в ожидании русских. Жизнь для многих стала невыносимо тяжелой, особенно для тех, кто работать к немцам идти не хочет, считая, что работать — значит помогать немцам и всякими неправдами отбиваются от работы. Средства для существования иссякли за две зимы, вещи все проданы, да променяны на хлеб, а на базаре все ужасно дорого. Мука пшеничная размольная — 2 тысячи пуд, мука кукурузная — 1300 р. пуд, а жиры — масло сливочное 1200 р. кг, картофель — 100 руб. кг. На барахолке вещи хорошие в цене, но покупателей нет, а барахло и совсем никому не нужно, приезда крестьян из деревень нет, а если и приезжают с продуктами, то за спекулянтами не успеешь купить, да и у спекулянтов денег хватит на все и обывателю, который покупает по килограммчику, приходится спекулянту платить вдвое дороже. Сегодня был на базаре. Купил ведро сухарей или вернее крошки с пекарни или же сметки с развозных будок за 270 рублей и теперь довольствуюсь вроде хлебом моченым, а то их* за буряки, кормовые ужасно надоели. В магазине по карточке обещают давать подсолнечное

* Одно слово неразборчиво.

масло на 10 № талона по 100 г на человека, днем работал на огороде, посадил помидоры, буряки, кабачки, картошку, таскал камыш для топки с разобранных домов.

15 и 16. IV. Днем и ночью налеты на огород советских самолетов по несколько штук обстреливали военные объекты.

17 и 18. IV. Немцы усиленно готовятся к защите от наступления советских войск, целыми днями непрерывно идет учеба и перестрелка орудий по местности, где должны наступать русские. Людей по дорогам не пускали, ни с города, ни в город.

19. IV. Был налет советских самолетов в количестве 10 шт. Со всех концов города гремели выстрелы из зениток, с самолетов, били из пулеметов по военным объектам. Граждане Чкаловского аэродрома говорят, сбили 3 самолета русских, а один приземлился, как видно, тоже подбитый, летчик не хотел сдаваться и хотел себя застрелить, но не удалось, одного летчика привезли в 1-ю больницу, обгорелого, но живого.

20. IV. Знаменательный день у немцев — день рождения Гитлера. По радио везде провозглашают поздравительную речь — биографию Гитлера, что Гитлер призван Богом для восстановления жизни всему человечеству. Рабочих с работ распустили в 2 часа дня в честь праздника, выдали ордена директору театра и редактору газеты.

21–22. IV. Везде затишье, не слышно и с фронта ничего. На 65 заводе приступили к выдаче рабочим праздничного пайка, дают масло сливочное по 100 г и еще что-то.

23–24. IV. За эти дни гестапо, как видно, старалось разгрузиться к празднику, вывезло на Петрушину балку¹ 60 человек, собранных по городу и по затону, женщин евреек, бывших замужем за русскими, комсомолок, активисток и партийных, а также расстреляно большое количество немецких солдат, дезертировавших с фронта. Везде по главным дорогам и по мостам стоят гестапо и проверяют документы у немецких солдат и пеших и едущих на машине. Каждый день проводят немецких солдат под усиленным конвоем, говорят, что очень много стало дезертирства в немецкой армии, хотя гестапо с ними расправляется очень жестоко, но ничего не помогает, как видно, плоховато стали кормить, жиров нет. Ночью над городом летали русские самолеты, слышны большие взрывы бомб.

25–26. IV. В Таганроге справляется Пасха, нерабочих 2 дня, публика находится больше всего на кладбище, ночью под 25[-е] русские самолеты сильно бомбили город, из окопов привезли уби-

¹ Петрушина балка (или Петрушина коса) — находилась за городом, за 31-м заводом. Общее количество расстрелянных там, по некоторым оценкам, приближалось к 70 тыс. чел.

тых рабочих, бывших на рытье окопов. Люди не весьма весело празднуют. Многие вспоминают праздник 1-го Мая с хорошими пайками. Торговый и спекулянтный класс веселятся изрядно, не считаясь с расходами больших денег, большая часть населения занята посадкой огородов в степи.

27-28. IV. По ночам налеты советских самолетов, сброшены бомбы. Вышел очередной номер таганрогской газеты, в газете сообщается, что Федоровскому району делается прирезка земли приусадебной — на двор один гектар. Это называется — вся земля трудовому крестьянству.

29. IV. С фронта по направлению на Курган слышна сильная орудийная перестрелка, днем появлялись советские самолеты. Немецкие военные части, имеющиеся в городе, отправляются на Харьковский фронт, по улицам города все еще продолжают рыть противотанковые канавы и делают заграждения. В районе Собачеевки найден убитый немецкий офицер, а на другой улице убитый немецкий солдат, в качестве заложников арестованы все мужчины, живущие в тех улицах и, вероятно, будет им капут на Петрушину балку. Население города и вообще всего района с нетерпением ждут — моя надежда, что Таганрог скоро будет освобожден от немцев. Многие выражают недовольство на советскую армию и командование, что до сего времени не могут освободить Таганрог. Кубань за один месяц очистили, а здесь второй год толкутся. Главное, что в Таганроге до 40 тысяч мужчин, которые могли бы стать в ряды армии, а сейчас они работают на немца.

30. IV. Существенных перемен в жизни города не было, с фронта изредка слышны орудийные выстрелы.

Май

1. V. Весь день в городе рвались снаряды, русские самолеты беспрестанно летали над городом. Немцы слабо отпраздновали нынешний год 1-го Мая, прошлый год они были веселые, и вообще нынешнее лето они мало вообще справляют праздники, также и именины Гитлера прошли тихо и незаметно.

2 и 3 мая. Первые дни Пасхи. Таганрогцы справляют праздник и особенно местные жители из бывшего верующего класса, а у большей части населения невесело справляют, ибо хлеба настоящего нет, священники по-старому всю неделю ходят по дворам с молитвой, но в рабочий городок пока еще не заходят, а по собственникам, у кого свой дом.

4/V. Вторник — день поминовения умерших, на кладбище народ собрался со всего города, даже милиция присутствует и следит за порядком.

5-6/V. В город прибывают новые военные части. Рабочих, работавших по разборке 26 дома в рабочем городке 31-го за-

вода собрали, всех выстроили в шеренгу и объявили, что кто желает работать на аэродроме, те садитесь в подъехавшую машину и кто в чем пришел на работу, а потом выяснилось, что машина ушла в Сталино и людей туда же увезли обманом. С фронта и с воздуха ничего не слышно и по ночам спокойно.

8-9/V. По городу вывешено распоряжение о регистрации домашних библиотек, велосипедов, имеющихся по кафе и ресторанам оркестров и музыкантов. По заводам и учреждениям города проводится сокращение служащих на 80%, все сокращенные будут отправляться на рытье окопов. Рытье окопов и устройство разных заграждений проводится с лихорадочной спешкой, людей встречают на улицах, на базарах и забирают, везут прямо на окопы, вероятно, немцы не думают нынешнее лето наступать на Кубань, оскомину набили.

10-11-12/V. Над городом появилось много германских самолетов, по ночам были налеты советских самолетов, сброшены бомбы большой силы. Некоторые немецкие части выезжают из города, хозяйственные части выезжают где-то за Днепропетровск, а другие — в Мелитополь. С фронта начала доноситься активная орудийная стрельба. Продукты питания на базаре подешевели процентов на 25, а некоторые и на 50 процентов, настроение у населения паническое, все чего-то ждут, не дождутся. Налоги на продукты, особенно на жиры, на яйца, на молоко, немцы удвоили против прошлого года. Газета «Новое слово» г. Таганрога непрерывно призывает граждан и население добровольно, не дожидаясь, пока придут на дом милиционеры и заберут на работу, а самим браться за работу и помогать германской армии выгнать с родной нашей земли большевиков с жидами, и тогда уже начнется настоящая свободная райская народная жизнь, а немцы, как теперь уже люди убедились на факте, что нам они желают. Домов уже больших не стали разбирать, а теперь приступили к разборке строений на заводах, что еще пока уцелели, начали разбирать деревянные сараи на кирпичных заводах.

13-14/V. По городу и между населением идут слухи, что немцы готовятся к отступлению якобы за Днепр, за два дня много наехало автомашин, оба дня полиция энергично принимала меры по проверке документов и забирала всех подлежащих к труду по приказу и отправляют на рытье окопов и на проводку железной дороги с разъезда Кошкино до станции Успенка, минуя Неклиновку, Курган и прочие станции. С разбираемых домов кирпич возят на фронт и на железную дорогу, вновь строящуюся.

15-16/V. Немцы проводят успешную учебу солдатам с утра до ночи, с утра до ночи непрерывная учебная стрельба из пулеметов, а главное — из орудий. По ночам бывают единичные налеты советских самолетов, сброшено несколько бомб. Сегодня

воскресенье, ходил на кладбище посмотреть на могилу, где похоронены русские летчики, которые 18 апреля ошибочно приземлились на Таганрогском аэродроме и были подбиты, но не дались живыми в руки немцев, покончили самоубийством. На могилу люди идут беспрерывно целыми днями, букеты цветов наложены на могилу целой копной, не видно могилы. Ежедневно подбрасываются на могилу сочиненные стихотворения и прискорбные записки с содержанием обещаний отомстить врагу за каждого в сто раз. Немецкий патруль строго наблюдает, но не уследит и ежедневно подбирает все новые и новые записки.

17-18/V. По городу изменений никаких не было. На базаре продукты питания сильно вздорожали, кукуруза была 950 руб. ведро, а стало 1450 руб. Погода стоит сухая и ветреная. По ночам бывали налеты советских самолетов, сброшено несколько бомб.

19/V. Ночью по городу — сильная артиллерийская стрельба. На базар днем выезжала агитмашина с радио, передавала, что на Кубанском переднем укреплении немецкие войска прорвали советский фронт, уничтожили много военного снаряжения. Жилищный отдел 31-го завода производил учет оставшихся по квартирам электросчетчиков, дается по всем квартирам свет с оплатой за использование энергии по счетчику. Начал ходить трамвай ежедневно до 31-го завода, до 2-й больницы, з-да «Металлургия» и Старого базара.

20-21/V. Оба дня гестапо производило расстрел дезертиров с немецкого фронта, расстреляли более 200 человек. По слухам, в немецкой армии началось массовое дезертирство солдат, многие не хотят воевать. Радио на базаре ежедневно передает просьбу к населению задержать дезертиров, указываются приметы, рост, цвет волос, за поимку обещают вознаграждение.

22/V. За содействие бывшим на излечении пленным русским летчикам в побеге на сторону советской территории через Азовский пролив из Таганрога расстреляли 7 человек с фронта. Слышны временами орудийные выстрелы, самолетов совсем нет, ни русских, ни немецких.

24-25/V. В город все более и более прибывают военные части, усиленная производится учеба, везде учебная стрельба, в народе ведутся разговоры, что немцы будут наступать на Ростов, по ночам проводят советские самолеты, по городу всюду мобилизованные роют противотанковые канавы. Полиция ходит по квартирам и забирает на работы.

26-27/V. С фронта слышна усиленная орудийная стрельба, по городу большое движение автомашин, военные части все прибывают, людей забирают и гонят на рытье окопов и на постройку железнодорожной ветки Кошкино и до Успенки. Большие дома

№ 26 и № 27 рабочего городка завода № 31 взрывают динамитом, а кирпич со стен возят на железную дорогу. Днем активно летали немецкие самолеты.

28-29/V. По городу издано распоряжение, что дети, подлежащие школьному возрасту, должны быть окрещены в православную христианскую веру, некрещенные дети в школу приниматься не будут. По городу наблюдается большое скопление немецкого автотранспорта.

30-31/V. Немецкие военные организации выезжают из города. По городу автомашин совсем не видно, с фронта на отдых приходят пешие военные отряды солдат и занимаются учебой.

Июнь

1/VI. В военном госпитале лежал на излечении советский военный летчик. Подъехала машина, предъявила документ от гестапо о выдаче летчика, посадили летчика в машину и увезли, через несколько времени действительно подъехала машина гестапо, но летчика уже не оказалось. В связи с исчезновением летчика вся дежурившая в госпитале прислуга и врачи арестованы, и по городу идут усиленные аресты, идет разговор якобы гестапо открыло подпольную партийную организацию, арестовано уже человек двести (это из разговоров).

2-3/VI. По городу идут разговоры, что Северный поселок за заводом «Металлургия» по ту сторону железной дороги разъезда Марцево объявлен к выселению всех жителей за реку Миус. С фронта ничего не слышно, в городе спокойно, но цены на продукты питания растут все выше и выше, проезд в город и из города запрещен, из-за реки Миус только по пропускам и на базаре крестьян совсем дальних нет.

4/VI. Над городом советские самолеты сбросили массу листовок, содержание пока неизвестно. Жители поселка Маяковки выселяются за реку Миус. Настроение у населения ожидающее, все ждут чего-то на фронте. У всех мечта одна — господи, хотя бы угнали немцев, хотя бы за Днепр, но есть такие, что этого не желают, а живут себе, да деньгу заколачивают, а от работы, что немцы забирают, они всякими способами увертываются, то деньгами откупаются, то немецкого офицера пригреют у себя на квартире, а он им справочку немецкую, что им и помогает освободиться. С утра полиция проверяла все квартиры и жильцов. С фронта немцы возят очень много раненых солдат в госпиталь.

5-6/VI. Немецкие самолеты сбросили листовки, предполагали, вероятно, сбросить над позициями русских войск, так как в листовках пишется обращение ко всем командирам, политработникам и красноармейцам — бросайте оружие и переходите к нам и будем вместе бить и истреблять коммунистов и евреев для спасе-

ния нашей родины. Листовки утром принесло в г. Таганрог. Все служащие и рабочие Таганрогского порта эвакуируются в гор. Севастополь. Все пенсионеры тоже выселяются из города, но пока неизвестно куда. С фронта слышна артиллерийская перестрелка.

7-8/VI. По городу вывешено распоряжение бургомистра о регистрации паспортов у населения города. С фронта с утра до ночи доносится сильная орудийная пальба, начались сильные бои.

9-10/VI. У контор немецких хозяйственных компаний большая очередь граждан, поступающих на работу. В связи с перерегистрацией паспортов идет разговор, что всех безработных и освобожденных от работ по разным причинам, у кого малые дети, больные, все будут выселяться из города в тыл. Поэтому люди, боясь высылки и бросились поступать на работу. У торгующих инвалидов отобраны паспорта и документы, тоже будут высылаться из города, население города находится в отчаянном положении.

11/VI. По городу происходит ужасная беготня, люди мечутся по всем учреждениям, ищут, где бы поступить на работу. Ходят упорные слухи, что из города будут выселять всех неработающих, а останутся только те, кто работает и его иждивенцы, да у кого взяты из семьи в Германию. На бирже людей полно, не пролезешь. Есть несчастные случаи — одна женщина повесилась, когда услышала, что ее выселяют. Утром отправлена первая партия — 72 машины с людьми. Вещи предлагают сдавать в комиссионный магазин, а у кого свой дом, предлагают сдать в ЖАКТ. С фронта слышна орудийная перестрелка.

12-13-14/VI. По городу полиция разносит повестки семьям и лицам, назначенным к эвакуации. Во второй партии отправляют инвалидов, состоящих в Доме старости и которые не получали пенсию.

15-16-17/VI. Разносятся повестки семьям репрессированных и получающих пособие. Ночью была сильная бомбежка. 15-го и 16-го днем снаряды летели, как видно, из дальнобойных орудий, по городу много человеческих жертв.

18-19-20/VI. За три дня гестапо расстреляло более 20 человек, якобы состоящих в партизанском отряде. С 31-го завода отправляют рабочих 360 человек в Германию. Немцы пошли на обман, в газете объявили, что эвакуации не подлежат рабочие, работающие на заводах и предприятиях, а теперь составляют список и объявляют — через два дня отправка, а повестки на дом приносят так: утром принесут, а в 5 часов вечера отправка. Сегодня воскресенье, базар, что только творится, с вещами все ни по чем: за кровать, которая с никелем, стоила 3 тысячи рублей, а теперь просят дать хотя триста рублей. В комиссионном магазине — очередь ужасная, на улице нагромождена мебель и разными вещами целый квартал, а ценят как что стоило две не-

дели назад 1000 рублей, а в магазине ценят 50 рублей, люди ходят все в ужасе, многие бросают квартиры и все имущество, ибо некуда девать, люди все ожидают — а вот и нам завтра принесут повестки отправляться. Только и слышны разговоры — лучше бы снарядом или бомбой разорвало бы, чтобы не переносить это мученье. В час ночи береговая охрана очень активно стреляла из орудия. Говорят, что советский катер подходил с моря. По продуктовым карточкам в магазинах не дают ничего вот уже 20 дней.

21-22/VI. Весь день и ночь на фронте идут ужасные бои, беспрерывно палят из орудий, по городу упало много снарядов, есть жертвы.

23-24/VI. По городу вручено много повесток о немедленной явке на биржу. Повестки вручены более пожилым людям. Есть факты — являющихся по повестке на биржу назначают к отправке в тыл.

25/VI. Сегодня принесли мне повестку явиться немедленно на биржу. Утром ходил на пригородное хозяйство для подыскания работы, велели приходить завтра. С фронта ничего не слышно, люди с напряжением следят за фронтом и все со слезами на глазах ожидают освобождения. Люди переживают ужасное положение, многие питаются одной травой, листьями с бурака, с редиски, лебедой и прочим — варят в воде, добавляют макухи и это вроде борща, а хлеб покупают разные сметки с мельниц, да оскребки из пекарен, да крошки от хлеба, и все это не вдоволь, потому что все ужасно дорого, а продавать вещи — никто не покупает и многие без денег страдают ужасно.

26-27/VI. Ночью советские самолеты сбросили на город много бомб, разбиты жилые дома, повреждена трамвайная линия, движение трамваев остановлено. Сегодня воскресенье, большой базар, на базаре вся площадь заставлена продажными вещами. Многие жители в ожидании выселения заранее распродают вещи. Многие сами добровольно выезжают из города, особенно те, у кого большие капиталы.

27-28/VI. Оба дня ходил за город по пригородным хозяйствам по подысканию работы. На плантации завода 65 в огородном секторе обещали принять в качестве бригадира-огородника. Приняли заявление, пришлось заделаться огородником, тем, чем никогда не работал. Интересовался работой, наблюдал, как обращаются с рабочими, поистине, как было при Николае — чуть что-нибудь не понравилось заведующему — прогонят с работы без разговора и жаловаться некому, работают до упаду. В разговоре рабочих только и слышны воспоминания, как ездили на курорты в это время, да в дома отдыха, да еще не хотели, когда посылали, а когда самим угодно, чтобы фрукты поспели.

29–30/VI. В город прибыли немецкие новобранцы. Все молодые, некоторые выглядят совсем ребятами, ежедневно идут занятия по военному делу. С фронта ничего не слышно, самолеты изредка появляются.

Июль

1/VII. С биржи все идет отправка на работу — на рытье окопов. Многие записываются добровольно, из боязни попасть на выселение.

2–3/VII. Оба дня провел на бирже для подыскания работы. Отправляют большинство на окопы, на фронт и в милицию для регистрации паспорта и нигде ничего не добился, везде огромные очереди. Отношение служащих, в особенности на бирже, варварское, грубое, нигде ничего не допросишься, по сравнению с советским временем нет никакого сравнения, на фронте копают убежища по ночам у самой передней линии фронта.

4/VII. Воскресенье, биржа работала до 12 часов дня. Мужчин не принимали, а одних женщин, штамповку паспортов в милиции отсрочили до 10 числа.

5/VII. На бирже взял направление на работу на фирму «Киршин-Гофер» чернорабочим. Поставили на очистку кирпича из разбираемых домов Жилотдела, рабочего городка 31-го завода, домов 26–27. Работа — не бей лежащего, пока немец ходит, пока и стучат кирками, а немца нет, все сидят. На завтрак — 15 минут, перерыв в 9 часов, на обед — 1 час с 12 часов до часу, на обед дали по булочке в 1 кг весом и по горсти творогу, считается 200 граммов. Работа с часу до 4 часов, работа легкая, работаешь на очистке кирпича до 250 г. Рабочим фирмы Юнкерс на 31-м заводе объявлена эвакуация.

6/VII. Второй день работы на обед дали 1/3 булочки и пшенный густой кулеш (суп), деньгами зарплату еще не выплачивали ни разу и неизвестно, будут ли платить или нет.

7/VII. Сегодня начали взрывать недостроенный 34 дом, кирпич взят на устройство убежищ на фронте и вокруг города. С фронта временами слышны орудийные выстрелы.

8–9–10/VII. По городу вывешена такса цен на продукты питания, а также и на промтовары, цены снижены в сложности продукты на 50 процентов, а промтовары — на 70 процентов.

11–12–13/VII. Производилась отправка эвакуированных граждан с завода № 31 из жилищного отдела. Всех, кто нарушил таксу цен в сторону повышения и торговцев, у которых отобрали патенты, по городу набрали всех нищих и тоже отправили. Сегодня уже неделя, как я работаю у немцев. Получил за это время 1 1/3 булочки хлеба — 1 кг 600 г, 200 г творога, 250 г масла

подсолнечного и 1 кг муки кукурузной и ежедневно суп пшенный на завтрак, карточку на хлеб 3 кг 200 г в неделю, суп два раза был мясной, денежную зарплату еще ни разу за 2 месяца не выдавали и неизвестно, какая плата рабочим в день.

13/VII. Сегодня пришибло кирпичом мне руку, пошел в больницу, уплатил 5 руб. за прием, сделали перевязку, забинтовали рану и дали освобождение на 3 дня; освобожденным по болезни ничего за это время из продуктов не выдают, а также завтрак, но, вероятно, на работу придется выходить, так как на этих днях будут выдавать сахар, творог и булочки. С фронта ничего не слышно, советские самолеты проводят и днем и ночью.

15/VII. В таганрогской газете объявлено о прекращении эвакуации граждан гор. Таганрога в тыловые районы. Призываются граждане записываться добровольно для отправки в Германию.

16–17/VII. Отправляются в Германию рабочие, работавшие на 31-м заводе и фирме Юнкерс.

18/VII. Из отправленной ранее молодежи с 31 завода фирмы «Юнкерс» для работы в тылу 360 чел. убежали и пришли обратно 20 человек, на мосту Миуса были задержаны патрулями и арестованы, сидят при полиции в камере. С утра и весь день на фронте сильная орудийная стрельба. Работающие люди на окопах на фронте рассказывают, что советские войска ежедневно обстреливают немецкие окопы и часто ранят рабочих и убивают. Ночью на город красные стреляли из орудий, есть жертвы. На работе мне пришибли руку, пошел в больницу на перевязку, взяли 5 руб. за регистрацию, несмотря на то что случилось на работе, дали освобождение на три дня до 20/VII. Но многие рабочие выходят на работу и освобожденные, потому что не вышедший на работу не получает ни пайка, ни добавочного хлеба на обед, лишается всего и зарплаты.

19–20/VII. Город подвергся сильной бомбардировке со стороны красных. Повреждена Никольская церковь, разрушены дома, есть жертвы, по ночам проводывали советские самолеты, а с моря — советские катера.

21–22/VII. Каждую ночь город подвергается сильной бомбежке, самолеты ночью и днем активно посещают город и они оказываются очень низко, на аэродроме 31-го завода, где работает масса людей на окопах, снизился так низко, что даже помахал платком рабочим. Рабочие в свою очередь начали приветствовать, кто чем мог, женщины махали платками, мужчины — фуражками и даже лопатами. Настроение у публики приподнятое, все чего-то ожидают. Немцы, как видно, все понемногу увозят из Таганрога. В связи с бомбардировкой русскими станции Успенка немцы, а особенно начальство, убежали из Таганрога и все держатся за чемоданы, вещи у всех упакованы, наготове.

23–24/VII. Сегодня фирма «Компания Киршин—Гофер» начала выдавать рабочим зарплату и каждый рабочий, получая зарплату, не знает, за какое время, какая ставка, за сколько дней и справиться негде, а если будешь докапываться, то, пожалуй, получишь палкой по спине, а пощечину — обязательно. Когда наблюдаешь за рабочими, то вспоминается, какие были наши рабочие активные, требовательные и в случае чего, то побывает и в завкоме и даже у директора, а теперь смотришь и даже делается обидно, как бедные овечки, что хочешь, то ему и делай, хоть верхом немец садишь и он будет молчать, где что и делось. Хлеб ли дают гнилой или совсем не дают, или суп — одна вода вареная — все молчат, только перешептываются между собой.

25–26/VII. В газете «Таганрогское новое слово» сообщается, что в Италии Муссолини отказался от должности премьер-министра и вышел в отставку, Кроль назначает новое правительство. По слухам и разговорам людей и самих немцев — в Италии идет революция.

27–28/VII. По городу объявлена трудовая мобилизация населения от 16 до 45 лет для восстановления оккупированной страны. Возле конторы фирмы «Киршин—Гофер» рабочие, и особенно женщины, устроили у шефа целый гвалт по поводу задержки выдачи хлеба, так как хлеб еще за прошлую неделю не выдали, а уже эта неделя проходит — завтра суббота. Хлеб лежит в кладовой, уже весь зацвел, гниет. Сколько шеф ни кричал на толпу рабочих (ВЕК), а толпа ни с места, просят выдать хлеб авансом. Тогда шеф применил другой способ — вывел на цепи собаку и разогнал толпу.

28–29/VII. В сторону фронта слышна активная орудийная стрельба, по ночам проводят советские самолеты, но бомб не сбрасывали на город. Сегодняшняя газета сообщает, что на острове Сицилия итальянцами [взят] один город.

30–31/VII. Оба дня эвакуируют рабочих с 31-го завода. С разезда Кошкино привезли много раненых рабочих, работавших на окопах, есть убитые. По городу ежедневно бьют из орудий с русского берега, с фронта беспрерывно слышна стрельба из орудий, по ночам самолеты проводят город, но без бомбежки.

[Август]

1–2/VIII. С 31-го завода фирма «Юнкерс» [мед]ленно эвакуирует своих рабочих, фирма «Киршин—Гофер» перебрасывает рабочих из города с разборки кирпича и домов на окопы в прифронтовую полосу — Кошкино, Самбск, Вареновка. Сегодня, 2-го, выдали пайковый хлеб, испеченный из вываренной браги с пивзавода; с фронта не слышно выстрелов. В город привезли с

окопов раненых рабочих 19 человек, есть убитые. Советская артиллерия разбила поезд, везущий рабочих и немцев с Неклиновки на Кошкино.

3–4/VIII. На обтеке кирпича немец избил одного парня и одну девушку за то, что во время работы вздумали пошалить и сели отдохнуть.

5–6/VIII. Налет ночью русских самолетов на город и много снарядов упало в городе от выстрелов русских дальнобойных орудий.

7/VIII. Ночью и днем русские бомбили по городу из дальнобойных орудий, поврежден трамвайный путь и ж.д. станция. Целые сутки не было тока, повреждена линия в Мариуполе.

8–9/VIII. Днем и ночью по городу была со стороны красных сильная орудийная бомбежка. На базаре ежедневно полиция устраивает облавы, забирает, кто попадется полицейскому на глаза и направляет в окопы.

10/VIII. Утром на работе у компании «Киршин—Гофер» у рабочих мужчин до 50 лет отобрали пропуска и погнали в контору, туда же пригнали и с 65-го завода и всех угнали в город, куда их увезут — неизвестно. После 4-х часов после работы рабочим выдавали паек — 2 кружки пол-литровых пшенной муки, 50 граммов сливочного масла, 1/2 стакана сахара и одну булочку. Очередь огромная, немец устанавливал очередь и многим попадало и по морде и палкой по спине. Люди с негодованием смотрят на немцев и если бы было возможно, то, кажется, взорвали бы немцев на куски.

11/VIII. На 65-м заводе и везде на предприятиях забирали мужчин до 55 лет. Приказа о явке нет, а приходит полиция или немецкие солдаты, собирают рабочих в одно место, оцепляют кругом с винтовками и загоняют в особое помещение, а потом увозят как арестованных под сильной охраной в горполицию и закрывают в сарай. На военводе и где бывший аэродром Чкалова рабочие разбежались и прятались по кукурузе ползком по 2 километра, а немецкие солдаты по ним стреляли. На работу рабочие не являются, боятся, чтобы не забрали. Люди страшно волнуются, так как неизвестно куда повезут.

12–13/VIII. Контора «Киршин—Гофер» выплачивала зарплату, рабочие получают деньги и не знают, сколько он должен получить, правильно ли ему выдали или нет, а сколько дают, столько и берет, как будто бы говорят по 8 руб. в день, но по деньгам по рабочим дням не приходится. На работу я поступил 6 июля и по 1-е августа получил 174 рубля.

С фронта русские ночью и днем беспрерывно бьют из дальнобойных орудий по городу, много разрушено домов и много человеческих жертв, на базаре одна бомба разорвалась, пострадало много людей.

14/VIII. Утром был обстрел города из дальнбойных орудий, разбито немецкое общежитие в 28-й школе, много убито немцев. Самолеты, и немецкие и русские, исчезли уже несколько дней, по ночам русские пролетают, но не бомбят город.

15-16/VIII. Днем и ночью город подвергался обстрелу из дальнбойных орудий, много разрушено жилых домов и много жертв. Фирма «Киршин—Гофер» ликвидирует работы в Таганроге, обтесывать кирпич прекратила, рабочим заявила расчет, а сами выезжают за Днепр.

17/VIII. Рабочие вечером сдавали инструменты в кладовую. День прошел спокойно. Немцам-колоницам объявлен последний день выезда, оставшимся около 17 числа транспорт не будет предоставлен, а должны будут выехать за свой счет.

18/VIII. Рабочие целый день толпились возле конторы, компания и получки расчета не добились, шеф заявил, что выплачивать деньги будет после 25 числа, хлеб-пак за прошедшую работу не выдали, пропал.

20/VIII. Город неоднократно подвергался налету советских самолетов, обстреливали порт и сбрасывали бомбы. Немцы начали эвакуировать свои части, стоявшие в городе. Строительная фирма по сооружению укреплений выезжает, весь инвентарь отправляют в порт и грузят на баржи. Граждане, коим невыгодно оставаться в городе, тоже выезжают — начальство, попы и часть полиции. По ночам машины, подводы — массами, груженные разными вещами, выезжают из города на Мариуполь. Таганрогская газета сообщает о взятии англичанами острова Сицилии и вступлении в Италию. 20-го утром девять советских бомбардировщиков бомбили город и порт. Немецких самолетов совершенно нет уже две недели.

21-22/VIII. На 65-м заводе началась эвакуация оборудования, снимают станки и вывозят в порт, грузят на баржи. По цехам вывешены объявления, что для планомерной работы необходимо всем рабочим завода выехать с заводом в глубокий тыл. Объявлена добровольная запись на выезд, но записалось только два человека.

23/VIII. Фирма «Киршин—Гофер» успешно вывозит инвентарь в порт для погрузки на баржу. Вывозят всякую металлическую заваля. День и ночь прошли спокойно. Сегодня побывал в порту, немцы усердно выламывают то, что им нужно, и увозят, даже камень с мостовой порта выламывают и грузят на баржи. В порту стоят четыре немецких военных катера, на каждом — по две пушки и по две зенитки, с одной баржи разгружают уголь, а с другой — бревна.

24-25/VIII. На фронте — затишье, по ночам пролетают советские самолеты. 65-й завод успешно эвакуируется, снимают

большой дизель. Энергии в городе нет, вода в колонках по всему городу прекратилась. Все заводы, «Металлургия», «Гидропресс» эвакуируются, по ночам из города идут обозы машин и подвод в сторону Мариуполя, по городу вывешено объявление, что Харьков оставлен немецкими войсками.

26-27/VIII. На фронте круглые сутки идет сильная артиллерийская стрельба, по ночам город бомбят самолеты. По городу объявлена эвакуация, население, кои имеют свой транспорт, немедленно должны выехать. Идут разговоры, что есть распоряжение, чтобы до 5 числа из города должны все эвакуироваться. На базаре в обращении исключительно немецкие марки, население старается израсходовать немецкие марки. В городе большая суматоха, все учреждения и военные части выезжают, склады взрывают. Электростанцию взорвали. Лошадей и дроги забирают на улице и ходят по дворам, забирают лошадей и упряжь, в степь угнали из стада коров и коз. По городу вывешены объявления — кто не выезжает, тот будет считаться партизаном и будут приниматься суровые меры. Фирмы «Киршин—Гофер» заставила рабочих в ночь ехать в порт грузить на баржу имущество и машины. Рабочие стали разбегаться, немцы с револьверами погнались за рабочими, которых удалось догнать, сильно избили железными прутьями до крови, набрали кого попало и повезли в порт, но тут случился налет советских самолетов на порт и рабочие все разбежались по домам. Из-за того, чтобы рабочие выходили на работу, немцы не дают им ни зарплаты, ни документов до конца погрузки всего имущества. За недостаточей транспорта многим выехать не удастся. По городу отбирают велосипеды.

28/VIII. Суматоха по городу утихла, есть слухи, что на фронте у немцев дела улучшились, некоторые группы немцев, разные мастерские мелкие возобновили работу, некоторые, намеревавшиеся утром выехать, распаковали вещи, некоторым хозяевам возвратили лошадей, на фронте целый день шла орудийная перестрелка.

29/VIII. Воскресенье. Всю ночь советские самолеты бомбили порт. Утром рабочих фирмы «Киршин—Гофер» не пустили в порт работать, нужно полагать, что баржу, которую загружали, самолеты разбомбили, предполагалось погрузку производить до 1-го. В два часа дня неожиданно шеф и все его служащие похватали свои чемоданы, побросали на машину и уехали, даже не выплатили рабочим зарплату за 12 дней. В 10 часов дня налетели немецкие «Мессершмиты» и кружились вокруг города, как видно, охраняли грузившихся всех головок — и военных и гражданских на самолеты на Чкаловском аэродроме. В три часа дня советские самолеты удачно разбомбили на дороге обозы, немецкое имущество, оставленное немцами, люди растащили по домам. С 6

часов вечера немцы начали взрывать все склады, заводы, хлебозавод, мельницы, трамвайный парк, электростанцию, железнодорожную станцию. Всю ночь город был в огне, страшно было смотреть. В складах и в порту в огне рвались снаряды, от взрывов земля тряслась, в окнах стекла редко где уцелели, по городу от пожаров светло, как днем, самолеты непрерывно вешали осветительные ракеты, немецкие машины, отрезанные от выезда, метались по улицам, полицейские на подводах пытались прорваться, но возвратились обратно и повыпрягали лошадей. Ночью гестапо расстреливало заключенных.

30/VIII. В три часа ночи немецкие катера с баржами 14 шт. пытались пройти в порт, но подверглись сильной бомбардировке самолетов и советских катеров и, узнав, что порт весь разгромлен и немцев уже нет в городе, повернули обратно, но были атакованы самолетами, подняли белые флаги и сдались в плен. В восемь часов утра явилась советская разведка, а за нею вошли войска, проехали танкетки и пешие. Население с восторгом встречало своих родных освободителей, ехавшие на улицах автомашины люди останавливали, кричали ура, забрасывали букетами цветов, с остановившимися на отдых красноармейцами беседовали, расспрашивали, угощали кто чем мог. Радость у всех на лицах, видно немцы так насолили, что будут помнить долго.

31/VIII. По городу издан приказ № 1 о регистрации мужского пола рождения по 1888 год. На 31-м заводе вывешено объявление: всем рабочим и работавшим до прихода немцев явиться в управление завода для регистрации. Город начал жить новой жизнью, у воинских частей, остановившихся в городе, собираются кучи граждан, все расспрашивают, делятся впечатлениями и событиями, настроение у людей приподнятое, все веселые, готовы помогать Красной Армии и советской власти собственными силами.

[Сентябрь]

1/IX. В 9 часов утра объявлена выемка с Петрушиной балки расстрелянных немцами заключенных. 29 и 30/VIII на место расстрела собралось множество народа. При выемке трупов, еле-еле присыпанных на скорую руку землей, трупы начали разлагаться от жары, многие падали в обморок и приходили в истерику, у каждого были слезы на глазах. Трупы были многие со связанными назад руками и расстреляны в голову и лежали все головами в одну сторону, все раздетые наголо и, как видно, при расстреле [им] приказывали ложиться. Есть и дети-подростки, лет до 15. По улицам большими партиями проводят пленных немцев, и русских добровольцев, и штатских, не успевших, вероятно, уехать и отрезанных по дорогам нашими войсками. Граждане с озлоблени-

ем выкрикивают по их адресу всякую ругань и насмешки. На рынках города все продукты подешевели наполовину, а некоторые и более, немецкие марки прекратили свое существование, никто их не берет. Торговцы и спекулянты позакрывали свои магазины и ларьки. Люди высказывают свое пожелание, чтобы власти конфисковали у торговцев магазинов и ларьков все товары, ибо все они были разграблены при отступлении русских из Таганрога по заводам и магазинам, ибо видно было, кто чем торговал — каким товаром в советском магазине, тот и в своем магазине выставил тот же товар. У сборных пунктов военкомата множество людей, мужчины охотно идут на регистрацию, к вечеру с городка 31-го завода отправлены уже две партии мобилизованных, настроение у принятых веселое.

Запись производил САЕНКО Николай Григорьевич, гор. Таганрог, рабочий городок 31-го завода, дом № 9, квартира 14.

Николай Саенко — летописец оккупации

Оккупация Таганрога вермахтом продлилась 22,5 месяца. Занятый 17 октября 1941 года, он был освобожден 30 августа 1943 года войсками Южного фронта в ходе так называемой Донбасской операции. В Москве в этот вечер был дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий¹.

Дневниковые записи Николая Григорьевича Саенко, проживавшего по адресу «Рабочий городок 31-го завода, дом № 9; квартира 14» начинаются со 2 октября 1941 года и завершаются 1 сентября 1943 года. Иными словами, он полностью и аккурратно охватывает весь оккупационный период. Вплоть до 13 июня записи делались каждый день, позднее встречались пропуски, но есть и несколько обобщающих фрагментов.

Вот как выглядели буквально первые минуты и часы оккупации: «17-го числа в 13 ч[асов] 10 мин[ут] появились первые немецкие мотоциклы, а затем танкетки, танки и автомашины, с[о] знаками кресты, орел. Последними шли пешие германские солдаты, вооруженные большею частью автоматами и ручными пулеметами. У некоторых винтовки, на груди у каждого висит бинокль, сбоку в ножны кинжал или же штык от ружья, на головах стальные каски, летние мундиры на них превосходно замаскированы под цвет травы и даже с оттенками листьев. На ногах короткие сапоги с деревянными подборами. Противогазов нет. Началась расстановка по частным квартирам. [...] К вечеру многие уже были изрядно выпивши и уже начали громить магазины и склады. Первые немцы выбивают дверь или окна, заходят в магазин и что им нужно забирают и уходят, а за ними следом уже местное население, подай бог, все растаскивает, кто что успеет захватить.

Город превратился в Содом и Гоморру, по заводам взрыв за взрывом, везде пожары, дым поднимается клубами от взрывов на огромную высоту, летят обломки здания, что выброшенное легкое, носится в воздухе. Люди бегают, как будто бы прячутся, но не найдут места. [...] Статуи скульптуры Ленина, стоявшей в цветнике, немцы уже успели разбить и выбросить в сор».

Не прошло и двух недель после оккупации, как немцы приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» в Таган-

¹ См.: Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой отечественной войны 1941—1945 гг. / Сост.: М.Л. Дударенко, Ю.Г. Перечнев, В.Т. Елисеев и др.; Общ. ред. С.П. Иванов. М.: Военное изд-во. 1985.

роге. 29 октября, сообщает летописец, «всем евреям приказано собраться на Красную площадь для выселения, но неизвестно куда. Велено взять харчей и сколько можно на себе унести багажа». А вот запись за 30 октября: «За городом за аэродромом 31 завода расстреляны евреи, все собранные в городе старики и дети».

Дневник прекрасно фиксирует в общем-то все основные события жизни под немецкой оккупацией, в том числе и дату фактического начала вербовки и угона населения в Германию в Таганроге. Вот запись за 1 апреля 1942 года: «Отдел труда проводит обязательную регистрацию безработных и всех работавших и поступивших на работу раньше при регистрации спрашивают, куда согласен выехать, в Украину или в Германию, результат будет объявлен для выдачи пропусков на выезд 21/IV».

Обращает на себя внимание «вариант» с Украиной и сама возможность «выбора». «Вариант», однако, как явствует из записи за 12 апреля, оказался многим сытым и соблазнительным: «Воскресенье, на базаре большая масса людей. Многие распродают свои пожитки, собираются выезжать на Украину на с[ельско]х[озяйственные] работы». Циркулировала и «дата» отправки на Украину — 14 апреля.

Однако в тот же день, 12 апреля, Таганрогская биржа труда издала и развесила по городу следующий документ:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Работники и работницы!

Ваши рабочие места производства безнадежно и бессмысленно разрушены большевиками, в результате чего Вы лишены своих прежних мест работы, так как для восстановления производства необходимо значительное время.

Великая Германия не хочет оставлять Вас и Ваших членов семьи в безработице и нужде. Вам предоставляется возможность найти работу в Великой Германии, особенности в промышленности и других хозяйствах. Ваши личные материальные условия будут обеспечены Вашей работой.

За вашу работу Великая Германия предоставляет следующие условия:

- 1) бесплатная квартира и полное питание;
- 2) для личных расходов Ваш труд будет оплачен деньгами;
- 3) бесплатное оказание медицинской помощи;
- 4) остающиеся члены семьи будут обеспечены работой и питанием по мере возможности в данных условиях;
- 5) спецодеждой работник по мере возможности должен обеспечить себя сам.

Работники и работницы! Регистрируйтесь немедленно. Захватите с собой трудовую книжку.

Отправка в Германию будет произведена в ближайшее время.
Таганрог. 12-IV-1942 г.
Биржа Труда»¹

Здесь — уже ни слова об Украине. А из последующих записей дневника становится окончательно ясно, что «вариант» с Украиной — ни что иное, как блеф и отвлекающий маневр вербовщиков. 14 апреля — то есть в день предполагаемой отправки записавшихся на Украину, — «поступило распоряжение, что отправка остановлена на 2 недели, а кто желает в Германию может отправляться».

Первая партия таких желающих была отправлена 27 апреля: «Отправилась первая партия лиц, записавшихся ехать на работу в Германию, запись все продолжается. Одиночек записывают, не спрашивая их желания, и многим не желающим ехать с трудом вернули паспорта».

Между 27 апреля и 4 мая в Германию было отправлено четыре партии рабочих. В записи за 4 мая обращают на себя внимание два обстоятельства — уже успевшая обернуться информация об условиях жизни угнанных в Германию, и повышенный и добровольный интерес к участи угнанного со стороны дезертиров из Красной Армии: «Со слов возвратившихся почему-то обратно рассказывают, что по приезде на место в Германию, всякий лишается самостоятельности, все имеющиеся при себе вещи отбирают и выдали после бани одно нижнее белье. Квартiry — в концлагере. Командировочных и подъемных никаких не платят, дорожное довольствие — на свой счет. Так что многие из наших дезертиров, записавшихся добровольно, и ехали с охотой, полагали, что их там будут встречать с простертыми руками. Со слов молодых мужчин, уезжающих, можно заключить, что все они боялись, что в случае красные вернутся, то их в первую очередь мобилизуют в Красную Армию. Тогда-то они отпрятались, а многие дезертировали с Красн[ой] Арм[ией], а теперь уж номер не пройдет [...] уже не отпрячешься, все равно соседи выдадут, а особенно красноармейка».

Следующая запись об угоне — 10 мая: «Сегодня была очередная отправка людей в Германию. Отправлялась исключительно молодежь, ребята, девки и женщины несемейные. Сколько плачущих, как уезжающих, так и проживающих, ибо запись производится без всякого разговора — нет семьи и без разговора, а если есть семья на иждивении, неси справку или метрическую выписку. Если нам, советским людям, усмотреть как следует в эти

¹ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.

насиленные отправки людей, то невольно воображаются старые времена рабовладельчества — стоят люди и дожидаются — вот подъедут, заберут их и увезут неизвестно куда и что заставят делать — тоже неизвестно, и спрашивать не у кого, а будешь допрашиваться, то получишь плети или палки, а то и по морде заедет немец. А люди, стоявшие для отправки, сразу видно, что это невольники и рабы немецких магнатов — нет той энергии, веселья, резвости, какая бывала у молодых людей при отправке куда-нибудь на новостроящиеся предприятия в советской России. Бывало, — песня, пляски, гармошки, гитары, везде по группам веселье, а также и в вагонах по железной дороге. А тут стоят невеселые, угрюмые, заплаканные, каждый сам себе, ни друг, ни товарищ, поистине невольники, рабы всяк сам по себе».

Впрочем, молодым девушкам в отдельных случаях можно было временно и избежать отправки в Рейх. Для этого «...нужно пойти с офицером, куда он поведет, на ночь, и тогда получает на руки бумажку и остается на месте в Таганроге» (запись за 13 мая 1942 г.).

Массовая отправка в рейх продолжалась и летом, причем первый отрезок пути — аж до Мариуполя — людей гнали пешком. Интересно, что тем, кого признали негодным для Германии, стали давать пропуск на Украину (запись за 6-7 июля 1942 г.)

Всего к началу июня завербованными в рейх считались 11 400 жителей Таганрога. Этой цифры, взятой нами из отчета коменданта Таганрога за период с 25 мая по 5 июня 1942 года¹, наш летописец, конечно, не знал. Как не знал и тех, кто отвечал в городе за безопасность и за «окончательное решение еврейского вопроса», — зондеркомmando 10а. Память по себе немцы оставили в Таганроге соответствующую.

Освобождение пришло утром 30 августа 1943 года: «В восемь часов утра явилась советская разведка, а за нею вошли войска, проехали танкетки и пешие. Население с восторгом встречало своих родных освободителей, ехавшие на улицах автомашины люди останавливали, кричали ура, забрасывали букетами цветов, с остановившимися на отдых красноармейцами беседовали, расспрашивали, угощали кто чем мог. Радость у всех на лицах, видно немцы так насолили, что будут помнить долго».

Радость, конечно, условная, омраченная радость. Уже 1 сентября весь город собрался у Петрушиной балки, где немцы расстреливали свои жертвы. «При выемке трупов, еле-еле присыпанных на скорую руку землей, трупы начали разлагаться от жары, многие падали в обморок и приходили в истерику, у каждого были слезы на глазах. Трупы были многие со связанными назад руками и расстреляны в голову и лежали все головами в одну сторону,

¹ Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 2. Д. 10. Л. 159.

все раздетые наголо и, как видно, при расстреле приказывали ложиться. Есть и дети-подростки лет до 15».

Что случилось с Николаем Саенко дальше, мы не знаем. Дневник его попал в руки Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний и был передан вместе с материалами в Государственный архив Российской Федерации¹.

Фрагмент дневника Н.Саенко был опубликован составителями настоящего тома 3 марта 2005 года в «Известиях». Публикация не прошла незамеченной, и в одном из читательских писем — от Александра Яворского — содержался настоящий мемуар, который мы сочли возможным поместить в настоящем издании в качестве своеобразного «постскриптума» к дневнику его старшего земляка.

Павел Полян

Александр Яворский

ОККУПАЦИЯ ТАГАНРОГА — ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ

(Письмо в «Известия»)

Уважаемая редакция!

В вашей газете от 3 марта с.г. прочитал «Таганрогский дневник» Николая Саенко. Эти записки простого «очень советского» человека напомнили мне те двадцать два месяца оккупации родного Таганрога и то, как их воспринимал десятилетний мальчишка, то есть я, Александр Павлович Яворский. Может быть, мои воспоминания будут интересны читателям «Известий».

Начало войны застало меня в детском санатории на реке Миусс в двух десятках километров от Таганрога. Как тогда говорили, на «даче Варданяна» — одного из первых руководителей города. При нем в Таганроге появились первые асфальтированные улицы. Потом он сгинул в сталинской мясорубке. Наш детский коллектив воспринял начало войны как интересную страничку в славной истории рабоче-крестьянской армии, которая задаст немцам, как недавно задала япошкам на озере Хасан. Под гармонь слепого дяди Коли пели «Красная армия всех сильнее».

Никому и в голову не приходило, что две с половиной тысячи километров от наших западных рубежей до Азовского моря гитлеровская армада может промчаться за три с половиной месяца.

9 октября, за неделю до прихода немцев, из города сбежала вся советская власть и в городе царил хаос. На заводах грузили оборудование для эвакуации, но оно так и осталось на подъездных путях. А когда уже запылали подожженные по директиве цеха и склады, жители бросились тащить все, что могло пригодиться. Мы с моим приятелем Женькой тоже участвовали в грабежах. Но — из патриотических побуждений. Нам нужны были радиоприемники, чтобы слушать Совинформбюро (подпольщики, блин!). Все радиоприемники, а их было всего два типа — СИ 235 и СВД 9, были реквизированы еще при советской власти и хранились на складах. Туда мы с Женькой и направились за СВД 9, у которого был коротковолновый диапазон. И вот два пацаненка тащат свой СВД 9. Им нужно пересечь улицу Свердлова в райо-

¹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 40. Д. 632 (Оригинал и машинопись). Копия дневника имеется также в ГАРО.

не Банковской площади, а там дворами пробраться восвояси. Со всех сторон стреляют, а вдоль улицы Свердлова куда-то вдаль пукает сорокопята.

Добрались, и вдруг все стихло. Прячемся с родителями и соседями в выкопанных во дворе щелях. Вдруг какой-то мужчина, бледный как полотно, кричит нам в щель «Выходите, немцы приказали». А тетя Паня прикрикнула на него: «Ну чего лабудает, каки еще немцы?»

С этой минуты начался новый отсчет времени — жизнь в оккупации. Это клеймо я и мои сверстники, которых не могло защитить государство, носили при себе во всех анкетах, при поступлении в комсомол, в институт, на работу. «Был в оккупации...»

18 октября утром ударом подкованного сапога сорвана с крючка входная дверь. Заходят двое. На груди бляхи — «Фельд-полицай». Оглядели маленькую опрятную комнату. Мать сидит у печки на низкой скамеечке. Я прижимаюсь к ней. Маленький, испуганный, черноволосый.

— Партизанен? Коммунист?

Немец пальцем, больше похожим на сосиску, больно поднимает мой подбородок.

— Юден?

Мама панически кричит:

— Нет! Никс! Нихт! Русский!!

Второй немец рассматривает мой альбом с советскими почтовыми марками. Уходят, унося альбом. Я в слезах: первый контакт с представителями «нового порядка» состоялся.

Война войной, а жить-то надо. Советские деньги уже (еще?) не ходят. Оккупационные марки еще не появились. Жизнь требует какого-то эквивалента валюте. И такой эквивалент появился в виде небольших пачек махорки. Когда грабили склады, я тоже приволок домой пачек сорок. Мать ругалась, а потом сдалась: будет вместо нафталина. А оказалось, что несколько месяцев мы жили, расплачиваясь этими пачечками за молоко и кукурузную муку, за картошку и пшено. Появилась даже разменная монета: пачка махорки, разрезанная пополам бритвенным лезвием. Зимой вошли в обращение советские деньги с Лениным и немецкие оккупационные марки по курсу 1:10.

Зимой сорок второго года мама собрала «обменный фонд»: отрез ситца, мазь для рук, коробочку с гвоздями, спички, нитки, какие-то бусы. И мы, взяв санки, отправились в село. Там еще не все реквизировали и съели. Выменяли мы ведро картошки, маленькую наволочку пшена, кусок сала. На обратном пути началась метель. Мы еле брели со своей поклажей. И тут встретились нам два румынских солдата. Отобрали все, кроме сала, спрятанного мамой под пальто. Слезы и мольбы не помогли.

Но экспроприация тоже была разной. Был у нас на постое какой-то офицер невысокого ранга по имени Альфред. Увидел он мою скрипку-четвертушку (до войны я ходил в музыкальную школу) и вечерами наигрывал на ней. При этом иногда напивался и плакал. Потом он съехал, но через два дня прислал к нам своего денщика с булкой хлеба, пачкой печенья, пачкой сигарет и банкой топленого сала. За скрипку, которую он забрал с собой.

Тяжелые воспоминания остались у меня о пленных красноармейцах. В июле сорок второго в город пригнали большую колонну военнопленных (человек в триста). Голодные, понурые, небритые, многие в окровавленных бинтах брели они по улице в сопровождении десятка конвоиров. Один из конвоиров, повесив свой автомат на крайнего красноармейца, бодро наигрывал на гармошке нашу «Катюшу». Колонну загнали на большой мощный двор дома 34 по переулку А.Глушко. Обессиленные люди вповалку улеглись на брусчатку. Мы, несколько огальцов, добрались в узенький проулочек (по местному — «суточка») между двумя зданиями. Сквозь путанку из колючей проволоки один из военнопленных протянул нам скатку шинели и попросил продать и принести чего-нибудь поесть. Недалеко был так называемый новый базар, где мы в момент обменяли шинель на несколько больших кукурузных лепешек. Разве можно укорять голодных пацанов за то, что одну лепешку мы съели? Увидев, как солдаты ели эти лепешки, я понял, что несколько дней они вообще ничего во рту не держали. Второй рейс с очередной шинелью сделать не удалось: один из конвоиров заметил шевеление в углу и побежал в нашу сторону прямо по телам пленных, размахивая пистолетом. Мы пришли в себя только убежав за несколько кварталов.

Помню, как на место разрушенного гипсового памятника Ленину новая гражданская власть установила памятник Петру Первому работы Антокольского. До войны памятник находился в музее. Открытие памятника отмечалось помпезно: с парадом у входа в парк имени Горького, который был создан по указу Петра в 1706 году. На помосте, покрытом коврами, в музейных креслах восседали немецкие чины, у цоколя священник отслужил молебен, а после того, как сдернули покрывало, по мостовой в марше прошла небольшая воинская колонна, а затем колонна полицейских. Их возглавлял, припадавший на короткую ногу начальник полиции Стоянов с рукой вздернутой в нацистском приветствии. Нам — школьникам — по талонам выдали по маленькой, сантиметра четыре в диаметре, булочке. После войны многострадальный памятник Петру обрел свое место на высоком обрывистом берегу моря над бухтой порта. Лицо царя повернуто в сторону Азова.

Кстати, о нацистском приветствии. В день рождения Гитлера пацанята, вскинув руку, приветствовали немцев словами «Хай Гит-

лер сдохнет!» и немцы, растроганные, одаривали нас сигаретами, а ведь могли бы и убить, если бы поняли.

Помнится многое, но более всего помнится, как мы страдали от голода. Люди моего возраста голодали в тридцать втором (мне был один год), в сорок втором (11 лет), в сорок седьмом после отмены карточек (16 лет). Как мы с ним справлялись в дни войны? Вот один пример. Зимой, между сорок первым и сорок вторым годами, навещали сгоревшие зерновые склады в порту, где набивали полусгоревшую пшеницу. Привозили на санках мешок угольков, ссыпали в таз и заливали водой. Зола всплывала наверх, а полусгоревшие зернышки тонули. Воду сливали. Черные зернышки мололи на мясорубке и из этой кашицы цвета золы пекли лепешки. Рацион был невелик. Морковный чай с таблетками сахара, отвар сахарной свеклы — «бекмес», мучная похлебка — «затирка». В прибрежных глиняных обрывах мы находили «сладкий корень» и разжевывали его. Жарили отстрелянных из рогатки воробьев. Иногда немецкие кашевары — пожилые дядьки — позволяли нам помыть котел, из которого мы выскребали все остатки солдатского варева.

Стыдно ли об этом вспоминать сейчас? Нет. Мы выживали как могли и ждали... Когда фронтовая канонада усиливалась, мы шептались друг-другу: «Наши идут». Хотя городу доставалось и от наших: ночами Таганрог подвергался артобстрелам с нашей стороны. Гибли мирные люди.

Вспоминается многое. Стоит перед глазами публичная казнь через повешение на площади. Помнишь, как, перебегая с пустым ведром перед колонной немцев, мы верили, что теперь удачи им не видать. Помнишь, как раскопали Петрушинскую балку, где расстреляли семь тысяч евреев, подпольщиков, коммунистов, преданных своими же соседями.

30 августа город был освобожден. Говорят, в Москве был салют по этому поводу. Мы его не слышали. Мы ждали Победы еще долгих 20 месяцев.

Март 2005 года

Елизавета Егорова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОККУПАЦИИ: СТАЛИНГРАД И БЕЛАЯ КАЛИТВА

(1926–1946 гг.)

(Публикация Л. Лисиной и П. Поляна)

Воспоминания пережитых предвоенных лет не дают мне покоя. Вся-то моя жизнь была кошмаром, начиная с замужества. Мы, тогда молодые девчонки, вышедшие из детдома, все мечтали получить по желанию специальность и выйти замуж за красивого умного статного человека, так мы между себя вслух мечтали.

После детдома нам предоставило государство дом под кодом О.П.У. (Общежитие подростков и учащихся). Я и некоторые девочки, мои сверстницы, по проверке знаний прошли в школу-техникум КТУ (конторского торгового училища) с четырехгодичным стажем. Нас распределили по учреждениям и новым советским магазинам, впервые появившимся у нас в стране и нуждавшимся в советских кадрах. Мы первые.

Шел 1926 год. НЭП¹. Я с подружками угодила, верней, нас взяли в госбанки, ученицами, разумеется. Подруга Клава попала по своему желанию в комбанк, я — в промбанк, они помещались в одном здании на втором этаже на одной клетке, в перерыв мы с ней выходили из душных накуранных комнат на площадку и отдыхали, закусив бутербродами. Тогда магазины продуктовые ломились ассортиментом изделий, все было в копейках, живи — не умирай. На этой же лестничной клетке было Правление еще одного оставшегося в городе магазина промтоваров и называлось оно Райпо (Районное потребительское общество). Но оно отвечало и держалось на старый лад. Держалось оно пайщиками, которые вносили свои пай и содержали его. Магазин был громадный, на весь квартал. Против магазинов ЦРК (Центральный рабочий кооператив), в которых мыши лазали по полкам, наш магазин отличался превосходством товаров (промтоваров), начиная с иголок и кончая галошами. Нас снабжали еще концессии, английские и французские и т.д. Вояжеры закидывали нас

¹ Новая экономическая политика.

заказами: отличной парфюмерией и басоновой¹ группы товарами, трикотажем и бельевыми изделиями. Под магазином тянулось раскроечное обувное ателье (шили из хрома, лайки и шагреновой кожи), товару было не в проворот. Я перешла из промбанка в правление Райпо, а затем меня переманили в магазин. Я была первой ласточкой нового мира, я и еще один парнишка из школы КТУ — Коля Воловщиков. Мы были учениками, работали по 4 часа и 5 часов учились, отпуск давался месячный. Тогда, по старинке еще, продавцы оставались старыми на местах, и нас, молодых комсомольцев, оделяли подарками к каждому празднику чаще, чем ребят, работающих учениками в ЦРК. Сдавали экзамены и тем самым повышали наши зарплаты. Если ребята экзаменовались 2 раза в год, то мы — 4 раза, тем самым они получали первые зарплаты по 15 руб., мы с Колей получали по 25 руб. Конечно, они стояли, а мы работали и приносили пользу магазину. Мера весов была тогда фунты и аршины, и не десятичный счет, а дюжины и grosсы. Нам завидовали наши ребята из ЦРК.

[В] 1928–1929 годы окончательно свертывалось наше хозяйство, пайщики забирали свои пай и уходили. Магазины все перешли на госснабжение — полки опустели, и нам незачем было приглашать покупателя сесть², ибо предложить ему было нечего. Началось смятение умов — люди ходили обозленные, и недостатки сыпались на голову продавцам.

1929 год. Я окончила кооптехникум, получила диплом (продавец первой гильдии) и ушла учиться на шоферов, а затем как отличница учебы я и еще одна девушка попали работать в школу военных летчиков, в школу ВШЛ³. Там меня зачислили шофером полковника т. Д., четвертой эскадрильи, а подругу Аню — на штабную машину.

Был 1930–[19]31 год. Уже карточная система, рабочему, в том числе и мне, полагалось по 800 гр. хлеба и все. Похлебка в столовой технических мастерских — баланда — состояла из квашеной капусты, заправленной чуточку пшеном, и ребра от селедки, хлеб мы съедали мгновенно. Наши шефы часто уезжали в загранпоездки, и это время я занималась оформлением Красных уголков штаба и Ленинских уголков музвзвода и наркоманды. Это время нас столовали в столовой летного курсантского состава. Отлично. Много оставалось от питания курсантов калорийного и

¹ Текстильные изделия.

² До революции в частных магазинах было принято приглашать уважаемых покупателей присесть, чтобы в комфорте предложить товар на выбор. Видимо, здесь речь идет об этой традиции, постепенно утрачивавшейся при переходе к государственной торговле.

³ Высшая школа летчиков.

мясного обеда, и все выбрасывалось в Яр. Люди, жившие по другую сторону рва, ночью с котелками и кастрюльками ползком, особенно детишки, переползали и сгребали пловы, каши и мясные остатки. Узнав, администрация школы стала или обливать керосином, или спивкой¹ и зарывать. Иногда мы с Аней выклянчивали у старшего повара, когда уходило начальство, и скорей везли в мастерские. В начале смены рабочие получали добавок и очень были благодарны нам. Но это было от случая к случаю. Повара боялись быть уволенными или судимыми трибуналом. Я решила уволиться. Я одиночка, у меня не было подсобного хозяйства, а [время] от времени пользоваться благами, когда то начальство соблаговолит разрешению покушать в курсантской столовой, меня не устраивало. Да и мне понравившегося будущего мужа, тогда комсомольца, умного парня — моя подруга, с какой мы спали на одной койке и снимали квартиру, — увела, позволив недостойно вести себя с ним. Весь аэродром, штаб и вся шоферня знали, что должна была состояться молодежная свадьба, а тут вот сразу — я в штабе со слезами отпросилась у начштаба уволиться — через великую силу, наконец, растерянные штабники подписали мне лист об увольнении, и на другой день я уже была зачислена кассиром-инкассатором в народный ресторан.

Было 9 мая 1932 года. Проработав сезон, отдохнув — на отличном питании — я устроилась еще и на Главпочтамт кассиром по выдаче пенсии. Я утром к 8 часам шла на почту, брала 40–50–60 тысяч, приносила на почту с телохранителем-милиционером, отправляла по городкам деньги (Тракторный, Красноармейск, Красная слобода, Даргора, Ельшанка), а центр выдавала сама. Выдача шла с 9 ч. до 2–3 ч., затем шла к 6-ти ч. в ресторан, делала расчеты с самозакупками и с 6 часов вечера до 3 часов ночи садилась за кассу. Я совсем не спала и готовилась к свадьбе. Мой муж нашел тогда меня и со смены просиживал у меня в ресторане. После закрытия делала сводки: кухню отдельно, буфет отдельно. Укладывалась до 4–5 часов, с 5–6 часов несли по самозакупке, это разрешалось государством, потому что многих продуктов, особенно молочных, мясных и рыбных, не хватало на складах, и с надбавкой 40% ресторанам разрешалось выпускать продукцию в вареном — порционном виде. Начинался большой голод, тогда в 1932 году не было больших гостиниц и тем более интуристских. Делегации со всех концов света тащились к нам, и простой люд по сходным ценам закупал наш знаменитый товар. Матвей Иванович умудрялся кормить людей — рабочий класс — и щами, наваренными на мослах и еще кашей, да компотом — не обижал. Деликатесы и порции шли для делегаций и особо при-

¹ Здесь: помоями.

вилегированным людям. Ресторан гудел. Голод поджигал людей. Люди пухли с голоду или от истощения, умирали, приткнувшись к забору или в магазине, особенно старики, им никто не подавал, да и нечего было.

Открывался магазин продажи на золото. Все — и только на золото. Третью смену в ресторане я не желала работать из-за директора, одной жидовки-аферистки, которая грязно вела себя в глазах коллектива. Её ненавидели, в том числе и я. Она меня хотела накрыть на 500 руб., но случай спас меня, и я ушла работать в торгсин. Торговые работники мне были все знакомые по работе в Райпо. Они предложили мне сесть на кассу инвалюты и золотую.

Было начало 1933 года. Затем открыли отделение Торгсина на «Красном Октябре», я тогда была кандидат ВКП(б). И поручили мне под ответственность отчетов, которые я знала в совершенстве, под надзором над зав. магазином (выдвиженцем рабочего блюминга¹). Тогда так было надо, рабочие с «Красного Октября» доверяли ему больше, нежели нам. Приходилось лавировать, уговаривать, доказывать и не без милиции иногда, в чем состоит принцип торговли и почему им, рабочим с «Красного Октября» не продают на деньги. А золото у них вышло, у кого оно и было. Что было делать? Рабочие брали нас за горло, завмага нашего, выдвиженца, поймали с поличным. Он со своим сыном-милиционером открывал ночью магазин и набирал полные сумки продуктов, ключи были у него. Мы его поймали и сняли потихоньку с работы, огласку опасно было делать — неизбежно враги спровоцировали бы нас и сделали бы разгром магазина. Митинговал голодный люд. Партийный комитет решил открыть на «Красном Октябре» вольную продажу муки, в руки — по 16 кг. Этим мы сорвали чуть ли не восстание, взрыв негодования рабочих, они успокоились, день и ночь стояла тысячная очередь за мукой. Ухитрились некоторые торгаши по несколько раз за день муку получить. Мы объявили, что милиция и ЧК будет регистрировать торгашей, сделался спад — кажется, набрались. Пришлось закрыть магазин, потому что провокаторы и враги народа намеревались разгромить и разделить торгсин. Он закрылся на полгода раньше Центрального. Сдавала я, все было в порядке, в расчете на 10 руб. русскими деньгами было больше.

Был 1934 год. Тут объявили приказ Сталина выдавать печеный хлеб по 2 кг на руки и следить за дезорганизаторами порядка, куда и попала моя сестра Вера. Она пожалела одного хитрого старика, набившего полный мешок хлеба, которого она не ви-

¹ Здесь: рабочие литейного цеха или, возможно, активисты из рабочей среды.

дала, и вдобавок нарушила приказ Сталина: вместо 2 кг дала без веса 4 кг, за что получила 10 лет тюрьмы. Сидела она три года и освобождена по беременности совсем.

Я стала работать в промтоварном магазине, замуж вышла в 1933 году, в 1935 году родился сынок. Какой-то промежуток времени я работала инкассатором, принимала деньги у официантов в водном ресторане в 12 ч. ночи и сдавала в сейф. Утром приходила на час, чтобы сдать инкассаторам банка. Вот так шла моя уже нескладная, неуютная жизнь с этим подкулачником, самолюбленным эгоистом-мужем. Он считал, что я обязана нести всю и материальную и воспитательную семейную обязанность и всегда упрекал меня каждой мелочью, даже поленом дров, которое я взяла лишнее без его ведома, и оскорблял, что я безотцовщина и не смогу даже выстроить дом, как это делали его знакомые бабы. Горька та память, что я согласилась с ним свести свою судьбу, ох как горька. Он не любил детей и в этом он упрекал опять же меня, но сам, вопреки здравому смыслу, ничего не хотел предпринимать, чтоб избежать лишнюю обузу, как он выражался. Приходилось самой решать, что дальше делать.

В 1938 году открыли большой универмаг, меня пригласили туда работать зам. зав. галантерейного отдела. Сыну шел четвертый год, я была беременная дочкой, и родилась она в 1939 году, в это время умерла свекровь* на четыре дня позже. Я раньше выписалась из больницы. Похоронили ее, дом, в котором жила свекровь, был сделан на нас, да и средств на его покупку было вложено часть наших.

Намечалась война. Все, что было в магазинах — дефицит — исчезало, надвигался 1941 год. 22 июня в 12 часов дня по радио на всех перекрестках объявили войну. Деньги за проданный дом муженек размотал по сестрицам и братикам. Мне же не оставил ни копейки. На его, как говорится, наказал Господь, ему не дали расчета — как бы он ни хотел скрыть от семьи свои шашни и деньги. Сколько он должен был получить, скрыл от семьи. После его отъезда на фронт я на другой день получила полторы тысячи, вместо того, что он говорил, — 600 руб.

Магазины пустели ежеминутно. Я ничего не успела запасти, кроме горчичного масла (одну четверть). Сразу объявили карточную систему. Ребятам: хлеба по 400 гр, мне — 600 гр, поскольку я не работала еще, остальное — сахар, крупу, мясо-рыбу — продавали от случая к случаю, надежда была только на хлеб. Довольствовались с базару кто как мог, меняли на продукты натурой, деньги обесценились, на базар надо было идти с отрезами, водкою, новой обувью, костюмом и пальто и т.д.

* Так в тексте.

С 1941 года я заболела желтухой — есть ребятам было совершенно нечего. Я их отдала в ясли, сына водила через всю площадь города. Сама поехала на базар и повезла шубу, отцову спецовку. Народу в городе, как на параде, — тысячи, трамваи переполнены народом. Я стояла на площадке трамвая, и на меня какая-то торговка с громадным мешком села во время хода трамвая. Я еле держалась за поручни трамвая, оторвись поручни трамвая — я бы рухнула затылком об асфальт. Она мне потревожила печень и, приехав домой, сын заметил, что я желтая. Я, по совету участкового врача, должна была срочно лечь в больницу на зондирование, а ребят — в детдом. Война приближалась, и я боялась, что не найду потом ребят. Я лежала 6 месяцев. Кровь медленно очищалась, изредка приносили мне вареную свеклу и обеды ребятам (очень мало), все поедали дети. Мне оставались сухари черного хлеба да изредка сушеную соленую рыбу (это запрещалось категорически). А есть было нечего, и поэтому кровь очищалась очень медленно, надо все равно ходить за сахаром, что выбросят в продажу.

На работу пошла только в мае. Я пустила на квартиру семью из трех человек. Летчика, жену и сынишку, который болел еще коклюшем. Я хотела попросить их уйти с квартиры, но было уже поздно: мои ребята заболели (все трое) корью. После кори — коклюшем. Но благодаря тому, что летчик оформлял мои все карточки, как было договорено, он выделял концентраты, и мясо, и меду из своих привезенных запасов (они сами с Кубани). Сама жена была казачка, дрянь, и всегда старалась сделать подлость. Всегда у нее горело все на плитке, и гарь шла, в первую очередь, в мою комнату. Часто был скандал, и я выговаривала ее летчику, который был совершенно другим, добрым, умным человеком, он ставил ее на место.

Фронт надвигался. Летчик поехал глубже в тыл, он был летчик-бутафорист¹. Я работала в яслях, где в это время дети были разного возраста. В яслях были и все мои дети. 23 сентября 1942 г., кроме частичных налетов немцев на город в разных его районах, был окончательный налет на весь город. Небо было усеяно фашистскими самолетами. Вся эта ужасающая армада кинулась и сбрасывала тонные бомбы, поднимая на дыбы землю, дома и мешая все это в бушующем пламени, смешала с небом. У детей моих поднялись волосенки дыбом — все прятались, куда попало. Наше бомбоубежище граничило с нашим домом и деревянной баней. Людей набилось битком, я с детьми пролезла в середину и напрасно. Чуть не задохнулась, моим ребятам дышать было нечем. Из этого дома я взяла своих детей и бросилась в дым, в пекло — куда глаза глядят — кругом все горело, люди с мешками и сумками сталкивались

¹ Здесь: ненастоящий, липовый летчик.

друг с другом и кричали, куда идти. Треск был оглушителен от горевших домов, ветер сильно сбивал пламя, развеивал искры, и могла загореться одежда. Пламя охватывало всю улицу. Наша Смоленская — широкая улица, но по ней люди бежать не решались. Бежали около самих домов, воды не было. Люди еще верили, что все обойдется. Иначе говоря, что наша авиация пробьет брешь и разгонит немецкие самолеты. Но оказалось, мы так были молоды, в такой страшной схватке их и не видать было. Мы злились, по радио Молотов говорил, что у нас самолетов столько, что если поставить их один к одному, то будет такая цепочка: от Белого моря до Черного. На самом же деле город оказался голый — [бьют] нас, как мошкар, беспощадно. Бросали листовки, чтоб люди спасались в музеях и церквях — все летело в щепы, горели запасы на складах, горела земля, глушило людей. Люди зарывались в глубокие подвалы, где хорошие бетонные перекрытия, но их мало было таких. Люди сходили с ума, растаскивались продукты горевших складов всеми, кто мог ходить, и особенно молодежью, под непрерывным налетом бомб. Я не могла рисковать собой, я боялась оставить детей одних. Ополумевшие люди, сидевшие рядом со мной, натаскивали целые горы ящиков с мясными и овощными консервами, но ни один из соседей не дал банку консервов моим детям. Вот вам и русский щедрый народ.

Со мной была девушка 23 лет, Мария, вместе работали в яслях. Она синела, вздувался живот (она была сердечница) и решила пойти туда же и принести 1–2 банки консервов, больше она не могла нести. Меня она не пускала — боялась остаться с детьми. Дети мои не пили, не ели вот уже два дня, губы у них пересохли, они пассивно смотрели на все, что происходило. Мария принесла две овощных банки, и мы накормили ими детей, конечно, хлеба не было. К вечеру привезли муки по 1 стакану на человека. У кого не оказывалось паспорта, муку не давали. Кругом наглость — что ж в таком кошмаре было и думать? Когда людей убивало, контузило, сходили с ума, убивали близких людей и тут же закапывали в перерывах налетов — и не давать хлеба людям без паспорта. Это ж на месте надо было стрелять такую сволочь. А у нас, у русских, таких предостаточно. На языке — одни, на деле — другие. И тогда он только понимает, когда касается его личной шкуры.

Мы бегали с Марией из укрытия в укрытие, первую ночь просидели в подвале по Сурской ул., потом утром на рассвете, по обуглившейся и еще бушевавшей огнем Гоголевской улице. Еще не было фашистского налета. Мы бросились под лестницу 3-й поликлиники, где сидели первую бомбежку. Нас ПВХО¹ спустила в

¹ Противовоздушная и противохимическая оборона.

подвал. Там был только военный инфекционный госпиталь, валялись окровавленные бинты, всюду была грязь и захламленность. Тут же на двор ходили дети в угол, отгороженный каким-то шкафом. Зловонье и постоянные разрывы бомб вносились через дверь с воздухом — смрад, удушье, гарь. Я с детьми села в кочегарке, где был санпост под руководством комсомольца Трусова. Мать и сестренку его, проживающих на поселке «Красного Октября», в блиндаже завалило, откапывали — не помогло, от отчаянья он не мог успокоиться. После каждого налета его санитарная группа разбегалась по блиндажам, на места взрывов и оказывали первую помощь. Машины подбирали раненых и везли к нам в поликлинику. Здесь врачи и пятикурсники¹ делали сложнейшие операции, и выживал сильный сам по себе. Медикаментов не было и не откуда их было ждать. Врачи и санитары валились с ног, иногда бывали случаи, когда при операции сыпались на голову осколки.

Но сидеть в поликлинике было уже опасно. На весь район до мельницы — одна поликлиника, в которую метили фрицы и дейь, и ночь. Я и моя соседка по дому тетя Шура (присоединилась к нам) решили уйти к окраине города на Цыганскую улицу — там рвы — и переждать какое-то время. У меня был ящик с компотами с персиками, с горем пополам доставшимися мне. Это взяли с собой. Там в этом овраге были сотни семей. Они рыли себе такие отверстия, «ласточины гнезда». И рыли их молодые ребята из тюрьмы, только что разбомбленной немцами. Вот один такой взялся за 2 литра персиков вырыть мне побольше гнездо, и он вырыл. Вода была в болоте и стекала вниз. Люди брали эту воду и пили, кипятить нельзя было — один за другим эшелоны немцев шли к Волге. Увидев костры, они забрасывали бомбами, приходилось пить воду через тряпочку и вату — вода была нечистая.

Тетя Шура ушла к своей дочери и внукам на «Красный Октябрь». Я с детьми пошла к себе на двор, детей оставила в поликлинике в перерыв бомбежки, а сама собрала свою уцелевшую кровать, перевернула ее, поставила к разрушенной соседней стенке, навалила на нее валявшиеся перины и подушки, подстелила на землю какие-то еще тряпки, уложила ребят и с краю легла сама. Небо было такое чистое и ясное, солнце глаза резало. Все было видно: как пролетали эскадрильи бомбардировщиков и как летели бомбы, громадные, страшные, и ложились где-то рядом. Такой был оглушительный рев и свист, и вопли людей, — все смешалось в общий стон и свист. Пассажирские пароходы, как бы ни маскировались, взрывались — стоны и крики детей слыша-

¹ Студенты медицинских вузов, окончившие как минимум четыре курса, именовались зауряд-врачами.

лись за 10 километров, кровь человеческая окрашивала воду, и тела болтались, как вымытые лоскутья у берегов. Рядом со мной, где я лежала с детьми, была яма от снаряда. Там вяло рожала молоденькая женщина и звала на помощь. Я и еще оказавшаяся рядом пожилая женщина вытащили её и через дорогу переправили в поликлинику, где она и родила. Но у матери молоко пропало, и ребенок умер. Мария была в это время в поликлинике и пришла за мной, уговорила, что все же лучше под крышей быть, чем меня с детьми волной может убить — воздухом, который рассекает воздух¹. Я пошла опять в поликлинику.

Во время первого налета я спрятала оклунок¹ муки, положив его под стену соседнего дома, а дом развалился от попадания бомбы, краешек одеяла, которым был покрыт оклунок, оказался снаружи. Этот кусочек одеяла спас моих ребят от голодной смерти. Консервы давно были поедены, крупа артек² была обгоревшей в большой кастрюле, выставленной посередине двора, только середка чуть-чуть еще была целой. Мешок картошки был разбросан, мешок сгорел, а картошка, какая сгорела, а какая испеклась. Это было мое спасение: неделю мои дети были сыты.

Воду брали из оставшейся воды в колодцах, кранах, а потом по ночам ходили в детский большой бассейн, там в очереди по стенкам завода Ильича стояли и ждали своей очереди. Немцы караулили нас, и по появлению самолета, мы прятались во дворе завода под листовым железом. Люди говорили, что немцы бросили туда нашего бойца, и его люди вытащили. Воду мы быстро выхлестали, оставалось идти на берег реки Пионерки или на Волгу. Немцы только этого и ждали. Они не давали народу пользоваться водой и пристреливали. Им в этом помогали изменники и провокаторы Родины. Много их было. Немцы со стороны станции пошли, вклинились гребнем к Волге. Улицы переходить было опасно: или убьют наши партизаны (они держали улицы) или немцы.

Наш санитарный пост стал собираться к Волге. Трусов отобрал у ребят комсомольские билеты и велел им собратся на прибрежном кафе — их комитет — и отступать по одиночке, кто как может.

Ночью забежала передовая часть бойцов к нам в подвал и завалилась, как мертвая, — были молоденькие бойцы. За ними ворвалась Волжская флотилия, с криками и руганью поднимала она полусонных бойцов и вышвыривала на воздух к берегу Волги. Это были передовые части Красной Армии.

Мы все замерли, такая стояла гробовая тишина, что было еще страшней бомбежки. Со свистом бомб мы начали привыкать и

¹ Здесь: небольшой мешок.

² По-видимому, название крупы, восходящее к Всесоюзному пионерскому лагерю «Артек» в Крыму. Вид крупы установить не удалось.

только прислушивались — в какой стороне она упадет. Днем при ясной погоде от нее можно было укрыться: или вперед, или вбок, или назад, — а тут ночь, тишина, хоть комар пролетит — все будет слышно.

Вдруг мы услышали топот кованых сапог. Вперед, с верхнего этажа спустился немецкий офицер и прямо рявкнул по-русски, выставив вперед наган: «Партизаны есть?». Вышла старая учительница по немецкому языку и сказала по-немецки, что здесь только жители этих соседних улиц и все. Офицер обрадовался, но велел ей представиться. Она сказала, что учительница такой-то школы, такого-то класса, что она училась в Берлинском университете, подала документы, сказала, что у нее два сына в Красной Армии, что один летчик погиб и еще сын-танкист. Немец не тронул ее, а велел им помогать переводить, она отказалась. Он много ей сулил и даже дал ей сигареты и плитку шоколада; при ней был муж, старый туберкулезник, и бабка-мать, старушка лет 80, — он её не тронул, но ее мужу и еще двум старикам велел принести воды с Волги. Наши били дальнобойными, снаряды летели со свистом, но вреда причиняли мало, падали, как головни, до горечи было обидно за наших. Дойдя до Сталинграда, простые немцы говорили, что Гитлеру капут. Надоело им и воевать, и голодать. Поставили во дворе пушку дальнобойную, поставили около нее пушкаря и велели ему бить за Волгу. Женщины шуткой, молодые и озорные, уговаривали пушкаря стрелять вверх, и когда он понял, стал палить вверх. Это я видела, но ночью другой дежурил, этот сволочь был. Стоило ему сказать, чтобы он стрелял вверх, как он выхватывал наган и наставлял на тебя — разные и немцы.

В одну из ночей партизаны подожгли библиотеку Лермонтова, рядом с поликлиникой бок о бок. Немцы впопыхах стали палить из автоматов в разные стороны. Нас выгнали на улицу, налетели на поликлинику и хотели в упор расстреливать нас. Самолеты летели бреющим полетом, но так получилось, что их главный выскочил и начал бросать какие-то знаки — бомбить не стали.

Мы разбежались. Я угодила в подвал своих яслей, которые уж сгорели и у порога распластался труп, черный и обгорелый. Говорили, что отец искал своего сынишку и вот решил погибнуть, сгореть, не найдя сына.

Был такой страшный момент со мной в поликлинике, когда матросы вышвырнули пехоту, следом влетели передовые части немцев и тоже повалились спать замертво. Нас задвинули толстой дверью в кочегарке. Народу в ней было человек 12. Я сидела под громадными котлами, доставая их затылком. И при вся-

¹ Мука при этом растиралась (затиралась) до состояния однородной массы.

ком падении бомбы эти котлы содрогались, и каждый раз я мысленно считала, что эта бомба моя. Но тут вдруг раскричалась, да так громко, моя маленькая дочка. Что с ней случилось? И здоровенькая, и не болела, а вот кричит и все. Немцы стучали, кричали, ругались на нас. Люди мои брали ее на руки, нянчили, кто-то совал ей кусочек сахара, кто лепешку — и все знали, что нас вот-вот постреляют. Дочь не унималась. У нас еще была приоткрыта дверь наружу в виде окна. Мне советовали вылезть наружу, но там стоял их часовой и, конечно, пристрелил бы. А за дверью просунули автоматы на нас — все ахнули. Я решила, чем расстреляют 12 человек, лучше я ее своими руками задушу. Я положила ее на нары и навалилась на нее; сердце замерло и у меня, и, видно, у нее: она вздохнула и замолкла так же внезапно, как и начала.

У меня ее вырвал один пожилой человек, который оказался здесь с нами. Это был возчик, который развозил в санпост концентраты, звали его дядя Ваня. Он схватил мою дочь и начал с ней бегать по кочегарке — воздуху было мало — она вздохнула и замерла. Я была в шоке и опомнилась, когда ушли немцы.

Этот дядя Ваня последний раз привез в санпост питание, а они уже перебежали на берег Волги, и эвакуироваться было невозможно. Было такое скопище народу, что и думать было нечего. Причем Волга минировалась без конца. Ребята переправлялись, кто как мог: кто на доске, кто на бревне. Было много раненых, и все должны переправиться в первую очередь.

Трамвайчики ходили вдоль левого берега и ждали сигнала, а немцы тоже ждали, когда в мясорубке наберется больше мяса, у них авиация барахлила. В этот момент, когда трамвайчик подходил к правому берегу, наш дядя Ваня подъезжал на своей лошади к берегу искать своих ребят. Тут налетела авиация и смешала землю с людьми. Казалось, небо обрушилось на землю и раздавило все живое. В ужасе наш дед бросился в водяной колодец вниз головой, но он был тучный и не мог развернуться. Сколько времени он лежал без памяти, он не знает, но когда он пришел в себя, стал ощупывать себя, где что не хватает, стал прислушиваться — была мертвая тишина. Все же ему удалось вывернуться кверху туловищем, головы не успел он поднять, как его окликнули немцы и погнали к нам, потому что одно единственное здание было цело. Мы тогда еще находились там. Из муки, которую мне Господь помог отыскать, мы с Машей варили затируху и пекли впрок лепешки.

Дед голодал — никто о нем не думал, и я ему предложила одну лепешку — он долго отказывался, а голод взял свое, и он проглотил кусок. Когда он вылез из колодца, было ужасное зрелище: сплошная кровь, лужи крови, где ноги, где голова, где туловище и руки — нельзя было узнать, чьи они, от какого человека. Я, гово-

рит, внутри себя рыдал, да так что сердце чуть не выскочило. Меня всего трясло, а фрицы хохотали. Я шел и чувствовал себя перед этими людьми, которые лежали в лужах крови, чем-то виноватым: да почему же я не с ними и сколько еще предстоит мне повидать их отвратительные рожи.

Этот дед помог мне оживить мою дочку и помог перетащить моих ребят и сумку, когда нас выгнали немцы из подвала за плотно. Когда переходили железную дорогу, состав (вагонов из 6—7), горел с кондитерскими изделиями, и ящики с конфетами, запах конфет обратил на себя внимание. Так бы хотелось взять ящик, около каждого вагона прохаживался фриц с автоматом — поди сунься. С водой было совсем скверно, когда я с детьми перебегала депо железной дороги на другую сторону, меня пустила одна пожилая женщина в свой блиндаж. Когда начинали уже наши бомбить нас, то немцам было несладко. От наших никуда не уйдешь, хоть бомбы и были наполовину меньше. Вот когда начинали бомбить, сын мой внезапно засыпал и крепко, не добудишься. Девчата были со мной наоборот. Я его клала в дальний угол и боялась, что завалит. Когда я на минуту успокоилась, вбежала женщина с седыми растрепанными волосами и кричала, обращаясь к каждому встречному:

— Вы не видали мою дочь, такую красивую, ей всего 18 лет, — хваталась за голову, рвала на себе волосы и опять приставала к прохожим и заглядывала в каждую щель. Так она ходила из конца в конец улицы с одним и тем же вопросом, заглядывая молодым девушкам в глаза, с улыбкой, глазами, полными слез, и повторяла одну и ту же фразу:

— Милые мои, да вы не видали моей дочери, она вот такая молодая и красивая, ей только 18 лет, — и опять побежала по улице.

Говорили, что ее дочь немцы расстреляли на ее глазах, а ее вот не тронули.

Раз ночью, тогда была со мной Маша, с которой мы вместе в садике работали и она последний месяц жила у меня, так и пошли мы с ней мытарствовать. Она и еще одна мать с большим мальчиком достали ведро воды, присыпали чистой травкой и держали ее для ребят. Вдруг разорвался снаряд за соседним домом, и разорвало лошадь, молоденького жеребчика. Там стояла румынская часть, стали они себе делить. Наши бабы побежали туда же и, видно, от радости сказали, что в блиндаже у нас вода.

Прибегает румын и вызывает меня из блиндажа, чтоб я своей рукой отдала им воду. Я ему говорю, что эта вода грязная, видишь, трава там — я ей пеленки полоскаю, а вот моя маленькая дочка. Он как заорет по-русски, видно, только ругаться умел по-русски, как и большинство. Я не отдаю, а он выхватил наган и наставил мне в висок. Я ему опять твержу, да бери сам, оно ведь с

краю, чего ж тебе не все равно? У тебя дети есть? Спрашиваю — молчит и считает по-своему. Я поняла так, что он сейчас обязательно выстрелит, я отшатнулась от него, подхожу к ведру и говорю, оно же с краю, чего боишься? Бери — он опять выругался и сплюнул, боится, как бы это не была ему мышеловка.

Тут длились секунды. Вдруг из переулочка близко его кто-то окликнул, он бросился в переулок, прибегает одна хлыстка¹ и кричит, что ты не даешь воды. А я ее спрашиваю, а ты ходила за ней почти на аэродром? Ходила?! — Нет! Какого ж ты черта языком брешешь. Им или тебе не приходилось быть без воды 2—3 дня, или у тебя нет детей и ты не допетриваешь?² Мы тебе принесем мяса. Я ее послала куда надо, а воды не дала. К вечеру собрались все и одинокие бабы. Я опять высказала свое мнение, хозяйки этого блиндажа одобрили мое поведение. Я дала им по котелку воды сварить мясо, и они сварили и мне печени ребятам.

Это накануне выезда в неизвестную дорогу. Нас защищала со стороны Волги стена обгоревшего дома, снаряды из-за Волги ложились, как головни, не причиняя вреда стене, она у нас была вроде щита. Скоро с другой стороны улицы — здесь на окраине кой-где уцелели дома, хотя они стояли на дыбах или на боку. За домами была видна кавалерийская часть, и все лошади, раненые минами или осколками, и вот через дорогу прибегает к нам лошадь раненая: на задней ноге отбито копыто, распорот бок и лоб пробит глубоко — видны мозги, две половинки, два полушария, синевато-розоватые.

Нашли деда, он нам впряг телегу и не велел много на нее накладывать. У нас там в блиндаже сидели две девчонки из Калача, из медицинского института. У них был пакет первой помощи, одна из них зашила бок и перевязала плотно, чтоб не попадала пыль в лоб. Лошадь плакала слезами, как человек. И мы тронулись.

Мы запомнили, было 20 сентября. На месте были 20 октября, за день мы проходили 10—15 км, ела лошадь хорошо, мы ее и кормили и поили. На одной из остановок (это было около Карповки) зажали нас в котлован. Народу было много, у некоторых отобрали коров и лошадей. Коров стреляли себе, лошадей — нам. Я встала в очередь как все, стою, а сама смотрю, за кем же я стою, чтоб не упустить своих ребят из виду. Лошадь не выпрягаем. Немец подошел было к ней, но видит столько детей — отошел. Я взглянула на женщину и узнала ее — это была Медведева, врач психиатрической больницы у нас в городе, главврач, член партии. Я ее спрашиваю, а вы-то как сюда попали? Она говорит, молчите, здесь и Зиновья, это тоже квартирантка ее, муж Зиновья — корреспондент и

¹ Здесь, в иронично-разговорном смысле: деловая женщина.

² Здесь: не догадываешься, не знаешь.

фотограф, снимал бутафорные аэродромы и был близко к передовой. Он еврей — Арон Маркович — носил фамилию своей жены. В старые времена у этих господ были свои магазины в Царицыне. Я спрашиваю, а ваш муж где? Она мне говорит, что здесь.

У нас машину отобрали и обещали дать лошадь — вот и загоняли в эту яму людей, ехавших на лошадях, наша им не подошла. Зина эта самая и ее муж от меня спрятались, как от живого свидетеля. Муж же этой предательницы до войны был стажером, и была у него машина легковая. Вот на ней-то они и удрали к немцам. Утром мы на заре уехали, и встретила я ее только в лагере.

Слышу, что набирают молодежь в Германию. Отделили им первый птичник, огородили проволокой. Кто проходил комиссию у этой гадюки, того помещали в этом бараке, привозили им в баках обеды, кормили два раза: утром и вечером.

Молодежь не могла устроиться на хуторах. Вокруг Калитвы были казачьи посты, они возвращали назад: ни вперед, ни назад ходу не было. Говорили, что некоторых пропускали за барахло и золото, а кой у кого, видно, оно было. Было можно устроиться со ст. Морозовская, там бабы приносили к составу несчастным сухари, хлеб, вареную картофель и рыбу. Вот к ним примаскивались здоровые молодые парни и девушки. Эта рабочая сила и нужна была для семей, которые жили без мужей; кто шел прямо на сожительство, чтоб остаться живым, только не попасть в Германию. Их брали за родных в Калитве, другое дело здесь ни один казак или казачка не брали к себе в зятя или мужья. Здесь гордое казачество, и они надеялись, что их покровитель дедушка Краснов¹ будет властелином.

Я с детьми оказалась на Двинской улице, где нас пустила одна женщина. Мы с одной женщиной Анной и двумя ее детьми (они у нее были большие: девчонке — лет 14, а мальчишке — 12 лет) на одной из стоянок из последней муки напекли лепешек ребятам на всю дорогу, куда привезет судьба. А моя напарница пекла маленькие оладушки. Я накормила ребят, положила в сумку, завязала ее и положила на одеяло дочке Вале, средней дочке, которой было три годика. Она все время сидела на возу, а рядом шел Анин сын. Ехали целый день, и он целый день крутился около Вали.

Когда встали на ночевку, я хотела накормить ребят. Лепешек не было. Я хотела отобрать у Анны ее оладьи, но это была воро-

¹ Имеется в виду атаман Петр Петрович Краснов (1869—1947) — легендарный казачий генерал во время Гражданской войны. В годы Великой Отечественной сотрудничал с немцами, возглавлял Главное управление казачьих войск при вермахте. После выдачи англичанами в 1945 г. в СССР был приговорен к смертной казни.

ватая бабенка. Такие были и ее дети, она была похожа на цыганку. Дратся не будешь, а ехать еще неизвестно сколько. Сколько довезет наш раненый жеребчик, который подошел к нам в Сталинграде на Двинской улице? У Анны было три мешка обуви, а у меня мешок с пеленками и Валя сидела на повозке, вот и все. Сыну Вене было 7 лет. Анна запротестовала, чтоб посадить и Веню, и он шел за повозкой, изредка присаживаясь на задок. Бедный мой сынок разодрал и натер ножки до крови, а что ж было делать?

Встречное фашистское начальство останавливалось, пожимало животы и хохотало, глядя на нас: и мы нищие, и лошадь раненая, а тянет, везет. Так она нам помогла доехать в один из лагерей, где у нас отобрали ее — варили для людей похлебку, чтоб не сразу подохли.

Лагерь был среди леса. Из этого лагеря через 5 дней угоняли во все направления. Народу было тысяч 15—20. Я была безоружна — Анна хотела продать телегу, но я не дала, мы разделили ее пополам, кинули жребий: ей достался задок, а мне передок.

Когда под плетями выстроили весь народ на площадке — это проделывали с яростью и цинизмом казаки, — я впряглась в оглобли, посадили Вальку к Вене на коленки, а маленькую упростила от меня, не отлучаясь, идти. Рядом со мной молодая женщина, она избежала отправки в Германию, взяла мою маленькую и шла рядом со мной. Похожа она была на армянку или еврейку, ей было лет 30—32. Она донесла мне Таю до Чира.

Мою Марию с Надей увезли немцы, у них другая история.

Я в лагере встретила Катю, близкую знакомую по мужу. Она была раньше хозяйкой его, когда он был холостяком, гуляла у нас на свадьбе, приходила за кусками, когда я работала в Торгсине. Я не жадная была и всегда любила людям помочь. Она казачка, и муж ее (почему-то не на фронте) пробирались к себе в станицу Чир. У них там была вся родня, и, сказать, она была уже дома.

Я, было, вперед обрадовалась, что она меня с детьми поместит хоть в сарае. Мне деваться было абсолютно некуда. Она мне сказала, что и ее казаки считают сталинградской и не примут ее, ну а обо мне и разговору не может быть. Ладно, думаю, еще, может быть, придется встретиться. Мы разошлись. Пожаловалась она мне, что потеряла сынишку — умер дорогой — вот ведь как Господь Бог делает, и наказывает человека, единственного сына и отнял, которого они с мужем Петром ждали. По дороге большинство куда-то провалились. Мы же часть пришли на новую их станцию, она была разбита. Поместилась я с детьми в окопчике, а потом, когда пошел дождь, в доме, который был в стороне.

Опять же благодаря погоде, сухой и ясной, я переносила не так болезненно, есть было абсолютно нечего, дети мои не просили есть. Шел второй день, как дети мои ничего не брали в рот. Это дети

святые. Я видела, как они блекнут, вянут, как цветочки, на глазах у взрослых, осовели, появилась вялость и безразличие. Ну воды кой-где я добывала, а корочку хлеба? или картофелинку?

Я пошла, взяла катушку белых ниток (у меня где-то затерялись катушек 5) и пошла в ближайший казачий дом. Детей оставила в поле, чтоб не упустить их из виду метрах в 500 в поле. Стояли две суки, они осмеляли меня и сказали, чтоб я шла работать. Я показала им своих ребят — девки расхохотались и стали выгонять со двора. Но один немец пошел в горницу и принес две конфеты и три пряника.

Я поблагодарила и быстро пошла к детям. Веня крутился возле машины, а оттуда ему кидали шкурки от колбасы и сыра. Я взяла его за руку, подала ему одно печенье и девочкам по одному. Я села с ними и думала, что дальше делать? Двигаться к поселку — нас не пускали, стравливали на нас цепных собак. Мы опять пошли к станции и сели в свои окопчики рядышком. В них дети могли сидеть, я — только на коленях. Ночью снаряды начали рваться: видно, наши подорвали, партизаны. Ночью стал накрапывать первый осенний мелкий дождик — небо обложное.

Я с детьми под открытым небом — куда податься? Я и пошла в единственный стоящий в поле дом. Вперед¹ под дом сели: я не знала, можно ли заходить в этот дом. Но под домом так сифонило, что я с детьми вышла оттуда. Какой-то немец провел меня в коридор этого дома, там было много нашего брата. Немцы офицеры вынесли на подносе несколько бутербродов с сыром и колбасой и раздали детям. Вене не дали, он казался тогда старше себя и был обветренный, но я им разделила на троих. Там глотать нечего было — только сосать.

Утром, на рассвете, мы все вышли и приблизились к площадкам, приготовленным к отправке в Белую Калитву, но что-то меня задерживало.

Я отошла в сторону — состав быстро тянулся, и оказалось, что этот состав пошел в Германию. Я была рада, что опять Господь отвел от меня несчастье. Я опять с голодными ребятами осталась ночевать в поле, рядом не было ни одного огородика или бахчи, где бы можно было что-то найти, хоть кочерыжку. Я уже не помнила, когда ела и пила — ко всему была безразлична.

На третий день подали площадки, их было 8. Народу набралось битком, дальше ждать нельзя — у меня дети умрут. Я села с детьми с краю. Пришли пьяные разнузданные казаки, принесли мешок наших саяк хлеба и стали издеваться над людьми: поймать хлеб и бросают по выбору, какая понравится — лови и ешь. На нашу площадку бросил одну сайку хлеба, она попала стари-

¹ Здесь: сначала.

ку. Он стал делить, все стали говорить: вперед детям и старикам — вот мне и досталась такая горбушка, можно сказать одна корка. У моих ребят заблестели глазки, я от радости хотела крикнуть «спасибо». Но кому? и за что? Мои дети проглотили [хлеб] и успокоились. Ночью нас загнали в тупик, паровоз отцепили, и его долго не было. Пролетели над площадками самолеты 2 штуки, покидали бомбы мимо [нас], и мы поехали. В 2 ч. ночи мы были в Калитве. Я и все мы попали в лагерь, отсидели 10 суток, ходили за 2 км на огороды, выкапывали свеклу, капустные сухие качаны, иногда попадалась чахлая морковь. Шел день за днем, ноги едва ходили, дети сидели на траве полыни, вшей не было у моих ребят. Если я уходила побираться, я поручала детей рядом сидевшей старушке. У нее была внучка или внук, она искала у внука вошь и клала себе на зуб. А что мне было делать?

Куски перестали давать по эту сторону Калитвы, на другую сторону нам доступа не было. У меня была последняя надежда — хромовые ботинки 39 размера (мне дали еще девчата из санпоста) — и я решила их сменять. Тут около речушки поставили прилавки и с другой стороны стали приносить продавать продукты. Продавались на советские деньги — получился скандал; немцы начали угрожающе совать свои марки, а их неохотно брали, или отдавали так. Немцы злились, а некоторые одобряли, шутили.

Тут женщину послал мне Господь Бог. Она стояла с мукой, я ей предложила ботинки, ей они понравились, но, говорит, наверное, малы. Пойдем ко мне, померяем. Я боялась отлучаться надолго от ребят, но что было делать: или сиди помирай, или рискни идти с женщиной по ту сторону Донца. По мосту ходили казаки друг другу навстречу и стали спрашивать, кого она ведет. Она с ними поздоровалась и сказала, что нашла родню и обратно меня выведет. Жила она недалеко. Ботинки оказались малы. Она надала мне разной муки: и темной насыпала, а сверху — белой — и четыре сайки, большие сайки, на 4 кг.

Я не знала, откуда мне привалило такое счастье. Я готова была ей целовать ноги. Бежала я как сумасшедшая в лагерь, казачье пускало свободно. Прибегаю к лагерю — сын мой роется в мусоре около входной двери. Я как крикну и чуть не упала. Я несла кил¹ 20 муки и 4 сайки по 4 кг: 16 и 20 = 36 кил. Это я, если за 2 месяца съела 2 кг хлеба, так это много... Я подала бабушке, она даже заплакала. Я стала выкармливать постепенно ребят, девочки повеселели. За водой ходила с кастрюлькой на станцию, у детей появился румянец — это от хлеба с водой после голодовки. И сколько же может человек жить вот в таких условиях, в какие попала я с ребятами?!

¹ Здесь: килограмм.

Через 3–4 дня немец прошел по баракам и сказал, что будут эвакуировать лагерь, кого куда. Стариков и женщин с детьми повезут на шахты, молодежь — в Германию. Лагерь был окружен за 2–3 км немцами, и кто хотел устроиться в хуторе, их возвращали обратно в лагерь. Люди умирали, как мухи, особенно каждое утро и вечер. Сами лагерные выносили мертвых в машины. Больше умирали старики и дети от дизентерии. Слава Богу, что моих голодных детей такое миновало. Голодные, сухие, не бегали они по бараку и не собирали всю гадость, что делали многие ребята. Матеря и бабушки нарочно отпускали ребят: может, кто-то что-то им даст. Я же, наоборот, накрывала одеялом и велела спать. И приглядывал за ними Веня и бабушка, неотлучный спутник моей тяжелой участи. Что бы я могла без ее помощи сделать? Куда побежишь с ними? Но, слава Богу, мне всегда находилась рядом подмога — люди. И я благодарна Всевышнему, вера — это великая сила и помощь.

Не помню, на 4-е сутки или на 5-е нас казачье начало подхлестывать, выгонять из бараков рано утром. Миру¹ было как в большом городе: тянулись во весь лагерь в несколько рядов. Порядок наводили два немца и переводчик. Подходили на лошадях, на быках колымаги, бросали, прежде всего, туда детей, и за ними взрослые, их родичи. Делалось так молниеносно, что не успеешь просчитать и до 10; и скорей гонят лошадей от лагеря за Калитву, за Донец — во всех направлениях.

Я подняла детей, они спали в пальтишках и валенках, оранжевых чесанках, купленных в универмаге; они (дети) были чистенькие, а главное — не болели. Я взяла святую из святых — можно сказать, жизнь детскую — муку и сайку хлеба, кастрюлю (еще из дома в ней я варила затерушку-баланду ребятам). Подошла сбоку, впереди, ближе к очереди, поставила Веню и сказала: «Сядь на мешок и держись ручками. Смотри не упусти, а я вон возьму ту кастрюлю и мешочек с пеленками. Только три шага отойду — смотри не отходи!» И что ж вы думаете, дорогие вы мои люди, только повернулась — а мешка-то и нет. Нет моей жизни — все кончено! Я закричала по-звериному. Я думала, что немцы убьют меня сейчас за крик, но немцы перестали грузить и кинулись ко мне. Переводчик побежал по рядам искать мешок. Люди, стоявшие около сына, сказали, что какой-то мужик в длинном черном пальто подошел, взял мешок и понес в хвост очереди. Потом я начала бить сына, а в голове только было: хлеб, хлеб... Немец, какой-то начальник, подошел ко мне, своим локтем тычет мне в лицо и что-то кричит. Я остервенела и решила убить всех детей, а сама утонуть.

¹ Здесь: люду, людей.

Эвакуация продолжалась, немцы подхватили моих детей, бросали в колымаги и велели мне сесть с ними. Бросили мне и кастрюльку, и мешок с пеленками — я ничего не видала, в глазах потемнело — одна мысль глохнет: ехать долго, ночевать будем в поле. Чем детей кормить?

Ехавшие со мной люди требовали остановить колымагу и сделать обыск. Мне подсказывала интуиция, что вор здесь, в повозке. За нашей подводой шел человек в черном длинном пальто и уговаривал меня не бить сынишку: вот, дескать, покажется хуторок, ты и попроси Христа ради хлеба. Дадут. А сына бить грешно. «А воровать не грешно?!» — крикнула я. Он как-то спешился и ушел в сторону. Сзади меня сидела его конопатая, рыжая жена и держала новорожденного ребенка, она тоже отвернулась.

У меня как из памяти вылетело, что говорили люди еще в лагере немцу, что мешок взял мужик в длинном черном пальто. Я на него смотрела, как обалдевая. А что мне было делать? Все бабы, один он мужик, и шел стороной. Я подумала, а вдруг не он? Бабы настаивали на проверке при отдыхе. Я боялась — опять же боялась. [В] гестапо — затаскают — а он, видать, служитель церкви. Мне же и влетит. Казачки — боговерующие — мне же голову снимут. Скоро показался хутор, и на окраину вышла женщина и держала на рушнике буханку хлеба и соль. То ли она встречала немцев, то ли из милосердия к нам, грешным. Только одна я сошла из повозки к ней. Она, было, обрадовалась и дала мне всю буханку хлеба и соль. Я сказала «спасибо» и бросилась к детям, спросила людей, может, кому дать кусочек — нет, сказали бабы — это тебе Господь послал — корми детей. Веня мой высунулся из-под одеяла и улыбнулся. Я накормила их хлебом с солью и взглянула на вора — он как будто бы вздохнул глубоко, а рыжая его улыбнулась. Интуиция меня не подводит.

Однажды мне пришлось побираться, и я пошла по поселку. Бараки шахтеров занимал наш брат. Захожу в коридор и спрашиваю женщину, кто здесь живет. Она сказала, что в этой комнате живет муж с женой, что у нее очень болеет старший сын, а дочка умерла грудная. Я все-таки зашла, пожалуйеть мать. И когда я вошла, она испугалась и поджала ноги, а подзоры¹ подобрала. Я пришла в ужас — подзоры мои! — мне дали еще в Сталинграде соседи Соколовы, они сами их вязали! Подзоры были широкие в полметра шириной, дали на всякий случай, на обмен. Я их держала в том мешке! И предложила же я той женщине, которой меняла обувь, но та ничего не взяла, а надавала мне и муки, и хлеба. «Так вот кто взял мою муку! — закричала я и подбежала к ней. Она растерялась и сказала, что она будет

¹ Всякая подвесная кайма, свисающее кружевное украшение.

кричать и позовет полиция: он им родня. И что мне было делать?! Правильно говорится в пословице: куй железо, пока горячо. Я высочила из барака и кричала всю дорогу до своей комнаты. Бабы по соседству схватили меня и велели вести к ней, но я сказала: «Девчата, она их уже убрала. Пускай Господь ее накажет детьми — за моих детей».

Меня с детьми поместила одна казачка в летнюю кухню. Там была печь-плита. У них на шахте уголь курной¹ и тлеет сутками, и тепло чуть-чуть. Я с шахты натаскала такого угля: и хозяйке, и себе. Тогда шахта не работала, и мы рылись во дворе, выбирая от породы уголек. Хозяйка была старая, и я понравилась ей. Она за это подкармливала моих ребят: то кашу из тыквы принесет, то сала кусочек с хлебом принесет им.

Я устроилась на шахту. Мы расчищали надворный хлам: шахта была взорвана нашими. Говорили, что будут платить натурой вместо зарплаты. Когда пришло время получать, мы пошли к коменданту шахт. Он давал, верней указывал переводчице, сколько кому дать — у кого какая семья. Подошла и моя очередь. Сидел немец и переводчица, бывшая учительница по немецкому. Он спросил, сколько в семье человек? — Я сказала — 4 человека. Что он говорил переводчице, я не понимала, только переводчица сказала сидевшему пьяному в стельку казаку, сколько мне дать. Вместо 15 кг муки он пишет корявой рукой 5 кг, масло четверть — он пишет 0,25 л, картофеля 40 кг — он пишет 5 кг, пшена 10 кг — он пишет 2 кг — и бросает мне талон, говорит, чтоб я не жаловалась немцу, иначе он убьет меня.

Что мне было делать? Кругом беззаконие и хаос, а немец ничего не понимал по-русски. Я, было, повернулась к немцу, и он готов был меня выслушать, но переводчица моргнула мне, дескать, ничего не поделаешь. Я вышла, за мной шли следующие, были и казачки, но комендант им не давал ничего, а переводчица их спрашивала так же, как и нас, пьяная рожа самовольно подзывал каждую из казачек и выписывал, да он сам и давал курей, утей, гусков и мясо. Мы не могли протестовать: казаки — родичи дедушки генерала Краснова, который тогда находился где-то поблизости, — и они гордились этим. А нам нельзя было открыть рот.

Однажды был такой случай. В правлении шахткома, а оно существовало, народу всегда было невпроворот. И вот два дюжих казака тащат за шиворот третьего и приговаривают: «Вот теперь посмотрим, что из тебя получится, бригадир!» — тот топорщится, но идет.

Все притихли: что же будет бывшему полеводческому бригадиру. Все мужики прилипли к двери, а комендант рассудил так:

¹ Здесь: плохо, едва горит.

доказчикам¹ — первый кнут, и велел им пойти в гестапо и чтоб высекли этих двух по 20 розг, а бригадира отпустил. Все смотрели в недоумении: что же такого сделал бригадир, что его приволокли по старой власти? И провожали этих двух со свистом, а бригадир и его товарищ пошли за угол.

Хлеба и продуктов не хватало, приходилось и вечерами с работы побираться, где нет собак. Иногда собаки рвали, если не доглядишь. Ходила к одним и тем же, так что мне сразу выносили что-нибудь: хлеба, бурака или тыквы, которых у них было в изобилии. Рядом был хутор Рудаков, в него и носа совать было нельзя: там была вотчина генерала дедушки Краснова, как они говорили. Там побираться запрещалось. А вот в другую сторону хутор Ленина — туда мы ходили, там была маслобойка и нам давали макухи² лошадиной, одна шелуха.

Однажды, на первый день Рождества, черт меня дернул пойти побираться в хутор Ленина — ничего я оттуда, кроме кусочка бурака, не несла. И вот вижу, не горе, куда мне надо было идти, стоит громадный пьяный казак, одет по всей воинской форме и шашка на боку. Около него внезапно вырос в русской шинели калмыцкий парень: шинель распахнута и виден черный эссесовский костюм. О чем-то они разговаривали. Я поднялась по дорожке в это время к ним вплотную. Снегу намело много, и вдруг этот калмык провалился, исчез. Меня окриком останавливает этот мордобой и начинается допрос: куда и зачем я ходила в такую рань. Я по-хорошему поздравила его с Рождеством Христовым и постаралась пройти мимо него. А сама говорю, что ходила попросить кусочек своим ребятам, которые теперь ждут меня. Он хватает меня, поворачивает и кричит: «Ты брешешь, ты партизанка! Тебя надо повесить!» Я все сказала, где я работаю, что у нас десятник Сарана, что живу я в двухэтажке. — Знаем, знаем, как вы брешете, расстреляли вас 60 человек в Калитве, а до тебя я вот добрался. Кто около меня сейчас был? Я говорю: не знаю. — Это был связной от генерала Краснова, который приказал вас всех, сталинградцев, рубить и вешать. — Я молчу. — Ну-ка посмотри, кто там на горизонте на белом коне скачет? Я увидела, говорю, но тут подошли его родичи или знакомые, поздоровались с ним, и я потихоньку пошла прочь по сугробам, чтоб не видеть эту скотину. Прибежала, рассказала девчатам по комнатам и сказала, что велел он сходить в Гестапо, чтоб выставили посты на окраине поселка.

— Смотри, не ходи. Еще припишут к тому случаю в Белой Калитве и прибьют.

¹ Здесь: доносчикам.

² Измельченное и отжатое на маслобойке семя (отходы), употреблявшееся на корм скоту, а в голодное время и людям.

А был случай такой. Когда мы были в лагере и ходили побираться, нас не пускали через мост Донца. Я решила пройти в сторону от лагеря, километра 3, на дамбу и через нее в гору и на другую сторону Калитвы. Около дамбы стоял дом. В нем кутеж: пьяные девки вносили из одного дома в другой противень с горячими булками и пирогами. У меня дух захватило, но разве я могла просить пьяных. Я только, было, намекнула и тут же перевела на то, чтоб разрешили мне через дамбу пройти к церкви Богу помолиться. Она подумала и велела: «Валяй!». Я спасибо сказала и перешла дамбу. На берегу Донца еще валялись дохлые кони со вздутыми животами и бесконечные каски. Иногда люди видели малюток, пливших по Донцу.

Поднимаюсь по тропинке и ужас — вижу в метрах 100 русский самолет, светло-голубой со звездочкой. Около него три человека в пилотских костюмах. Увидев меня, один крикнул: «Эй, матка! Матка, ком!» Я остановилась как вкопанная. Один подошел вплотную и на русском языке спросил, куда иду и зачем. Я почему-то сразу доверилась этому человеку и сказала просто, без боязни: у меня ребятки, трое детей, вон по ту сторону в лагере. Нас не пускают через вот этот мост побираться, а дети три дня голодные, маленькие. Я решила попроситься через дамбу к церкви, попросить кусочек хлеба. Они ничего не спросили, а сказали только — иди.

И я пошла, улица только начиналась. У первого дома стояла молодая женщина, я подошла к ней, она сказала «сейчас» и обернулась во двор, где шел дед в погреб. Она велела ему достать бурака и моркови и сказала мне, в какие дома не ходить, иначе могут застрелить, показала на один, в какой можно зайти и сказала, что она солдатка, и ее казаки преследуют и ненавидят. Их мужья-дезертиры все вернулись домой и ненавидят тех, кто не пришел.

Я хотела задержаться у церкви, но там сидело 2 старичка, а мне молодой стыдно было сидеть рядом с убогими стариками да и спешить было надо в лагерь — мало ли что могло случиться. Я мимо церкви пошла в переулок узкий. Ходил мальчик, лет 10, и набирал корочки хлеба, которые ему бросали из окон пекарни. Я упросила парнишку временно уйти, а сама нагнулась и попросила бросить мне кусочек хлебца. Запах горячего печеного хлеба меня совсем сразил, и я встала, как вкопанная, слышу — летит чуть ли не полсайки горячего хлеба на подоконник. Я его с налету положила за пазуху и до крови обожгла всю грудь. Но какое же это было счастье! Я не чувствовала боли сердца и горячей крови. Я была выше всех, но посмотрела на дом против пекарни, где на вывеске значилось: комендант города Калитвы — и рядом вывеска поменьше: главный врач по эвакуации в Германию. На пороге лежал громадный дог — я опомнилась.

Теперь я знала точно, кто была эта врач. Придется коснуться и этой предательницы, моей довоенной хозяйки. Двоюродная сестра, работавшая в Третьей психиатрической больнице главврачом. Я ее сама лично видела еще в лагере: она принимала молодежь, оформляла, осматривала и отправляла в Германию здоровую и крепкую комсомолию — где же тут искать правду? А эта сучка — предатель, Медведева Людмила (по отчеству не знаю), курносая, рыжая, толстая, как свинья, жила у хозяйки. Они частники, с плохим прошлым, бывшие буржуйки, в войну — верные помощники врагу, кто бы он ни был (они были двоюродные сестры). Итак, я с горячим хлебом за пазухой пошла было через мост, но у пекарни сидели дед с бабкой, и я подошла к ним.

— Чего тебе, молодуха, надо? — спросила старушка — или хочешь поступить в пекарню? Иди-иди, на днях расстреляли вот таких же молодых в этой сторожке у церкви 60 человек, и ты хочешь попасть туда же? У тебя есть дети?

— Есть, — говорю.

— Так уходи! Здесь ночью приехали партизаны с документами ложными — две машины. Дежурный немец отпустил им и муки, и печеного хлеба, а потом только разобрались, в чем дело и расстреляли всю смену — 60 человек, прямо дорожкой в прицерковную сторожку, которая была рядом через дорогу.

— Набрали новый набор рабочих, и вот мне посчастливилось поймать на лету кусок горячего хлеба. Я бежала через мост, в сторону лагеря пускали свободно. Опять у меня на сердце отлегло: два дня я могла передохнуть.

Раз пошла на окраину с нашей стороны: двор был пустой, стоял длинный дом, и дверь открытая, собак не было. Я подошла к двери, там оказался сарай, и полки были уставлены противнями с булочками и пирогами, только что испеченными. До соблазна был один шаг, только руку протяни. Я окликнула, никто не отозвался, но вот вышла пышная хозяйка, несла еще противень с булочками. Я хотела открыть рот — она повернулась демонстративно и пошла прочь. Слезы мои сами полились ручьем, видно, произвольно. Увидев такую роскошь, я с пустыми руками вернулась в лагерь и долго не приходила в себя. В лагере народу было мало: все уходило искать пищу. Мои ребята молчали — они вместе со мной переживали голод.

Еще один такой случай был со мной. Пошла я попросить кусочек ребятам и нарвалась на кутеж. Ко мне подбежала казачка в четыре обхвата, молодая, и сразу вытолкала в грудь за дверь, говоря и смеясь мне в глаза, — работать надо, молодая! Я успела только разглядеть за столом двух высоких чинов СС с широкими эполетами и крестами на груди, немолодые. Народу было человек 15, казачье сидело тоже в крестах по обе стороны фашистов

и шашки держало наголо. Все были пьяные и горланили песни. Я еле ноги убрала, хотела обернуться и боялась.

Бои приближались, и были в 40 км от Крутинского, немцы зашевелились, по поселку было опасно ходить: шныряли СС. Но за водой надо было сходить, я взяла у соседки [ведро], с какой жила в одной комнате, Ниной украинкой. У нее был сынок 1,5 года и девочка 12 лет; так случилось, что мы объединились в одной комнате, всего у нас было 5 человек детей, и когда немцы заглядывали в двери, то боялись входить — нам было это на руку. Она из Киева, ее муж — военный еврей, завхоз — отправил ее в первый год войны в глубокий тыл, снабдил всем необходимым и даже больше — целую машину. Люди видели все это и к ней приклонялись¹, а когда пришли немцы, ее разоблачили, стали таскать по гестапо, держали в холодном сарае и, наконец, выпустили ее с условием, что все отдаст казачке, той которая выходила замуж за немца, назначенного комендантом поселка. Так было угодно генералу Краснову. Говорили, что казачка была крестницей деда Краснова.

Никто не знал, что у Нины был муж еврей, она говорила, что украинец и ее отпустили. Оставили ей два ведра, кастрюлю и кружку, принесли ей рваную кровать и дали ей одно одеяло. Вот в эту комнату [она] меня пригласила жить вместе с ней. Она была красивая, и ее не оставляли немцы. Я ничего не знала.

Этот дом был единственный в поселке двухэтажный — бывшее Правление шахт. Я жила тогда у старой казачки в летней кухне, когда стали поговаривать, что наши близко, а это был канун 1942 г., немцы зашевелились и стали очищать казачков догола: и курки, и яйца, утки, кабанчики, овечки, рогатый скот. Сами казаки сделали погром румынской ссыпки², в которой был ячмень и овес. Мне хозяйка говорит: «Чего ты смотришь, иди возьми чувал³ и беги, куда люди бегут, и хоть пудик принеси ячменя». На поселке была рушка, которая рушила⁴ и ячмень, и просо. Можно было упротить хозяина порушить зерно, а за это натаскать ему воды, необходимой для его мельницы. Так делали многие, решилась и я. Побежала во двор, народу — сотни, и все: кто с подводой, кто так — тащили ячмень. Наших я не видела — были станичники. Я нагребла руками в мешок и потащила в летнюю кухню, где я находилась с детьми. Я дала для ее свиньи два ведра ячменя, и она мне сказала, что в двухэтажке есть свободная комнатка. Я посадила на санки своих ребят, накрыла их своим стареньким одеялом и повезла прочь из холодной кухни.

¹ Здесь: тянулись.

² Хранилище собранного с населения зерна.

³ Мешок для зерна.

⁴ То есть обмолачивала, очищала от верхней шелухи.

Устроилась так: постели не было; кроме колосьев (целый угол), было и просо, и ячмень, и рожь, и пшеница. Я пошла наверх, на второй этаж, там сорвала дверь с пустой комнаты (взяла с работы, из шахты, козлы), поставила дверь на козлы, насыпала на такую кровать все колосья, бросила подстилку, еще умудрившуюся сохранить из Сталинграда, сшитую гвоздем из обгоревших ковров, и посадила ребят. Комната была настоящая, но ее надо было отапливать. А рядом был недостроенный барак, вот мы его, все жильцы, понемногу разбирали и топили свои плиты. Я могла на плите сварить ребятам ячмень, растереть его и жевать-высасывать, а отбросы выплевывать. Потом мы несколько человек на санки положили свои оклунки ячменя и рано утром поехали в один хутор на мельницу. Там с горем пополам нам удалось уговорить мельника, и он сменял нам ячмень на муку.

С великой радостью мы вернулись домой и скорей печь лепешки ребятам. В этом двухэтажном доме жило несколько таких несчастных в голых комнатах. Другие боялись, говорили, что немцы обязательно взорвут его — нам было все равно, страхи притупились. Морозы стояли декабрьские, сильные. Мы ждали наших, бои шли в ложбине за Горняцким.

Еще надо упомянуть о двух-трех комсомольцах: это Вова-фэззушник¹ из Сталинграда. Они приехали раньше нас, дорогой похоронили мать свою, остался отец, сын Вова и дочка Леля, 12 лет. Она-то и дружила с моей знакомой тоже Лелей, дочкой украинки Нины, с какой потом пришлось мне жить в одной комнате.

Вот этот самый мальчуган Вова, 17 лет, и еще один его товарищ, тамошний житель, наклеили афишки по всему поселку, что советские танки движутся за поселком к нам. Комендатура струхнула и обобрала всю снедь, бросилась на хутор Рудаков в 1,5 км от нас. В коменданта стреляли вот эти два парня, они преследовали немцев, но попали только в плечо коменданту. Немцы опомнились, вернулись на Горняцкий, стали делать обыск, искали сталинградского Володю и того парня, которые прятались в тальнике за поселком. У нас сделали засаду. Вокруг дома расставили эсэсовцев на мотоциклах, внутри дома патрулировали по коридору.

Вечером к нам постучали, я открываю дверь и входит, вернее, вбегает Володя. Тогда мы уже жили с Ниной вместе, я остановилась. Что делать? И решила его положить к себе под нары к печке ближе. У него ноги прилипли к подошвам, замерзли. Оттерла ему ноги и дала пожевать макухи, чтоб не так кашлял (он болел туберкулезом и сильно кашлял).

Нина была на работе — она работала тестомесом, а я подносила ей воды — дома ее в это время не было. Потом пришла она и

¹ Учащийся ФЗУ.

жалела его. А чем мы могли помочь ему? Чем? Морозы стояли до 15–20°. Он отогрелся и на рассвете ушел в том же казенном фэзэушном пальто со светлыми пуговицами. Немцы, видно, не обратили на него внимания, он прошел мимо них, а я пошла за щепам в разрушенный барак. В это время из тальника подгонял эсэсовец на мотоцикле нашего разведчика, перевязанного, только глаза видны были. Я напрягла силы, чтобы не крикнуть. Так наш Володя избежал поимки, ходя около их логова.

На нашу 13-ю шахту днем налетали 5 ястребков, покружились, полетели на поселок и сбросили там бомбы хаотически. Одна или две попали в сад, другая — в жилой дом, одна в угол дома полиции, а пятая — на пустырь. В жилом доме была семья из Сталинграда из 5 человек детей, убило мать и отца, а дети все остались живы. Старшему сыну было 15 лет — вот такое горе. Мы бежали к себе домой, я вбегаю и вижу: мои дети сидят на голом полу под нарами. Полон угол СС, молодые немцы. Я подхватила ребят и убежала в соседний барак, там у одних у порога на голом полу переночевала, а утром пошла к себе. Но меня с детьми позвала вот та самая Нина, с которой мы дождались наших.

17 января в 10–11 часов вечера к нам в дом пришли первые разведчики в белых халатах и рассказали, что если б эту ночь немцы не сбежали из Горняцкого, они бы спалили весь поселок «Катюшей». Такой был приказ. Они отморозили многие ноги, вместо воды ели-пили снег, разведка не возвращалась, и вот, наконец, они в поселке. Мы плакали. Дети плакали от счастья.

Первой прошла политчасть, танкисты только просили воды, хоть какой, и еще ребятишек помочь найти прямые дороги и двигались дальше по проселочным дорогам на Белую Калитву. Ребята 12–14 лет гордо садились наперебой на боевые танки поводярами, останавливаться боевые машины не могли.

Скоро ребята возвращались, гордые и счастливые, что они тоже чуточку помогли нашей Советской армии. Женщины бросались на землю и целовали ее, где прошли наши боевые танки, и благословляли их на великое справедливое крещение за победу над врагом. От сердца отвалила тоска, появился интерес к жизни, и мы тоже почувствовали, что у нас есть родное плечо, на которое можно опереться — это политчасть, которая сразу наводила справедливый порядок.

Нас спрашивали, где живут дезертиры, старосты, кто издевался; и подхалимов, и полицейских много выловили, больше сотни. Дети бросали в них камни, женщины подходили и плевали им в рожу, но что они сделали, было невосместимо.

Мы еще останавливали машины, которые шли в тыл на заправку, и боялись, что не дай Бог, нашим придется отступить. Нас успокаивали бойцы, говоря: теперь, товарищи, пришла им рас-

плата, румынские части давно вышли из подчинения немцев в г. Каменске, закрыли немцам выход к отступлению. Половину перебили их там сами, половину сдали в Красную Армию. Стали ходить всякие легенды. Нам открыли армейскую полевую кухню, и мы с радостью ходили получать кашицу с мясом. Ели до одури, думали: никогда не наедемся. Да, этих двух ребят, наших сталинградцев, Володю и Мишу, премировали за комсомольскую находчивость и помощь мотоциклом, красным со звездочкой. Мы сразу начали ставить эстакаду, делать откачку воды из шахты, чинить взорванные котлы у паровозов и узкоколейку. Мы ездили за камнем делать эстакаду от одной шахты к другой: от 13-й шахты до Майки¹, от Майки до 8-го Марта и обратно.

Однажды, еще было прохладно, мы сошли с площадок обогреться в конторке, и входит человек с култышкой-рукой. Я обратила внимание и узнала того церковника, который украл мою муку в лагере, последнюю опору жизни моих ребят. Я злорадствовала и спросила его: «Ты этой рукой брал у ребенка муку? А Господь-то ее оторвал за грехи твои!» Он узнал меня и направился к выходу, но рабочие хотели его избить. Я попросила их не трогать этого негодяя. Он поплатился многим: померли его дети, сдыхала его жена, и он остался с одной рукой. Вот ведь как бывает.

Вскорости шахта заработала, она давала уголь на горб, и мы стали ждать первую площадку угля на Сталинград: уехать домой на свои руины, лечить раны и вновь восстанавливать город. Никакого желания больше не было, но врагов в этом поселке было чуть ли не в каждом доме. Снабжение хлебом было 2–3 раза в неделю.

В столовой люди были враги. Нам, рабочим и сталинградцам, давали свежую воду и бросят в нее 2–3 макароны несоленые — выливай, да и только. Был как будто бы представитель из Москвы, а дело не двигалось с места. Так тянули это казачье еще месяц. Кому пойдешь жаловаться? А враги нарочно делали саботаж и смеялись нам в глаза. В шахтcome оставались все на местах, что и при гитлеровцах. Они не скрывали, что ссыпки оставили немцы целыми для казаков, по указанию генерала Краснова, — это они говорили вслух при наших военных бойцах и офицерах, которые остались после передовых частей.

Нам обидно было: почему же они бездействуют, разнуздались, почувствовали свое родное и пошли трепаться по тем же молодцам, которые еще не остыли от немцев. Мы все видели. Пошли гулять, казачки торжествовали и, не стесняясь, ляпали и драли плетки перед нами, сталинградцами: дескать, зачем приехали — убирайтесь вон — и редкие были улыбки со стороны сельчан. Все еще верховодили, белая сволочь.

¹ Возможно, шахты им. 1 Мая.

Мы негодовали, работали в полную силу, а хлеба давали полбуханки через 2—3 дня. Мы стали говорить представителям: в чем дело, зерна полны ссыпки, а нам не установили пайка хлеба, не говоря уже о столовой! А эти сволочи делали так: вперед накормят начальство и представителей как положено, а нам, рабочим, как скотине, — вода свежая, бросят макаронку одну на котелок, несоленое, — и смеются: ну что, сталинградцы, дождались своих!

Мы начали ругать начальство штатское и проклинать все на свете. Тогда на меня показали, что я ругаю распределителей, которые дают тому, кому не надо, где они проживают у себя дома, а мы опять, хоть иди побирайся. И я пошла, пошла на хутор Ленина — теперь я не боялась — зашла на маслобойку попросить макухи. Мне те же рабочие дают скотскую макуху, кусок. Это увидел военный офицер, грузин, и взял эту макуху, выхватил наган и пошел по цеху искать того казака, ругаясь по-русски, чтоб застрелить такого гада, который и при советской власти издевается над несчастными сталинградцами, которые на своем горбу несут всю тяжесть войны. Казак спрятался, за него ответил другой и несет хорошую макуху мне. Но начальник не унимается, он только что с передовой, его оставили наводить порядок в прифронтовом тылу. И вот он меня водил по цехам и спрашивал: «Скажи, сестра, этот? — нет — этот?» Я с испугу не узнавала. Он велел дать мне масла целое ведро и макухи целую плитку. Рабочие забегали — посуды не оказалось. Он заставил, размахивая наганом, из дома принести, кто ближе живет. И нашли все же большую бутылку, налили мне масла.

Поблагодарила я нашего военного начальника и пошла домой. Рассказала бабам, и они бросились на маслобойку, натаскали макухи и масла, и мне досталось, спасибо. Смотрю, меня приглашают с мешком к ссыпке за зерном; с выговором какой-то подхалимный офицеришко-казачок с обидой: что ж ты жалуешься начальству? Пришла бы де, спросила у меня. Я сказала, что зря ставят к распределителю вот такую дрянью дешевую, а еще служит в нашей советской армии. Всякие встречались — вот и такие.

Володиного отца, которого арестовали за сына и держали неделю в холодном сарае при гестапо, наши поставили командовать на мельнице. Он своим делал помол вне очереди, я смолола тоже. Наши женщины пошли наниматься к казачкам рыть государственный совхозный картофель и получали за 10 вырытых мешков 2 ведра картофеля.

Я не пошла и ждала со дня на день, когда подадут состав с углем. Меня разговаривали, что заморожу ребят своих на угле, что немцы еще вредят и взрывают в тылу у нас мосты и железную дорогу. Я была непреклонна. Вырыла углубление в угле, рассадил ребят и сама села с ними.

Я не верила еще, это было как во сне, нас, говорят, провожал представитель из Москвы, говорил речь, упрекал казаков, живших на поселке, что они по-враждебному относились к сталинградцам. Вот, видите, едут в свой разрушенный до основания город с детьми. Где им придется жить? Они про это не спрашивают и не хотят знать. Ну, счастливо Вам, товарищи, доехать и устроиться. Это мне потом рассказали ехавшие со мной мои сталинградцы. Я ничего не видела, не слышала. Я им не верила, и поэтому ничего не сказала. Мне кто-то говорит, ну чего ты молчишь — а мне говорить нечего. Я прокляла всех негодяев-казаков — двуличных животных, которые служили и лизали пятки фашистам.

Немногие честные люди, которые из рабочего слоя и в большинстве своем приехавшие сюда по набору рабочей силы на шахты, они были в тени при фашистах. Их зажимали, провоцировали и, если что случалось, все сваливали, говорили на нас, на них, что мы партизаны. Ни одного казака не оказывалось партизаном, тех немногих не видно было.

Но казачье распоясалось, особенно на горняцкой гряде шахт, они возомнили себя хозяевами всей страны, как при царях, при Временном правительстве да и сейчас горланили, что если б не их дедушка, как они выражались, генерал Краснов, нам бы подохнуть с голоду; что они кормят всю кацапню¹, которых надо перевешать и порубать начисто. Это можно было слышать всюду, только выйди на улицу. Бежать и только бежать с Горняцкого.

Я с детьми приехала в угле в Сталинград днем — ужас. Приехали черные до мозгов 17 апреля 1943 года. Сразу поступила на работу к водникам ГВРУ.² Жили первый месяц под лестницей, время шло к лету, и мы не жалели. Нас прикрепили к столовой брать на дом обеда, сразу выдали карточки хлебные и продуктовые.

Получала я квашеные помидоры, у меня была цинга. Я слегла, вылечилась хвойным экстрактом и кислотой. Детей в конце апреля я купала в Волге, нашла бачок, согрела воды на берегу, а ребята военные дали кусочек мыла. Дул ветер, шла ледяная пена по Волге, но мои дети чувствовали себя замечательно — ни один не заболел.

Я вперед очищала кирпичи из завалов, потом поставили три палатки и организовали детсадик. Вперед мало было ребят, да и народу было очень мало, можно пересчитать, все больше военные саперы. Город был заминирован, ходили по дорожкам. Кругом была колючая проволока, ходили за обедом и к Голдобину дому над Волгой. Саперы разминировали над Волгой блиндажи с мертвыми нашими бойцами и складывали их штабелями, как дрова, где и кто слышал такое глумление над героями войны.

¹ От кацапов: так на Украине презрительно называют русских.

² Городское водно-речное управление.

А вот у нас в 1943 году около Голдобина дома был такой ужас: во-первых, они лежали за колючей проволокой — к ним не пойдешь, мы ходили каждый день между проволок и живого памятника наших бойцов. Кому пожалуешься? Милиции не видно было, мы, женщины, обращались к военным, чтоб предали земле убитых немцами: они были в шинелях, лица сравнялись с землей, солнце уже грело хорошо и разлагало трупы. Мы кричали от обиды и требовали от первого попавшегося бойца обратить внимание. Наконец, их убрали.

Много было случаев разных. Ставили столбы вдоль берега Волги и чуть присыпнутый вскрыли маленький блиндаж. В нем потолок свисал, но не обрушился, и сидел на скамеечке один молодой боец, в руках — телефонная трубка, даже фуражка еще сидела на голове — совсем свежий. Рабочие взяли документы и отправили в штаб армии, бойца похоронили.

Тогда воды в городе не было. Я с одной женщиной должна была возить воду на себе. Мы ставили бочку и брались за оглобли — лошадей не было. Да и машины все, раз да и обчелся. Мы ездили на берег Волги, с берегу воду брать было нельзя: весь берег был усеян какими-то лоскутами, полоскавшимися, как медузы в воде туда-сюда. Когда разглядели, оказалось, это тела людей: руки, ноги, головы были убраны, а тела, прижатые камнями, бело-розовые, полоскались. Мы с Анной нашли поближе колодец. В конце Рабоче-крестьянской улицы был большой овраг, и в нем стоял колодец полой воды, чистой, родниковой. Мы стали брать из него для рабочих воду, ее требовалось очень много.

Когда выхлестали всю воду, увидели на дне красноармейца, погибшего не знаю каким образом; другой лежал сверху около асфальтовой дороги: торчала нога, думали, что это ботинок, а когда поднимать стали, оказался человек. Тоже молодой боец, еще не разложившийся. Таких горестей было много. И как все вмещалось в понимание человеческой души?

Мины рвались и в городе, и за городом бесперебойно, не давая забыть о кошмарных днях в Сталинграде. Все равно война давала о себе знать. Первые полгода не было базаров, стоял один прилавок на базарной площади и стояли две торговки. Одна спички продавала по 40 руб. коробка, другая — молоко в литровой банке: 100 руб. литр — и все.

Через неделю стали больше привозить из-за Волги, и так начинался базар. Старых довоенных пьяниц где не было? Видно, это были уголовники, их жены продавали разбавленную водку, что-то очень дорого. А эшелоны проходили мимо на фронт и останавливались. Ребята военные офицеры забежали на базар купить спиртного и узнав, что вместо водки вода, начинали побоище. Мужья-инвалиды брали булыжники с мостовой и бросались на

военных, те, соответственно, грозили наганом и получалась свалка и стрельба. Эти инвалиды были подстрекаемые сомнительными лицами. Люди разбегались с базару, торговли не успевали убрать с прилавка, что они принесли продавать, выхватывалось женами инвалидов и грязными женщинами. Вопли и крики стояли ежедневно.

При мне такой случай был. Эти бандиты так распоясались, что вот я приценилась к куску хлеба, мне торговка сказала цену, но для меня это было дорого и я отошла. Подошел к ней военный, раненый мужчина в военном кителе, и стал просить ее, чтоб она скостила цену. Вместо того, чтоб ему ответить, сзади стоял верзил с камнем и с размаху ударил этого военного. А он только и сказал: «За что же вы, ребята, война идет к концу, а вы так жестоко избиваете человека». Женщины подхватили его и повели в поликлинику. Кровь лилась ручьем, еле его довели. Этот негодяй свободно разгуливал, ища себе другую жертву. Вот так ни с чего избивали больше военных, не глядя на чины.

Эти рецидивы, видно, были случайно, при пожаре вышли из тюрьмы уголовники, и они просто били кого попало, лишь бы был в шинели. Милиция тогда не существовала. Ее не видно было, все ахали и все. Я вот старая стала, иногда такого негодяя я вижу, ходит щеголевато без обеих уже рук. Жизнь трудно, но налаживалась. К зиме появились милиционеры, и как-то к ним не лежит благосклонность и уважение: когда нужно — их нет. Теперь-то их в избытке.

Дети у меня росли, были здоровенькие. Из палаток мы перешли в отремонтированное двухэтажное здание детяслей. А у нас был детсад № 28, заведующая была некая Клавдия Григорьевна, казачка с Дону. Она и до войны работала лет 10 в яслях, работала и ее сестра, молодая интересная, Маша. Мы ее звали Мара, так ей хотелось.

Клавдия обкрадывала детей и разбазаривала продукты. Самое главное — места больные в то время для ребят, им не доходило и минимум того, что полагалось ребятам: целые туши баранов и ящики сливочного масла и других продуктов — летели направо и налево. Она построила себе дом, и в дом кое-что попало.

Я работала в этих яслях-садике все 24 часа. Я заинтересованная была — мать. Меня все касалось, и кормление ребят тоже, а у меня их было 54 человека — две группы старших ребят, свои трое были здесь же. Мы, три технички, работали не на живот, а на смерть. Клавдия всем хвалилась своими работниками, а я еле-еле успевала обработать полсотни ребят 6–7 до 10 лет — разные были возраста.

Голодные, вшивые, жившие в земле в блиндаже, некупанные, нестриженные, а уж ленинградские ребята и вовсе из мертвых

воскресшие. Каждый прием детей обрабатывался при входе в детсад на нижнем этаже. Все белье проглаживалось, вши трещали под утюгом, головы проверялись и стриглись, матеря вели контроль за закладкой продуктов в котлы.

Но что они видели и что не видели? Матеря были некомпетентны и дежурили 1–2 дня, а затем другая мать — они же все работали — обманывала их Клавдия с легкостью. Ей на руку был контроль родительский. И каждый конец месяца она якобы недополучала, говоря, что переведут на следующий месяц. Матеря, наевшись, соглашались, а ей опять на руку.

Мне надоело это все видеть, и я с ней сцепилась не на живот, а на смерть. Она отвела меня в сторону, чтоб дети не слышали, и сказала: «Давай договоримся: или я здесь, или ты». У нее есть дипломы, а я простая техничка, мне же стыдно было работать с ней, и я добровольно ушла на овощную базу. Вот так нашему брату утирают нос, и все почему-то меня судьба сталкивает с казакми.

Мне дали квартиру к этому времени: был построен временный поселок. Это было в 1944 году, осенью. Варили мы еще на кострах, у меня была большая каска, кастрюлю отдала в детсадик еще в палатках. Скоро нам дали горбыля¹, мы сделали на зиму себе сарайчики и стали натаскивать дров с берега, где была у нас перевалочная лесная база. Нам разрешалось брать по указанию столбы, поленья, горбыль. Блох были миллионы от пола. Я их обливала керосином, а на пол стелила полынь, много полыни, тогда можно было спать. Но скоро покрасили, и блохи исчезли.

В 1945 году пришел из плена муж.

Меня в 1946 году пригласили работать в магазин водников № 2, в галантерею. Старые работники магазинов, они уже работали в горторготделе начальниками отделов.

У меня родилась еще одна дочь Татьяна.

¹ Здесь: нестандартная древесина.

Послесловие

Елизавета Георгиевна Егорова родилась 21 мая 1911 года, воспитывалась в детском доме. Закончив торговое училище, до войны работала в Сталинграде. В 1933 году вышла замуж, в 1935 родился сын, а в 1939 и 1941 годах — две дочери.

Когда мужа забрали на фронт, Елизавета Георгиевна осталась в Сталинграде с тремя детьми на руках, при этом в начале войны сама она очень тяжело болела. Постепенно линия фронта продвигалась к Сталинграду. Как и многие жители города, выехать она не успела — город взяли немцы. Вместе с детьми она была угнана в Белую Калитву Ростовской области, где работала на разборке угля. Сразу же после освобождения вернулась в разрушенный Сталинград и участвовала в его восстановлении.

В 1945 году вернулся из плена ее муж, в 1946 — родилась еще одна дочь. Но жизнь с мужем не наладилась, и в 1961 г. они развелись. Елизавета Георгиевна выходила и вырастила всех четверых детей, имела восемь внуков.

В 1981 году она умерла, оставив детям воспоминания о своей жизни. Одна из ее дочерей, Валентина Николаевна Кузьмичева, прислала подлинник воспоминаний матери в Фонд «Взаимопонимание и примирение», где они и хранятся в текущем архиве. Название воспоминаний дано публикатором.

Лариса Лисина

ЗАПИСКИ ИНТЕРНИРОВАННОГО

(22 июня 1941 г. — 1946 г.)

(Публикация П. Поляна)

Некоторые сведения из моей биографии

В 1937 году я окончил электромеханическое отделение Ленинградского морского техникума («мореходки») и был направлен на работу в Балтийское государственное морское пароходство (Б.Г.М.П.), где работал сначала электриком, а затем электромехаником, плавая на судах дальнего плавания в порты Америки, Англии, Голландии, Бельгии, Швеции и Германии.

После заключения Договора о «дружбе» между СССР и Германией все суда из Ленинграда (Б.Г.М.П.), а также из Прибалтики (они были тоже под эгидой Б.Г.М.П.) ходили в немецкие порты (Штеттин, Данциг, Любек) с зерном-пшеницей, а в Ленинград обычно везли уголь из Штеттина и Гдыни. Каждое судно доставляло за один рейс несколько тысяч тонн пшеницы. Таким образом фашистская Германия и ее союзники были успешно снабжены нашей пшеницей, а Ленинград подготовлен к блокаде.

Теплоход «Хасан», на котором я был электромехаником (с момента продажи его нам Германией летом 1940 года) сделал несколько рейсов с грузами пшеницы в 6–6,5 тысяч тонн за каждый рейс. В последний рейс мы вышли 27 мая 1941 года из Ленинграда с 6,5 тысяч тонн пшеницы и стояли в Штеттине с 31 мая 1941 года под грузовыми операциями.

К началу войны в Штеттине и Данциге стояло 6 судов из Ленинграда: теплоходы «Хасан» и «Волголес» и пароходы «Эльтон», «Каганович», «Магнитогорск» и «Днестр» (последний пришел вечером 21 июня, за несколько часов до начала войны). Там же стояли несколько судов из Прибалтики, так же пришедшие с грузом зерна из Ленинграда.

Утром 22 июня 1941 года все наши команды были сняты с судов немецкими армейскими подразделениями и заключены в лагерь. С прибалтийских судов были сняты несколько моряков из Ленинграда и несколько местных моряков еврейской национальности. На этих судах сразу же были подняты их старые флаги.

Большая часть команд наших судов в июле 1941 года была собрана в лагере Бланкенфельде (под Берлином). В конце августа или в сентябре часть наших моряков (команды вспомогательных судов, купленных СССР у Германии и имеющих советские иностранные паспорта, а не «мореходные книжки», как у нас, служивших на уже действующих судах) были обменены через Болгарию и Турцию на интернированных немцев в Советском Союзе.

Остальные интернированные советские моряки (мужчины) в сентябре 1941 года были отправлены в Баварию, где заключены в лагерь «Ilag XIII» (то есть Internierungslager — лагерь для интернированных) в крепости Вюльцбург (Wülzburg) около города Вайсенбурга (Weissenburg). В Первую мировую войну в лагере-крепости Вюльцбург были заключены русские и французские военнопленные (и среди них — генерал де Голль).

Теперь со всей Европы поступали сюда граждане СССР (мужчины), имевшие хоть какие-нибудь советские документы, но не имевшие немецких паспортов. Всего было около 300 заключенных. Ilag-XIII находился в подчинении вермахта, заключенные были на строгом тюремном режиме. Освобождены они были 26 апреля 1945 года американцами, на марше к месту уничтожения.

Наши женщины провели всю войну в берлинских лагерях.

В крепости Вюльцбург был и еще один лагерь — офлаг, изолированный от нашего. В нем содержались высшие советские военнопленные офицеры и генералы (32 чел.), отказавшиеся сотрудничать с немцами. Среди них — генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин¹, бывший командующий несколькими армиями, генерал-лейте-

¹ На 22 июня 1941 года генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин (1892—1970) командовал 16-й армией Сибирского военного округа в составе резерва Ставки, а с середины июля — в составе Западного фронта. С 10 по 20 июля немецкие войска группы армий «Центр» прорвали оборону фронта на его правом крыле и в центре и захватили Оршу, Смоленск, Ельню и Кричев. В течение второй половины июля соединения 16-й армии под командованием Лукина вели тяжелые бои на подступах и на окраине Смоленска, неся большие потери. Оказавшись в окружении, они сумели 2 августа прорвать кольцо, переправиться на левый берег Днепра и соединиться с основными силами фронта. За умелое командование войсками в Смоленском сражении и проявленное личное мужество Лукин был награжден орденом Красного Знамени. 8 августа его назначили командующим 20-й армией того же фронта, в августе—сентябре защищавшей с юга Ярцево и прикрывавшей дорожное направление, а 10 сентября — командующим 19-й армией Западного фронта. В начале октября 1941 года в ходе Вяземской оборонительной операции соединения 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов были окружены в районе к западу от Вязьмы. Ставка

нант Иван Николаевич Музыченко¹, бывший командующий 6[-й] армией, летчик, ленинградец, Герой Советского Союза — подполковник Николай Иванович Власов. Несмотря на строгую изоляцию офлага, мы имели надежно работающую конспиративную связь с Лукиным и Власовым (я входил в эту группу с нашей стороны).

Мы готовили совместный побег из крепости на Родину двух военнопленных летчиков, Н.И. Власова и полковника М.И. Побочина, и четырех моряков: В.И. Шуленикова, Г.А. Леонова, В.А. Сысоева и И.Х. Маракасова. Наша попытка побега в ночь с 10 на 11 августа 1944 года была неудачна. В процессе исполнения побега мы были преданы поднявшим тревогу военнопленным врачам. Н.И. Власов был обнаружен и арестован охраной, остальным удалось скрыться в своих камерах. Гестаповцы, приехавшие из Нюрнберга, посадили в карцер несколько случайных заключенных

Верховного Главнокомандования, назначив Лукина командующим всеми окруженными армиями, приказала прорываться на Гжатск. 14 октября, при выходе из окружения, Лукин был тяжело ранен и взят немцами в плен. Находился на излечении в немецких госпиталях в с. Семлево Вяземского района Смоленской области, в самом Смоленске, Люккенвальде и в пригороде Берлина — Бисдорфе. С 1943 года Лукин находился в различных офицерских лагерях (Вустрау, Брод, Лихтенфельде, Вюльцбург и Мосбург). В плену вел себя мужественно и достойно. В апреле 1945 г. был освобожден из плена американцами и до 25 мая находился в Париже. С мая по декабрь 1945 года проходил проверку органами НКВД в Москве, после чего был возвращен на действительную военную службу в Красную армию. С ноября 1946 года в запасе. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. Маршал Г.К. Жуков дал Лукину такую оценку: «Генерал Лукин — один из выдающихся полководцев минувшей войны, его военная доблесть сравнима с доблестью героев войны 1812 года — генералами Раевским и Багратионом».

¹ Генерал-лейтенант Музыченко Иван Николаевич (1901—1970) — командующим 6-й армией был назначен в июле 1940 года. В ходе Киевской оборонительной операции армия попала в окружение. 6 августа 1941 года, участвуя в отражении вражеской танковой атаки под Уманью, Музыченко был тяжело ранен в левую ногу, и захвачен в плен. Лежал в немецких госпиталях в Ровно, Владимире-Волынском. После выздоровления был вывезен в Германию в лагерь военнопленных Хаммельбург. Здесь немцы неоднократно предлагали ему перейти к ним на службу или хотя бы участвовать в антисоветской пропаганде. Все вражеские предложения Музыченко отвергал. В наказание он был переведен в тюрьму в крепости Вайсенбург с весьма тяжелым режимом. 29 апреля 1945 года Музыченко был освобожден американскими войсками из лагеря Мосбург. Пройдя проверку в советской военной миссии по репатриации в Париже и в органах НКВД в Москве, 31 декабря 1945 года был восстановлен в рядах Советской армии.

и, продолжая усиленные допросы, могли обнаружить подпольную организацию моряков. В этой обстановке мы — Георгий Андреевич Леонов и я — взяли всю ответственность за организацию на себя, для спасения всей организации.

Нашу «легенду» (для будущих допросов в гестапо) мы выработали совместно с руководителем подпольной организации Алексеем Петровичем Устиновым (старший механик теплохода «Хасан») и Саввой Георгиевичем Дильком (капитан парохода «Магнитогорск»). В результате Леонов, Власов и я были доставлены в тюрьму в Нюрнберге, никто больше не пострадал. Во время одной из бомбардировок Нюрнберга, мы все трое пытались бежать и опять неудачно.

10 октября 1944 года с транспортом французов из Нюрнбергской тюрьмы втроем мы прибыли в Дахау. Последняя моя рабочая команда в Дахау — транспорт дезинфекции. Мы, 15–20 заключенных, возили на себе телегу со вшивыми вещами (одеждой) от лагерной бани в газовые камеры крематория и после дезинфекции обратно в лагерь. Иногда возили другие грузы.

29 апреля 1945 года эсэсовская охрана лагеря была уничтожена американской армией, опередив эсэсовские части, идущие из Мюнхена для нашего уничтожения. Лагерь управлялся Интернациональным комитетом. Охрана лагеря, чисто символическая (по нашим понятиям), осуществлялась американцами.

Вскоре я заболел сыпным тифом и пару недель находился в лагерьном госпитале до конца мая 1945 года. В начале июня 1945 года, с первым транспортом больных (1200 чел.) советских граждан из Дахау вывезен на родину через армейские госпитали Торгау, Дрездена и Бреслау. 8 августа прибыл в Ленинград.

В конце августа 1945 года арестован и находился в заключении во внутренней тюрьме. Обвинялся по статьям: 58-1а, 58-10, ч. 2, 58-11. Освобожден 1 июня 1946 года по приговору военного трибунала войск МВД Ленинградской области — за отсутствием состава преступления в моих действиях. Позже — полностью реабилитирован. С 1946 года — женат. Жена — Лидия Григорьевна — блокадник. А в 1955 году закончил Всесоюзный заочный энергетический институт (ВЗЭИ). С 1956 по 1979 год работал ассистентом и старшим преподавателем в Ленинградском политехническом институте (сейчас СПбГУ), откуда ушел на пенсию. Сын Михаил (1952 г.р.) и жена его — Ольга Николаева, оба инженеры-электрики. Внук — Евгений — студент, внучка — Ирина — в 9 классе¹.

Все.

Маракасов

¹ По состоянию на 1997 год.

С Игорем Христофоровичем Маракасовым я познакомился на презентации своей книги «Жертвы двух диктатур» в Санкт-Петербурге, организованной «Мемориалом» весной 1997 года. Он родился в Вологде, 3 июня 1916 года, умер в Санкт-Петербурге, 8 октября 2002 года. Был членом Санкт-Петербургской организации бывших узников фашистских концлагерей и Совета ветеранов Морского пароходства.

24 апреля он написал мне письмо: «Уважаемый Павел Маркович! Посылаю Вам некоторые сведения из моей биографии интересующего Вас периода. Это ответит на Ваш вопрос, как я оказался в Дахау. Может быть, что-нибудь для Вас будет представлять интерес. Будьте здоровы! Успехов Вам! Ваш И.Маракасов». Из письма (а именно оно публикуется в настоящем издании) я узнал, сколь уникальна его «пленная» судьба!

Маракасов относился к той сверхредкой группе советских граждан, что оказались на территории Германии со статусом так называемых гражданских интернированных лиц. Ими были дипломаты, сотрудники различных советских или германских организаций, представительства и делегаций, моряки, железнодорожники, ученые и т.д., застигнутые началом войны в Берлине, Мюнхене, Ганновере и других городах и интернированные (как правило, непосредственно 22 июня 1941 года) на территории Германии¹. Известны и случаи интернирования среди советских ученых: таким статусом, по-видимому, обладал «Зубр» — профессор Н.В.Тимофеев-Рессовский, с 1925 по 1945 год, проработавший в Институте генетики в берлинском предместье Бух. Ежедневно он должен был отмечаться в полицейском участке².

Будучи первыми, так сказать, хронологически, чисто статистически гражданские интернированные составляют весьма незначительную категорию (их суммарное число не превышало несколько тысяч чел.)³.

Павел Полян

¹ См.: РГВА. Ф. 501. Оп.1. Д. 41—46, 49—54. В то же время отметим, что и в СССР все германские подданные тоже были интернированы 22 июня 1941 года.

² См. в гл. 27 повести Д.Гранина «Зубр» // Гранин Д. Собр. соч. В 5 т. Л., 1989. Т. 3. С. 378—379.

³ Подробнее и в контексте других категорий советских граждан в Третьей рейхе см.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. 2-е изд. М., 2002. С. 125—145.

ДНЕВНИК ОСТАРБАЙТЕРА

(начало сентября 1943 г. — 21 января 1944 г.)

(Подготовка текста, примечания и послесловие П. Поляна)

Утром, часов в 9, наш вагон-телятник со всех сторон был открыт. И я проснулся от сильного солнечного луча, погода была [по] настояще[му] замечательная. Сразу мы узнали, что уже прибыли в г. Дрезден. После долгой канители нас построили всех с вещами и три конвоира повели по улицам большого Дрездена. Здесь я увидел еще не виданные в жизни громадные вечные колоссы — дома, которые сложены из какого-то самородного камня и сложены так хорошо, что эти квадраты, как шахматная доска блестят на солнце. Нету ни одного дома, чтобы на нем не было отпечаток скульптуры, тут-то я и вспомнил, что когда-то я читал книгу о древней Германии, где указано, что Германия — страна скульптуры. Скульптура не только на домах, но она везде и всюду, куда можно повернуть свой взгляд. Что касается деревьев, то все залито сплошной зеленью, в особенности, это липами, каштанами, а также и фруктовыми деревьями. Мы шли по бесконечному асфальту. Немцы всех возрастов и родов смотрели на нас с улицы, а больше из окон, они о чем-то меркотали; указывая на нас пальцем, или вернее на отдельных из нас, кто показался более выдающимся. Вообще [мы] попали под цензуру и суждения этих противных по душе физиономий.

Нас было более 200 человек, шли по четыре, почти как один нагнув голову и только изредка поднимал свою тяжелую, словно отдать ненависть седьмому этажу, окна которого всюду набиты этими дохлыми существами. Они смеялись, указывая на последнего, который еле шел, волоча свою перебитую ногу, он был весь в лохмотьях, вернее в русской одежде, только в разукрашенном виде. Всех нас завели во двор технической школы, получили хороший обед, который состоял из 1 блюда — супа и какого-то киселя. Получили также хлеб, мармелад и сахар, и маргарин, такой же самый, которым мы мазали сапоги, когда

ехали еще в вагоне. В моей душе бушевали страшные, еще не бывалые тяжелые чувства. А голова была готова лопнуть от дум, а думы одни и те же, или вернее не дума, а лязга¹. Через час после обеда нас построили и разбили на 3 части, затем отобрали специалистов, которых оказалось совсем мало. Немцы бегали, кричали устанавливая порядок, и наконец к нашей 3 части подошел немец и перевел, что мы поедем совсем в другой город по имени Лейпциг. Таким образом мы в количестве 91 человек электровозом², вечером были уже на главной станции, купол которой напоминает купола нашей Мериновской церкви. Вокзал показался мне непроходимым, так как снизу и верху шли бесконечные люди (немцы). Здесь можно было не идя в цирк или музей насмотреться все новыми и новыми отдельными видами, например: виды скульптуры, рисунками, обаяниями люстр, самими немцами, их одежда и пр. и т.п. А между тем какое-то отвращение появилось к ним, что я не мог, чтобы хорошо сосредоточить свой внимательный взгляд на их физиономии лица, то потому, что я уже их понял и они показали себя. Вдруг под нас подогнали какой-то большущий трактор на резиновых больших катках с большим прицепом, куда все погрузили вещи и половина нас села на вещи и уехала. И возле одного угольного 2-х этажного дома выгрузилась. Было уже часов 11 вечера, когда нас разместили на 2 этаже, дав каждому койку, матрац, одеяло, спать ужасно хотелось.

Наконец, нас проверили всех 91 человек, и один солидный мужчина по национальности украинец со Львова нам объявил спать. До этого тщательно проверяли, чтобы каждый побыл под краном и раздевшись до белья, все были грязные, оборванные, разутые, словно стадо овец, вырвавшееся из-под волчьей пасты. 2-м из нас попало по мордам и я уснул, сжав зубы до боли.

После обеда ходили в баню под дигазацию³.

Перед заходом погода рассветлела, было очень хорошо. Но только на душе у меня летали мушки. Теперь я вспомнил Нины Молодчины слова: «Как покорный бык будешь тянуть лямку». Да, с нами обращались как с рабами — заставляли работать без всякого увольнения, хотя работа бесполезная, так как мы только учимся правильно водить напилком по куску стали. Главней всего

¹ Лязга (местное стародубское слово) — тяжелое, болезненное состояние. Ср. также «лязгнуть» — улизнуть и «лязготня» — пустая болтовня.

² Очевидно, имеется в виду трамвай, которого автор, по всей видимости, прежде не видел.

³ Имеется в виду процедура дезинфекции тела и газовой прожарки одежды и обуви, которой по многу раз подвергался каждый.

удивляет их обращение с нами, они вечно смеются над нами, что мы такие грязные, не культурные. Одного Альзо¹ сильно избил за то, что тот сморкнул на пол, другого за грязь на руках и шее. Этот их смех настолько меня убил морально, что я стал сам себя ненавидеть и считать за свинью как они нас часто называют эти 2 поляка и мастера немцы. Эх! где тот мой милый, родной дом, возле которого растут 2-е больших вербы и красивая пушистая тополь, все пропало из моих глаз и никогда мне больше не видать. Ни одна ворона не занесет моих костей туда.

6 сентября, понедельник.

Рано утром все отдавали вчера написанные пост-карточки, на которых большим шрифтом написано: «Кто видел Германию тот должен ее любить». Как это было противно и неправда. Смогу ли я ее полюбить? Нет — никогда. Среди нас начались заболевания. Против моего стола работал один высокий белый парень по фамилии Стрельский. Он абсолютно ничего не делал, а облокотясь на стол плакал от головной боли. Немцы мастера не верили ему, водили его в [мед. часть], узнавали температуру, давали пилюли, но ничего не помогало, его били по лицу. Мне было так жалко, что кажется вот-вот решусь бросить в идиота напильником. Тоже было и с остальными больными. Теперь я понял, что мы — русские — настоящие рабы для немцев.

7 сентября, вторник.

У многих уже не было своих продуктов, поэтому пайка не хватало, так как кроме пустой капусты ничего не давали, да хлеба 300 гр., и то дают не сразу, а 3 раза в день. Все требовали больше еды, на что Азо отвечал, что «вы азо жрете как свиньи». Черный мастер тоже отвечал так. Появилось общее недовольство и паническое настроение, все говорили об одном, вспоминали родной дом, что как мы жили хорошо, а нам казалось неудовлетворительно.

Работа не тяжелая, стой да шуруй напильником по куску железа, пока не станет ровной по угольнику, и как смешно, что немцы нас считают за людей совсем не развитых и не одаренных, что они 40 раз уже показывают как правильно надо брать напильник, как стоять и прочее. Вася и Толя работают на низу токарями, Петька — электросварщик. А все остальные — слесаря. Я часто бегаю на низ и вижу их там, но подходить боюсь, так как можно свободно получить по роже за это. Но я хорошо сдружился с Бру-

¹ Альзо (далее Азо) — кличка одного из надсмотрщиков-поляков, не выговаривавшего букву «л», но всякий раз свою речь начинавшего с немецкого вводного оборота «Also» (в переводе — «Итак», «Ну вот», «Значит так» и т.п.)

хальским Владимиром по прозвищу «Комиссар», его немцы все любили, потому что он умел много разговаривать и был маленький, и очень чистоплотный.

8, 9, 10 сентября.

Пошла одна и та же петрушка. Избиение больного Стрельского со стороны мастеров за то, что он не мог работать, а также и других ребят, кто в чем-либо сопротивлялся. А сопротивлялись почти как один все, мы были хмурые и исподлобья глядели на немцев, по-русски обругивая их всякими словами. Стоишь за столом и шуруешь напильником, о чем только не передумает. Сколько еще месяцев могу я выжить в такой неволе? Ноги уже подкашиваются от ежедневного стояния, так как сесть не разрешают, за что бьют по лицу. Нет, надо убежать, решил я.

И я решил подговорить «Комиссара», так как он паренек смелый и притом говорит по-немецки. На мое приглашение он согласился, и мы решили в воскресенье уйти на станцию узнать эшелон, отправляющийся в Польшу, забраться в уголь и ехать до тех пор, сколько хватит терпения.

11 сентября, суббота.

Сегодня как-то лучше на душе, так как завтра воскресенье, может быть пустят за город, и при всякой возможности буду стараться убежать. Ведь чего бояться, тем более, что «Комиссар» может разговаривать по-немецки. Но только плохо, что у нас нет уже продуктов, но это не важно, так как поездом мы долго ехать не будем, нам бы проехать Польшу, так как поляки, если обнаружат русского, то сразу выдают. Но я думаю мы будем терпеть до тех пор, пока не приедем на Украину, а ведь человек может быть не жравши около 2 недель, а нам лишь бы полуживым добраться.

Кончив работу в 1 ч. шли в лагерь, там мыли шкафы, стирали, готовились к завтраму. Я наготовил все хорошее одеть и взял сумку. Вечером дали 15 сигарет.

12 сентября, воскресенье.

До обеда никуда не пускали, за это время я с «Комиссаром» о чем только не переговорил. Как мы будем сидеть в вагоне, как будем слазить и сперва зайдем к нему домой Минская обл., г. Борисов. Эти фантазии немножко успокаивали наболевшее сердце, не знаю как получится, может быть, это только фантазии. Обедать ходили в завод, там же покупали лимонад и только в 6 часов отпустили в город. «Комиссар» куда-то ушел, и я его не мог найти. Это трепач, а не человек, подумал я, и я совместно со своими

* Текст надорван.

ребятами пошли искать фотографию. Идя по Лейпцигу, мы увидели много русских. Один из нас сорвал маленькую веточку с огромной липы, которых здесь было по улице неисчислимое количество. Увидав, прохожий немец, чуть не сошел с ума от удивления и злобы. Тогда нам старые ребята объяснили, что у них нет привычки, чтобы зря ломать деревья. Они много рассказали про ихние обычаи, хотя, может быть, для немцев они и хороши, но мне они не по душе, прожив здесь 12 дней мне уже все их обычаи надоели и замучали. Придя в фотографию мы сфотографировались в 3-х видах — 1 раз вся 8-ка¹, потом я, Шкут и Володя, а потом по одному. Погода была очень хорошая. Идя оттуда, я впервые увидел виноград, которого было везде и всюду и столько много, что мне показалось странным, почему я раньше не обратил внимания. «Комиссара» я встретил поздно. Я его много ругал за то, что он подвел и решили, пока отложить, так как старые ребята отбили все настроение говоря, что убежать невозможно теперь (это не год тому назад). Ребята нам показали ресторан, где можно брать за деньги салат картофельный — 70 пфеннигов порция, и поэтому возвращались домой поздно, уже стало темно, на углах улиц горели фонари и трамваи ходили со светом. Только зашли под мост, как нас встретили — Азо и Карбот². Мы были втроем: я, Толя и Петр. Каждый из нас получил по оплеухе.

13 сентября, понедельник.

Еще вчера нам сказали, что пойдем в понедельник в баню с вещами. Так как короста распространилась по всему лагерю, в особенности среди белорусов Шмавганца, Васильева, Круглика и др. Вшей также хватало.

Пройдя дегазацию, оставив вещи, пришли обратно в завод в 1-м часу. Здесь нам дали сырой брюквы, т.е. не хорошо сваренной, к тому же крупно покрошенной, поэтому она сделалась как-то розовая и вода рыжая, к тому [же] еще и не заправлена, хотя поляк Азо и говорит, что заправлена маргарином. Все стали восставать, кричали, выворачивали миски с брюквой на стол. Азо

¹ Эта фотография сохранилась. Слева направо на ней стоят почти все «персонажи» барановского дневника: сам Василий Баранов, в Германии — слесарь; Петр Семенович Галушко — токарь, умер в 1960-х годах; Владимир Степанович Лукьянцев, слесарь (был вместе в В. Барановым на Эрле — см. ниже), сошел с ума; Анатолий Хотеев, токарь, умер в 1970-х годах; Михаил Петрович Шкут — слесарь, проживает в Стародубе; Василий Иванович Дроздов — токарь, проживает в Мериновке; Василий Аксенов — слесарь, умер в 1980-х годах; Николай Гуртовец (по кличке «Жид»; его мать была еврейкой) — умер вскоре после окончания войны.

² Имя или кличка второго из поляков-надсмотрщиков.

и полька позвали черного обермастера, который быстро распорядился, т.е. всем недовольным дал по затылку и погнал на работу. Мне также досталось.

14, 15 сентября, вторник, среда.

Работали до 4 ч. дня, потом пошли в баню за вещами. Придя туда ребята поотбивали много груш. Немка прибежала спорить. Азо много кое-кого избил. В 8 ч. вечера пришли обратно в завод, где дали картошки в мундирах на 3 человек. Она показалась такой вкусной, что жуть порастекла по всем жилам, ведь в России это считалась позорная пища, а здесь она милее всего на свете. Ночевали в заводе в столовой на 2 этаже. Ребята бегали за лимонадом и пили с хлебом или сухарями, но большинство пили без ничего, так как ничего не было. Я тоже был в этом числе. Хотя у Толи, Петра, Василия и Василия и были сухари и сало, особенно у Жиды, но они всегда прятались от меня, Шкута Володи и других голодающих. Как обидно. Ведь я им дорогой половину сала отдал. Толе все Лидины¹ сухари отдал. И все время мое ели, а как увидели приближение голода, то почали сторониться. Эх, кажется, несчастный я. Я переворачиваю ту сумку, где были сухари, и по крошке собираю и ем с таким аппетитом, что кажется съел бы всю сумку.

В это время в темном углу сидит Жид, Аксенов и Дроздов; в следующем — Толя и Петр. В столовой становится тихо, по всему Лейпцигу стоят прожектора. Я сел на окно и задумался. Жуть охватила мое существо, от горя заплакал и лег спать рядом со Стрельским.

16 сентября, четверг.

Все работали с тоской на лице. Приходил в завод немецкий представитель, читал приказ, чтобы выполняли все приказы мастеров, к общественному имуществу относились бережно, чтобы не было саботажа и вредительства, в противном случае будем наказывать. Спали в заводе. Стрельский по-прежнему не поправлялся, кушать не брал, за столом слесарным стоит свесив голову и не работает, мастера перестали его бить и даже не считают за присутствующего.

17, 18, 19 сентября, воскресенье.

Ходили настояще голодные. Кражи совершаются каждый день, воров не обнаруживают. Паяк с каждым днем хужает².

¹ Лиды — двоюродная сестра автора, бежавшая по дороге в Германию. Подруги отдали ему ее пальто, другие вещи, а также продукты.

² Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.

Выдали за неделю по 15 сигарет и 60 пфеннигов. Воскресенье день проходит очень быстро. Тогда появляются два чувства. Первое — чувство радости, что выходной день, могу встретить кое-кого из русских старых ребят, а в особенности девчат. Другое чувство — это раздражение, особенно поговоришь с недалеким земляком км 300–500, то расстраиваешься до душевной боли, мне кажется, что я заболел чахоткой или что-нибудь получится с сердцем. Лучше всего поговорить с девушкой — особенно русской, ведь у женщины не такой выносливый организм, потому что, как пишут в романах, что женщин больше умирало и травили от любви, чем мужчин. Но все равно как те, так и другие, которые живут здесь год или полтора отвечают одним и тем же, что ж поживешь привыкнешь, жить хочешь — надо жить, умереть раз плюнуть, а жизнь дорога. Сегодня выходной день, все ушли в город за исключением штрафников. Я продал 10 сигарет за 1 марку и печеной картошки одному днепропетровскому, который работает уже 1 год на станции рабочим-железнодорожником. Найдя «Комиссара» пошли на одну небольшую товарную станцию. Я одел 2-е брюк, две рубахи, пиджак, сапоги, взял сумку. На листке отправления вагона было написано — на Львов и мы залезли между ящиками и ждали, пока не пойдет поезд. И наконец вечером поезд тронул, мы были сильно обрадованы, но вдруг по закату солнца мы определили, что едем на запад. Может быть, он делает разворот, подумали мы, и так мы проехали с полчаса. Мы с отчаянием выпрыгнули на одной маленькой станции, где не было близко немцев. Железнодорожники пробирались мимо вагонов, нас заметил один железнодорожник. Деваться было некуда. Так как сзади нас везде были немцы, он нас повел в железнодорожную будку и приказал одному старичку посмотреть нас. В это время зазвонил телефон, старик пошел слушать, а мы как воробы — кто куда. Идя через местечко, мы встретили западного украинца, который ехал на лошадях баурских¹. Он нам сказал, что до Лейпцига 17 км. Было уже часов 10 вечера. Мы решили во что бы то ни стало добраться до своего лагеря. Шли по асфальтированному шоссе, которое нам указал западник, раза 4 нам встречались машины, мы отбегали в сторону и ложились. Все руки и лицо были поцарапаны о колючки. Ночь была темная и ветреная, Устали до изнеможения. Лейпциг нам был виден как на ладони, так как вокруг все небо испосовано прожекторами.

Трамваи уже не ходили и мы, озираясь по сторонам, шли по узким улицам огромного города, дома которого были не достигаемы глазом высоты, которые были тихи, все спали и только из-

¹ От нем. «Baueg» (бауэр) — крестьянин.

редка кто-либо проедет на велосипеде. Часа в 2 ночи мы были в заводе, влез в окно, ужин наш пропал, и жрать уже не хотелось, потому что усталость превышала все. Больной Стрельский и Савченко не спали или вернее проснулись. Они догадывались, что мы делали побег и сообщили, что всех кто поздно гулял, били резиновой трубкой и не дали ужина. Так что на нашу долю еще придется несколько горячих. Долго я с ними разговаривал. Рассказал как я жил дома, учился в Муз[ыкальном] уч[илище]. Как это все было хорошо, приятно, почему я тогда не торжествовал тем, что я такой счастливый, имею возможность выспаться и погулять, а главное пожрать.

Жалкие мы люди. Стрельский мною остался очень хорошего мнения, говоря что ты парень не глупый, всесторонне развит и можешь понимать и разбирать все жизненные явления. Насчет побега сказал, что надо терпеть, потом он рассказал о своей жизни, что он кончил 9 классов, родители — учителя и много кое-чего, так что я устал и уснул.

20 сентября, понедельник.

Утром встал, как пьяный, выскочил на нижний этаж, всех нас построили и повели в баню, как мы рады, что о нас никто ничего не знает и не говорит. Придя из бани, я уже начал терять сознание, поднимаясь на 2 этаж, у меня закружилась голова и я упал, ударившись о койку. Вот моя голодная смерть, подумал я. Взяв ложку, вернулся на низ, где строили на завтрак. Кормили с сегодняшнего дня по расписанию т.е.: в 7 1/2 ч. 50 гр. хлеба, иногда дается редчина¹ или салат из буряков, в 9 ч. — кофе и 150 гр. хлеба, в обед — суп, вечером суп, 150 гр. хлеба и 15 гр. маргарина. Перед обедом к кухне привезли ящиков 5 кочанов капусты, мы воровали и сейчас же ели, между тем мои друзья, земляки с которыми я вырос, исключая Шкута и Володи, не принимали участия. Видно еще сала и сухарей много. Суп был одна вода да несколько капустин с картошкой.

21, 22 сентября.

Приезжал шеф из Дрездена, ввиду этого или по другой причине был хороший суп, хотя редкий и пшенный. Все, в особенности немцы, боялись его присутствия, нас подгоняли, чтобы никто нигде не стоял без дела или сидел. Вечером ушел один товарищ Каптур. Он работал в автогеносварке и в дырку ушел, разговоров было больше, чем надо. Правда он ушел еще вчера после обеда, но сегодня только хватились. Азо, как бешеный бегал по бараку. Человек 5 избил со зла за всякие мелочи. Вечером была

¹ Редчина — редька.

тревога, где-то недалеко бомбили, все это больно пережилось за сегодняшний день, что я уснул как убитый и только просыпался от какого-то испуга.

23 сентября, четверг.

Дожди льют бесконечно, хотя на тротуаре не мокро, но до чего тяжелые эти проклятые кандалы¹. Скоро будет месяц как я их одел, но все еще никак не могу привыкнуть да и не привыкну. Не приучат меня эти идиоты к такому варварскому режиму. Они стараются ввести между нами рознь, отчего получаются целые истории. Драки за гнилую капусту и гнилой с червями салат. Я часто успокаиваю ребят и немало мне сочувствует. В обед стали лезть за добавком. Полька со всего размаха бахнула одного белоруса по голове половником. Тот облитый кровью повис на лезущих. Немцы и поляки видя такую картину, злобно смеялись, называя нас свиньями, потом стали разгонять на работу. Один русский получил 4 картошины на поддельный талон, его избили до полусмерти. Работать он не мог, его бесконечно били по лицу, словно хотели оживить или совсем прибить. Я часто разъяснял ребятам какой вред мы наносим себе тем, что мы за несчастный червивый салат убиваем сами себя, вызываем среди себя ненависть, многие поддерживали мое мнение, особенно такие ребята как Стрельский, Брухальский Володя и другие бывшие студенты. Вечером разговаривали о том, что можно еще послать письмо на Родину, но я больше чем уверен, что оно не дойдет, в таком случае мы написали общее, оно не большое, но упомянули всех 8 человек, подписали адрес и сдали Азо. Вечером выдали всем документы «аусвайсы»². Это такая ценность, которая не достигает прошлых волчьих билетов.

24 пятница, 25 суббота.

Все собираются бежать с Германии, много рассказывали о прошлом, о настоящем, и что нас ожидает будущее, многие плакали на постели. Сердце мое разрывается на 5 частей. Читали газеты, откуда узнали что наша местность снова забрана русски-

¹ Имеются в виду так называемые «Pantinen», или «колодки», — долбенки или ботинки с деревянной подошвой и брезентовым или картонным верхом. Ее дополнительной «функцией» было крайнее неудобство при побегах. Удивительно удачное слово: кроме сапожного термина — колодка — в нем явственные отголоски «кандалов» и, особенно, старинного русского обозначения каторжника: «колодник»!

² От нем. «Ausweis» — удостоверение личности. По всей видимости, имеется в виду «Arbeitsausweis» — «Удостоверение рабочего», выдававшееся каждому оstarбайтеру.

ми, что немцы начинают бежать от самого Сталинграда. Как приятно вдруг стало на душе. Ребята! Если бы мы сейчас попали на родину, и притом на фронт, мы бы этих варваров душами перегрызли, а не только оружием. Всякие фантазии рождались у каждого из нас, все высказывали свои мнения. Говорят, год тому назад можно было удирать, кому только не лень, но сейчас это очень трудно, но все таки умело можно. Только надо ловкость и силы. Вспоминали о Каптуре, только что удравшем. Многие его хвалят, но мне он почему-то не нравился, правда он кривой, чуждый и никогда ничего общего с нами не имел, а все-таки бежать должен или же я погибну, как все в тяжелом дубовом ярме.

26 воскресенье.

С утра был дождь, завтрак принесли в лагерь, обедать ходили в завод, в 6 часов пустили в город, виделся с земляком Понудовского р-на Иванцовым Петром. Беседовали с ним на тему побега, он уверял что удрать абсолютно нельзя! Что он удирал 2 раза и все напрасно, а только подорвал свое здоровье, правда он человек на мой взгляд не глупый, кое в чем разбирается, знает хорошо немецкий обычай, так как живет уже 1 1/2 года. Одет он прилично. Говорит, что живет очень плохо, но почему же он духом такой сильный. Вот это меня еще больше убивало. И вообще, все старые сильны духом. Моя же душа протухла семь раз, прокисла от бесконечных волнений и мыслей. До чего же дорог мне этот земляк — никого в жизни я так не ценил, ни отца, ни мать, как в настоящий день этого дружка. Итак, снова я за замком в лагере.

Хотение, возражение — одно цепляет другое. Итак, не хотя и не желая подохнуть, вечером купил 2 бокала лимонаду за 60 пф. Беседовал с поляком о военном положении и о культуре, как они презирают все-таки нас. Купил хорошенький ножичек у Брухальского Володи для памяти.

27 понедельник.

Утром, проработав час, пошли в баню. Баня была километров 7 по Лейпцигу, так что шли хотя и быстро, но долго, делали привал по дороге. Поляк нам указал на одну из красивых церквей и сказал, что эта церква русская, построена на русский стиль, служение на русский обряд и ходят туда все русские, которые проживают в Лейпциге с давних времен. Ребята рассказывали, что есть русские библиотеки. Иванцов об этом тоже говорил. Еле добрались до бани, выстроились и ожидали пока придет поляк. В это время над «Комиссаром» один немчук стал смеяться, тот долго не думая схватил его и стал так ласкать, но оказался его слабее, благодаря ухватки, дал ему по затылку разов 6. Карбот смеялся, видя такую сцену, но все разогнал их.

Мылись целых 2 часа, купался в бассейне. Как все здесь хорошо устроено. Пришли в завод после обеда часа в 4. Пообедав с пощечиной продолжали работу. Карбот все время ухаживает за красивой немкой, ложит в ее ящик хороший инструмент и яблоки, часто с ней разговаривает.

28 вторник.

В лагере появилась у многих короста, привезенная еще с Белоруссии браточками, я точно чувствую, что заразился, целую ночь раздираю себе руки и спину. Еще вчера бы меня заметили и сторонились, чтобы не набраться. Сегодня мне сказали, что я тоже коростливый, как это неприятно. Вечером воровали в заводе кислую капусту, появилась большая оскомина, живот распух и болит, но голод покрывает всякую боль. Немцы в заводе только и занимались тем, что подгоняли русских да избивали, как они нас стали ненавидеть и презирать, слово «schwein»¹ не выходило от нас. Еще работая, я часто доставал привезенные с собой фотокарточки и рассматривал, мне становилось очень заскучно. Вечером читаю Пушкина стихотворения. Пробую свои, но у меня они никак не клеются. «Если жизнь тебя обманет, не печалься и не сердись»². Это стихотворение Пушкина я 10 000 раз перечитываю, и все таки не согласен с Пушкиным, с тем что он пишет «что пройдет, то будет мило», будет ли мне когда-либо мило все вот это. Я часто повторяю фразы узнавшие от Шевцова «лучше умереть стоя, чем жить на коленях»³. Умереть, но как? Отравиться, что ли. Нет, жизнь дороже всего на свете. Кто кончает жизнь самоубийством — тот трус.

29 среда.

Вчера переговорщик⁴ чуть не забрал у меня дневник, за что я перепугался, потому что много кое-чего я написал против его же шерсти. Но все равно я смерти не боюсь, мне теперь все равно. Вечером крали капусту, днем — тоже и стояли возле обчисток и ели так как в заводе нельзя ни в коем случае и если заметят, то избыют до смерти. Переговорщик всех прогнал от обчисток и бил. Всех, вечером идя в лагерь, обыскивали, 4 человек обнаружили с сырой картошкой, я свою запрятал в землю цветника, поэтому мог спастись от ряда мучений. Искали в лагере уворованные ложки и

¹ От нем. «Schwein» — свинья.

² Так в тексте.

³ Из стихотворения 1825 года: «Если жизнь тебя обманет, Не печалься, не сердись...».

⁴ Известный афоризм Долорес Ибаррури.

⁴ По-видимому, переводчик.

ножи, трусили все шкафы. У меня ничего лишнего не нашли. Были закрыты под замок, даже на заводской двор нельзя было уйти, так как ребята ходили по яблоки, обломали соседнему немцу грушины и оборвали все груши. Вечером они ели впотьмах на койке. Я попросил, но мне никто не дал, потом один белорус дал одну грушу. Я решил идти на сегодняшнюю ночь, но так как вылезти было нельзя, то планы не сбылись.

30 сентября, четверг.

Переговорщик сильно издевается. Ввел что-то в виде военной подготовки, учил чтобы умели ходить в строю, становиться в строй, сосчитываться по порядку на 1–2 и прочее. Гоняя на 2-й этаж и обратно все уставали, а он смеялся и отстающих бил, поэтому все боялись и каждый старался не отстать.

1 октября, пятница.

Кончился месяц германской жизни в Лейпциге. Мне показалось, что прошли года. На лицо я сильно изменился, а тело — одни кости, недавно взвешивался — было 52 кг с кандалами и всей одеждой, когда дома было 58 кг без кандалов. За неделю дали зарплату курящим по 15 сигарет, а остальным — по 1 марке и 13 пфеннигов. Воровали коченья и делили между собой. Я загнал сигареты на хлеб переговорщику. В честь месячного прибытия спели огульно 4 песни. Как будто на душе полегчало. Я понял, что всякая песня помогает жить человеку, если она только быстрого, веселого темпа. Я пробую сам сочинять на мотив «Кирпичики», на «Сербиянку», на «Раскинулось море широко», все равно и эти песни возрождают во мне какую-то жизненную деятельность.

2 октября, суббота.

Заставили чистить сорные ямы. Я нечаянно поломал во время чистки двери, за что попало от переговорщика так, что голова сильно болела. Работали в 9-м, дали нам за работу по порции капусты, вечером меняли сигареты на хлеб. Разговорился с поляком о войне, и тут он кое-что говорил о линии фронта, у нас была карта. Вечером ходили в ресторан, выпил 2 стакана лимонаду, выйдя оттуда познакомился с ленинградским, ему было уже под 30 или примерно возраст нашего Коли. Одет он хорошо, вид имел хороший, он сказал, что работает при похоронном немецком бюро, живет хорошо, ходит вольно. Может все достать, часто ездит в бардак. Использовал много французов, итальянок, немков, пьет вино и узнал наш адрес, пообещал прийти завтра, дал нам с Аксеновым пиво и по салату. Я в нем что-то заметил нехорошее, так как он предложил кому-либо из нас придружиться, а для чего это — неизвестно, и чтобы он был малограмотный.

3 октября, воскресенье.

Давно душа просится на волю
И сердце пылкое давно хочет любить
Я полюбил одну девчонку Олю¹
Да и теперь приходится забыть.

А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я ее, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права. Во-первых, я неудачник, в том что страдаю вот здесь, 2 — может быть, даже и врежу, хотя я пользы Германии еще не сделал ни на копейку. Потому, что я еще в школе слесарил. Но во всяком случае мелкая помощь и то что-то стоит, например, погрузка балок лома железа, да я неудачник, а отсюда вытекает, что я глупец. Неужели она тоже также страдает? Она уехала с Белостока поперед меня и наверняка с Мериновскими девушками. Воспоминания еще хуже дают сердце. Вечером поляк муштровал нас строевой, выматывая из нас последние силы. Встреча с ленинградским. Он из себя представляет большого жулика, говорил как надо жить, ловить моменты. Он уговорил Аксена пойти с ним, но старые ребята еще раньше сказали, что он пидераст². Но Аксен зная это, все равно пошел. Пришел он поздно вечером, весь измученный, всю ночь дергался и ойкал. Многие догадались, что он изнасилован. Я поймел к нему еще большее отвращение. За Лидины вещи он дал 50 марок мне.

4 октября, понедельник.

Часы отвели на час³. В 9 ч. пошли в баню. Я размачивал свои царапины горячей водой, чтобы они не так выделялись на теле и старался, чтобы меня никто не видел, крестик золотой всегда висит у меня на шее, потому что это материнское благословение. После обеда пришел представитель из Дрездена. Как будто он русский, ему были донесены все наши недовольствия, он как будто слушал нас с охотой и сочувствием. Он посетил наш лагерь, говорил что-то о политике, о современной войне и текущих событиях, сказал, что у нас дома нет и не будет, мы никому не нужны. Рассказал как заняли Италию, о невосточном фронте, пришлось отступить для сокращения фронта. Еще сказал, что для Сталина — мы враги, так как он отказался от нас, сказав, что у меня пленных нет, а только изменники. Но для Гитлера мы тоже не нужны, так что положение наше неважное. Ничего он не посоветовал и только ввел в заблуждение!

¹ К этому месту имеется позднейшее примечание автора (шариковой ручкой): «Это настоящая моя жена».

² Последнее слово зачеркнуто.

³ Имеется в виду переход на зимнее время.

5–6 октября, вторник, среда.

До сегодняшнего дня можно было отлучаться от станка во время работы. Иногда сбегали во двор, чтобы воровать, где листок капусты или бурачок, или в лучшем случае редьки или брюквы. Но с сегодняшнего дня строго запретили. Разрешено отходить от станка в уборную, и то по разрешению мастера и поляка. Вечером приезжал тот же самый представитель, обещал кое-что в помощи. Предлагал сохранять военную дисциплину, которая, дескать нам пригодится. Он нам стал противным. Была тревога, обошлось без бомбежки, хотя предполагали на сегодня. Одна и та же работа надоедает. Все начинают заболеть и только я и еще кое-кто чувствуют хорошо. Может быть, это еще пока, но вообще я наверняка удался здоровым в свой Барановский род. Только лишь вялость и усталость из-за нехватки еды. От колибри¹ (брюквы) иногда тошнит в животе. Вечером переговорщик Азо набивается снабдить нас открытками, но их никто не берет, потому что они не дойдут до дому, тем более, что местность наша снова у русских. Хотя кое-кто хотел их брать из белорусов, но я их ругал, чтобы не подрывали наш авторитет и поэтому никто не взял. Этим самым огорчили Азо.

7 октября, четверг.

Жестокость поляка еще больше усиливается с каждым днем. Чтобы сходить в уборную во время работы надо подойти к нему, стать перед ним на вытяжку, спросить и если он разрешит, то беришь марку и идешь не больше как на 5 мин., марку вручаешь лично. В обед дали соленую гнилую брюкву, отчего разболелись животы у всех. Некоторые прямо катались по полу, за что поляк бил сверху. Я благодарен судьбе, что пока чувствовал ничего. Поляк как бешеный избивал больных. Издаст приказ — норму выточить не менее 10 шестерок². Некоторые боялись и усердно точили, особенно Мишка, он 32 штуки выточил. На него за это надели и чуть не избили. Но я им объяснил, что он парень неразвитой, забитый, ему надо растолковать, с некоторыми приходилось спорить, но все-таки выточили больше в 2–3 раза, 239 штук. Поляк иронически смеялся своим успехам. Хвастался перед немцами-мастерами. Особенно нашему черному. Ему он особенно гадит³, дает ехидно закуривать и прикуривать. Перед вечером поляк разрешил выйти на час в город. Все ребята мериновцы быстро ушли, но я за это время высушил рубашку с замком, прихожу в барак, смотрю, Шкут Мишка плачет. Мне его стало жаль. Он обвиняет ребят за то, что у них

¹ Очевидно, имеется в виду капуста кольраби.

² По всей видимости, шестеренок.

³ Исправлено: было «ладит».

есть марки и удрали от него. Я приглашаю его с собой, заходим в иностранный ресторан, спрятав ост и вообще примаскировавшись, т.к. русских не пускали. Съели по 2 салата и по 2 бокала пива, я уплатил, и мы ушли в лагерь быстро, чтобы не опоздать. Еще днем я стащил 3 бурака и решил их сварить в газопечке. Вдруг меня вызывает Стрельский и Борис. Я подумал, насчет побега. Оказалось они обвиняют меня в краже 50 марок в бане. Они предлагают мне возратить, хотя бы остачу и вовсе не верят мне, что я не брал, сказав, что это подтверждает Шкут. Меня вызвал Азо и разов 8 ударил шлангом по спине, так что не знаю долго ли еще буду ощущать ужасную боль, сплю на животе.

8 октября, пятница.

Туманная, печальная погода. Так печально, что ничуть не хочется надеяться на улучшение. К нам в слесарню представили 10 русских, также обучали, они были дикообразны, как и мы сначала, их называли швайны¹. Так жалко и себя и этих людей, недавно приехавших из России. Слово «Россия» для меня теперь кажется это что-то в виде фантазии, никогда непостижимой. Не умели ее схоронить наши отцы, братья и отчасти и мы, хотя мы еще в сущности дети были. Сдали они нас варварам, мол расправляйтесь с ними, как вам угодно. До чего противна стала песня «Если завтра война», потому что на деле вышло иначе. После обеда дали мне как курильщику 15 сигарет и 25 пфен. Вечером ходили в ресторан и брали по 2 супа и 1 салат. Вечером долго не уснул, болела жопа и спина от ударов. Шкута хотел чем-либо стукнуть, но отдумал.

9 октября, суббота.

Я был дежурный по лагерю с четырьмя товарищами. Подмели спальню, зал и уборную. Часов в 10 сходили в ресторан, взяли по 1 салату и 1 бокал лимонаду на 1 марку. К 12 ч. пошли на завод, получили утренний хлеб, в 1 ч. дали пшенный жидкий суп, после обеда как дежурные подметали столовую, за что удалось еще получить порцию супа. Урвались перед вечером в город, видели земляков. Они показали дешевую столовую, суп 20–30 пф. Я взял 2 супа, многих не пустили, так как они очень были похожи на русских. Вечером Стрельский с другом опять порасспрашивали насчет 50 марок. Ночью ребята и особенно белорусы лазили в окно, в сад по груши. Всю ночь толкотня и грызь. Я было попросил одну грушу, но мне отказали, упрекнув, что я тащу у ребят деньги и прочее, мне стало очень обидно. Я долго не мог уснуть и рассуждал с собой. На спине лежать было больно, поэтому лег на бок и больше наклонился на живот.

¹ Свиньи.

10 октября, воскресенье.

Сегодня я дежурный по лагерю. В обед дали картошку с подливкой, вроде хорошее кушанье. Один супчик получил два раза, за что Азо избил до бессознания, пришлось тащить его на руках. После обеда искали бычки. Вечером был спор с Лукьяновым Владимиром за то, что он взял фото. При этом упрекнул меня в том, что я украл деньги 50 марок и что мой дядя его мучил, за что он мне будет мстить. Еще в субботу, когда я и «Комиссар» шли с уборной, один немчук прицелился в нас пистолетом, мы его догнали и я отнял пистолет, правда, я не знаю был ли он заряжен, но пистолет настоящий, «Комиссар» отдал мастеру, немчук плакал и жаловался. Хозяин сильно ругал нас, но не бил, а немчуку пистолет отдал, только ругал его за хулиганство (так мне сказал «Комиссар»).

11 октября, понедельник.

Последний день дежурства. Встав, рано подмели, как и обычно решили идти в баню. Явился переговорщик — Азо. Очень ругал одного, даже смазал по роже. Налил по колено воды, пришлось снова ее убирать и перемывать. Пошли на завод, а оттуда в баню. После обеда приехал какой-то представитель и через Брухальского Володю («Комиссара») говорил, что мы все упорливые партизаны, нас всех надо перестрелять. Вечером всех построили в заводе и перед тем¹ как гнать в лагерь, стали обыскивать. Картошки у меня было 5 штук. Я их незаметно спрятал в клумбы. Поляк сильно избивал. Когда шли по улице, то как обычно он требовал, чтобы шли в ногу и посильней стучали кандалами. Особенно огромными стуки получают, когда подходим к мосту. Поляк очень доволен, смеется, называя нас куни (кони). В лагере обнаружилась покража у Стрельского, пол. бух. хлеба, сало и масло (еще из дома). Виновны дежурные. Стали вызывать по очереди. Я вошел: сидят Азо, поляк и другой поляк Скроболь². Я стал отговариваться, но они меня нагнули и удалось ударить недавнейшей шлангой по больной спине раз 10. Стрельский подозрил на Козлового и указал это Азо. Его избили до полусмерти, хотя он бедняга — самый наичестнейший и наитруснейший парень. Я так ненавидел барона Стрельского — жутко.

12 октября, вторник.

Сегодня я менялся от дежурства проклятого. Придя в слесарню увидел много немок, человек 40, они были разного возраста и старухи до 67 лет, которые как и мы обучались слесарному делу.

¹ Было: там.

² Скроболь — фамилия польского надсмотрщика.

От них мы слышали, что нам осталось побыть с неделю. Этой новости мы все были очень рады, потому что жить в такой атмосфере становится невыносимо. Мы завидовали русским, которые живут здесь давно. Они все-таки вольней нас и одеваются легче и жизнерадостнее нас. Оттачивали молотки. Многие уже 3-й день точат один молоток, этим они довольны, я очень рад, что ребята меня поняли и полюбили. Перед обедом хозяин собрал всех новых немок и строго приказал им с нами не разговаривать, тем более давать чего-либо. Володька-«Комиссар» подслушал, как он им рассказывал о нас: мы ленивые, что мы обижаемся на французов за то, что их хорошо кормят. Давал нам прозвища и т.д., отчего немки заливались смехом. Мы на это отвечали суровым взглядом. Каждый хотел вложить массу презрений на этих бесчувственных зверей. Хотелось плакать. Грусть-тоска превозмогла, все то и дело вздыхали и мало переговаривались, кто с кем. Мне сидеть было очень больно, поэтому я ел стоя, а после сидел на боковом тазу, и то на правом. Побой заживали очень плохо, мокли, поэтому кальсоны и рубашка прилипали и еще больше придавали мне боли. На поляка я уже не мог смотреть — это изверг... Он заставлял на себя обратить внимание всех немцев и особенно немок. Прилабузнился к довольно красивой блондинке лет 23. Шкут, идя в уборную наткнулся на переговорщика, который без причины ударил его по лицу 3 раза. Он заплакал и вернулся. Немка смотрела ему в лицо и смеялась. Я спросил, что, хорошо ли? А меня, дескать, из-за тебя чуть ли не убили, но я не показал и одной слезы. Он идиотски обругал меня. У Козловского все лицо было опухшее, синяки сделали его неузнаваемым. Он вовсе не походил на себя. Вечером, когда уже стемнело, мы выскочили в ресторан, но безрезультатно, пришлось вернуться. Шли с большим стуком кандалов, поэтому Азо нас встретил. Меня он огрел хорошо два раза, правда не гребительно, а так, только огоньки в глазах.

13 октября, среда.

Погода изменяется. Наступает холодно*. Это ощущается утром, но одеваться не разрешают. Придя в завод в цех, я затиснул вчерашний молоток, пильнул два раза для призиру и снова наблюдаю за немецкой тварью. Мне кажется, я их начинаю изучать: за работой, едой и отдыхом. И сразу я вспомнил, что я читал в России Ростислава, который писал: «Русские пламеннее немцев, немцы — жадный и притом скучный народ». Это мне хорошо запало в голову и теперь хорошо вспоминается.

Вечером переговорщик ругал нас за грязь в спальне, много грозил, потом проверял шкаф. Я очень боялся, что заберет мой

* Так в тексте.

дневник, так как он иногда интересуется отдельными книгами у меня. Он спросил, какая у тебя книга. Я ответил с гордостью: Полное собрание сочинений Пушкина.

14 октября, четверг.

Утром, идя в завод, очень прозяб. Все гнулись, отчего часто слышали ругань поляка. Я заложил молоток начатый два дня тому назад, стоял, не беря напильника минут 10. Вдруг насккивает поляк и как зарычит, почему я все еще не приступаю к работе. Я сказал, что я работаю. Он мне указал рукой на лицо, что нет спилу свежего на молотке. Он яростно кричал, заставляя немок обратить внимание. В обед снова давали шпинат невымытый. Ребята, кто чувствовал себя покрепче, выворачивали на стол. После обеда всем слесарям приказали сдать инструменты и мели завод, некоторые красили железо. Иногда убегали и прятались от поляка и Азо в уборных, бельгийцы часто пробовали нас не пускать, но мы мало им подчинялись, да и они нас боялись. Французы стали редко ходить в уборную, чтобы не получить с нами неприятность. Все иностранцы видели, как над нами издеваются, но никто из них ничем не думал помочь, ни словом, ни материально. Все люди черствые, что значит не наш народ и что значит война. Сегодня нам объявили, что завтра работаем во 2-ю смену, с 4 ч. до 12 ч. ночи. Токари и слесари работают по-прежнему.

15 октября, пятница.

Спали поздно. В 9 ч. получили крошки. Сорвались в город за брюквой и горбузом. Шли мимо станции товарной, где были арбы с картошкой, там сидел малый и давал 2 нашим по картошине. На мою долю пришлось 6 штук. Придя в лагерь, я их сварил, но не совсем, потому, что пора уже идти на работу.

В 4 ч. уже стояли на своих станках (верстаках). Молотки отбирали, мой недоточенный тоже забрали. Раздавал ключи для гаек. Они были очень плохо вылиты. Надо было много обтачивать. В 6 ч. дали супу горбузового, а в пол 10 ч. дали остачу горбуза и 150 гр. хлеба. Суп давали полмиски на 4 человека. Работали до 12 ч. ночи. Эта смена показалась очень длинной, скучной и неудобной. Усталости было еще больше и очень хотелось спать.

16 октября, суббота.

Почти вся смена сорвалась в город и бродили часов до 10 утра. В пол 12 ч. надо было идти на завод. Как всегда по старому приказу Карбота (поляка) мы должны были по-собачьи бежать вниз и строиться. Кто не успел уложиться в 1 минуту, снова всех заставляли взбираться на второй этаж и бежать. Сегодня он особенно злой за то, что удирали в город и издевался так, что многие уже не мог-

ли бежать совсем, им же и попадало от него. Это просто издевательство явное, ему самому это интересно. Этот человек дошел до настоящего зверя. Обедали шпинатом. Мне удалось купить у одного токаря 1 кг хлеба за 8 марок, но правда хлеб не немецкий, хороший, а с какой-то примесью. Поэтому я сегодня чувствую веселей в желудке. Соли поел с к[ило]г. Почему-то все стали помногу употреблять соли, хорошо что соли у этих идиотов полно везде. Хотя говорят, что ее употреблять очень вредно.

17 октября, воскресенье.

Сегодня день особенно скучный, так как свободен, но я не знаю чем заняться. В город идти опасно, да и напрасно, ничего я там не достану. Сидел на кровати и сочинял песенку на тему «Кирпичики». Вскоре стали строиться, пришлось сбежать два раза, потому что больной не успел встать разом. После обеда шли в город, где встретили своего земляка, но только не Иванцова, которого что-то сегодня не было видно. С земляком ходили в парк, далеко от лагеря к центру Лейпцига. Разговор о настоящей и прошедшей жизни, но никто ничего не сказал о будущей. Я спросил у него совет насчет побега, но он мне не посоветовал, хотя я ему все-таки не поверил — о невозможности. Подошли к иностранному ресторану... Я пришел в барак, но так как я опоздал, то мне дали штраф и я с 4 человеками мыл уборную и коридор часа 2.

18 октября, понедельник.

Перед обедом, как обычно, поляк издевался. В пол 4 ч. пошли на 2-ю смену. Во время перерыва в пол 10 часа воровали картошку на заводе*.

Пока ничего особенно не известно. Хотя читаем иногда немецкие газеты, откуда узнали, что бои на Кубани и на среднем течении Днепра и у Великих Лук. Все время ждешь чего-то нового, но его все нет. Хотя бы чего-либо, или большой бомбежки или прорыва фронта, ничего нет. Неужели рабы навсегда, чтобы подвергаться таким издевательствам со стороны немцев, и особенно поляков? Во что бы то ни стало надо удирать из пекла, пока еще есть силы бороться со смертью. С «Комиссаром» я уже не договариваюсь, не таким я его считал, как он есть. Он слишком легкомыслен и не совсем решителен. Но все-таки он лучший из всех, которых я здесь уже узнал.

19 октября, вторник.

Утром, получив паек, стали кушать, как вдруг крики поляка. Он всех разогнал каждого шлангом, мне удостоилось получить

* Далее текст надорван, и три строчки уничтожены.

только раз, когда опомнились, то узнали, что их били за то, что нагрязнили в уборной. Начал он с нами занятия издевательства, делал разные процедуры. Выносили мусор на одеялке, все держались за одно одеялко 90 человек. Потом погнал всех на землю, ставил на одну ногу, вертел над головой шлангом, иногда и пускал в ход. Я ухитрился не исполнять его приказаний и мне это удавалось, так как он не замечал. Таким образом к обеду занятие кончилось. Ели сильно соленую колирабию. После обеда снова 3 раза сбегали с этажа на этаж. Придя в завод после переключки, я решил незаметно сбегать в парек, но так как в нем было много немок, то я не дождался. Возвратившись в завод, он был заперт. Вдруг наварлся переговорщик, бил по лицу два раза, по носу, потом по уху и по шее. Я вырвался и бежал, пряча кровь, которая ручьями бежала из носа. Придя в завод, переговорщик сказал Карботу, этот в свою очередь так ударил, что я одумался через пол часа. Кроме этого я был оштрафован на кухне.

20 октября, среда.

Однообразная прегорькая жизнь. В 6 ч. утра уходят на работу токари. Только и слышишь: ругань, брань поляков, словно человек из 20 гонящих бесчисленное множество свиней. Встаешь в начале 8 ч. Купив горбуз за 30 пф., принялся варить, как пришел хозяин завода, который сильно ругался с Азом. В обед пошли в завод, сегодня пришлось сбегать только раз, это небывалый случай. По дороге заставили нас нести несколько ящиков шпинату и кочанья. По ходу обглаживали кочановые листки. После обеда мыли пол в бараке, окна, шкафы под визг поляка, который входил как обычно в полосатом костюме и со шлангом. На ужин давали картошку, поэтому хлеба не дали, как обычно в присутствии картошки — хлеб отсутствует. В 8 ч. вечера сирена нас всех согнала в предподвал, т.к. в подвале капуста. Слушали большие, далекие взрывы. Бомбили город за несколько км. Всем нам было приятно, за это время длинным заостренным шестом доставали из решетки подвала кочанья. Через 2 ч. стало тихо. Но работать — не работали, через час пошли в барак. На восточной стороне было большущее зарево, это горела сторона города. Придя в барак лег спать. В голове кружились отравляющие мысли. Сам себя проклинал за свою судьбу, что я не приспособлен к жизни, с тоской на сердце уснул. Видел такие же туманные и безжизненные сны, как и сама жизнь.

21 октября, четверг.

Все по-старому, новостей нет. Говорят, что хозяин завода ругался с Азом, потому что ему самому страшно наше угнетение, тем более об этом он прекрасно знал. Поэтому Азо был сегодня

свиреп, однако резких мер еще что-то не слышно. Около железной дороги грузят какие-то большие военные сани — это признак о далекой зимней войне. Все скучное, непонятное, туманное — то и дело ждешь какого-либо переворота. Ребята ходят по улицам, собирают бычки и просят жрать. Свои товарищи мне становятся противные. Я всегда нахожусь от них в стороне. Жутко и печально на сердце. Я ругаю себя, что я такой сонный, не энергичный. Клянусь свое поведение и свой характер. За это время как будто бы я заболел ленивой болезнью. За день от меня не услышишь ни одного слова. Да и слова мои были несвязны и неуклюжи. Все для меня холодно и неупросимы. Жить становятся невыносимо, но умирать без всякого всего не хотелось. Нет. Выжду момент и умру с треском.

22 октября, пятница.

Погода хорошая. Желтые листья гонятся ветром по улице. Это явление еще больше наводит печаль. Я чувствую себя беспомощным, впавшим в спячку. Если в начале был большим затейщиком доброго любого дела, то сейчас я потерял вес и авторитет. Все товарищи пристраивались, спасали свои жизни, они либо просили, либо воровали. Я же чувствовал себя одиноким, обвиняя себя в сентиментальности. Да воспитан я так, что не могу воровать и унижаться! Сегодня я узнал, что в среду бомбили не Лейпциг, а какой-то другой город. В Лейпциге сбросили несколько бомб, разбили вроде 3 фабрики и много домов. Говорят, что Лейпциг не трогают, потому что здесь много английско-французских пленных. После обеда (шпината) давали «зарплату» по 1 м. 75 пф. Мне денег не дали, так как оштрафовали за то, что уходил в город из завода и дали только 10 сигарет, которые отдал поляку за хлеб.

23 октября, суббота.

К 12 ч. пришли на работу. Поработав, обедали, после чего токаря и автогенщики ушли на работу. Мы работали до 6 ч., после ужина до 12 ч. ночи — итого получился 12-часовой рабочий день. Поляк делал чемодан для переговорщика (Азо), который должен был ехать в отпуск во Львов. Из бюро и канцелярии унесли все пишущие машины в подвал. Нам тоже сказали, что в случае бомбежки побежим в лагерь. Но бомбежки не было, хотя мы и ждали как бога. Когда шли домой в 12 ч. ночи, то все небо было в прожекторах, они ловили какие-то два самолета. Наверное, учеба.

Придя в лагерь, началось кухарничество и гам, поразбуживали токарей и электросварщиков. Они ругаются со слесарями, пошла катавасия. Поляка не было, так как он нас закрыл на замок и ушел с Азом. Трудно придумать подобную картину, что творилось вчера в лагере, ужасу нет подобия.

24 октября, воскресенье.

Часов в 10 утра к воротам приходил Иванцов Петр и обещался нам прийти после обеда и съездить в зоопарк. Там же есть и бардак, где я могу загнать свое женское пальто. После обеда долго ждали его, но напрасно. Он смущался нашей одежды и русской неповоротливости. Тем более, что мы носили большущие осты¹, которые трудно маскировались. Пришлось встретиться с одним пожилым человеком (казавшимся на вид). Он говорил много насчет политики и войны. Он же сказал, что есть в Германии добрые люди, которые заботятся о нас. Мы сказали ему, что пусть хотя кто приедет в лагерь и т.д. Разговаривали с 2-мя женщинами, одна из них дала 10 марок и сказала разделить на 5 человек, называла нас зятьями. Вскоре пришли еще 2 русские девушки. Много разговаривали, когда расходились, то одна из них мне дала 1 марку. Я не брал, но она заставила. Чуткость своего народа радовала меня.

25 октября, понедельник.

Чайный котел в лагере эксплуатировался целые сутки, приносили кто что, и капусту, и картошку, и бураки, и брюкву, и редьки. Пару некуда девать. После обеда разгружали картошку, мне удалось тоже слямзить несколько штук. Одного из слесарей полицией поймал в городе, в то время ему (русскому) немка давала кусок хлеба. Хлеб был забран. Немку оштрафовали. Полицией привел его в завод. По этому случаю устроили нам целый митинг. Ночью я сварил картошку. В этот день была замечена нами полячка в краже маргарина и других продуктов. Поэтому мы все как один подняли бучу против полячки. Поэтому разрешили переместить с кухни четырех человек русских, как ненадежных ребят и назначили новую четверку, куда я попал. Наша забастовка не прошла даром. Карбот начал жестоко расправляться с зачинщиками. Мне пришлось получить фонарь под левый глаз.

26 октября, вторник.

Сегодня я должен встать в начале 6-го часа. Утром вынесли золу, растопили, 3 бака вымыли, ходили за картошкой, но нас близко не допустили, боясь, что мы уворуем. Когда принесли картошку и шпинат, то двое пошли на кухню, а мы остались чистить картошку, с нами чистили, как обычно, больные — Стрельский и Гай. Погода была холодная, пасмурная. Я весь передрог. В обед давали суп-капусту. Время шло веселей обычного, много разговаривали о том, что ведь мы чистим не на себя, а на немецкую тварь. Говорили о том, что начинается болезнь у многих из нас,

¹ Имеются в виду нагрудные нашивки «OST».

двое уже вот-вот умрут. Говорили о родине. Страшно подумать, что если семьи эвакуируют. Поляка еще хуже стала обращаться с нами после вчерашнего. Она еще лучше взяла свою власть и не доверяла даже близко подходить к картошке или редьке. Мы, работники кухни, ничего кроме пайка не получили. Мы было пытались попросить (хотя я предлагал не просить), но поляк, вытаращивши глаза, грозил и кричал на чем свет стоит.

27 октября, среда.

Холод приближался. Я одел старую фуфайку и перебрал шпинат к завтрашнему дню. Хотя и можно было купить бураков, но я не покупал, зная что, это напрасный труд, так как поляк при входе в барак все отнимает. Боясь нас, так как Азо уехал, он пригласил какого-то хромого поляка, и с ним он смело расправлялся с нами. Ночью, когда пришла вторая смена, оба поляка всех подняли на ноги за то, что на столе были очистки и бил кого попало, одного здорово избил. Козлову снова не повезло. Ребята поговаривали об общем побеге из лагеря. Говорили о том, что вчера удрали Куликов и Масленников. Мастера о них уже спрашивали, но поляк еще точно не знает о их побеге. Я тоже был за то, чтобы совершить общий побег. Хотя и большую часть поймают, зато единицам будет легче удрать.

28 октября, четверг.

Работать на кухне мне не хотелось, т.к. есть почти не давали. О фронте мало что известно, тем более, что не с кем поделиться. По немецким газетам можно судить, что немцы отступают от Москвы. Настроение немцев заметно понижается. В обед давали очень жидкий шпинат, поэтому ели без ложек, вернее пили. Поляки на это сказали, что вы всю картошку поворовали, поэтому не хватило, хотя картошки в подвале очень много. На наш протест мастер-немец начал вести расправу, ее подхватил поляк. Я незаметно двинул миску так, что попала поляку по мизинцу левой руки, долго вели следствие, но кроме Моцко и Гая никто не знал. Вечером в бараке за тремя столами человек 10-15 ели брюкву и разговаривали о том, какую власть берут над нами поляки и предлагали ребятам незаметно притиснуть Карбота, а труп справить в уборную. Было решено, хотя неуверенность во многих была заметна.

29 октября, пятница.

«Осенняя пора, очей очарованье», часто я читаю Пушкина, это стихотворение. Книгу я берегу, она меня иногда выручает. Свою тоску часто разбиваешь слухами, которые почти всегда бывают ложны. Все стараются фильтровать. «Если бы то, да если

бы другое». Воспоминание о России. А между тем сплоченность отсутствует. Есть такие, какие могут за миску супа продать человека.

Вечером в бараке многих не хватило. Поляк позакрывал все ходы и ждал их. Я поднимал ребят на бунт, но мало кто мне сочувствовал, все боялись, что повесят. Потом поляк ушел спать. Мы пошли, разломали раму в окне и впустили беглецов. Услышав стук, поляк, прибежав, сделал «сбюрку»¹. Я знал о том, что он сегодня один и предлагал прежнее свое мнение, тем более, что у него в одной руке был шланг.

Некоторые пытались на него наброситься, но он высвободился и убежал. Оттуда прибежал с ножом в руках и привел соседа немца. Двоим очень попало, мне немного.

30 октября, суббота.

Хотя первая смена сегодня работает до 1 часа, но на кухне придется до 3 часов. Ходили за бураками. Работая на кухне, мне еще лучше пришлось увидеть лица этих ненавистных поляков. Отдельные русские тоже были настоящие идиотики. Они ради своего существования готовы продать человека. Один белорус могилевский за то, что ему улыбнется облизать котел, предал своего же белоруса Вавилова, которому попало по заслугам от поляка. Вечером он первой смене не давал ничего варить, требуя за это сигареты, хотя ему дали 3 штуки, но его это не устраивало. Гам стоит на весь барак, кто жалуется на то, что сперли бурак, кто ругается, очисток на столах целых вагон, в саду, в спальне ноют больные, внизу у котла едят и спорят. Ну и жизнь, трудно представить тому, кто умер раньше меня.

31 октября, воскресенье.

Так как полька забыла ключи от кухни, то работать приступили сегодня поздно. Хотя звонок в 12 ч. прозвенел на обед, но он еще не был готов и без 20 минут 1 ч. обед сварился, хотя не совсем. Сегодня давали чуть картошки и подливку. В подливе было множество червей, ростом более двух сантиметров. Об этом доложили хозяину, который сказал, чтобы ее процедили через кухонное решето. Все выражали свое недовольство. Вечером приехала старая немка-кухарка. Все были рады ее приезду, т.к. при польке не было порядка, она сама все тащила из кухни, и сброд поляков наживался от нее. Идя в лагерь видел Иванцова, который искал ту девушку, которая в воскресенье давала ему книгу «Анна Каренина». Вечером с Гуртовцом ходил в соседний лагерь,

¹ «Сбюрка» — от «zbiorka» — слово польской команды на построение, что соответствует немецкому «Aufreten!», или русскому «Стройся!».

там играла гармошка. Войдя, увидел танцующих девушек. Танцевали вальс. Сердце мое сжалось. Кругом были стулья, на одной половине были полки и столы. Это помещение давало знать, что живет здесь много нашего брата. Посреди играл гармонист. Рядом — маленький барабан на стуле и большой с тарелками, по которым кое-когда бил один угрюмый парень. После вальса он запел песню о Москве и еще кое-какие о Сов. Союзе. В моих глазах открылся новый мир. Мне казалось, что это ангельская жизнь, я окунулся в новый мир, до чего же есть счастливы на земле! Я сыграл 2 танца — краковяк и ту степ.

1 ноября 1943 г., понедельник.

Дневник я свой начал прятать в другое место, в кровати, в головах, где затрешина. Туда я его продеваю и он почти не заметен, даже если и снимешь матрац и не вступишься. Встав рано утром, узнал, что с кухни уже уволен, это меня огорчило. В 9 ч. ходили в баню. Там затеялась драка — «Комиссар» с немчуком. Хотя немчук был на вид плотнее, но «Комиссар» русской ухваткой и шутками, разговаривая на его же немецком языке дал чуть. Поляк, заметив это, засмеялся, а потом двинул «Комиссара» в строй. После бани узнали, что 12 ноября будут отправлять 26 человек. После обеда сшил сумочку и купил в нее бураков. Работал во 2 смену. Во второй смене работать как будто лучше, рабочих часов меньше. С 4–12 ч., зато в субботу 12 раб. час. Придя в барак, поляк выключил газ и запретил варить, хотя ему за это было собрано 30 сигарет. Как ни просили, он все равно газ не открыл.

2 ноября, вторник.

Сегодня поляк растерялся совсем. Он уже не в силах везде успеть, поэтому мы шли в завод вольно! Почти все разбредлись по городу за добычей, еще раньше один друг открутил газ, за что поляк его жестоко «карал». После обеда поляка уговорили дать газ за 2 сигареты (какой он дешевка). Не успели братья поварить бураки, как послышалась «сбюрка». Все бегали вниз, хватали бураки по ходу, кто чьи, потом снова бежали вверх и обратно. Хлеба дали сегодня совсем мало. Зато и работы нет никакой. Я уже третий день держу чей-то готовый треугольник и потихоньку кое-когда шурну, уже давно привел его в негодность. Но поляк и мастер настолько глупы, что не замечают, хотя иногда подходят с шиплером¹. Да и вообще они не нуждаются в нас как в рабочей силе, здесь одних только русских столько, что не

¹ Так в тексте.

¹ Шиплер — щуп, тоненькая пластина для проверки зазора.

знают куда их девать. Весь Лейпциг в лагерях, особенно по окраинам города. Стрельскому пришло письмо, что родные эвакуировались в Ригу, надо полагать родители такие же идиоты, как и сын. С Савченко я немного дружу, но он все-таки во мне не очень уверен насчет 50 марок. Он говорит, что по предположению Стрельского или я взял, или Козлов, на меня центр тяжести больше, я отвергал оба предположения, но Савченко мне нравится.

3-4 ноября [19]43 г.

Ленюсь писать дневник. Уже три дня не берусь за перо. Идут слухи, что 12 числа будут отправлять 20 слесарей и 6 человек электросварщиков. Все рады такому случаю. Хотя бы скорей вылезти из этого пекла. Ночью, за верстаком то и дело вспоминаешь о России, о предстоящем празднике 7 ноября. Я помню [19]40 год, когда я учился в Орле, в зале всю ночь рисовал Жорка плакаты. Настроение ужасное и погода такая же ужасная, бесконечный холодный ветер. Я в своей фуфайке замерзаю. В России при таком ветре я ходил бы в одной рубашке, вот что значит питание. От брюквы, сырых бураков и капусты болит живот. Осталось два дня до праздника, по всему бараку идут общие разговоры. Идет подготовка лишь в том, что поем советские песни и этим пугаем проходивших мимо барака немцев. Иногда вбегает Карбот и прерывает большим лязгом. В город не пускает, так как боится побегов, тем более, что двое убегали еще 3 дня тому назад, поляк говорит, что их за Лейпцигом поймали. Кто их знает. Все одно к одному сгущает, в голове и сердце целый хаос. Становится невыносимо жутко. Кормить стали день со днем хуже, уже отвыкли говорить «есть хочется», потому что не чувствуешь, а просто сосет живот и чувствуешь усталость, эта усталость словно барометр определяет содержимое в животе. О пощечинах и подзатыльниках я уже не упоминаю, потому что их стало так густо, что как будто бы привыкли. Сердце от злобы закаменело.

5-6 ноября, суббота.

Двоих поймали на станции с картошкой. Их свели в полицию, поляка вызвали туда же. Придя из лагеря, он кричал. У этих двух друзей лица были опухшие. Поляк объявил, что все оштрафованы на 15 дней не выходить из лагеря. После обеда давали «зарплату» по 1 м. 75 пф., а курящим — по 15 сигарет и 85 пф. Поляк сразу переменялся и стал ласков, надеясь получить сигареты. С целью смягчить его дурной пыл собрали ему 30 сигарет. Я отдал 20 сигарет другому поляку за 1 1/2 кг хлеба. Сегодня в субботу мы должны работать с 12 ч. по 12 ч. ночи. Первую же смену поляк так и не пустил в город, забыв о сигаретах. Праздник не выходит из голо-

вы. Такой порой семья*, если она жива будет на торжественном заседании, а что я послушаю или скажу никто меня не слушает. До чего же неприятно на душе, что я стал беспомощным, безнравственным, молчаливым. Я изменился во всем. Что если я пробуду еще столько, что из меня выработается совершенно новый кристалл. Какая-то лень опутала меня. Было время, я чувствовал себя гигантом, сейчас же я опустился наравне с Храмцовым. Я передумывал все, что есть на свете, в одних случаях я себя понимал, в других нет. Ум сделался неповоротлив, я чувствую рассеянность и глупость, я иду от прогресса к регрессу (позади). От коросты ужасно чешется тело. Страшно становится от мысли о глубокой коросте.

7 ноября 1943 г., воскресенье.

Да здравствует Россия! Смерть фашистам и полякам! Проснулся рано и долго лежал на койке. Погода мглистая. С самого утра в бараке было тихо, кое-где поговаривали между собой, а больше молча лежали и каждый думал о чем-то, но о чем догадаться не трудно... После «сбюрки» пошли на обед. Идя, иногда тихо запевали советские песни, но все равно чувствовалось мертво. Словно и не праздник, никто не мог радоваться, все впали в уныние. Но что же делать? Никто не мог ответить. И я думаю, ни один бы гений будучи вот сейчас на моем или на ряде ребят месте не ответил бы. Все надежды рухнули. Остается только сдаться судьбе, хотя еще все-таки держишься. Поев несоленой капусты, вернулись в лагерь под замок. Печаль перегрызла жилы. Долго царило молчание, только слышно как коростливые белорусы дерут свое тело. Ужас царит во всем моем существе. Я несколько раз принимался писать, но ничего не клеится, начинал читать, тоже не идет. Я пошел к Голушко Петру. С ним я решил поделиться, он все-таки парень неглупый, и мы решили отделаться от мыслей песней. Первая была песня «Утро красит нежным светом...». Нас подхватил весь барак, гаркнули все 90 голосов. Третью же песню пел я и еще полторы калек. Снова все замерли. Многие храпели. Уже начинало темнеть. Можно ли еще другому человеку, живущему в самых тяжелых условиях, но в другой части света, представить вот настоящее мое душевное состояние. Нет еще в мире такой трагедии, которая могла бы быть сравнима. Что значит убить человека всесторонне, т.е. морально, материально, физически, жалить его в самое ядро сердца.

8-9 ноября [19]43 г.

Лагерь по-прежнему на замке. Праздник сильно запечатлевается. Думаешь о доме, где-нибудь чьи-либо родные похмеляются и вместе с тем плачут о детях и отцах. Погода немного лучше. К 12 ч.

* Так в тексте.

стало совсем светло. Работал снова во вторую смену. Сегодня делаем несколько дел сразу и ничего не делается. Кое-что лишь отточить, либо треугольник, либо ключ. Я снова верчу молоток, изящно сделанный, и прорезаю в нем дырку больше требуемой. Все равно поляк ни черта не смыслит, а мастер в последнее время к нам и не заходит. Поляк как бешеный преследует за всякую мелочь. Хотя главного он не замечает, что значит лях. Сегодня во время работы поляк сказал на Васильева и Кругликова, что их будут сжигать, потому что у них неизлечимая короста, они заукали. Особенно много ругался на Шмавганца, у него даже лицо все в глубоких язвах, а ноги так попрогнивали, что большущие дыры, а из них сочится чернота. Это ужасная болезнь, что если же я дойду до такого состояния и так сам буду вонять, как вот эти существа?

10 ноября [19]43 г., среда.

Отправляют 6 человек из электросварки на другой завод, но в нашем городе Лейпциге. Уже с утра они пришли за вещами. Трудно было их понять, то ли были довольны, то ли нет. Спецовку у них забрали. К обеду они уехали, с ними уехал их мастер-поляк. Чувствовалась какая-то досада.

Ребята узнали, что бураки и брюкву теперь уже нельзя достать, потому что и на них наложили карточки. Все сделано так, что русскому надо погибнуть. На сердце большущее горе. Недалеко поджидает голодная смерть. Дневник почему-то писать ленюсь. Достал книгу «Петр I»¹ и стал читать, пока не послышалась «сбюрка». Мимоходом мы оторвались в один отдаленный магазин. Я и еще двое, в магазине стояли ящики с яблоками, мои собеседники таскали незаметно яблоки и понабивали целые карманы. Я не взял ни одного, а наоборот передрожал за них. Все обошлось благополучно, мне они ни одного не дали. Я завидовал им. Ведь они могут выжить. А ведь я уже так ослаб, что часто кружится в голове, особенно когда всхожу на второй этаж. Что будет дальше и какой выход из положения — не знаю. Один в поле не воин. (Пока что надо воровать, а может и больше.) Но не могу.

11 ноября, четверг.

Шел дождь весь день. Сидели в лагере взаперти. Идут слухи, что было совещание воинствующих государств, на котором заставляли Германию сдать оккупированные страны. Всякая малейшая новость заставляет радоваться, тем более такая. От нее все в восторге. Ведь если бы мы вернулись в Россию, ведь о наших му-

¹ По всей видимости, имеется в виду трилогия А.Толстого «Петр Первый», первая и вторая части которой выходили до войны (в 1929—1930 и в 1933—1934 годах).

чениях небось там уже знают. На нас бы смотрели как на чудолодей. Но без мести к палачам обойтись нельзя. В пол 4 часа пришли в завод, а в 4 ч. загудела сирена. Прибежали в лагерьный подвал, за время бега я так устал, что еле жив остался, кандалы мои стали мне не под силу. Минут через 10 тревога кончилась. Шли снова в завод, я изнемог, чувствуя, что не выживу, ноги мои подкашиваются, в голове стучит. До чего же я не хочу умирать голодной смертью, хотя бы укусить хорошо поляка. Вчера умер Гай, его куда-то отправили на машине. Неужели и я умру так?

12 ноября, пятница.

После обеда, как обычно по пятнацам, давали сигареты и деньги (15 сигарет и 85 пф.) Я загнал мастеру за 7 м. 50 пф. Придя в лагерь, продал давние 8 сигарет за полбуханки хлеба, так что сегодня чувствую себя лучше, притом Хотеев достал много колерабии и мне дал 3 штуки и приказал их покараулить.

Сегодня обтачивали ключи. Никто ничего не делал, а поляк не проверял и вообще он не интересовался нашей работой, лишь бы только не сидел. Во время ночного фрюштюка¹ ребята ворвались в тресовню и взломали бочку с капустой и половину бочки успели растаскать. Двоих так избил, что из завода они уже не пришли. Вернее не в состоянии идти.

Шли ночью. Ветер был сильный, а луна светила, и мне эта ночь напоминает о Гоголе.

13 ноября, суббота.

Бесконечный дождь. Лагерь до 3 ч. был на замке. Короста или чесотка охватила большую половину лагеря. Редко у кого нет ее. Шмавганец так ею изуродован, что не похож на человека, рядом с ним Кругликов и Васильев, а также и другие белорусы. Они так воняют, что к ихнему углу страшно подходить. Их отгораживают от умывальника, стола и прочих вещей. Васильев сегодня весь день бредит, очень больной. Придя в завод работали по-прежнему, ворота завода были закрыты, но ребята вылезли в пробоину за электросваркой. Один из них зашухарился, за что получил трепку от очкастого немца. Двенадцатичасовой рабочий день надоедает, спать ужасно хочется. Собирались в уборной и разговаривали. Я рассказал [о книге] Горького «Мои университеты». Но вот нас хватил Карбот и как воробьев разогнал.

14 ноября, воскресенье.

До обеда шел сильный дождь. После обеда метель. К лагерю приходил один земляк, который сказал, что по всем русским лаге-

¹ От нем. — Frühstück — завтрак.

рям паек сократили, так как часть Украины немцы уже сдали нашим, а своего хлеба у них не хватает и на полгода самим. Немцы уже пишут, что отбивают натиск противника на Дону, Волге и особенно в Сталинграде. Япония заключила мир с Китаем. Перед вечером встретил ту же украинку. Она была очень плохо одета, вернее легко, ей было холодно. Я сбегал в барак и выбросил в окно ей свое женское пальто, она была так рада, что не знала как меня благодарить и обещалась меня отблагодарить чем-либо. Я ничего с ней не хотел, потому что она живет не лучше. Пальто ей шло, как будто шито на нее. Кое кто из ребят догадались, что пальто мое, но я делал вид, что не мое. Придя в барак, я лег на койку и долго читал «Петра I». Ночью видел во сне Сталина, который сказал, что скоро кончится война, он был в красноармейской шинели и с ружьем в руке, когда я сказал, что и я пойду с тобой, то он мне запретил, а когда он ушел, то я переживал за то, что не ушел за ним.

15 ноября, понедельник.

После обеда нам сказали, что всех нас отправят в пятницу на другой завод и оставят лишь несколько человек. Многие говорили, что хорошо было бы остаться, потому что здесь надо 10–15 человек, жили бы на равных правах, как живут французы, бельгийцы и другие национальности. Но некоторые говорят, что пойдет прежняя петрушка. Я же решил на авось, а главное вместе со своими ребятами. Я так очерствел, что не могу понять, я перестал совсем разговаривать, только слушал, да в голове переваривал, но оно у меня не успевало перевариться, потому что одна мысль нагромождалась на другую. И вот опершись на тиски, я так задумался о своем характере спокойном, неумении воровать, лгать и прочем, что поляк подошел и два раза ударил меня по лицу. Я упал, «Комиссар» Володя помог мне подняться. Савченко принес воду и кровь остановили. Савченко тоже ударил за то, что не работает, а помогает мне. От злобы я сжал зубы так, что у меня из десен пошла кровь, но мне было безразлично.

16 ноября, вторник.

Сегодня особенно чувствую слабость. Кандалы мне показались настолько тяжелы, что я их тянул не поднимая ног. Если еще хороших пару ударов, то я уже не выживу. Вспоминаю Пушкина «На большой мне знать дороге умереть Господь сулил»¹. Когда я посмотрел в зеркало, то я так был непохож сам на себя, что удивительно стало. Белый как снег, голова клином, глаза дикие где-то далеко запрятаны, нос чудовищный сухой, зубы желтые, волос нет, лицо заросшее. На вид лет 45–50 мужчина, который за-

¹ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Дорожные жалобы» (1829). Правильно: «...умереть Господь судил».

мучен неволей. Вот как вырабатывают человека за какихнибудь 2 1/2 месяца. Эх! Мамочка родная, посмотрела бы ты на меня сейчас. До чего довели фашисты и их приспешники-исполнители звери-поляки. Сегодня нам сообщили кто уедет, а кто останется для уборки завода. Дрозд Анатолий и Голушко. Касьянов мог бы остаться, но не хочет расставаться с нами. Работая, часто группировались за верстаками и разговаривали, следя за немцем и поляком. Говорили, что нас отправят на смерть и прочее. Путаница моих мыслей сбивает меня с правильного понимания, голова кружится и я боюсь упасть, чувствую большую слабость.

17 ноября, среда.

Ввиду отъезда на другой завод из лагеря выход стал свободней, сегодня я купил спелого горбуза и стащил 2-е картошины из ящика. Но так как сварить не пришлось, то картошку я поел сырой. Сегодня особенно картошка показалась вкусной, даже белая вода — крахмал нисколько не противен. Зубы почему-то мои стали тонкие и длинные, мне показалось, что это я в бреду, что я теряю сознание. Нет, как-нибудь, а бороться за существование надо, решил что буду таким, как Бутроменко, два брата белоруса, Чепеленко и другие. Но ведь они же главного не понимают... Сегодня два раза бегал в иностранный ресторан, ел салат, все обошлось очень удачно. Новостей нет, по газетам трудно узнать. «Комиссар» сам не очень хорошо понимает писаное, а спросить не у кого. Правда, один из земляков говорил, что немцы начали крепко отступать, что им скоро несдобровать, так что еще немного терпения.

18 ноября, четверг.

Разбудили очень рано для дежурства 5 человек, я было упирался, но пришлось согласиться. Утром пришел Азо. Он уже приехал со Львова. Морда у него была как рыло свиное, от жира потерявшая форму. Он нам сказал, что завтра уедем и останется только человек 15, да тяжелобольные. После обеда мели и мыли столовую, спальню и окна, я достал 3 колирабии. В шесть часов шли домой с первой сменой, на завороте по главной улице видели как трамвай задавил немку. Придя во двор долго ждали поляка, пока откроет барак. Для памяти напишу, что мы жили на 2 этаже, в первом этаже был завод, где выделялись какие-то машинные части, поэтому от токарных станков все здание тряслось и мы, лежа на койках хорошо убаюкивались еще в начале сентября, но теперь так привыкли, что и не замечаем этой тряски.

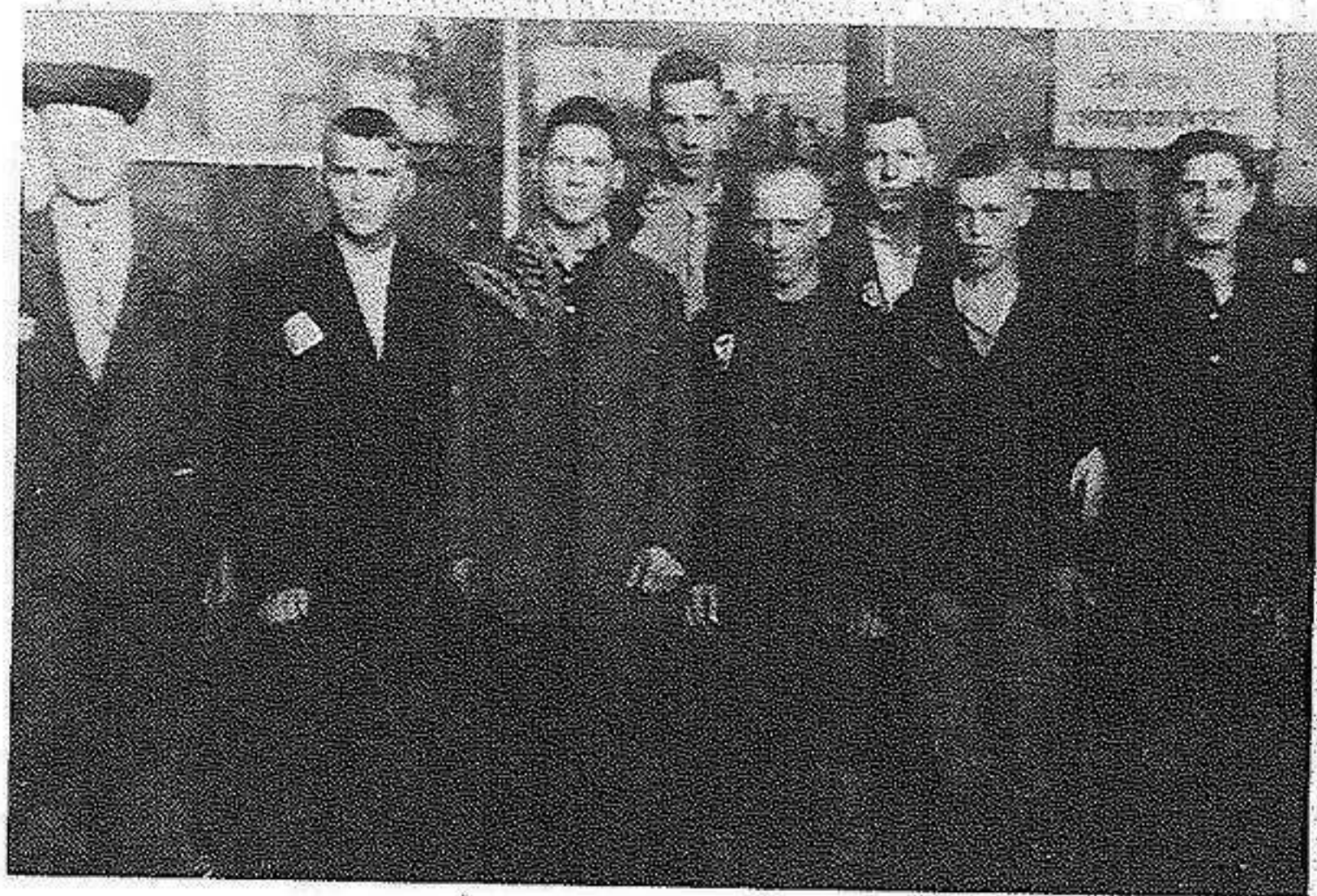
19 ноября, пятница.

Настал тот день, когда нам сказали приготовиться. Из стародубцев остается Дрозд, Голушко и Хотеев. В заводе поздавали все ка-

зенные вещи, только одни лишь кандалы закреплялись навечно. Дали всем по 1 м. 44 пф., отобрали аусвайсы. Потом шли в лагерь и производили уборку. После ждали особого распоряжения. Часа в 3 пришли два господина. Поляк сказал, что это будущие наши каты — комендант лагеря и переводчик. С ними мы шли км два. Сели в особый трамвай и прибыли на место назначения. Перед собой я увидел чудную картину. Вокруг не было ни города, ни построек, ни домов. Правда, уже было темно. Сквозь темноту виднелись голые бараки, напоминающие Белостоковские. Вокруг поле и только. Движение трамвая заставило поверить, что здесь есть люди. Впотымах мы подошли к ограде — большущей проволоке в несколько рядов, полицей с ружьем в руке пропустил нас, мне стало жутко, мне казалось, что я уже отсюда не ходок. Всех нас 76 человек ввели в длинный коридор барака, по обе стороны которого расположение комнат. По разговору определил, что здесь и русские и украинцы. Они на нас смотрели с презрением и бросали укор, что мол «еще все с котомками тягаться, вот поживете, так узнаете!...» Еще когда мы подходили к лагерю, то свист и топот напоминал чертей в аду, как я когда-то представлял от бабушкиных сказок, но теперь он еще усилился, словно стрелка реастата находилась на самом полюсе предела. При распределении мест мы, стародубцы, держались вместе. 12 мест не хватило, поэтому пришлось спать по двое на койке. Она представляла из себя матрац, из которого сыпались давно потерянные стружки, сама рогожа матраца была рваная и черная. Он лежал на 2-х дощечках, сквозь которые легко можно просунуться вместе с матрацем. Нам дали талоны на суп. Выйдя в коридор, я услышал сквозь гам плачь женщины, которая жаловалась на воровство у мужа брюк и еще что-то. По рассказам я узнал, что здесь очень воруют и лагерь этот называется штрафной, сюда ссылают всех провинившихся города Лейпцига. От города мы находимся в 4 км. В лагере находится около 3000 человек. Следуя за девушкой, я получил суп. Люди, как муравьи, бежали туда и обратно с мисками и то и дело кричали «держитесь правой стороны», ругаются самым жестоким матом. «Держитесь правой стороны е... м... — а то миску вылью на голову...» Все здешние люди были озверелые и вовсе не похожи на тех русских людей, которых я знал в России. Даже в Лейпциге нет таких людей, как в этом пекле-лагере. Семейных очень много, особенно Орловской области. Идя из кухни с супом, я весь измазался и еле вытаскивал кандалы из грязи. Грязь почти по колено. Придя снова в свой коридор я услышал крики: «Кто купит брюки, талоны, брюкву, пайку хлеба, бурак...» и пр. Настоящий базар. Хлеб здесь стоит 300 гр. (пайка) — 5–7 марок, у нас же он стоил 1 р. 50 к. — 2 р!. Среди этих заключенных

фронт. промывленности разрушена и стоит на
70% рухнувшие люди все лопнули. Вывести
защитники. Карманных и их власти
на вводе правды. Квартиры фронта ра-
сходы денег, что на всем фронте и по-
чуждые оборонительные дома, сгради-
тель, чему все слышно, от него все
перманентно армией оборонитель, если
правдой армии почти не существует и
она разбита, а рухнувшие люди не лопнули
защитники советского власти //

Н.Г.Саенко.

В.Баранов перед войной.
Ученик Орловского
музучилища. 14.3.1941.
(Семейный архив)

1 ЯНВАРЯ 1944 год

[illegible]

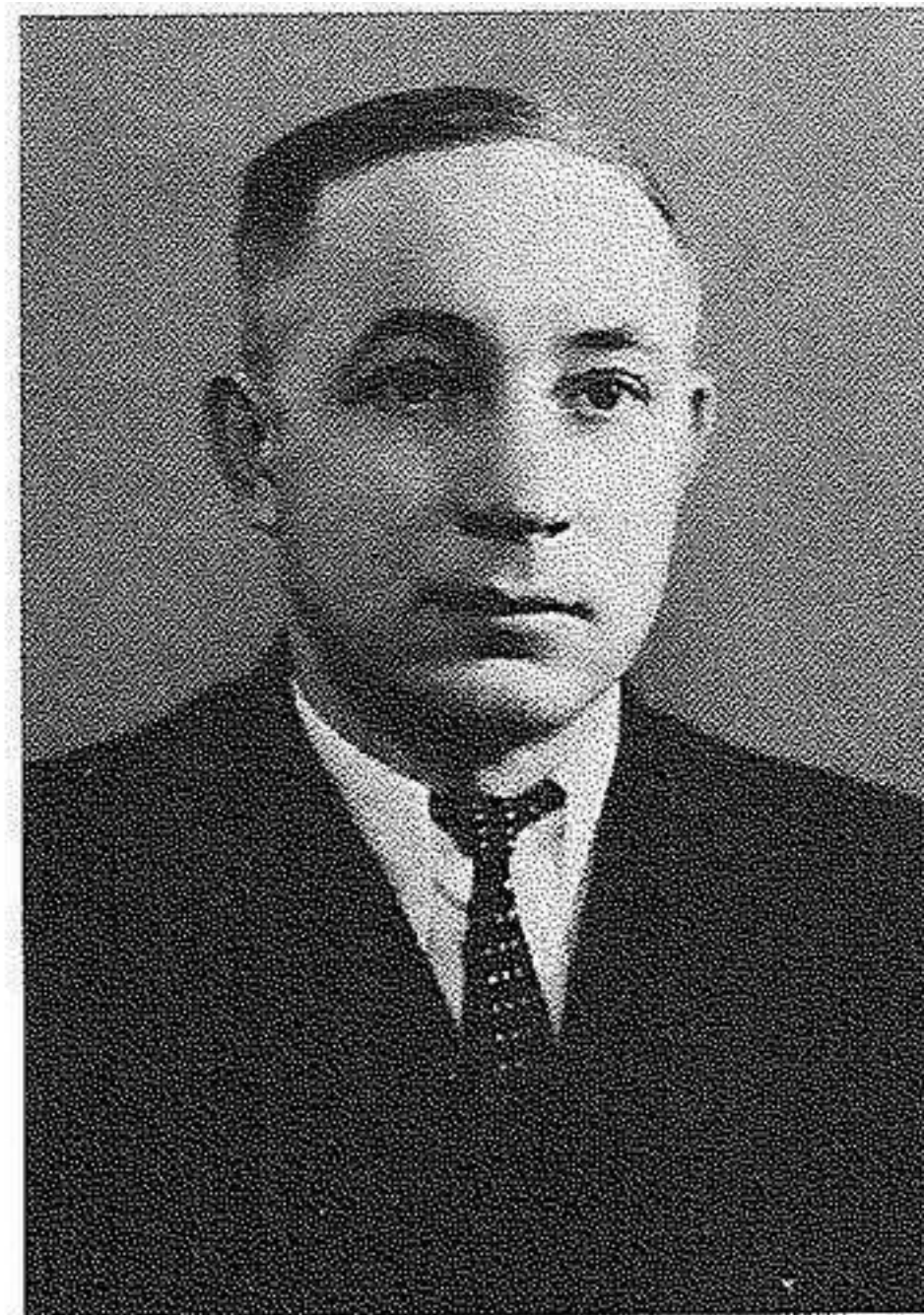
2 энв. воскр | Гаса в 3 ночи была
тревога, налетело овец много самца
длинно бить, зенитки, от которых здох-
ли бараны. Бегают по сервису, стух
канализов. В Баско издают овец и
лег на ков. Запасной сел. Гас

В.М.Баранов.

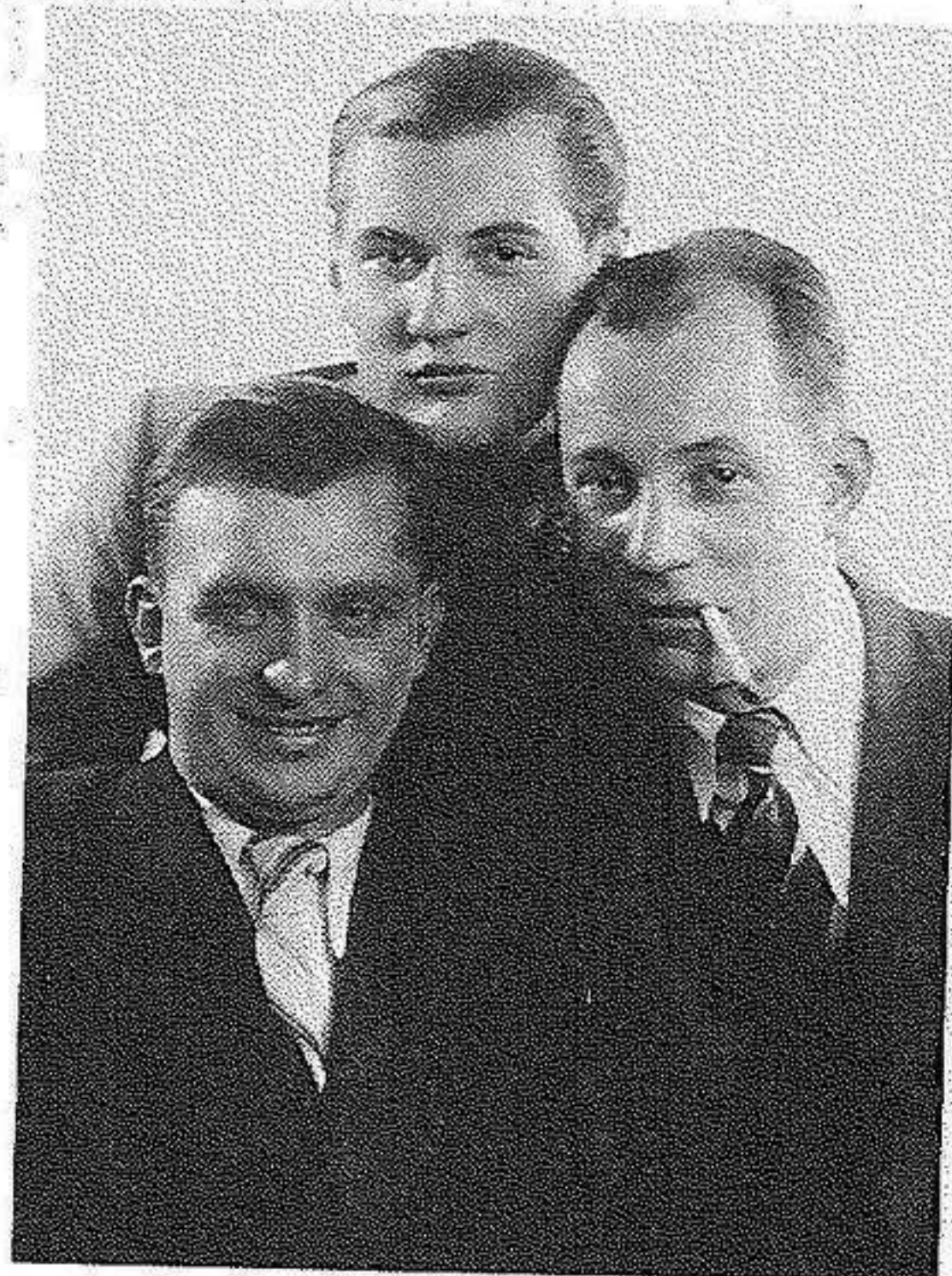
Страница дневника. (Собрание П.М.Поляна)

И.Х.Маракасов.
Фотография 1935 г.
(Семейный архив)

И.Х.Маракасов.
После войны.
(Семейный архив)

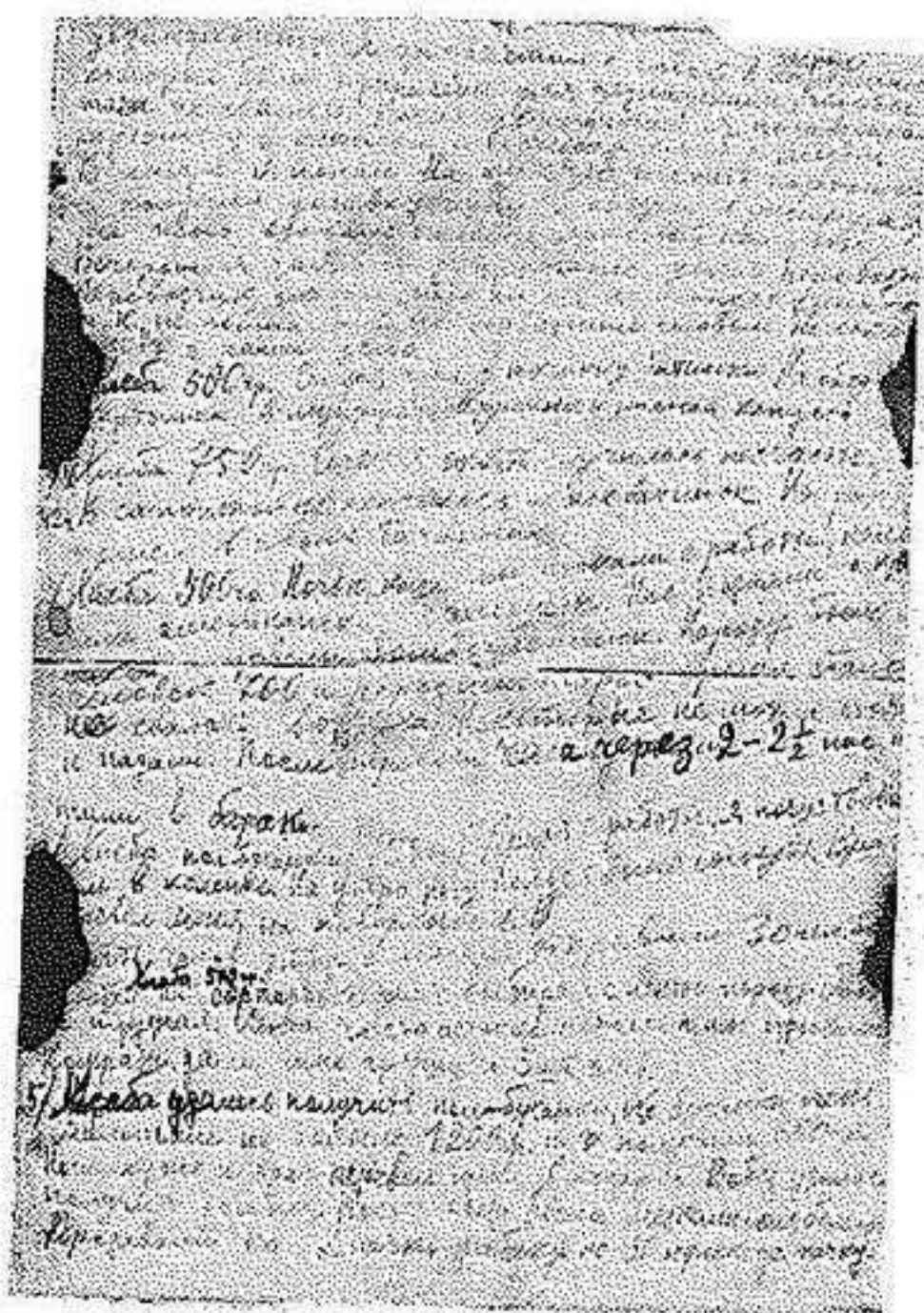
И.Х.Маракасов.
Фотография 1939 г.
с друзьями-моряками.
(Семейный архив)

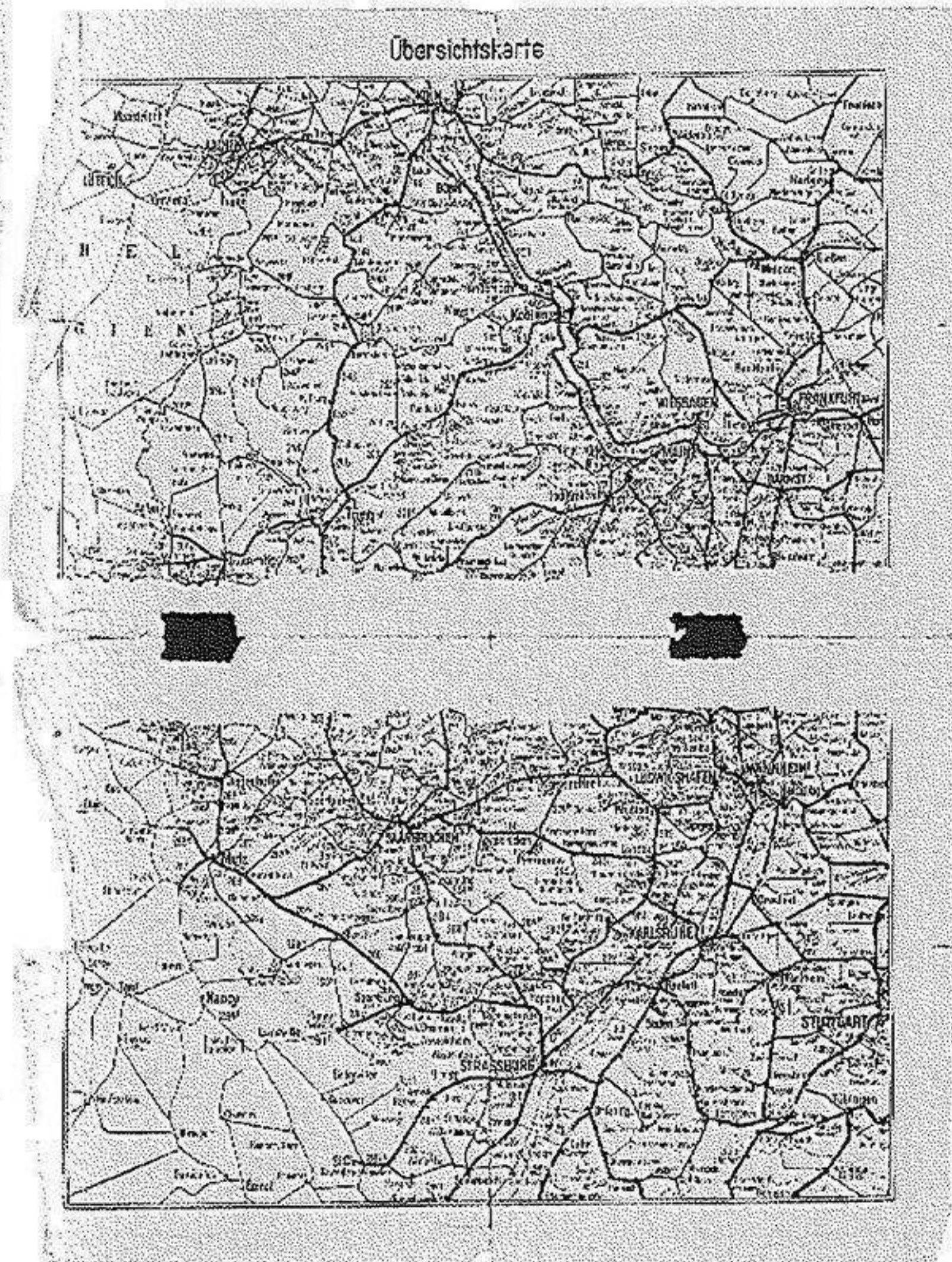
Б.А.Андреев.
С нашивкой «ОСТ».
(Семейный архив)

Б.А.Андреев.
В группе рабочих леспромпхоза в Пермской обл.
После 1945 г. (Семейный архив)

Б.А.Андреев.
Страница дневника.
(Семейный архив)

Б.А.Андреев.
Немецкая обзорная карта района работ. (Семейный архив)

SOTAVANKIKORTTI.

1. Sukunimi ja etunimi *Galibin, Anatolij Tormoovitsh*
 2. Syntymäaika ja -paikka *1913.12.6. Mäntsälä A.S.S.R. Järvenkylä*
 3. Vanhempien nimet, äidin tyttönimi *Äiti/Tatjana Tormova/isä Kuuskoski*
 4. Kenelle ja mihin ilmoitettava vapautumista k. m. s. *vanha / Kadastu Tormova
kerite kateen ylä-*
 5. Siviiliammatti *maatyömiehen*
 6. Kansallisuus *venäläinen*
 7. Tuntalevyn N:o
 8. Sotilasarvo *Sot.*
 9. Joukko-osasto (div. rykm. kompp.) *15. mustrin taiv. amp. D.K.B.D. rykm.*
 10. Vangittamisaika ja -paikka *5.9.41 45 km. Pärnäkriika*
 11. Vankilaantuloaika *25.9.41 Päämajan sotil.*
 12. Vanki lähetetty edelleen (milloin ja minne) *26.9.41 H. P. L. eem.*
- luovutettiin Saksaan
(5.13.41)*
- Jouko Koiranta, Sot. vintt.*
Käytetty (nimi ja arvo)

Анатолий Галибин.

Личная карточка советского военнопленного в финском плену.
(Военный архив Финляндии, Хельсинки)

страшных людей нашелся картушинский. Он был очень холоден к тому, что нашел земляков, а ведь это был самый близкий земляк 12–13 км. Он здесь живет уже 3 месяца, до этого он был в г. Рейзбурге, там их завод разбомбили и привезли сюда на время. На днях он уезжает с этого ада. Он сам проклинает этот лагерь. Я лег на полу, в голову подложив свой мешок. Стуки в коридоре от беготни людей тревожили меня. Трудно представить подобную жизнь в другом месте.

20 ноября, суббота.

Проснулся от шума в комнате и пронзительного свистка, который дается в 6 часов для подъема. Свисток — это тот же бывший наш «abstehen»¹. Всю ночь я спал плохо, почти не спал, потому что не на койке спал, а на холодном полу и вместо подушки мешок. Всю ночь бегали люди в уборную, стучая сильно кандалами. Этот стук не прекращался до 6 ч. Я сильно прозяб. Я не мог ни о чем думать. После подъема стук кандалов так усилился, что получается сотрясение барабанных перепонок. Бежали люди с мисками. Это, говорят, побежали за супом. Я тоже пошел по большущей грязи и получил гарбуза и потом и 300 гр. хлеба. Кормят так же, но только ужаса здесь уйма. Притом нельзя ничего здесь достать. Начало рассветать, людей строили в коридоре полиция, сильно кричали и куда-то погнали в строю. Жалкие существа. В 8 ч. утра пришли 2 полиция и позвали 10 человек. Грузили уголь. Сильно устал. После обеда воровали уголь и топили печку. Вечером снова вернулся вчерашний ужас, т.е. — стук, крик и прочее. Я вышел за супом, шел мелкий дождь, было уже темно. Около кухни стояла большая очередь за супом. Я стоял минут 10, сильно измок и озяб. Перед сном много кое-чего передумал. В комнате никакого оживления не было, все были полуживые, изредка только редкая ругня. Я снова улегся в сапогах и одевшись. Лежать было неудобно, притом такой стук в коридоре.

21 ноября, воскресенье.

Спал плохо, проснувшись среди ночи я долго ходил по комнате, так как свет горит всю ночь. Перед утром снова лег, но не спал. Бесконечные кошмарные мысли. Утром дали карточки на суп и хлеб, потом дали 8 углин-брикет. Топили и варили. Ругня, маты бесконечные. Никакой границы не было между женщинами и мужчинами. Как те, так и эти сыпали маты страшные, не стыдясь друг друга. Между девушками и ребятами нет никакой дружбы, ни простой, ни половой. Никто даже об этом и не говорил, да и нельзя говорить, ибо такая жизненная обстановка заставила атрофиро-

¹ По-видимому, вставать, просыпаться — от нем. «aufstehen».

вать все в человеке. Один выражался «жизнь заставит калачи с маслом есть». Старые ребята говорят, что этот лагерь — сброд всех жуликов, воров, а также никудышных людей. Перед вечером собирали сахарные бураки. Просили еще место переночевать, но так и не дали, пришлось третью ночь промерзнуть на холодном полу. Всю ночь лязгаешь зубами от холода.

22 ноября, понедельник.

После свистка пошел получать суп. Я обратил внимание, что все, как и я, здесь не умываются, а прямо с кровати за супом. И только некоторые ходят в умывальник. Девушки почти не умываются, хотя и живут здесь уже давно. Я было разговаривал с одной украинкой по этому вопросу, она сказала, что умывается в заводе. Самолеты с утра и до вечера гудят пронизывающим звуком. Ребята сказали, что рядом большущий завод называется «Эрла»¹, где делают самолеты-истребители, и вот их здесь аэродром и обкатывают, но так как новые моторы, то поэтому и такой резкий звук. Утром водили в бюро, получили контрольный номер и сказали носить на козырьке фуражки, 2 дырявых одеяла, ложку и миску. Ходили на кухню воровать брюкву, но напрасно. Везде полицаи, и на воротах и внутри. Проволока терзает душу, так и хочется поверить, что находишься в зверинце. Вместо человека превратился в сумасшедшего зверя. Некоторые старые ребята ночью ходят воровать брюкву, где-то через проволоку пролазят. Ночью была тревога, везде били зенитки, гоняли в бомбоубежище земляное, очень опасное. Дым струей валил вверх из каких-то ям, это дымовые завесы. Бомбежки не было.

23 ноября, вторник.

Четыре дня пребывания — и все время кормят брюквенным супом. Сегодня он не вареный, а только чуть подогрет, поэтому брюква красная и вонючая. Съев ее, меня бросило на рвоту, а потом и обморок, при помощи своих ребят пришел в чувство. Перед обедом повели в завод, на воротах надпись: «Эрла, машинен верк». Были в большущем здании, где перекличку робили и фотографировали, и распределяли по цехам. Я попал во второй цех, очень большущее сооружение. Меня приставили к одному чахоточному немцу мастеру, который сказал, что я приду сюда в 6 ч. вечера стоять в ночную смену. Немец это говорил через поляка, который здесь работал. Мне стало так жутко, вспомнив Карбота и Азо. Сам немец на меня смотрел с презрением, он надувал колеса и сносил их в одну кучу. Сегодня дали мне номер на шею 25795.

¹ Авиаагрегатный завод фирмы «Эрла», г. Лейпциг.

24 ноября, среда.

День гуляю. К кухне привезли два прицепа брюквы. Мы караулили полицаев и бегали к кухне, чтобы стащить. Бельгиец повар кричал и звал полица. Мне удалось стащить одну. Перед вечером был дан свисток для сбора, всех нас построили и строем погнали в завод, везде охрана, везде полицаи. Я шел с Дроздом, Володей и еще одним старым товарищем. Он кое-что рассказал о себе, как он попал в плен, его сбили с самолета, самолет разбился, а его обожгорелого, немцы взяли в плен. Мне указал мой 2-й цех, сказал что это самый большой сборочный цех. Я долго искал мастера и не нашел. Потом меня приставили к другому очкастому, рядом работал вчерашний поляк. Немец показал рукой на часы и сказал, что уже 5 минут седьмого, что я опаздал на 5 минут, за что меня надо бить по лицу (он примерил рукой, я косо глянул на него, ему это не понравилось), начал толкать в спину и показывать, что делать. Итак, я первый день за три месяца начал работать, точу плаху, и вижу увильнуть от работы нельзя. Работал до 6 ч. утра, всего 12 ч. раб. день, перерывы в 9 ч. — 15 минут, в 1 ч. дня — полчаса и все. Перед утром невыносимо хотелось спать. Усталость.

25 ноября, четверг.

В лагерь пригнали из завода в седьмом часу. Лагерь находился близко, метров 300. Между лагерем и заводом — бомбоубежища земляные. Рядом с русским лагерем на другой стороне — бельгийский лагерь, дальше — французский, а там бесконечное поле и только далеко виднелся Лейпциг. Получив суп-брюкву я уснул. Меня разбудил дружок, чтобы идти воровать брюкву. Я спер 2 маленьких, полицай сильно ударил 2 раза по щеке. Вечером пошли на завод, мастера не было, поляк дал оттачивать мне бляхи, а потом надувал котки¹, поляк все время подгонял, потом подсчитал котки, ругался, говоря, что он мне морду разобьет. Я ему сообщил, что мне жизнь не мила и в таком случае я его могу убить, он немного испугался меня. Он сказал, что скажет мастеру, что я не работаю, я же почти 2 часа сидел, пока не согнал меня какой-то немец. Поляк ему пожаловался. От немца получил по лицу, но поляк долго не подходил ко мне, боясь смерти.

26 ноября, пятница.

Сегодня первый раз я разделся и залез на самую верхотуру, койку, 3-й этаж. Матрац в ней просовывался и сыпалась тырса² через рогожу. Внизу парень то и дело ругался, что его засыпал.

¹ Котки — колеса.

² Тырса — здесь: опилки.

Заснул и спал очень хорошо как «дома» часов до 4. Некоторых наших ребят взяли работать в город на все время, но жить и кормиться будут в нашем лагере. Наш адрес:

Lagergemeinschaft (R¹) Iseiterer Blick, Leipzig № 24, Torgastrasse 310.

15 человек наших ребят выгнали совсем в другой город. Орловские перешли в 8 барак, мне тоже предложили. Хотя там так сыро и дико, что я не решался, зная их легкомыслие. Я решил этот вопрос продумать до завтра. Вечером началась тревога, нас погнали в бельгийское бомбоубежище. Дул сильный ветер, он пронизывал до костей. От прожекторов все небо было зажжено. Слышно где-то гудели самолеты, бомбежки не было. Посидев с 1 ч. [!] вернулись в лагерь. На работу не пошел. Что будет, хуже смерти ничего не бывает.

27 ноября. суббота.

По совету ребят я перешел в 8 барак, спал, пока не пришли ребята на завод (1 смена). Вставши, я пошел насчет промышленности, как разгружали брюкву и мне удалось стащить одну. За последнее время мне везет в воровстве. Я очень научился искусно воровать. Достал 3 доски из кровати, затопил печку, начал греть чай, вдруг повалил снег. Беру дневник и думаю заполнить пропущенное много дней, начиная с того еще завода. Снег перешел в дождь. Жутко становится при воспоминании светлых дней России. Ох! Проклятая Германия, где вечно туман, дождь, бесконечная сырость. После обеда в помойной яме выбирали редьку. Полицей гонял. Пришла с работы первая смена, подозрение падало на меня за недостачу одной пайки хлеба. Бутроменко напомнил о 50 марках, которые я утащил у Володи. Трудно переносить такую клевету. Брюквенный суп с прихода еще не менялся, он уже засел в печенках. Закусив редчиной² я лег спать. Перед сном с прицепа стащил пять картошин и сварил в печке.

28 ноября [19]43 г., воскресенье.

Воровство было для меня главной заботой. Чтобы то ни было, но надо стащить. Ибо смерть уже ходит по пятам. Во 2-й комнате умер вчера парень, Володькин земляк. Случай голодной смерти здесь уже не новости. Зато есть ребята, которые живут хорошо, но их из 3-х тысяч меньше десяти человек. Они как бандиты в ночное время ходят на промыслы. Хотя опасно, зато денежно. Я же не таков. Труднодоступные вещи я не могу их никак сбыть, хотя это вполне возможно. Сегодня ребята открыли парикмахерскую.

¹ R — по-видимому, обозначение русского.

² См. выше.

Я тоже подстригся. Стащил брюквину. Большинство ребят удирали в город через бельгийские бараки. Я не удирал, ибо я ничего не достану, так как я не способен, а попасться могу. Я удрал с лагеря и пошел на поле собирать бураки. Вдруг полицей заметил нас, нам пришлось сидеть до тех пор, пока не шли ребята штрафники с работы, в полутьме мы втроем пристроились так ловко, что сопливый полицей и не допер. Весь вечер и ночь сидели ребята у печки и варили бураки. Люди стали хорошими ворами, все были злые и отчаянные.

29, 30 ноября.

Эти два дня вчера и завчера¹ особых изменений мне в дневник не внесли. Завтра я уже иду на работу в дневную смену. Придя в завод, мастер косо посмотрел на меня. Он искал причины, чтобы избить меня, я-то догадался, поэтому надавал мне уйму работы. Я пилил, развинчивал и «обратно». Когда он обнаружил брак, где я неправильно соединил проводки и уже их отшлифовал, он закричал — саботаж, и ударил 2 раза по щекам. Бить он не умел. Он был очень труслив. Я же сказал, что не понимаю. Он подает другую работу и ворчит. Поляк смеется надо мной, я погрозил ему напильником. Шел в лагерь, было уже темно. Я вспомнил, что и утром пришел в завод, тоже было темно. В лагере снова и все варил бураки, ел от пуза. Часто вспоминали о школе в Лейпциге. На другой день всех 69 человек, да из Хемницы 30 ч. гоняли в баню, давали 1 таз воды на двоих, а барахло ждали часа 2, очень замерзли.

1 декабря [19]43 г., среда.

Погода очень паршивая, дует сильный ветер, часто идут дожди, бесконечная мокрота. Но как бы оно ни было, но прежняя ужасная печаль смягчается. Хотя ходишь, как сонный, или просто это не ты, особенно когда сильно истощаешь и кружится голова. Мастер мой, как я узнал, укоренелый фашист, его очки придают еще больше звериный вид. Ругает меня каждый день. Сегодня утром погнал меня руки мыть, так как я перед подъемом варил бураки, а умыться не успел, хотя я почти и не умываюсь, потому что на умывание не хватает мощи. И потом стал большущим неряхой. Кругликова мастер часто бьет за неряшливость и особенно, когда увидит вошь. Такими все стали некультурными, что она, некультурность, заметна во всех наших движениях. Немцы-идиоты на работу ездят на велосипедах или мотоциклах в костюмах. В заводе переодеваются в спецовку, с собой берут банку хлеба с маслом и колбасой.

¹ Позавчера.

* Так в тексте.

2 декабря, четверг.

Живешь в темном лесу, ничего не слышишь о фронте. Говорят, что немцы оставили Сталинград, Воронеж, Курск, Орел, Брянск, и уже немцы постепенно слабеют. Вчера приходил один старый товарищ с [19]18 года рождения, как наш Коля, служил в армии и попал в плен, и он очень умный парень. Он сказал, что скоро кончится война, то, что мы здесь переживаем пригодится в жизни, кто останется живым тот построит жизнь так, чтобы жить народу по-настоящему, а сейчас, дескать, мы проходим «большую жизненную школу». Скуку разбиваешь различными воспоминаниями, да фантазиями. Плохо, что книгу мою Пушкина утащили, поэтому читать нечего, а здесь наверняка ни у кого ничего нет. Я понял, что от скуки — песня первое средство спасения.

3 декабря, пятница.

Стрельского и еще двоих отправляют в г. Georgistadt¹. Я очень бы хотел вырваться отсюда. Работа такая надоедая, что не могу о ней и думать. Работаю 12 ч., бракоделить очень трудно. Мастер сильно ругает, иногда грозит, но бить особенно боится. Он говорит, что «русишь швайн и банда»². Он меня очень ругает за то, что я неповоротлив и не умею говорить по-немецки. Этот язык, как и люди противны, и учиться я не хочу.

Мастер сказал, что в воскресенье буду работать тоже, а в понедельник снова в ночную смену. Ночная смена очень тяжелая, так как хочется спать.

Сегодня вечером дали шпинату, только похуже, чем в школе. Здесь на дне миски остается ложки три земли. Бураков сегодня нет, поэтому очень голоден. Правда предыдущая неделя прошла хорошо, нет-нет да что и стащишь.

4 декабря [19]43 г., суббота.

В 4 часа утра я проснулся от крика и шума, который был создан тревогой. Начались выстрелы зениток, света не было, огни блискалки везде, как большие молнии. Люди бежали в окоп, полиция ругались впотымах. И вот затрещали бомбы, я начал искать кандалы, лазаю под койкой, вдруг что-то сильно загудело, затрещало и потолок комнаты проломился. Я так перепугался, что казалось сердце разорвется. Я выбежал без кандала в коридор, везде бегали люди, выскочил в задний коридор, наружу, я увидел, что пылал город. Бомбы рвались там, также гудели и самолеты. Ветер был очень холодный, я боялся, что придется бежать из

¹ Георгенштадт — по всей видимости, Иоханнгеоргенштадт — городок около Хемница.

² «Бандитами» немцы называют партизан.

барака с одной разутой ногой. В душе боролись два чувства — одно чувство — это страх, тем более, что сегодня у меня это первое, может быть, крещение, все-таки страшно умереть вот так, от бомбы, хотя, может быть, от бомбы моего друга, вернее бомбу эту бросал мой любимый человек (товарищ). Второе чувство — это чувство мести, самое устойчивое, самое благородное чувство. Мне хотелось, чтобы эти самолеты американские подняли бы в воздух всю Эрлу, Тоуху, весь тот крошечный завод, который ублаживал меня и всех нас в городе, чтобы как можно больше они попадали эти бомбы на людей столь ненавистных нам, которые так изувечили русское население и вот ради всего нашего народа, для его интереса я бы придавил бы первое чувство, патриотизм — это лучшее чувство. На завод пошли в 8 ч. Мастера опоздали минут на 15–20. Некоторые совсем не пришли, наверняка бомбежка накрыла, трамваи не ходили. Немцы вели траурные переговоры (учитывая мимику лица). Французы пришли в одеялах, забыв о своих прическах и манерах. Они были так жалки, что мне очень их стало самому жалко. Два большущих французских лагеря в городе совсем сгорели и они выскочили в одном белье. Работали до обеда, кишки играли марш. Вечером снова тревога, всех сгоняли в бомбоубежище, бежали с чемоданами, я тоже, но бомбежки не было. Сильно замерз.

5 декабря, воскресенье.

Утром объявили, что 2-му цеху идти на работу, выкликали все номера и мой тоже 25795. Работали до обеда. В бельгийский лагерь пришла немка, которая работает в нашем заводе. Ее дом сгорел в городе во время бомбежки. Она осталась в одном белье. Вечером супа не дали, а чуточку подслащенного кофиа. Кормят совсем плохо. Вечером собирали брюквенные очистки и варили. Такие они вонючие, что никак их не загонишь в желудок, все вываливается наружу, правда многие едят хорошо. На столе было так грязно, что как-то тошнило, когда посмотришь в его сторону. Перед сном много разговаривали о бомбежке, все хотели ее. Говорили, что эта бомбежка очень удачная, правда попало немного французам и еще кое-что, но зато хорошо давили немцев. Вот это всем нравится.

6 декабря, понедельник.

Сегодня снова хлеба не дали. И воровать нечего, сильно сосет желудок, большая усталость, трудно переносить. С утра забрали Стрельского и еще 6 человек в г. Георгиштадт. Мне стало жалко до слез. Перед моими глазами встало все прошлое. Я ставил вопрос, что надо делать? (Есть какая-то книга, я ее немного читал, не то Добролюбова, не то Чернышевского.) Этот вопрос я

не мог разрешить. Убежать нельзя, революции нет, да и не может ее быть. Была бы та книга, может быть, она что и помогла, но вот как назло нет ни одной печатной строки по-русски. После обеда в комнату пришел молодой паренек, он с [19]20 года рождения, кончил среднюю школу и артиллерийское училище, много рассказывал. Умеет правильно выражать мысли. Парень начитанный, умный. Я в него влюбился. Он меня тоже немного понял, мы с ним нашли общий язык и делились. Он мне пообещал, принесли Л. Толстого «Анну Каренину», только много листов нет. Эту книгу спер в Лейпцигской библиотеке его друг. Он рассказал, что в Лейпциге есть большая русская библиотека, вернее отдел при библиотеке. Там много Пушкина, Некрасова, Тургенева, Толстого, Чернышевского, Ленина и др. Сегодня работал без мастера, он мне отдал свой талон на суп. Поляка я не боюсь, а он меня очень.

7 декабря, вторник.

Придя в лагерь съел хлеб и суп, был очень голоден. Желудок просил чего-то тяжелого и побольше. Лег спать и проспал до вечера. Вечером пошел за супом. (Я напомним, что в обед ничего здесь не дают.) Долго я целился и наконец получил по одному талону два супа, «ловкость рук». Ребята поприезжали от раскопок из города, рассказывают, что много обрушено улиц, поразважены 5–7 этажные дома, то-то немцы передают по радио «англо-американише флиге бомбардирен дойтче культурен»¹. Говорят много, что хлеба давать нам станут меньше наполовину, т.е. 150 гр. Но тогда уж совсем ноги протягивай. Сегодня многие ребята сходили в бураки, а я проспал, то-то и сны мне виделись плохие. Помню связки блях, что-то долго тянется, а потом развязывается, а мне как будто не хочется, чтобы оно развязывалось, и когда оно развяжется, то больно на сердце.

Партизан принес в сумке тертого маку. Многие едят горох, мне очень жалко, что я не знал и заснул. В 9 бараке, напротив нашей комнаты живут люди, которые пьют спирт по воскресеньям, буханки хлеба и даже мясо. У них есть все, что надо, они торгуют и продают ребятам талоны на хлеб и суп. Они все это делают скрыто, но мне понятно все потому, что из окна в окно 3 метра, и все видно. Они же запрещают крепко кричать во время лагерной торговли. Мастер снова работает — это дело хуже. Погода этих 3–4 дней хорошая, немного сухая, но сегодня после обеда пошел мелкий дождик. Во время перерыва мне удалось получить 4 супа. Но от них ничего не чувствовал, хотя он был из какой-то гороховой муки. За добавкой сильно лезли русские и

¹ Транскрипция немецкой фразы, означающей: «Англо-американские летчики бобмят немецкую культуру».

итальянцы-военнопленные. Италиянцы находились на таких же правах, как и мы. Они были очень худые, как и русские. Очень мерзли и ели брюкву и очистки, люди страшно жадные на еду, томились очень. Немец бил половником, раз по русскому, раз по итальянцу. Когда немец идет в уборную, итальянец уже следит за ним, чтобы взять бычок оставленный немцем в уборной. Они просят очень привязно. В 3 ч. во время перерыва я заполняю дневник за сегодняшнее 7 декабря 43 г. в 3 часа ночи.

8 декабря [19]43 г., среда.

Утром пришел комендант, он сказал, чтобы мы перешли из 8 барака в 9 барак. Перетаскивали свои вещи. Матрацы, доски и т.д. Печка здесь была каменная неисправная, шел дым, варить в ней нельзя. Хотели было сменить ее, но чуть-чуть не попало от коменданта. Сегодня я решил не идти на работу, с целью сходить в бураки. Ночью ходят большими ватагами. Вечером продал юбку за 25 марок. Когда пришел в барак, наши все ушли в бураки. Я дождался другой партии и ночью по грязи перешли через прорезанную в одном месте проволоку. Шли километра четыре. Среди поля стояла арба с бураками и рядом большущая куча. Какое-то чувство радости охватило все мое существо, главное то, что я стою сейчас среди большой равнины, ничего я не боюсь, тем более что привели меня сюда и уведут отсюда такие люди, на которых можно надеяться. Я сдружился с Мишей с 10 барака. Он большущий вор. Но до чего же он добр, я его очень люблю. Он меня приглашает уже давно с ним в бураки. Поэтому набрав пуда два, мы шли обратно. Нас было человек 20–25. Часто переходили канавы и шоссейные дороги, раз железную дорогу. Я очень устал, от усталости много раз падал, но бросать было жаль. Дружок мне иногда помогал и просил меня не беспокоиться и не бросать мешок. Только перелезли проволоку, как шел полицейский и комендант. Подбросив под коридор мешки, мы побежали прятаться. Они перенимали беженцев, били попавшихся, отнимали талоны на неделю и записывали номер. В комнате был обыск, нашли одну сумку с бураками. Было много крику. Сварив кое-как несколько бураков, лег спать.

9 декабря, четверг.

Сегодня очень холодно. Ветер сильный. Говорят, сегодня должны бомбить город. Вечером купил талон на суп за 2 марки, поэтому в желудке чувствую себя хорошо. Работал без мастера. Ночью снова достал талон. Добавки почти не давали. Италиянцы очень томились и просили добавки. Они между собой ругались. Чудные они. Они во много раз мягче русских в смысле существования, во много раз менее выносливые, чем русские. Мы часто с

ними разговариваем — «рапа» — брюква по-итальянски. Их дразнят «макаронники» и бадوليو¹, они очень сердятся, но не сердито. О фронте ничего не слышно. Ждем перемены. После обеда в комнате был обыск. Нашли полмешка бураков и у меня в матраце бураки. Перетрусили, как один, матрац. Это обычная схова. Только спать на бураках плохо. Я перед обыском спрятал бураки на гвоздик и повесил на него чье-то пальто.

10 декабря, пятница.

С бураками дело веселее, голод уже не страшен. Пока что поспали до обеда, проснулся и снова за бураки. Раздавал ребятам, которые боялись ходить. Сегодня шел снег, везде было бело, но не совсем походило на зиму. Вечером, когда строили на работу, кто-то сказал, что англо-американцы предложили Германии сложить оружие к 25-му числу. Вечером была тревога. Гоняли с завода в бомбоубежище, но быстро воротились — надежда на сон рухнула, все были очень недовольны, что была тревога очень короткая. Ночью очень хотелось спать. От бураков бросало на рвоты. Сегодня перевели меня к другому мастеру, потому что этот боялся меня, его и поляк предупредил о том, что я не дорожу жизнью, что очень нервный. И шеф мне сказал, что ты у старого мастера плохо ра-

¹ Бадوليو — пленные итальянцы, в немецких глазах — предатели, вчерашние союзники немцев. От имени маршала Пьетро Бадوليو (Badoglio) (1871—1956); после государственного переворота 25 июля 1943 года, приведшего к падению режима Муссолини, он стал премьер-министром Италии (в отставку вышел 9 июня 1944 года). В этом качестве 3 августа 1943 года подписал договор о военном перемирии с антифашистской коалицией, а 13 октября 1943 года объявил войну Германии. Однако две немецкие дивизии почти без единого выстрела разоружили пять итальянских (самому Бадوليو вместе с королем и правительством удалось бежать на юг Италии), и в результате русские оstarбайтеры получили себе военнопленных товарищей из Италии. Вот как пишет об этом же Виталий Семин: «В сорок третьем году на фабрике появились люди, которым целый месяц приходилось хуже, чем нам. Они принесли с собой атмосферу наивности, птичьей неприкаянности, готовности показывать семейные фотографии. Это были итальянцы, «бадوليو», как их называли немцы. Переход от положения первых союзников на самую низкую ступень — заключенных немецких лагерей — произошел для них ошеломляюще быстро. Мундиры те же, но это уже угнетающая одежда военнопленных. Сколько раз видел я, как быстро происходит такое превращение. Они голодали еще сильнее, чем мы. И мы устраивали для них сбор баланды. Однако вскоре что-то произошло и итальянцам значительно улучшили паек. Народ это был насвистывающий, напевающий» (Семин В. Нагрудный знак «Ост» // Дружба народов. 1976. № 5. С. 120—121).

ботал, поэтому пересылают меня к другому. Мастер ничего мне не говорил. Я пошел в уборную и проспал целый час случайно. Идя в лагерь, я спер 2 штуки брикета, чтобы растопить печку. (В заводе немцы требовали, чтобы отбивали талоны, когда приходишь на работу, их будет всегда проверять шеф.).

11 декабря, суббота.

Сегодня на работу ночная смена не идет. Придя с завода, варил бураки на угле, принесенном с завода. Спал до обеда. Пришла первая смена, которая сообщила, что на фронте что-то новое, у немцев было собрание. Как будто бы прорвались где-то три русских дивизии. Эта новость всех обрадовала, разговоров было очень много. Мишка пришел ко мне, много с ним разговаривали, пекли с ним бураки и ели. Перед вечером делал стирку белья (первую стирку в этом лагере.) Вши очень распространились, часто их просто вытаскиваешь сразу по несколько штук, особенно из-под ремня. У Партизана они снуют по одеялке туда и сюда, как муравьи на муравейнике. Над ним шутили. Он чужаком казался. Высокий, костлявый, длинный нос, точный Челкаш. Ходил в длинном, рваном военном плаще, который прикрывал несколько штук банок, которые он цеплял за ремень. В них он наливал всякую баланду, которую недоедали французы там, где он работал (в городе). 2 полиция и комендант ходили по комнатам, искали полосатика¹ (нашли).

12 декабря, воскресенье.

Вчера еще удрал концлагерник. (А концлагерь находится при заводе «Эрла». Их кормят хорошо, лучше нас.) По комнате ходили полиция и искали сбежавшего. На дворе было холодно, земля замерзла, поэтому было скользко. Кто не оштрафован, остался в лагере, варили бураки. В комнате лежит воз очисток и другой массы. «Комендорф» и другие заводы переводятся на «Эрлу». Народу стало больше, кормят хуже. Сегодня, особенно в комнате, большущий спор. Мне приходилось успокаивать, ругались с полицией бывшими. Это два брата белоруса — Гришка и Володя. Им доказывали, что они плохо делали, что были в полиции, их били с коек кандалами. Перед сном успокоились и беседовали кто с кем. Я достал книгу и стал читать.

13 декабря, понедельник.

Сегодня иду работать в дневную смену. Шли в завод, темно было очень, скользко, громко стучали кандалами. Вчера я купил талон на суп, так что сегодня поел хорошо. Головокружения не слышно. Это еще подбодряет дух. Часто разговариваю со взрос-

¹ Полосатик — по одежде — узник концентрационного лагеря.

лыми ребятами. Они рассказывают, что немцы со временем нас всех расстреляют или отравят. Они рассказывали случай, когда повесили русского за то, что его немка позвала наколоть дров и поесть. А за половое сношение с немками сразу расстрел. Вечером, придя с завода, бежали за супом. Двое на моих глазах столкнулись и пролили суп. После ужина рассказывали, кто что мог. Говорят, что 25 числа должен быть мир, но я не верю. Все говорят, один только Партизан спокойно копался в своем логове, звеня банками. У него стащили полбанки жира, за что он чуть ли не плакал, да и тон голоса у него плаксивый.

14 декабря [19]43 г., вторник.

Придя в завод, спешишь прежде всего отбить талон, так как позже образуется большая очередь. Все вместе: русские, французы, бельгийцы, немцы и т.д. Отбив талон, пошли в баню и пробыли до 9.30. Баня при заводе, за бараками концлагеря. Многие не пошли на работу, но я пошел, так как за плохую мою работу он вчера говорил шефу и сам много звенел. Этот мастер — тоже законный фашист. Глаза как у зверя. Все время «лось да лось»¹ подгоняет, да называет свиньей и собакой. Перед вечером бельгиец сказал, что если я украду ему 5 углей, то он даст мне 3 сигареты. Я очень обрадовался такому случаю. И вот вчера пошел за углем, а шефы как обычно следят за русскими, и вот он идет ко мне впотымах. Я схватил брикет и бросил как раз в железо, где гудел мотор. Я хотел другим в него, но он скоро смотался. Я постоял минут 10, вернулся в завод и без угля. Как этот шеф меня ловит и бьет несколько раз по лицу и голове. Потом повел меня в стеклянную комнату и записал контр. номер. После я украл, бельгиец дал одну сигарету, а две, когда пришел с завода, на воротах полиция обыскивали, но я славировал так, что меня не полтапали. Бельгиец ожидал около проволоки, ограждающей русский лагерь от бельгийского. Я выложил 5 углей, он дал 2 сигареты.

15 декабря, среда.

Идя в завод, спер брюкву. Погода весь день туманная, темная. С темного и до темного стоишь 12 ч. и не видишь дня, разве только идя в уборную. Мастер не спускает глаз, прибегал загонять из уборной и когда я стою, ничего не делая, он сильно ругает, кривит свое противное рыло. Мне кажется, это один из противнейших немцев. На голове волос стоит как щетина, черный как смола, шея длинная, жилистая, лоб выпуклый, большой, в очках, — вообще, настоящая сволочь. Украл несколько кочанков капусты. Бельгиец увидав, стал просить ее всю за сигарету, но я сказал, что у меня больше нет.

¹ От нем. — «Los! los!» — «Давай, давай!».

Вообщем не нравится мне этот бельгиец, как и все бельгийцы. Он работает с женой. Они очень боятся тревоги, особенно жена. Я очень искусно пронес капусту, идя в лагерь через проходную, что самому чудно, а ведь полиция очень тщательно всех проверяли. Вечером я ее не сварил, поэтому почти всю поел сырой.

16 декабря, четверг.

Сегодня решил на работу не идти, а отдал ребятам свой талон, чтобы отбили. Состряпал из капусты супа, все вместе с пайком загнал и лег спать. Но спать мне не хотелось и лежал в больших тягостных думах да 2–3 часов. Вечером пришли с работы из города, они рассказывают, что им в обед уже дают суп. Они заходят на поле и собирают гнилую картошку. Они принесли из города брюквы, чесноку, салату. Я дал 7 марок, чтобы мне купили. Город все еще горит, вот это бомбежка. Еще бы хорошо было, если бы разбомбили «Эрлу». А сколько в заводе и вокруг завода автоматических зениток. Везде, даже на поле. В отношении листовок американских, говорят, что пишут обращение к немцам, чтобы прекращали войну. Прошел слух, что вчера удрало 3 полосатика на самолетах. Они ровняли аэродром и когда полицией куда-то отвернулся, они вскочили в только что заправленный самолет и улетели. По ним даже где-то за городом стреляли. Вот это молодчики, и я понимаю. Я думаю, они уже в России.

17 декабря, пятница.

Придя в завод, мастер послал в 5 цех обваривать всякую дрянь, я туда часто посылаюсь и мне нравится, потому что я прогуляюсь с полчаса и рассматриваю большие машины, тросы, подъемные краны, насмотришься всякого гуда, там есть и душ. Здесь работа очень тяжелая, здесь есть и электросварка, на ней много русских. Идя в 5 цех, стащил 2 брюквы. Одну съел, а другую спрятал. Бельгиец опять предлагает воровать уголь, 5 — за 3 сигареты, но я отказался, потому что не знаю, как еще пройдет, что записали. Новостей нет, скука. Говорят, что в воскресенье праздник «Николай», многие ребята в России, как и я, праздновали его, поэтому оставляли крошки. Вспоминали о праздниках России, они идут один за другим. В Германии все пропало, это какая-то пропасть, в которой задыхается немало людей и мало кто выкарабкается из нее. То и дело, что думаешь о еде, эта мысль никогда не выходит из головы, и если она выйдет, то наверняка наступит смерть.

18 декабря, суббота.

Сегодня работали до 1 ч. дня. Придя в лагерь, бегали до ямы за очистками. Я сварил себе небольшую кастрюлю и поел. Многие варили картофельные очистки, они во много раз лучше брюквен-

ных. Как обычно, в субботу после обеда дают талоны на целую неделю. Талоны часто воруются, поэтому приписываешь свой номер: 25795. Потом пришел переводчик, вычитав меня сначала по номеру, а потом по фамилии, сказав, что меня завтра заберут в острог на сутки. Ну и что ж, хуже смерти ничего не будет. Ребята говорят, что там очень холодно и жрать не дают, и ни пальто, ни одеялка брать не разрешают. У меня появилась ненависть ко всем, особенно к бельгийцу. Ведь он меня заставил продаться за бесценок, Нет уж, я его проучу. И если я иду в карцер, беспрекословно повинуюсь, то это не значит, что я потерял самооборону и чувство собственного достоинства, оно во мне твердо, ибо в душе я протестую. Идиоты дошли до того, что людей нумеровали, как скот и вместо фамилии приклеили какую-то кличку — 25795.

19 декабря, воскресенье.

Сегодня старинный праздник «Николай». У нас он назывался престольным. Как обычно, в этот день завтракали очень поздно. Сегодня я отмечаю в тюрьме. Привели нас 5 человек и разместили по камерам. Первый раз в жизни глотаю тюремный воздух, напоминающий что-то загробное. Камера была очень высокая, но узкая. Выше решетки вставлен вентилятор, против выхода тоже. Это сделано для замерзания нашего брата. Было так холодно, что через полчаса приблизительно, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни спины. Слышно, как в соседней камере кто-то бьется головой о стенку, и я тоже по его примеру стал проделывать гимнастику, иногда просто со злом бился, словно думая убиться, чтобы не жить. Впотьмах я спотыкался о какую-то доску, которая лежала на цементном полу. (Это была единственная доска по всем камерам.) Я лег на нее. Сколько я лежал не помню, знаю, что я бредил, одновременно вздрагивая от холода. Мне бредилося, что наша семья уже пообедала и мне оставили блинчики с салом, и я быстро их съел.

Ноги окоченели совсем. Я встал и снова за гимнастику. Снимал кандал и разогревал ногу теплым воздухом изо рта. Но и это не помогало. Во рту было холодно. Вентиляторы работали правильно. Мне кажется, что если бы я не был светлый волосами, то они уже бы засветлели. Когда стало совсем видно, я под своей кроватью нашел чьи-то документы и фото. Нашел портсигар итальянский. День прошел мучительно, холодно, так идет и ночь. Вот уже проходит и ночь, и полутора суток ничего не было в желудке, и холод. Сильное изнеможение, еще одни сутки, и настанет смерть. Мне кажется, я и так уже одной ногой стою. Когда-то я слышал, не то читал, что человек вполне может прожить неделю без пищи, для меня, в моих условиях довольно будет еще одних суток, это я ручаюсь с гарантией. В моих услови-

ях ни один бы революционер в прошлом не объявил бы голодовки (о которых когда-то я читал).

20 декабря.

Я не слышал как полицейай отворил камеру, только слышу свой номер 25795 по-немецки. Впотьмах, по грязи пятерка причалила к лагерю. Супа не дали, хлеба тоже. Выбрав момент я стал просить русскую женщину Орловской обл., что мол, погибаю. Она дала условный знак, и таким образом целый котел итальянский на 3 литра я съел в один миг. Через 10 минут меня стошнило, я стал рваться, желудок во мне переворачивался, я кричал, ночники ругались. Володька-полицейай все-таки сжалился и стал меня ворочать, притащил воды холодной и заставлял пить силой, лил мне. Потом стало легче, я уснул. Перед вечером полицейай разбудил, сильно ругался и дал ночной талон букву «N». Вечером я получил суп, но не ел сразу, полуживого погнали в ночную на работу. Гоняли в сан. часть, всю ночь издевался шеф и мастер.

21 декабря, вторник.

Утром получил хлеб и суп, все сразу съел. После ребята дали и кусок брюквы, немного чувствую бодрей! Весь день проспал, вечером снова на работу, перед этим получил суп. Всю ночь работал на сверлильном станке, спать очень хочется, но страшно, что можно закрутить волосы в машине, тем более, что на днях, одна девушка русская заснула и ей оторвало ногу за станком в 1-м цехе. Всю ночь итальянцы и русские бегают за брюквой, я тоже натаскал, от нее уже тошнит, я боюсь переест, хотя живот болит.

После бомбежки — на работу, все еще русаков не распределили, водят из завода в завод, везде перегружено нашим братом. В 12 ч. ночи я зашел в итальянскую уборную и проспал до 1 ч. ночи. Когда стали давать суп, я сумел получить на 3 талона. На литр их надо штук 5, суп — ерунда какая-то, искусственная мука или порошок.

Придя в лагерь, купил талон на суп за 2 марки.

22 среда.

Сегодня решил не идти на работу, как-нибудь примощусь, спрячу с койки ночной талон и все. Поэтому днем не спал, а решил попросить новые кандалы и этим отчитаться перед фашистом-мастером и шефами. Только что задремал, как слышу знакомый голос: «Ну, Вася, прощай». Я взглянул — это был Володя Лукьянов. Он это сказал со слезами на глазах. Оказалось его перегоняют в другой город. Мне так стало его жалко, что когда их угнали, мне сделалось невыносимо жутко. Пришел комендант, сильно орал, заставлял носить доски. Он с русскими совершенно не мог разговари-

вать, только лишь кричать, оскорблять, бить. Мы таскали доски и сами забивали по койкам и расстилали бумагу, себе мы тоже взяли бумагу и стащили по несколько досок. Он догадался и кричал «Kein Tabak»¹. Кандалов не дали, как я ни просил.

23 декабря, четверг.

Встал рано и ждал когда придет ночная смена. Но вот она пришла, мой талон отштамповал один паренек. Получив хлеб и суп, дали еще горелого горького мармеладу. Поев, лег спать и спал до 2 ч. Сходил за очистками и из них варил «пюре». Варили 4 человека в одной большой кастрюле. В 4 часа ходил снова просить кандалов, показывая мокрые ноги. Кандалы все же дали, хотя долго канителили. Получив суп, ждал когда сварятся очистки. Потом сели в круг и ели до отворота. Сегодня ночь холодная, с ветром, работал стоя с напильником. В 3 ч. ночи была тревога. Гасили электричество и убегали все немцы и иностранцы. Нас тоже строили и прятали тоже в заводское хорошее бомбоубежище, где есть и лавки, и тепло, и светло, лучше чем в бараке. Кто разговаривал, кто играл в карты, а большинство спали. Тревога была ровно 2 часа.

24 декабря, пятница.

Сегодня ночная не работает. Поэтому я собрался сварить давно спрятанный буряк, читал журнал. В обед пришли ребята и побежали скорее, чтобы захватить очистки. Они спорили за печку — кому первому варить. Я уже так привык к этому спору, что не обращал внимания. Говорили о том, что завтра праздник — Рождество. Немцы его празднуют крепко, это я помню еще в России они отмечали. Нам что-то должны дать в виде подарка. Наше русское Рождество, говорят, будет через две недели. Вечером, ребята, работающие в городе, принесли капусты. Я купил кочан за 70 пф., но сварить не пришлось, нет топлива, пришлось съесть сырой. Через комнату играла гармошка, танцевали полторы калек. Что-то напоминало скучное, отвратительное. Придя в комнату, сочинял «Там в бараке гармошка играет» про Валу.

25 декабря, суббота.

Какое-то угарное настроение. Встал поздно, я проверил вчера написанную песню «Там в бараке гармошка играет». Это была быль, только я раньше не написал в дневник, да и вообще половину всех моментов я пропускаю, ибо пишу с большой неохотой, а потом все это не запечатлевается, ибо апатия взяла верх. С утра растопили печку и в кастрюле готовили очистки. К обеду еле дали подарки, грамм 100 пирожного, лучше бы они

¹ «Kein Tabak!» (нем.) — здесь: «Оставляю без табака!».

дали грамм 200 хлеба или с пол кг картошки. Вечером, правда, был хороший суп из пшена и заправленный кониной. Вечером ребята ходили промышлять. Двое из нашей комнаты тоже принесли брюквы и кольраби. Я купил кольрабину за 60 пф. Поздно вечером Гришка-полицай рассказывал сказки, а потом кто что. Сердили Партизана.

26 декабря, воскресенье.

На дворе большущая грязь, вечный туман. Находишься словно в глубокой сырой яме. Еще будучи в карцере (тюрьме) я сильно простудился, кашель не проходит, сильно стреляет в ушах и большая глухота. Вечером в нашем бараке играла гармошка «немецкий строй», кое-кто лениво танцевал, делая вид, что ему весело. Вечером решили сходить по части промысла. Шли вслед за ребятами по грязи, а тьма настолько, что мы потеряли ребят и пришлось вернуться. По пути стоял сарай посреди поля. Здесь когда-то Партизан воровал мак и пшеницу. Все трое лазали в сарае, ничего не нашли и пришлось вернуться ни с чем. По дороге искали еще брюкву, но только устали и замазались в грязи. У нас, в России сейчас мороз трещит, реки все замерзли, а здесь вот так. Придя в лагерь, голодный как собака, лег спать.

27 декабря, понедельник.

Погода ужасная, бесконечный дождь. В бараке сыро и холодно, весь прозябаешь, только в заводе, возле радиаторов нагреваешься. Придя в завод, встретил хмуращего мастера, который на «гут морген» ничего не ответил. Он примерял, чтобы я работал быстро, что я в ночную смену спал в уборной. Он ежеминутно перекидывал, все подгонял. Не разрешал идти в уборную, сказав что отпустит раз до обеда на 5 минут и раз после на 5 минут. Глухота не проходит. Сегодня продал пачку табаку за 11 марок, сразу же купил большую брюкву, что сварил, а остальную слопал сырой. Варил в том чану, где немцы подогревают свой суп, принесенный из дома. Моя брюква так завоняла, что все немцы стали ругаться, вытаскивали свои кастрюли, а мой выбросили в свалку с котелком. Зато когда я шел после звонка на работу, одна молодая немка мне кивнула, и я поел пудинг первый раз в жизни.

28 декабря, вторник.

Мастер, как собака пристает. Подозвав главного мастера, рассказывал ему о том, что я мало работаю и гуляю. Потом он заявил шефу, тот мне грозил и что-то писал. Я уже был готов к выселению отсюда, но прошло благополучно. В уборную абсолютно не пускал, это был не человек, а настоящий зверь. Он меня даже не посылал в 5 цех и как надоедливая муха жалил. Я ста-

рался переносить все хладнокровно, ибо еще нервы пригодятся для многих таких же подобных идиотов.

Когда относил детали в красильный цех, подвинул тележку так, что она покатила и ударила в угол высоко сложенных деталей, получился большой грохот. Я убежал, меня видела красивая итальянка, которая может говорить по-русски. Немцы долго шумели, искали виновного, но его не оказалось. Вечером ходил за брюквой, принес целую сумку, от нее тошнит очень.

29 декабря, среда.

Озверение мастера нисколько не ослабевает. Бесконечно меня уродует и перекиривляет, что-то бормочет. Хорошо, что я не стремлюсь запомнить их идиотский язык. Да и не буду запоминать, ибо только будешь терпеть обиды, которые будут говорить. Собака, свинья — не выходит у него из моды. Приходил главный мастер, он меня считает, вероятно, за дурака. Во что только может человек превратиться и мне самому кажется, что я не тот Баранов Василий Максимович, которым был много времени назад, а я только теперь «русская свинья» за номером 25795. На груди у меня «OST», на фуражке рабочий номер, а собственный номер в кармане, хотя заставляют носить на шее. Весь изнурен. Что такое «OST» говорят, это «осел советской территории», а свежее будет «остерегайтесь советской твари». Мы еще им докажем, кто мы. Вечером была сирена, хотели бежать к железнодорожному мосту, но заблудились и сидели под дубом, по которому шлепали осколки от зениток.

30 декабря, четверг.

Мокрота бесконечная. Встаешь со свистком, одеваешься и идешь в очередь за хлебом, потом бежишь за супом. Как обычно, брюквенный, небольшой половник. Я это время сдерживаю себя и оставляю грамм 100 хлеба к 9 часам утра, где в заводе съем с кофе. Мастер с души не сходит. Вечером варил брюкву. Брюква без конца, поэтому бросает на рвоты и тошнота. С чужих комнат есть ребята, которые ходят ночью на картошку. Они пекут и варят ее в лагере и в заводе на автогене. После обеда с цеха отправили русских, человек 20. Сказали, что куда-то отправят. Говорят, что отобрали лучших, а лентяи остаются. В лагере узнал, что завтра отправят 65 человек. Едут Гуртовец и Шкут. Из всех земляков остаемся вдвоем с Касьяновым. Вечером сварил 2 кружки брюквы и кружку капусты, купленной у Шкута. Вечером бил вшей, которые никак не выходят.

31 декабря [19]43 г., пятница.

Подгонялись по свистку. 5 человек собирали сумки к отправке. Получив суп и хлеб, послышался свисток на работу к пол 7 ч. Распростились с ребятами пошли в завод. По случаю праздника Но-

вого года работали до 12 ч. дня. Работа одна и та же, надоедливая. В 9 ч. была тревога. Поговаривают, что еще будет отправка из нашего завода. Я радуюсь, может, и я как-либо уеду из пекла и идиота мастера. Он никогда не скажет ни одного слова не только мне, но и украинцу, который работает здесь уже больше года. У других ребят мастера лучше, они с ними разговаривают даже на рабочую тему. Поэтому меня ничего не радует. Ленюсь писать дневник, который может еще в жизни и пригодится. Я помню когда-то собирался быть большущим человеком, писал стихотворения. Любил Пушкина, много знал на память, «Евгения Онегина» больше половины. Мне так легко удавалось их заучивать, что никакого труда не стоило. Писал тоже без особого усилия, но теперь рад что-либо написать о своей жизни или других, о которых я знаю, то у меня ничего не получается. Новостей нет особых. Ждешь конца войны, ждешь вот-вот. Французы говорят, что через месяц, не больше, войны не будет. Как будто бы во Франции вспыхнула революция. Да и по газетам видно, что Германии вот-вот придет крах.

Идя с завода, на улице лежал уголь, брали, кто не трус. Я взял 4 штуки. У кого полицай находил уголь, сразу отбирал у проходной и бил по лицу и уступкой. В комнате никого не было, стояло 6 пустых коек, значит ребят угнали. Мне ребята принесли на деньги бураков, салата. Варили брюкву, получили талоны на следующую неделю. Сегодня после обеда пошел снег, поэтому грязи еще больше прибавилось. Стал немного слышать лучше. Вечером варили брюкву, очистки. Я купил за 2 марки талон и оставил к завтрашнему дню. Много было разговоров и воспоминаний о празднике.

1 января 1944 г., суббота¹.

Встали часов в 9 утра. Пошли за хлебом, думая, что дадут еще кое-что, но напрасно, все по-старому, тот же самый половник брюквы. В комнате все расположились есть, чувствуя в душе Новый год. Я съел вчера купленный суп (шпинат) и вчера купленный салат из бураков, то чувствовал себя крепко. Ждали подарков, но все ожидания наши были напрасны.

Целый день варили в печке кто что имел: брюкву, капусту, бураки и очистки. Шумели, ругались, вспоминали, скучали. И наконец собрались идти по картошку. Но вот сказали, что приехал тот самый бауер, у которого воруют картошку. Один из русских потерял там документ и по документу бауер пришел в наш лагерь. Он с каким-то начальником делал обыск в нашем и 10 бараке. Во многих находили картошку. Я боялся, чтобы у меня не нашли брюквы,

¹ Правее в дневнике нарисована пятиконечная звезда, напоминающая солнце встающая из-за горизонта.

которой у меня было штук 10. Суп был хороший — пшено и еще немного картошки. Я купил талон заранее за 2 марки. Вечером собирались сходить по картошку, но пошел большущий дождь, так что по полю будет идти трудно! Да и приезд бауера что-то значил. Сегодня рано положились спать. Я еще все варил брюкву с товарищем, который варил тот суп, который зачерпнул на кухне в котле котелком, суп был еще не кипящим, поэтому он доваривал. Ему это удается очень часто. Так наступил 1944 год.

2 января, воскресенье.

Часа в 3 ночи была тревога, налетело очень много самолетов, ужасно били зенитки, от которых дрожали бараки. Беготня по коридору, стук кандалов. Я быстро поднялся, оделся и лег на койку, замаскировал себя, так как в бомбоубежище опаснее, потому что оно находится около самого завода. Тревога длилась часа полтора или два. За все время зенитки били со всех концов. Особых бомбовых взрывов не было слышно, таким образом спал до утра. После обеда помыл свое белье, побрился и снова ждал суп с пол 4 часа. А суп чепуховский из цветной капусты, редкий и пустой. Новостей никто ничего не знает. Одни и те же надоедливые разговоры. Я уже не помню, когда я смеялся, мне кажется, что я уже разучился смеяться, да и не я один — все так. И если иногда и приходится шутить совместно над Партизаном, то просто в виде какого-то упрека, без всяких морщин у рта. А какие все нервные, да и я сам большущий псих. Я боюсь, что за мою горячку мне когда-либо придется поплатиться головой, потому что я уже не в силах сдерживать себя.

3 января, понедельник.

Тревоги ежедневно, но город не бомбят, зато другим городам попадает хорошо. Кто-то принес листовку, которую бросили американцы для немецких рабочих. Все очень довольны, что так часто тревоги. Пусть бомбят все и наш завод. Погода слезная, угрюмая, дует сильный ветер. Сыро, зябко. Продал свою домашнюю фуфайку, с которой жалко расставаться, она у меня отвечала за все и выручала в холоде и постели. Но лучше и мне холод пережить, чем голод. За нее я взял 8 марок, т.е. 400 гр. хлеба. Только хлеб не хороший, а наш, лагерный. Работаю снова в ночную смену у того же зверя-мастера. Ночью давали суп у кого есть талон, обычно немцам, французам и бельгийцам, итальянцам давали добавок, но русским — ничего, и прогонял шеф из кантины¹. Перед утром пошел в уборную, залез в немецкий кабинет и решил дрыхнуть. Вдруг, слышу, на меня холодная вода, я испугался, оказывается шеф проверял бездельников русских и итальянцев и выживал водой. Когда я

¹ По-немецки — столовая.

вышел, он меня ударил два раза по шее. Если бы у меня было что-либо в руках я бы дал сдачи, но я был комар по отношению к нему.

4 января, понедельник.

Как обычно, придя из завода, ложимся спать часов до 2—3. Дрозд Василий остался в лагере ввиду больного пальца, ходил в кранкбарак¹, который не работает сегодня. Нас было трое, сварили на всех небольшую брюкву, которая нашлась у Партизана в матрасе. В 4 часа пришел Тима. Он очень хороший паренек, еще молодой, 13 лет, и ввиду его маленького роста его отпускают на 2 ч. раньше времени. Он меня очень уважает, даже одежды дал, немного хлеба, он работает в моем же цеху, только в красильне с немками. Его немки тоже уважают, дают иногда кое-что, да и он и сам лазает по их сумочкам и ворует карточки и хлеб. Они его хоть и подозревают, но ему, как он говорит, ничего не говорят. У него на передних зубах большущий клык. Погода хорошая лунная, но все-таки не та, что бывает в России. Все ждали тревоги, и в 9 ч. дали предупреждение. Немцы, а особенно бельгийцы, были в панике. В 1 ч. ночи снова и таким образом за ночь 3 раза гудела сирена, т.е. 3 раза налет на Германию, вот это здорово. Работу не прекращали, так как налет не на Лейпциг.

5 января, среда.

Плохо то, что теперь не дают сразу тревогу, а сначала предупреждение, а при предупреждении немцы работают и заставляют всех работать, хотя они очень трусят. У моего фашиста даже руки сухие дрожат, чтобы ему глаза на лоб выскочили. Поэтому сильно за ночь устал без сна. Придя в лагерь, спал часов до 4. Сегодня представили горелый мармелад и раздавали русским в лагере. Я покушал, а он не похож на себя, зря только устраивали скандал. Мы раскупорили ведра, чуть покушали и бросили его под нары. У меня сильно болел живот, то ли от мармелада, то ли от очисток. Сильно болят ноги, в голове шум. В желудке сосет, потому что воровать никуда не хожу, а купить не на что. В завод еле притопал. Мастер идиотски надоедает. Я его посылаю на.., он запомнил это слово и спросил ребят русских, те ему объяснили в чем дело. Он еще больше стал наседать, а я ему повторяю то, что он уже узнал. Хорошо, что бить он меня боится.

6 января, четверг.

Без 5 мин. 4 часа утра заревела тревога. Сгоняли под кантину. Выбрав у стенки лавку, я задремал, как слышался отбой. Все недовольны, что так мало. Работали до 6 часов. Принес в ла-

¹ Барак-больничка.

герь шесть углин. Перетаскивали нахально печку из одной комнаты в другую. Есть очень хотелось. Уже так обнищал, что хожу словно мертвый. Я побежал, достал очисток и сварил на двоих. После, в 4 ч. пришел Гриша. Я хотел было не идти на работу, потому, что сильно болели ноги, какая-то тошнота и голова болит. Ждешь с нетерпением освободительницы тревоги, а ее нет. Ведь простоять 12 часов такому обнищавшему человеку как мне, разве шутка. Работаю я кое-как, мастер совершенно сходит с ума. Сначала заставлял оттачивать вилку, потом штамповать проводки, потом надувать колеса, потом носить колеса и бесконечно разные работы. Мне это нравится, потому что я не люблю одну и ту же работу, притом здесь не видно сколько я сделаю и сколько наврежу. Я всегда, когда ношу вилки и оси, то острым концом упираю в главный шланг, по которому идет большой напор воздуха и вот он прорвался и началась суматоха, ближние детали вывалились. Мастер перепугался.

7 января, пятница.

Мастер еще за вчерашнее ругался, что плохо работал, но я ему сказал, что я очень больной и притворялся. Корешь не пошел в дневную, на работу, поэтому он замаскировался у меня на койке (3 этаж) и с ним спали вдвоем. Сегодня решил на работу не идти. Жрать ужасно хотелось, и я пошел в помойную яму и собирал там брюквенных очисток, а полицией заметил и хотел меня поймать, потому что не разрешают лазать в помойной яме. Я удра, прихожу в комнату, ребята просят, я им дал, а Грише сказал, что в яме их много, но только смотри полиция. Он побежал и не заметил полиция, который уже следил за уборной и только Гриша приложился собирать, как полицией ударил сзади прикладом и убил насмерть. Я целый день не мог найти себя, ведь через меня его убили, если бы я не пошел, он бы и не знал. Вечером, когда комендант приходил в комнату, мы протестовали, что с нами обращаются хуже, чем со скотом. Он что-то бормотал, идиот. Вечером труп куда-то увезли. Я так плакал, что по всему телу пошли синие жилы. В случае скорой победы и я останусь еще жив, то сегодняшний случай послужит еще большей мести этим фашистским извергам. Вечная ненависть им. Этот случай никто не сможет выбить из моей головы, пока она будет цела.

8 января, суббота.

О смерти товарища мало кто говорил. Раз хорошо поговорили, пожалели и все. Утром пришла ночная смена и сказали, что 2-му цеху завтра, т.е. в воскресенье, работать с 7 ч. до 12 дня. Многих ребят, которые не пошли на работу, вызывали мастера по телефону, многим крепко попадало. Я очень боялся, но обошлось бла-

гополучно. Работали до 3 ч. дня. Кто в городе, попривозили хлеба, капусты, бураков. Мне же все время не везет. Ведь если бы я попал на завод, где ребята работают в Коминдорфе и др. я бы тоже голода не боялся. А то ведь попала на мою долю эта проклятая «Эрла», где ничего нельзя достать, разве иногда брюквинну, да и то очень редко и опасно. Варить уже нечего и поэтому не варю, а только греюсь около печки да смотрю, как другие варят. Многие сидят вокруг печки и кто что делает. Хотелось идти в картошку, но никто из рискованных не идет, а без проводников я не пойду, тем более, что страшно поляков, которые охраняют бауэрову картошку. Они поймали нашего русского около бурта и сильно избили его.

9 января, воскресенье.

Случай убийства мало кого встревожил, ибо смерть здесь не новость. Вообще я очень небрежно веду дневник, всегда важные моменты выпускаю. Сегодня, как и вчера, на работу решил не идти, тем более, что такой случай — убили кореша. День провел очень скучно. Читать нечего, да и не охота. Новости кто какие говорит, да все они фальшивые. Будто бы наши около Варшавы. Говорят, как подойдут к немецкой границе — значит и войне конец. Оно уже заметно, что война идет к концу. Немцы уже как сумасшедшие. Работают полсутки. А ночью если дома — то не спят из-за тревоги или бомбежки. Та большущая бомбежка так их напугала, что они трясутся при звуке неприятельского самолета. Боятся смерти идиоты, а нас ведь предают смерти. Я уже пишу дневник начистую, не боюсь в выражениях, да и чего бояться, что это неправда что ли? Если они звери-варвары, то об этом, по-моему, весь мир уже узнал. Только они сами не могут осознать этого.

Утром у Бутроменко перед свистком кто-то стянул хлеб — целый кг. Он поднял бучу, кто взял, обыск и прочее. Он было подозрил на меня, так как он спит на первом этаже, а я на этом же горте¹, только на 3-м, потом перевернул подозрение на Аркадия. С воровством еще дело обстоит не совсем благополучно. В других комнатах этого нет, пайку никто не возьмет. Конечно пайку и у нас не берут, но 1 кг хлеба — это я не очень порицаю, ибо взял хотя и Аркадий, то он очень голоден, а Бутроменко чувствует лучше всех нас. Я свое мнение высказал всем. За это Бутроменко переворачивает на меня, сказав, что я все время ворую, как и 50 марок у Савченко. Жрать мне очень хотелось, но нечего. После обеда Савченко принес машинку постричься. Ему он дает, а у Савченко берет в залог карточку на неделю. Человек 6 постриглись,

¹ Горт, возможно, от нем. «Der Hort», означающего, в ряде случаев, «тихое место».

а потом обломалась в руках ручка, решили снести завтра на завод и сварить. Савченко боялся, что ему за это попадет, тем более, что карточки отобрали. Ребята ходили куда-то за бельгийский лагер и покупали лимонаду. Вечером дали суп из сушеной моркови, очень горький и как трава, никакого впечатления на желудке. Жрать надо, но нечего, хоть умирай, я уже чувствую особенную усталость. Особенно в ногах. Ребята бегали к кухне и ладились спереть суп или талон. Я тоже долго мочился на дожде, но все напрасно. В картошку идти очень трудно в такую погоду. Я уже разделся и лег спать, как вдруг всполошились ребята. Я быстро оделся, схватил мешок и побежал через кусачую проволоку в одном месте, пройдя через нее зацепился и оторвал с куском пиджака, дождь лил как из ведра, и только видны одно фары, освещающие город с 3-х сторон, а тьма невыносимая. Шли по колено в грязи 12 человек на восток. Перешли шоссейную дорогу, еще через пол км показалась железная дорога и мост, мы шли под мост. На пути встретили еще таких как мы 14 человек, которых мы посчитали за охрану. Мы шли с ножами и булыжниками. По бурту лазали животом и далеко рукой из норки картошку, а дождь так и льет, мне стало жарко. Оттуда шли втроем. Через мост ехал велосипед. Лез по колено в грязи, выбивался из сил, запирало дыхание, одним словом, всего не расскажешь, главное картошку я донес.

10 января 1944 г., понедельник.

Еще вчера, когда принес картошку, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, наступал период смерти. Не помню, как мне удалось сварить картошку, но только лег я в четвертом часу, помню набил живот хорошо.

Сегодня я чувствовал хорошо. Я очень рад, что снова отошел, что смерть от голода удалась. Пока что утром доел вчерашнюю картошку и пошел в завод. Мастер в отношении 2-х дней пропуска ничего мне не сказал, только подгонял. Перед обедом обер-мастер сказал, что меня посадят в концлагерь и буду под строгим надзором за то, что не хожу на работу. Он записал мой контрольный номер. Еще с утра я опустил в ванную свою картошку, а во время обеда вытащил, она была сыровата. Зайдя в уборную, в русское отделение, съел всю картошку. Сегодня в желудке чудесно, даже брюквенный [вонятой? вонью?] не слышно. Теперь жду вечера как бога, чтобы скорее прийти и снова зарядить картошку.

11 января, вторник.

Погода очень мокрая. Дождь с каким-то туманом непрерывно идет. Пиджак очень мокрый с самого воскресенья, он из желтого превратился в черный от грязи. В животе чувствую хорошо, хотя заноза непрерывная. Идут смутные мысли. В 12-м часу на-

чалась тревога. Все бегали из цеха как бешеные, кто под кантину, а кто в подвалы, расположенных между цехов. Вокруг завода слышны зенитки, дымом окутали весь завод. Пролетело высоко 3 неприятельских самолета. Погода немного рассветлела, иногда из-за туч выглядывало солнце. Я сильно замерз в летней одежде, в фуфайке дело было веселее, но уже продал. В 1 ч. 5 мин. тревога кончилась. Придя в завод, посмотрел свою картошку, которая варилась в ванне, но она оказалась совсем сырая, потому что вода была тепленькая ввиду того, что завод больше часа не работал из-за тревоги. Я немножко съел и бросил.

После обеда сильно заболела голова. Я просился у мастера сходить в Красный Крест, но он не отпускал, тогда я обратился к обер-мастеру, тот разрешил, но ничего кроме пилюли не дали, которая ничуть не помогла.

12, 13, 14, 15, 16, 17 января*.

Трудно описать, что произошло со мной за это время. Дело в том, что я был замешен в саботаже. Поэтому чуть не поплатился жизнью.

Пришлось отлежаться в кранк-бараке. Помню, когда я острым концом детали пробил воздушный шланг, кто-то сильно ударил по голове. Бельгиец мне сказал, что благодаря ему меня не судили, что он заступился, сказал, что я нечаянно упал на шланг, хотя фашист определенно знал, что это не случайность. Бельгиец на меня показывает, что если я не переменю своего отношения к работе, то они тебя расстреляют. Об этом они уже поговаривали и перевели меня в красильный цех для последней проверки. Здесь работать очень скверно, еще потому что краски настолько ядовиты, что совсем отравляют ослабший организм. Очевидно, здесь я завершаю свой жизненный путь. Картошка оставленная ребятами была взята. Поэтому они помогают мне кто чем. Даже Бутроменко дал грамм 100 хлеба. Но все это плохо способствовало моему выздоровлению. В голове, по-прежнему, шумело, рана гноится, волосы необрезанные, прилипают. Синяки под глазами не проходят. Сегодня, 17 января, перед обедом я проходил мимо бывшего мастера-фашиста, он затрясся от злобы и, очевидно, от страха я было хотел вцепиться в него, но благоразумная мысль отвела меня, он, очевидно, понял и сделал быстрый рывок в сторону. Новый мой мастер без конца укоряет меня в неаккуратности, сегодня два раза гонял мыть руки, дескать, детали грязнятся от твоих рук и сказал, что я партизан, а также коммунист.

Новые мои партнеры — военнопленные итальянцы. Они без конца о чем-то разговаривают, как будто бы спорят промеж со-

* Далее в оригинале — синие чернила (до этого — фиолетовые).

бой, их трое. Они очень ловко воруют кольраби, сильно жадные, сами жрут, а мне не дают, а только показывают, где можно взять. Они тоже несчастные, вроде нас, Иванов, хотя и зовем мы их «макаронники». Они работают с этим мастером около 2-х месяцев, знают его все повадки и мне говорят, что он любит, чтобы его хвалили.

18 января [19]44 г.

Ноги сильно устают, так как сегодня весь день возили тележку с деталями или стружку. Работа веселая, но для ног тяжело. Итальянцы меня выдвигают, вернее, запрягают в корень, поэтому я иду впереди, а они сзади. Часто я не туда правлю, они тогда сильно волнуются, что мастер будет ругаться за то, что плохо возили. Они у меня спрашивали, за что меня так избили и говорят, что немцы плохой народ, что-то говорили о своем Бедолио. Потом учили меня говорить по-итальянски: рапа — брюква, патати — картошка, макджарора — кушать и т.д. Они ходят в своих шинелях и им тепло, но я как собака замерзаю. Дожди надоели, лучше бы мороз. В эту погоду и голова болит, даже раны и царапины не могут зажить. Во время стоянки я заснул, мастер меня обругал, я ему сказал, что мое состояние здоровья не дает мне быть бодрым. Я весь вялый, хотя и холодно, но я как вареный, чувствую боль в горле.

19 января [19]44 г., среда.

Сегодня вместо супа дали пареной картошки с устрицами. Устрицы были сильно соленые, поэтому кое-кто не доедал, мне отдали Партизан и дед. Но усталость, слабость по-прежнему даже в животе ничего здорового нет, пить ужасно хочется, в голове туман и сон. Ноги совсем не хотят ходить и сильно болят. Вестей с фронта никаких нет. От русских я как-то оторван, а итальянцы политикой не занимаются. Все это создает еще большее огорчение. Возили тележку в цех к полосатикам, разговаривал с одним ленинградским парнем, он просил меня достать документы любого иностранца и расспросил, как найти меня в случае, если очутится он на моей стороне. Мы условились. Все время нахожусь под впечатлением встречи с полосатиком. Конец работы в 7 ч. утра.

20 января, четверг.

Вчера я полчаса раньше ушел с работы, т.е. с рабочего места. Поэтому сегодня мастер наказал меня, оставил на полчаса позже, пока все не отбили талоны. Но я все же умудрился отбить талон и взять угля 5 штук. Полицай сегодня тщательно ощупывал всех и я чуть не зашухарился. Ребята сказали, что сегодня пойдем мыться в баню — весь наш 9 барак. Придя в барак, съев баланду на ходу, побежал догонять ребят. Но к первой партии я опоздал, пришлось ждать до 9 ч. Я удобно сел и проспал. Мылись

пять минут холодной водой. Грязь только развели, вышли из бани в 11. С Вас. Дроздом выпили по стакану лимонаду за 20 пфеннигов, потом немец буфетчик, узнав что мы уже выпили, выгнал нас.

В 3 часа разбудили на суп, в 4 — уже темно, стали готовиться в завод.

21 января [19]44 г., пятница.

Сегодня работали втроем, так как одного «макаронника» не было. Мастер справлялся, но ему ответили, что он арестован. Очевидно за то, что он ходил к одной немке, об этом якобы узнали немцы соседи и поэтому итальянца теперь повесят. Вообще итальянцы живут почти на положении русских, только им Красный Крест помогает свой и американский. Мы же русские, как отверженцы, никому не нужны, хотя нас здесь миллионы. Русских в Германии больше, чем другой нации. Вот наш лагерь считается штрафной, 3 тысячи человек. Когда как других 200 человек бельгийцев и французов. Мы огорожены проволокой в 100 рядов, а они ходят себе без «проводжатога». Но зато и русских мрет каждый день десятки — и все от голода.

Русские выносливый народ, это не отвергнет никто. Но вынести такую кару // надо чем-то питаться. По картошку не пойдешь, бурты забрали, да и караул усилили. Вчера и сегодня совсем нечего есть. Новостей с фронта нет, да и читать газет не приходится.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В.М. Баранов. Аннотация анкеты общества «Мемориал»

Анкетное обследование. Выборка 1/185. Баранов Василий Максимович, русский, 1925 года рождения, житель села Мериновки Стародубского района Орловской (ныне Брянской) области.

В Германию отправляли в 20-х числах августа 1943 года из Стародуба, где находился сборный пункт. Дома, в деревне остались родители. Языка немецкого не знал.

Но сначала отъехали недалеко — до другого пункта, в Унече. В пути была своя еда, но хлеб и даже масло, правда, плохое очень, немцы тоже давали.

В Германию прибыли 1 сентября 1943 года, в города Дрезден (в помещении технической школы был там промежуточный — распределительный лагерь), потом Лейпциг. Номера Василия Максимовича — 25795 и 158.

До марта 1944 г[ода] проработал в Лейпциге на заводах «Эрла», «Таух», «Гасак», условия труда средние. С марта 1944 по апрель 1945 — в цеху той же «Эрлы» в Рейхенбахе, здесь было потяжелее.

Жилище — ходуном трясущиеся бараки, постель — нары в три этажа, повсюду был на третьем этаже. Кормежка — похлебка из рубленых лопатой брюквы с кольраби, иногда шпинат, картошка (часто вместо хлеба). Зарплата — символическая: приблизительно одна марка в неделю.

Подвергался ли репрессиям? — Да, за воровство брюквы и саботаж. Пытались ли бежать? — Да.

Немецкого языка так и не выучил.

Освободили американцы 17 апреля 1945 года.

Контрольные процедуры при репатриации: несколько раз заполнял анкету. Перед отправкой поработал в охране отправляемых в СССР заводов. Вернулся — в родное село, в родной колхоз: «пахал, косил, навоз возил». Дома отнеслись по-человечески, никаких особенных проблем не было.

Нынче — на пенсии, житель Брянска. Там же — дети, но живут отдельно. Дома, в деревне, остался друг «по Лейпцигу» — Василий Иванович Дроздов.

В.М. Баранов. Письмо-приложение к анкете общества «Мемориал»

Уважаемый товарищ! В анкете выборка № 1—185.

Вы просите подробно рассказать о моей жизни остарбайтера. Начало этой жизни лейпцигского периода, хотя однообразно и погано, описано в моем дневнике, поэтому я повторяться не буду. С августа 1941 г[ода] немцами была оккупирована наша местность. Лесов и партизан в нашем крае не было, поэтому немцы хозяйничали: брали свиней, куру, яйца, молоко, насиловали. В бывшей колхозной кошаре находились немецкие больные коростой лошади. Жителей, особенно подростков, немцы заставляли ухаживать за животными, главным образом чистить облезлую кожу и смазывать больные места. Меня тошнило от этой процедуры, и я убегал. Тогда немец приходил за мной с нагайкой и часто попадало мне.

И вот спустя двух лет оккупации решили угнать молодежь в Германию. В повестке было сказано запастись продуктами питания, запастись обувью, одеждой, в том числе и зимней. Кто сбежит, постигнет кара не только его, но и родственников.

Итак, в конце августа 1943 г. на окраине г. Стародуба немцы собрали много подростков. С нами пришли проститься родные и близкие. Все плакали, казалось земля застонала от горя. Тогда немцы отсекли от нас родственников и погнали на ж.д. станцию г. Стародуба. Пересадка была в 35 км, станция Унеча. Там нас пересадили в товарные грязные вагоны, задвинули засовы и в полумраке двинулись на запад, примерно часов в 14 дня. В Гомеле нам разрешили набрать воды в чайники, и я решил удрать. Взяв чайник, набрал воды у колонки, оглянулся, немцев не видно, и бросился бежать, но тут же наткнулся на охранника, который под дулом автомата вернул меня в вонючий и душный вагон. В Белостоке — Польша — нас высадили где-то на сутки. Здесь я узнал, что моя двоюродная сестра Лида удрала. Девчата отдали мне ее вещи, которые в дальнейшем мне причинили столько горя. Вскоре прибыл еще эшелон с такими же, как мы. После обмывки и дезинфекции формировались по вагонам.

Один состав с моей любимой Олей ушел на Бреслау, а через несколько часов, и мы отправились на Дрезден. Рано утром 1 сентября мы прибыли в Дрезден. Целый день мы пробыли где-то в технической школе.

Дальше идет дневник.

Итак, 20 февраля, в воскресенье 1944 г. где-то в 12-м часу дня началась бомбежка с большой высоты завода «Эрла» — многие не успели, да и боялись заходить в плохие земляные убежища и когда завизжали над головами бомбы, все кинулись в бомбоубежище. Я оказался внизу под большой кучей людей, то есть

своих соотечественников. Когда вырвался наружу, буквально перекатился в только что образовавшуюся глубокую воронку.

Как помню, было 3 захода самолетов. Как только удалились самолеты, я увидел, что горит не только завод, но и рядом близко — наши бараки. Я вскочил в свой 9-й барак, схватил заранее упакованные вещи и только выскочил, как тут же упала крыша нашего барака.

Были убитые и раненые среди наших товарищей. Пешком прибыли к вечеру на большой завод, тоже на окраине Лейпцига Гаука, Гасак. Помню такие слова этому заводу. Первые ночи спали в подвале, присаживаясь к отопительным трубам в Польско-Бельгийском лагере. Потом освободили наше место. Но было очень тесно, хотя кормили неплохо.

Через месяц, а может и раньше, прибываю в г. Райхенбах. Поселили в заброшенной прядельной фабрике на горе (на бугре). Под потолком висели металлические приводы, колеса, из которых капало машинное масло, особенно, когда жарко, прямо на постель.

На первом этаже, как в сарае, расположились мужчины, на втором женщины. Были и семейные, пожилые и дети. Все спали рядом, никаких перегородок не было. Всего около 200 человек.

Завод представлял из себя один цех, видимо, филиал «Эрлы», где клепали маленькие самолетные крылья. Столовая была в третьем месте, далеко от завода и от жилища. Так что приходилось в тяжелых на деревянной подошве ботинках проделывать большие расстояния от жилья до работы, затем потом в столовую. Трудно даже сосчитать сколько раз туда и обратно за сутки. Ноги страшно болели.

В жилом бараке-фабрике было 3 человека obsługi — комендант, потерявший руку на русском фронте, левой рукой он так лупил, что трудно было отдышаться от его удара.

Немка-хозяйка.

Полицай чернявый, высокий средних лет. С виду он был мрачный, молчаливый, но пальцем никогда никого не тронул. Обычно он приходил на ночь с собакой — овчаркой. Комендант же свирепствовал только днем. Я пронумеровался под № 158.

Бывало уже попозже, когда комендант закричит: «хундерт ахт унд фунциг», каждый знал, что это я, зато как меня зовут, не все знали. Койки-кровати были 3-этажные. На верхнем спал я, спать было трудно, то как она качалась и тряслась, когда кто подходил.

Мастером был смуглый, небольшого роста, сильно глухой и заикастый немец лет 45, капризный и забубенный. В дальнейшем стал он придирается, как я считал, незаслуженно. Кричал, нака-

Так в тексте.

зывал за плохую работу. Однажды я не выдержал, толкнул его, а он от меня, да на крыло, крыло упало и пошло в брак. Дошло до коменданта, а у того рука тяжелая. Итак, я меняю место жительства Райхенбах на Пирну.

Городок Пирна находится на берегу Эльбы. Тюрьма здесь суровая, 4-этажная стоит на высоком холме. Сидели здесь преступники всех наций и было много добрых немцев, попадались и коммунисты. Просидев сутки на воде в одиночке, по ошибке попал к иностранцам и неплохо бы было, но и тут нашелся предатель — поляк. Так я определился к русакам. В подвале тюрьмы были и мастерские. Там работало много женщин, они реставрировали старые электрические лампочки, закручивали презервативы.

Гоняли и на другие работы. Меня в колонне с соотечественниками гоняли строить якобы площадку под танковый завод. От тюрьмы шли строем вниз через весь город к Эльбе, затем поворачивали направо и шли долго берегом. Приходилось киркой долбить скалу под надзором смотрителя. Лучше, когда отправлялись на противоположный берег Эльбы и грузили песок, цемент и т.д. Это горе постигло меня где-то в мае или начале июня, не помню. Сколько я пробыл, тоже не помню. Помню славного француза, которой хорошо говорил по-русски, так как работал у бауэра с русской девушкой. Они украли бидон с молоком для таких же, как и я, русских. Он знал свой срок, а я нет. Однако нас освободили разом, видимо, где-то в августе. Скоро цех наш закрыли. Видимо, не понадобились им истребители, не понадобятся им танки, так как война шла к концу.

До конца зимы мы работали на небольшом заводе или фабрике, а что я делал, не помню.

Помню, что находился завод недалеко от нашей столовой. После бомбежки города, видимо, в марте работал в лесу, валили с корнем большие сосны недалеко от Райхенбаха. Добрый бауэр, пожилой, нам с русской девушкой приносил отличный обед.

Это было единственное очень яркое, светлое и приятное пятно в моей трудной жизни остарбайтера. А 17 апреля после ночной канонады в 16 часов американцы вошли в город. Нам сверху было видно все. Наконец, пришла долгожданная свобода.

Вскоре после окончания войны, через несколько дней после дня Победы, всех нас погрузили на бортовые машины и привезли в город Хемниц в советскую зону.

Через определенное время на нас остарбайтеров обратили внимание, направились в сторону Дрездена. Определились при какой-то воинской части. Были опросы, проверки, заполняли длинные анкеты, это повторялось в разных местах и разными людьми.

Одновременно стали нас обучать владением оружия, а также использовали на разных работах.

Была попытка взять нас в ряды Советской армии. Приняли присягу, но формы солдатской никак не давали. Наконец, отобрали нас человек 10–12, я, как старший, получил назначение пойти на эбонитовый завод и сменить старых солдат-охранников этого объекта, который демонтировался для отправки в Россию. Следующим объектом была бумажная фабрика, тоже где-то недалеко от Дрездена. До конца мне не удалось довести дело, так как послали еще на один объект поездом с Дрездена на Прагу, нас высадили в г. Брике. Рудные горы, называется это место. Я и Жора, парень года на 4 старше меня, бывший военнопленный родом из Ленинграда охраняли завод или заводик. Насколько я помню, этот завод выпускал какие-то приборы, самопишущие машины. Вокруг в лесу валялись оставшиеся от войны оружие, подбитые танки. Небольшая группа немцев работала, забивала в ящики детали. Мы по очереди должны смотреть и быть начеку. Иногда на машине приезжал майор. По воскресеньям, когда не работали, он тоже мог нагреть. Так прошел октябрь.

На родину вернулся только в конце ноября 1945 года. Работал в колхозе родной деревни. На другой год председатель колхоза отпустила поехать учиться в Орловское музучилище. До войны я учился на первом курсе по классу кларнета. Окончил училище в 1950 г. и направлен в г. Брянск на работу в Музшколу. В 1985 г., с трудом доработав до пенсионного возраста, по состоянию здоровья вышел на пенсию. Живем вдвоем с женой, бывшей Карпеченко Ольгой Тимофеевной (с 1950 г. Барановой Ольгой Тимофеевной).

P.S. Будучи оstarбайтером, кроме деревянных ботинок (кандалов) никакой одежды или спецовки или белья нам никогда слесарям не выдавали. Носили то, что привезли с Родины.

Из письма П.М. Поляну от 4 апреля 1992 года

Уважаемый Павел Маркович!

Спасибо Вам за то, что моим документам Вы даете ход на широкую дорогу. Я постараюсь ответить на Ваши вопросы.

Дневник я начал писать буквально на второй день по прибытии в Германию. Писать побудили два противоположных чувства. Первое, это хорошее впечатление от красоты г. Дрездена и главного вокзала города Лейпцига. Второе, это чувство обиды за издевательства холоуев из Львова. Ручку и чернильный порошок я брал из дома. Блокнот мне дал Савченко, с которым я успел хорошо подружиться. Прятал я дневник на дне чемодана под подкладкой буквой Г, чтобы не выпадал. Небольшое вздутие было, но другого способа хранения я не придумал. Иногда дневник лежал у меня под подушкой. Чтобы не помять, я придумал и изготовил обложки из какого-то другого материала. Чемодан я прятал под шкафом, как это было в школе и в Райхенбахе. На «Эрле»

было уникальное хранилище. Я спал на третьем ярусе нар, справа — стена, слева стоял шкаф, то я умудрился засунуть чемодан между стеной и «кроватью». Даже когда проходили обыски относительно воровства картошки, брюквы, кольраби, то и тогда он оставался незамеченным. Когда меня отправляли в тюрьму, то заботу о моем чемодане взял на себя мой друг Вася. Я не знаю, где он хранился три месяца, но мне вернули его в полной сохранности. Да, за существование дневника я боялся, однако, продолжал писать все, что у меня наболело. Я очень много посвятил еде. Но, братцы, как мне хотелось есть. Поверьте, очень трудно жить впроголодь. Нет никакой жизни ни в теле, ни в душе.

Писать было трудно. Отработаешь 12 часов, рад до места. Писал часто не регулярно. Иногда мешали разные обстоятельства. Но обычно писал, когда спят. О существовании дневника знал мой друг Василий Аксенович Дроздов. Но он абсолютно не интересовался им и, считал это чудачеством.

Да, рисковал я и не за счет смелости, а скорее всего по беспечности. Но дневник я ценил. Он мне был талисманом. За ним я бросался в горящий барак. Много было и других, менее значительных эпизодов. Вот, например, после бомбежки «Эрлы», а затем [после] скитаний нам устроили дезинфекцию. Прямо со всеми пожитками, если они у кого остались, направили в баню. Немцы сами хозяйничали, открывали чемоданы и до ниточки вытряхивали все. Однако дневник оставался как замороженный. Чемоданы в дезинфекцию не ложили. Кончилась война. Из города Райхенбаха попадаю в город Хемниц (советская зона). С чемоданом пришлось навсегда расстаться. Были большие пешие переходы от Хемница до Дрездена. Ходили, пока не определились у берега Эльбы при воинской части. Дневник был со мной неразлучен, хотя и мешал здорово. А теперь о возвращении на Родину. В Брест мы прибыли ночью. Утром наш вагон поставили в тупик. Сержант собрал наши документы. Он оказался нашим земляком. От него мы узнали, что наш (вагон) состав готовится к отправке в Донбасс. Очень хотелось побывать дома. Получив свой документ, мы вдвоем отправились на вокзал. Поезд Брест—Москва ходит раз в сутки. Попасть в вагон — шансов никаких. Идем к паровозу. Помощник машиниста не прочь взять нас на тендер паровоза, тем более что мы будем подбрасывать уголь ближе к топке. Машинист вскочил в последнюю минуту на паровоз и дал ходу. Узнав о нашем присутствии, пообещал нас прогнать на первой же остановке. Весь пролет мы трудились в поте лица, но машинист был неумолим.

Через две остановки нам пришлось оставить паровоз. Нам ничего не оставалось делать, как воспользоваться буферами третьего вагона.

Верхом, я — на левом, он — на правом тронулись в путь. Вскоре мы ощутили сильное качание вагона, к тому же вихревой ветер с мокрым снегом ослепил наши пыльные глаза. Угольная пыль буквально сверлила зрачки. На стрелках особенно качало. Казалось, вот-вот упаду под колеса. Как клещ, хватаю голыми руками холодный металл буфера. Тарелки ударяют одна о другую. Боюсь, чтобы не отбило пальцы. словно кошмарный длинный сон, и вот пробуждение «МИНСК», — читаем на стене освещенного светом вокзала. Надо скорее согреться, а мочи нет сойти с буфера. Чемодан тяжел, нет сил идти с ним. Что же в нем лежит? Гармошка, брюки, поношенные ботинки, полбуханки хлеба, шмат сала, полотенце и дневник.

Заметили железнодорожную теплушку. Оставляем на перроне чемоданы. Долго греемся над раскаленной чугушкой. Вот и поезд наш отошел. Выходим из теплушки, глядим: одного чемодана нет. Мой цел.

На ум пришла известная нам песенка.

И когда я останусь живая,
С Райхенбахом навеки прощусь,
И на Родину к старенькой маме
Хоть пешком, хоть ползком доберусь.

Что касается публикации моего дневника, я не возражаю.

В прошлые годы я любил путешествовать по стране. А в июне 1989 года ездили в Польшу с восьмидневным ответным визитом.

Город Конин и Брянск — побратимы.

С уважением.

Баранов

4 апреля 1992 года.

Послесловие

Таинство сшитых бланков

В 1990–1991 годах Московское общество «Мемориал» и Институт географии Академии наук СССР проводили выборочное анкетное обследование оstarбайтеров. Было разослано 207 анкет и получено 103 ответа. Многие, не ограничившись анкетами, прислали короткие воспоминания или фотографии, а один из этой совершенно случайной выборки прислал нечто совершенно драгоценное и сокровенное — дневник. Дневник охватывает период между сентябрем 1943 и январем 1944 года. Писался он, несомненно, втихую, тайно — самый характер записей — откровенных, отчаянных и дерзких — не оставляет в этом сомнения¹. Как же надо было постараться, чтобы все это осуществить!

На чем писать? Прошнурованная веревочкой стопка бланков с расписаниями, если я не ошибся, грузовых поездов. Чем писать? Нет, это не огрызок карандаша, это чернила: стало быть, надо их иметь, как и чернильницу и ручку — значит, надо их и хранить, и прятать, — и это в лагере-то! Ведь попади дневник в руки лагерного начальства, тогда — не сдобровать писавшему!

Стало быть, везучим, легким был Василий Максимович Баранов, 1925 года рождения, уроженец села Мериновки Стародубского района Орловской (ныне Брянской) области. Уж настолько везучим, что на чужбине умудрился найти себе невесту, жену, Ольгу Тимофеевну, и по сию пору разделяющую его судьбу².

О чем же поведали их анкеты и письма?

Василия Максимовича в Германию отправляли в 20-х числах августа 1943 года из Стародуба, где находился сборный пункт. Было ему тогда 18 лет. Дома, в деревне, остались родители. Языка немецкого не знал. Сначала отъехали недалеко — до другого сборного пункта в городе Унече. «Там, — вспоминает В.М. Баранов, —

¹ Дневник написан на сшитых листах «Грузовых тарифных предписаний» (Tarifordnung für Gütertransporte). Автор дневника, перечитав его впервые после написания, писал автору этих строк: «...Я поразился, как я решился на такое отчаяние. Мне казалось, что я был совершенно безволен. Да, я был озлоблен. Злоба бурлила во мне, выскакивая наружу. Читая дневник, я верю, что это был не сон, это настоящая правда» (письмо от 4 февраля 1993 года).

² В письме к автору этих строк от 4 февраля 1993 года В.М. Баранов не скрывает: «В отличие от всего остального, своей женою я очень доволен. Прожили вместе душа в душу 42 года. Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним».

нас пересадили в товарные грязные вагоны, задвинули засовы и в полумраке двинулись на запад, примерно часов в 14 дня. В Гомеле нам разрешили набрать воды в чайники, и я решил удрать. Взяв чайник, набрал воды у колонки, оглянулся, немцев не видно, и бросился бежать, но тут же наткнулся на охранника, который под дулом автомата вернул меня в вонючий и душный вагон». В пути была своя еда, но хлеб и даже масло, правда, очень плохое, немцы давали.

В Германию прибыли 1 сентября 1943 года, сначала в Дрезден (в помещении технической школы был промежуточный — распределительный — лагерь), потом в Лейпциг. Лагерные номера — 25795 и 158. До марта 1944 года Баранов проработал в Лейпциге на заводах «Эрла», «Таух», «Гасак», условия труда средние. С марта 1944 по апрель 1945 года — в цехе той же «Эрлы» в Рейхенбахе, здесь было потяжелее.

Жилище — ходуном трясущиеся бараки, постель — нары в три этажа (повсюду был на третьем этаже). Кормежка — похлебка из рубленых лопатой брюквы с кольраби, иногда шпинат, картошка (часто вместо хлеба). Зарплата — символическая: приблизительно одна марка в неделю.

Подвергался ли репрессиям? — Да, за воровство брюквы и саботаж. Пытался ли бежать? — Да.

Немецкого языка Василий так и не выучил — из ненависти.

Освободили американцы 17 апреля 1945 года.

Контрольные процедуры при репатриации: несколько раз заполнял анкету. Перед отправкой поработал в охране отправляемых в СССР заводов. Вернулся в родное село, в родной колхоз: «пахал, косил, навоз возил». Дома отнеслись по-человечески, никаких особенных проблем не было.

Ныне — на пенсии, житель Брянска. Там же и дети, но живут отдельно. Дома, в деревне, остался друг «по Лейпцигу» — Василий Иванович Дроздов.

Его жена — Ольга Тимофеевна Баранова (в девичестве Карпенченко) — и сверстница, и землячка мужа (родом из деревни Коробовщина Орловской, ныне Брянской области). В том же августе 1943 года, ее, семиклассницу, «завербовали» в Германию и тем же, что и у мужа, маршрутом — через Стародуб (21 августа 1943 года) и Унечу — увезли в Германию. Ехали в товарном вагоне и питались своими продуктами. И в Германию прибыла 1 сентября — тогда же, что и Василий Максимович: только не в Дрезден, а в Бреслау (ныне Вроцлав в Польше), где и проработала на авиационном заводе — по 12 часов в день автоматическим молотком забивала в крылья заклепки — все свое «заграничное» время. Сюда прислал ей из Райхенбаха свою фотографию ее будущий муж. В январе 1945 года вместе с подругами — за две недели, в строю, с охран-

никами и собаками — ее перегнали в Лейпциг: бараки на одном конце города, гигантский авиационный завод — в поле на другом конце. Но здесь поработала всего месяц, ибо бросили ее с подругами на ставшее особенно актуальным «пожарное дело» — бомбежки без пожаров не обходились. Дополнительной тяжестью — буквально — было таскание шлангов.

Платили «неплохо» — 2–3 марки в месяц. И в бараках комфортнее: нары не трех-, а двухъярусные. Рацион — тот же, что и у мужа, хлеба давали по 250 грамм и еще 15 г маргарина.

Освободили ее те же американцы примерно 20 апреля 1945 года, но под Лейпцигом.

Домой — в деревню — начала собираться в сентябре 1945 года, добиралась самостоятельно, без пайка. Односельчане отнеслись сочувственно.

Цитата из ее письма к автору этих строк: «У мужа сохранился дневник, а у меня ничего не осталось, так как я не хотела вспоминать об этой трудной жизни. Я все повыбросила».

Впрочем, не все выбросила Ольга Тимофеевна. Фотографии мужа, о которых она пишет, — берегла.

Ни на одной из трех фотографий нет улыбки на лице, на всех — какое-то напряженное, настороженно-измученное выражение. То самое выражение, о котором писал еще Виталий Семин: «Конечно, лагерное напряжение у всех вырабатывало настороженность, стремление уйти в темноту, стать или сесть так, чтобы тебя не видели... В глазах осадок голодной усталости и объединяющее со всеми остальными выражение постоянного косвенного слежения: за дверью, за теми, кто в эту дверь входит...»¹

Вот самая маленькая, и, видимо, самая старая фотография: чубатый лоб, светлая ковбойка на молнии, мятый-перемятый мешковатый пиджак с нашивкой «Ost» на правой стороне. На обороте — надпись: «Баранов Василий. № 158. № 25795».

Вторая фотография — в полный рост, на фоне товарняков на задворках железнодорожной станции какого-то крупного города, может быть, Лейпцига. Руки по швам, та же рубашка, темные брюки со стрелкой (неужели на нарах отглаженные?), на голове кепка. И надпись на обороте (зеленые чернила): «На память Олечке от Васи. Германия, г. Райхенбах. 5.11.44».

И, наконец, третья — уже послевоенная, весь облик преобразился — округлились щеки, черный, кажется, ватиновый пиджак, под ним джемпер и даже галстук! — Но не изменилось выражение глаз! На обороте же целое послание: «Скука и скука. Скука не потому, что далеко от родины, а потому, что далеко от людей.

¹ Семин В. Нагрудный знак «Ost» // Дружба народов. 1976. № 5. С. 139–140.

Бесконечные горы и сплошной лес. А ведь вспомнишь прошедшие детские годы, своих родителей и дом, то душа прохватывается дрожью и горько чего-то. Как хочется еще в свете жить, но не такой жизнью, в какой нахожусь теперь. Сидишь да растягиваешь гармошку, она уже так надоела, что еще хуже расстраивает нервы. То и дело, что смотришь на часы, а потом на облака и качающиеся ели, сравниваешь одну с другой, какая до каких пор качнется, в какой верхушка прямее, и все одно и то же, одна и та же мысль — все надоело, опостыло. А ведь мне уже 20 лет, что я видел хорошего за свой век? Дойдя до такого возраста, я еще не имел идеальной любви с девушкой.

Нет, это не жизнь, а что-то другое. И неужели свет не может существовать без несчастливцев? Эх, жалко губить молодую жизнь, ведь, может быть, скоро возьмут в армию, а потом года через три перейдешь как-нибудь на нормальную вольную жизнь. 7.10.45 г. Воскресенье».

То, что некоторые лагерники умудрялись вести дневники¹, тем более поразительно, если вспомнить условия, в которых им это приходилось делать. Ведь что такое дневник? Запись пережитого, увиденного — в сущности, записка кому-то неведомому, кто, может быть, когда-нибудь развернет твои записи, прочтет и, будем же оптимистами, поймет и оценит.

Для того чтобы вести дневник, нужно было — чтобы сошлось, совпало множество условий и обстоятельств, причем каждое и само по себе — редчайшая удача. Во-первых, нужно было услышать в себе этот зов, почувствовать и принять его настоятельность, найти на чем писать, чем писать, где и как писать (незаметно для других, не вызывая подозрений, ибо что может быть в лагере опасней?), найти укромное место, где хранить! И тысяча других угрожающих жизни «мелочей»...

Вот как это было с Василием Барановым:

«Дневник я начал писать буквально на второй день по прибытии в Германию. Писать побудили два противоположных чувства. Первое, это хорошее впечатление от красоты г. Дрездена и главного вокзала города Лейпцига. Второе, это чувство обиды за издевательства холуев из Львова. Ручку и чернильный порошок я брал из дома. Блокнот мне дал Савченко, с которым я успел хорошо подружиться. Прятал я дневник на дне чемодана под подкладкой буквой Г, чтобы не выпадал. Небольшое вздутие было, но другого способа хранения я не придумал. Иногда дневник лежал у меня под подушкой. Чтобы не помять, я придумал и изгото-

вил обложки из какого-то другого материала. Чемодан я прятал под шкафом, как это было в школе и в Райхенбахе. На «Эрле» было уникальное хранилище. Я спал на третьем ярусе нар, справа — стена, слева стоял шкаф, то я умудрился засунуть чемодан между стеной и «кроватью». Даже когда проходили обыски относительно воровства картошки, брюквы, кольраби, то и тогда он оставался незамеченным. Когда меня отправляли в тюрьму, то заботу о моем чемодане взял на себя мой друг Вася. Я не знаю, где он хранился три месяца, но мне вернули его в полной сохранности. Да, за существование дневника я боялся, однако, продолжал писать все, что у меня наболело. Я очень много посвятил еде. Но, братцы, как мне хотелось есть. Поверьте, очень трудно жить впроголодь. Нет никакой жизни ни в теле, ни в душе.

Писать было трудно. Отработаешь 12 часов, рад до места. Писал часто не регулярно. Иногда мешали разные обстоятельства. Но обычно писал, когда спят. О существовании дневника знал мой друг Василий Аксенович Дроздов. Но он абсолютно не интересовался им, и считал это чудачеством.

Да, рисковал я и не за счет смелости, а скорее всего по беспечности. Но дневник я ценил. Он мне был талисманом. За ним я бросался в горящий барак. Много было и других, менее значительных эпизодов. Вот, например, после бомбежки «Эрлы», а затем скитаний нам устроили дезинфекцию. Прямо со всеми пожитками, если они у кого остались, направили в баню. Немцы сами хозяйничали, открывали чемоданы и до ниточки вытряхивали все. Однако дневник оставался, как замороженный. Чемоданы в дезинфекцию не ложили. Кончилась война. Из города Райхенбаха попадаю в город Хемниц (советская зона). С чемоданом пришлось навсегда расстаться. Были большие пешие переходы от Хемница до Дрездена. Ходили, пока не определились у берега Эльбы при воинской части. Дневник был со мной неразлучен, хотя и мешал здорово».

Спасибо же тем, кто — вопреки всему — вели свои дневники и кто доверился нам, потомкам и читателям.

Выдержки из дневника Василия Баранова публиковались в 1995 году в журнале «Знамя»¹. В 2000 году дневник экспонировался на выставке в Немецко-русском музее Берлин—Карлсхорст, а в 2005 году — на выставке «Невольники Третьего Рейха» в ряде выставочных залов Москвы. Дневнику и его автору была посвящена серия радиопередач Г. Эрбсле «Meine Seele war schwarz vom Fliegen. Das Tagebuch des Ostarbeiters Vasilij Baranov» (на «Зюдвестфунк» (Баден-Баден), 3, 4 и 5 ноября 1993 года).

Павел Полян

¹ Известен, например, дневник одного немца, заключенного в концентрационный лагерь Дахау: Edgar Kupfer-Koberwitz. Die Mächtigen und die Hilflosen. Stuttgart, 1960.

¹ В. Баранов. Дневник оstarбайтера / Предисл. и подготовка текста П. Поляна // Знамя. 1995. № 5. С. 135–155.

ДНЕВНИК-ВОСПОМИНАНИЕ

(осень 1944 — июнь 1945 гг.)

(Публикация П. Поляна и Н. Побоя.

Примечания и послесловие П. Поляна)

1944 г.

Бохум-Лангедреер.

[Поздняя] осень. Туман окутывает землю, [покры]тую камнем и ржавчиной, там и сям [изры]тую воронками бомб, руинами [зданий]. Сырая, пронизывающая до костей холодом, стояла погода в Рурской области. Фрицы оставили все на произвол судьбы, лишь полотна железных дорог поспешно отстраивались, убирались разбитые составы, награбленных вагонов со всей Европы. Пустые составы шли на Запад, к фронту, чтобы затем пополниться мебелью, продовольствием и следовать во внутрь кровожадной, скорчившейся в последних судорогах «Империи». Тарелки, одежда, продукты, голландский сыр смешивались в одном вагоне: вор уж не сортировал своей добычи.

24.4.[19]45 г. Сижу в лагере вокруг холодной печки. Ничего не делаю. Ясная погода. Как-то трудно переносить безделье, хотя и ноги не носят. И вот решил дальше писать, вспоминая о прошлом. Чтобы записать на память чужая земля, что собой представляла жизнь в Германии.

25.4.[19]45. Сегодня впервые услышал русскую речь по радио. Первая передача для граждан Сов[етского] Союза. Говорил «Голос [Родины] из» Люксембурга. Нас стояла группа человек 30. Восторгам не было предела. Все лица были сияюще-оживленные. Передали приказы для иностранных рабочих, освобожденных от фашистского рабства и еще не освобожденных, а также последние известия.

26.4.[19]45. Приближается день 1 Мая. В комнате-клубе готовим пьесу, рисуем портреты и плакаты. Думаем пройти демонстрацией по городу, если удастся.

[Между 26 и 27 апреля 1945 г.]

[как-]нибудь помочь девушке. Другая девушка с Ворошиловграда рассказывает, что перед самым приходом американцев она бежала в бункер, и ее ранило осколком. Теперь от загноения нога

* Слово неразборчиво.

больная. «Скоро домой, на родину, ехать, — говорит, — а я вот больная». Просили, чтобы непременно еще приходил и сообщал им последние известия и новости вообще.

Да, еще пообещал списать песню «Мечта». Вот ее текст:

Мечта

Это было в Москве,
В зеленеющем мае:
Ты спешила ко мне
На метро и трамвае.
Мы гуляли с тобой
По Нескучному саду.
Мне хотелось идти
Вместе с тобой, дорогая моя.
Настала война,
Это было в июне;
Ты осталась одна, —
Я сидел в эшелоне.
Быстро прибыл на фронт,
Долго дрался с врагами;
Но в душе только ты,
Да родная Москва,
Да о прошлом мечты.
Не боялся я мин.
Не боялся снарядов,
Знал я, что не один,
Что со мною ты рядом.
Даже сидя в плену,
Я о прошлом мечтаю,
Хоть голодный сижу,
Но тебя вспоминаю.
Жди меня, — я вернусь, —
У Нескучного пруда;
Тогда встретимся вновь,
Засверкает любовь
И ты будешь моя.

27.4.[19]45. Дождь шел целую ночь. Только что в 1.45 заходил в итальянский лагерь слушать радио, но, как и вчера, не было току: все разочарованные и злые вернулись снова в барак. Проведал еще девушку в лазарете. Пулю вынули еще на тот день. Будет жива. Сейчас девушки делают уборку и выгоняют нас из комнаты.

Запишу несколько песен и стихотворений. Записывал, не исправляя ни ошибок, ни содержания. Все беру, как вижу в альбомах или слышу, как поют. Вот передо мной альбом Кучугури

Павліни из г. Дюссельдорфа от 15 августа 1943 года. Возьму из него несколько выписок (на украинском языке).

1. Мой виїзд в Немеччину

Зрйшло сонце за горою
Червоне и рожеве,
Ми забралися до «Розправи»
Дуже невеселі.
Бо останній разочок
Тут перебували,
Через пів часочка
З села виїджали.
Підійшла мовчки до воза
Чемодан поклала
Як глянула я на маму
Тихо заридала.
Викохала, виростила
Помочі дождала
Наробила горя война
Дочку водібрала.
У далеко доріженьку
Вийшла дочка з хати
Осталися сиротами
Дочка й мати.
На родненькой Україні
Батько й мати тужать
Дочка на чужині в горі і печалі
Лета свої губить.
Хай не плаче стара мати
Дробними слюзами
Скоро буде розмовляти
Рідна дочка з Вами.
Хай матері моїй рідній
Легенько гикнеться
Скоро дочка твоя рідна
До дому вернеться.

* * *

Раскинулись в горах Альпах
В ущельях бараки стоят
В бараках
В горі, на чужбині —
Всюду наш народ суму....
і радується песнею!
Ни сидячи на возах
Тихо заспевали
Поскидали хустенки

Батькам помахали.
Приїхали на станцію
В поїзд погрузились
Полчили чвертіну хлеба
У этим довольнились.

2. Спогади

Прийшла зима
Повіяли цвіти у садочку
Виглядав з Німеччини
Мати свою дочку.
Виглядав що дня мати
Темненької ночі
У не раз и заплачуть
Старенькі очі.
А як прийде тихий вечер
Вийде мати з хати
Щоб почуть девочий голос
Про дочку згадати.
Запуе зозуля,
Защебече соловейко
Покотяться дрібні сльози,
Заболить серденько.
Росла дочка у матері
Росла виростала
У розкомах привеликих
Горенька не знала.

[28 апреля 1945 г. ?]

* вот тебе* но кость целая: пара дней и будет рука работать. Все одно Первое мая отпраздную. А сейчас буду лежать и писать. Новые друзья принесли карандашей и бумаги.

* очень важно здесь при моем здоровье. Решаю записать песни, которые каждый день поют девушки. Все это новые песни о жизни в Германии, о родине, о*

29.4.[19]45. На Эльбе встретились союзные армии. По радио услышал подробности встречи. Песни, обмен приветствиями, передача боевого знамени героической дивизии (в боях за Сталинград) американской 1-й армии.

[П]русский фронт продвигается значительно быстрее, что фронт перед Берлином. Мы тогда не знали, какой идет месяц, какое число и день... Лишь «свежая» жертва нам кое-что сообщит,

* Текст надорван, причем утраченный текст реконструкции не поддается.

но все это в тот момент же забывалось, терялось в голове. Голод пронизывал и кости, и мысли.

И в этот момент мы иногда говорили, желали почему-то, чтобы Берлин был взят Красной Армией, а не с Запада. Это сказал один товарищ (его убили немцы), звали его Алим. Почему и как это он объясняет, я так и не спросил его тогда.

[1.5.[19]45.] Как-то необычно все. [Без] всякой договоренности, каждая группа по-своему приготовилась к этому празднику: в клубе полно. Митинг, приветствия, радость. Везде танцы и музыка. Всюду на стенах бараков — лозунги. Ведь три года были здесь люди, не имея никакого отдыха, а если был у кого-нибудь свободный день, то он приходил, как и вся жизнь здесь, в мыслях, что, чтобы, как, где, что-нибудь поест. Голод, ежеминутный голод поглощал все мысли, размышления; голод руководил поступками, действиями человека.

Очень досадно, что не смог я побывать в клубе, как давали пьесу (через больную руку). Поэтому почти полдня простоял в итальянском лагере возле рупора. Но итальянцы все ловили передачи на итальянском, французском языках. И мне трудно было все понять. Когда-то изучал английский язык, но много забыл. Нужно попросить литературы и немного поновить прошлое.

2 мая [19]45 г. После вчерашней ясной погоды — снова дождь. Перешел через лагерь, дальше через территорию Huette и Eisenwerke в другой лагерь, чтобы в 1 час 45 м. послушать последние известия по радио (так как в итальянском нету электротока). Возле рупора была группа до 100 человек. И вот пронеслось: «Гитлер умер»... Все как-то машинально заговорили, посылая проклятия вслух извергу-людоеду. В каждом человеке, который испытал на себе фашистскую...

3 мая [19]45 г. Пришел в другой лагерь очень рано. Зашел в клуб, где просмотрел лозунги, портреты и также прочитал стенную газету «Лагерная Правда», посвященную 1 Мая.

В 1.45 слушаю радио. Вчера взят Берлин Красной Армией. Помнится в концлагере, где никаких известий нам не разрешалось ни слушать, ни распространять, мы начали прислушиваться к канонаде на Западном фронте. Уже мы здесь в Германии знали, видели, чувствовали, что скоро лопнет эта кровожадная империя. Рабочие иностранцы украдкой сообщали мне, что гумовой шланги и открытого презрения, презрения самого грубого порядка, — в образе Гитлера представлялось все самое гнусное, самое грубое, на что-то только способный человек. Ни один смертный человек не получал столько в спину проклятий, как этот изверг.

* Текст надорван.

Вернулся в свой лагерь и сообщил товарищам «последние известия». Все очень обрадовались. Начался оживленный разговор, которому сегодня не будет конца: о народе на Красной площади, о войне, о погибших товарищах.

4.5.[19]45 г. Пришел из [оспита]ля. Рука совсем здоровая (почти). Проведал палату, где лежат больные русские девушки. Много говорил с освобожденкой из Сталино (Клава Кривошеина). Она уже четвертый год в Германии. Ей сделали операцию (аппендицит), завтра нужно понести цветов.

Раскинулись рельсы далеко,
[На н]их эшелоны летят
Они из России вывозят
В Германию всю молодежь.
Прощай, мой родной городишка,
И ты, дорогая семья,
И ты, молодая девчонка,
Порою ты вспомнишь меня.
Не забуду я слез материнских,
Суровых бровей у отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов.
Быть может, вернется с победой
Мой брат краснофлотец-герой.
Так Вы же ему расскажите
О брате его молодом.
Прощайте зеленые парки
Мне больше у Вас не гулять
Я буду в Германии жуткой,
Свой век молодой сокращать.
Напрасно ты, мамочка, плачешь,
Напрасно надеждой живешь,
Напрасно ты письма читаешь —
Ты правды в них не найдешь.
Раскинулись рельсы далеко,
Лишь лагерь мелькает вдали,
Теперь я, мамаша, далеко,
Далеко от русской земли.
Хотел бы сказать вам три слова,
Навряд ли вернусь я домой,
Но пусть же они не забудут
Что есть где-то сын их родной.
Как вспомню родную Россию,
Как вспомню родной городок,
Как вспомню вечерние зори,
Так слезы польются рекой.

Родные, мои дорогие
Два года, как здесь я живу,
Питаюсь одной баландою
И с жаждой на волю гляжу.
Ах, мама моя дорогая
Я хлеба здесь вволю не ем
Питаюсь одной баландою
И силы теряю совсем.
Ах, мама моя дорогая
Пройдут за границей года,
Быть может, домой я вернусь,
Но юность моя никогда.
Раскинулись рельсы далеко
Баракки зелены стоят
А в этих широких, огромных бараках
Рабочие с Востока сидят.

5.5.[19]45. Передал в госпиталь девушкам цветы и пр., а сам ушел на завод, где подыскал в развалинах ванну. Нагрел воду и хорошо искупался. Раны затягиваются, синие пятна исчезают. Чувствуя себя значительно лучше. Еще неделю — и я здоров. В лагерь возвратился перед самым вечером.

Как надоел лагерь! О, здесь все иное, даже климат сырой, безжизненный, противный.

[6.5.[19]45]

В итальянском лагере слушал радиопередачу для советских граждан за границей. Несколько времени говорили о событиях на родине, проект п[амятни]ка генералу Ватутину в Киеве, установление водного хозяйства в Крыму, разрушенного немцами и др., выставка трофеев в Москве... Ведь мы были оторваны от родины и не знаем, что происходило без нас. Вот почему нам всего сейчас интереснее слушать о событиях, происходящих на родине. Распад фашистской империи на полном ходу. Армии сдаются. Скоро домой...

7.5.[19]45. Наконец-то ясная майская погода.

8.5.[19]45. Кончилась война в Европе. Сколько миллионов свободно вздохнули, сколько спасено от голодной смерти в германских концлагерях и др. л[агерьях]. Помнится, всегда в тяжелые моменты жизни каждый из нас в концлагере на вопрос: зачем жить? — давал ответ — увидеть День победы, день конца войны. А тогда...

И вот — этот день пришел. Я вышел из лагеря и пошел в город Бохум. Прошел через весь город. В центре города на бывшем «Ратгаузе» увидел три флага: по краям английский и флаг Советского Союза, посередине — американский...

Как-то я остановился возле доски приказов. Немцы читают приказ об окончании войны. Большинство женщины. Немец, про-

езжая велосипедом, крикнул: «Криг шлюс?! Войне конец?!». Женщина, посмотрев на него, подчеркнуто резко ответила: «Еще в [19]44 году было видно, что война кончилась для нас...»

Другой немец начал говорить, что это еще не конец: теперь начнется война между Америкой и Сов[етским] Союзом. И это уже видно.

Я со стороны заметил, что этого не может быть, что это старая пропаганда из арии Геббельса. Но он узнал по акценту, что я русский, и очень испугался. Оставив его, я ушел.

9.5.[19]45. Конец войны в Европе. В Советском Союзе этот день будет праздноваться как День победы. Сносим, срываем проволоку в лагере.

10.5.[19]45. Был в городе целый день.

11.5.[19]45. Красная Ар[мия] в Праге.

13.5.[19]45. Смерть марш[ала] Щербакова.

14.5.[19]45. По радио передавали воспоминания пленного офицера Красной Ар[мии] и о жизни в концлагере Гаттингине, где я тоже был и пишу рассказ об этом концлагере.

15.5.[19]45. Конференция (Сан-Франц[иско]) о наказании преступников Европейской войны. В городе впервые встретил 2-х «земляков» из Харькова. Один лежит в госпитале, другой — с неизвестного лагеря.

16.5.[19]45. Представитель по репатриации советских граждан генерал-майор Драгун¹.

Закрытие западной германской границы, чтобы предотвратить побег преступников войны. (Но я думаю, что их уже много ушло).

После обеда был во всех госпиталях г. Бохума. Дело в том, что один оставшийся со мной товарищ по концлагерю, итальянец Фернандо, выбил себе один глаз. Я должен был проведать его. Около 3-х часов я искал его, проверяя комнаты больных. И наконец-то нашел моего итальянца в городском бомбоубежище, которое было отведено в распоряжение Красного Креста. Через 2 дня ему будут делать операцию и вставлять стеклянный глаз. Жалеет, что пережил войну, все кончилось, а он перед отправлением на родину потерял глаз. Успокоив его, я пообещал принести ему завтра что-нибудь поесть.

¹ Драгун Василий Михайлович (1898 — ?) — кадровый разведчик, в годы войны был начальником отдела оперативного управления ГРУ Красной Армии, заместителем начальника военных миссий СССР в Великобритании (1942—1943), а также в Италии и Франции (1944—1945). Начиная с весны 1945 года, представитель Управления Совнаркома СССР по делам репатриации во Франции (а фактически — во всей Европе). Иных свидетельств о посещении Драгуном Хаттингена или Бохума не имеется.

17.5.[19]45. Я снова ходил к итальянцу в лазарет. В комнате очень душно, окон нет. Фернандо очень беспокоится. День был не приемный, и сидеть долго не разрешалось. Я его немного развеселил своим приходом, подал ему еще свежий суп. Больной бесконечно благодарил за мои услуги... Рассказав ему, что у нас на родине так принято помогать друг другу в беде, я простился и ушел, чтобы завтра снова прийти.

В лагере новость — нас куда-то будут вывозить. Говорят, наверно, в другой лагерь. Это очень печально, так как один среди немцев, без товарищеской помощи.

20.5.[19]45 г. Как долго никто не проведаль наш лагерь. Везде по соседним лагерям уж были офицеры Кр[асной] Армии, проводили митинг, рассказывали новости о родине и пр.

По радио передали, что скоро разрешат писать на родину. Вчера ходил в госпиталь Йозефа. Хотел выписать очки, но нужно сначала достать документ от американского команд[ования].

28.5.[19]45. Целую неделю болел: снова открылась старая рана на шее. Пишу заметки о гаттингенском концлагере. Достал пропуск до глазного врача. (Йозеф госпиталь).

29.5.[19]45. С 8 до 9 сидел в госпитале, ожидая приема. Кроме немцев, никого в ожидании не было. Немцы говорили о Советском Союзе. Многие еще до сих пор не знают правды о положении и жизни в нашей стране. Я молча слушал, притворяясь, будто не понимаю, чтобы дослушать их суждения.

Выписал рецепт на очки: зрение совсем плохое (–5, –6,5 диоп[трий]). После этого вступил в разговор. Удивленные моим вмешательством, они долго молчали. Я рассказал о том, как без всякой помощи со стороны родственников смог кончить среднюю школу и учиться в университете. Потом — о жизни в концлагере. Чувствую, что большинство было согласно со мной.

30.5.[19]45. Уж нет терпения ожидать. Многие вышли из лагеря, чтобы уйти в г. Зост, откуда будто отправляют на Берлин и т.д. Но американцы не пускают. Знакомый солдат-американец подарил мне книгу, и я решил заняться изучением английского языка. Книга под названием «The Kingdom of Swing by Benny Goodman and Irving Kolodin»¹.

[...] ²

Харьковская обл.
Краснокутского р-на
с. Константиновка

¹ Так в тексте.

¹ «Королевство свинга» Бенни Гудмана и Ирвинга Колодина.

² Далее следовал опускаемый здесь перечень английских слов с русскими переводами.

Шимон Иван Васильевич
Сумская обл.
Сынировский р-н (с Сынивка)
село Подилки
хутор Потопыха
Кулинич Сергей Иванович
Харьковская обл.
Люборенский р-н
станция Люботин
поселок Гиевка
улица Новоселовка, № 32
Жуков Николай Андреевич
(Доценко Евдокия Андреевна)
убегал от американского преследования

Под мотив «Крутится, вертится шар голубой»

Крутится, вертится шар голубой,
Названный нами когда-то землей.
Через экватор на север и юг
Рвутся шрапнели огненных выюг
Бьет артиллерия, танки гремят —
Черные трупы убитых солдат.
Встряхнувши с себя предательский груз
Фронтом сомкнулся Советский Союз.
Гитлер глубоко в Украину залез
Силой моторов и верных СС.
Отдал войскам беспощадный приказ
Взять Сталинград и советский Кавказ.
Но против брони поднялась броня
Шквальный огонь против шквала огня.
Каждый этаж — бастионом вставал
И города Гитлер, конечно, не взял
Через разорванный танками фронт
Наши гвардейцы прорвались вперед.
И спрятав в карман беспощадный приказ
Не дожидая весны и тепла,
Выслал по штабам он снова дела:
Старый бродяга мечтал снова рискнуть
Или погибнуть или занять Москву.
Солнце сменяла вечерняя тень
Пятым июлем назначен был день.
И на отрезках Харьков—Орел
Снова дивизии в атаки повел.
Тянулись недели в упорных боях
И дрогнул разбитый, развеянный враг,
Сквозь дым и угар догорающих сел,

Наши с победой ворвались в Орел.
 Пыльные, смуглые в долгих боях
 Били мы немца на разных фронтах.
 Наши «Катюши» и наши «КВ»
 Ему доказали, как ходят к Москве
 Помнит он харьковских битв рубежи —
 Их 70 000 мертвых там лежит.
 Помнят, как били мы их с флангов и в лоб,
 Когда штурмовали в боях Перекоп.
 Ветер там смертью хлестался в лицо
 Сомкнули в Полтаве стальное кольцо
 Навеки в Полтаве без славы лежат
 1/2 СС черных бригад.
 У польской границы солдат не сдержат
 Рвется советская сильная рать:
 Удар за ударом — разорванный фронт
 И смерть караулит врагов у ворот.
 Крутится, вертится шар голубой,
 Названный нами навеки землей
 Там мы родились, чтоб в подвигах петь
 Но и Гитлеру им никогда не владеть.

Бохум.

Таня

Село с рассвета вышло из тумана,
 Стоял суровый утренний мороз,
 Схватили девушку Татьяну
 И потащили в хату на допрос.
 В глазах ее — бесстрашие пылало;
 Нашли в нее гранату и наган.
 Пытали... Но и слова не сказала,
 Не выдала Татьяна партизан.
 Село с рассвета вышло из тумана
 Стоял суровый утренний мороз,
 А девушку по имени Татьяна
 Крестьяне хоронили у берез.
 Они клялись не дать врагу пощады
 Они клялись Татьяну не забыть;
 Умножить партизанские отряды
 За жизнь Татьяны немцам отомстить.

22.6.[19]45 г.¹ Еду в поезде из Мюльгайма на Магдебург, где, перейдя Эльбу, я уж буду на стороне русских, дома. Возле каж-

* Так в тексте.

¹ Перед этим стоит зачеркнутое: «18.7.45 г.» По-видимому, события 22 июня 1945 года были записаны именно 18 июля 1945 года.

дого вагона — красный флаг, самих же вагонов не видно, все покрыты зелеными ветвями деревьев. Чудесная погода, незабываемые дни. Много каждый из нас расскажет об этом.

18.7.[19]45. Нахожусь в лагере Людвигсфельде. Надоело ожидать. Тяжелые мысли сушат мозг.

Еще летом 1943 я покончил с собой: уже тогда внутренне я умер. Ведь все уж потеряно, самое дорогое... В мой век все — войны. Среди их не было меня (для этого я не годен ни физически, ни разумно).

Живой физически, я поставил перед собой и цели внешнего характера. 25 августа 1945 г. мне — ровно 26 лет. Прожито 1/4 века. Не сделано ничего: курить — не курю, пить — не люблю, любить — не умею...

В жизни я никого не убил, никого не предал — я сам себя погубил. Что делать? Для чего жить? Одно лишь мерещится мне — родная Орель, где я родился и вырос. Я люблю этот уголок неизвестной любовью. Неужели я уж больше не увижу тебя, Орель, — мать-река [?] Бывало, каждое лето, пройдя около 3–5 км, я сижу на берегу Орели, ныряю в ее прозрачной воде. Онемев, не слыша укусов комарья, целую ночь просижу над водой. И никто об этом не знает. Орель! Я лечу к твоим водам, чтобы навсегда погрузиться в них... Но путь далекий... И счастье не любит меня...

Анатолий

K-Z Lager Hattingen

(Концентр[ационный] лагерь в Гаттингене)

В этом лагере я находился с осени [19]44 года до самого прихода американских войск (7.4.[19]45). Точных дат определить не могу, так как в то время я уж все потерял, в постоянном ожидании мучительной смерти в концлагере или тюрьме. Все же что это было осенью — непременно точно, так как в памяти еще мерещатся опавшие листья с деревьев под ногами... Может быть, когда-нибудь кто из товарищей прочитает мои заметки о жизни в концлагере и еще раз вспомнит нашу германскую жизнь в Центральной Европе, расскажет другим близким о «заграничных прелестях», о том, что нам готовил германский фашизм.

Арест

Моросит... сыро на дворе. Холод пронизывает до костей слабое тело. Среди деревянного барака стоит печка, увенчанная портянками, мокрой одеждой. Вокруг стоят двухэтажные деревянные кровати; за печкой, посередине стол, покрытый мисками и ложками. Кажется, что все здесь кто-то бросал метров за 30, и так все и лежит в беспорядке. В темных углах слышно: кто-то храпит, кто-то стонет. Двое спят вокруг стола на скамейках, не выдержав навалы клопов. Другие кровати пустые — там спит утренняя смена.

Придя с ночной, я один уселся возле печки, отогреваясь. «Одна смена спит, — думаю про себя, — другая работает, потом наоборот. И так без конца. Так проходит жизнь». Глаза закрываются. Уснул сидя.

Удар в спину и звериное «Aufstehen!» пробудило меня. Но я еще не понимаю, что от меня хотят. Второй удар приводит меня в полное сознание. Вижу — гестаповец, агент тайной полиции и поляк-переводчик — посетили мою личность: — Имя, фамилия... — последовали известные вопросы. Но затем последовал вопрос более прямой: Во ист дайне пистоле? (Где твой пистолет?). Не успел я рта раскрыть, как последовала команда снимать брюки и ложиться на стол. Окна закрыли, включили свет и один вдоль, другой поперек начали мне отсчитывать. Сцепив зубы, молчал; сначала чувствовал нестерпимую боль, но дальше уж ничего... тело ооченело, лишь глухие удары доносились к ушам. Внезапно удары приостановились. Я повернул голову: работники утирали пот; но вот один зверь уж вскочил на стол, стал ногой на грудь, соскочил, ударяет под* носками... Я лишился чувств. Не знаю, сколько прошло времени. Кто-то полил водою, я очнулся.

Обыск кончали. Взяли мои документы, письма и фотографии. Меня, как пьяного, вывели на двор; закрытое авто (черный ворон) уж стояло у ворот. Через минут 15 я смог снова мыслить. Автобус ехал в западном направлении. Было тесно. Я присмотрелся к лицам — все русские, изредка поляки. Позади — легковая машина, охрана.

— Куда едем? — вопрос, стоящий перед каждым из нас. Бохум уж проезжаем. Город объехали, так как по улице невозможно проехать: город недавно бомбили. Говорят, все разбито, но тюрьма целая.

2. К[он]цлагерь

Бохум скрылся из виду. Нас везут куда-то дальше. По моим соображениям нас увезли уже км на 18–20. Перед нами в ущелье какой-то большой завод. Проехали. Заводские ворота. Кто-то прочитал «Ruhrstallwerk». Поворот и машина стоит возле неизвестного еще нам лагеря. На колючей проволоке висит дощечка с надписью «K-Z Lager». Здесь-то мы все поняли. Ведь мы хорошо знали, что отсюда быстро никого не выпускают, что здесь много из нас погибнет тяжелой, мучительной смертью. Как и всегда, каждый из нас, чувствует ли он себя здоровым или совсем слабым — все равно, — он русский и прежде всего смотрит, как стоит лагерь, какова проволока, где стоит и какая охрана. Без слов, без никакой команды, но видно, что все заняты этим делом.

* Текст надорван.

Лагерь имел форму четырехугольника: метров 600 в длину и метров 300 в ширину. Этот четырехугольник, бока которого состояли из самих бараков, был полностью изолирован от взглядов снаружи. Что делается в лагере, видеть было нельзя, не войдя в него. На одной стороне находится бюро, где допрашивают, записывают, номеруют и пр. На противоположной стороне — уборная, умывальник, сарай с углем и пустые помещения. Перед умывальником стоит дежурная будка для полицаев, где также раздают баланду, которую приносят из кухни военнопленных (на заводе).

В центре двора — водохранилище, вокруг которого в 3 метра шириною проходит дорожка для бега. Это известный всем в Германии так называемый «Кружок». Все выходы и входы заперты и отпираются дежурными полицаями по особому сигналу, напоминающему карканье вороны.

3. Допрос

Нас в два ряда выстроили перед бюро, спинами к окнам. Последовала команда снять головные уборы и стоять смирно. Два лагерных полица подошли к нам, наверно, с намерением осмотреть свое новое сырье. Один подошел к моему соседу, заорал на него смешанным немецко-польским языком, что тот, дескать, имеет веселый вид и тут же последовал удар в лицо. В то же время другой уж успел побить одного старика. Вышел комендант со списком. Вызванная жертва оставила наши ряды и последовала за ним. Мы все с трепетом прислушивались к каждому звуку, к каждому шороху. Какой-то разговор, затем заработала гумма¹, последовал вой, затем все затихающий стон. Дверь открылась. — Раус², — пронеслось известное слово и побитый побежал в комнату № 1. Мы заметили, что с него сняли пальто и ботинки. Прошло около часа. Тело дрожит от сырости и холода.

Воспитатели решили показать нам «кружок». Подали команду бежать. Плутая ногами, мы побежали вокруг водохранилища. (Это был квадрат со сторонами в ? 100 метров). Начался «кружок», который и является основным методом «перевоспитания» в концлагере. Мы сделали до 5 «кружков», как нас остановили для окончания допросов.

Дошла очередь ко мне. В середине я увидел за столом разукрашенную секретаршу, поляка, коменданта и высшего майстра³

¹ Резиновый шланг (см. ниже).

² «Выходи!» (букв.: «Наружу!») (нем.).

³ Возможно, это aberrация слуха и в действительности имеется в виду, Хофмайстер — начальник лагеря. В пользу этой догадки говорит и двукратное повторение в тексте обозначения «гохмайстер» применительно к неназванному по имени лагерному начальнику в форме СД.

с бантом «СД» на рукаве и с крестом на груди. Конечно, каждый держал в руке «гумму».

Гумма — это резиновая шланга, которой в Германии избивали пленных, рабочих. Для усиления ударов в гумму заправлена дробь и сделана рукоятка. Удары гуммой нами считались «легкими», так как во многих случаях взбешенный зверь бил чем попало: лопатой, топором, гаком, ложей винтовки.

Последовали вопросы:

— Имя, фамилия? Год рождения и пр.

Дальше: — Откуда, с какого города, области?

— Из Харькова, — ответил я.

— Специальность?

— Студент.

— А-а-а! — и посыпались удары по голове. — Парашютист.

Шпион.

— Нет, с ним покрепче, — проревел обермайстр¹. Сняли лишнюю одежду, дали^{*}. Номер 158. Удар в спину помог мне выйти.

Комната № 1 (Штуба 1)

Когда я вошел в барак, то увидел товарищей, лежащих посредине на полу. В комнате, кроме стола и печки, не было никаких предметов. Было 2 окна с железными решетками, причем одно заложено кирпичом.

На дворе темнело. Целый день мы еще ничего не ели. Страх сменился чувством голода. Никто ни слова: лежали молча, настрожась, чего-то ожидая. 38 человек ожидали своей участи. У^{**} окно я увидел, что комната была как раз напротив дежурки полицейского, недалеко от умывальника, т.е. на противоположном конце от бюро. Фигура полиция направилась к нам.

Настоящий «кружок»

Заработали ключи. Еще не открылась дверь, как раздался звериный голос: «Раус» («Выходи»). Здесь же на дверях начали бить гуммой, приказав бежать по кругу. Двор был освещен. Начальства всяких чинов по издевательствам было полно. На каждой стороне «кружка» стояло несколько человек; каждый из них держал в левой руке наган, а в правой — гумму, палку...

Сначала мы «бежали» тесно прижимаясь друг к другу, не растягивались. Но на каждом повороте несколько человек от ударов выходило из строя, нас быстро разбили по 1–2 человека. Это дало им возможность бить каждого в одиночку, никто уже не мог проскочить, не получив удара гуммой по голове или в лицо.

¹ Старший мастер.

^{*} Текст надорван.

^{**} Так в тексте.

Раздирающее «Лось» («быстро») резало уши. Мы сделали несколько «кружков». Кто-то из товарищей, защищаясь от удара в лицо, подставил руку. Фашист не удержав, упустил гумму. Сейчас же «виновника» остановили и били до тех пор, покамест тот лишился чувств.

Молодчики озверели. Фрицы (так мы прозвали немцев) берут в руки палки, держак от гаков для штопки путей (на железной дороге). После каждого удара гаком человек падал, обливаясь кровью. Я еще бежал. На повороте увидел полиция с занесенным в гору гаком, который держал он обеими руками. Он метил мне в голову. Ускорив бег, против него я пригнул голову, и удар пришелся по плечам. Через несколько метров я упал. Удары гуммы по голове меня снова привели к чувствам. Вскоре подали команду: «Стой!».

Я очутился в середине нашей колонны. 6 человек где-то еще «бежали». (Конечно, «бежать» в полном смысле этого слова вряд ли кто в концлагере мог вообще). Все набросились на отставших. Но от первых ударов они упали на землю. Их начали бить носками.

Дверь открыли. Кто как мог «влезли» в барак и здесь же попадали на пол. Никто ни слова. Только там и сям проносился стон от мучительной боли.

Первая ночь

После «кружка» было душно, тело было мокрое от пота. Прошло 2 часа. Но комната-сарай была нетопленая. Угля на ночь не дали. От холода мы начинали сбиваться в кучу вокруг холодной печки. Все не спали. Начался тихий шепот. Большинство сидело за побег, за саботаж, за «покражу». За побег — это значит убежал с лагеря; часто убегают с лагеря военнопленные, стараясь попасть в другой лагерь; бегут с штраф- и концлагерей. Хорошо, если пойманного не узнают, особенно как узнают, что виновный уж бегаёт несколько раз, — тогда казнят смертью.

Саботаж — не вышел на работу, не послушал майстра, плохо работал и пр.

Покража — это значит измученный голодом человек, взял несколько штук картофеля, брюквы и т.п.

Еще много сидят за политику. Это значит рассказывая немцам-рабочим, как живут в Советском Союзе, что мы строили, в каких условиях живут и работают рабочие, особенно удивляли немцев бесплатное образование и лечение...

В 4 часа подали сигнал «вставать». Вынесли парашу, занесли угля. Двери всегда строго замыкались на замок. Нас держали в много раз строже, чем итальянцев, которых в лагере было боль-

шинство. В лагере также были немцы-заключенные. Затопили печку, немного отогрев дрожащее тело.

Косой

Вошел дежурный полицай (вахмайстр). Это был самый точный человек по исполнению своих обязанностей. Он был косой: смотрел в одну сторону, а видел, что делается в другой. Кажется, человека сюда специально подобрали с таким недостатком. Все звали его «Косым». Все его боялись. Особенно доставалось новичкам. Поставит, бывало, в бидоне суп возле умывальника. Новичок идет с миской. Видит, полицай смотрит в другую сторону. Голод делает свое дело: несчастный набирает миску супу. Но Косой здесь как здесь. Сначала изобьет гуммой, потом привяжет к столбу, где приходится стоять с полдня. Так он проделывает каждый день. Руки его всегда как-то приподняты, готовые ударить. Любит он бить больше всего рукой в лицо, при этом всегда бьет с улыбкой. На его дежурстве чаще всего вешают, убивают заключенных по тайным распоряжениям гестапо.

Сегодня же ему поручили нарисовать номера и буквы на нашей верхней одежде. Показав на первого перед ним стоящего товарища, Косой сказал, что это будет ваш староста. Старосте приказал бить нас, а если, что будет не сделано, то он будет бить старосту.

Нумерация и знаки

На протяжении нашего пребывания в Германии мы были лишены своего имени и фамилии. Фашисты не считали нас за людей. Наши спины и брюки были исписаны масляной краской, которая не отстирывалась. Я был во многих лагерях, много товарищей осталось в памяти. Я припоминаю их по лицам, закрыв глаза, знаю их номер, но не помню их имени. Так каждый день вызывали, отмечали, называли лишь номер. В концлагере это было особенно важно. Ведь нам не можно было разговаривать в строю, на работе; не можно было зайти в другую комнату. Кого освободили, кто убежал, кого избили и пр. — мы узнаем лишь по номерам. Мы знаем друг друга по номерам.

Косой привел итальянца-художника. Тот держал ведро с белой краской и большой кистью. Еще раз начали просматривать нашу одежду: приказано, чтобы каждый имел лишь одни верхние брюки и пиджак — все остальное было отобрано. Перед наступающей зимой мы остались совсем раздетые и без постели. После чего каждый подходил к итальянцу, говорил свой номер. Большими белыми буквами «художник» выводил на спине «KZ», а под ними номер — 145 и пр., после чего «художник» переходил к брюкам: на правой калоше рисовал букву «K», на левой — «Z».

Кончив со всеми, художник сменил свою специальность: он принялся стричь наши волосы. Постриженные, разрисованные, побитые... Построив нас в шеренгу по одному, Косой с удовольствием обошел строй вокруг и, наверно, решил, что обработка проведена полностью. Нужно было много поработать, чтоб все это скрыть от глаз гестапо при побеге.

Двухнедельный карантин. На работу нас не погнали. Раз в три дня нас выгоняли на «кружок», сильно избивая. Однажды нас даже заставили делать гимнастику — вольные упражнения. Это было особенно мучительно. При этом присутствовали также солдаты СС. Обермайстер хвастался своим мастерством. 2 недели нам не разрешали умываться и бриться. Спали без всякой постели. На лицах были высохшие потеки крови. Раны гноились. Мы стали непохожие на людей. На полученный суп бросались с неудержимой жадностью.

Воздушная тревога усилилась, особенно ночью. Клокотали зенитки, небо устелялось ракетами, было видно, как в день; бомбы падали вокруг, а мы лежали запертые (в бункер нас не пускали, да и убежища не было, была яма смерти), ожидая и прося, чтоб разбомбило наш лагерь, может быть, кто-нибудь жив останется и убежит. Но нет: американцы и ночью хорошо ими находили другие объекты. Никто из нас уж не думал выйти из этого ада смерти.

6 человек взяли в Бохумскую тюрьму. Самым тяжелым днем для нас было воскресенье, так как все начальство было пьяное и могли в любое время погнать весь лагерь на «кружок», били особенно по-зверски; без смерти никогда не обходилось. Каждое утро в 5 часов выгоняют сотни людей на работу. Это делается следующим образом: приходит с ордером (тайным) на столько-то человек полицай или мастер и подает в дежурку лагерному полицая.

Каждая команда имела свое название. В гаттингинском концлагере основные команды были такие: «От»¹, «Райзбан»², «Кокерай»³, «Ветер», «Электро», «Фергинтунг 5», «Ветгер» и новая команда образовалась уже недавно для окопных работ в Гаттингине и называлась «Гаттингин»⁴.

Через 2 недели нам дали бритву, приказав всем побриться, а потом впервые выпустили в умывальник помыться⁵. Мыла не вы-

* Так в тексте.

¹ От «О.Т.» («Organisation Todt») — «Организация Тодт».

² От «Reichsbahn» Имперские железные дороги.

³ От «Kockerei» коксо-обогадительная фабрика.

⁴ Имеется в виду Хаттинген (Hattingen).

⁵ В оригинале перед этой фразой стоят два зачеркнутых названия: «Перемена» и «Работа».

дали и этот туалет нам дорого стоил. Проверив, полицейские начали нас бить и снова заперли в умывальник, так как грязь не отмывалась без мыла. Так повторялось несколько раз. Предполагали, что нас будут еще допрашивать в гестапо, что нас очень беспокоило: ведь каждый знал, как проходит допрос в гестапо; в большинстве случаев там изобьют, не спросив даже и фамилии. Особенно же достанется тем, кто имеет более-менее крепкое телосложение.

Гестаповцы прежде всего смотрят, здоров ли физически человек. И если им покажется, что на вид обвиняемый крепок, то и побьют его сильнее. Это особенно заметно в концлагере. Пройдет комендант перед строем и всегда ударит того, кто на вид кажется более здоровым.

Но вскоре мы узнали, что никакого допроса не будет пока: нас разбили по командам — 20 человек в команду «От», 6 человек — в «Фергинтунг 5», остальные — «Ветгер». Разрешено было называть при вызове и пр. лишь свой номер. Я попал в числе 6 человек в команду «Фергинтунг 5».

Работа

Русский подхалюзин¹, по лагерному прозвищу «Генерал» (он всем доказывал, что в старое время он был генералом), зашел к нам и объяснил, как мы должны выходить на работу и как работать. Когда «вахмайстр» (полицай) из дежурной будки будет называть команду, вы должны слушать, ваша ли это команда или нет. Если он назвал команду, в которой работаете вы — сейчас же бежите и вставайте в строй по три. Кто выбежит последний, того будут бить.

На другой день в 5 часов утра под свист и крики полицейских, первой выбежала моя команда «Фергинтунг 5» из 6 человек. Я бежал неуверенно, так как плохо разобрал название команды. От свежего воздуха закружилась голова.

Ударяя гуммой каждого по голове, вахмайстр переписал наши номера. После чего вывел за ворота лагеря и передал нас какому-то начальнику цеха. Была поздняя осень. На дворе еще было темно. Шел дождь. Света не было (маскировка). Мы плутались по незнакомым заводским проходам. На каждом повороте наш проводник окрикивал нас и останавливал, чтобы проверить все ли мы, никто ли не убежал. В цеху мы попали в распоряжение старшего майстра. Я увидел 4-х рабочих-немцев, остальные — иностранцы: голландцы, французы и один русский военнопленный башкирец.

¹ Возможно, от Подхалюзина, приказчика, персонажа пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся».

В цеху не было никакого подъемного крана и все тяжести переносились и перевозились рабочими. Это и была наша работа. Нам, русским из концлагеря, предстояла самая тяжелая работа в цеху. Продукция цеха состояла из каких-то металлических пластин и частей, которые нужно было закалить в другом цеху, после чего все это погружали в вагоны и увозили в город, под названием Регенсбург.

Подымали, носили, складывали, перевозили железо с 6 часов утра до 6 вечера, лишь с перерывом полчаса на обед. Нам не разрешалось отдыхать во время работы. И поэтому я спросил у башкирца, кого нам следует бояться и избегать. Он назвал начальника цеха и одного майстра. Это были фашисты. Другие рабочие были на нашей стороне, особенно сочувствовали и помогали нам французы. Они всегда предупреждали нас перед приходом какого-либо фашиста. Таким образом мы научились отдыхать. Военнопленные французы сообщали последние известия и пр. новости.

Вечером в 6 часов нас отводили в лагерь и передавали полицейским. Стоило только майстру сказать, что такой-то из нас плохо работал и человека сейчас же избивали до полусмерти.

Побеги

Моя команда работала в цеху, чтобы убежать, нужно проникнуть через заводскую охрану, что невозможно. С лагеря уйти еще трудней, так как лагерь был расположен в центре завода. Я ждал перемены места работы. Такие же команды, как «Райзбан», «Гаттингин», «Ветгер» работали за территорией завода и убежать было значительно легче. Но нужно было все продумать: куда, как уходить, приготовить одежду и пр. Если побег не удался и убегающего приводили назад в лагерь, то его били до смерти. При удачном побеге предавались избиению все, кто работал в одной команде, а иногда и целый лагерь.

Подходила зима. Прятаться некуда, холод и голод выдавали бегущего. Побег пока прекращались до наступления весны. Правда, иногда убегали при помощи со стороны, т.е. при помощи товарищей с другого «цивильного» лагеря. Один такой побег состоялся в январе [19]45 года. Убежали три итальянца во время воздушной тревоги. Весь лагерь был около 2-х часов поднят на ноги. Обермайстер, комендант и все были пьяные, плохо держась на ногах. Выстрелы и крики наполнили лагерь. 500–600 человек бегали в «кружке». Их били и подгоняли. Один падал, другой подымался, третьего топтала непрерывная колонна бегающих. Вижу: кого-то остановили возле полицейской будки, бьют. Пробегая вторично, увидел — несчастного бьют ложей винтовки. Вот ложе отлетает, тело превратилось в комок, но человек еще живой. Не вы-

держав, я упал за дверью умывальника. К счастью, никто не заметил. Один фашист из завода сел на мотоцикл и начал переезжать через побитого. Звери накинулись еще на двух товарищей. Гуляли людоеды...

Наконец подали команду построиться по три. Я пристроился тоже. Началась проверка по номерам. Лишь после этого нас разогнали по баракам. Дверь заперли. Раздались три выстрела, три товарища погибли: поляк, русский и итальянец.

Обед и ужин

Два раза в день мы получали баланду (суп). Баланду раздавали перед полицейской будкой, где она стояла в принесенных термосах. Получать нужно было бегом. Суп был всегда один — из капусты или брюквы, всегда недосоленный (чтобы не так пухли). На работе по вагонам всегда смотрели соли. Недоброкачественную соль прятали по карманам, под рубахой. Но полицейские, часто делая обыск, находили и страшно избивали попавшегося. Носили также картофельные лушпайки, брюкву, кольраби, буряки и пр. И никакие наказания не могли удержать голодных, измученных людей.

Около 10 человек всегда дежурили в умывальнике и, рискуя жизнью, брали суп из термосов, как только полицейский отойдет в сторону от своей будки. С этим супом они возвращались в умывальник и меняли его на недокурки, здесь же меняли обувь и одежду, оставляли друг другу записки и пр. Так мы узнавали лагерные новости: кого выпустили, кто бежал, кого убили, повесили и т.д.

Каждый день Косой кого-нибудь привязывал к столбу и поливал водою. А зима необыкновенно холодная, привязанный синел от холода, болел.

Не знаю, кормили ли еще в какой-либо стране людей, как нас в фашистской Германии. Я спрашивал всех — французов, голландцев, бельгийцев, поляков, итальянцев, сербов и др. Все они говорили, что лишь здесь они попали в такие условия; все они ненавидели фашизм.

Немцы в концлагере

В концлагерь также бросали немцев. На проверке я видел 6 человек. Но держали их отдельно от нас: они не бегали с нами в «кружке», их первых отпускали с проверки и пр. Избивали и гоняли по «кружку» немцев лишь первые дни, потом оставляли в покое. Мне известны 2 случая убийства немцев. Об одном я хочу сейчас рассказать, так как он мне показался каким-то загадочным.

Придя с работы, на соломе возле дверей я увидел неизвестного новичка. Он спал сном мертвеца.

— Кто это? — спросил.

— Немец, — ответил сосед, — не шпиона ли нам подбросили? Что-то за диковина в этом есть.

— Не знаю, как это растолковать, — проговорил с угла больной, — но этому бедняге досталось немало: наверно, часа 3 бегал по «кружку» и избили порядочно... не похож на шпиона.

— Ты расспроси его, как только проснется, — обратился ко мне, — да смотри там осторожно — чужой ведь человек.

Часа два спустя немец поворачивается с боку на бок. Я прилег к нему. Он охотно, по-детски, начал рассказывать мне о своей трагедии: — Я был на Восточном фронте. Ранен в руку (рука не работает). Теперь вот работал на заводе вместе с русскими. Но я не могу бить людей, кричать на них и пр. Всегда помогал русским: давал курить, хлеб и пр. А теперь вот за это и попался. На вопрос откуда он, кто дома, ответил, что из Гаттингина, остались мать и сестра. Нужно было отдыхать, и мы уснули.

Среди ночи я проснулся. Горел свет. Слышно резкий разговор по-немецки. Хотел было подняться, но сосед рукой придержал меня, прошептал — «Комендант!». Я понял, что все уж давно не спали, что в комнате что-то происходит. Притаив дыхание, начал прислушиваться.

— Кто ты? — допрашивал комендант.

— Немец.

— Нет, ты — юда.

— Не знаю: мой отец и мать — немцы.

— Признаешь ли ты себя виновным?

— Нет.

— Я не пришел так много с тобой говорить. Сейчас ты будешь повешен. Твое последнее слово.

— Я не виновен. Дайте возможность моим родственникам похоронить меня.

— Вот гвоздь. Забей его в этот столб, — игривым голосом произнес комендант, подавая молоток и наставляя наган.

Когда гвоздь был забит, немцу приказано было снять подтяжки и сделать из них петлю. Тот молча сделал. Прошло минут 5 в томительном молчании. Нигде никакого шороха. У каждого пронеслась мысль в голове, что будут делать с нами, если уж так открыто устроили виселицу в нашей комнате. Нас считали за будущих мертвецов.

Тишину нарушил грохот упавшего стула, раздался вой повешенного. Подтяжки растянулись, ноги достали до пола. Ножом убийца-фашист разрезал петлю. Ослабшее тело упало возле столба на цементный пол, но человек был жив.

Свет выключен. Дверь снова заперта. Не успел я уснуть, как снова вошел комендант и полицейский. Немца поставили на ноги и начался тот же самый допрос:

- Теперь повесим тебя на пояс.
 - Я прошу расстрелять меня.
 - О, нет, мне не было такого указания.
- Все было приготовлено.

Посмотрев на часы, полицейай быстро выбил стул из-под ног немца. Без малейшего стопа тело тяжело упало на пол: от тяжести пояс разорвался. Убийцы ушли. Варфоломеевская ночь на этом не окончилась. Спустя несколько минут втроем зашли чистокровные. На этот раз принесли проволоку. Немцу сказали, что теперь он на самом деле будет повешен, но тот уж ни на какие вопросы не отвечал. Около 35 человек лежали молча на соломе. В страхе никто не двигался, не переворачивался. Третий раз полетел стул, но петля не оборвалась...

Я почти не спал до подъема. Полицейай сменились. Почему-то нас долго не открывают. Я поднялся, струсил солому из одежды. Взгляд невольно направился в сторону повешенного, тело которого вытянулось, так что ногами он стоял на полу, лицо белое, точно крейда¹. Но мне все еще не верилось, что он уж мертв. В минуту, когда я хотел прикоснуться к телу рукой, вошел полицейай. Посмотрев по всем углам комнаты, он остановился перед повешенным.

— Зачем вы это сделали? — как будто ничего не зная, накинулся на нас. — Говорите, кто это сделал? Чей это пояс?

Кто-то ответил, что мы все спали и ничего не видели.

— Значит, сам повесился. Хорошо. Придет начальство — говорите, что ничего не знаем, кто скажет другое — погибнет.

После работы я узнал, что приходили гестаповцы, доктор и пр., написали какой-то протокол и ушли. Затем приехали мать и сестра немца, забрали вещи, подписали тот же протокол и увезли тело хоронить. Знает ли мать, сестра, как погиб ее сын? Хотелось бы увидеть и рассказать им правду. Но разве это все? В умывальнике я узнал, что в эту же ночь было повешено еще 3 человека.

Расстрел товарища

В это время к нам уж доносилась канонада приближающегося фронта. Фашисты становились все более злые, число жертв в концлагере увеличивалось с каждым днем. Воздушная тревога часто не прерывалась несколько дней подряд. Нас начали принуждать работать и во время боевой тревоги, воспретив вход в убежище. Образовали команду под названием «Гаттингин» на окопные работы. Самое опасное нам было ночное посещение пьяных гестаповцев. Несколько таких визитов мы уже испытали.

¹ От нем. «Kreide» — мелок для рисования.

Это проходит следующим образом. Внезапно среди ночи открывается дверь. С диким ревом компания убийц врывается в барак. Как обычно, впереди обермайстер с крестом на груди, за ним — разные шефы, у двери — дежурные полицейай. И горе тому, кто последний схватится со своей соломенной постели. Обермайстер (по убийству), будто коршун, пронизывает каждого пьяными глазами, выбирая жертвы. Выбрав первого попавшегося, ударяет его гуммой, кинув притом первое попавшее в голову обвинение:

— Русише комиссар...

— Бандит... Шпион...

— Юда... Партизан и пр.

Все остальные должны подесетерить удары гохмайстера. И так процессия движется из барака в барак по всему лагерю.

Среди нас особенно выделялись своим видом два товарища: у одного были длинные черные усы, другой же — лезгин из Кавказа — имел черные волосы, смуглое тело... Имя лезгина было Алим. Однажды он мне рассказал о том, как попал в Германию, как жил на Кавказе. Алим скучал по горам, среди которых он был свободным птенцом. И вот волна войны бросила его в пазури¹ каннибалов-фашистов. После часто подседал, спрашивал что-нибудь, не ожидая ответа, начинал говорить о своих предчувствиях. Как-то сказал:

— Да, я уж тебе сказывал, мы погибнем здесь.

— Зачем же ты повторяешь, Алим, — спросил я.

— Так, сам того не знаю, душа мой волнуется.

Это и был наш последний разговор. Ночью Алима не стало. Чувство его не обмануло. Пьяная группа во главе с гохмайстером ворвалась к нам в барак поздней ночью.

— Юда! — показав на усача, крикнул гохмайстер. — Выходи на двор.

— Вид совсем не похожий... герр обер., — прошептал пьяным языком комендант.

— Ну, так вот это он. Смотри как? Похожий? — указано было на Алима.

Старика с усами возвратили, Алиму дали команду бегать по «кружку». Я вспомнил последний наш разговор...

Прострочил автомат. По телу прошла дрожь... За что расстреляли?! Снова выстрелы. Утром узнали, что убили поляка.

Фронт и работа

Беспрерывно тянулась воздушная тревога. С приближением фронта особенно бомбили железную дорогу. Нам стало это видно из работы завода. До этого цех, где работала моя команда,

¹ Этимология слова неясна. Здесь: «объять».

каждую неделю отправлял 2–3 вагона каких-то частей в город Регенсбург. Для нас это была самая тяжелая работа, так как один из фашистов и подгонял, покамест не была кончена погрузка. Но вот уж второй месяц вагонов не подают. Изготовленные части вывозились и складывались вокруг цеха. Перевозку мы производили тачкой. Уже не хватало места, где бы сложить продукцию цеха. Через некоторое время исчерпались запасы железа-сырья. Станки, поработав 2–3 часа, становились. Рабочие улыбались украдкой между собой. Взбешенное начальство бегало по всему заводу, шныряя в поисках сырья или какой-либо работы. Но везде была одна и та же картина: все цеха становились. Но оставить людей, особенно из концлагеря, без работы было строго запрещено.

Сам шеф цеха принял команду над нами, удивляя нас своими фокусами. Фокусник с него был отличный. Началось с того, что запретил нам пользоваться тачкой, а переносить все руками. Время работы растягивалось раз в 10, а носить было тяжелей. Дальше и этого стало недостаточно. Тогда он принудил нас переносить части из одного места на другое, потом наоборот. Сам же стоял, беспрестанно подгоняя нас. Пользуясь этим, другие рабочие отдыхали. Сейчас вспоминаю об этом и становится просто смешно: бывало от нас шеф на время уйдет в середину цеха, рабочие уж заранее видят его приближение.

* * *

Едва притяжение сердечное происходит за счет твоей свободы — беги! Каждый должен сам положить себе предел. Найти и положить. А излишек воспаляющих чувств, усилием воли, перевести на энергию умственную.

Человек не рожд[ен] преступником. Злодеяния не суть природны человеку, люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся. Они нередко идут на преступления только потому, что сами жестоко теснимы.

Каждый день кажется вечностью. Как медленно бежит время! А издали посмотришь, оно пролетело, как миг. Медленно оборачивается земля вокруг своей оси. Она поворачивается к солнцу Атлантикой, Лабрадором, Японией, Гиндукушем, Каспийским морем и Черным, Берлином и снова понемногу на солнце выходит Париж.

Лежа, закрыв глаза, припоминаю зимний украинский вечер. На синем, синем небе мерцают звезды и медленно проходит месяц-пастух, посылая белый сноп лучей в открытое окошко хаты. На камине — экран удивительной белизны. Сестра и братья совсем малые, дробненькие, точно «гомельская бульба», качаясь и прыгая на соломе, пригибая и растопыривая пальцы, изображают на лунном экране настоящий детский вертеп.

Весело пылает житная солома в печи, освещает другую половину хаты, где уж весь седой с огромной бородой дедушка, сидя на ослони¹, мастерит коромысло. А я сижу на стуле и слушаю бесконечные сказки о домовике, о ведьмах и русалках, колдунах и перевертнях, о князях, рыцарях, витязях, турках и запорожцах.

Но даже и тогда, когда на всей планете
Пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть.
Я буду воспевать всем существом поэта
Шестую часть земли с названием кратким — Русь.

К т. дневн. включит.

Осень 1947 г. Просматриваю издания журналов и газет за период 1941–[19]45 гг. Закончил чтение «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Книга так захватила меня, что ночь незаметно, не вызывая сна, пролетела... Звуки Гимна раздались по радио в коридоре общежития... Я начал собираться на работу.

[Нет на свете] мук страшнее муки слова.

¹ Здесь: табуретка или приставная лавка в избе (малороссийск.).

О Хаттингенском дневнике Анатолия Пилипенко

И счастье не любит меня...

А. Пилипенко

Анатолий Назарович Пилипенко родился 25 августа 1919 года в с. Нехвороща Полтавской области, а угоняли его в Германию из Котовского района Днепропетровской области. С 15 сентября 1943 года и вплоть до своего освобождения он числился за концлагерем «Заксенхаузен» (№ 55924). Сейчас проживает в Днепропетровске.

О хаттингенском ответвлении его концлагерной судьбы повествует его дневник.

Некоторые начинали свои дневники лишь тогда, когда вести его практически не составляло ни труда, ни опасности — было бы желание. Иными словами, это не летопись «по горячим следам», а своего рода ретроспективный дневник-воспоминание — по следам еще и не остывшим, но уже и не обжигающим. Типологически именно таким является дневник Анатолия Назаровича Пилипенко.

О наклонности автора дневника к прозосложению говорит и найденная им форма художественного изображения пережитого — форма, к которой он подошел только тогда, когда прошло уже несколько месяцев со времени описываемых им событий. Это же заставило его встроить в композицию «дневника» и несколько вставных новелл.

Впрочем, самая первая запись дневника (но, кажется, только она одна!), датированная поздней осенью 1944 года, была сделана как раз по горячим следам. Но и она является, в сущности, ничем иным как прозаическим наброском.

Хаттинген — небольшой городок близ Бохума — был освобожден американскими войсками в середине апреля. За 1940–1945 годы в городе умерло или погибло 356 иностранных рабочих, из них 217 пришлось на остарбайтеров.¹

Упомянутый в дневнике А. Пилипенко лагерь Хаттинген всегда был лагерем суровым, но поначалу, строго говоря, концлагерем не являлся. Это был исправительно-трудовой лагерь², а если

¹ См.: Kuhn, Anja, Weiß, Thomas. Zwangsarbeit in Hattingen. Dortmund: Landschaftsverband Westfalen-Lippe. 2003. S. 73–75.

² Подробнее об этом весьма распространенном типе лагере см.: Lotfi, Gabrielle. KZ der Gestapo: Arbeiterziehungslager im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 2003.

еще точнее — приемный лагерь гестапо.¹ Но в обиходе у местных жителей, не говоря уже о самих узниках, иначе как концлагерь он с самого начала и не назывался.

Для своих узников он, правда, был ничем не лучше концлагеря, но все-таки к системе СС он не относился, и пребывание в нем, ограничивалось сроками от 21 дня до шести недель. Но уж запомнятся эти дни и недели — в подробностях и навечно!

Так что же — обозначения «концлагерь» на его воротах — примерещились они Анатолию Пилипенко? Нет, автор дневника совершенно точен.

Своих концлагерей в Руре, как и в Рейнской области, у СС не было. Однако из-за острой нехватки рабочих рук при крупнейших военных заводах и фабриках возникли филиалы самых настоящих немецких концлагерей, как, например, филиалы Бухенвальда на заводах «Крупп» в Бохуме, «Руршталь» в Виттен-Аннене или «Форд» в Кельне.

В августе–сентябре 1943 года было решено организовать филиал какого-нибудь концлагеря и в Хаттингене. И вскоре на месте молодежной спортплощадки был построен «KZ. Wohnlager Blankensteiner Str.» (перевести это на русский не просто: что-то вроде «Общежитие концентрационного лагеря»). Охранять этот лагерь, рассчитанный на 469 человек, должны были эсэсовцы.

Собственно, узниками концлагерей могли быть, кто угодно, — коммунисты, евреи, остарбайтеры, но посмотрите, в каких терминах для доходчивости описывается будущий режим их содержания в Хаттингене: «Содержание в соответствии с масштабом, принятым для русских военнопленных».² Иными словами: мерой концлагеря являлся — именно шталаг! Этим сказано и сформулировано прежде всего то, что в лагерной системе Третьего рейха шталаги для советских военнопленных обыденно рассматривались как лагеря типа концентрационных. Именно это обстоятельство так упорно и так рьяно не хотел узреть и признать немецкий Закон о компенсации!

Заминка с поступлением в свежестроенный концлагерек именно «полосатиков» (так называли узников концлагерей) привела к тому, что в начале 1944 года территорию лагеря факти-

¹ Точное название: Auffanglager der Heinrichshütte.

² См. в указаниях «Руршталь» от августа 1943: «Von Herrn Major Dr. Peters, Rüko Münster, ist der Einsatz von Arbeitskräften aus den KZ-Lagern aufgeregt worden. Ihre Verwendung ist nur in die geschlossenen Trupps möglich. Die Bewachung erfolgt durch SS. Die Lagerunterbringung entspricht dem bei russischen Kriegsgefangenen üblichem Maßstab. Witten hat 150, Hattingen 3-400, Annen 300 KZ-Insassen angefordert» (Kühn und Weiss. Ibid. S. 125).

чески разделили на три части: в двух были устроены филиалы шта- лага (в одном размещались советские военнопленные — от 200 до 350 человек, в другом — итальянские), третья же, продолжая значиться как концлагерь «Рурштали», фактически являлась штрафным лагерем Бохумской тюрьмы. Охраняли такой лагерь все же не эсэсовцы, а полицейские из Херне, впоследствии замененные гражданскими рекрутами.

Однако вскоре выяснилось, что местоположение этого третьего лагеря было выбрано не слишком удачно. Уж слишком на виду у окрестного населения оказалось все то, что в нем происходило. В результате в июне–июле 1944 года произошла очередная ро- кировка, и на место «штрафлагеря» переехали 600 остарбайте- ров, до этого размещавшиеся непосредственно на фабрике (Hütte), а в их укромный и непросматриваемый снаружи лагерь на отшибе заводской территории переехал «штрафлагерь»¹. Та- кие яркие «детали», живописуемые Пилипенко, как прогон узни- ков через так называемый «кружок» и даже «суды Линча» не- посредственно в бараках были в этих лагерях обыденностью имен- но потому, что сами эти лагеря и некоторым образом противостояли концлагерям в определенном отношении.

Все это, однако, датирует появление самого Пилипенко в страш- ном хаттингенском лагере, предположительно, концом 1944 года².

Абсолютная достоверность дневника А. Пилипенко получила совершенно неожиданное и блестящее тому подтверждение. В од- ной из вставных новелл он описал врезавшуюся в память сцену. То была казнь в бараке — повешение сначала на подтяжке, а когда она не выдержала, то на проволоке одного немца, которого подо- зревали в еврействе. Тем самым он документально засвидетельство- вал совершенно конкретный случай, о котором в Хаттингене ходи- ли упорные слухи, но о котором не было известно все же ничего достоверного.

Убийство состоялось 26 января 1945 года: сами же убийцы и квалифицировали его — как самоубийство через повешение. Жертвой стал 24-летний Эрих Брухштайн, сын христианки и ев- рея (из страха перед депортацией его отец покончил с собой в 1942 году). Аналогичная судьба постигла и еще одного «полу- кровку» — Адольфа Штернера³.

Кто же были их убийцы?

Начиная со второй половины 1944 года, комендантом лагеря был гестаповец Херберт Хофмайстер из Бохума-Линден. Он, судя

¹ Kuhn und Weiss, ibid. S. 134–135.

² На обороте сохранившейся фотографии А. Пилипенко: «28.6.44 г. На память отцу от сына Анатолия».

³ Kuhn und Weiss. Ibid. S. 136–138.

по всему, «выведен» в дневнике Пилипенко как «обермайстр» или «гохмайстр»: сам Пилипенко ассоциирует его при этом с СД.

Не один Пилипенко, но и остальные уцелевшие и вспоминав- шие его, говорили о неслыханной его жестокости. 14 марта он и его помощники погибли от прямого попадания бомбы в специ- альное небольшое бомбоубежище, устроенное специально для Хофмайстера. Буквально перед налетом он и его подручные рас- стреляли трех разоблаченных евреев из Бохума — мать с двумя детьми.

Ни одна другая бомба ни на какую иную часть лагеря в этот день не упала.

Нового коменданта лагеря уже и не назначали.

А после двух других авианалетов — 18 и 21 марта — соб- ственно и лагеря уже не было. Об уцелевших узниках практиче- ски забыли.

Оригинал «Дневника А. Пилипенко» хранится в настоящее время в Городском архиве Хаттингена, в составе коллекции «При- нудительный труд в Хаттингене» (Stadtarchiv Hattingen, Sammlung «Zwangsarbeit in Hattingen»). Он записан на оборотах учетных производственных бланков¹.

Композиция дневника реконструирована публикаторами.

Наша сердечная благодарность — Гизеле Шварце, известно- му историку принудительного труда из Мюнстера, первой рас- сказавшей одному из нас о хаттингенском дневнике, самому Ана- толию Назаровичу Пилипенко и его дочери Ольге Анкудиновой, давшим разрешение на публикацию дневника, Томасу Вайсу, со- труднику архива г. Хаттингена, любезно приславшего нам ксеро- копию страниц дневника и посвященных дневнику страниц его книги (Kuhn, Anja und Weiss, Thomas. Zwangsarbeit in Hattingen. Dortmund: Landschaftsverband Westfalen-Lippe. 2003)², а также Любови Сочке, сотруднице Украинского фонда «Примирение и взаимопонимание» (Киев) за помощь в установлении контакта с автором и ряд дополнительных сведений.

Павел Полян, Николай Поболь

¹ На бланках — типографский текст: «Pol.-Anlage I. Produktion am: ... Rohmasse: ... Zusatz: ... Bescheinigung erhalten: ...»

² В этом издании фамилии самого Пилипенко дана с небольшим искажением: Нелипенко.

ОСТАРБАЙТЕР. ЖИЗНЬ НА ЧУЖБИНЕ

(1941–1952 гг.)

(Послесловие П. Поляна)

Детство

Сейчас мне кажется, что детство у меня было коротким. Жили мы с матерью в небольшом поселке под Москвой. Мать снимала маленькую комнату, даже скорее каморку, где едва помещались кровать, сундук, на котором я спал, стол и один стул. У отца была другая семья, с которой он жил в районном поселке Оленино Калининской (теперь Тверской) области. Он был военным служащим в звании старшего лейтенанта и работал в райвоенкомате.

Зимой я жил у матери, учился в школе, а летом уезжал к отцу. Он жил в собственном доме с женой, тещей и приемным сыном, моим ровесником. Мне там жилось неплохо. Мачеха относилась ко мне хорошо.

Помню школу, где мне нравилась одна девочка с длинными косами. После уроков мы вместе шли домой и я нес ее портфель. Мы всегда выбирали дальний путь, через березовую рощу. Нам было хорошо, весело и казалось, что счастливее нас нет никого на всей планете. В школе нам говорили, что у нас, советских детей, самое счастливое детство. Мы в это верили и думали, что будет еще лучше.

Но наступило лето 1941 года. И для меня детство кончилось.

Война

В середине июня я приехал на каникулы к отцу. В воскресенье, 22 июня, стояла прекрасная солнечная погода. Мы сидели за воскресным обедом, ели жареную баранину с картошкой, взрослые вели житейские разговоры, мы с братом слушали. Над столом висел репродуктор — большая черная круглая тарелка. Вдруг мы услышали голос диктора: «Внимание, передаем важное сообщение». Репродуктор был неисправен, слышно было плохо, раздавался только треск и шипение. Однако мы поняли, что произошло что-то страшное. Отец быстро встал и ушел в райвоенкомат, хотя был выходной день. Вернулся он к вечеру и сказал нам, что началась война.

Отец решил, что к матери я пока не поеду, а останусь здесь. — Немцы будут бомбить Москву, и жить там опасно, — сказал он. — А у нас здесь глухое место и немцам здесь делать нечего. А война скоро кончится.

Лето мы прожили спокойно. Осенью я пошел в школу, в седьмой класс. Но учиться не пришлось. Занятий не было. Сначала нас послали в колхоз на уборку урожая. Позже, когда в поселке уже была слышна артиллерийская канонада, мы ходили на рытье противотанковых рвов.

Отца я совсем не видел, он целыми сутками пропадал на работе. Шла мобилизация. Призывники были разного возраста, молодые и пожилые. Они собирались группами во дворе райвоенкомата и на стадионе. Было трудно понять, что происходит: в одном конце были слышны песни и звуки гармошки, в другом — женский плач. Мы, пацаны, бегали среди призывников, слушали их разговоры, приносили им воды.

Фронт приближался. Все слышнее были звуки войны. Над поселком стали появляться самолеты. Мы уже по звуку отличали наши от вражеских. Но наши самолеты в то время летали очень редко.

Ужас войны я пережил в первый раз в конце августа. Прилетели четыре немецких самолета и начали бомбить поселок. Бомбы падали со страшным воем, было сброшено двенадцать бомб. В воздух взлетало, кажется, все: земля, доски, щебень; солнце было едва видно. Запахло гарью. Кругом были слышны крики, плач. Я оказался в какой-то яме. Наконец самолеты улетели. Оказалось, что разбито четыре дома, на их месте были глубокие воронки. Одна бомба попала на стадион, где находились группы мобилизованных. Все они погибли. Мы находили оторванные руки, ноги и головы, разбросанные по полю. Это было страшно.

Однажды ночью, в октябре, меня разбудил отец:

— Вставай, сынок, давай прощаться. Я ухожу на фронт.

Через две недели мы получили от отца письмо. Он писал, что в бою под Смоленском его ранило в ноги и теперь в санитарном поезде его везут в Новосибирск в госпиталь. Больше я ничего не знал об отце до конца войны. Встретился я с ним только в 1947 году.

А через несколько дней пришли немцы, и мы оказались в оккупации. Мачеха сказала мне, что кормить меня ей нечем, я должен сам думать, где и как жить. Меня приютила бабушка Дуся, двоюродная тетя отца. Я прожил у нее зиму, а весной меня угнали в Германию.

Беда

В один из дней, утром, выйдя из дома, мы увидели расклеенные на заборах и домах объявления. Это был приказ немецкой комендатуры: все юноши от 13 лет и старше должны зарегистри-

роваться у коменданта. Я, однако, да и другие ребята, в комендатуру не пошел.

Однажды на улице ко мне подошел полицей.

— Приказы властей надо выполнять, а то плохо будет, — сказал он с угрозой.

Дома мы с бабушкой Дусей решили, что утром я пойду в деревню, к ее родственникам. Однако судьба распорядилась иначе.

Ночью пришли полиция и увели меня в комендатуру. Там оказалось уже человек тридцать подростков. Нас отвели в небольшую комнату, мы кое-как разместились в ней: в одном углу были девочки, человек десять, в другом — ребята. Девочки плакали; старшей из них, Кате, было четырнадцать лет. Среди ребят самыми старшими были я (мне было 15 лет) и друг мой Коля Васин (ему шел семнадцатый год).

Утром, часов в шесть, нас подняли, принесли хлеба и кофе. Затем повели на станцию, где стоял товарный эшелон. Нас посадили в вагон, закрыли дверь, оставив маленькую щель, и поезд тронулся. Все, кто мог, прильнули к этой щели и с грустью смотрели на остающиеся позади станцию, дома, наш поселок.

Нас привезли в г. Смоленск в пересылочный лагерь, где было уже много таких же подростков. Там мы прожили несколько недель. Кормили плохо: утром — кружка кофе без сахара и кусок хлеба, в обед — баланда из брюквы без хлеба, вечером опять кофе и кусочек хлеба. Спали на полу. Подстилкой служила грязная солома, в которой копошились вши.

В лагере свирепствовал тиф.

Я и Коля спали вместе, укрывались одним одеялом. Как-то раз, проснувшись, я стал будить его, но он не шевелился. Тогда я начал стаскивать с него одеяло, а когда открыл его лицо, то увидел, что он мертв. Глаза Коли были широко открыты, а по лицу ползла большая вошь. Меня охватил страх, я закричал. Обернувшись, я увидел, что в мою сторону уже идут двое с носилками в черных халатах с красным крестом на рукавах. Это были санитары из пленных поляков. Они положили труп Кольки на носилки и понесли. В эту ночь в лагере умерли сорок человек. Их погрузили на машину и увезли.

Нас переправили в карантинный блок, сделали какие-то прививки. Пробыли мы в карантине три недели. Спали на кроватях по одному, были серые простыни, подушка, набитая соломой, и байковое одеяло. В бараке было чисто, кормили сносно. Но за пределы территории не выпускали. Барак находился на окраине города. Из одного окна был виден Днепр, а из противоположного — полуразрушенная стена Смоленского кремля.

Один раз нам показали кино, вернее, немецкую хронику. Мы увидели, как немецкие солдаты стреляют в наших солдат, как сби-

вают наши самолеты, уничтожают танки. Нам было страшно. После кино вышел офицер и на ломаном русском языке объявил, что мы поедем в Германию на работу.

— Вы все прошли обследование. Вы здоровы и можете работать на благо рейха, — сказал он.

Дорога на чужбину

Утром пришли два солдата, отобрали десять человек и увели на работу. К вечеру ребята вернулись и рассказали, что ездили на машинах в деревню и привезли соломы и сена, все это разгрузили на станции. Там стоял эшелон из десяти товарных вагонов, в которых наши пленные строили нары из досок и клали на них солому.

На следующее утро в группу из десяти человек попал и я. Нас посадили в крытую машину, и мы поехали в город. За нами шла еще одна машина. Приехали на какой-то склад. Там получили байковые одеяла и какую-то плотную ткань наподобие брезента. Все это мы погрузили на вторую машину и отвезли на станцию. Скоро мы вернулись в лагерь.

В этот день обед был сытным: вермишелевый суп, пшенная каша и по кружке компота. После обеда нам приказали построиться в колонну с вещами (которых, впрочем, у нас не было) и повели на станцию. Там посадили в вагоны по тридцать человек в каждый. В вагонах были двухъярусные нары с соломенной подстилкой, покрытой брезентом и одеялом. Потом каждому выдали по буханке хлеба, по банке мясных консервов и куску масла и сказали, что это на весь следующий день.

Часа через два поезд тронулся. Мы молча смотрели друг на друга. У многих на глазах появились слезы, но никто не плакал.

Был вечер. Через щель в двери я видел проносившиеся мимо леса и поля. Обернувшись, я посмотрел на товарищей и не узнал их: это были уже не подростки, у них были суровые взрослые лица. У многих в глазах стояли слезы.

Что ждет нас там, на чужой незнакомой нам земле?...

Поезд уходил все дальше на запад. Мы уже ехали по Белоруссии. С обеих сторон насыпи тянулся небольшой лесок. Нас было трое ребят, которые старались держаться вместе: это были Коля Морозов, Юра Некрасов и я. Мы давно уже задумали бежать и сейчас решили, что наступил подходящий момент. Подойдя к двери, попробовали открыть ее; она поддавалась довольно легко. Поезд шел не очень быстро. Первым прыгал Коля, за ним Юра. Я должен был прыгнуть последним. Только я собрался это сделать, как услышал автоматную очередь: в конце поезда находился часовая, он заметил ребят и открыл огонь. Я видел, как Юра поднялся и тут же упал, уткнувшись головой в траву. И я не рискнул

прыгнуть из вагона. Поезд остановился, солдаты закрыли все двери на засовы. Открыть их теперь было уже невозможно.

Мы приехали на территорию Польши. Узнали мы об этом, когда нам давали хлеб и воду, — на это время двери открывали, и мы увидели рядом с нашим поездом еще один с русскими военнопленными. Они-то нам и сказали, что это Польша, город Варшава. Мы не увидели ни одного целого дома, все было разрушено. Пришел офицер с женщиной-переводчицей и сказал, что к нашему поезду прицепили вагон-кухню и теперь нас будут кормить горячим обедом и чаем, и что скоро будет баня. Таких грязных в Германию не повезут. Через час поезд тронулся. Ехали мы еще десять дней.

Поезд остановился на какой-то станции, кругом были горы, поросшие лесом. Нас высадили и поместили в лагерь за колючую проволоку в бараке, где не было ни коек, ни нар. Когда нас вели, я обратил внимание на вывески, они были написаны русскими буквами, но слова были непонятны. Нас повели в баню всех вместе — девочек и ребят. Всю одежду, нижнюю и верхнюю, сдали в дезкамеру, и, голые, мы вошли в баню. Дали каждому по тазу воды и маленькому кусочку мыла. Помыли головы, и вода в тазу стала черной от грязи, этой водой кое-как помылись, а смыть грязь было нечем. Мы стояли и не знали, что делать. Тут открылась дверь, и переводчица сказала: выходите по одному. Мы пошли, у входа стояла пожарная машина, и один солдат из брандспойта окатывал нас водой, смеясь при этом.

Побег

К этому времени я завел себе друзей: среди них был мой земляк Аркадий и четыре хлопца-украинца. Одного из них звали Гричко, то есть по-русски Гриша, как и меня. Мы опять стали думать о побеге. Нас, смельчаков, набралось шесть человек. Мы не думали о том, где мы и куда бежать, мы не знали, где находимся, у нас не было ни карты, ни компаса, ни опыта, ни знаний — ведь мы были еще почти детьми. Бежать решили ночью. Из лагеря вышли тихо, никто нас не заметил. Дошли до леса, долго шли по лесу, натыкаясь друг на друга в темноте. Наконец вышли на тропу, которая уходила в горы. Мы пошли по ней, не зная, куда она нас выведет. Часа два поднимались вверх, потом тропка стала спускаться. Через некоторое время вышли на дорогу. Стало светать. Мы увидели небольшое озеро и пошли к нему. Кругом было тихо. Решили отдохнуть. Умылись, попили воды. Прилегли и уснули.

В лагере, конечно, быстро обнаружили наше отсутствие. Нас разбудил собачий лай и гул мотора машины. И не успели мы опомниться, как перед нами появились три солдата с овчарками на поводу в незнакомой нам форме. Это были полицаи-болгары.

Оказывается, мы были в Болгарии. Подъехала машина, нас втолкнули в фургон и захлопнули дверь. Пола моего пиджака попала в дверь, и она оказалась закрытой неплотно, осталась узкая щель. Я слышал, как солдат сказал шоферу:

— Вилли, проучи их.

Заработал мотор, и мы почувствовали запах выхлопного газа, идущего по трубе, отведенной в кузов. Машина тронулась. Дышать стало нечем. Мы задыхались.

— Не надо! Хватит! — кричали ребята.

Я припал к щели в двери и хватал ртом воздух.

Минут через тридцать машина подъехала к лагерю. Нас вытаскивали из машины, вернее, выбросили, как мешки с картошкой. Я расслышал, как солдат сказал:

— Вилли, ты перестарался.

И машина уехала.

Меня тошнило, в висках стучало, перед глазами было темно. Я с трудом поднялся и пошел в барак, лег на свое место и потерял сознание.

Пришел я в себя через сутки в госпитале. Около меня сидела женщина и мокрой тряпкой обтирала мне лицо. Это была пленная медсестра Зина, ей было лет 25. Она дала мне кружку с чаем и кусок хлеба. Я попил немного чаю, есть не хотелось.

— Ну, ничего, теперь будешь жить, — сказала она. — Страшное позади.

Я спросил, где остальные.

— Их нет, они скончались. Их утром похоронили, — ответила Зина. Она достала зеркальце и подала его мне:

— Посмотри, на кого ты похож.

Я взглянул и испугался: под глазами были черные круги, на осунувшемся лице выделялся красный нос, щеки ввалились.

В госпитале я пролежал около недели. А потом — снова дорога. До самой Германии я ехал на женской половине. О побеге больше не думал.

А с Зиной мне довелось встретиться после войны, в 1946 году, уже на нашей территории. Она меня узнала первая.

— Вот видишь, судьба снова нас свела. Мы остались живы, это главное.

Чужая земля

Дальше до самой Германии мы ехали без особых происшествий. Нас поражала красота и чистота городов и поселков, мимо которых мы проезжали. Красные черепичные крыши домов, ухоженные сады и поля на склонах гор — все это нас удивляло.

Наконец поезд остановился в каком-то небольшом городке. Названия его я не помню, да это и не важно. Нам приказали вый-

ти из вагона и построиться в две шеренги. Один из солдат, которые нас сопровождали, начал нас пересчитывать. Я стоял в первом ряду и он, подойдя ко мне, обратил внимание на мои ноги. Мои ботинки были совершенно разбиты, из дыр видны были пальцы. Он поглядел и сказал:

— Это плохо. Идем со мной.

Он привел меня в вагон, в котором ехал, достал из своего ранца солдатские сапоги и, отдав мне, велел немедленно надеть их. Они оказались мне в самый раз.

Их детвора окружила нас. Они смотрели на нас как на чудо и все норовили снять с кого-нибудь кепку. Ко мне подбежал маленький карапуз и спросил:

— Где у тебя рога?

Я уже понимал немного по-немецки, в школе у меня была четверка по языку.

Поодаль стояли мужчины в гражданской одежде, все пожилого возраста. Они курили и о чем-то говорили. К ним подошел наш сопровождающий, что-то сказал им, и все они пошли к нам. Мне еще в Смоленске в лагере один санитар из пленных поляков говорил:

— Старайся попасть к бауэру. Будешь сыт и доживешь до конца войны.

Против меня остановился немец в клетчатом костюме с большим животом, с сигарой во рту и с блокнотом в руке. Он спросил, понимаю ли я по-немецки. Я ответил — да. Он открыл блокнот и спросил мое имя. Я растерялся, подумал, что он спрашивает — кто я. Я ответил:

— Крестьянин. — Крестьянин? — Да, — сказал я и назвал фамилию. Он записал и велел мне отойти в сторону. Отобрал он шесть человек и повел нас на перрон, где стоял пассажирский поезд. Мы сели в вагон, через минут десять поезд тронулся. Когда поезд набрал скорость, немец достал блокнот и обратился ко мне:

— Скажи товарищам, что я бургомистр деревни Денцлинген, куда мы едем. Сейчас вы все получите аусвайс (удостоверение).

И раздал каждому из нас синенький матерчатый квадратик с надписью OST.

Ехали мы около двух часов. Поезд останавливался несколько раз, я все пытался прочесть названия станций, но они почему-то не запоминались. Наконец приехали. Мы вышли из вагона. В саду около вокзала сидели шесть мужчин. Они встречали нас. Бургомистр достал блокнот и начал называть наши имена и фамилии. Первым в списке был я. Он прочел: Кристиан Лодкин. Я, конечно, удивился, но промолчал.

С этого времени у меня появилось новое имя. Он указал мне на мужчину, который держал два велосипеда. Я подошел к нему и по-

здоровался. Он спросил, умею ли я ездить на велосипеде, я ответил — да. Он подал мне один из них, и мы поехали. Подъехали к дому. На крыльце стояла вся семья. Это были: жена хозяина, старшая дочь Мария, два сына — Вильгельм, одного возраста со мной, и Альфред, которому тогда было лет двенадцать, две маленьких девочки и еще стояла коляска с малышом. Всего с хозяином их было восемь человек. Я поздоровался. Хозяйка повела меня по винтовой лестнице на второй этаж и показала мою комнату.

— Здесь ты будешь жить, а это твоя постель.

Постель сверкала белизной. Хозяйка принесла нателное белье, мыло, полотенце, велела умыться и переодеться. Я все ее требования выполнил и она позвала меня обедать. Сидели все за одним столом.

Так началась моя новая жизнь.

Юзеф Дуфнер

Отдохнуть мне после дороги не пришлось, хотя мне так хотелось спать. Старший сын Вильгельм сразу после обеда повел меня знакомить с хозяйством. Показал скотный двор — там стояло шесть коров и две лошади, затем свинарник, где были четыре свиньи и свиноматка с десятью поросятами. Было также много кур и гусей. Вильгельм показал мне мастерскую, где делали ящики для фруктов, там работал мужчина инвалид. В мастерской стоял универсальный деревообрабатывающий станок.

Хозяин работал на станции — разгружал и развозил по домам уголь. Вагон с углем приходил четыре раза в неделю, и мне приходилось разгружать его вручную лопатой. Это трудно даже взрослому, сильному человеку, а для подростка это почти не под силу. В обязанность мою входил также уход за скотиной. Подымали меня в три часа утра, спать ложился не раньше десяти. Работать приходилось очень много, да и все члены семьи тоже много работали.

Я прожил у Юзефа Дуфнера шесть месяцев. Выходных почти не имел, так как вагоны с углем часто приходили и в воскресенье. Я уставал так, что вечером едва добирался до постели. Угольная пыль въелась в тело, так что ее невозможно было отмыть. Я похудел, появилась слабость, часто кружилась голова. Стал плохо держать мочу.

Однажды случилось со мной несчастье. До обеда я выгрузил вагон угля. Кое-как умылся. Позвали обедать, но есть не хотелось, клонило ко сну. После обеда хозяин велел идти в мастерскую пилить доски для ящиков. Меня качало из стороны в сторону, тошнило. Я подошел к станку, включил рубильник и начал пилить. Постепенно стал приходить в себя. Визжание пилы действовало успокаивающе. Работу на станке я считал самой лег-

кой. Я полностью ушел в работу. И вдруг неожиданно я почувствовал боль в правой руке, как будто кто-то приложил к ней горящую головешку. Я взглянул на руку. На кисти руки видна была глубокая рана. Боли я почти не чувствовал, но очень испугался. Я схватил попавшую мне под руки ветошь и замотал руку. Выключил рубильник и сел на ящик. Ко мне подошел мастер, посмотрел на руку и сказал:

— Иди промой и завяжи.

Я промыл холодной водой, завязал руку носовым платком, поднялся к себе в комнату, лег в постель и уснул мертвым сном. Меня никто не тревожил, ужинать я не ходил. Утром я проснулся. Рука болела и сильно распухла. Я спустился вниз. Завтракал я молча, меня ни о чем не спрашивали. После завтрака хозяин сказал: «Пошли». Мы пришли к кирпичному мрачному зданию. Это была католическая церковь. Мы подошли к двери, обитой железом. Хозяин позвонил, и к нам вышла женщина в черном одеянии. Он ей что-то сказал, показав на меня. Она подошла ко мне, положила руку мне на плечо и велела идти за ней. Мы вошли в небольшую комнату, где не было никакой мебели, кроме табуретки и небольшого шкафчика. Она посадила меня на табуретку, развязала мою руку, поглядела и сказала:

— Очень хорошо.

Затем она открыла шкаф, достала желтую жидкость, промыла рану, помазала какой-то черной мазью и, наложив повязку, сказала:

— Очень хорошо. Можешь идти.

Я пошел домой. Дома никого не было, кроме двух маленьких девочек. Старшей было лет семь, ее звали Едвик. Она подошла ко мне и сказала:

— Иди на кухню, поешь.

На столе в тарелке лежало сало и хлеб, стоял кувшин с виноградным вином. Я выпил стакан вина, поел сала с хлебом, поднялся к себе и лег спать. Боль в руке постепенно утихала, и я уснул. Три дня меня никто не тревожил. Так я получил отдых впервые за шесть месяцев. На четвертый день было воскресенье. Был какой-то церковный праздник. Хозяин с женой и старшими детьми собирался идти в церковь, а мне сказал:

— Сходи, проведай своих товарищей. — И дал мне 25 марок и пачку сигарет. С тех пор я начал курить.

Остались, конечно, и хорошие воспоминания. Немцы к нам относились неплохо, а мои сверстники, дети хозяина, были со мной на равных. Они тоже очень много работали. Я часто видел, как они плакали, просили отдыха. И мне их было жаль. С Вильгельмом мы часто работали вместе, и я никогда не слышал от него грубого слова. Да и вся семья ко мне относилась хорошо.

Как-то хозяин нанял одного работника немца, и меня из моей комнатки перевели в другую. В нее я ходил через комнату ребят. В моей комнате стоял бидон с медом, и ребята — Альфред, Вильгельм, Едвик перед сном частенько забежали полакомиться медом, а меня просили никому не говорить об этом. Я же боялся, что хозяин подумает, что это я ем мед, и потому выпроваживал их, не давая им есть много.

Однажды вместе с Вильгельмом и Альфредом мы везли сено. Все трое сидели на возу. Я лег на спину, закрыл глаза; вспомнил о родине, об отце и тихо запел его любимую песню:

Ой ты степь, ты степь,

Степь кругом лежит...

Вильгельм говорит:

— Кристиан, спой погромче, мы хотим послушать.

— Но ведь вы ничего не поймете, — ответил я.

— Все равно спой.

И я запел — не столько для ребят, сколько для себя.

Песня закончилась, все молчали. Мне показалось, что даже кони пошли тише.

— Хорошо, хотя и непонятно, — сказал Вильгельм. — Переведи, о чем говорится в песне.

С тех пор я частенько пел русские песни, которые знал. Очень любил такую песню:

Во саду, во долине

Громко пел соловей,

А я мальчик на чужбине

Вдалеке от людей.

На вопрос Вильгельма, о чем эта песня, которую я так часто пою, я ответил:

— В ней — тоска по дому.

Мир не без добрых людей

Услугами по обеспечению жителей поселка углем, который разгружал и развозил мой хозяин, ведала фрау — я не помню ее имени. Это была очень симпатичная, даже по-своему красивая женщина лет сорока пяти. Она была вдовой, муж ее, офицер, погиб на фронте. У нее был большой дом недалеко от вокзала. Она жила с отцом-инвалидом, тем самым, который работал у моего хозяина в мастерской, делая ящики для фруктов. Фрау стала частенько появляться на площадке, где я выгружал уголь, иногда приносила сигареты или пиво. Я был удивлен, не понимая, в чем дело.

Однажды, когда я закончил работу, она пригласила меня к себе в дом. Я никогда еще не видел такой роскоши и был поражен всем, что увидел. Фрау провела меня на кухню. Это была довольно большая комната, в одном углу которой находилась от-

деланная белым кафелем плита. Посредине кухни стоял стол и четыре стула, на столе стояло два прибора, кастрюля с супом, от которого исходил ароматный запах, бутылка красного вина, два бокала и хлеб. Она пригласила меня к столу. Я никогда не был в такой обстановке и чувствовал себя неловко. Она налила вино в бокалы, положила еду в тарелки. Все было очень вкусно. Начался разговор. Фрау спросила, сколько мне лет. Я ответил.

— Моему сыну было бы десять, он умер младенцем, — сказала она и, помолчав, добавила: — Тебе нужно уйти к другому хозяину. Тебе тяжело там?

Я ответил утвердительно. Покончив с едой, я собрался уходить. Она встала, положила руку мне на плечо. Я наклонил голову и, поцеловав ее руку, пошел к выходу. На следующий день меня перевели к другому хозяину.

На новое место

Была уже глубокая осень, конец ноября.

Утром я закончил уборку и кормление скота и ждал, когда позвонят завтракать. Вдруг слышу голос: «Где русский?». Хозяин позвал меня. Я подошел и увидел полицейского. Я очень удивился, даже испугался немного.

— Собирайся, пойдешь со мной, да побыстрей, мне некогда, — сказал полицейский.

Собирать мне было почти нечего. Взял свои скудные пожитки, и мы пошли. Он вел в руках велосипед, я шел рядом. Утро, несмотря на глубокую осень, было теплое, светило солнце. Полицейский сказал, что скоро пойдет снег. Я удивился, ведь погода была ясная.

— Вон посмотри на те горы. Видишь, идет снеговая туча? — сказал полицейский.

И действительно, минут через десять поднялся сильный ветер и снег повалил хлопьями, так что через несколько минут кругом было все бело. Но скоро все стихло, снова показалось солнце, а снег стал таять прямо на глазах. Да, там был чудесный климат. Это было на юге Германии, недалеко от города Фрайбурга.

Новый хозяин, по имени Модест Силльманн, жил на хуторе километрах в трех от деревни Денцлингин, у подножья небольшой горы. На вершине ее стояла разрушенная крепость или замок. На хуторе было два дома, два хозяина. Имя второго я не помню, он держал небольшой ресторанчик; в мирное время, говорят, там было многолюдно. Полицейский оказался очень разговорчивым. Он говорил, я слушал, хотя и не все понимал. Он сказал, что скоро кончится война и я поеду домой, если захочу. А еще сказал, что Модест Силльманн хороший человек, он уже старый, хозяйство у него небольшое — пять коров и один

бычок — так что мне там будет хорошо. Пока мы шли, снег растаял и дорога почти высохла. Мы подходили к хутору. Нас никто не встречал, как было у первого хозяина. Мы вошли без стука, полицейский первый, я за ним. Модест, на вид крепкий, пожилой мужчина с густыми черными усами, сидел и читал газету. На столе стоял кофейник, от которого шел пар, кувшин с молоком. На плите — жаровня, в которой что-то жарилось.

Полицейский поздоровался, я тоже. На голоса вышла хозяйка, пожилая полная женщина небольшого роста, и девочка лет двенадцати или тринадцати, их внучка, стройная и красивая. Ее звали Ирма. Полицейский сказал хозяину:

— Вот вам помощник. Вот здесь распишись, я очень спешу.

Затем он сел на велосипед и уехал. Хозяйка — я стал звать ее Grossmutter — пригласила к столу. После завтрака хозяин показал мне свое хозяйство. Все время, пока я жил там, я звал его Grossfaher. Так началась моя жизнь на новом месте.

Модест Силльманн

После осмотра хозяйства Модест Силльманн объяснил мне, что я должен буду делать. Как я уже писал, стояла глубокая осень. Полевые работы были закончены. В мои обязанности входило ухаживать за скотиной и кормить ее три раза в день. Нужно было нарезать на ручной машине кормовую свеклу и брюкву, сено и солому на селоморезке, почистить скотный двор. На это уходило часа три. В остальное время я пилил и колол дрова. Часто с хозяином ходили в лес, который был недалеко от дома.

Однажды мы свалили два больших дерева, распилили их на метровые бревна. Хозяин сказал, что дальше я буду работать один. Он принес железные клинья и кувалду. Я должен был эти бревна расколоть и сложить в штабеля, а все сучки изрубить и связать в пучки, которые затем пойдут на топку печи. Я работал в лесу до февраля. Потом надо было все это перевести на хутор. Вот тут случилась беда, которая чуть было не стоила мне жизни.

Лес находился на горе, и спуск был очень крутой, дорога извилистая. В телегу, на которой мы должны были перевозить бревна, была впряжена корова. Телега была снабжена тормозом. В гору поднялись благополучно, пять раз давали корове отдохнуть. Когда останавливались, зажимался тормоз, и телега не катилась назад. Корова в это время спокойно отдыхала. Мы нагрузили телегу хворостом, все увязали веревкой и стали спускаться. Хозяин стоял у тормоза, я вел корову за поводок. Все шло хорошо, спустились уже до половины горы. Вдруг на повороте телегу стало заносить. Слева был обрыв, а справа — отвесная скала. Я начал прижимать корову к скале, но тут лопнула цепь, которой соединяют дышло с ярмом. Телегу с хворостом потянуло вниз, к

обрыву. Я почувствовал сильный удар в голову и упал. Корова, оборвав постромки, перескочила через меня. Удар пришелся в лобовую часть головы. Я ничего не видел, глаза залило кровью, и я потерял сознание. Когда пришел в себя, я увидел над собой луч солнца, пробивавшийся сквозь листву. Около меня стоял хозяин и его сноха, фрау Фрида, мать Ирмы. Она мокрой тряпкой обтирала мне лицо. Меня тошнило, кружилась голова. Фрида завязала мне голову и помогла встать. Хозяин и Фрида шли рядом. Она сказала:

— Все обошлось. Значит, не суждено было тебе умереть.

Три дня я почти ничего не мог делать, затем почувствовал себя лучше. Приехал зять хозяина, Отто, муж его дочери. Мы втроем пошли на место аварии и по частям доставали разбитую телегу. Отто сказал мне:

— Хорошо, что никто не погиб. Тебе в любом случае было бы плохо. Если бы погиб хозяин, тебя бы обвинили. Отказало тормозное устройство. Но, слава богу, все обошлось, все живы и здоровы. И он рассказал мне, что пять лет назад по этой самой дороге на телеге, запряженной двумя волами, так же спускались груженные дровами отец с четырнадцатилетним сыном. Случилось то же самое, но они оба полетели под обрыв вместе с волами и погибли.

Наступила весна, начались полевые работы. Погода стояла теплая и мы спешили закончить весенний сев. Кроме коровы, у нас не было никакой тягловой силы, так что работа шла медленно.

Мы с хозяином работали с восхода до заката солнца и все успели сделать вовремя. После этого начался новый этап работы — уход за посевами, рыхление, культивация, прополка. В прополке участвовали все; приходили помогать Фрида с сыном Хорстом, которому было тогда лет восемь. Климат здесь позволял снимать два урожая с одного поля. Например: сеют пшеницу и по ней — морковь; пшеницу убирают в августе, а морковь — в октябре. Дождей здесь выпадает мало, но засухи нет, стоит теплая солнечная погода.

В конце мая начался сбор черешни. У хозяина было два огромных дерева, для сбора черешни нужны были десятиметровые лестницы. Сбором ягод занимались я и Фрида. Мы работали два дня, набрали двести килограммов черешни, а хозяин отвез ее потом в город на продажу.

Вскоре начался сенокос. Здесь сено косят два раза, а клевер и люцерну — три, а то и четыре раза. Косить я еще не умел, но скоро научился. Начинали косить в три часа утра и работали до десяти. Затем шли домой завтракать, а если луг был далеко, то брали завтрак с собой. На следующее утро у меня все боле-

ло — руки, спина, ноги, а хозяину хоть бы что, как будто и не косил. Когда сенокос закончили и все сено свезли и убрали под навес, была небольшая передышка, но без работы, конечно, мы не сидели.

У моего хозяина не было виноградника, но виноградник был у его зятя, Отто. И вот меня послали к нему на уборку винограда. Виноград там растет на крутых склонах гор. Арбу или телегу с большим чаном поднимают на вершину горы (там проложена дорога), выпрягают волов, и начинается уборка. Женщины вооружаются специальными ножницами, а мужчины надевают на спины огромные короба, спускаются вниз и передвигаются вверх между рядами виноградника, а в это время женщины бросают кисти в короб. Виноград высыпает в чан, который стоит в арбе. Это очень трудная и опасная работа. При малейшей оплошности можно сорваться и полететь вниз, ломая виноградник и свои ребра. Два раза я отнес короб нормально, на третий же раз я не мог нести его, а полз на четвереньках, ноги меня уже не держали. Длина подъема была метров триста. Да и не я один устал так, остальные тоже, хотя они имели опыт и были сильнее. Решили отдохнуть и перекусить. Через полчаса работа возобновилась. К вечеру мы закончили и поехали домой. Урожай был хороший. На следующее утро начали давить виноград в специальной машине «пресс». Получилось двести литров соку. Свежий сок все пили вволю, кто сколько хотел, но его много и не выпьешь. Молодое вино пить приятнее.

В августе основные работы подходят к концу. Убрано сено, скошена пшеница, ячмень, овес, репс. Начинается молотба. Более богатые фермеры имели свои молотилки, у нас же своей не было, и мы повезли снопы к другому фермеру. Мы обмолотили зерно, погрузили на телегу. Получилось четыре мешка по сто килограммов. По существующему, видимо, у всех народов обычаю, решили отметить окончание важной работы. Хозяин вынул бутылку шнапса и налил всем по стопке. Пригласили и меня. Все пили маленькими глотками, а я выпил свою стопку залпом, как принято у русских, и пошел заканчивать свою работу. Отто это не понравилось, и он налетел на меня с кулаками.

— Не умеешь пить, — закричал он.

У меня в руках были вилы. Я выставил их вперед и сказал:

— Прочь, а то выпущу кишки.

Он отошел. Я закончил погрузку соломы, увязал воз и поехал домой, а зерно на другой повозке вез grosfатер с Отто. Я привез солому, выпряг корову, поставил ее в стойло и пошел к дому. Телега с зерном стояла у крыльца. Зерно нужно было поднять на второй этаж. Отто говорит:

— Кристиан, давай попробуем, кто из нас внесет мешок на второй этаж.

Я уже писал, мешок весил сто килограммов. Отто на вид был крепкий мужчина. Я поглядел на него и ничего не сказал. Я был уверен, что мне мешок не внести, но признаваться в этом не хотелось. Я подошел к телеге, взял мешок на спину и понес. На второй этаж вели двенадцать ступенек. Половину я прошел нормально, потом ноги стали подкашиваться. Но я все-таки поднялся на второй этаж.

Второй мешок взял Отто, но, не дойдя до лестницы, сбросил его. — Ну, что, слабак, — сказал я.

Он ничего не ответил. Подошел хозяин и сказал, чтобы мы носили мешки вместе, а потом шли обедать. За столом мы опять пили шнапс. Отто тоже пил, теперь уже по-русски.

Тоска по родине

Шел третий год моей жизни на чужбине.

По воскресеньям я часто навещал своих друзей по несчастью. Мы все — русские, поляки, сербы, чехи, французы — собирались в одном небольшом ресторанчике, на краю села. Там можно было купить сигарет, выпить пива или вина, а иногда даже и по стопке шнапса. Хозяин ресторана был приветлив. Объяснялись мы на немецком языке. Француз, его звали Ками, знакомил нас с новостями на фронте. В одно из воскресений, когда я шел в ресторан, меня поразило то, что я увидел на улице (это было еще в первый год моей работы в Германии). Кругом были вывешены траурные флаги, люди казались чем-то опечаленными, кое-где стояли группы мужчин, о чем-то разговаривая. Я еще не знал, что произошло, спросить же у немцев я не решался. В ресторане Ками нам объяснил, что немцы потерпели крупное поражение под Сталинградом, и поздравил нас, русских, с победой.

В свободное от работы время, в выходные дни, я часто уходил на реку искупаться. Меня поражала красота и прелесть здешних мест. Лежа в траве и прислушиваясь к стрекотанию кузнечиков и щебетанию птиц (а их здесь было великое множество), я как бы погружался в другой мир, забывая, где я нахожусь.

Я очень тосковал по родине. Стоило закрыть глаза, как я видел свой родной край, березовую рощу, где мы с ребятами собирали грибы, речку, где ловили раков. Я очень скучал по нашей русской зиме, здесь мы почти не видели снега. По ночам мне часто снились картины моего детства. Но детство мое осталось далеко позади.

Все чаще вспоминали мы о родине, мечтали о возвращении домой, не представляя себе, что нас там ждет.

Но до возвращения на родину было еще далеко. Немцы к нам стали относиться более доброжелательно. В разговорах наедине я часто слышал от них, что война эта никому не нужна (ведь сколько погибло невинного народа), что немецкие солдаты не хотят войны, но их гонят, как скот на бойню.

Несколько раз я разговаривал с пожилым немцем по имени Эрнст, фамилии его я, конечно, не помню, да это и не важно.

— Русский солдат тоже не хочет войны, я это знаю, — говорил он. — В Первую мировую войну, в четырнадцатом году, я был в плену. Русские относились к нам хорошо, делили с нами хлеб и табак. Но Россия очень бедна по сравнению с Германией, да ты и сам это видишь. Ленин хотел сделать Россию богатой страной, но рано умер, а Сталин плохой человек.

Мне такие слова не понравились, ведь мы считали Сталина родным Отцом. В школе мы только и слышали: «Наш мудрый вождь и учитель», пели песни о Сталине. Наши солдаты шли в атаку на врага со словами: «За Родину, за Сталина» и мы этим гордились. Мы все считали, что наша Родина — самая лучшая в мире, а Коммунистическая партия — самая справедливая. Я, конечно, тогда плохо разбирался в политике. Я просто гордился, когда говорили о нас хорошее.

Война шла к концу, мы все этому радовались. Все ждали этого часа, он нам сулил возвращение домой. Домой я, конечно, еще не скоро попал. Мне довелось еще очень много пережить. Но об этом потом, это будет отдельная глава моей повести.

А сейчас я хочу рассказать об одной встрече с нашими земляками. Это было в марте 1945 года. К нам на постой пришли солдаты в немецкой форме, но на рукаве у них было три буквы — РОА. Они жили в сарае и в тамбуре скотного двора. Когда я шел кормить скот, то проходил мимо них, и в такие моменты они никогда не разговаривали. Но однажды за завтраком хозяин меня спросил:

— Ты знаешь, что это за солдаты?

Я ответил: — Германские.

А он сказал: — Это русские.

Я не поверил. На следующее утро, когда я пришел кормить скот, они еще спали, только один, видимо дневальный, сидел на ящике от патронов и читал газету. Я обратил внимание на то, что газета была на русском языке. Я остановился и сказал: «Доброе утро», он поднял голову и приложил к губам палец, мол — тише. Понемногу разговорились. Он сказал, что в боях с Советской армией они не участвуют, а больше работают на укреплении рубежей. Но все они были вооружены. Он рассказал мне, что родом из-под Орла, до войны работал в колхозе, ему тридцать два года. В плен попал под Сталинградом, был в концлагере, умирал с голоду, а тут стали набирать в так называемую Русскую освободительную армию. Офицеры тоже русские, много татар.

— А сейчас нас переправляют на американский фронт, и я сдамся им в плен, — сказал он. — Домой я уже не вернусь, да никто из нас не вернется, ведь нас расстреляют как изменников.

Он дал мне письмо, чтобы я отправил его, когда вернусь на родину. Просьбу его я выполнил примерно через год. Конечно, я не знаю, попало оно по адресу или нет.

Но к солдатам РОА я относился с презрением, считал, что здесь в Германии нахожусь по их вине. Да бог с ними, не мне судить. Хозяин все чаще стал спрашивать, вернусь ли я домой, когда кончится война, но сам никогда не уговаривал меня остаться. Я же отвечал ему, что Россия — моя родина, и я поеду домой.

Была весна 1945 года, шла посевная, работы было много. Теперь работать приходилось одному. Хозяин часто болел, только иногда вечером помогал убирать скот. Мне было жаль его, и я старался делать все, как нужно, и он был доволен. К двадцатому апреля я справился с полевыми работами. Было воскресенье. Утром я хозяину сказал:

— Можно косить клевер, он уже большой, только не знаю, с какого поля начать.

— Смотри, где лучше, там и коси, — ответил он.

Я запряг молодого быка, которого год как обучили. А старую корову, на которой мы все время работали, отправили на бойню, на мясокомбинат во Фрайбург. Вести ее пришлось мне. Хозяин объяснил мне, как идти, к кому там обратиться. Утром я ее повел. Шел часа три. В городе спросил у первого попавшегося немца, где мясокомбинат, он мне все объяснил, и я через десять минут был на месте. Когда я вошел во двор, я увидел человека плотного телосложения с огромным животом. Тот подошел ко мне, взял корову, похлопал меня по плечу и сказал:

— Хорошо, иди назад, все в порядке.

Я ушел и все думал, как же так: никакой расписки мне не дали, что я скажу хозяину. Но там все отношения строились на честности и на доверии друг к другу. Так, хозяйка, подоив коров, к определенному времени выставляла бидоны с молоком на дорогу, где их забирали те, кто этим занимался. Мы, русские, только удивлялись. Нам до этого еще далеко.

Война шла к концу. Так называемый второй фронт подходил все ближе и ближе. Все чаще стали объявлять воздушную тревогу. Нередко прилетали французские самолеты (они были покрашены в красный цвет). Мы этому радовались, мы считали их нашими освободителями.

Жизнь в лагере освободителей

Второго мая 1945 года в Денцлингене появились французские войска. Французы собрали нас всех, русских, гражданских и пленных, и отправили в лагерь, где мы прожили три месяца.

Лагерь устроили в бывшем военном городке в городе Эммендинген. Все было очень быстро организовано: нас разместили по

корпусам, по десять человек в комнате; был назначен старший, который отвечал за чистоту и порядок. Уборкой занимались солдаты — марокканцы. Делать нам ничего не давали, мы только ели, пили, гуляли и отдыхали. Кормили нас очень хорошо, как в лучшем санатории.

А гулять и отдыхать было где. Городок был расположен в живописном месте, на берегу небольшой горной речушки в очень красивом парке. Это был даже не парк, а сад, где росли каштаны, черешни, абрикосы и персики. По нему проходили дорожки, усыпанные красным песком, через каждые десять метров — беседки, скрытые в тени белой акации, а перед ними — маленькие фонтанчики с чистой холодной водой. Мы наслаждались. Мы там жили как в сказке. Каждый день нам выдавали по одной пачке сигарет и плитке шоколада. Давали даже пиво.

Жизнь в лагере шла беззаботно. Ходили в деревню, покупали черешню. Нам выдали по сто оккупационных марок, правда, немцы на эти деньги продавали неохотно.

По лагерю прошел слух, что скоро нас будут перевозить на советскую оккупационную зону. И вот однажды утром прибыло шесть грузовых автомобилей «Студебеккер». Отобрали 150 человек ребят, остригли «под нулевку», погрузили на машины по двадцать пять человек, и колонна тронулась. За рулем были одни негры. Привезли нас в какой-то город, где мы переночевали в хорошей гостинице, сытно поужинали. Утром нас опять погрузили на машины и повезли на железнодорожную станцию. Нас встретил офицер Советской армии в погонах. Нам это было в диковину, ведь мы не знали, что у нас в армии звели погоны. Поездом ехали часов десять; на одной из станций кормили обедом из трех блюд. К вечеру мы прибыли на станцию назначения, а утром опять сели в машины и через два часа были на условной границе — на реке Эльбе. Нас построили в колонну по четыре и торжественно передали советским властям, то есть нашему командованию. Американцы махали нам на прощание пилотками. Русские встречали хладнокровно.

Итак, мы у своих, но еще не дома.

В зоне, оккупированной советскими войсками

Нас поздравили с освобождением и сказали, что мы должны идти в город Майсен в лагерь репатриированных, откуда нас должны отправить домой. До города восемьдесят километров и мы должны идти своим ходом, потому что в настоящее время нет свободного транспорта.

Нам дали по буханке хлеба, по две воблы и сказали, что к обеду нас догонит кухня, и будет горячая пища.

У каждого из нас были с собой кое-какие вещи. У меня был костюм, две рубашки, две пары белья и ботинки. Все это лежало в не-

большом чемодане. Еще был вещевой мешок, я его выменял у нашего солдата за пачку сигарет. Американцы нам дали по шесть пачек на дорогу и по плитке шоколада. Все продукты, а также полотенце, мыло и бритву, я сложил в вещмешок, закинул его на плечо, взял чемодан в руки и вместе с другими пошел по указанному маршруту.

Стоял август, было очень жарко, ослепительно светило солнце. На небе не было ни облачка.

Поначалу шли все вместе, но к обеду растянулись, разбились на отдельные маленькие группы. Шли весь день с небольшой остановкой на отдых. Кухня нас так и не догнала, да и есть нам совсем не хотелось: было очень жарко, мы все обливались потом, чемодан стал казаться невыносимо тяжелым.

Ночевать остановились в небольшом леске. Развели костер, я вскипятил в котелке воду. Съел одну воблу, попил чаю с хлебом и шоколадом и лег спать. Утром кто-то дал команду «подъем». Я встал, посмотрел кругом и удивился: все жгли свои чемоданы. Я тоже положил в вещмешок все, что могло вместиться, а чемодан с остальными вещами бросил в костер.

Шли мы еще три дня. На второй день нас догнала, наконец, кухня и мы поели мясных щей. Выдали также по буханке хлеба и по банке консервов.

Я очень устал, еле волочил ноги. Однажды, когда мы проходили мимо деревни, я увидел у калитки велосипед. Вокруг никого не было. Я взял велосипед и поехал. Дороги там очень хорошие, и мне было легко ехать. Наконец мы добрались до места. Это был город Майсен. Расположились в бывшем военном городке, вернее в военных казармах. Прошли регистрацию, разбили нас на отдельные отряды, назначили командиров, и жизнь пошла по расписанию: подъем, утренняя зарядка, завтрак, политинформация, строевая подготовка — в общем все, как в армии. В столовую строем с песней, из столовой также.

Особый отдел вел проверку, меня вызывали дважды. Некоторые из ребят куда-то исчезали и мы их больше не видели, что с ними стало — неизвестно.

Через неделю меня вызвали на медицинскую комиссию. Я был призван в армию. Нас набралось десять человек. Попали в комендантский взвод. До принятия присяги находились в карантине. Велись занятия по уставу и строевой подготовке. Нам все завидовали, говорили, что нам повезло. Я тоже так думал. Но судьба распорядилась иначе.

Я заболел малярией, и с высокой температурой меня увезли в госпиталь. Я еще не успел даже получить солдатскую книжку. Пробыл в госпитале десять дней, после чего меня выписали. Я пришел в распоряжение части, а там уже никого не было. Я обратился к коменданту, и он направил меня опять в лагерь пересылки.

Меня определили в отряд, который вел демонтаж германских заводов. Мы снимали станки в цехах, грузили их в вагоны и отправляли в СССР. Работал я там до декабря, и к новому 1946 году вместе с техникой приехал на Украину в город Зугрэс, где проработал два года. А весной 1948 года я был призван в армию, где прослужил четыре с половиной года. Службу проходил на Дальнем Востоке. И только в конце декабря 1952 года я вернулся домой.

Освобождение

2 мая 1945 г. меня, как и других остарбайтеров, работавших в районе Фрайбурга, освободили союзные французские войска. Нас поместили в бывшем немецком госпитале города Эммединген. Там для нас были созданы благоприятные условия для отдыха, питание было очень хорошее. Мы отдыхали там до середины июля. А потом нас — 100 человек молодых ребят на машинах отвезли в советскую оккупационную зону. Там нас встретили советские военные, пересчитали, построили в колонны, назначили старшего и приказали идти в город Майсен на Эльбе. До города было 80 км. Мы шли 5 дней. За это время нас кормили только 3 раза. По прибытии в Майсен нас поместили в какой-то ангар с цементным полом и деревянными нарами без матрасов — одни голые доски. Хорошо еще, что было тепло.

Прежде всего мы прошли через Особый отдел. Каждого из нас спрашивали, когда и при каких обстоятельствах он был угнан в Германию. Некоторых из ребят нашей сотни, с которыми я был переброшен в советскую зону, я больше не видел никогда. Что с ними стало и куда их отправили — мне не известно. Они были по возрасту старше меня.

Началась работа. Мы разбирали завод черной металлургии: снимали станки и другое оборудование, упаковывали все в ящики и грузили на платформы и в вагоны поездов, которые уходили в Советский Союз.

Из Майсена нас перебросили в город Косвик на Эльбе. Там была электростанция, которую тоже хотели разбирать. Нас привели на территорию станции, сказали, что будем демонтировать высоковольтные мачты. Военный инженер, под руководством которого мы должны были работать, сказал, что пока к работе приступать не надо и мы можем отдохнуть. Нас отвели в сарай, где лежало сено. Мы улеглись на сено и проспали целый день. За нами пришли только вечером. Больше на этот объект нас не приводили.

Однажды нам хотели показать кино. Нас построили в колонну и мы пошли строем под командой старшины. Когда мы подошли к кинотеатру, нас остановил комендантский патруль и приказал вернуться. Он сказал: «Кино показываем солдатам, а вам,

вчерашним врагам, делать здесь нечего». Нам было, конечно, очень обидно.

Я проработал в Германии до начала октября 1945 года.

Возвращение на родину. Зугрэс

В октябре 1945 г. нас привезли на Украину в город Зугрэс, где мы должны были восстанавливать электростанцию. По прибытии на место назначения нас поместили в большое помещение, похожее на склад, с цементным полом и двухэтажными нарами, сделанными из водопроводных труб. На нарах лежали матрасы с простыней и одеялом. Нам выдали спецовки, и мы ходили в них и на работу, и в столовую — целые дни. Другой одежды у нас не было.

Каждый день в семь часов утра нас строем вели в столовую на завтрак, а потом разводили по местам работы. Вечером — переключка, спать ложились по команде. Свободы, конечно, никакой не было. Мы были на положении арестантов. Работали в качестве чернорабочих. Иногда мы жаловались начальству на плохое питание и жилье, где нас съедали клопы. Раз два—три их морили газом, но результат был нулевой. Так мы прожили около полугода. Тогда мы решили написать коллективное письмо М.И. Калинину. Не знаю, дошло ли письмо до него, но условия нашего существования начали меняться к лучшему. Нас переселили в общежитие. Комнаты были на пять человек, возле каждой койки стояла тумбочка. Постельное белье меняли каждые десять дней. Все это было ново для нас. Комендантша строго следила за чистотой и порядком в общежитии.

На работу мы теперь ходили самостоятельно, по пропускам, как все остальные рабочие. Стали выдавать хлебные и продуктовые карточки. Зарплату платили вовремя, без задержки.

Потом опять была беседа в Особом отделе. Нам выдали временные паспорта на три месяца со штампом: «Репатриирован». Каждые три месяца паспорта продляли.

В марте 1946 г. мы участвовали в выборах в Верховный Совет СССР вместе со всеми жителями города. Я работал слесарем в депо. Работал хорошо, мастер цеха был мной доволен. На митинге в день пуска очередной турбины мне объявили благодарность и наградили медалью за восстановление народного хозяйства, которую я, однако, не получил. Репатриированные — это рабочие второго сорта — так считали власти нашей страны. Да, годы, проведенные в Зугрэсе, мне запомнились на всю жизнь.

Продуктовые карточки мы сдавали в столовую, где получали завтрак, обед и ужин. Но еды нам не хватало, и мы часто просили дать нам обед или ужин за два дня. В результате карточки кончались раньше на 8—10 дней, и последние дни месяца мы ходили голодные. В выходные дни мы отправлялись в ближайшие дерев-

ни, чтобы подработать: копали огороды, кололи дрова и т.д. За это нас кормили и давали десять рублей. На эти деньги на рынке можно было купить ломоть черного хлеба. Буханка стоила 100 рублей. Но мы и этому были рады. В день зарплаты мы бежали на рынок и наедались досыта — там у деревенских бабок можно было купить миску горячего супа. И вообще местные жители нас жалели и помогали, чем могли.

Иногда мы работали по две смены, не выходя из цеха. Мы шли на это охотно, так как за дополнительную смену выдавали талоны на добавочное питание: четыре талона на сладкую перловую кашу. Но больше трех дополнительных смен администрация не разрешала.

Что греха таить — я часто вспоминал о годах, проведенных в Германии. Я там не голодал, хотя работать приходилось очень много (работал я у бауэра). Мне предлагали остаться в Германии, но я хотел вернуться на родину. Но она нас встретила не очень ласково, можно сказать — отнеслась к нам жестоко. Мне так хотелось домой, я давно не видел отца и мать, ведь я не был дома уже седьмой год.

О том, что мы были в Германии, мы старались не вспоминать. И никогда даже между собой не говорили о том, где мы были и что мы за люди. И дальше в своей жизни я никогда никому не рассказывал о своем прошлом.

Проработал я в Зугрэсе с октября 1945 г. по июнь 1948 года.

Служба в армии

В июне 1948 г. меня призвали в армию. Когда мы получили повестки Райвоенкомата, была какая-то радость: нас теперь считают полноценными гражданами нашей страны!

Наш полк назывался «Отдельный полк Министерства внутренних дел капитального аэродромного строительства». Службу мы начали под Рязанью, на станции Дебальцево, где начиналось строительство военного аэродрома. Мы получили военную форму, бывшую в употреблении, а вместо сапог — ботинки на деревянной подошве. Интересная с ними произошла история. Командир батальона подполковник Биберфельд приказал старшине построить нас в колонну по четыре человека и провести строем по военному городку, где жили летчики, и мимо дома генерала авиации (фамилию не помню). Дорога была вымощена булыжником. Старшина дал команду: «Шагом марш» и мы пошли. Старшина командует: «Тверже шаг, левой-левой». Раздался такой грохот, что жители городка с любопытством выглядывали из окон. Старшина дал команду: «Запевай», — и мы запели:

«Родная армия,
Шлет тебе родина
Песню-привет».

В казарму мы вернулись босиком, деревянные ботинки были все разбиты. Уж мы, конечно, старались вовсю. На следующий день нам, по приказу генерала, выдали сапоги из резерва авиационного полка.

Так началась моя служба в рядах Советской Армии. За короткий срок мы построили разборный бетонный завод, подвели железнодорожную ветку, по которой стали приходить эшелоны с песком, цементом и камнем. Наша задача была — разгружать их. Работа очень тяжелая. Была установлена норма: вдвоем надо было разгрузить платформу за один час. За лишней простой вагонов полагался штраф.

Под Рязанью мы пробыли ровно год. За это время построили аэродром со взлетной полосой. Была приемная комиссия из высшего комсостава. Наш полк построили на плацу. От лица Министерства обороны нам объявили благодарность, а от командования роты я получил благодарность и увольнение в г. Рязань. Сфотографировали на доску почета.

Следующий аэродром, который мы строили, был в Горьковской области на станции Навашино. Сдали стройку с хорошей оценкой. Здесь я тоже прослужил год. И еще два с половиной года я пробыл на Дальнем Востоке. Первый аэродром был в Амурской области, второй (и последний) — в Приморском крае, г. Спасск-Дальний.

В декабре 1952 г. меня демобилизовали. Я прослужил в армии четыре с половиной года. Наконец-то я мог поехать домой, где я не был 11 лет, с начала 1942 года.

Молодость была уже вся позади. Я начал работать и одновременно учиться в вечерней школе — ведь я был в седьмом классе, когда меня угнали в Германию. Появилась семья, дети. Сначала я работал в сельском хозяйстве, затем — на цементном заводе. За добросовестную работу я был награжден медалью «За доблестный труд» и Знаком почета.

Я считаю, что мне повезло. Ведь многие из тех, кто вернулся из Германии на родину, попали на Колыму, на урановые рудники, на лесоповал, на угольные шахты.

Многих уже давно нет в живых.

Послесловие

Григорий Михайлович Лодкин родился 14 февраля 1926 года в Подмоскowie. Когда в мае 1942 года его из поселка Оленино Калининской (ныне Тверской) области угоняли в Германию, было ему всего 16 лет с небольшим.

Если верить его воспоминаниям, то он добирался до Германии самым удивительным из маршрутов: из Смоленска — через Юго-Восточную Европу (он даже прямо полагает, что через Болгарию). Но думаю, что тут абберация памяти: таких маршрутов просто не было. А вот факт отправки в рейх в одном эшелоне с военнопленными, хотя и редкий, но все же возможный.

В деревушке Денцлинген, что всего в нескольких километрах севернее столицы Южного Бадена Фрайбурга, он проработал без малого около трех лет — с июня 1942 по апрель 1945 года. Среди его хозяев были, последовательно, Юзеф Дутнер и Модест Сильманн. Воспоминания показывают, сколь тяжелой могла быть работа и у «бауэра» (считалось — и справедливо, — что самое большое везение для остарбайтера является именно сельскохозяйственный труд) и до какого драматизма могут иногда доходить отношения хозяев с рабочими.

Интересно, что звали его в Денцлингене не Григорием, а «Криштианом». Причиной тому не произвол и не самодурство немецких хозяев (мол, как хочу, так и зову), а недоразумение и языковой барьер при регистрации: на вопрос об «имени» Лодкин, не разобравшись, ответил «происхождением» — крестьянин, сразу превратившись из Григория в Криштиана.

Парень он был молодой, и однажды, увидев на столе газету с картой фронтов, он сказал своим хозяевам: «А Москвы вам все равно не видать!». Попади он на нацистов, не сдобровать бы 17-летнему «герою».

В 1992 году «Криштиан» написал бургомистру Фрайбурга: мол, я такой-то и такой-то, ищу своих старых хозяев. Из Фрайбурга письмо переслали в Денцлинген, и «хозяев» тут же нашли. Особенно обрадовалась его письму Фрида Сильман, дочь его второго хозяина, которой он всегда напоминал ее забранного на фронт сына. Ее дочь и зять, Ирма и Эдвин Нюблинги, пригласили Лодкина посетить места его юности (Эдвин, сам в 16-летнем возрасте попавший в советский плен и вернувшийся из России только в 1949 году: в Денцлингене его ждала его верная любовь с самого детства — Ирма Сильман).

Главной трудностью для Лодкина был тогда бастион московско-немецких бюрократов (паспорта, визы, билеты), но он еще и шутил: «Когда в первый раз увозили, — с документами как-то попроще было». И тем не менее уже в июле 1993 года Григорий с женой посетили Денцлинген.

С тех пор дружеские отношения — переписка и, несмотря на языковой барьер, звонки — Лодкиных и Нюблингов друг другу — не прекращались. В 1995 посетили Лодкиных в Москве и Нюблинги.

«Вот мы и в Москве, Григорий, а ты что говорил?!». — «Ну, это совсем другое дело», — не сумев на этот раз отшутиться, серьезно ответил он.

Павел Полян

ДНЕВНИК ОСТАРБАЙТЕРА

(апрель 1942 г. — август 1946 г.)

(Публикация и примечания Ю. Андреева
и П. Поляна. Послесловие П. Поляна)

27.4.[19]42 г. Нас 9 человек, которые должны ехать в Германию: 5 ребят — Николай Тимофеев, Николай Семенов, Иван Парамонов, Сергей Ястребов, я и 4 девушки — Нюра и Нина Муркины¹, Лена Кильк и Вера Тимофеева (сестра Николая Тимофеева).

Вышли в 9 ч. утра. Вещи положили на телегу. Фотограф, который появился у нас в деревне во время войны, сфотографировал нас вместе с провожающими — почти всей деревней.

На Плюссу² пришли около 4 часов. Немцы проверив нас, велели идти к вагонам. Ребят и девушек разделили по разным вагонам. Вагоны товарные. В каждом вагоне по 30–35 человек. Расстелили солому, которая была в вагонах и расположились. Но поезд не трогался. Так мы переночевали в вагонах, а провожающие нас родные ночевали где-то на станции.

28.4.[19]42 г. Утром пришла автомашина с радио. Нам объявили, что поезд пойдет в 12 часов и завели музыку.

Поезд тронулся ровно в 3 часа. Еще раз попрощавшись с родными, я — с тетей Полей — мы отправились.

Минут через 15–20 мы были в Красных Стругах.³

К вечеру приехали в Псков. Часов в 9 вечера опять тронулись в путь.

29.4.[19]42 г. На станции Валга⁴ была стоянка. Здесь нам дали супу. Вечером прибыли в г. Ригу.

На платформе стояли 3 кухни. Нам дали супу, каши, кофе и на вагон 5 буханок хлеба. Ночью выехали из Риги.

¹ Двоюродные сестры Б.Андреева, после войны вышли замуж за поляков и остались в Польше.

² Железнодорожная станция (сейчас: и райцентр) в Псковской обл., в 15 км от Толошниц.

³ Струги-Красные — город в Псковской обл.

⁴ Валга — железнодорожная станция на границе Эстонии и Латвии.

30.4.[19]42 г. Продолжаем ехать. На одной из остановок на вокзале купил 5 шт. яиц по 30 р. за десяток. Вечером поезд остановился. Ночью нас повели в баню, а одежду дезинфицировали. После бани нас отвели в барак.

1.5.[19]42 г. Утром дали супу и кофе. Затем нам обменяли советские деньги на немецкие.¹ Вечером нас опять повели в баню. Дав супу, нас посадили в вагоны. Теперь вагоны пассажирские. Ночью переехали германскую границу.

2.5.[19]42 г. Продолжаем ехать. На одной из станций выдавали суп и хлеб, но мне, как и многим другим, хлеба не досталось, а давали по 500 г.

Сегодня я доел свой хлеб, еще взятый из дома. Остались одни сухари.

3.5.[19]42 г. Едем дальше. В вагоне есть карта. По карте определили, что подъезжаем к «Halle». В Халле дали супу. Едем почти без остановок. За время с 10 ч. вечера до 9 ч. утра 4/V проехали около 500 км. Переехали германо-французскую границу на Юго-Западе Германии.

4.5.[19]42 г. Приехали в г. Мец.² Здесь дали супу, хлеба грамм 200 и тоненький кружок колбасы.

5.5.[19]42 г. Переночевав в вагонах, повели в баню.

Мылись по 10 человек. Заставляли мыться очень тщательно. Сперва мылись женщины, потом мы.

Днем дали супу, хлеба и колбасы. Затем нас построили и по очереди проставляли на выданных вербовочных листках номера. Мне, как и всем ребятам с нашей деревни, поставили № 1, говорят, что с этим номером возьмут для работы на сельском хозяйстве.

Сегодня всех вымыть не успели. Ночевали в каком-то гараже сидя на скамейках.

6.5.[19]42 г. Утром выдали супу из брюквы, моркови, редьки и огурцов без хлеба.

Находимся во дворе какого-то здания. Ждем, когда все пройдут баню.

Днем дали супу с макаронами, хлеба и колбасы (кружочек). Ночевали опять в гараже, сидя на скамейках.

7.5.[19]42 г. Дав баланды (суп из брюквы и др.) нас повели опять мыться. После бани каждого внимательно осмотрел врач, и после этого каждому дали по картонной цветной бирке.

¹ Довольно редкое свидетельство (на оккупированной советской территории официальный курс составлял 10 рублей за 1 рейхсмарку.).

² Город в Лотарингии, входившей во время войны в состав Германии (в настоящее время во Франции), один из крупных центров угледобывающей промышленности.

Наша пятерка держалась все время вместе и нам достались бирки одного цвета — красные.

В обед ели кислые щи с хлебом, а также дали грамм 20 колбасы. Ночевали на койках.

8.5.[19]42 г. Утром дали баланды. Очень хочется есть. Домашние сухари давно кончились.

Пообедав баланды с хлебом, нас повели к поезду. На одной станции сказали, что кто имеет красные бирки — выходить. Нас, 41 человек с красными бирками, пересадили на другой поезд.

Проехав км 20, нас высадили и привели в лагерь. Здесь мы узнали от украинцев, которые были привезены сюда около 3 месяцев назад, что они здесь работают в угольных шахтах. Мы сказали переводчику, что сюда нас привезли ошибочно, что нам, с красными бирками, сказали, что будем работать на сельском хозяйстве, а переводчик сказал, что это всегда так говорят, а привозят на шахты или заводы, так что нас привезли сюда не ошибочно.

Украинцы рассказали нам, что кормят плохо: утром чай, хлеба 300 г, масла 15 г, колбасы 15 г. В обед — баланда, вечером — баланда и 75 г хлеба. Вечером дали баланды и 75 г хлеба.

Лагерь кругом огорожен высокими столбами, обвитыми колючей проволокой.

9.5.[19]42 г. Утром позавтракав, нас построили, взяли наши паспорта, записали и присвоили нам номера. Каждый должен был запомнить свой номер. По номерам выдавали еду, вызывали строиться и т.д. У меня был № 440, у Николая Тимофеева № 441, у Ивана Парамонова № 442, у Сергея Ястребова № 443 и у Николая Семенова № 444.

Выдали спецодежду и ботинки.

10.5.[19]42 г. Часов в 7 утра нас подняли. Позавтракав, построили, пересчитали. Посадили в грузовик. Привезли на шахту. Выдали каждому шахтерскую лампу (аккумуляторную) и по несколько человек в лифте, спустили в шахту. Пока мы шли до лифта на каждом повороте нас останавливали и пересчитывали — боялись, что кто-нибудь убежит.

Опустились на 300 метров (так я слышал). Километра 3 проехали в вагонетках. Потом шли пешком с километр. Наконец пришли на место. Вкарабкались в низкий, узкий, наклонный длинный коридор, где и добывается каменный уголь. Здесь нас распределили по немцам. Каждому немецкому шахтеру прикрепили русского.

Наша работа заключалась в том, что лопатой откидывали уголь на решетки (конвейер)¹. Немец работал отбойным молотком.

¹ Рештак — специальный усиленный профиль и днище на конвейере для пропуска породы.

Работу кончили в 2 ч. 30 м. Поднявшись на поверхность, помылись в душевой и нас отвезли на грузовике обратно в лагерь.

Приехав в лагерь, нас построили в шеренгу и снова пересчитывали. Я почувствовал себя плохо, не мог стоять и присел на корточки. Немец подошел ко мне, посмотрел и через переводчика велел идти к доктору, я был, наверно очень бледный. Доктор дал мне 3 каких-то таблетки и велел полежать. Немного полежав, мне стало лучше.

Давали баланду. Я поел баланды и снова лег на койку. На ужин опять баланда. Спим на 3-ярусных деревянных койках. На койке матрац, подушка, набитая соломой и одеяло суконное.

11.5.[19]42 г. Утром подняли в 3 часа. С сегодняшнего дня порция хлеба увеличена¹. Утром — 500 г хлеба, 30 г масла, 30 г колбасы. В обед — баланда и вечером — 100 г хлеба и баланда. Работали там же.

Наш лагерь находится недалеко от г. Саарбрюкен². Работаем на шахтах Готельборн и Виктория³.

13.5.[19]42 г. Возят нас на шахту и с шахты в большом крытом грузовике. Набивают полную машину. Стоим вплотную друг к другу.

Сегодня, возвращаясь с шахты, я стоял у заднего борта и мог видеть местность около дороги. Видны доты, это, как говорят, линия Зигфрида⁴. В садах домиков цветет сирень.

17.5.[19]42 г., воскресенье. Сегодня спали до 8 часов.

Выдали по 40 г табаку. Играли в карты, в очко.

Вечером привели 2 ребят, которые убежали 13/V с работы, а на следующий день их поймали. Их били плетками.

19.5.[19]42 г. Сегодня с шахты везли без конвоя. В обед дали баланды, кусочек колбасы.

20.5.[19]42 г. Сегодня я работал у самого края забоя и не кидал уголь на решетки, а просто скатывал его вниз на конвейер, а это намного легче, т. к. высота забоя 70–75 см и имеет наклон, работать приходится на коленях и поднимать лопату с углем очень неудобно и тяжело.

23.5.[19]42 г. Вечером выдали кусочек мыла, стиральный порошок, коробку спичек, 20 г табаку. За все платили 90 пфеннигов.

¹ Скорее всего, имеется в виду повышенная норма для лиц тяжелого физического труда, к которым шахтеры, несомненно, относились.

² Столица Саарланда, отошедшего к Германии по плебисциту 1935 года.

³ Угольные шахты.

⁴ Другое название — «Западный Вал». Сильно укрепленная оборонительная линия, протянувшаяся на 500 км от Швейцарии до Бельгии и Голландии.

25.5.[19]42 г. Сегодня праздник — Троица. На работу не возили. Начали снимать колючую проволоку (валы колючей проволоки) за проволочным забором.

28.5.[19]42 г. Сегодня мне дал немец, с которым я работаю, 2 кусочка хлеба с маслом.

Начинаю постепенно втягиваться в работу — не так сильно стал уставать.

30.5.[19]42 г. Сегодня у меня в комнате украли кусочек хлеба, который я оставил к обеду. Но зато обед был шикарный: 5 шт. картофеля (вареных, в мундире), огурец соленый, подлива из кровяной колбасы и чашка киселя из какой-то травы, но очень вкусный.

31.5.[19]42 г., воскресенье. Больным приказали собирать свои вещи. В 11 часов 27 человек, больные и пожилые, были отправлены из лагеря, поедут домой, как сказали.

2.6.[19]42 г. Сегодня в шахте одному из нашей пятерки — Николаю Тимофееву породой придавило ногу. Породка отвалилась и ударила по ноге. Нога у него распухла. Доктор освободил его от работы.

6.6.[19]42 г. С сегодняшнего дня я стал после работы в шахте и помывшись переодевать чистую одежду, а рабочую — оставлять в бане. Раньше, как и все, не переодевался.

7.6.[19]42 г., воскресенье. Сегодня — воскресенье, но работали, т. к. теперь одно воскресенье в месяц — работать.

8.6.[19]42 г. С сегодняшнего дня работаю во вторую смену. Распорядок дня теперь такой: подъем в 7 ч. утра, завтрак. Обед в 12 ч., в 1 ч. едем на работу. С 4 до 11 работаем. Часа в 2 ночи приезжаем в лагерь. Ужинаем и ложимся спать, в 7 ч. подъем.

9.6.[19]42 г. Сегодня нас подняли в 5 часов и повезли в больницу на дезинфекцию. В лагере тоже сделали дезинфекцию. С дезинфекции приехали, пообедали и повезли на работу, т. к. что поспать пришлось всего 2 часа.

12.6.[19]42 г. Немец, с которым я работаю, дал мне бутерброд.

16.6.[19]42 г. Сегодня я работал с другим немцем. Немец оказался очень вредным: орет на меня, заставляет свой и мой инструмент нести меня.

19.6.[19]42 г. Работаю все с тем же немцем. Не знаю, как от него избавиться. Сегодня решил пойти к доктору, пожаловаться на зрение, чтобы он перевел меня работать на поверхность, но он сказал, что глазного врача нет и оставил меня работать в шахте.

20.6.[19]42 г. Сегодня привезли новую партию рабочих — 21 человек. Они поехали добровольно из Полтавской области.

24.6.[19]42 г. Вместо баланды из крапивы и брюквы стали давать по 5 шт. картошки в мундире с мясной подливкой. Давали получку за май. Я получил 5 марок, двое получили по 7 марок.

28.6.[19]42 г., воскресенье. Не работали. Играли в карты, в очко. Проиграл 5 марок и 10 шт. сигарет. В лагерь приезжал переводчик. Он русский. Попал в плен в 1914 г. и сейчас работает в Германии на шахте. Он говорит, что нас выпустят на свободу по окончании войны.

Хоронили одного украинца, умершего в лагерьной больнице.

1.7.[19]42 г. Ночью с воскресенья на понедельник из лагеря убежали 2 человека. Одного поймали и отправили неизвестно куда.

Сегодня нас разбили по сменам. Иван, Сергей и Николай Семенов остались работать в первую смену, а меня и Николая Тимофеева перевели во вторую.

3.7.[19]42 г. Сегодня я работал на новом участке № 3 (абтайл драй). Мощность пласта 1 м 75 см, падение — не крутое. Норма выработки 6 м в длину и 2 метра в ширину. Работали 4 человека.

7.7.[19]42 г. Поймали и привели в лагерь второго убежавшего.

9.7.[19]42 г. Работал на новом месте — по перестановке рештаков — конвейера. На участке работа идет таким порядком. 1-я смена забирает пай в 2 метра (выбирает уголь в глубину — ширину в 2 метра). 2-я смена переставляет рештаки (конвейер) и ставит клетки (подпорье) на концах лавы. 3-я смена перетаскивает врубовую машину.

12.7.42 г., воскресенье. Была дезинфекция. Принесли в лагерь газету для русских. Пишут о взятии немцами 1 июля г. Севастополя.

18.7.[19]42 г. Сегодня мне досталось как следует плеткой. Приехав ночью с шахты в лагерь, я прилег на койку в ожидании ужина и нечаянно заснул. В это время в комнату зашел полицай-немец и разбудил меня плеткой.

22.7.[19]42 г. Выдавали получку за июнь. Я получил 12 марок.

26.7.[19]42 г., воскресенье. Давали сигареты. После обеда половина лагеря была отпущена на прогулку в окрестности лагеря.

30.7.[19]42 г. В ночь с 29 на 30/VII английские или американские самолеты бомбили г. Саарбрюкен. Мы, приехав с работы, наблюдали. Самолеты пролетали над нашим лагерем.

1.VIII.[19]42 г. В лагерь привезли еще партию рабочих, их перевели с другого лагеря. Среди прибывших много с Плюссы и Красных Струг, с которыми мы ехали в одном эшелоне.

6.8.[19]42 г. Сегодня после работы, помывшись, пошли к автомашине. Когда все сели, стало известно, что 2 человека убежали. Полицейские искали, но не нашли. Приехав в лагерь, нас построили и выяснили, что убежали № 416, а второго я не узнал №.

10.8.[19]42 г. С сегодняшнего дня, работающие на поверхности получают по 375 г хлеба, а кто в шахте — 500 г.

Говорят, что двое, убежавшие на 30/VII, пойманы. Они украли по велосипеду и хотели убежать на велосипедах.

12.8.[19]42 г. В лагерь приходили 6 женщин, которых пустили сюда для свидания со своими мужьями. Они говорят, что работают на заводе. Хлеба дают по 500 г.

Сегодня привезли еще 200 человек из Каменец-Подольска.

Тех двоих точно поймали. Мы видели, как их водил полицейский в уборную.

18.8.[19]42 г. В воскресенье 16/VIII — отдыхали. Я весь день пролежал на траве под кустиком.

Сегодня машина, в которой нас везли на шахту, налетела на столб: машина испортилась и нас построили и повели пешком. На полях стоят бабины сжатой пшеницы. Многие, в том числе и я, подбирали колоски пшеницы и ели. Некоторые пытались срывать яблоки и груши с веток, свисавшие на дорогу, но полицаи-немцы били тех плеткой.

21.8.[19]42 г. Вчера один умер. Он работал на поверхности. Нужно было нагрузить 50 вагонеток угля. Из-за слабости он не мог работать. Немцы стали его бить и в лагерь его принесли на руках, здесь он и умер.

Сегодня убежало 5 человек.

Давали получку за июль. Я получил 26 марок.

Вечером удалось закосить (получить) 2-ую порцию супу.

28.8.[19]42 г. Вчера показывали кино-военные действия в Африке, затем взятие Ростова.

Сегодня было всем наказание. Один ночью или поленился сходить в уборную и по какой другой причине намочил в комнате. Утром после завтрака всех выстроили во дворе и заставили до обеда щипать траву между булыжниками мощеного двора. Всех из той комнаты, в которой было это происшествие, поочередно били плеткой. У меня из тумбочки кто-то украл все мои деньги — 45 марок.

29.8.[19]42 г. Сегодня возили на дезинфекцию. Я захватил с собой 3 сырых картофелины, которые несколько дней назад раздобыл при разгрузке машины с картошкой. Эти картофелины я положил в снятую с себя одежду для дезинфекции. Дезинфекция одежды производится в паровых камерах и картошка там варится. После дезинфекции я подкрепился вареной картошкой с солью.

В лагере я попал на кухню чистить картошку и за это получил добавку супу в обед и в ужин, а кроме того, вдоволь наелся красной капусты.

Вечером я заявил о пропаже денег переводчику, но он сказал, что ничего не может сделать.

2.IX.[19]42 г. Ночью, когда мы приехали в шахты, налетели американские самолеты. Нас подняли с коек и повели в бомбоубежище. Народу было человек 700 и через некоторое время стало душно, не хватать воздуха. Некоторые не могли стоять и падали. После тревоги часа через 2–2,5 нас пустили в бараки.

3. IX.[19]42 г. Придя с работы, я почувствовал боль в коленке. На утро ногу нельзя было согнуть. Врач перевел меня работать на поверхность.

4.9.[19]42 г. Работал первый день, как нахожусь здесь, на поверхности — на сортировке угля. Сбрасывал с железной ленты, на которую высыпается уголь поднятый из шахты породу — камни, а чистый уголь с ленты идет в железнодорожные вагоны. Работа не трудная. Немцы, работавшие рядом дали грушу и 5 слив.

5.9.[19]42 г. Ноги хуже. Врач перевел меня в лазарет.

6.9.[19]42 г., воскресенье. Хлеба получил гр. 300, колбасы — кружок не толще 4 мм, масла в 2 раза меньше, чем получал раньше. Немецкие пацаны кидали за решетку груши. Удалось поймать штук 5 груш и съесть их.

7.9.[19]42 г. Сегодня мне опять удалось попасть на кухню. Чистил картошку. Получил 6 порций супу, а также наелся красной капусты.

8.9.[19]42 г. Сегодня меня выписали из лазарета и завтра пойду работать на поверхность. Немного работал на кухне и получил 3 порции супа.

9.9.[19]42 г. Работал на поверхности. Немец дал 5 слив и помидорку, а также пачку сахарину.

Сахарин продал в лагере за 6 марок и 600 гр хлеба, порцию масла и колбасы.

13.9.[19]42 г., воскресенье. Водили на прогулку за лагерь. В лагерь опять приходили женщины для свидания с мужьями.

15.9.[19]42 г. Работаю на поверхности. Я дал немцу 3 марки и он принес мне слив и помидор.

25.9.[19]42 г. Сегодня у меня из шкафчика украли 10 шт. помидор, 3 S пачки табаку, кусок мыла, сигару, которую дал мне немец и коробку спичек.

После работы мне удалось сбежать на огород около шахты и вытащить 2 брюквины.

27.9.[19]42 г., воскресенье. Сегодня был выходной. День прошел тихо. Полицейские не выгоняли на двор, как всегда, и не заставляли рвать траву между булыжниками или собирать бумажки.

Вечером удалось «закосить» — получить вторую порцию супу.

30.9.[19]42 г. На работе немец дал мне горбушку хлеба и 2 груши. Я показал ему фотографии отца, матери и сестры.

1. X.[19]42 г. Мне часто удается попасть на кухню, чистить картошку. Сегодня вдоволь наелся капусты-кольраби.

2.10.[19]42 г. Сегодня на кухне не пришлось поработать, потому что пришло туда много народу и вместе с другими выгнали оттуда и меня, но я успел все-таки поесть капусты.

8.10.[19]42 г. Сегодня я чуть было не остался без пайки хлеба. Когда подошла моя очередь получать хлеб, то оказалось, что мой

номер (440) уже отмечен — кто-то получил по моему номеру хлеб. Полицейский думал, что я хотел получить 2 раза и не дал, но потом он вынес пайку хлеба, да к тому же еще шахтерскую (500 г).

9.10.[19]42 г. Возили на дезинфекцию перед работой.

10.10.[19]42 г. Сегодня с почувствовал головную боль, а также боль в груди и изредка болел живот. На работе я сходил к врачу, тот смерил температуру — 37,5. Врач отвел меня в баню, где моемся после работы и там я спал до прихода всех с работы.

11.10.[19]42 г. Чувствую себя хуже, понос, кружится голова. Врача не было.

12.10.[19]42 г. Сходил в лазарет. Переводчик оставил меня ждать врача, на работу не погнали. Я прилег на койку и заснул. Проспал врача.

13.10.[19]42 г. Утром пошел в лазарет. Переводчик нахлестал меня по щекам, что я вчера не пришел на прием к врачу, выгнал из приемной и отправил на работу. На работе изредка схватывал живот, часто ходил в уборную.

14.10.[19]42 г. Чувствую себя лучше. Вчера из лагеря убежал Иван Парамонов.

16.10.[19]42 г. Сегодня я видел Ивана. Он пробыл на свободе только день и ночь и его поймали. Его посадили в камеру и давали 100 г хлеба в день и воду.

17.10.[19]42 г. Ивана выпустили из камеры.

19.10.[19]42 г. Сегодня утром после завтрака ото всех взяли всю имеющуюся посуду, чтобы в комнатах не занимались кухарством (варили, пекли картошку, кто смог достать ее). Теперь миски выдавали перед получением еды, потом снова отбирали.

Меня перевели на работу в шахту (с поверхности). Работаю опять на 3-ем участке (абтайм драй) по перестановке рештаков.

21.10.[19]42 г. Сегодня я «влип». Уходя с кухни, я набрал в карманы картошки. Повар-немец это заметил, картошку отобрал и надавал по щекам. Теперь на кухню мне и носа показывать нельзя.

23.10.[19]42 г.

Вчера давали получку, я получил 2 марки. Сегодня, как всегда после получки в лагере идет торговля хлебом, супом, табаком, сигаретами. Обеденный суп стоит 4–5 марки; 100 г хлеба — 2 марки; 20 г табаку (лагерная пачка) — 3 марки; 5 шт. сигарет — 1 марта.

25.10.[19]42 г., воскресенье. Сегодня всем выдали печатные письма, которые мы должны послать родным с запросом зимней одежды.¹ Выдавали письма от родных. Написал письмо тете Поле.

¹ Для облегчения ситуации с вещевым довольствием и продуктами остарбайтерам разрешалось получать из дома, кроме писем, небольшие посылки.

30.10.[19]42 г. Сегодня на ужин был хороший суп — мучной. Его сварили из-за того, что один из нас снес в баночке на шахту и показал там тот суп, который нам всегда дают. С шахты приехала комиссия и пробрала начальника лагеря.

1.11.[19]42 г., воскресенье. Была разбивка по сменам. Меня перевели в ночную смену с 11 ч. вечера.

2.11.[19]42 г. Работал в штреке — по продолжению штрека-коридора, работа тяжелая.

8.11.[19]42 г., воскресенье. Выдавали письма от родных. Выдавали одежду — военные холщовые брюки и пиджаки.

12.11.[19]42 г. Работая в ночную смену, мне всегда удавалось пообедать 2 раза: первый раз со своей сменой, а второй — с первой (утренней) сменой в 5 ч. вечера, когда та приезжает с работы.

Сегодня же не удалось этого сделать — русский, который моет миски сказал полицая, что я с ночной смены.

Был на разгрузке машины с брюквой. Вдоволь наелся брюквы.

22.11.[19]42 г., воскресенье. Не работали. Ночью была воздушная тревога. Всех выгнали в бомбоубежище. Я, как и некоторые другие, остался лежать на койке.

29.11.[19]42 г. Приближается зима. Лужи на улицах нередко бывают замерзшими. На работу езжу в своем ватном пиджаке.

Вчера привезли 100 человек новеньких из Днепропетровска и Запорожья, а сегодня еще 130 человек, которые работали на сельском хозяйстве.

4.12.[19]42 г. В лагерь привезли поляков. 1/XI — 24 человека, а сегодня еще 22 чел. Они отказались есть суп, который нам дают, тогда им стали варить такой, какой варят полицейским.¹ Все они работали на сельском хозяйстве.

6. XII.[19]42 г., воскресенье. Разбивки на смены. Я буду работать во 2-ю смену. Ездили на дезинфекцию. В комнатах также была сделана дезинфекция.

Поляков 5/XII перевели в общежитие около шахты.

12.12.[19]42 г. Несколько дней назад одному украинцу пришло письмо от товарища, убежавшего из лагеря. Он пишет, что благополучно добрался и живет дома. Шел только 4 дня, а потом сел на поезд и доехал до своей станции.

Получивший это письмо через 2 дня убежал, но его сразу же поймали.

20.12.[19]42 г. В шахте придавило насмерть одного немца.

Вчера мне и другим с участка пришлось ночевать в бане. Мы не успели закончить работу к концу смены.

¹ По сравнению с остарбайтерами, статус принудительных рабочих-поляков был во многом легче.

23.12.[19]42 г. Сегодня в лазарете умер один парень, из нашей — ленинградской партии.

26.12.[19]42 г. 24, 25 и 26 не работали — Рождество. Давали подарки: кулек, в котором были 10 шт. сигарет, коржик, 2 плитки шоколада, 200 г колбасы и талон на 2 л пива. На обед дали картошку с сосиской.

29.12.[19]42 г. Сегодня утром шел первый снег. Осень была сухая. За все время было не больше 10 дождей.

Иван Парамонов и Николай Семенов получили из дома первые открытки. О девочках, которые ехали вместе с нами, в деревне ничего не знают. Лева Линдеман взят в Германию и работает на заводе.

1.1.[19]43 г. Не работали. Разбивка на смены. Я опять — в ночную смену.

Воскрес[енье] 3.1.[19]43 г., выходной

Дезинфекция.

4.1.[19]43 г. Работал на перестановке рештаков на первой машине. Всегда работал на второй машине, в другой лаве, а там очень течет и всегда был весь мокрый.

5.1.[19]43 г. Сегодня я получил хорошую пощечину от шефа кухни. Я получил пайку хлеба — не то полбуханки, не то треть (полагается полбуханки), но очень маленькую. Когда я сказал полицейскому, чтобы обменяли пайку, с кухни вышел шеф и ударил по лицу. Масло с пайки упало на пол. Пришлось подобрать масло и скорей уходить.

11.1.[19]43 г. В лагере мастерят из дерева фогелей¹ — птиц и игрушку — физкультурника и продают немцам в шахте за куски хлеба. Я тоже занялся этим делом. Сегодня я снес двух физкультурников и получил за них 2 куска хлеба гр. по 200.

21.1.[19]43 г. Несмотря на январь, погода стоит очень теплая. На работу езжу в сандалиях (ботинки порвались). Сандалии тоже рваные, торчат пальцы, но несколько не холодно.

Выдавали зарплату. Я получил 16 марок.

23.1.[19]43 г. Несколько дней назад из лагеря убежали четыре человека. Одного уже поймали. Сегодня поймали еще 2-х в Варшаве. Они сели в эшелон с сеном и доехали до Варшавы, а там в поисках еды были пойманы и отвезены назад.

В шахте меня один немец ударил по лицу. Я работал с одним немцем и держал рештак, чтобы он не съехал вниз, а другой немец сказал мне подтащить другой рештак вверх, но я продолжал держать первый и показал ему, что не могу его бросить, он закричал на меня, я бросил держать рештак, тот съехал вниз и я назвал немца, который заставил меня бросить рештак дураком, а он ударил меня по лицу.

¹ От нем. Vogel — птица.

26.1.[19]43 г. Сегодня меня в шахте чуть не придавило породой. Остался цел и невредим только благодаря тому, что не успел влезть в лаву, где обвалилась порода. С меня только сорвало каску и смяло ее.

В лаве продолжает течь вода. В самом верху она течет так сильно, что откачивает насос, но все равно по лаве текут журчащие ручьи.

28.1.[19]43 г.

Стали варить совсем плохой суп. Картошка кончилась, новой не привозят. Суп варят из брюквы, капусты и какой-то травы. Получается баланда, иногда заправленная мукой.

В шахте немцы в разговорах часто называют Сталинград. Видно, немцы отступают. В лагере полицейские стали еще хуже с нами обращаться: бьют плетками, кулаками.

30.1.[19]43 г. Вчера в шахте один немец мне рассказал, что в Сталинграде очень много окружено немцев. Сильно бомбят наши самолеты. Вообще на всех фронтах немец отступает. Сегодня утром по радио говорил Гитлер.

2.2.[19]43 г. Сегодня в обед все отказались есть баланду. Комendant лагеря через переводчика спросил, почему мы не едим. Мы сказали, что такую баланду не дают даже свиньям, а вы людям даете. Комendant сказал, что через дня 2–3 привезут картошку.

В шахте одному парню сломало ногу.

3.2.[19]43 г.

Сегодня на обед дали обед из 3-х блюд: вареная брюква, вареная трава какая-то и жидкая подливка — все отдельно. Никто не ел. Тогда полицейские стали ходить по рядам столов и плеткой заставлять есть эти «блюда».

4.2.[19]43 г.

Сегодня наказывали плеткой рабочих с шахты «Виктория» за то, что они 2-го числа отказались работать.

7.11.[19]43. Воскр[есенье].

Не работали. Проходили дезинфекцию. Возвращаясь в машину с дезинфекции, мы видели, как на футбольном поле играли немцы в футбол в майках и трусах — февраль м[есяц]! Очень теплая зима. Снег, выпавший в начале января, продержался дней 10 и сошел.

10.11.[19]43 г. Убежало 2 человека.

17.11.[19]43 г. Поймали и привели убежавших.

19.11.[19]43 г. Немец продолжает отступать. Наши отвоевали большую часть территории. Взяты города Ростов, Орел, Харьков, Воронеж, наши приближаются к Киеву.¹ Немцы понесли

¹ Масштабы советского контрнаступления здесь несколько преувеличены, но желаемое так хотелось выдать за действительное.

большие потери под Сталинградом. Гитлер и его помощники призывают рабочих напрячь все силы, чтобы помочь армии. Работать по 10–15–18 часов в сутки. В лагере убрали радио в полицейской комнате.

21.2.[19]43 г. Работали, т.к. теперь 3 воскр[есенья] в месяц — рабочие и 1 — выходной.

Многих молодых полицейских взяли в армию, поставили стариков.

27.2.[19]43 г. Недавно стало известно, что наши заняли Шепетовку в 30 км от Каменец-Подольска.

1.3.[19]43 г. Сегодня в комнате произошла кража. После обеда я лег спать и спал, пока не приехала утренняя смена (я работаю в ночь). Когда приехала смена, то выяснилось, что у одного из тумбочки украли 40 марок и 3 куса мыла. Подозрение пало на меня, т.к. я один находился в комнате. Обыскали мою тумбочку, но там ничего не нашли. Тогда потерпевший велел показать мои деньги, а у меня как раз было накоплено 40 марок и 90 пфеннигов. Он признал мои деньги своими и взял, хотя у него, как он говорил были: 20 марок, 10 марок, 5 марок, 2 штуки по 2 марки и 1 марка, а у меня 2 десятки, 3 пятерки, 2 двойки и 1 марка. Я повел его к коменданту, но комендант[а] не было.

2.3.[19]43 г. О вчерашнем я заявил коменданту, но без переводчика он не понял ничего.

3.3.[19]43 г. Сегодня я получил открытку из дома (деревни). Пишут, что живут по-старому. О девочках, с которыми мы уехали в Германию и с которыми мы расстались в Меце, ничего не известно. Просят меня поискать их, но как я могу искать.

4.3.[19]43 г. Происшествие, которое случилось 1/II, я решил оставить, решил пережить эту несправедливость. Но как мне было тяжело в первые дни. Думал все время я только об этом, спал 2,5–3 часа в сутки. Решил деньги больше не копить. Денег мне и не так жалко, как обидно, что меня считали за вора.

6.3.[19]43 г. После работы ездили на дезинфекцию. Спать пришлось всего 1 час. и снова в шахту.

11.3.[19]43 г. Во время обеда у одного из тумбочки пропал хлеб. Вора не нашли.

12.3.[19]43 г. В лагерь привезли 40 человек новеньких с фабрик и заводов.

Был первый дождь с грозой.

18.3.[19]43 г. Наступает весна. Зеленеют поля, распускаются деревья, поют птицы.

19.3.[19]43 г. Из лагеря убежали 5 человек.

22.3.[19]43 г. 4 человека вернулись в лагерь сами.

8.4.[19]43 г. Дезинфекция. На работе мне придавило ногу свалившимся с конвейера большим куском угля.

9.4.[19]43 г. 7.4.[19]43 г. в лазарете умер один из нашей группы — Тимофеев Николай. Его очень бил штегер — нач[альник] уч[астка]. Его перевели с нашего — 3-го участка на 4-й, а там был вредный штегер, который его бил каждый день. Он заболел, не ел баланду, попал в лазарет и вот умер.

15.4.[19]43 г. Ночью была тревога. Нас прямо с работы заперли в бомбоубежище и продержали там с 1 ч. 30 м. до 5 ч. 30 м.

21.4.[19]43 г. Выдавали зарплату. Я получил 5 марок.

24.4.[19]43 г. Сегодня Николай Семенов получил письма от отца, из дома. Новости в деревне такие: умерла баба Сютя, поездом убило Микеля, умер дядя Вася Муркин. Тетя Поля Тимофеева просит сообщить о Николае — своем сыне (который умер 7.4.43 г.).

25.4.[19]43 г. Сегодня праздник — Пасха. На обед давали «чистую» картошку без брюквы вареную с двумя подливками. Мне удалось получить вторую порцию: я встал второй раз в очередь и назвал номер 441, т.е. номер Николая, который умер.

27.4.[19]43 г. Сегодня исполнился год, как мы выехали из деревни в Германию.

28.5.[19]43. Сегодня из подвала вывозили в помойку гниющую брюкву. Все налетели на нее, хотя полицаи и отгоняли.

1.V.[19]43. Сегодня 1 мая. Несмотря на этот праздник, на обед давали картошку с брюквой и подливкой из*.

7.05.[19]43. Сегодня умер один из нашей (ленинградской) партии — № 432.

15.05. Сегодня дезинфекция.

В лагерь привезли одного убежавшего. Он бежал с одним парнем. Поймали ночью, когда они хотели забраться в подвал одного двора. Хозяин этого двора ударил его по голове, и он упал, а другой убежал. В лагере пойманного отлупили плеткой и на следующий день послали на работу.

17.05. Сегодня я работал в штреке — разбивал упавшие с ленты большие куски угля.

19.05. Работал в верхнем штреке — засыпал верхнюю часть лавы мелким камнем.

Воскр[есенье] 23.05. Работали. Меня и еще 5 человек с нашего участка перевели в первую смену на 2-ой участок (абтайл цвай). На этом участке в забое работают одни русские. Норма — 3 штанги (7,5 м) на 2-х. Мы работаем в самом низу лавы. Здесь врубовая машина не работает и приходится весь пласт рубать вручную отбойным молотком и киркой.

4.VI.[19]43. Сегодня, придя на работу, не оказалось шланга с отбойным молотком. Пришлось работать вручную, киркой.

* Продолжение отсутствует.

Воскр[есенье] 6.VI. Сегодня пришлось остаться до 4 часов, т.к. пласт был очень плохо взорван и верх без молотка очень трудно было снять.

10.VI. Дали новый отбойный молоток, но он работал очень плохо и опять пришлось остаться до 4-х часов.

12.VI. Прямо с шахты нас возили на дезинфекцию.

14.VI. Сегодня — Троица, на работу не возили. Пустили гулять. Проходя по поселку, одна женщина дала полбуханки хлеба, а другая — кулек вишен.

15.VI. На работе болел живот.

16.VI. Еще сильнее вчерашнего болел живот. В лагере русский доктор дал мне несколько таблеток.

17.VI. Продолжает болеть живот.

18.VI. Живот продолжает болеть, но немного меньше.

Воскр[есенье] 20.VI. Работали. Живот болеть перестал.

22.VI. Выдавали зарплату. Я получил 40 марок.

23.VI. Купил в лагерном ларьке баклажку за 2 марки.

24.VI. Купил хлеба на 7 марок и вечером съел его с лимонадом, который привез из шахты в купленной баклажке. На шахте есть ларек, в котором продают лимонад по 10 пфенингов за 1 стакан.

4.VII. Взвешивали. Я вешу 56 кг (мой рост 175 см).

15.VII. Сегодня в лазарете умер Иван Парамонов. Он долго лежал с больной ногой. Сильно ослаб на больничном пайке и, в конце концов, умер от туберкулеза.

Меня в шахте накрыло породой. При помощи подбежавших ко мне рабочих, я вылез из-под нее и почувствовал сильную боль в правой ноге. Были подраны руки, плечо. Я легко отделался благодаря тому, что работал не на коленках, а стоя, согнувшись, и подпирал верх лавы собой. Отслоившийся верх лавы постепенно придавил меня, а не свалился на меня.

В лагере меня положили в лазарет.

16.07.[19]43. Утром получил больничную пайку 300 г хлеба. В обед картошки дали меньше, чем работающим. Когда приехала смена с работы, мне удалось получить с ней обед и ужин.

17.07. Дезинфекция. Хлеба — 400 г. Опять удалось получить обед и ужин с приехавшей с работы сменой.

20.07. По утрам и вечерам сильно болит нога. Плохо сплю ночи. Но опухоль спала и меня выписали на работу с завтрашнего дня.

21.07. Работаю на сортировке угля. Приходится в течение 8 часов с небольшими перерывами (минут по 1–5) стоять на ногах и выкидывать с конвейера породу. Это с моей больной ногой очень тяжело.

28.07. Сегодня работал последний день на поверхности. Завтра переводят в шахту. Нога еще болит.

29.07.[19]43. Работаю в шахте на другом участке. Здесь врубовой машины нет и приходится работать отбойным молотком. Один рубает уголь, другой лопатой кидает его на конвейер. Нужно выбрать 6,7 м в длину и 2,2 м в ширину. При этом не забывать делать крепление: устанавливать штанги (горбыль), подпирающие их стойками.

3.08. Николая Семенова выписали из лазарета на работу. Он был там месяц. Обедая в лазарете и в лагере, заметно поправился.

4.08. Сегодня пришлось работать до 6 ч. вечера в шахте. Был очень крепкий уголь. В лагерь пришли пешком с полицаем.

6.08. Получил посылку от тети Поли — сухари, письма.

8.08.[19]43 (воскр[есенье]). Работали. Были неисправны решетки (конвейер). Начали работу только в 11 часов. Закончили в 18 часов.

10.08. Получил вторую посылку от тети Поли. В посылке — брюки, шапка, шерст[яные] носки, перчатки.

15.08.[19]43. Дезинфекция. Кто прошел дезинфекцию вчера — ходили гулять. Мне опять не пришлось погулять — был на дезинфекции.

17.08. Кончили работу очень поздно, в лагерь приехали в 21 час. (а подъем, как всегда в 3 часа. Вообще эти 2 недели из-за плохой работы решеток (конвейера) в лагерь возвращались не раньше 6–8 ч. всегда).

18.08. Я сильно похудел. Очень тяжелая работа по 12–14 часов и очень плохое питание.

20.08. Выдавали зарплату. Я получил 10 марок.

25.08. В лагере сделано футбольное поле. Полицай (как немецкие, так и русские) играют на нем. Нам же не до игры. Каждый старается уснуть на несколько часов перед завтрашней работой.

29.08. Пускали гулять. Наелся груш, яблок, слив. В лесу уже созревают орехи. Груш и яблок принес в лагерь.

31.08. Сейчас на нашем паю очень низко. Приходится работать сидя, сгорбившись.

1.09. Это время кормят очень плохой баландой — хряпа* и вода, заправленная немного тертой картошкой.

1943 г. 6.09. Пай наш начал подниматься. Уголь мягкий. Кончаем в 15 ч. 30 м.

13.09. Пай значительно повысился. Справляемся вовремя.

19.09. Воскр[есенье]. Работали. Долго стояли решетки. Работу кончили в 16 ч. 30 м. Выдавали зарплату. Я получил 60 марок.

23.09. Пай настолько поднялся, что можно, сгорбившись, стоять, но уголь местами попадает крепкий и нередко приходится оставаться до 4 часов.

* Так в тексте.

26.09. Не работали. Ходил гулять. Принес в лагерь груш, яблок, шт. 30 грецких орехов, 2 помидора и 4 огурца. Купил полпайки за 10 марок.

2.10. Сегодня 4 часа стояли рештаки. Работу кончили в 7 часов вечера. В лагерь прибыли в 11 ч. Так что спать пришлось всего 3 часа.

3.10. воскр[есенье]. Работали. В лагере купил за 15 марок пайку хлеба.

7.10. На правом колене вскочил чирей и не дает работать на коленях.

8.10. Сегодня я сказал десятнику о чирье. Он поставил меня работать в штреке на ленте. Сперва было ничего, а потом нельзя было согнуть ноги и я до конца смены пролежал в штреке. В лагере сходил в медпункт. Меня поместили в лазарет.

10.10.[19]43 воскр[есенье]. Не работали. Пускали гулять. Но мне не пришлось на этот раз погулять, т.к. я в лазарете.

Выдавали обувь — колодки.

13.10. Сегодня меня выписали на работу.

14.10. Работал на поверхности — на очистке угля от породы.

20.10. Сегодня меня перевели работать с поверхности в шахту.

21.10. Работал в штреке — гонял на вагонетках лес (штанги, стойки) в лаву. Заболела левая нога. Был у врача. Врач перевел меня опять работать на поверхность.

Выдавали зарплату. Я получил 55 марок. Купил полпайки хлеба.

25.10. Работаю на ленте (на очистке угля от породы). Дал немцу, который работает со мной, 10 сигарет. Он мне дал гр. 200 хлеба. Приехало 150 человек новеньких.

30.10. В уборной повесился один из новеньких.

1.11. Сегодня последний день работаю на поверхности. Во время перерыва ходил в сад. Набрал полные карманы яблок и груш.

2.11. Работал в шахте. Долго стояли рештаки, поэтому работу кончили в 6 ч. вечера, в лагерь приехали в 20 ч.

3.11. Сегодня также стояли рештаки (не было вагонов). Штегер дал талончик на 2-ю порцию обеда.

6.11. Кончили пай в 15 часов, но к подъему на поверхность опоздали и не попал сегодня на дезинфекцию.

7.11. Утром в 5 часов поехали на дезинфекцию. Выпал первый снег, но к вечеру он сошел.

11.11. Давали по 20 шт. сигарет по номерам. На мой номер (№ 440) кто-то уже получил сигареты и мне не дали.

16.11. Работали до 4 часов (стояли рештаки).

17.11. Рештаки работали хорошо и мы кончили пай в 15 часов.

18.11. Сегодня в лагерь приехали только в 23 часа. Долго стояли рештаки (не было вагонов). На поверхности нам дали баланды. В лагере также дали обед и ужин одновременно.

19.11. Сегодня опять приехали в лагерь в 23 ч. Долго стояли рештаки. Мы, было, пошли к клетки (подъемнику) к выходу на поверхность, но штегер (начальник) второй смены, которая представляет рештаки палкой вернул нас в лаву. Принесли нам баланды. Когда кончили пай, нас отпустили.

21.11.1943. Последние четыре месяца нас взвешивали. В первый месяц я весил 56 кг, во второй — 56 кг, в третий сбавил 1 кг — 55 кг, а в четвертый (я работал на поверхности и был в лазарете) прибавил 2 кг — 57 кг.

22.11. Получка. Я получил 5 марок.

23.11. Выдали новые рабочие брюки.

28.11 Воскр[есенье]. Сегодня последний день я работал в первой смене. Завтра иду во вторую — с полпервого.

1.12. Сегодня фотографировали на аусвайс (документ).

Выдали колодки.

5.12. Воскр[есенье]. Сегодня не работали. Продал за шахтерскую пайку шерстяные перчатки, которые прислала мне тетя Поля.

6.12. Сегодня я встал с первой сменой в 3 часа ночи. Получил от того, кому продал перчатки, пайку хлеба, съел ее и опять лег спать. Утром получил свою пайку и ее съел. В обед съел две порции баланды и целый день чувствовал себя сытым.

8.12. Сегодня увеличили рабочую норму. На 2-х человек — 3 штанги. Нужно выбрать пласт угля длиной 7,5 м (одна штанга — 2,5 м) и глубиной — 2,2 м.

2.12. Давали по 75 г табаку, мыло и щелок (стиральный порошок). Удалось достать картошки и брюквы.

12.12. С сегодняшнего дня наша лава работает по-новому. Первая смена работает по всей лаве и ставит одну крепь (в глубину выбирает уголь на 1,1 метр). Вторая смена также работает по всей лаве выбирает уголь в глубину тоже на 1,1 метр и ставит вторую крепь, т.е. устанавливаются к потолку штанги (доска — горбыль) и подбиваются стойками. Норма — 5 штанг (12,5 м) на двоих.

19.12. Воскр[есенье]. Работали. В лагерь привезли машину картошки. Удалось достать 15 шт. картошин.

21.12. Выдавали зарплату. Мне дали 60 марок. Купил за 25 марок пиджачок.

24.12. Рождество. Не работали. Выдали подарки: 2 яблока, печенье, коржик, монпансье шт. 20, колбаса гр. 300, пива — 1,5 литра и 50 шт. папирос.

25.12. Не работали. Купил на 13 марок хлеба гр. 600. На обед была картошка, утром давали повидлу.

27.12. Пай кончили поздно и в лагерь приехали в 2 ч. 30 м. ночи.

3.01.1944 г. Работаю в первую смену. Подъем в 3 ч. Пай кончили поздно и в лагерь приехали со второй сменой в 22 ч. 30 м. вечера.

5.01. Работу кончили вовремя. В лагерь приехали в 16 часов.

6.01. Перевели во вторую смену с 12 ч. 30 м.

16.01. Появилось у меня много вшей. Это потому, что дезинфекции не было уже 4 месяца.

21.01. Выдали зарплату. Я получил 35 марок. Купил полпайки хлеба за 6 марок, а вечером еще на 22 марки. Все съел.

23.01. Не работали. Дезинфекции опять не было, а вши так и кишат. Получил от наших девчат письмо. Пишут — живут хорошо.

25.01. Привезли картошки. Удалось достать несколько картошин. Написал письмо девочкам.

29.01. Стал очень бить меня немец в шахте. Сегодня за то, что я нечаянно разбил себе руку, он меня здорово побил.

1.02. Выдавали пачку табаку и кружку семечек за 1 марку 30 пфеннигов.

3.02. Прошел слух, что теперь в шахте дольше 5 часов оставлять русских никто не имеет права. Бить также запрещено.

4.II. Давали по 75 шт. папирос и мыло за 3 марки. У меня денег не было и пришлось половину отдать тому, кто выкупил эти продукты.

6.II. Не работали. Наконец была дезинфекция. Первая смена ездила на «Фижбах» — [в] большую больницу. Остальные делали дезинфекцию при лагере.

10.II. Сегодня в шахте немцы убили пигелем (киркой) одного русского за то, что он ослаб и не мог как следует работать лопатой.

11.II. Получил письмо от Нюры Муркиной и написал ответ.

15.II. Выдали рубашку, пиджак, брюки. Дали по 1 литру семечек за 1 марку.

18.II. Выдали удостоверения с фотокарточкой.

20.II, воскресенье. Дезинфекция. Не работали. Пускали гулять.

22.II. Выдавали деньги. Я получил 30 марок.

24.II. Получил от Нюры письмо с фотокарточкой. Пишет, что послала посылку, но я ее еще не получил.

25.II. Из тумбочки у меня пропали письма, конверты и этот дневник.

3.III. В одном из пустых шкафов я нашел свои документы и дневник.

1944 г. 5.III., воскресенье. Не работали. Пускали гулять. Я тоже ходил. Ходил по домам, просил у хозяев хлеба. Давали. Вдоволь наелся хлеба и булки.

6.III. Работаем во вторую смену. Целый день болел живот после вчерашнего хлеба. Достал картошки.

7.III. Сварил картошки, положил туда порцию масла и колбасы, влил яйцо. Получилось очень вкусное пюре. Выдали брюки и пиджак.

8.III. Давали табак.

Уже третий день находятся в отпуску на 6 дней¹ первые 15 человек. Для них отведена отдельная комната. Им выдали костюмы, рубашки, кальсоны и ботинки. На обед дают картошку или хороший суп. Среди них находится один из наших ребят Сергей Ястребов (двоюродный брат Ивана Парамонова).

9.III. Давали порошок и мыло за 35 пфеннигов.

На шахте «Готельборн» было собрание русских рабочих шахты. На нем объявили, что кто будет лениво работать или вести себя недисциплинированно, тот будет отправлен в штрафное отделение. Уже несколько человек попало в это отделение. Оно находится в отдельном бараке при лагере. Люди работают на тяжелой участке. В нерабочее время их заставляют производить уборку помещений, мыть полы и т. п. Отдыхать не дают.

Приставлено 2 новых полица. В остальных бараках стало тоже очень строго. За неправильно заправленную постель направляют на 8 суток в штрафное отделение.

Баланду продолжают варить с одной сушеной капусты.

12.III, воскресенье. Работали. Первая партия отпускников пошла на работу. Начала отдыхать вторая партия отпускников. Сюда попал Николай Семенов.

14.III. Сегодня ходил новый полица с переводчиком по комнатам. В нашей комнате многие постели были неправильно заправлены и он предупредил, что если завтра будет то же самое, то все койки будут выброшены, а люди наказаны.

15.III.44 г. Получил от Нюры посылку сухарей. Написал ей ответ.

19.III. Дезинфекция. Выдали продуктовые карточки на хлеб и на суп.

После обеда пускали гулять, но мне не пришлось сходить, т. к. список наш затеряли и не вызвали.

22.III. Выдали зарплату. Я получил 25 марок. Купил за 14 марок сухую пайку хлеба. Продал свой старый пиджачок за 10 марок.

23.III. Получил от Нины письмо. Написал ответ. Купил за 6 марок полпайки хлеба.

26.III, воскресенье. Работали.

Выдали рубашку, кальсоны и полотенце. Привозили картошку. Удалось достать 9 картошин. Выдали продуктовые карточки.

¹ Одно из пропагандистских мероприятий немцев. Иногда «отпускников» даже возили по Германии.

28.III. Перевели в первую смену. Врубовая машина не работает. Приходится весь пласт вырубать отбойным молотком.

29.III. Променял новые брюки на б/у и получил в придачу полпайки хлеба и 10 марок.

31.III. Написал письмо Нюре и Нине.

8.IV. Сегодня мой день рождения. Исполнилось 19 лет.

9.IV, воскресенье. Пасха.

Не работали. Пускали гулять. Опять ходил по домам, просил хлеба. Наелся пирогов и пирожных. Принес хлеба в лагерь.

14.IV.[19]44 г. Получил от Нюры письмо. В нем была фотокарточка ее и письмо Николаю Семенову. Пишет, что сбавили норму хлеба. Они с Ниной живут вместе, около г. Шпаэр¹, работают у «бауэра» — фермера. Написал им ответ.

15.IV. Сходил в медпункт. Пожаловался на слабость. Меня перевели работать на поверхность на 1 месяц.

16.IV, воскресенье. Не работали. Гулять не пускали. Играл в очко. Выиграл 15 марок. Купил полпайки хлеба за 5 марок.

18.IV. Работал на открытом воздухе. Нагружали уголь в вагоны. Был дождь. Вымок насквозь.

19.IV. Варят на обед и ужин очень плохую баланду.

20.IV. Получил письмо от Веры Тимофеевой для Сергея Ястребова.

21.IV. Давали зарплату. Я получил всего 5 марок, хотя заработано у меня 204 марки. Высчитали за одежду.

23.IV, воскресенье. Работали. Наступает весеннее время. Тянет на волю. Из лагеря убегают почти каждый день. В субботу из нашей комнаты убежал один пожилой уже мужик. Его поймали. Ночь отсидел в карцере, а днем опять убежал.

26.IV.[19]44 г. Сегодня я работал на постройке бараков около шахты. Во время хальтшиста (перерыва)² я ходил по поселку и просил хлеба у немцев. Достал гр[амм] 700 хлеба.

27.IV.[19]44 г. Сегодня исполнилось ровно 2 года, как нас вывезли из деревни в Германию.

Была медкомиссия, работающим на поверхности. Меня оставили работать на поверхности на 1 месяц. Получил от Нюры и Нины письмо. Написал им ответ.

1.V. Сегодня меня перевели во 2-ю смену. Работаем на постройке бараков — роем подвал для кухни. Во время перерыва ходим в поселок просить у немцев хлеба.

3.V. Во время перерыва в поселке выменял на мыло хлеба.

4.V. Это время хлеба я ем, сколько хочу. В поселок хожу каждый день.

¹ Шпайер (Speyer) — город в Германии, южнее Манхайма.

² Точнее, пересменка (от нем. Haltschicht — букв.: «Остановка смены»).

6.V. Срезали 3-и этажи коек. Теперь стали 2-этажные.

8.V. Сегодня во время перерыва ходил в поселок к знакомой хозяйке, у которой был уже 2 раза. Она дала мне супу с макаронами, молока с булкой и с собой полбуханки хлеба и одну селедку.

1944 г. 10.V. Начали выпускать из лагеря свободно гулять. Первую смену после работы, а вторую смену — до работы.

11.V. Была тревога. Видно было, как сбили один самолет.

13.V. Во время перерыва ходил в поселок. Знакомая женщина дала мне гр 500 хлеба, а я ей отдал порошок и мыло.

14.V. Дезинфекция. На работе принесли бачок супу. Нас 5 человек и каждому досталось по 4 миски супу. По 3 миски съели сразу, а миску после работы.

16.V. Сегодня меня перевели работать в шахту. Работаю в лаве.

17.V. Сегодня я сходил в медпункт и сказал, почему меня перевели в шахту, когда я еще должен работать на поверхности. Доктор посмотрел в списках и перевел меня опять на поверхность. Работал опять на стройке бараков. Давали мыло. Супу не было.

18.V. До работы ходил гулять. Немного поработал у одного немца. За это он дал мне сперва 2 куса хлеба с кофе, а после кусок хлеба со свиной и тарелку супу.

23.V.[19]44 г. Выдавали зарплату. Я получил 40 марок.

15.V. Была тревога. Разбомбили один русский лагерь недалеко от нашего. Был сбит там один самолет.

28.V, воскресенье. Не работали. Пустили гулять. Достал хлеба. Видел сбитый самолет.

29.V. Сегодня весь лагерь подняли в 1 ч. ночи и привезли в Саарбрюкен чинить после бомбежки железную дорогу. В лагерь приехали в 6 вечера.

30.V. Сегодня также ездили в Саарбрюкен чинить жел[езную] дорогу.

31.V. Опять возили в Саарбрюкен. Весь вокзал Саарбрюкена полностью разбомблен. Зарывали воронки на путях. В 12 часов давали обед — суп с макаронами и куском колбасы.

1.VI. Возили в Саарбрюкен.

2.VI. Сегодня часть людей послали работать в шахту, а часть в Саарбрюкен. Я попал в партию, которую отправили в Саарбрюкен.

4.VI. Сегодня до 800-х номеров ездили в Саарбрюкен в первую смену, а с 800-х номеров — во вторую.

5.VI. То же. Работали на товарной станции. Станция полностью разбита. Ребята, разбиравшие разбитые вагоны и склады достали себе хлеба, колбасы, консервов, сахара и др.

7.VI.[19]44 г. Сегодня объявили, что выход из лагеря воспрещен. Ходят слухи, что англичане высадили десант в Германии.

11.VI, воскресенье. Сегодня работали в Саарбрюкене.

12.VI. Сегодня я работал на разборке разбитого дома. В подвале нашел хороший военный алюминиевый котелок, целый ящик картошки, конверты и разную мелочь. Полицай заметил у меня этот котелок, обыскал меня, заставил все выложить и надавал по морде.

18.VI, воскресенье. Сегодня выходной. Ходил гулять. Забрел очень далеко и заблудился. Попался полицай с собакой. Он отвел меня на шахту «Виктория» — соседняя с нашей. Оттуда позвонили в лагерь и за мной приехал один лагерный полицай.

19.VI. Работали в Саарбрюкене.

20.VI. Выдали карточки для выхода из лагеря. Можно выходить 3 раза в неделю: воскресенье, понедельник и четверг.

21.VI. Последний день работали в Саарбрюкене. Завтра все в шахту.

22.VI.[19]44 г. Работали в шахте. Выдали получку. Я получил 35 марок.

25.VI. Работали. После работы ходил гулять. Достал немного хлеба.

26.VI. Сегодня нас, находящихся в лаве чуть не задавило. Начала садиться лава, затрещали стойки, повалилась за решетами порода, все кинулись карабкаться из лавы в штрек. К счастью, лава не обвалилась. Когда треск прекратился, минут через 20–30 все спустились в лаву и продолжали работу. Моя лампа и пиджак, которые были повешены на штангу так вдавились в породу, что достать их нечего было и думать.

29.VI. Днем сильно бомбили Саарбрюкен.

30.VI. Работали в Саарбрюкене. Чинили разрушенную железнодорожную дорогу на вокзале. Выход из лагеря запретили.

2.VII, воскресенье. Работали в Саарбрюкене. В одном подвале нашли сушеную картошку. Удалось немного ее взять.

3.VII. Работали в шахте.

8.VII. Работал в шахте — в штреке по подготовке новой лавы.

11.VII. Привели 28 человек со штрафлагеря, которые попали туда из-за побега из лагеря. Все были очень худы — очень их гоняли, били плеткой на каждом шагу, работали в шахте.

13.VII.[19]44 г. Опять была бомбежка Саарбрюкена и его окрестностей. Село, находящееся в 5 км от нашего лагеря, тоже подверглось бомбежке. Когда мы приехали с шахты, нас отправили туда разбирать обломки и др.

14.VII. Работали в селе. Рыли яму, где находится водопроводная труба.

16.VII, воскресенье. Работали в лесу. Валили деревья, оставляя высокие, выше 1 метра пни.

21.VII. Работали в шахте. Выдали получку. Я получил 40 марок.

24.VII. Получил от Нюры письмо. В нем записка Николаю Семенову.

31.VII. Сегодня перевели в новые бараки у шахты. Привезли 32 человека со штрафлагеря, а 13 человек отправили туда.

5.VIII. На обед и на ужин нам привозят очень плохую баланду. Сегодня мы отказались получать эту баланду. За это нач[альник] лагеря сказал, что завтра никого не пустит гулять.

6.VIII, воскресенье. Гулять не пускали. Баланда — получше. Некоторые ребята ходили гулять, подлезая под проволоку. Я тоже ходил.

13.VIII, воскресенье. Сегодня работали. Гулять пускали всех. Я достал немного картошки, хлеба. В одном доме меня накормили супом и пирогом.

16.VIII. Сегодня перевели меня и еще 9 человек на новый участок во 2-ю смену. Этот участок находится за 7,5 км от ствола (подъемника). Туда ездят на вагонетках.

17.VIII. На участке рештаки долго не работали и поэтому никто не кончил свой пай. Штегер ночной смены, которая переставляет рештаки, не отпускал нас, но мы убежали, но на поезд, который подвозит людей к стволу опоздали и пришлось все 7,5 км идти пешком.

18.VIII. Сегодня работали на новом участке. Пласт угля — 2 метра. В середине пласта — 0,5 метра породы. Пай — 5 метров на двоих. На участок надо идти 1,5 км.

20.VIII, воскресенье. Не работали. Пускали гулять. Я немного достал хлеба. В одном доме меня угостили бутербродом со свиной и кофе. Потом я пошел в лес и там поспал.

21.VIII. Сегодня на работе мне сильно кололо в бок. Это я вчера простудился, поспав на земле. После работы зашли к шахтному врачу. Он дал мне направление к лагерному врачу.

22.VIII. 44 г. К врачу не попал, т. к. врач находится в старом лагере, туда надо ехать на машине, а сегодня машина туда не ходила.

24.VIII. Сегодня попал к врачу. Он перевел меня на 10 дней работать на поверхность.

Работал в лесу. Откапывали попорченную водопроводную трубу.

27.VIII, воскресенье. Работал на ленте — на очистке угля от породы.

Целый день по шоссе шли обозы беженцев на восток.

28.VIII. Сегодня у меня был неудачный поход в сад за яблоками. Часов в 10 вечера я ушел с ленты и пошел в сад. Светила луна и я набрал яблок в мешочек и в карманы. Пришел к лагерю, положил мешочек под проволоку и замаскировал его, а сам пошел на

шахту. Вдруг меня окрикнул лагерный полицей. Он повел меня в полицейскую. Здесь меня заставили выложить из карманов яблоки. Полицей пбили меня палками и отвели на шахту. Вернувшись после работы в лагерь, я взял из-под проволоки свой мешочек с яблоками.

29.VIII.[19]44 г. Все идут и идут по шоссе беженцы.

31.VIII. Под конец смены была тревога и все ушли в убежище.

5.IX. Сегодня меня должны были перевести с поверхности в шахту, но почему-то при построении мой номер не вызвали, и я остался работать на поверхности.

6.IX. В 2 часа утра нам сделали подъем. Сказали собрать свои вещи, выдали хлеб и машиной увезли на станцию. В 10 часов нас погрузили в эшелон и повезли. В пять часов вечера высадили и повели. Человек 200 отделили и поместили в находящийся там лагерь, а нас повели дальше. Наконец привели в какой-то лагерь. Никого там не было. Пока затопили котлы и сварили еду, прошло еще часа 2. Есть нам дали только в 11 ч. вечера.

9.IX.[19]44 г. Находимся в лагере. На работы пока не водят. Лагерь находится в низине. С одной стороны возвышается стена отвесная высотой метров 30. В этой стене сделали бомбоубежище.

Часа в 2 нам дали хлеба. Вечером дали баланды.

10.IX. Тревога, загнали в убежище, потом отбой, баланда.

11.IX. Подъем в 5 ч. утра. Выдали хлеба и повели на станцию. Привезли в город Форбах.¹ Затем нас привели в загороженный в два ряда колючей проволокой лагерь. В нем живут поляки. Раньше они работали у бауэров (хозяев) — на сельском хозяйстве, а сейчас здесь работают на окопах.

Коек здесь на всех не хватает.

Спим на полу. Полно у всех вшей. В деревянных койках полно клопов, спать невозможно.

15.IX. Работаем на рытье противотанкового рва. Целый день идет дождь. Вымокли до нитки. Хлеба дают буханку на 4-х.

18.IX. С работы, так чтобы не видели полицей, многие уходят в село просить у жителей хлеба. Я тоже хожу.

25.IX. Сегодня получил несколько ударов палкой по спине за то, что уходил.

30.IX.[19]44 г. Сегодня достал немного картошки. Но ее сварить труднее, чем достать. В лагере более 700 человек и почти у каждого картошка. Приходим поздно. В 7 часов уже темно и на дворе варить нельзя. В умывальнике есть два котла. Так вот, их растопят и каждый съест свой мешочек с картошкой, привязанный на веревочке в этот котел.

4.X. Работали за Форбахом во фруктовом саду. Удалось достать несколько груш.

¹ Город в Шварцвальде, к юго-востоку от Баден-Бадена.

6.X. Сегодня конвоиры наши были чем-то заняты, и до 9 часов мы были в лагере. Воспользовавшись свободным временем, я поварил нижнее белье, в котором кишели вши.

9.X. Возили на вагонетках бетонные крышки для бункеров.

16.XI. Совсем порвались колодки. На рытье рва меня, как и др[угих] босых, не погнали. Оставили в лагере.

25.XI. 10-й день сижу в лагере без колодок. Таких, как я, человек 30.

26.XI. Привезли новые колодки и сегодня ходил на рытье противотанкового рва.

1.XII. В 6 утра нас эвакуировали из лагеря. Вчера и позавчера через наш лагерь обстреливали из пушек город Форбах. Было слышно, как над головой шуршали пролетающие снаряды. Вечером пришли в свой лагерь шахты Готельборн.

2.XII.[19]44 г. Выдали по буханке хлеба и повели колонной по шоссе в направлении г. Цвайбрюкен¹. Шли весь день и ночь. Я сильно истер ногу, отстал от колонны и устроился на остаток ночи под крыльцом одного дома. Утром пошел дальше один. До Цвайбрюкена оставалось 12 км. Я зашел в один дом, попросил спичек, и в лесу сварил картошки. За 2 км от Цвайбрюкена переночевал.

4.XII. Иду по дороге один. Набрел на какой-то лагерь. Там дали мне пайку хлеба с маслом. Переночевал там, а утром пошел один дальше.

8.XII. Пришел в Пирмазенс.² Здесь встретил 2-х ребят тоже отбившихся от колонны. Зашли в одно село (Кетришхоф), где работают русские на окопах и стали там жить.

18.XII. Перевели из Кетришхофа в Петербург.³ Работаем также на окопах. Спим в одном здании на полу. Заедают вши. Вшей так много, что я снял нижнюю рубашку, вышел во двор и стал их сбрасывать на снег.

Снег стал серым от них.

27.XII. Недалеко от нашего места работы зенитки сбили американский самолет. 5 человек спустились на парашютах, а 4 человека разбились.

1.I.[19]45 г. Сбили 2-х амер[иканских] самолетов.

14.I. В 4 ч. утра нас подняли и повели в Ерпенбрунн.⁴ Отсюда направили в Fishbah.⁵ Всего сделали км 35. Ночевали в деревянных бараках, на полу. Работаем в лесу. Валим лес. Местность гористая и леса.

¹ Город в Пфальце, к востоку от Саарбрюкена.

² Город в Пфальце, к востоку от Саарбрюкена и Цвайбрюкена.

³ Село между Цвайбрюкеном и Пирмазенс.

⁴ Город в Саарланде, к северу от Саарбрюкена.

⁵ Местность не идентифицирована.

11.II. Водили за 12 км на дезинфекцию.

12.II. Утром часов в 8 нас повели дальше. Вечером, часов в 7 пришли в Reichofen.¹ Поместили в пустой заброшенный магазин. Спим на полу. Работаем на окопах.

11.III. В 8 ч. вечера вывели из лагеря и колонной повели на шоссе. Местность гористая, дороги извилистые. Сделали около 30 км, пришли в Lembach.² Спим в разбитом доме на полу. Нашел в разном барахле американскую шинель и ботинки. Эта местность, очевидно, была занята американцами, а потом они ушли отсюда.

13.III. В 6 ч. утра нас подняли и повели на работу. До 12 ч. работали на окопах. С 12 до 7 ч. вечера были в лагере. В 7 ч. веч. дали суп и хлеб и опять повели на работу. Работали до 12 ч. ночи.

18.III.[19]45 г. Около 12 ч. нам дали хлеб и супу. Потом построили колонну и повели дальше. Прошли около 30 км и переночевали в какой-то разбитой фабрике.

19.III. Утром часов в 5 нас повели дальше. Когда рассвело, над нами стали летать английские самолеты. Нас продолжали вести колонной. Асфальтовая дорога вся изрыта пулями. В придорожной канаве видели сидящего на корточках человека с рюкзаком на спине и без головы. Видно разрывная авиационная пуля попала ему в голову. Мы продолжали идти. Дорога шла через лес. Я шел в начале колонны.

Вдруг сзади застрочил пулемет. Все бросились в стороны, в лес. Я перепрыгнул через канаву, забежал в кусты и лег там. Самолеты поочередно заходили в пике и стреляли из пулеметов. Я лежал и каждую секунду ждал смерти. Вокруг дымились сухие листья от пуль. Наконец самолеты улетели. Стало тихо. На свисток конвоира стали собираться. Несколько человек было убито, некоторые ранены.

Мы, четверо с одной шахты, решили колонной не идти и остались в лесу. Самолеты летали до самого вечера. Когда стемнело и перестали летать самолеты, мы пошли дальше.

Шли всю ночь. Когда стало рассветать, мы двое, я и один паренек Вася зашли в лес и целый день спали. Но самолеты не давали покоя. Около нас, метров в 100, разорвалась бомба. Мы лежали под валуном и поэтому нас осколки не задели, только небольшой камень ударил мне по ноге.

20.III.[19]45 г. Вечером прошли через г. Ноештадт³ и переночевали в одной деревушке. На дороге нашел карту местности.

¹ Местность не идентифицирована.

² Местность не идентифицирована.

³ Нойштадт-ан-дер-Вайнштрассе — город в Пфальце, к западу от Шпайера.

21.III. На дороге встретили еще одного с нашей колонны и пошли втроем. Ночевали в деревне в 4-х км от Spreyer.

22.III. Утром нашли в бурте картошку. Набрали ее в мешок и попросили одну хозяйку сварить нам картошки. Она дала нам молока, хлеба, поджарила картошки и приготовила творогу. На дорогу дала вареной картошки и хлеба. Я давал хозяйке 5 марок, но она их не брала. Я оставил деньги на столе. Хозяйка не советовала идти за Рейн в Германию. Мы прошли немного и остановились ночевать в одном саду. Только заснули, нас будят двое военных немцев и ведут в г. Spreyer, потом отпустили. Мы перешли через Рейн и прошли еще км 9 от моста. Ночевали на кукурузной соломе у забора.

23.III. Утром одна хозяйка дала нам поесть: кофе и хлеб с вареньем. Вечером пошли в другое село. Набредли на лагерь с русскими военнопленными.

24.III. Переночевали у них, а утром ушли в гор. Шветцинген¹. В магазине купили хлеба и за городом в поле на соломе легли спать.

25.III. Утром встали, зашли в село, но не достали ни кусочка хлеба. Доели последний хлеб. Вечером пошли в другое село. Здесь я на солдатской кухне достал немного вареной картошки и хлеба, а одна хозяйка пустила нас в сарай переночевать. Ночью сильно гремело на северо-западе.

26.III. Шел дождь. Мы сидели в садике в будке. Когда перестал идти дождь, мы пошли в маленькую деревушку. Вдруг недалеко от нас разорвался снаряд. Мы забежали в один дом. Там живут эвакуированные французы. Мы зашли в подвал и ночевали там.

30.III.[19]45 г. Утром ходили в село. В магазине купили хлеба без карточек и пошли обратно в свой подвал. Била сильно артиллерия. Недалеко от нашего пристанища сел американский вертолет. Группа французов и мы с Васькой пошли к нему приветствовать американцев. Но летчики нас близко не подпустили. Сперва они спрятались за вертолет и направили на нас оружие. Один француз вынул свой платок и стал им махать. Тогда летчики стали махать рукой, чтобы мы уходили. Мы ушли. Вечером появились американские танки.

31.III.

По шоссе двигаются танки, бронемашины и автомашины с американскими солдатами.

1.IV. Забрались в один подвал нежилого дома, где был, как видно немецкий штаб. Было много разного барахла, но мы с Васькой взяли только по 2 банки смальца.

3.IV. Решили отправиться обратно за Рейн, но по дороге нас задержали американские патрули и на машине привезли в г. Ман-

¹ Город в Пфальце, к северо-востоку от Шпайера.

гайм в русский лагерь. Ребята здесь нигде не работают. Ходят по разбитым домам, достают себе шмотки и разную еду. Ожидают отправки на родину.

4.IV.[19]45 г. Утром отправились в город. Один немец-старик попросил нас помочь привезти со станции угля в тележке. Мы помогли. За это он дал немного выпить и накормил обедом.

5.IV. Ходили в город. В разбитых домах нашли брюки, рубашки, кальсоны, сапоги.

10.IV. Получили карточки на неделю. Купили хлеба и колбасы. Еще остались карточки на макароны, масло, сахар, кофе.

12.IV. Ездили с тачкой в бург за картошкой. Привезли картошки.

16.IV. Ночью приходил пьяный американский солдат к нам в барак. Все разбежались. Я остался лежать на койке. Солдат пошарил по койкам, никого не нашел. Три раза выстрелил из пистолета, потом лег и уснул. Утром ушел в свою часть.

23.IV. Слушали по радио передачу из Москвы. Наши войска занимают улицы Берлина.

25.IV. Разузнали, что на заводе «Fegel» на складах есть продукты: сахар, мука и др.

26.IV. Сегодня вечером мы с одним парнем пошли на этот склад купить чего-нибудь. Там нас забрали американцы и отвезли в городскую тюрьму.

27.IV.[19]45 г. Сидим 6 человек в камере. В 8 ч. открывается окошко и дают хлеб и кофе. Завтракаем и ложимся на койки (было 3 койки, лежали по 2-е на койке). В 10 ч. открывается дверь, вносят воду, промывают уборную. В 12 ч. обед — баланда, как при немцах. После обеда играем в карты (у меня были с собой карты) и лежим до 5 ч. вечером, когда приносят ужин — баланду. Спим до 8 ч. утра.

1.V.[19]45 г. Сегодня нас выпустили из тюрьмы и привезли в общий лагерь. Мы оттуда ушли в свой лагерь.

2.V. На складе, где мы хотели купить продуктов, до 7 ч. утра никого нет из охраны, и ребята ходили туда и приносили разные продукты. Сегодня утром в 5 часов вместе с другими ходил и я. Достали только мармелад.

3.V. Сегодня ночью пришла моя очередь охранять наш лагерь. Дежурил до 2 ч. ночи.

5.V. Ходят слухи об окончании войны.

8.V. Ходил в город за продуктовыми карточками. Получил на 1 месяц карточек.

9.V. Ходили с Васькой на склад. Достали кондитерской муки.

10.V. Ходил в город покупать продукты по карточкам. На неделю дают: 1500 г хлеба, 150 г колбасы, 125 г жира, 62,5 г макарон и 3 кг картошки.

11.V. Сегодня в соседнем лагере расстреляли одну русскую женщину. Она при немцах служила в гестапо, допрашивала и била русских. Судили ее и расстреливали русские.

14.V. У нас с Васькой вышли продукты, которые были припасены со склада. Картошка кончилась и жиры. Собираемся с Васькой идти в общий лагерь.

18.V. Решили завтра идти в общий лагерь. Собираем свои вещи.

19.V. В общий лагерь пока не пошли. Сделал из иголки крючок ловить рыбу.

20.V. Ходил на Рейн ловить рыбу, но из-за плохого крючка ничего не поймал.

21.V. Достал удочку с настоящим крючком. Поймал 5 шт. рыб.

22.V. Отправились с Васькой в общий лагерь (бывший лагерь военнопленных), но нас там не приняли, и мы пошли дальше. В гор. Вейнгейме¹, в бывшем ресторане живут русские. Мы там нашли на чердаке пустую каморку и стали там жить.

23.V.[19]45 г. Ходили в лагерь «Арбайтсамт»², нас прописали там и выдали карточки на получение пищи.

В обед получили макаронный суп. Вечером — 500 г хлеба, на утро — 30 г масла и 25 г колбасы. На ужин — картошка и 25 г колбасы.

24.V. Провел электричество в нашу каморку. Коек нет, но зато есть много стульев. На них наложили доски, сверху войлок и там спим. На обед гороховый суп.

25.V. Достали одну койку. Кинули жребий, кому она достанется. Досталась мне.

26.V. Дали по пачке табаку. Я не курил, и свою пачку отдал Ваське (он курит). Достали вторую койку. Перешли в наш «ресторан» еще 3-е ребят со своими девушками из нашего старого лагеря. Оттуда всех перевезли в общий лагерь.

27.V, воскресенье. Выдали по 100 г. сахару на неделю. Ходили с Васькой гулять за город.

3.VI, воскресенье. Ходили за город. В садах уже есть вишни и смородина.

4.VI. Ходили в сад за вишнями. Немцы ругались, но мы не обращали на это внимания.

5.VI.[19]45 г. Сегодня нам сообщили об отправке на сборный пункт г. Мангайм. Собрав вещи, мы пошли к школе, откуда на машинах нас привезли в лагерь Мангайм-Кафертиль.

6.VI. Сегодня прошли дезинфекцию. Ждем отправки на Родину. В 8 ч. был концерт. В лагере кормят так: утром хлеб и кофе, в обед — суп (с макаронами). Вечером — суп.

¹ Скорее всего, Вернхайм (Vernheim) — город к северу от Маннхайма.

² Arbeitsamt — местное отделение биржи труда.

7.VI. Был концерт и американский кинофильм. Объявили, что завтра утром — отправка на Родину.

8.VI.[19]45 г. В 8 ч. утра на автомашинах нас привезли на вокзал г. Людвигсхафен¹, погрузили в эшелон, выдали продукты (галеты, консервы, плитку шоколада, сахар, сигареты, по 2 буханки хлеба).

В 11 ч. поехали. Проехали через Вормз (Worms), дальше на Майнц (Mainz). У Майнца поезд стоял около 5 часов. На платформе — базар. Немцы меняли вино на хлеб, кофе, деньги.

Вечером поехали дальше. Переехали через Рейн. Железнодорожный мост разрушен. По разрушенному мосту проложен деревянный мост, по нему рельсы. Двигались осторожно, тихо. Поздно вечером приехали в гор. Франкфурт.

9.VI.[19]45 г. Поезд шел всю ночь. Мы спали на полу. Утром я посмотрел на карту, где мы едем. Мы были км в 200 от Лейпцига. Ехали через Эрфурт, проезжали по туннелю км 3. Вечером на одной из долгих стоянок нам раздали остатки продуктов. Дали на 5-х 2 пакета продовольствия американского Красного Креста.

Часов в 11 вечера приехали в Лейпциг.

10.VI. Ночью с нашего вагона пропал один парень. Утром нам сказали, что его «убрали» за то, что он при немцах был в их армии и расстреливал партизан. На станции Гримма² поезд остановился. На автомашинах нас привезли к мосту реки Эльба. По мосту мы перешли на другую сторону реки, где нас встретили наши.

Здесь же я расстался со своим другом Васькой (фамилия Куватов, кажется, башкир), с которым вместе жили около полугода. Расстались из-за того, что он был, оказывается, военнопленным, а военнопленных здесь отделили от нас³.

Отсюда нас привезли в город Ризу⁴, а отсюда пешком направили в лагерь за 6 км от города. В лагере нас зарегистрировали, разбили по 100 человек и направили в бараки, где ночевали.

11.VI.[19]45 г. Утром позавтракали, сделали уборку лагеря, а после обеда перевели в другой лагерь. Здесь разговаривая с нашими солдатами, я встретил земляка с Ленинграда. Он рассказал, что город сильно пострадал. Большая часть населения погибла от голода.

¹ Большой промышленный город на левом берегу Рейна, недалеко от Маннхайма.

² Городок в Саксонии, на берегу Эльбы.

³ Филтрацией (политической проверкой) гражданских лиц занимался НКВД, а филтрацией военнопленных — военная контрразведка СМЕРШ.

⁴ Город в Саксонии, расположен на р. Эльба.

12.VI. Сегодня во время построения нас спросили, что у кого болит. Если у кого что болит — выйти из строя. Некоторые вышли. Их записали.

13.VI. Вечером около 8 часов нас построили в колонку, велели взять свои вещи. Тех, которые вчера вышли из строя, как больные, оставили в лагере.

Колонна двинулась в путь. Шли на восток до 1 ч. ночи. Переночевали в лесу. Прошли 20 км.

14.VI.[19]45 г. Продолжаем идти на восток. Шли весь день до 10 ч. вечера. Был отдых в лесу 4 часа.

15.VI. В 6 ч. подъем. Идем дальше. К 11 ч. пришли в военный лагерь около Каменца.¹ Здесь нас разбили по взводам, на 50 человек во взводе, сняли волосы. Говорят, что мы пойдем пешком на Украину.

16.VI. В 6 ч. подъем. Зарядка, туалет, завтрак — суп, строевые занятия 4 часа и кино. Обед — суп, тихий час. Построение, строевые занятия, отбой.

17.VI, воскресенье. Подъем, зарядка, завтрак. Поверка с вещами — как подготовились к походу.

18.VI. Выдали немецкие военные брюки и гимнастерки.

19.VI. Подъем в 2 ч. 30 м. Суп. В 6 часов построение и двинулись дальше. В 14 часов привал за гор. Баутцен (Bautzen). Прошли более 30 км. Вечером ужин. Отбой. Спали в сарае на соломе.

20.VI. Подъем в 1 ч. 30 м. Завтрак. Около 5 ч. двинулись дальше. Вначале, пока не было солнца, идти было легко. Но когда поднялось солнце, стало очень жарко, хотелось пить. Нас предупредили, чтобы во время похода мы не пили, но некоторые не могли утерпеть и пили, потом совсем не могли идти. Их брали на подводы, которые шли сзади колонны. Я все-таки вытерпел, воду не пил. Перед привалом прошли км 8–9 без отдыха. Многие не могли идти, их брали на подводы.

В 14 часов пришли в село, где уже стояла наша походная кухня. Это село находится в 12 км от гор. Горлиц (Gorlitz). За день прошли около 40 км.

21.VI. Вышли в 4 ч. утра. Шли до 11 часов дня. До 7 ч. вечера отдыхали. Был маленький концерт. В 7 ч. пошли дальше. В 12 ч. привал. Ночевали на поляне.

22.VI. Вышли опять в 4 ч. утра. Шли до 11 ч. 30 м. У меня сильно потерты промежности. Больно при ходьбе. Обед. В 7 ч. вечера двинулись дальше. В 10 ч. вечера остановились на ночлег около речки. В речке я посидел, чтобы полечить промежности. Стало легче. После ужина легли спать на лужайке у ручья.

¹ Местность идентифицировать не удалось.

23.VI.[19]45 г. Подъем в 4 утра. Идем до 11 ч. 30 м. Отдыхали 4 раза по 10 минут. Вышли на автостраду. У реки позавтракали, помылись и отдыхали до 5 ч. вечера. Потом шли до 8 ч. вечера. Прошли через гор. Легниц (Liegnitz).¹ Расположились отдыхать и ночевать опять у реки.

24.VI, воскресенье. Сегодня выходной — будем отдыхать. Подъем в 6 ч., зарядка, завтрак. Стираем портянки, носки и др. шмотки. Мылись сами.

25.VI. Сегодня также отдыхали. Всего с начала похода (с 13/VI) прошли около 200 км за 8 походных дней.

26.VI. За день прошли км 30.

27.VI. Подъем в 3 часа. После завтрака двинулись в путь. Шли до 9 часов. Отдыхали, еще раз позавтракали и в 13 часов двинулись дальше. Прошли через гор. Бреслау (город очень сильно разбит). В одном селе ночевали. Всего прошли за день 50 км.

28.VI. В 6 ч. двинулись в путь. Шли до 2 ч. 30 м. Вышли в г. Оls (Эльс)², здесь пообедали. В 7 ч. вечера двинулись дальше. В 9 ч. вечера расположились на ночлег в одном сарае.

29.VI. Встали в 5 ч. Сделали км 18, позавтракали и отдохнули. В 4 часа капитан сделал нам информацию о присвоении т. Сталину И.В. звания Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Присвоение звания Генералиссимус с вручением второго ордена «Победа».

После политинформации пошли дальше. Шли до 9 ч. вечера.

30.VI.[19]45 г. Подъем в 5 ч. Пройдя 15 км, завтракали и отдыхали до 1 ч. дня. Была политинформация о параде «Победа» в Москве³ и о конференции в Сан-Франциско.⁴ Пройдя еще км 16 расположились на ночлег в сарае.

1.VII, воскресенье. Подъем в 8 ч. Завтрак. Сегодня отдыхаем. Стирка, баня.

2.VII. Сегодня тоже отдыхаем. Вечером занимались строевой подготовкой.

3.VII. Подъем в 7 ч. 30 м. Завтрак. Вышли в 10 часов. Шли до 5 ч. вечера. Ночевали в сарае.

4.VII. Подъем в 5 часов. Шли до 9 часов. В 12 ч. двинулись дальше. Шли до 6 ч. вечера.

¹ Ныне г. Легнице в Польше.

² Ныне г. Олешнице в Западной Польше.

³ Состоялся 24 июня 1945 года.

⁴ Конференция 50 стран по вопросу о создании международной Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Проходила с 25 апреля по 26 июня 1945 года. Делегаты подготовили Устав ООН из 111 статей, который был единогласно принят 26 июня 1945 года в здании Мемориала ветеранов войны.

5.VII. В 6 ч. 30 м. вышли. 2 часа шли строевым шагом и учились приветствовать на ходу. В 11 ч. был привал и завтрак. В 3 ч. дня снова пошли дальше до 9 ч. вечера. Всего за день прошли км 40.

6.VII.[19]45 г. Шли с 6 ч. до 10 часов. Потом с 13 до 18 ч. Всего прошли км. 40.

7.VII. Шли с 6 ч. 30 м. до 8 ч. 30 м. Потом с 13 до 18, потом пообедав шли с 20 ч. 30 м. до 24 часов. Всего прошли около 40 км.

8.VII, воскресенье. Сегодня отдыхали. Спали до 8 ч. Завтрак. Шел дождь, и никаких занятий не было. Ночью я с 2-х до 4-х стоял на посту.

9.VII. Сегодня также отдыхали. Променял у полячки рубашку за 250 г шпига, 2 кг хлеба и 0,5 л молока.

10.VII. И сегодня отдыхали, потому что у многих порвалась обувь. 2 часа были строевые занятия.

11.VII. Вышли в 5 ч. Сделали более 20 км. Завтрак. В 3 ч. пошли дальше. Шли до 12 ч. ночи. Днем было очень жарко. Вечером мне сделалось худо, — потемнело в глазах, я не мог идти. Меня посадили на повозку.

За день сделали 58 км.

12.VII. Вышли в 5 ч. 30 м. Шли до 10 ч. Сделали 19 км. После завтрака и отдыха шли до 10 ч. 30 м. Всего сделали 44 км.

13.VII.45 г. Подъем в 5 часов. До завтрака прошли 22 км. В 11 часов проходили через г. Сандомир¹ и реку Висла. В 12 ч. — обед, отдых и снова поход. Всего прошли около 50 км.

14.VII. С 5 ч. 30 м. шли до 10 ч. Отдыхали до 5 ч. вечера. Затем снова шли до 1 ч. ночи. Всего прошли 48 км.

15.VII, воскресенье. Вышли в 6 часов. Пройдя км 15, завтрак и отдых. В 13 ч. двинулись дальше. Остановились в одной деревне на отдых.

Всего за эту неделю прошли км 220.

16.VII. Сегодня отдыхали. Вечером был концерт самодеятельности.

17.VII. Сегодня также отдыхали. Подъем в 7 часов. Я с 5 ч. 30 м. до 8 стоял на посту. Днем были строевые занятия.

18.VII. Подъем в 3 ч. Шли до 11 ч., сделав 22 км. До 17 отдыхали. Потом опять шли до 22 часов, сделав 20 км.

19.VII. Подъем в 5 ч. Прошли 19 км. После обеда и отдыха в 17 ч. двинулись дальше. Прошли через г. Замостье² и в 22 ч. остановились на ночлег. Всего прошли 38 км.

20.VII. До завтрака прошли 22 км. Поев и отдохнув, в 16 часов пошли дальше. Остановились на ночлег в 12-м часу. Ночевали на полянке. Сделали около 53 км.

¹ Сандомир — город в Польше.

² Замостье — город в Люблинском воеводстве в Польше.

21.VII.[19]45 г. Вышли в 4 часа. Шли до 11 часов, сделав км 30. Проходя по деревням, женщины и старики встречали нас, некоторые плакали. В 18 часов после отдыха прошли еще 7 км и остановились у Государственной границы СССР на ночлег.

22.VII. В 6 ч. двинулись в путь. Гос. границу перешли через станцию Сокаль.¹ На отдых пришли в 12 ч. Расположились в лесу. Написал письма родным и тете Поле.

23.VII. Отдыхали. Были строевые занятия и политинформация.

24.VII. До обеда 4 часа были строевые занятия. У кого ботинки были в починке — занимались изучением винтовки. После обеда 2 часа опять была строевая.

25.VII. Подъем в 4 часа. Шли до 9 ч. Прошли 18 км. После завтрака и отдыха прошли еще 22 км.

26.VII. За день прошли около 43 км.

27.VII. Прошли 38 км. Во время дневного отдыха командир взвода поставил меня по стойке смирно с винтовкой на плече на 2 часа за мое неуважение и упрямство по отношению к нему.

28.VII. До завтрака прошли 23 км. Расположились у реки, купались. Рядом был молочный магазин. Продавали перегнанное молоко по 50 к. за 1 литр и творог по 5 р. за 1 кг. Я продал катушку ниток за 20 р. и купил 2 литра молока и 0,5 кг творога. После обеда и отдыха прошли 15 км. Расположились в 6 км от Дубна.² Сказали, что здесь будем отдыхать несколько дней. Спим в сараях на соломе, до этого спали все время, как перешли Польшу, на открытом воздухе — на земле.

29.VII, воскресенье. Отдыхаем. Занятий не было. Вечером с нашего взвода взяли 40 человек на кухню в наряд.

30.VII. С 23 ч. 30 м. до 4 часов утра месили тесто на галушки для завтрака. В 7 ч завтракали и с 9 ч. до 12 ч. 30 м. опять месили тесто для галушек на обед. До вечера были свободны, ходили в сад, ели вишни и яблоки.

31.VII. Отдыхали. Пришла почта. Мне писем не было.

1.VIII. Подъем в 4 ч. За день прошли 37 км.

2.VIII. До завтрака прошли 25 км до гор. Острог.³ После завтрака прошли 22 км.

3.VIII. Сегодня шли только до завтрака. Прошли 20 км. Остановились у с. Каменка.⁴

4.VIII. В 10 ч. вышли из Каменки. Прошли 35 км.

Всего с 13/VI по 5/VIII прошли около 1400 км (от р. Эльбы).

¹ Сокаль — железнодорожная станция на Украине, в Волынской обл., недалеко от границы с Польшей.

² Правильно — Дубно: город в Ровенской обл. на Украине.

³ Острог — город в Ровенской области на Украине.

⁴ Калинка — село в Ровенской обл. на Украине.

5.VIII.[19]45 г., воскресенье. Подъем в 7 часов. Завтрак. Прошли 22 км. В 8 км от г. Новоград-Волынский¹ остановились.

6.VIII. Подъем в 5 ч. Прошли 23 км в стороне от Новоград-Волынска. В одном селе расположились по сараям.

7.VIII. Отдыхали целый день. Занятий никаких не было.

8.VIII. Подъем в 5 ч. Зарядка, завтрак. С 9 до 14 строевые занятия.

9.VIII. Сегодня нам сказали, что СССР воюет с Японией.

10.VIII. Советские войска успешно ведут боевые действия против Японии.

11.VIII. Сегодня нам была сделана дезинфекция.

12.VIII, воскресенье. Японское правительство объявило, что принимает ультиматум, предъявленный ей 26/VII-[10]45 г.

Вечером был концерт худ[ожественной] самодеятельности нашего батальона.

13.VIII. Были строевые занятия.

14.VIII. Наш взвод ходил в соседнее село на с/х работы. Я работал на молотилке.

15.VIII. Сегодня был дождь. Строевых занятий не было. Изучали винтовку, автомат, караульную службу.

16.VIII. Сегодня нас отправили в село на с/х работы. Косили пшеницу, складывали в кучи горох.

17.VIII.[19]45 г. Ночевали в сарае. Утром встали в 7 часов. На завтрак был суп и галушки в молоке. Косили ячмень.

18.VIII. Косили ячмень.

19.VIII. Работали до обеда. После обеда перевели в другую деревню. Ночевали под скирдой: хотели молотить, но ночью пошел дождь.

20.VIII. До обеда вязали в снопы жито. После обеда работали на молотилке.

21.VIII. Не работали — шел дождь.

22.VIII. Работали на молотилке.

23.VIII. На завтрак, обед и ужин все время картошка и огурцы. Но на это мы пожаловались командиру взвода. Стали варить борщ с капустой и буряком.

24.VIII. Сегодня я работал грузчиком на автомашине. Возили в г. Н[овоград]-Волынский зерно для сдачи государству.

25.VIII. Опять работал грузчиком на автомашине. Вечером все пошли в свое подразделение.

26.VIII. Вещи, которые были оставлены в подразделении, развязаны. Взят табак и сигареты, которые были выданы американцами в пакетах Красного Креста и Полумесяца, а также авторучка. Вечером был концерт худ[ожественной] самодеятельности.

¹ Новоград-Волынский — город в Житомирской обл. на Украине.

27.VIII.[19]45 г. Снова пришли в деревню на с/х работы. Эта деревня в 25 км от Новоград-Волыньск[ого]. После обеда косили овес.

28.VIII. Косили овес.

29.VIII. Косили овес.

30.VIII. Косили овес.

31.VIII. Сегодня я не работал. Ночью стоял на посту, поэтому меня оставили в подразделении.

1.IX. Кончили косить овес. Выкосили горох и начали косить вику.

2.IX, воскресенье. До обеда отдыхали. После обеда по тревоге пошли в расположение батальона. Помылись в бане. После бани раздавали письма. Я получил сразу 2 письма: из дома и от тети Поли. Большая радость. Мама пишет, что они все живы и здоровы. Тетя Поля пишет, что деревня сожжена, Николай Семенов приехал домой. Неделю жил дома, потом взяли в армию.

3.IX. Строили шалаши для расположения роты из жердей и соломы. Послал письма домой и в деревню.

4.IX.[19]45 г. Строили шалаши.

5.IX. Выдали новые верхние рубашки и по 2 пары поношенного нижнего белья.

6.IX. Выдали поношенную обувь.

7.IX. После обеда наш взвод с вещами отправили в артдивизион. Расположились по шалашам.

8.IX. Отдыхали, занятий никаких не было.

9.IX. Подъем в 6 ч. Зарядка. Завтрак — 600 г хлеба и суп. Строевые занятия до обеда. Обед — щи. Занятия. Ужин — щи. В 23 ч. проверка и прогулка. Отбой.

10.IX. Написал письмо домой.

11.IX. Ночь патрулировал по деревне.

13.IX. Получил письмо от Анны¹ из дома. Пишет, что она замужем. Мама с очагом на даче в Разливе. Папа — в деревне отдыхает. Послал ответ.

14.IX. Опять патрулировал.

17.IX. Сегодня в 3 часа ночи нас подняли по тревоге. Построились и пошли на станцию в Новоград-Волыньск. Здесь нас погрузили в эшелон. В 8 ч. 30 м. эшелон двинулся в путь.

18.IX.45 г. Прибыли в Овруч.² Ночью переезжали через Днепр, проехали Гомель.

19.IX. Двигаемся на северо-восток. Переезжали Красный Рог.

20.IX. Проезжали Калужскую область.

21.IX. Часов в 8 утра прибыли в Москву. Здесь сделали дезинфекцию одежды, хорошо помылись в бане, пообедали. Ночью двинулись дальше в северном направлении.

¹ Старшая сестра Б.Андреева, сейчас проживает в Колпино.

² Овруч — город в Житомирской обл. на Украине.

22.IX. Проезжали Владимир. Вечером приехали в г. Ярославль.

23.IX, воскресенье. Утром приехали на ст. Даниловка¹. Двигаемся в юго-вост[очном] направлении.

24.IX. К обеду приехали в г. Киров. Едем дальше — в г. Молотов².

25.IX. 10 ч. вечера приехали в г. Молотов.

25.IX. Утром выгрузились из поезда и пошли на речной вокзал реки Кама. Здесь около часу поработали: выгружали листовое железо и загружали кокс.

Затем посадили нас на пароход и в полвосьмого вечера отплыли вверх по течению.

27.IX. Вечером прибыли в гор. Чермоз³. Расположились в клубе. Поужинали в столовой.

29.IX. Меня в числе 100 человек направили в Леспромхоз. Живем в деревянных домах. Выдали одеяло, простынь, матрац, подушку. Живем 7 человек в комнате.

30.IX.[19]45 г. Ездили на мотовозе копать картошку.

1.X. Опять копали картошку. Написал письмо домой.

2.X. Распределили по работам. Меня послали работать по строительству. Оскобливаю бревна. Норма — 100 метров оскоблить бревен в день. Я смог оскоблить только 46 метров.

3.X. Сегодня на вагонетках возили доски с лесопилки.

5.X. Сегодня рвал мох для прокладки между венцами стены.

7.X, воскресенье. Не работали. Ходил на поле собирать картошку себе. Немного принес.

8.X. Заделывал щели паклей в стенках.

10.X. Выдали по 50 р. авансу и карточки на продукты.

Закапывали столбы под пол бани. Ночью с ребятами ходили в поле за картошкой.

12.X. Остругивали рубанком бревна.

14.X, воскресенье. Сегодня ходил в село Зелево⁴ копать колхозную картошку. Заработал 3 ведра картошки. Был бесплатный обед. Сходили в баню.

В селе Романово⁵ записался в библиотеку.

15.X.45 г. Выпал снег. Возили доски со шпалорезки. Выдали теплое нижнее белье и ботинки.

16.X. Возил доски для потолка строящейся бани.

17.X. Скоблил доски.

19.X. Разгружали кирпич.

¹ Даниловка — железнодорожная станция под Ярославлем.

² Молотов (в 1940—1957) — ныне Пермь.

³ Чермоз — город в Молотовской (Пермской) обл., на берегу Камского водохранилища.

⁴ Зелево — село в Чермозском районе Молотовской (Пермской) обл.

⁵ Романово — село в Чермозском районе Молотовской (Пермской) обл.

21.X, воскресенье. Ходил в Романово в библиотеку. Написал письмо домой.

23.X. Копал землю на потолок бани.

26.X. Выгружали из вагонеток кирпич.

27.X. Возили со шпалорезки доски на вагонетках.

30.X. Делал завалинки вокруг бани. Выдали карточки.

3.XI. Выдали аванс — 50 р.

4.XI, воскресенье. Сегодня работали, т. к. 6, 7 и 8 ноября будем отдыхать. Был мороз 15° С. Работали по поднятию паровоза, свалившегося вчера под откос. Вкопали 3 столба высотой 5 метров. Сделали устройство для лебедек.

5.XI. Сегодня подняли паровоз. Стоит мороз.

6.XI. Не работали. Ходил копать картошку на колхозное поле. Принес ведра 3.

7–8.XI. Не работали.

13.XI. Выдали брезентовые бурки на ночь и лапти. Работаю на шпалорезке, сбиваю деревянные щиты от снега для узкокол. ж. дороги.

18.XI. Ходил в Романово в библиотеку. Взял «Радиоволны и их распространение» и «Занимательная техника».¹

21.XI. К нам на участок приехали из Особого отдела. Всех будут опрашивать.

22.XI. Послал письмо в деревню.

25.XI. Получил телеграмму от отца. «Письмо получил, все здорово. Крепко целую тебя. Пиши чем нуждаешься. Андреев».

28.XI. Прошел Особый отдел. Записали все подробно с выезда из Ленинграда до освобождения американцами. Подписался раз семь и приложил отпечаток указательного пальца правой руки.

3.XII. Получил письмо от отца. Спрашивает, [в] чем нуждаюсь и можно ли приехать ко мне матери.

Выдали хорошие суконные портянки.

22.XII. Сегодня нас всех плотников перевели работать на рубку леса.

Работал с двумя напарниками. Норму выполнили на 85%.

23.XII. Работали трое: Дубенков, Черненко и я. Норму выполнили на 58%.

24.XII. Норма на 110%.

25.XII. Норма на 100%.

26.XII. Норма на 95%.

27.XII. Получил из дома перевод 200 р.

30.XII, воскресенье. Работали. Норма на 92%.

31.XII. Работал до обеда в ботинках, замерзли ноги.

¹ Б. Андреев всегда интересовался радиотехникой; его работа в дальнейшем была связана с конструированием радиоаппаратуры.

1.I.[19]46 г. Новый год. В столовой поставили радиоприемник. Продавали папиросы «Беломорканал». Но я не курю.

2.I. Норму выполнили на 100%.

3.I. Нас из нашей комнаты переселили по другим комнатам, а в нашей комнате будут жить мастера. Я попал в большую комнату. Нет никакого удобства.

5.I. Отдыхали. Написал письма домой и тете Поле.

7.I. Работали вдвоем. Выполнили норму на 113%. Работа в лесу идет таким образом. До обеда один валит деревья лучковой пилой, а второй обрубает сучки и сжигает их. После обеда раскряжевываем стволы и складываем кряжи. В зависимости от того, какой попадется лес, работать или легко, или очень трудно. У осины сучков совсем мало, с таким лесом легко справляться, а вот если попадется еловый лес, где сплошные сучки, работать очень трудно. Норма же одна, от вида леса не зависит.

8.I. Работали двое. Норма 110%.

9.I. Напарник порубал себе ногу. Дали мне другого, но такого лентяя, что я работал почти один. Благодаря хорошему лесу, норму сделал 100%. Выполнявшим норму на 100% и выше дают добавочное питание и 300 г хлеба.

Погода сейчас стоит теплая. Вся одежда за день намокает. На ночь вешаю одежду в сушилку, но бывает не совсем просыхает и приходится надевать сырую.

10.I. Сегодня работал со мной другой напарник. Выполнили норму на 102%. Пробиваем в лесу новую ленту.

11.I. Выдали аванс — 20 р. и прод[овольственные] карточки. Получил от ст. мастера 1 кг хлеба. Норма 115%.

12.I. Норма 101%. Вечером было собрание. Ругали лентяев. Командир роты приказал ком[андирам] взводов лентяев наказывать голодовкой и сажать на ночь в холодную.

13.I. Выдали брезентовые бурки и рукавицы.

17.I. Работал один. Норма 127%. Получил на 3 кг 200 г дополнит[ельных] карточек на хлеб.

18.I. Работал один. Норма 125%.

19.I. Сегодня дали мне напарницу из местных жителей. Норма 100%.

20.I. Ходил в Чермоз. Подстригся и сфотографировался

21.I.[19]46 г. Чувствую себя плохо, колит в спину и грудь, болит голова, кашель, знобит.

22.I. Всю ночь бредил, то кидало в жар, то знобило. Утром фельдшерица выслушала меня. Признала гриппозное состояние. Не завтракал — нет аппетита. Даже при легком вздохе сильно колит в левую верхушку легких.

23.I. Голова болит не так сильно, но в грудь и спину продолжает колоть. Съел немного гороховой каши и 200 г хлеба. К обеду встал с кровати и оделся. Пробую ходить.

24.I. Утром начальник участка выгонял меня на работу. Пришла фельдшерица. Освобождения не дала. Тут я вспылел, когда был здоров, я работал, не думал о своем здоровье, а сейчас вы не даёте мне выздороветь, гоните на работу. Меня оставили на сегодня дома. Чувствую себя хорошо, но продолжает колоть в спину и грудь.

25.I. Сегодня я работал. Чувствую себя ничего.

27.I, воскресенье. Ходил в Чермоз за фотокарточками. Послал домой письмо с фотокарточкой.

29.I. Сегодня 15 человек стахановцев перевели в отдельную комнату. В число этих стахановцев попал и я. Вечером было кино и ужин для нас (стахановцев). Дали 400 г хлеба, 300 г водки, гуляш и винегрет.

30.I.[19]46 г. Сегодня в лесу меня чуть не придавило елью. Мой напарник валил деревья, а я обрубал сучки. Вдруг слышу крик напарника. Обернулся и вижу, что на меня падает ель. Я побежал в сторону. Но как тут убежишь по такому глубокому снегу и когда вокруг все завалено бревнами. Я успел только немного отбежать и упал между бревнами. Благодаря тому, что я лежал как бы в нише, меня только сильно ударило по бедру левой ноги.

31.I. Бедро опухло. Дали освобождение на 2 дня.

1.II. Получил письмо из дома. Послал ответ. Получил карточки на продукты: хлеба — по 600 г, мяса — 1800 на месяц, крупы — 1200 г, жиров — 400 г, сахара — 400 г.

2.II. Продлили освобождение до 4.II.

3.II. Дали по 20 р. авансу. За 300 г водки и угощение на стахановском ужине высчитали по 42 р. 95 к.

5.II. Продлили освобождение до 7.II.[19]46 г. Появилась сильная боль выше колена.

9.II. Сегодня — последний день освобождения от работ.

10.II.[19]46 г., воскресенье. Ходили в с. Романово на выборы голосовать¹. Получил из дома письмо с фотокарточками. Написал письмо домой.

11.II. Сегодня работал на валке леса. Норма — 92%.

12.II. Норма — 102%.

13.II. Работал один. Норма — 134%.

15.II. Получил письмо из деревни.

21.II. Работаю, то в лесу, то на узкоколейке — очищаю от снега дорогу.

1.III. Опять стала болеть нога. Работал при дворе, пилил дрова.

3.III. Режу на кухню дрова.

¹ Имеются в виду первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР.

6.III. Получил письмо от Павлика Станкевича¹. Теперь его фамилия Симонов. Его усыновил скульптор Василий Львович Симонов², который жил в нашем доме на Васильевском, в квартире через площадку. Послал ответ.

11.III. Работаю в лесу вдвоем. Норма 118%. Получил ватные штаны и фуфайки.

27.III. Работал один. Сложил 3 м³ дров и 11 семиметровок (6,1 кубометра).

28.III. Опять работал один. Сделал 5 м³ и 2 семиметровки. Получил посылку из дома.

7.IV. Сегодня я справлял свой день рождения. Завтра мне исполнится 21 год.

9.IV. Получил поздравительную телеграмму от Павлика по случаю дня рождения. Выдали за 67 р. ботинки.

24.IV. Что-то плохо себя чувствую. Сходил к фельдшерице. Она дала освобождение от работы на 2 дня.

26.IV. Работаю на легких работах: откидываю в лесу снег от стволов деревьев.

30.V. Взял направление к врачу в г. Чермоз. Врач прописал порошки. Сходил в кино «Последняя ночь».

1–2.V. Праздники. Читал книгу. 2-го почти весь день проспал.

7.V. Побаливает нога. Взял направление к хирургу в г. Чермоз. Сделали рентген бедра. На бедре образовался нарост. Сходил в кино. Смотрел «Зигмунд Колоссовский»³, фильм понравился. Вечером по узкоколейке приехал на участок.

15.V. Получил два письма. Одно от тети Поли, а второе от Лены⁴. Написал ответы.

19.V. Получил 6 метров мануфактуры.

¹ Павел Васильевич Симонов (по отцу Станкевич, его родители были репрессированы) — друг отца Б. Андреева детства. Занимался биологией, стал со временем академиком, переехал в Москву (его дочь, Евгения Павловна Симонова, — известная актриса).

² Василий Симонов — скульптор, воссоздавший знаменитый фонтан «Самсон» в Петродворце.

³ Героико-приключенческий фильм режиссеров С. Навроцкого и Б. Змоховского, выпущенный в 1945 году (Действие фильма разворачивается в период Великой Отечественной войны на территории оккупированной немцами Польши. Польский антифашист Зигмунд Големба, действуя решительно и исключительно дерзко, выдавая себя то за инвалида Гросса, то за барона Федручи, то за ксендза взрывает немецкие штабы, уничтожает гестаповских генералов, освобождает пленных поляков. Зигмунд становится настоящим символом народной мести оккупантам, и одно упоминание его имени приводит захватчиков в ужас).

⁴ Лена Кильк — оловяшка, угнанная в Германию в одной партии с Б. Андреевым.

24.V. Ездил в Чермоз за лекарством. Ходил в кинотеатр.
 29.V. Отдал в дер. Зелёво портной 3 м материала сшить рубашку.
 30.V. Меня в числе 10 человек перевели на Онинский участок. Вечером в поселке Одино был концерт артистов из Молотова.
 31.V. Работал в лесу на валке леса. Вечером начальник участка собрал нас у себя в конторе. Расспросил, как насчет одежды и выписал по 10 м мануфактуры на нижнее белье и бумажный верхний костюм. Обещал еще что-нибудь дать, если будем хорошо работать.
 1.VI. 46 г. Работал на погрузке вагонеток лесом.
 2.VI, воскресенье. Отдыхали. В речке удил рыбу. Послал письмо домой.
 3.VI. Работал на разгрузке вагонеток с лесом. Сбрасывали бревна и кряжи, связывали и пускали по речке.
 9.VI, воскресенье. Ходил в Зелёво узнать насчет рубашки. Еще не готова.
 12.VI. Сегодня у меня из кармана шинели вытащили кошелек со всеми карточками и 20 рублей. Утром не завтракал. Кое-как пообедал и поужинал. Начальник выписал мне 5 кг хлеба и на 10 дней жиров, крупы и на 7 дней мяса. В столовой завтрак, обед, ужин, а также хлеб выдают по карточкам, вырезают из карточек соответствующие талоны.
 15.VI. Теперь выдают за перевыполнение нормы талоны на дополнительное питание. Выдали по 3 кг хлебных карточек. Выполняем норму на 190–240%.
 16.VI. Сегодня я узнал о заработке за июнь. Я сделал 44 нормы и заработал 588 рублей. Получил письма от Николая Агеева и от мамы.
 6.VII. [19]46 г. Ходил в Чермоз к доктору узнать, как у меня дела с ногой. Назначили на рентген на 11/VII. На базаре купил брюки за 550 р. и кепку за 90 р.
 7.VII. Был вечер. Пили водку. Гуляли.
 8.VII. Перевели обратно на Пожевский уч[асток]. Работал на строительстве барakov. Замазывал глиной потолок. Послал домой письмо.
 11.VII. Ходил в Чермоз на рентген. Нога в порядке.
 12.VII. Подал директору Леспромхоза Замятину заявление об отпуске.
 14.VII. С нашего участка 5 человек уезжают домой в отпуск.
 20.VII. Ходил в с. Одино. Получил дополнительные карточки на хлеб (5,2 кг).
 23.VII. Получил за 117 р. 20 к. 6 метров зеленой хлопчатобумажной ткани на костюм и 14 метров синей и коричневой ткани на рубашки.

23.VII. Хожу работать за 6 км на 210 участок. Строим бараки.
 28.VII, воскресенье. Ходил в Чермоз. Заказал портному костюм из зеленого материала. За шитье взяли 150 р. Остальную мануфактуру продал на базаре по 45 р. за метр.
 30.VII. Выдали новые карточки и зарплату. Я получил 200 р.
 8.VIII. Ходил в Чермоз к портному. Костюм скроен. К 15 числу будут готовы брюки. Пиджак — к 18.
 10.VIII. Получил извещение о посылке.
 13.VIII. Ходил в Чермоз за посылкой. В управлении узнал, что я уже числюсь в отпуске с 20.VII. Перенесли отпуск на 20.VIII.
 17.VIII. Ходил в Чермоз к портному. Примерил пиджак. К 23.VIII. будет готов. Отдал в Зелёво шить рубашку.
 19.VIII. Завтра пойду в Чермоз за паспортом и отпуском.
 20.VIII. Получил паспорт. С сегодняшнего дня нахожусь в отпуске.
 21.VIII. Сходил в Зелёво за рубашкой.
 23.VIII. 1946 г. Сходил в Чермоз за костюмом.
 Завтра уезжаю домой — в Ленинград¹.

¹ Из отпуска Б. Андреев на Урал уже не вернулся. Стараниями старшей сестры ему было разрешено остаться в Ленинграде.

Послесловие

На память о гитлеровских шахтах и сталинском лесоповале

Дневник Бориса Андреева уникален уже своим временным четырехгодовичным размахом: начатый в апреле 1942 года, он был закончен в августе 1946 года. Писал он не каждый день, иногда неделями пропускал, но интересно, что чаще всего и больше всего он писал по воскресеньям — в свой единственный выходной день.

Записи немногословны, но весьма скрупулезны, пестрят цифрами. Часто в них встретишь и рейхсмарки, и рубли, и граммы рациона, и проценты выработки.

Что на чужбине, что дома работа ему выпадала, в основном, классическая по своей тяжести — угольные шахты в германо-французской Лотарингии, лесоповал в Пфальцских горах и лесоповал в Приуралье.

О самом авторе дневника известно только то небольшое, что сообщил его сын Юрий. Борис Александрович Андреев родился 8 апреля 1925 года в Ленинграде, на Васильевском острове. Отец был рабочим, мать работала в детском саду. И отец, и мать, и старшая сестра Аня пережили блокаду. Дед даже воевал на Сивинских болотах, был ранен и в результате ранения к концу жизни потерял ногу.

Сам Борис незадолго до войны поступил в летную школу, где и проучился год. Летом же, на каникулы он поехал в небольшую деревушку Толошницы в Плюсском (в то время — Струго-Красненском) районе Псковской области, практически на границе Псковской и Ленинградской областей. Там жила тетя Поля, мамина сестра (она упоминается в дневнике). Во время войны деревня была полностью сожжена. Из этой деревни его, вместе с другими подростками, и угнали в Германию.

После возвращения в Ленинград Борис закончил школу рабочей молодежи (ему оставалось еще два класса) и электромеханический техникум. После чего устроился на завод (сейчас это завод «Магнетон», но в то время у завода был только номер почтового ящика) в конструкторский отдел, стал инженером и проработал там всю жизнь, уйдя на пенсию в 1989 году. Работу свою он очень любил, был автором ряда рационализаторских предложений и изобретений.

Отпуск, как правило, проводил в деревне, все в той же самой — в Псковской области, у той же самой тети Поли. Причем несколько лет подряд ездил туда на мопеде, а это худо-бедно —

230 км. Любил ловить рыбу, собирать грибы. В то время, когда в деревне не было еще электричества, построил там ветряк, освещавший избу. В кладовке устроил фотолабораторию (фотографии 1940–1960-х годов, сделанные отцом в деревне, хранятся у многих жителей Толошниц).

После выхода на пенсию строил зимой планы на лето, рисовал схемки и чертежи своих летних работ в деревне. А летом старался все свои планы воплотить в жизнь, если позволяло здоровье. Желание и навыки работы своими руками он прививал внукам, восстанавливал с ними тот самый мопед, учил их на нем ездить.

Был, правда, несколько замкнутым, шумных компаний не любил. Даже на пенсии, даже когда нездоровилось, он не сидел без дела. Практически все в и в городской квартире, и в сельском доме было сделано его руками. Увлекался фотографией, обзавелся кинокамерой и магнитофоном. Очень ему помогала жена Софья Михайловна, взяв на себя все бытовые хлопоты и заботливо ухаживая во время болезней.

Умер Борис Александрович 24 февраля в високосном 2000 году в больнице, на руках у жены, немного не дотянув до своего 75-летия.

Свой «германский дневник» Борис Андреев скрывал тщательно и от всех. Все близкие, правда, о его существовании знали, но он никогда и никому его не показывал. Сам же он к нему возвращался и, ввиду ветхости оригинала, однажды даже переписал дневник, внося в него незначительные изменения.

Такую секретность можно понять, — ведь в дневнике описаны не самые приятные годы жизни автора. Да и напоминать о них даже самому себе лишний раз не хотелось. А может, отношение государства после войны к тем, кто побывал в плену или был угнан в Германию, заставляло говорить об этом периоде жизни с осторожностью?

Или — молчать: сын почти никогда и ничего не слышал от отца о времени, проведенном в Германии и на лесозаготовках после войны.

Между тем отцовский дневник содержит совершенно уникальную информацию о принудительном труде как в Германии, так и в СССР. Начатый 27 апреля 1942 года — в первый день депортации в Германию, он заканчивается 23 августа 1946 года — началом отпуска в Ленинград, из которого автор уже не вернулся на свой уральский лесоповал.

Павел Полян

НЕКОТОРЫЕ НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ О СОВЕТСКОМ И НЕМЕЦКОМ ФАШИСТСКИХ РЕЖИМАХ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ СОБСТВЕННОГО ОПЫТА (1945–1955 гг.)

(Публикация Н. Поболя)

Последнее время я все чаще удивляюсь: почему я до сих пор жив? Если даже в ближайшее время умру, то скажут: умер на 76-м году жизни. Это много для нашего поколения, особенно для тех, кто в сталинские времена «схлопотал» «червонец», тем более для тех, кто до того часть войны (перед войной мне исполнилось 15 лет) провел в немецких лагерях.

Надо бы радоваться и благодарить Бога за продление жизни. Благодарить можно и нужно, но радость бывает редко. Возможно, потому, что в организме почти нет относительно здоровых мест.

На комиссии ВТЭК¹ ответил врачу: «Не жалуюсь только на левое ухо, так как оно не болит и, кажется, хорошо слышит». Вторую группу я получил (мог бы получить ее много лет назад), но зачем мне она? Не знаю.

Так, к вопросу о коммунистах и фашистах, то есть о тоталитаризме... Некоторый опыт у меня есть. Когда в 1955 году я вышел в телогрейке и кирзовых сапогах (купил на последние перед освобождением) из ворот лагеря (совсем как Шукшин в «Калине красной», только кругом была степь, а не вода, как в фильме), мне еще не исполнилось 30 лет. Половину из них провел в тюрьмах, лагерях, больницах и госпиталях...

Впрочем, о болезнях сейчас вспоминать не стоит, хотя годы, проведенные на больничных койках, были не легче лагерных.

Да, вышел я из этого последнего (а последнего ли?) лагеря очень сухощавым, беззубым и лысым. А за 10 лет до того в апреле [19]45 года выходил из немецкого лагеря совсем доходягой,

¹ Врачебно-техническая экспертная комиссия. Определяла нанесенный ущерб здоровью и устанавливала инвалидность и ее степени.

но менее беззубым, да и волосы вскоре отрасли и была хорошая прическа.

А до того? Октябрь [19]41-го года. Иду по поселку. Хватают немцы и говорят: «Ду бист юде! Комм мит» (в эти дни начали расстреливать евреев). Я говорю: «Нет!», а они — «Иа!» и начинают меня тащить куда-то. Случайно спасся: помогли проходившие мимо женщины, знавшие меня. Они подняли крик, что я русский. Немцы почему-то опешили и отпустили меня, но предварительно сняли галоши, и я остался в рваных дедовских сапогах. После этого я старался выходить из дома как можно реже. Это помогло, но ненадолго.

В [19]43 году многих, в том числе и меня, схватили и увезли... Лагеря, холод и дикий голод. Однажды досталась буханка солдатского хлеба. Но радость продолжалась недолго: из разломанной буханки посыпалась зеленая труха. После очистки осталось грамм 100 корок. И то хорошо.

Лагеря, колючка, эшелоны. В одном из них заболел сыпняком. Был в беспамятстве. Когда очнулся, то увидел, что лежу на чистой кровати, а около меня стоит немолодая женщина в странном огромном белом чепце. Оказывается, это монашка, и нахожусь я в больнице в Ужгороде, то есть в Венгрии. К русским там относились хорошо. Однако, через месяц, едва я вышел, пошатываясь, из больницы в надежде где-нибудь приткнуться, меня опять схватили немцы. Сборный пункт, куда доставляли всех бродяг без документов.

Потом опять привычный эшелон и лагерь Штрасхо в предместье Вены, потом другой — западной Вены.

Баракы, колючая проволока. Из лагеря — прямой вход через ворота в рабочую зону, на фабрику по производству искусственного волокна.

Работали по 12 часов в две смены. Воскресенье — выходной. Ждем этого дня, так как он счастливый: выдают столовую ложку патоки и около 20 г маргарина.

В остальные дни ложку патоки и около 300 г хлеба и черпак подсоленной горячей воды. Сверху плавают черви. Такие небольшие, беленькие. Если их слить с большей частью воды, то на дне останется столовая ложка мягких мелких комочков, а если повеет, то и больше будет — 2 ложки. Если сходить на кухню еще раз, то могут дать еще один черпак, но могут и не дать.

Как мы жили и выжили — не знаю. Каждый жил и спасался, как может. Среди ребят в нашем бараке было много деревенских парней с Украины с 5–6 классами образования. Помню фамилии: Гуманюк, Гупалюк. Были они молчаливы и как-то поддерживали свою хохляцкую общность. Работали они добросовестно, а по вечерам потихоньку пели хором песни типа «Взвейся, знамя коммунизма, над землей трудящихся масс».

Немцы били за любую провинность и без нее, но это реже. Говорили, что за несколько месяцев до того, как я попал в этот лагерь, били чаще и больней (мне всю жизнь везло). Тогда их армия еще держалась на востоке, а при мне уже начала явно отступать.

А вообще это необычное поначалу ощущение: приходишь в сознание, лежа на земле. А перед этим шел и думал (как правило, о еде) и не заметил полица или самого лагерфюрера. А он заметил что-то и врезал по физиономии. Потом слышишь удовлетворенное: «Ауф, ферфлюхте шайзе!»¹ Встаешь. Просто на этот раз твоя физиономия подвернулась под горячую руку.

Совсем плохо, если действительно провинился, т.е., как правило, что-нибудь украл. При этом не важно, что и сколько. Наказание неотвратимо: 3 или 6 месяцев штрафлагеря Санкт-Валентин (он самый близкий). После 3-х месяцев, как правило, возвращаются полуживыми, после шести — возвратившихся не было (один кусочек хлеба и кружка воды в день, плюс ежедневные побои на вечернем и утреннем построении. Работа на танкодроме или выпалывают вручную траву на плаце, но последнее — редко).

Одежда моя состояла из суконных брюк и куртки (они же — спецодежда, так как работали в цехах, где применялись крепкие кислоты), а также клеенчатых ботинок на деревянной подошве. Привык. Но труднее было с брюками (без трусов): сукно было очень грубое и жесткое. Это было в г. Санкт-Пельтене [....]

После освобождения взвесился на бесхозных весах в городском сквере. Оказалось 48 кг. Если вычесть куртку, брюки и ботинки, то останется не более 44 кг. Это при росте 178 см. Сейчас мой вес на 30 кг больше, и никто не считает меня толстяком.

Жили в немецких лагерях с надеждой на скорое освобождение. Она заменяет недостающие калории и витамины. Правда, к концу войны я недосчитался многих зубов, и не все они были выбиты.

Что же касается немцев или австрийцев, то на то они и немцы, то есть враги и очень опасные, и жизнь наша была полностью в их руках. Хорошо, что не убили до конца.

Научился жить в экстремальных условиях. Конечно, кому-то приходилось гораздо хуже. Я это видел, но Бог уберег. Именно уберег, ибо причин попасть туда, откуда не возвращаются, было достаточно.

Когда же летом 1945 года, пройдя на удивление легко госпроверку, я вернулся домой и узнал, что отец и мать живы и еще служат в армии, я думал, что впереди меня ждет достаточно долгая и счастливая жизнь и лагерный опыт не пригодится.

¹ «Встать, дерьмо проклятое» (нем.)

Поначалу все складывалось хорошо: закончил школу (с золотой медалью), поступил в институт, на 3-м курсе женился, и через несколько месяцев жена шепнула: «Знаешь, я, кажется беременна».

На следующий день в перерыве между лекциями меня арестовали. Это было оглушительно и казалось нереальным. Первые часы в подвале здания МГБ. Стены, пол, потолок — больше ничего. Правда, еще железная дверь с глазком. Так началась моя советская неволя.

Я знал, что ни в чем не виноват (многие, наверное, миллионы так думали в первые часы после ареста). Однако через 2 месяца следователь Иван Ануфриев до конца втолковал мне, что я антисоветский агитатор и меня будут судить справедливым советским судом, который может смиростивиться и дать «не на полную катушку».

Суд (потом) действительно «смиростивился» и дал, хотя и на полную (10 лет) и 3 года «по рогам» (лишение избирательных прав), но не дал «по ногам», то есть ссылку после отбытия срока, а мог и дать.

Какая же разница между немцами и бериевцами?

Там — враги (об этом я уже писал выше) и воспринимаешь все спокойней. Здесь — «свои» неожиданно схватили, держат в тюрьме, да еще срок дали такой, что поначалу кажется, что все, жизни больше не увижу. Правда, к моему удивлению, не бьют (за решеткой конец 1950 года, а не 1937 г.), однако, некоторых явно бьют (из соседних кабинетов грохот и крики).

Допросы, допросы. Днем и ночью. После ночного допроса не успеваешь лечь, как объявляют подъем. Значит до 10 вечера нельзя не только лечь, но и закрыть глаза или облокотиться о стенку.

В ушах одни и те же слова: «Признавайся, мы все знаем; у нас целый том свидетельских показаний о твоей преступной деятельности». Один следователь ночью сменяет другого (надо же следователю отдохнуть).

Ночь сливается с днем. Сколько суток это длится — теряешь счет. Угрожают, что если не сознаюсь, то плохо придется жене и матери. Это уже удар ниже пояса. Что с родными, не знаю. Наконец неожиданно следователь небрежно дает маленький клочок бумаги и говорит: «Можешь написать на ней же ответ, но одной фразой и ничего лишнего». Эта записка от Тани «Я беременна. Что мне делать?» Следователь торопит: «Пиши скорей». Пишу: «Поступай, как считаешь нужным. Я здоров». В голове свинец. Зачем она так пишет? Я не жду от нее подвига, но все же...

Потом (через несколько лет, когда она приехала ко мне на свидание, я знал, что она не бросила меня и что у нас растет сын,

и что он уже пошел в детский сад), она объяснила свою записку: «Мне нужно было убедиться, что ты жив и больше ничего. Аборт я в любом случае не стала бы делать, но на меня давили, и я сказала, что могу принять решение после того, как узнаю мнение мужа». Она была с очень твердым характером, но с хрупким здоровьем. Поэтому и умерла, не дожив до 50 лет, а я до сих пор жив. Много раз мне приходила мысль, что справедливее было бы наоборот...

Потом был суд. Жалкие свидетели — бывшие товарищи по курсу. Один плакал, ничего не сказал (Суслов, говорят, что он недавно умер), на другого орал прокурор, прочие уныло подтверждали свои предварительные показания. После суда на лестничной клетке впервые после ареста увидел Таню и маму, но остановиться и поговорить не дали.

Всего в тюрьмах я провел полгода. Незадолго до этапа дали короткое свидание с мамой, Таней и бабушкой. Между нами была решетка и металлическая сетка. Потом я еще раз увидел Таню. Ей удалось узнать, когда пойдет наш этап. Она бегала вдоль вагонов и искала меня, кричала. Часовые кричали на нее. Когда она увидела меня в маленьком окошечке товарного вагона, то распахнула пальто и показала на свой живот (она была на 7-м месяце). Голос ее срывался, по щекам текли слезы, но она улыбалась. Часовые угрожающе размахивали винтовками, кричали. Аспирантка, член партии, а ранее — сталинская стипендиатка, она знала, что рискует не только карьерой, но может быть и свободой. Через 1–2 минуты ее прогнали. Разве это можно забыть и простить?

Потом был лагерь в башкирских степях. Он отличался от немецкого. В «нашем» — сплошной забор высотой не менее 4 метров и две запретки с колючкой. Через каждые 100 метров — вышки с пулеметами. Мы, оказывается, «фашисты» и наши бараки внутри лагеря находятся за дополнительным забором с колючей проволокой.

Однако кормежка не в пример немецкой: хлеба хватает, да еще раз или два в день дают половник густой овсяной или ячменной размазни со следами растительного масла. Был случай, что целый месяц кормили соленой кетой, правда, хорошо подтухшей, но зато без червей, как у немцев. К тому же из дома разрешены посылки и письма раз в месяц. Вот по дороге движется плотная серая масса — это нас гонят на работу. По бокам, спереди и сзади — десятки охранников с винтовками в руках. Сзади еще дополнительно пара злобных овчарок: подгонять отставших инвалидов.

А когда был в немецком лагере, но не в Австрии, в Германии на окраине г. Хагена на берегу реки Рур, то охрана была жиже и

сзади иногда никого. Этим я и воспользовался в одно прекрасное темное зимнее утро: незаметно отстал от колонны и по данному мне в лагере адресу, где работавшие в конторе русские девушки помогли, я буквально через час получил документы, с которыми самостоятельно поехал в Австрию, в свой «родной» лагерь. Был декабрь 1944 года, и восточный фронт приближался к границам Австрии, или как ее называли немцы — Остмарк. Мне хотелось скорее в Россию, а не пропадать под американской бомбежкой в западной Германии.

Из «нашего» советского лагеря, конечно, тоже иногда бежали, используя самые неожиданные способы. Но ловили, и довольно быстро, всех. Пойманных живьем или трупы убитых обязательно привозили в лагерь и выставляли на центральной аллее на всеобщее обозрение без комментариев с обеих сторон.

Немцы нас презирали и считали, что мы — скот бессмысленный, чем иногда можно было воспользоваться. Другое дело у нас: с одной стороны находится весь советский народ и его олицетворение — зоркие и доблестные «воины-конвойники» (так их официально называли), с другой — мы, то есть жалкие отщепенцы, коварные враги народа, с которых нельзя спускать глаза — глядишь, убегут и обязательно что-нибудь взорвут или хотя бы скажут злобное слово против отца народа.

У «нас» работали по 9 часов плюс 3 часа на построение, пересчет и прогон туда — обратно. Получаются те же 12 часов, что у немцев. И там и тут после работы валишься без сил на нары. Однако у немцев клопов не было.

Да, разница была. Если взять гражданина майора Бекетова — начальника лагеря и герра лагерфюрера Фальтнера, то разница такая была: Фальтнер был рыжий очень, а Бекетов — блондин с проседью. А характер один — волчий, и даже стать одинаковая: оба плотные, невысокие, лет под 45. Один бил неожиданно и без промаха, другой принимал неожиданные для заключенных решения. Так, меня однажды загнал в штрафную бригаду за то, что я не выполнил законное требование надзирателя.

Конечно, я ненавидел Сталина с довоенных времен. Это было естественно, так как большинство моих родственников еще тогда были сосланы, арестованы, а некоторые — расстреляны. Тогда я решил, что во всем виноват Сталин. С ним у меня всю жизнь были как бы личные счеты. Что же касается так называемой советской власти, то ее я воспринимал до ареста неоднозначно. Очевидно, сказывалась тотальная пропаганда при железном занавесе.

Только в тюрьме я окончательно осознал, что Сталин и советская власть — кровные, вернее кровавые близнецы-братья, предатели народа, поэтому и заключение переносил очень тяжело. Жизнь в советских лагерях (послевоенных) в первую очередь была

морально невыносимой. Хорошая часть моего здоровья осталась за колючей башкирской проволокой и в тюрьмах.

Что же спасло? Не столько посылки (хотя и они тоже, так как в течение многих лет на одном хлебе и ячменной каше здоровье не сохранишь), сколько моральная поддержка семьи, а также друзей, которых я обрел в лагере. Среди них, в основном, были бывшие студенты и, конечно, незабвенный мой друг — талантливый художник Ваня Выходцев, несколько лет назад скончавшийся во Владикавказе.

Ваня имел то, чем в лагере обладала только верхушка «придурков» (начальники колонн, нарядчики и т.п.) — он имел комнату, в которой работал и жил. У него мы проводили все свободное от работы и сна время. К нему мы тащили всю еду, которую получали из дома, и обсуждали часами все лагерные и прочие проблемы, не боясь, что нас подслушают и донесут. У него мы отводили душу. А потом возвращались в свои вонючие полутемные бараки, где на 100 м около сотни грязных и распаренных тел ворочались во сне, скрежетали зубами, вскрикивали, кусаемые полчищами элитных клопов. Воздух был насыщен сероводородом.

Так я жил больше 5 лет. Как после этого сравнивать немецкие и советские лагеря (по крайней мере, те, в которых был я)?

Какой режим (советский или фашистский) хуже? На этот вопрос я не могу дать однозначный ответ. Оба — кошмар. Не дай Бог, чтобы они в любом варианте повторились.

Однако до сих пор я часто просыпаюсь в холодном поту, и при этом снятся аресты, допросы, наши «родные» тюрьмы и лагеря, но в десятках вариантов и при этом часто я уже не я, а кто-то другой, хотя с тех пор прошло больше 46 лет. «Прелести» немецких лагерей не снятся никогда. Но это, очевидно, специфика моей психики, чем еще объяснить?

28.01.[19]98 г. Москва

Худяков Валерий Леонтьевич

P.S. Немного о своей биографии:

Родился в 1926 г. в г. Владивостоке в семье служащих. Предки — представители всех сословий: дворяне, купцы, мещане. Крестьян не было. Зато были священнослужители. Из-за дворянского происхождения отец вплоть до начала войны подвергался дискриминации, постоянно находился под угрозой ареста. На войне было то же: в конце 1945 года капитан Худяков Леонтий Степанович вернулся с двумя правительственными наградами: медали «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией». Прелестно!

Мама всю войну работала в эвакогоспитале хирургической медсестрой — лейтенант медицинской службы. Оба умерли в 1970 году на 68-м году жизни.

В детстве я много болел и не один год провел на больничной койке. Потом жили в г. Минске (1935–1938), г. Иванове, откуда я за неделю до войны поехал на каникулы к бабушке в поселок под г. Брянском.

Октябрь 1941 года — оккупация. 1943 год — начало «одиссеи», когда немцы погнали нас на запад. Июль 1945 года — возвращение домой в г. Иваново. В 1947 году — окончил школу с золотой медалью. 1947–1950 гг. — учеба в химико-технологическом институте. Апрель 1950 г. — женитьба на аспирантке медицинского института Саловой Татьяне Александровне.

Октябрь 1950 — декабрь 1955 г. — арест, суд по ст. 58 10 Уголовного Кодекса РСФСР, лагеря в Башкирии, реабилитация и возвращение домой.

1956–1958 гг. продолжение учебы в институте, окончание его с «красным» дипломом. Сыновья: Алексей и Лев (1951 г. и 1957 г.). Оба стали врачами. Старший сейчас заканчивает докторскую диссертацию. 1958–1978 гг. — работа на текстильных фабриках, СКБ и НИИ в г. Иваново. Июль 1975 г. — смерть жены; 1977 г. женитьба на Кириченко Светлане Георгиевне, работавшей в свое время с Таней на одной кафедре медицинского института. Переезд к ней в Москву. 1978–1988 г. — работа на Московской ситценабивной фабрике в качестве начальника технического отдела. 1988 год — выход на пенсию.

Вплоть до начала так называемой Перестройки ощущал «ненавязчивое» внимание к своей персоне «товарищей»-чекистов (как и отец, не получал продвижения по службе, не имел правительственных наград: все тормозилось в спецотделах организаций, где работал с 1958 по 1988 гг.)

С 1989 г. по 1998 г. довольно активно занимался общественной работой по линии бывших политических заключенных. Последние 3–4 года с горечью наблюдаю несчастья моей многострадальной [страны].

Январь 2002 г.

В.Х.

Послесловие

Не сразу и поймешь, что автор был оstarбайтером: когда его угнали из бабушкиной деревни (поселок Навля в Брянской области) в Германию, было ему 17 лет. Легкость фильтрации в 1945 году была, однако, обманчивой и коварной: в 1950 году его арестовали, приговорили к 10 годам, а отсидеть заставили 5 лет.

Особая ценность этих заметок — в размышлениях автора о том, где, в каких лагерях, «лучше и веселей» — в гитлеровских или сталинских. Автор знает, о чем говорит, и, сравнивая, — старается быть спокойным и объективным. Вывод, к которому он пришел, конечно, не является ответом на поставленный вопрос: «Оба — кошмар. Не дай Бог, чтобы они в любом варианте повторились».

Но он является вместе с тем и чем-то большим, чем ответ: закливанием, молитвой, надеждой.

Текст печатается по авторизованной машинописи в архиве П.М. Поляна. Благодарю А.В. Волинского, познакомившего меня с автором.

Павел Полян

Часть вторая Военнопленные

«ГОД, КОТОРЫЙ, НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, МОЖНО БЫЛО БЫ ВЫЧЕРКНУТЬ ИЗ ЖИЗНИ...»

**Дневник военнопленного,
извлеченный из его могилы**

(26 июня 1941 г. — 5 сентября 1942 г.)

(Публикация П. Поляна и Н. Поболя.

Примечания и послесловие П. Поляна)

Марийская АССР, Юринский р-н, Юринское п/отделение, Липовский с/совет, дер. Горшасино. Галибин Анатолий Иванович.

26.VI.1941 г. Выехал из дома, из райвоенкомата и в 10 часов вечера сел на пароход.

27.VI.1941 г. В Чебоксарах произвели посадку в вагоны и помчались по направлению к Москве.

29.VI.1941 г. Приехал в Москву, водили в столовую кушать и ночью помчались дальше в северные края, где неизвестно, что меня ожидает; едем весело с песнями.

2.VII.1941 г. Приехал в Медвежьегорск утром, и разместились в военном городке во временном лагере 113 Формировочного полка.

17.VII.1941 г. Выехал на фронт. 40 человек на автомашинах. Настроение у ребят приподнятое. Но я чувствую себя спокойно, даже весело. Поживем, увидим.

18.VII.1941 г. Прибыл на фронт, на самую передовую линию фронта, но ввиду нехватки винтовок 15 человек направили километров за 5 в тыл к штабу, где, получив винтовки, получили приказ вернуться опять на передовую. Время 11 часов вечера. Итак, начинается.

19.VII.1941 г. До 12 часов занимали оборону. Потом делали отступление. Наш взвод противник обстрелял из орудий, но все обошлось благополучно. Ни одного убитого. Вечером на пути встретилось большое озеро, которое решили переплыть, что удалось с большим трудом. Ночевали в лесу. Ночью ходил в разведку.

20.VII.1941 г. К 12 часам дня вышли из окружения. Покушали и пошли занимать новую оборону. Ночью финны делали наступление, но отогнали их, не понеся потерь.

21–22.VII.1941 г. С утра началась перестрелка. Лес кругом горит. Вероятно, финны решили под прикрытием огня и дыма делать наступление. Но потом произошло что-то невообразимое. Стрельба усилилась, но не в нашу сторону, и слышались голоса удаляющихся финнов. Наш взвод назначен в разведку. Выяснилось, что нам на выручку пришел 15 Мотострелковый полк, который и вывел нас из создавшегося положения. Во время разведки из отделения убили Курбанова. Бедный, как ему не хотелось идти, вероятно, предчувствовало его сердце. Убит двумя разрывными пулями.

24.VII.1941 г. Нас зачислили во вновь прибывший полк, с которым отошли на более выгодную позицию, где и заняли новую оборону. По Поросозерскому направлению¹, адрес: 475 Полевая станция, 15 мотострелков. Краснознаменный полк войск НКВД 1-й батальон, 2-я рота, 1 взв. ком. полка Каретин, ком. взв. Шорохов.

15.VIII.1941 г. Живется хорошо. Питание лучше нечего и желать, хотя перестрелка бывает каждый день, но серьезных потерь нет, поэтому есть разнообразие в проведении времени. Ходил в баню. Получил из дому письмо — первое за время отъезда (жена пишет, что чувствует ее сердце, что нам не встретиться больше в жизни, но это пустяки).

20.VIII.1941 г. Во время ночной перестрелки ранен из н[аше-го] отделения боец [...]. Горьковской области, Лысцовский район, дер. Высокая Гора. Послал жене открытку и деньги.

25.VIII.1941 г. В 11 час. ночи получили приказ отходить. Всю ночь были в дороге к Поросозеру.

26.VIII.1941 г. Попали в Поросозеро, где сделали остановку. К вечеру получили кашу и с наступлением темноты тронулись на Петрозаводское направление. По дороге нас нагнала колонна автомашин, на которых мы тронулись дальше. Но только отъехали, как над нами появились вражеские самолеты. Пришлось разбегаться по обочинам дорог. Но все обошлось благополучно. Ночью ходил в дозор.

27.VIII.1941 г. [...].

28–29.VIII.1941 г. Утром вышли к какому-то населенному пункту, получили сухой паек, по 1/2 килограмма хлеба, банку консервов, 1 коробку галет. Закусили и тронулись дальше по колени в воде и болоте. 29-го встретили партизан, которые и вывели нас

¹ Само Поросозеро находится в южной части Западно-Карельской возвышенности.

в деревню. Мокрые, голодные, а ночь холодная. Огня разводить нельзя. Все члены деревенеют. Положение не из приятных. Придется ночевать на улице. Утром наше отделение вышло в дозор на окраину деревни. Решили накопать картофеля и закусить в амбаре, покинутом хозяевами. Нашли пшена, понабрали в запас. Но только успели закусить, как получили приказ выступить.

2.IX.1941 г. Прибыли на Петрозаводское шоссе. К вечеру подошли к месту боя, в 65 километрах от Петрозаводска к месту стоянки наших частей. Сделали остановку в ожидании продуктов питания, так как голод дает себя чувствовать по-настоящему. [...] Тут же открыли перевязочный пункт. Раненые прибывают то и дело, но из-за леса боя не видать. Только далеко по перестрелкам. Только успели покушать приготовленную кашу, как один за другим стали сыпаться снаряды на наше месторасположение.

Приказ наступать!

Пошли развернутым фронтом, но тут получили сведения, что враг окружает. Заняли оборону, где и провели всю ночь, отстреливаясь. Жертвы с обеих сторон.

3.IX.1941 г. Утром стали отступать, но путь оказался отрезанным. Заняли сопку, где приказано укрепляться, копать окопы. Бой разгорается все сильнее, и чаще требуется заменять выбывших бойцов. Снаряды, мины так и посыпают, а мы лежим с одними винтовками. Кругом товарищи выбывают.

4.IX.1941 г. Утро. Неприятель ведет себя сильнее и сильнее. Засыпает нас из пулеметов и минометов, а мы лежим без патрон. Все имеющиеся остатки патрон собрали для пулеметов. Лежу с двумя гранатами, которые храню на последний случай. По винтовке моей дали очередь из пулемета и раздробили все ложе. Без патронов и без винтовки лежу в своем окопе, как истукан, ни о чем не думая. Только [...] на время мысли отступают [...] меня не будет, а дождь моросит, как из сита, не переставая [...] Что все оставшиеся решили идти на прорыв. Собрали [...] рассыпались кто куда, оставив раненых на произвол. Все шло благополучно, но вдруг одна за другой упали три гранаты. Меня сшибло воздухом. Подполз под корягу. Ощупываю себя — все в порядке. Оказалось — натолкнулись на оборону [...] — метров за десять стреляли из автоматов и пулеметов, а я лежу в воде не шевелясь. Ну, вот [...].

5.IX.1941 г. Рассветало. Стрельба утихла, а я лежу в воде, все члены одеревенели. Решил встать, но только стал подниматься, как раздались голоса: руки вверх. Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед родиной. Сдался в плен. Будет [...]. Окружили со всех сторон, кто выворачивает карманы, кто снимает звездочки, повели по своей обороне. Привели в палатку, дали пряничных [...] галет. Но, несмотря на голод, я кушать не мог. У па-

латки оказалось еще 6 человек наших. Вышли на дорогу, посадили на машины и поехали. Кругом трупы и следы разрушений. Приехали на командный пункт. Оказались здесь командир полка Каретин, раненый в бедро и ст. политрук. Пока нас допрашивали, пленных все ведут и ведут. Потом дали нам покушать ржаной болтушки и чаю. Финны подходят и смотрят на нас, и каждый угощает куревом. Наших собралось пленных более 100 человек. Нас выстроили и повели. Дорогой расстреляли одного политрука. Повели на стоянку в деревню Семозеро.

6.IX.1941 г. На утро просыпаюсь с неприятным ощущением. Все члены болят. Ноги распухли, невозможно шагать. К 12 часам нас накормили баландой из отруби. Дали 200 (?) галет [...]. К вечеру привели 30 новых [...].

11.IX.1941 г. Все эти дни ходили на работу в поле, косить хлеб, оставленный колхозами, но сегодня на новом [...], а к 12 часам повели на станцию, посадили в вагоны и еду в Финляндию, на встречу неизвестности.

23.IX.1941 г. Прибыли во 2 пересылочный [...] 8 барачников из бумаги. В них 4-ярусные нары. Поместили 250 человек, один на другом, как сельди [...] от холода. С питанием еще хуже — утром 0,25 литра остывшей воды и соли 0,005 грамма. В обед 0,5 литра баланды и 0,05 кг¹ хлеба. Вечером — 0,5 супа и 0,05 хлеба, так что все [...].

30.IX.1941 г. Итак, в таких условиях прожил 17 дней. Существенных изменений никаких. Ходим работать [...]. 5 человек померли и одного расстреляли «за побег».

1.X.1941 г. Наконец дождались очереди на отправку в рабочие лагеря. 100 человек снабдили, но как без продуктов на работу и в пути.

3.X.1941 г. Приехали в город Раума на берегу Ботнического залива. Встретили очень хорошо. Накормили досыта и приступили к работе. Обносим колючей проволокой помещение, где мы будем. Помещение [...], кругом чисто и все покрашено.

23.X.1941 г. Все это время работали на погрузке и выгрузке пароходов по 10–12 часов в сутки, но сегодня выстроили всех, отобрали 50 человек и повели со всеми вещами, погрузили в транспорт и пароходом повезли по заливу.

28.XI.1941 г. Наконец вернулись обратно в Раума. Все это время [...]. Мы всегда находились в полуголодном состоянии, используя в пищу все, что находили доступным, — где грибы, где ягоды.

27.I.1942 г. Обратно весь период находился в Рауме, работали в порту. Отношение охраны значительно ухудшилось, так как на почве недоедания все пленные ведут себя бесцеремонно,

¹ В машинописи ошибочно проставлено «гр.».

борясь за свое существование, кто как может — где попросят, а где и украдут. Все помойки посещаются ежедневно, несмотря на запрет. Но на сегодня закончили в Рауме [...].

28.I.1942 г. К вечеру прибыли в новый лагерь [...]. По случаю [...] получили по куску галет, закусили в сухоматку и стали устраиваться спать на 3-ярусных нарах, спали чуть ли не друг на дружке [...] — но и то всем места не хватило. На утро готовили к отъезду. Выдали по 2 куска галет [...].

29.I.1942 г. Вечером пришли в Ахос¹ [...], пересели в машину и поехали [...]. Отобрали все мешки, оставив самое необходимое — одну пару белья [...]. Простился с [...] Нади, с которым [...].

30.I.1942 г. Познакомился с обстановкой и бытом нового местожительства, куда забросила судьба. Лагерь называется изолятор, т[о] е[сть] люди, подлежащие изоляции с этого света в полном смысле этого слова из состава военнопленных, состоит из политруков и командного состава, превышающем в большинстве, рядовых же — незначительный процент. В бараке по сравнению с другими лагерями значительно чище, но все же вошь и клоп гуляют в открытую. Спят на жестких деревянных койках, на голых досках. Стража находится в коридоре. На волю выпускают на полчаса в сутки для того, чтобы пройти по тропинке вокруг [...] барака от 8 до 12 кругов, причем делается до 1700 шагов. Питание состоит из следующего меню: хлеба выдается 150 грамм в сутки, один раз на весь день, причем и он не чистый, а суррогат. Утром в 11 часов — 1 литр супа, если только можно так назвать, потому что он готовится из мерзлого, нечищенного картофеля и без соли и вечером — 1 литр баланды из ржаной отруби, причем густоты 2–3 ложки и без соли. Вот и все, чем поддерживается дух пленных, да 1 кусочек сахару рафинаду.

5.II.1942 г. Да, такое питание за 7 дней дает о себе знать. И [...] вообще такая слабость, что чуть-чуть ворочаешься.

10.II.1942 г. В интересном существовании прожил полмесяца, не проходит ни одного дня, чтобы 1–2–3-х товарищей не отравили в «Могилевскую».

20.II.1942 г. Царит полный произвол. Запретили пользоваться уже белым светом. За сутки на окнах открываются ставни на 2 часа, а остальные 22 часа сидим при еле мигающем свете. Причитающиеся продукты полностью не получаем.

3.III.1942 г. Из 8 товарищей, поехавших со мной, осталось 3-е. 5 человек уже померли. Сегодня в 3 часа дня помер Чернов Андрей Николаевич. Адрес: Горьковская обл., Лысковский р-н, с/с Чернуха, дер. Аблонка. Жена — Чернова Анна Михайловна. Про-

¹ В машинописи стоит Ахос с вопросительным знаком, но можно предположить, что это Або.

сил сообщить, но, пожалуй, не придется, т.к. сам кандидат в могилу. Да и жить-то братцы хочется, но жизнь-то не мила.

10.III.1942 г. Появилась голодная опухоль. Опухли ноги и лицо. Обращался к доктору, говорит: «Живи за счет собственной энергии», т.е. больше лежи, но лежать на голых досках тоже не сладко. На боках появились пролежни.

15.III.1942 г. Положение немного улучшается [...] Начальство лагеря стало относиться более снисходительно. Хлеб несколько [...] Обменяли нижнее белье, которое носил в течение 8 месяцев, полученное еще на фронте.

30.III.1942 г. Смертность все увеличивается. Помирают один за другим. Начальство лагеря решило, наконец, что-то предпринять. Отводят отдельный барак, где будут помещены больные и «доходяги», я тоже попал, как доходяга. Посмотрим, что будет дальше. Оттянется ли на несколько дней мое существование.

10.IV.1942 г. Положение несколько улучшилось. Суп закладывают гораздо гуще, хлеба дают до 300 грамм, но хлеб наполовину из мякины.

26.IV.1942 г. Проходило комиссиейское определение. Добавили питание — 150 грамм хлеба и 0,02 маргарина. Получил и я.

28.IV.1942 г. Появилось заболевание сыпным тифом. Хлеб добавочный урезали до 0,08 грамм. Маргарин заменили сахарным песком.

9.V.1942 г. Помер Гончаров Борис Сергеевич. Адрес: Москва, Красная Пресня, б. Декабрьский проспект, д. 26, кв. 3.

18.V.1942 г. Заболевания и смертность от тифа продолжают-ся. Положение критическое, так что шансов на выход из этого лагеря не остается нисколько.

25.V.1942 г. Вот уж более недели, как получаем хлеб, совершенно не пригодный к употреблению в пищу, весь позеленевший насквозь. Записываю адрес товарища: Вологодская обл., Череповецкий р-н, п/о Дмитриево, дер. Плюскино. Трифонов Василий Алекс[андрович]. Жена — Трифонова Александра Дем[ентьевна].

31.V.1942 г. Да, проводили и май месяц, а [...] нашей тифозной жизни продолжается. Исполнилось 4 месяца, как стою с одной мыслью о том, как бы покушать, лишенный всякого общения с внешним миром и даже света и вольного воздуха и без малейших шансов на скорое освобождение отсюда и вообще на освобождение. Положение не из приятных.

Северная ж[елезно]дор[ожная] ст. Шатя Горьковской обл., п/о Ключевско-Николаевское, дер. В.М. Косиха — Зуйков Василий Григорьевич.

4.VI.1942 г. Сегодня Суоми отмечает 75-летие Маннергейма, но для нас, военнопленных, он ничем хорошим не отразился, на-

оборот, с самого подъема пошли неприятные, хотя с виду и пустяшные наши беды. Когда живешь мыслью лишь о том, как бы покушать, то это имеет особое значение. Сегодня хлеб получили более гнилой, чем в предыдущие дни. Потом оказалось меньше на 0,05 кг.¹ Потом обед получили на 2 часа раньше [...] вместо 5 часов вечера по расписанию в 8 часов.

Тогда, когда в поле провели обед, больше только хочется кушать, то до следующего дня в течение 20 часов, не особо приятное времяпрепровождение.

7.VI.1942 г. Для кого весна отрадная, но для меня отрады нет. Да, говорят, что человек 2 раза в жизни бывает глуп: при младенчестве и при престарелости. Но оказывается еще может глупить на почве голода. Наблюдая за бытом и поведением военнопленных нашего лагеря, я сравниваю общество людей [...] в несносной и дикой обстановке, никак не получается сравнения. Если бы привести свежего человека и поместить в нашем помещении, то он первое время совершенно находился бы в полном недоумении. Да и немудрено, т.к. каждый из нас дошел до того, что скорее походит на живой труп, на мумию, никак не на нормального человека. Правильно высказывался Киевский: «Если бы сообщили мне вернуться на родину, то я бы предложил себя какому-нибудь институту для изучения человека в качестве наглядного пособия».

9.VI.1942 г. Сегодня хороший день. За 4¹/₂ месяца получили хороший хлеб и кроме того получили 0,5 литра очередной (?) добавочной баланды, так что желудок более или менее наполнен.

12.VI.1942 г. Сегодня гоняли в баню, которая уже надоела [...] тогда, как за 10 месяцев в плену не было бань, сколько за один май месяц. Сегодня переведен в барак здоровых и лишен добавочного пайка. Непонятно, что [...] здоров [...], а потому что так надо [...] истязанию.

16.VI.1942 г. Первый раз в день получили приказ о выходе на работу на очистку зоны от мусора — это за 4¹/₄ месяца существования в этом лагере. Но дело крайне плохо обстоит — ни руки, ни ноги не поднимаются, просят пищи, но ее-то и недостает. День ото дня все падаешь духом и физически.

19.VI.1942 г. Ходили в баню, получили свежее белье. В общем, наконец, отдыхаю от вшей и клопов, которые нас систематически съедали зимой.

22.VI.1942 г. Прошел ровно год со дня, который остался и будет помниться, как день несчастий и бедствий для всего русского народа и не принесший весь долгий год каких-либо надежд на лучшее будущее. Год, который многие, не задумываясь, согласи-

лись бы вычеркнуть из жизни. Год разлуки со всеми живыми — дорогими мне в жизни.

23.VI.1942 г. Ровно год настал, как получил повестку о явке в райвоенкомат. Сравниваю два периода жизни: тогда и теперь. Тогда был полный, жизнерадостный, с мечтаниями на лучшую жизнь впереди — и что стало теперь, через минувший год, год несчастий. Вместо нормального человека — только образ человеческий (скелет) без всяких надежд на лучшую жизнь в скором времени [...]. Одной мысли о пище и страхом перед смертью, которые витают в нашем лагере.

26.VI.1942 г. Ровно год, как покинул свой любимый дом, родных и близких мне друзей. Но как кажется это далеко минувшим временем.

28.VI.1942 г. Положение ухудшается. Получаемый прежде сахар не выдается. Вот уже неделю [...] так же прекратилась. Самовольный выход из барака, разрешенный во время болезни так же запрещен.

30.VI.1942 г. Получаемое завершилось двумя смертями. Померли Киевский и Лузин — оба в расцвете сил — первый не женат, а у второго осталась жена и одно дитя.

Да, голод, холод — страшные вещи.

5.VII.1942 г. Исполнилось 10 месяцев плена. [...]

7.VII.1942 г. Помер земляк Крайнов Николай Иванович — Горьковская обл., Воротинский р-н, п/о Белявка, пос. Шкириха. Помер от поноса в 4 ч. дня.

11.VII.1942 г. Часовым с вышки застрелен военнопленный Пипин — уроженец Ленинграда в 8 часов дня за нарушение правил внутреннего распорядка лагеря из автомата в голову.

17.VII.1942 г. Итак, все имевшиеся надежды на отправку из этого лагеря рухнули. Сегодня отправят очередную партию, но я не попал. Вероятно придется доходить [...].

17.VIII.1942 г. Нахожусь в состоянии полной апатии. Ни на что не хочется обращать внимания. Шевелиться нет сил. На отправку в скором времени нет никакой надежды [...], ведет к ускорению голодной смерти, а жить-то хочется.

20.VIII.1942 г. День рождения любимой дочки Люси. Я нахожусь в такой обстановке, что [...] увидеть первенца не могу.

24.VIII.1942 г. Сегодня совершил глупость — во время прогулки подобрал мухомор и съел его сырым. От этого весь день кружилась голова и еще [...].

1.IX.1942 г. Оказывается нет той глупости, которую не способен сделать в голодном состоянии человек. В пятницу ходил в баню и по дороге набрал грибов, причем не грибов, а разной дряни, но так как сварить негде, то решил съесть сырым, от чего получил боль и расстройство в желудке и понос, но хорошо, что все про-

¹ В машинописи ошибочно проставлено «гр.».

шло через одни сутки. Да, пролетело и лето 1942 года, а нашему полуголодному существованию и не предвидится конца.

2.IX.1942 г. [...]*.

3.IX.1942 г. Зуйкова перевели в барак больных, изолировали от остальных военнопленных.

5.IX.1942 г. Исполнилось на существовании в Суоми год, который, не задумываясь, можно было бы с удовольствием вычеркнуть из жизни, т[ак] к[ак] ничего кроме лишений и огорчений он не принес. Даже какой-либо надежды на нормальную человеческую жизнь.

* Пропуск в тексте.

Послесловие

«Сделал преступление перед родиной...» Дневник, найденный в братской могиле

Э тот дневник был найден в братской могиле советских военнопленных у дороги Кулоярви-Микколахти на территории нынешней Карелии¹. На могилу указали местные жители, и одна из комиссий ЧГК провела здесь раскопки и эксгумацию. В потайном кармане брюк одного из скелетов, извлеченных для исследования, неожиданно нашли металлическую, плотно закрытую коробочку, внутри которой находилась еще одна коробочка — картонная. И уже в ней лежала книжца с картонной обложкой, с наружной стороны которой был нарисован двуглавый лев — герб Суоми, а с внутренней — красная звезда. Книжца оказалась дневником человека, представившегося на первой же странице следующей записью: «Марийская АССР. Юринский р-н. Липовский с/совет. Д. Горшасино. ГАЛИБИН Анатолий Иванович». Многие записи размыло, и не все они поддаются прочтению.

Начинается Дневник записью о призыве в Красную армию, сделанной еще дома, в родной деревне или, по крайней мере, в райцентре, явно стоявшем на Волге. Судя уже по этому, ведение Дневника являлось продуманным планом Анатолия Галибина, а не импровизацией, к которой его подтолкнул плен. Отсюда и система из двух коробочек — явная оснащенность на тот не исключавшийся случай, если дневник переживет его автора.

Жизни же автору в рядах Красной армии было отпущено неполных 15 месяцев. Самая первая запись дневника датирована 26 июня 1941 года, а последняя — 13 сентября 1942 года.

Возраст Галибина в самом дневнике не обозначен, уточнить его удалось финским коллегам и в финских архивах²: он родился 12 июня 1913 года — так что безусым юнцом он не был: в Горшасино, судя по дневнику и финской карточке, его ждали три женщины — мать, Татьяна Ионовна, жена, Надежда Ионовна, и дочь, Люся. Отца к этому времени уже не было в живых.

¹ Кулоярви (или, во время войны, Салла, или Альсалла, — ставка немецкой Лапландской армии в Северной Финляндии) находится на территории Мурманской области.

² В Военном архиве Финляндии сохранилась его персональная карточка, как, кстати, и карточка его младшего брата Михаила, 1916 года рождения (этими и другими сведениями из финских архивов я обязан д-ру П. Кауппала, Хельсинки).

Был он, тем не менее, что называется, классический рядовой необученный. Всего две недели на формирование частей под Медвежьегорском, и вот 18 июля 1941 года стрелок Галибин попадает на фронт, да еще на передовую, где вдруг обнаружилось, что на него и еще на 15 человек нет даже винтовок. Винтовки нашлись, и его зачислили в 1-й взвод 2-й роты 1-го батальона 15-го мотострелкового Краснознаменного полка войск НКВД, развернутого сначала на Поросозерском, а позднее на Петрозаводском направлении. Боевыми командирами Галибина были Шорохов (взводный) и Каретин (комполка). Принадлежность к частям Наркомата внутренних дел, а не Наркомата обороны сыграла, по-видимому, в галибинской жизни — а, возможно, и в его смерти — немалую роль.

Записи Дневника очень скудные, но, начиная уже с 19 июля, слова «оборона» и «отступление» заняли в нем свое заслуженно большое место. 23 июля — первая смерть в двух шагах: две разрывные пули нашли Курбанова, товарища и земляка. Тактико-стратегические вопросы не вызывали у него большого интереса: «делали отступление», «финны делали наступление», — так отзывается он на усилия командования. Между 24 июля и 15 августа — ни одной записи.

15 августа пришло первое и, по сути, прощальное письмо из дома: жена написала о своих дурных предчувствиях, но сам Галибин храбрится, пишет, что все это так, пустяки. Гораздо отзывчивее он на трудности с бытом и питанием: последние перешли уже ко 2 сентября в самый настоящий голод. Но еще большую тревогу и недоумение вызывает у автора Дневника проблема дефицита оружия и боеприпасов!

20 августа он впервые записывает чужой адрес — адрес погибшего бойца из его отделения (имя не сохранилось). Таких адресов в дневнике будет еще немало.

Но в начале сентября произошло то, что должно было произойти. В записи от 4 числа читаем: «Неприятель ведет себя сильнее и сильнее. Засыпает нас из пулеметов и автоматов, а мы лежим без патрон. Все имеющиеся остатки патрон собрали для пулеметов. Лежу с двумя гранатами, которые храню на последний случай...» Но этого последнего случая — подорвать себя вместе с врагами — так и не представилось. В тот же день его ранили, а назавтра нашли лежащим по щиколотку в воде, в луже, и взяли в плен¹.

Запись за 5 сентября: «Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед родиной». Подумать только — этот раненый, голодный и холодный, этот безоружный и брошенный командирами в котел красноармеец — даже не политрук и не партиз — сам, искренне переживает свой плен не иначе, как предательство!

¹ Согласно финским данным, он был взят в плен 5.9.1941 в 45 км от Петрозаводска. В финской картотеке он был зарегистрирован как русский, крестьянин и рядовой.

В тот же день Галибин повстречал в плену еще около сотни своих, в том числе раненого в бедро комполка Каретина и старшего политрука. Колонну военнопленных из приблизительно 100 человек отвели в деревню Самоозеро (по-видимому, на сборный пункт), но при этом расстреляли одного человека — политрука. Более явственного указания на то, что в союзной Германии финской армии, столь гордившейся своей самостоятельностью и независимостью, действовали самые варварские, самые преступные из приказов вермахта, в частности, «Приказ о комиссарах», — пишущему эти строки до сих пор не встречалось!

11 сентября Галибина со товарищи вывезли в финский тыл, в большой лагерь в городке Раума на берегу Ботнического залива (южнее Тампере)². Работа — тяжелая (строительство, разгрузка-погрузка пароходов), кормежка — отвратительная. Пленные собирают грибы и ягоды, ежедневно, несмотря на запрет, роются в поисках съестного в помойках. Тут не до дневника: между 3 октября 1941 года и 27 января 1942 года — всего четыре записи.

Так бы оно и продолжалось, если бы не перевод в другой лагерь (Або?) — для неблагонадежных лиц — в самом конце января. Как удалось установить финским коллегам, лагерь этот находился в Сююспойя (Syyspohja) близ Руоколахти (Ruokolahti) в Финской Калерии. Лагерь числился по ведомству PVO (Päämajan Valvontaosasto) — финской военной разведки. Отсюда Галибина передали Абверу, причем произошло это 10 июня 1943 года. По более достоверным сведениям, эта передача состоялась гораздо раньше — 22 сентября 1942 г., в г. Рованиеми, столице Лапландии, т.е. почти в 300 км севернее предыдущего местонахождения Галибина! Как и почему он, прежде чем умереть, оказался так далеко на востоке, вблизи линии фронта, и почему он умер — еще предстоит выяснить³.

Вот описание лагеря: «Познакомился с обстановкой и бытом нового местожительства, куда меня забросила судьба. Лагерь называется изолятор, то есть люди, подлежащие изоляции с этого света в полном смысле этого слова из состава военнопленных, состо-

¹ Расстреливали и за побеги, что также свидетельствует о том, что с советскими военнопленными Финляндия вела себя в точности по немецкому образу и подобию.

² 25.9.1941 он был передан в стационарный лагерь в порту Раума.

³ Такая практика была хотя и нетипичной, но все же достаточно распространенной: всего финны передали немцам около 3000 советских военнопленных, включая евреев и комиссаров. Как правило, их перевозили в Германию, где следы их терялись. Случай Галибина (расстрел еще в Финляндии) уникален во множестве отношений: так поздно — осенью 1943 года — передачи военнопленных немцам практически уже не велись; если его расстреляли, то нет полной уверенности и в этом: судя по дневнику, он был доходягой и мог умереть сам от истощения.

ит из политруков и командного состава [...], рядовых же незначительный процент. В бараке, по сравнению с другими лагерями, значительно чище, но все же вошь и клоп гуляют в открытую. Спят на жестких деревянных койках, на голых досках. Стража находится в коридоре. На волю выпускают на полчаса в сутки для того, чтобы пройти по тропинке вокруг барака от 8 до 12 кругов [...]. Питание состоит из следующего меню: хлеба выдается 150 грамм в сутки один раз на весь день, причем и он нечистый, а суррогат. Утром в 11 часов 1 литр супа, если только можно так назвать, потому что он готовится из мерзлого, нечищенного картофеля и без соли, а вечером 1 литр баланды из ржаной отруби, причем густоты 2–3 ложки и без соли. Вот и все, чем поддерживается дух пленных, да 1 кусочек сахара рафинаду» (запись от 30 января).

А вот запись неделю спустя (от 5 февраля): «Да, такое питание за 7 дней дает о себе знать. [...] Такая слабость, что чуть-чуть ворочаешься». И дальше — сугубо логическое следствие: «...Не проходит и дня, чтобы 1–2–3-х товарищей не отправили на «Могилевскую» — то есть: в могилу! К началу марта из восьмерки товарищей, приехавших сюда вместе с Галибиным, в живых оставалось трое. Тогда-то и началась в дневнике вереница адресов и фамилий: Чернов, Гончаров, Трифонов, Зуйков, Киевский, Лузин, Крайнов, Пипин (последнего застрелил часовой)... Как кресты на кладбище, отмечают они покойников, а в том, что доведется по этим адресам написать и оповестить об этих смертях домашних, Галибин искренне сомневался — «сам кандидат в могилу».

Да еще какой кандидат! «Появилась голодная опухоль. Опухли ноги и лицо [...] На боках появились пролежни», — записывает он 3 марта. Доктор же дал потрясающий совет: «Живи за счет собственной энергии», то есть — помирай лежа.

Но в середине марта питание неожиданно улучшается, хлеба стали давать по 300 г, суп погуще, и Галибин не преминул отметить и выделить в дневнике такое событие как первую за последние 8 месяцев перемену нижнего белья! Но в конце апреля ко всем напастям добавился еще и сыпной тиф.

Восхищает то, что Анатолий Иванович находит в себе силы не только для фиксации, но и для анализа происходящего. Голод и несносная, дикая обстановка, замечает он, глупят и коречат человека. Об одной из таких голодных глупостей — съеденных с голодухи сырыми мухоморами и других несъедобных грибах — повествуют его записи конца августа.

«...Каждый из нас дошел до того, что скорее походит на живой труп, на мумию, никак не на нормального человека» (7 июня 1942 года).

Июнь же 1942 года оказался преисполненным «ярких» событий: 4-го числа — 75-летие Маннергейма, 9-го — хлеб хорошего качества и пол-литра добавочной баланды, 12 июня — баня и перевод в барак для выздоровевших, 16-го — первый выход на лег-

кие работы. 22, 23 и 26 — вереница горестных годовщин: нападения на СССР, получения повестки из райвоенкомата и отправки на фронт. «Сравниваю два периода жизни: тогда и теперь. Тогда был полный, жизнерадостный, с мечтаниями на лучшую жизнь впереди, [теперь] [...] вместо нормального человека — только образ человеческий (скелет) без всяких надежд на лучшую жизнь в скором времени» (23 июня).

Надежды вырваться из этого лагеря рухнули: в партии на отправку Галибина так и не включили. «Нахожусь в состоянии полной апатии, — записывал он 17 августа 1942 года. — Ни на что не хочется обращать внимания. Шевелиться нет сил...»

А 5 сентября подоспел еще один юбилей — годовщина плена. Мнение о пережитом в плену у Галибина однозначное: это — «год, который, не задумываясь, можно было бы с удовольствием вычеркнуть из жизни, так как ничего кроме лишений и огорчений он не принес».

Вскоре, видимо, и произошло то, что не могло не произойти: год финского плена истощил жизненные силы Галибина настолько, что вычеркнул его самого из списка живых. И не было уже другого летописца и другого дневника, куда бы это можно было вписать...

Сам дневник дошел до нас в форме машинописи, хранящейся в Центральном Военно-медицинском музее в Санкт-Петербурге (№ 27011). В описании сообщается, что оригинал дневника был обнаружен в могиле советского военнопленного, расстрелянного по дороге Кулоярви-Микколахти, в потайном кармане его брюк. В музей он поступила от подполковника Чирейкина 6 октября 1948 г.

Машинопись открывается следующим описанием: «Дневник записан на самодельной книжечке, обложка сделана из картона, на наружной стороне нарисован белофинский герб — двуглавый лев; на внутренней стороне обложки красная звезда; книжечка была в картонной коробочке, а последняя в металлической, плотно закрытой коробочке. (На шее скелета бирка — № ...).» Далее следует адрес автора, по-видимому, открывавший дневник в оригинале.

Как установил П. Кауппала, фрагменты из дневника впервые были опубликованы уже в 1945 г.¹ Местонахождение оригинала дневника не установлено, но т.к. первая публикация состоялась в Петрозаводске, можно предположить, что он хранится в местном архиве. Печатается по машинописи. Пропуски в машинописи, очевидно, соответствуют утраченному тексту в оригинале: в публикации они обозначаются значком [...].

Павел Полян

¹ Из дневника советского военнопленного А. Галибина // Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. [Петрозаводск:] ГИЗ Карело-Финской ССР, 1945. С. 279–286.

ДНЕВНИК ВОЕННОПЛЕННОГО: ИСТОРИЯ ОДНОЙ БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ

(29 марта 1944 г. — 5 марта 1945 г.)

(Публикация и примечания П. Поляна)

ДНЕВНИК

Советского военнопленного ВОРОПАЕВА Сергея, замученного немцами в Ламсдорфском лагере в Польше¹ (умер от туберкулёза 23.III.45 года).

(Подлинный переслан отцу погибшего Воропаеву Николаю Алексеевичу)².

29.III.[19]44 г., ком. 107.

Март. Пасмурный и снежный день. Скучно... голодно. Скоро 2 года как я в [Германии]. Сколько пережито кошмара и ужаса, а сколько ещё впереди...

Тревожно, жизнь изломана, сам искалечен. Ночь. Только что вернулся с работы. Хочется жрать, но увы нечего 0.7 л. брюквенного бульона заменили ужин.

Ложусь спать.

30.III.[19]44 г. Сегодня исключительный день, получил маргарин и сахар...

да, но я опасаюсь что случится.... напишу. Сегодня 9 часов работать ужасно...

31.III.[19]44 г. Чего я боялся — прошло благополучно, только остался без пайка хлеба. Начал сапожничать, шить тапки — сандали, но не везёт. Надо жить. Я порой удивляюсь, какая выносливая человеческая натура и здоровье. На 1 ф. хлеба работать в шахте абсолютно [нельзя].

I.IV.[19]44 г. Весна. Сегодня самый настоящий весенний день. Когда-то самое лучшее время жизни — возрождение поэзии и творческих чувств. Но сейчас огромный контраст. Природа дви-

¹ Ламсдорф — шталаг в Верхней Силезии, на территории нынешней Польши (Ламбиновице). В настоящее время там находится единственный в мире Музей военного плена.

² Текст напечатанный курсивом принадлежит не автору.

жется непоколебимой колеей, но жизнь.... увы, жизнь страшно печальна. Мысль — только пожрать. Мозг больше ничем не бывает заполнен. Терзает голод. Мучит мастерская, работа. Я не имею никаких гарантий на будущую жизнь. Все коротко. Нелепо, усталость клонит ко сну. 12 часов. Спать.

2.IV.[19]44 г. Воскресенье. День, связанный с недельной работой и отдыхом. Мы работаем. Этот день не много отличается от других дней в области пищи. В этот день получаем жидкий суп и 5–4 картофелин, 100 гр. мясной подливки. Работы от пуза. Иду на работу. Свистит свисток, 12 час. дня.

Ночь. Только что вернулся с работы, слишком измучился, т[онн] 30 выкидал угля. Дорогой мой¹, ты скажешь, безумный, нет, не правда, я только пленный и не хочу ежечасно получать пощечин, пинков, разнообразных ударов. Сегодня нескольких ребят побил обергаир. Это не редкость, а ежедневное повторение.

Сергей.

3.IV.[19]44 г. 3 часа ночи, но я еще не спал. Была воздушная тревога,

сидели в бане. Да, сегодня я проследил за работой мысли. Мысль — пожрать и только. Иссохший мозг занят одной и постоянной мыслью.

Мой дорогой, ты не можешь этого понять. Нет света, погас свет.

4.IV.[19]44 г. Запах настоящей весны, но огромная облачность на душе.

Сегодня 9 часов работать, это бывает в основном во вторник и четверг, а вообще зачастую. Задумал великую мысль². В будущем сообщу. Вернулся с работы. Отработали адский день. Да! Здоровье подорвано, сегодня целый день ломают кости. Больно. В 23 года старик.

6.IV.[19]44 г. Спешу описать впечатление дня. Опять работали 9 ч. Да, работа. Нас, 4 человека русских, загнали в филер⁴ черпать. Один немец аузир³ встал с палкой в руках и погонял. Одна минута простоя стоит палки. Так что кидай и кидай.

У меня зачесалась спина, я послал руку назад и давай было чесать, но палка, змея, поднялась над моей головой. Удар был устранен возобновлением работы. Вчера на моих глазах этот же надзиратель избивал двух товарищей. Сопротивления, конечно, не последовало, ибо невозможно. Это стоит жизни. Такова жизнь. Плен. Чувствую себя хреново. Все болит, насморк. Чувствую опасность. Дело связано с хлебом. Получил лишний. Я старшой ко-

¹ По-видимому, здесь и ниже автор обращается к отцу.

² Скорее всего, имеется в виду побег.

³ Филер — часть шахты, отсек.

⁴ Аузир (от нем. «aufsehen») — надзиратель, надсмотрщик.

манды. Сегодня один с нашей группы сделал побег. Пока удачно. Это удовольствие делал я, прошло лето. 1 час ночи. Спать.

Великая пятница. 7.IV.[19]44 г. Сегодня смена прошла быстро, хотя состояние здоровья плохо. Болят легкие или печенки, не знаю, на спине.

Нашего коллегу, говорят, поймали. Жаль.

Сегодня наш абтайлунг весь допрашивали, по поводу побега. Сегодня коротко, завтра остановлю шире.

Щелкать семечки, ибо, похравши этих помой, сосет кишки. Да, помой. Это состав брюквы, турнепса и воды 1 литр. Этот «суп» кажется не стало бы жрать и животное, а мы жрем, нам еще хуже. 12 часов.

Сегодня опять получил хлеб, но получилось нечто плохо, двое, хотя я их считал хорошими людьми, стали возражать и, было, забрали, но я нахалом отобрал, обещали продать. Пусть. Потом мы посчитаемся в шахте внизу.

Великая суббота.

9[IV.1944]. Воскресенье — выходной. День празднования немецкой Пасхи. Весна в полном разгаре, безветренный, теплый солнечный день. Я слишком больной, ужасно болит голова, насморк и вообще слабость: 37,7 температура. Исхудал до выпучивания — оголения костей. На праздник пока что дали по 1 кг (кроме пайка) хлеба, по 100 гр. маргарину. Так что люд голодный подождет, ходим с полными животами, есть настроение, но боль заглушает. Отдыхаем один день. С хлебом, кажется, все прошло благополучно.

Природа зовет.

10.IV.[19]44 г. Сегодня работали. Да, работали совершенно русские, из всего абтайлунга¹ было 2 мастера, но это не помешало 150 возов дать угля. Потому что работало 2 филера и было 2 обергаира. Папка, больной совершенно. Болит горло, грудь, кашель, нарывы, прыщи на теле. Не знаю перед смертью или что ли?

Вечером был крупяной бульон в первый раз в истории лагеря.

12.IV.[19]44. Весна господствует. Жизнь отвратительно плохая. Начал было сапожничать, чертовски не везет. Продам 2 пары и то не как люди, полностью расчет не получил. Продаю, что не употребляю: табак, мыло, собираю крохами. Курить бросил, в таких условиях это страшно. Свисток на обед. Жизнь по-собачьи.

13.IV.[19]44. Сейчас на работу. Ужасно надоело. Дума просится на волю.

Рискнем еще раз. Порой хочется помереть, но за что.... Жаль, что жизнь дается только раз. О, дорогой, порой мы бываем решительны и кидаемся с открытыми глазами в бездонную пропасть.

¹ От нем. Abteilung — отделение.

После болезни ослаб, да и плюс кормежка такая, что ног таскать не будешь.

Часто бывает воздушная тревога. Когда все кончится? На работу свисток.

Пришел с работы. Сегодня получил толчек в спину от аузира — змея. Толчок силен, так что спина и сейчас чувствует удар.

Спрашивается за что, за то что обернулся назад и увидел стоящего в стороне «айзца».

Ну б... пейте соки... Так жить дальше невозможно, я не вынесу, или лопнут нервы, или я просто напросто загнусь. Сдыхать малодушно, не хочется, пропадем иначе, или на свободе или в буре личной борьбы.

Погибнуть я должен, и скоро, я сам от себя требую пожертвования и ...пожертвую.

Первое, надо мной сияет орел свободы, второе — вуаль смерти. Хватит! Дальше так жить невозможно. Спать. 2 часа ночи.

14.IV.[19]44 г. Итак, сегодня опять праздник в будни. На праздник Пасху нам отпускала шахта по булке хлеба, а нам дали только по половине, сегодня додали. Второй раз за период плена я на 1 день получил 1,5 кг хлеба.

Так дальше жить невозможно, я должен себе внушить идею жертвования и я должен это сделать. Сделаю.

15.IV.[19]44 г. Я сегодня «кранк», так мы привыкли говорить на больных.

Сильно опухла правая нога и образовался нарыв. Вчера обратно была воздушная тревога, сначала нас держали в бане, а затем повели в лагерь, вели, абсолютная была темь. Можно было решать задачу, но к сожалению, у меня слишком болела нога. Ничего, время еще в нашем господстве.

Да! Кранкам у нас хлеб дают, не полный паек. Здоровые получают булку (2 кг) на 4 человека, когда кранки получают на 6 чел. и то это ерунда, я лучше бы согласился быть вечным (т.е. на период плена) кранком.

Таковы порядки. Природа оживает. Уже заметно распускаются почки деревьев, зеленеет трава на здоровых отрезках земли. Все это в своем раннем развитии зовет, благоухает.

Бывало в это время воскресали мои поэтические грезы, а сейчас затемнение.

Да и вряд ли воскреснет все бывалое вновь. Все погибло, все ушло безвозвратно. Я должен сам выбирать себе судьбу, и я выберу, пусть это будет стоять жизни или смерти.

Иду за помоями (суп). Сегодня пишу второй раз. Имею в достатке время. Весенний, тихий, ясный вечер. Только гулять, наслаждаться природой — жизнью. А мы.... О! дорогой, это слишком страшно, я порой задумываюсь над вопросом...

В мирное время часто бывают самоубийства, за каких-нибудь пустяков в личной (зачастую) жизни. Увы, здесь наоборот, ни одного случая я не встречал в плену. Мне кажется это все решает проблема питания. Мозг не имеет другого внушения, как только пожрать. А это зависит от внушения.

Сегодня читал газету «Заря»¹. Она специально выпускается для пленных и под редакцией пленных генералов.

Да! Хотя эта газетка слишком узка, но все же достаточно для того, хотя бы немного ориентироваться в вопросах войны, не говоря о том, что сообщение в ней бывает за 2 месяца позже. Также иллюстрирует жизнь пленных. А она везде одинакова.

Забыл. Сегодня бомбили машину с чесноком, которая подошла к кухне, одну головку и я достал. Думал, будут жарить, но прошло тихо, завтра воскресенье.

16.IV.[19]44. Пасха. Да! Сегодня русская святая Пасха. Для нас она ничем не заметна, как обычные будничные дни детства. Пасха. 4 часа утра — уцелевшие родственники встают разговляться. «Христос Воскресе», «Воистину воскрес!». Поздравляют они друг друга с годовым праздником. Но увы, они не досчитываются в своей семье своего старшего сына — родители и брата, мои милые братья.

«Пропал без вести». Жив (в плену ли) или пал смертью на поле боя? Для них это загадка. А как оно на душе? Только что гулял по лагерю (он, примерно, занимает 1,5 га площади). Наши русские люди, завербованные или просто эвакуированные с той стороны, гуляют парами, группами и в одиночку, совершенно свободно как цивилизные. Да, а здесь их достаточно много: русских, украинцев, белорусов, сербов, поляков, чехов и друг. национальностей, все они строят Новую Европу.

Видал девушек, женщин. Каково же впечатление? Никакого, абсолютно, аскет, нет инстинкта, плоти? Неправда! Одна ужасно подавляющая мысль.... пожрать...

17.IV.[19]44 г. Сегодня последний день моей болезни и в то же время моего отдыха, завтра опять глубокая (350 м) могила, с вечной мглой и сыростью. В.Т. каждый день, вчера с бани пришли ребята в 4 часа утра. Сумей отдохнуть. Встали за супом, оказались лишние, их разогнали, затем опять строили. Голодный люд приспособился пикировать так: строят в 5 шеренг, а между ними садятся, в них еще по одному человеку, порой они бывают не замечены. Это все совершается ночью. Временами обнаруживают этот маневр, о, несчастный тогда подвергается ужасному избиению русскими полициями.

¹ «Заря» — газета на русском языке для советских военнопленных. Издавалась в Берлине, начиная с середины 1943 года, выходила дважды в неделю.

Сегодня еще один фокус. Вчера 1–3 сменам дали папиросы по 10 шт. на брата, причем у кого не имелось полотенец, те не получили (90 ч. из 420). Сегодня хотели было дать 2-й смене, старым путем, затем на ходу изменили, предложили взять босоножки, взяли их, оказалось недостаточно, уже в строю, не распуская, приказали достать ремни. Многие кинулись в бараки за ремнями, здесь то и началась страшная картина.

Двое фрицев с оголенными кинжалами давай гоняться за теми, кто якобы без их разрешения покинул строй. Картина эта продолжалась 2–3 мин., но пострадало много ребер от кинжала. И, наконец, папиросы унесли, никому не давши.

Что это мой дорогой? И вообще сегодня день тревожный, в лагерь приехал майор... Чертовски не хочется работать, а особо в шахте? Могила и шахта? То есть одно (пол.). Да, сейчас ложусь спать. Завтра в шахту. Ужасно!!! Сегодня прожил по-пленному хорошо, достал до 4 литров лишней баланды, а всего съел до 6 литров и до 700 гр. хлеба, живот кажется полный, но жрать бы еще жрал и жрал, а особо, хлеба за период плена еще не наедался. Супу, правда, приходилось есть до полноты желудка (не досыта), но ведь это слишком в большом количестве употребления до 12–13 литров. И я животное, а на вид — человек. Голод. Последний день пишу так широко, а возможно и совсем, думаю выполнить свой план.

19.IV.[19]44. г. Силился уснуть, но ничего не получилось. Вчера пришли с работы в 2 часа ночи, была година, да плюс час просидели в бане. Подъем был в 8 ч., не выспался, болит голова. Но я все же решил кое-что записать. Эти листы, мне кажется живые, я с ними беседую, я с ними делюсь мнением и это мне облегчает измученную душу.

Мой дорогой, если я бы знал, что эта книжонка попадет тебе в руки, то я кое-что пошире сообщил бы в ней. Да я еще не в силах этого сделать, потому что я не имею никакой гарантии, что она не попадет в страшные руки злод. Все не везет. Корыш взял продать сандали, а ему за них принесли 400–500 гр. хлеба, не знаю, принесут ли еще. В лагере продают квашеную капусту 1 кгр. — 1 марка. Не дорого. Да, но я, к сожалению, получаю 5,4 марки за месяц, да плюс высчитывают 1,5 марки с этой же суммы, 3,9 получаю чистяка. Вот и распоряжайся ими, как тебе хочется.

Опять на работу. Кошмар.

Сергей.

Только что вернулся с работы. Сегодня работал в штреке. В штреке мы считаем легче работать. Был не плохой мастер, дал скибочку хлеба гр. 50–60, помазанную смальцем. Русские пленные некоторые дружно живут с гражданскими немцами, несмотря на то, что кажется враги друг другу.

Они сами выражаются так, что война — такой закон там на фронте вояк, а здесь вшистки работники и мусем робить*. Дружба голодному в пользу, через них можно достать пожрать.

Кормить блох.

20.IV.[19]44 г. Сегодня исполнилось 2 года, как я в Германии, в лагерях военнопленных. 2 года как я голодный. Жутко подумать — 2 года человек ничего не наедался, вечно голодный. Опять огромный филер. 8 часов без перерыва кидали, всего работали 9 час. Начинаю снова комбинировать с хлебом. Тревожит, сколь человек ни комбинирует, а в конце концов попадает. Попросим провидение.

Пишу, а люди в разговоре о табаке мешают. Табаку дают слишком плохо. В 1–2 мес. дают пачку 100 гр. гродненских корней. Табак не качественный, прелый в виде травы с запахом табаку.

Пакет (100 гр.) по ценам лагеря стоит 1 кгр. хлеба, 50 гр. стоит пайку хлеба.

Иногда дают папиросы 10 штук, стоит 2 третьих пайка хлеба гр. 300–350. Вот таково то положение курящих.

Курить бросил, табак продаю, собираю крохами хлеб. Надо жить. Хочется спать, но боюсь ложиться, слишком много блох, заедают. Завтра маргарин.

21.IV.[19]44 г. С хлебом вопрос решен, все прошло благополучно. Пайка осталась за мной. Сегодня получили по 50 гр. махорки и по 10 папирос, причем прошло все спокойно и табак дали исключительно всем. Торговля не везет. Что я так себе силился внуть — ничего не получается, слишком око зорко — а время идет. Завтра остановлюсь шире, ибо завтра исполнится 1 год⁶ как я работаю в шахте.

Грызут блохи. Ложусь спать.

29.IV.[19]44 г. Что-то тревожно, ноет сердце, какое-то тайное непонятное волнение. Прости, бывало, перед свиданием так волновался. Сигареты получил 2 раза, первый, когда был кранком и второй (не положено) вчера, за это сегодня работал, посыпал уборные известью и плюс сказали, что 6 месяцев не дадут табаку.

Да! Сегодня исполнился 1 год, как я работаю на этой шахте. 365 дней проведено в подземном полумраке на глубине 350 метров. Глубина не важно, а важно то, сколько перекидано угля. Допустим я каждый день выкидываю по 10 т. и то это составляет в 1 год 3650 т. угля (свисток на обед, продолжу после). Беря в расчет по 20 т. ж.д. вагон, это примерно составляет 2 эшелона угля в количестве 80–85 вагонов. Это, грубо рассчитывая, будет стоить до 30.000 руб. В это самое время на меня уважаемый хо-

* Так в тексте.

зяин израсходовал 180 кгр. хлеба, 365 кгр. картошки, примерно столько же брюквы, 12 кгр. маргарину, немного больше мяса. Расходная сторона обойдется на 1000 или 1500 рублей. Можешь представить, каков доход от одного меня предпринимателю, а нас в лагере 913 человек, а сколько всего этих лагерей. Да! Ты скажешь, молодец, хвалишься, о нет, это только горькая истина. Я такой маленький жучок, что не в силах ничего сделать, сила принуждения делает это. Не делай этого, это просто-напросто стоит жизни. Искра надежды на будущее принуждает покоряться.

Итак, год шахтерского труда закончился, ровно год — как один день.

Только что хлебнул брюквенной баланды. Завтра предвидится выходной, но только будет кошмарный, дизенфекция, перемена, две проверки и пр. На работе думал многое записать, а сейчас все рассеялось, болит голова. Думаю спикировать еще баланды, ибо сегодня на самой одной порции трудновато. О! дорогой ты не в силах этого представить, как ужасно трудно быть повседневно голодным. Сергей.

23.IV.[19]44 г. Выходной день — день мученья. Только что вернулся с дизенфекции, была обнаружена вшивость у всех, поэтому сделали обработку. Правда, хорошо помылся, сейчас бы только хорошо закусить и хорошенько заснуть, но увы, для нас это проблема не решаема. Сон на пустой желудок не идет. Решил кое-что записать.

Выше я заметил «день мучения». Это точно, ты проследи. Пришли с работы в 1 час ночи, подъем был сделан в 7 час. утра, в 8–9 на поверку, тут же и пересмена, дело примерно идет до самого обеда. С концом пересмены начинается обед, опять строиться. Только успели обед получить, свисток строиться на обработку в баню. В бане пробыли 2 часа. Еще будет 2 построения на ужин и плюс вечерняя поверка, да и еще можно упомянуть третье построение у комнат — это по счету последнее, после этого закрывают бараки. Начинается сон. Видишь ли, каков он сам по себе выходной, сколько построений и все стоять, порой продолжительное время. Сейчас перешел в первую смену. Да, забыл, когда были в бане, видали приходили мыться из команды зенитчиков наши русские. Свежие вполне справные люди. Правда, они, кажется, служат в зенитных — немецких дивизиях на правах их солдата, хотя форма у них такая же, как и у нас, только нет клейма SU¹. Кто они — не знаю, но видать не как мы, пленники. Некоторые поделились с нашим голодным человеком табаком и недокурками папирос. Хреново, завтра с 5 час. утра натошак идти на работу.

(Пока хватит).

¹ СУ — имеется в виду «SU» (от нем. «Sowiet Union») — надпись масляной краской на шинели и брюках советских военнопленных.

24.IV.[19]44 г. Только что бросил шить, решил кое-что упомянуть. Все страшно голодую. Живу на самом лагерном пайке. Утром ходил на работу совершенно ничего не кушавши. И так на тощак проработал 8 час., а совсем не кушал 24 часа. Ты можешь сказать, что надоел своим напоминанием о голоде, о жратве. Возможно, но у кого что болит, тот про то и говорит. Хочу остановиться на распорядке жизни нашего лагеря. В 4 часа утра — свисток на подъем, до 5 час. получаем завтрак (состав воды и мелко накрошенной брюквы гр. 100–200). С 5.30 ч. идем в баню, с бани в шахту, с 6 час. начинаем работать, кидать уголь в ручи-рычаги и так продолжается до 2 час., с очень, порой, малыми паузами. Затем идем в баню. В бане моемся, примерно, бывает до 3.30 и до 4 часов, а с годиною почти до 5. Возвращаемся в лагерь и получаем обед, такой же как и завтрак, немного погуще и больше. Через небольшой промежуток получаем хлеб. В 7 час. поверка и в 8 закрывают бараки. Здесь уж спокойно, мы сами между собой хозяйничаем. Сон. Весна в полном ходе, лес распускается, трава растет, покрывается все зеленым ковром. О! Да Весна! Каково же быть в таких страшных условиях.

25.IV.[19]44 г. Сегодня хочу пару слов сказать о работе. Начинаем работу с 6 час утра. Кидать, кидаем медленно, порой, как не смотрит мастер, по половине лопаты, тянешь лопату и сам смотришь, как бы кто не зашел из начальства. Как заметишь идущего начальника (а они здесь ходят со светящими лампами — карбидками), то начинаешь увеличивать темп работы, ибо со старым темпом кидания можно уловить пощечин, подзатыльников, палки и проч.

Вчера мне аузир посулил сначала дать по морде, а затем пришел второй раз и говорит более спокойно: «Кидайте добро, достанете картку на суп».

Да! Это до некоторой степени истина, кто хорошо работает, иногда получает эту самую «картку», по которой в лагере получает добавочку порции баланды.

Но к моему удовольствию или неудовольствию, я ни одного разу не испытывал этого счастья. Сегодня дали на комнаты ракушек-устриц по 100 гр., что стоит 80 пфенингов. Погода установилась опять плохая, прохладно, пасмурно с ветерком, а шинели уже отобрали. Скоро поверка по комнатам и спать.

26.IV.[19]44 г. Сегодня получили по 125 гр. маргарина, но едим мы его не все. Некоторые продают на баланду, на хлеб, на табак — идет полный товарообмен. Порция обеденного супу стоит половины порции маргарина, т.е. 60 гр., талон (нам их дают на завтрак, стоит 30 гр. маргарина, хлеб — порция на порцию).

В лагере все мы живем не одинаково, некоторые имеют блат с полицаями, с поварами, те достают больше супу и живут получ-

ше. Другие через гражданских достают кое-что, а я сейчас ни с кем и ничего.

Живи на радость.

27.IV.[19]44 г. Чуть было не оставил запись. Сегодня т. 40 выкидал угля. На последний час, т.е. шел по счету уже 9 пришел старый старик слюнтяй, сам вооружился лопатой и с гиканьем «Кидай, а выкидаем и шихта». Угля было примерно возов 15–20 и мы их выкидали.

Что же поделаешь? Вчера продал 50 гр. табаку, взял кусок мыла и 250–300 гр. жито, сегодня посушил, потер и сварил суп-кашу. Получилась превосходная каша. Да, превосходна.

Уже закрыли, сейчас спать, а время еще 8. На улице превосходный весенний вечер.

29.IV.[19]44 г. Забылся. Все работаю, хотя толку почти никакого. Я бы возможно от такой выгоды бы их давно бросил шить, но работа кое в чем помогает. Приходим с работы, получаем суп, пройдет примерно час и два — получаем хлеб (4–5 ч. дня) и вот здесь то шитье помогает. Конечно, насилуя себя, переборишь, положишь хлеб и займешься работой, Это самое до некоторой степени отвлекает внимание от еды. Покушаешь, после проверки.

Сегодня такой трюк не удался, получил хлеб слишком плохой, сырой — маленькая пайка, и я от злости, что не везет, пожрал все сразу и вот теперь ожидать завтрашних 4–5 часов дня. Раз кушать в день и то не вдоволь.

Да! Действительно, не везет, сейчас послали в другой филер работать, хреновые мастера, в глаза ничего не говорят, а жалуются начальству, которое в свою очередь жалуется на всю железку.

Приходя на работу, делают бринт¹ и его черпаем до 11–12, а порой и до часу. Затем взрывают второй раз по количеству почти столько же, в это самое время приходит обергаир² и начинает гнать в хвост и в гриву, и в 2 ч. выкидываем все. Вчера попробовал огрызаться, получил толчок.

Сегодня, стоя на проверке, видал идущих союзников англичан. Никогда и никто бы не поверил, что это пленные, идут в колонку по три, чистые, все в своей форме и с музыкой. Задний шел с футболом, видимо, играли. Только посты вооруженные по бокам говорили о их пленении.

Теперь проследи внимательно, хотя беглым взглядом, за нашей голодной, грязной, замученной русской толпой.

¹ Бринт — вероятно, бадья.

² Обергаир (в другом месте — обергалер) — точное немецкое выражение не установлено: по-всей видимости, главный начальник в шахте или в ее части (филере).

О! Ужасный контраст, разнообразие формы... Кошмар!

1-е Мая [19]44 года. Да! Я только вчера останавливался на выдержке жратвы хлеба, но это слишком хреновая выдержка. Суп-баланду стали варить со шпинатом (травя) в обед пожрал, а хлеб оставил после проверки, вот оно и сосет, и сосет. Сегодня большой международный праздник, но мы в него работали, немцы тоже. Все не довольны.

На проверке давали по 10 папирос. Мне не дали, я ниже говорил об этом. Правда я в курении не страдаю, полпайка хлеба пропала, бл...

Да! Май... Не надо волноваться, ибо это труднее.

3.V.[19]44 г. Все ушли на работу, я еще один в комнате остался. Хожу во вторую партию еще 15 мин. и хотя спокойный, но заунывный свисток позовет меня на построение. А там уж начался каторжный день, о это мне кажется хуже каторги. Работаем двое русских в филере и взорванный уголь весь приходится на нашу долю кидать, что обходится в 70—80 возов. Мастер на меня все жалуется начальству. Вчера штагер¹ давал табаку в шахте, моему коллеге дал гр. 20—25, а мне прямо-таки на смех гр. 8—10, другим дает бумажки на суп, но мне ни разу.

Говорит по просту — фауль. Да — фауль. О! Безумие. Все страшно не везет. Вчера в шахте стали делать обыск у меня отобрали сандали — тапочки, за которые была уже договоренность с одним немцем о продаже.

Что еще делать? Пока остаюсь спокоен, продолжаю жить, пусть еще отбирают, буду не поколебим. Сегодня опять гадина, сейчас 5 часов. и вернусь с работы тоже в 5 час., только вечера. Все, сейчас свисток.

6.V.[19]44 г. 5 час утра. Теплое, свежее майское утро. Мир природы ожил, поют птички, где-то издали слышна гармоничная песня соловья. Комната опустела, все ушли на работу, еще минута, и я тоже должен покинуть блаженство природы и спуститься в подземелье — мрак и сырость.

Дорогой, я стал редко останавливаться на записях, все работаю, я не имею ни одного часу свободного времени, работы по горло, а жрать нечего. В шахте отдал одному немцу тапки, вчера принес с полкило, обещал еще. Ерунда, на двоих разрезали и не сходя с места съели. Одному русскому по заказу пару договаривались за две пайки хлеба, но получилось опять иначе, он их отдал немцу и тот обещал только 1 кг хлеба, обещал сегодня принести. Что-то опасаясь.

Все, я кончаю заунывное журчание, меня зовет на работу. Прощай.

¹ Штагер (правильнее «штайгер») — бригадир в шахте.

Тихий пасмурный вечер. В комнате тихо, все спят или молча лежат. День тяжелого труда кончился, ожидаем горе — выходного. Сегодня я не знаю в честь чего дали по 2 пайки хлеба, т.е. по 1 кг. Говорят за суп. Правда, суп сегодня был совершенно плохой, капуста, шпинат. И точно по счету, половина маленькой картошины.

Народишко подождет, будет спать покрепче. Пару слов о работе. За эту смену, т.е. за 15 дней нами было сделано огромное дело. Разработали целую пещеру, только с заметной рукой человека. Длина этой пещеры 20—25 м, ширина 8—10 м, высота 3,5—4 м. И ты можешь высчитать сколько здесь есть. Кошмар. (Работали две смены). Смотрю в окно, несет прохладой, освежая голову. Вечер, теплый майский вечер, слегка дует ветерок.

О! Дорогой мой, я еще не полностью использовал свободу юноши, я еще не познал интимной жизни с женщиной, я... я еще был совсем юнгой, когда это все оборвалось. Все кончилось так быстро неожиданно, что я себе порой не могу вспомнить своего прошлого.

Лето. Ясная лунная ночь. На меня смотрят исподлобья как бы с украдкой открытые голубые глаза. Мы молчим. Маруся? Сережа? и мы весело смеемся...

Увы! Где все это? (Видишь у меня есть настроение, подождет кило хлеба, из шахты принесли). Трудно, слишком тяжело.

9.V.[19]44 г. Дорогой, ты возможно думаешь, я уже забыл. О! Нет, не правда. Я не имею ни одной минуты свободного времени. Видишь ли, какое трудолюбие, да но это только страсть голодного человека заработать себе крошку хлеба. И вот мне вспоминается один печальный случай.

Прошлый год я знал одного молодого человека в нашем лагере, который также старался, где-либо, каким бы то ни было образом достать лишний литр супу. Он сначала присоединился к нам мыть бачки из-под супу (я тогда таким образом шакалил). Затем. Каким-то путем пробрался к солдатам уборщикам. Человек нисколько не считался со своим трудом, дабы набить свой отощавший желудок. Помнишь, с нами мыл бачки, его водой затопило в шахте, так мне сообщил мой коллега. Что ты? Я страшно удивился. Да! Вчера у них филер затопило — дополнил он. Я хорошо вспомнил эту историю. Такова наша жизнь.

11.V.[19]44 г. Только что вернулся с работы (3 ночи), уставший, разбитый, была тревога. Жизнь на старых рельсах. Сегодня дали по два пайка хлеба, не было картошки и по 2 дня давали уже семечек.

Работаю не имея ни одной минуты свободной. Порой отдаю за бесценок, дабы достать крошку хлеба.

Сейчас один отдал за 1 1/2 порции хлеба, 1 уже получил, вторые продал за 2 это русским.

Хотелось бы больше остановиться, но надо спать. Все спят.

19.V.[19]44 г. Да! Какая сегодня мне пришла в голову мысль, вспомнил из Салтыкова-Щедрина одного героя, как он там выражался, что такое жизнь без идей. Допустим, я в гражданке имел идею, какова же идея сейчас? Сейчас я также имею идею — это пожрать, основа в нее входит все, мышление и умственный кругозор. Мой С. Если ты бы мог видеть и или даже слышать от посторонних людей, какой я стал пристрастный к работе — это жутко. Ложусь спать в 1–2 ночи, в 7 или половина 8, я просыпаюсь, проснувшись, схожу в уборную и сажусь работать, перерываюсь только на построения и жрать, а то до самого свистка на работу стою.

В эту неделю начал шить, почти третью пару. И это не плохо. Когда чем-либо увлечешься, то меньше думаешь о посторонностях, а это тоже в нашу пользу. Спать. Мой дорогой не имею никак времени. Все работаю, а сейчас в шахту.

17.V.44 г.

22.V.[19]44 г. Мой дорогой, совсем забросил свои любимые записки. Все работаю, порой не досыпаю, а добываю крошку хлеба. Не имею минуты свободного времени, сегодня рано кончил шить портфельташу и решил кое-что записать.

Две недели прожил хорошо (по пленному в условиях лагеря). Кушал каждый день по кило хлеба, вот уже как 16 дней и 16 кило хлеба. Это первый случай за всю жизнь в плену. Как пойдет дело дальше не знаю.

Вчера получил [пиздюлей] от собаки-обергалера, за то, что якобы шел тихо, а я в деревянных колодках шел. Ботинки сдал. Скоро на работу.

25.V.[19]44 г. Прошло три недели, за эти три недели я почти ничего не записал. Все работал, можно подвести итоги, сшил 4 таши¹, несколько пар тапок, из всего этого одну ташу отобрали. Можно сказать из моего продукта отобрали 1 кг хлеба.

В основном эту пересмену в смысле питания прожил по пленному хорошо. Сейчас перешел опять в первую смену, как обернется дело в этой смене, не знаю.

Настроение тревожное, на пересмене, говорят последних обыскивали, не дай боже как начнут обыск нашим комнатам, тогда пропал.

19.VI.[19]44 г. Дорогой мой, окончательно забылся, все работаю. Сегодня случилось несчастье — в шахте делали обыск, у меня нашли банд², нес на ташу, правда ничего не было, только обергаир надпомянул о штагере, возможно ему передал, не знаю, что завтра будет.

¹ Таша (от нем. *Tasche*) — сумка.

² Лента, ремень (нем.).

С нами в шахте работают пленные итальянцы. У них условия жизни такие же, как у нас. Погода стоит замечательная, но об этом нет время, продолжаю работу.

Болят голова. 4 часа дня.

1 сентября [19]44 г. Мое здоровье совсем подорвалось, наверное, болят легкие, харкаю кровью.

Вчера в шахте свершилось нечто страшное, сначала легкий с кровью кашель, затем сильный, сопровождался кровью.

После смены, когда стали идти к клетки, разразился страшный кашель также с кровью, — даже захлебывался.

О! Боже мой! Это меня слишком пугает, мне кажется, что у меня лопнули легкие, ибо с отхаркиванием вылетают совершенно маленькие кусочки мяса. Ужасно!

Сегодня на один день освободили, что я буду делать, если завтра пошлют на работу? Я чувствую себя плохо, хотя питался это время не плохо. Все шью тапки. К питанию прибавили, стали давать две-три ложки повидлы на неделю и раз давали гр. 75–80 сыру, не качественного. Иногда продают морковь, капусту и раз продавали огурцы, правда, устаревшие.

Часто бывает тревога, бомбят, где-то не далеко.

Тревожит завтра. Сергей.

2.VIII.[19]44 г.¹ Бюллетень мой врач продолжил, ослушивал, остукивал, но ничего не обнаружил. Я ему рассказал характер болезни, смерял температуру — 37,6 и освободил. Сказал, во вторник пойду на комиссию.

Да! Мне вспоминается та Нюська, которая все легонько покашливала, в небольшую прохладу пряталась в зимнее пальто, была всегда скучна, неразговорчива.

Бедная! Что с ней? А что делается со мной. Ломается здоровье, коверкается жизнь. Сегодня моего коллегу вызывали к коменданту, допрашивали, где взял хлеб (который они отобрали дня 2–3 тому назад). Он сначала хотел было сказать, что продал какого-то якобы сделанного петуха, попросил подтвердить товарища, который совершенно отказался. Коллега мой, видимо, под натиском не выдержал и сказал, что принес один немец за соду. Ком. обещал спуститься в шахту. Человека продали. Торговля также может кончиться, а значит и до некоторой степени норм. питание. А одна пайка страшна, как болезнь, которую я чувствую.

Война!! Когда же она кончится? Так говорят или спрашивают друг-друга миллионы. Всем она уже надоела, опротивела, что каждый хотел бы только конца.

Увы! Но где же конец? Вопрос сложный. Наш брат каждый толкует по своему в зависимости от дуновения ветра. Но, а прово-

¹ Описка. Имеется в виду 2 сентября 1944 г.

лочка еще длинна. Ясный солнечный день. Здесь только установилась погода.

Сергей.

4 сентября [19]44 г. Вчера был случайный выходной, правда, хотя вчера было тоже воскресенье, но выходные обычно бывают через две недели, но в силу некоторых обстоятельств (говорят, нет порожняку вагонов) был сделан выходной. Прошел спокойно, только день был пасмурный и дождливый.

Утром в 6 часов иду на комиссию. Не знаю, что скажут. Остановлюсь завтра шире. Не дай бог, если пошлют в шахту, тогда я уже определенно дойду.

А еще будущность. Говорят, Ф. палач.

Сергей.

6.VIII.[19]44 г.¹ Итак, я вчера был на приеме у немецкого врача. Конкретного ничего не сказали, болезнь не могли определить, после некоторого ослушивания и остукивания взяли кровь.

В пятницу идти на повторный раз. Что дослушает или выстукает? Или возможно на рентген пошлет. Сегодня мерял температуру — 38,2.

Чувствую себя также хреновато, впечатление неприятное, порой мурашки пробегают под кожей. Аппетит также плохой, хотя и есть нечего. Страшен плен, но совсем ужасно больному. Торговля моя прекратилась, работа также. Ночами, хотя в жару вижу массу снов, женщин, с ними даже лобзания и разная прочая штука.

2 часа дня. Стоит жаркая, солнечная погода с небольшим веянием ветерка.

Здесь солнечная погода имеет преимущество осенью. Лето наоборот дождливое, пасмурное, даже с ветром, прохладное. Да! Сергей, Сергей... Так много раз повторяют чьи-то милые уста, а им вторят родные: Сережа, Сережа... Что с ним? Не знаю, что будет.

8.IX.[19]44 г. Итак сегодня был обратно на приеме врача. Особо ничего не сказали, только после долгого выслушивания и выстукивания врач изругался, приказал, что-то записывать его помощникам. Меня выдворили. После я узнал от санитаря, что мне дали направление на лучи рентгена. Что еще скажут там. Два раза ездил в город, но ни один раз не остановился на этом. Путь по километров 5: несколько составляет пешим ходом, и 3 пролета на трамвае, правда, говорят, нам на трамвае не положено, но все же мы уже три раза имели возможность ехать стоя у входных дверей, порой служа швейцаром, пропуская туда и обратно публику. Хотя низко и то все же рождается мысль, что ты человек, хотя

¹ Описка. Имеется в виду 6 сентября 1944 г.

не сейчас, но был когда-то что ты имел возможность также свободно сидеть в трамвае и мчаться до указанной или желаемой остановки.

А порой мчаться, мчаться и еще долго мчаться и потом подножка, прыжок и на животе по мостовой обратно мчаться.

Сергей.

11.IX.[19]44 г. Долгое время ходил и думал, чем же заняться. Читать старые журналы и газеты — не интересно, потом все же вспомнил, что думал, я кое-что записать. Сегодня был на лучах. Пост говорил, что в Ламсдорф — это значит больные легкие. Да! Больные легкие. Это уже не человек. Это уже смертник, которому можно уже и сделать крест. Увы! Это слишком страшно, знать, что ты скоро должен уйти в небеса чудес, и ждать, мучительно ждать того дня... Я не знаю... Как бы поступил в гражданке. Ламсдорф меня пугает своим голодом, холодом и многолюдьем. Завтра еще идти на комиссию к глав. врачу, его должно заключение. Вернусь назад. Вчера был выходной, хотя, правда, простояли до самого обеда. Вечером ставили инсценировку. Актеры из нашей среды и их якобы режисер был некто лагер. парикмахер. Трепло, любитель поболтать, он вышел с вступительной. Его жесты, сам напыщенный вид, говорили о его умении, что-либо сказать, но мысль мозга со всем его рассудком, оказалась не покорной ему. Артисты, что могли-то сделали.

13.IX.[19]44 г. Вот я уже сижу в Ламсдорфе в бараке туберкулезных. Вчера только еще прошел заключительную комиссию, а сегодня уже здесь. А сегодня уже в среде настоящих больных. У меня правое — продольное заболевание легкого. С незапущенными болезнями здесь лечат, путем каких-то якобы уколов в область легкого. Увидим, что за лечение. Но в основном дело хреново, питание также 300 гр. и др., мало. На другой раз останавлиюсь.

Сергей.

15.IX.[19]44 г. Перевели в другой барак: вчера в часов 5 ходил на вдувание, чем и думают лечить. У меня болит правый бок, вот и в правый то бок ставили укол и надували воздух, накачивали пр. 2-3, мне уже долго слишком показалось.

Ночь особо промучился, болел бок, как будто внутри все отвалилось. Говорят, что здесь дают добавочный паек, пока не вижу, получили только по 200-250 гр. молока перегону.

Посмотрим, что будет дальше.

Сергей.

Воскресенье. День отдыха. Но нам сейчас каждый день выходной, но он [сам] по себе страшный. Сегодня закончил все свои скромные запасы. Завтра уже на самой порции буду жить. Хреновато чувствуется, голодно. Сегодня дуют.

Сергей.

Понедельник. Только что «позавтракали» — по 5–6 картошин составлял наш завтрак. Чувство печальное. Вчера вечером приходили спать, то утверждали, что это лечение, т.е. надувание, никакой пользы не дает, а только вроде несколько поддерживает твое состояние здоровья.

Что история данного лечения еще слишком мало знает таких случаев, когда бы вылечивали или хотя заглушали бы, а наоборот, что в большей части только развивается болезнь, переходит на другую половину легкого, или не пойдет воздух и тогда больного выписывают в блок «А», где и больной должен дожидаться конца войны или смерти. Больше всего совершается последнее. Поэтому больные слишком боятся этого страшного «А». И у меня тоже холодок пробегает.

Все равно один конец.

Сергей.

19.IX.[19]44 г. Перевели на другое место. Условия хреновые. На двух койках спим три человека, одеяла порваты, подушек нет. Условия кошмарные. Суп сегодня был одна зеленая трава и вода, голодный и то съел полпорции супу. Правда, дали по гр. 300 в консервах рыбы и гр. 30 шоколаду от англичан. Вечером температура подымается до 37,3.

28.IX.[19]44 г. 10 ч. Пасмурное осеннее утро. Холодно. Уже четыре раза ходил на надувание. Чувствую себя не плохо.

Температура нормальная. Жизнь, по-моему, протекает в условиях лазарета русских военнопленных. На условиях я уже останавливался, хочу только еще немного дополнить. Барахло у нас все отобрали. Находимся в одном белье, поэтому в холодные дни приходится почти целыми сутками находиться в своей скудной постели и только во время прогулки в 4–5 часов сходишь в уборную или в теплые солнечные дни, час или больше погулять на воле в накидку под своим одеялом.

Но в комнате народ — больные также особо не поддается печали, хотя некоторые, возможно, предавая себе искусственное веселие увлекаются играми в карты (дурачка), домино и в шахматы. Потом это все сопровождается большим возбуждением, спорами и даже повышением температуры.

Вечерами с наступлением тьмы открываются частные разговоры, на разные темы споры, диспуты подначивания друг над другом. Порой бывает обсуждение новостей — параш (так здесь иногда именуют новости). Новостей сюда проникает слишком мало, а порой и ничего не слышим. Газеты получаем редко, в неделю 1 раз, и то на блок одну газету, так что она в комнате находится 30–40 мин., а за это время только приходится прочитать «На фрон-

тах». Я кажется немного отвлекся. Итак, временами наступает спокойствие. В это время один кто-либо выступает с рассказом на любую тему. Вчера по просьбе массы мне также пришлось кое-что рассказать.

Я выбрал тему собственного романа с Л., только не взяв на себя эту миссию, а как будто я этот материал взял из записей Дневника одного моего родственника.

Пришлось сочинять. В основном получилось ничего. Я слышал одобрение.

Многое опустил, сократил. У меня слабая диалектика мысли. Возможно, на конце жизни я вспомнил ее, Лидию, которую я любил больше всего в свете. Вспомнил ее милые черты лица, свою безумную любовь...

Сергей.

3 октября [19]44 г. Перешел на другую квартиру. Эта комната особо не нравится. Народ собрался или тихий или какие-либо нытики, не уважающие друг друга, развитых людей с образованием, кажется, нет. Споров и диспутов нет, как это наблюдалось в той комнате.

Рассказов пока еще кроме меня, никто не рассказывал. Мои рассказы довольны, одобряют. Но мне скучно, поговорить с кем-либо о литературе, о науке не с кем, поспорить также.

В области питания — два дня не дали вечернего добавочного хлеба, но вчера дали, с лимонной консервой, баночек стали давать совсем мало, а позавчера совсем ничего не дали. Супу стали давать 0,95 л. После надувания был на рентгене, где только говорили или определяли расположение воздуха, у меня 6–7–5, а что это за фигура, то я конечно не бум-бум. Вчера отправили в блок «А» 20 человек, а сегодня в блок «В» 4 человека.

Блок «В» слабых, в котором находятся слабые, но не больные туберкулезом. Это люди имеют шансы попасть в команды на легкие работы, а также до панов и бауров.

Это нач. счастливы. Сегодняшняя четверка, это также не вполне здоровые люди, а просто порой здесь наблюдается такая штука: человек попав на рентген, его просмотрев, определяют двухстороннее заболевание легких, берут мокроту и находят БК. Человека временно оставляют в этом блоке. Спустя недели две — три, позже, его же берут на рентген и находят, что легкие чисты, берут мокроту и БК не обнаруживают. Определяют здоровым и выписывают в блок.

Вылечили... Быстро и хорошо, даже не делали вдувания. Возможно ли это? Вот такие-то наблюдаются делишки.

В основном излечение здесь заканчивается в блоке «А» на Friede¹.

¹ От нем. Friedhof — кладбище.

* Так в тексте.

Положение самое трагическое. Сейчас погода установилась дождливая, холодная. В постели ввиду плохих одеял, также холодно. Печи еще не установили. Так что: «Будет утро осеннее тусклое, будет дождик слегка моросить, ты услышишь печальное пение, как меня понесут хоронить».

4 октября 1944 г. В нашу комнату одного башкира привели. На первой маленькой беседе, на некоторые его деловые замечания я определил, что человек кое-что понимает. Я решил с ним ближе сойтись. Ночью после непродолжительного моего рассказа мы с ним начали беседу, из которой оказалось, что я не ошибся в раннем его определении. Он хорошо разбирается в литературе: знает всех классиков, знаком с их трудами, дает деловые определения современникам, останавливался на недостатках современной литературы. Разбирается в философии.

Беседуя с ним вскрыл свои недостатки в литературе, философии. Обвинить в этом я нисколько не собираюсь себя. Я прожил всего 19 лет, когда я мог свободно заниматься на[д] повышени[ем] своего теоретического образования. Слишком мал мой период жизни, в который шла упорная борьба с наукой. Жаль что мало пришлось жить, что я еще юноша в науке. Но и то, что было нажито в области знаний, забыто наполовину. Жаль, все жаль, что мало познал в области знаний, этого наземного мира, что так мало пришлось жить....

А теперь, жизнь так безнадежна, что я уже не думаю выжить эту трагическую сцену. Со мной рядом на койке спит ворожей, и я признаться боюсь и ворожить, а вдруг... то что мы или я так страшно боюсь, лучше ничего не знать, что случится, а если и свершится, то спокойно без ожиданий. Здоровье пока что установилось, температура нормальная.

Вчера был на рентгене, воздух 8-6-8, говорят, что воздуху много. Сегодня должен был пойти на укол, но дали отсрочку. Во сне часто вижу родителей, но эти две ночи снится младший мой брат Константин. Бедный, уже, наверное, солдат, наверное, где-нибудь на фронте в окопах. А жив ли? Чертовская война нарушила все давно сложившиеся устои жизни, порвала устои жизни, порвала узы связи родства и проч. проч.

Скучно.

Сергей.

8 октября 1944 г. Комната у нас сейчас заполнена полностью. Последние прибывшие ребята кое в чем разбираются, иногда разговаривают или даже спорят о современной политике и друг. наболевших вопросах. Сегодня утром еще до картошки задела русский вопрос, вопрос философии. Русские свиньи, собаки, они не имеют сознания....

— Врешь, — заметил старший комнаты, — русские люди не такие как ты думаешь.

— Пускай я не понимаю, но только русские — жадные люди, он имеет и сыт, а все старается взять себе — так говорит один украинец.

— Это обуславливается условиями жизни, — говорил старший комнаты, — возьми к примеру, когда русский сытый и всем обеспеченный в жизни, то он наоборот простой и самый гостеприимный народ. Даже в наших условиях, когда люди лучше подкупают, и то они становятся веселее и вежливее в обращении друг с другом и т.д. и т.п. Спор шел долго.

Я также парой слов вмешался. — Кто знает традиции русского народа, психологический характер его, быт нравы, тот так наплевательски не говорит о своем народе. Выходит из личного соображения я должен сказать, что: люди со слабым теоретическим образованием, а значит лишенные благоразумного мышления, не знающие психологического характера народа, его быт и нравы могут судить только так.

Некоторые слабохарактерные люди, не имеющие силы личного убеждения, в силу современных обстоятельств и со стороны давления этой нации, вынуждены были признать их культурными людьми и их суждения истиной. А эта нация, воспитанная в духе национализма и только высокого мнения о своем народе, привыкшие свысока смотреть на другие нации и их жизнь, особо были пренебрежительного мнения о русском народе. Русские для них были дикарями с востока, людьми лишенными собственной культуры, науки, а значит и искусства, поэтому они были самого пренебрежительного мнения о нас. Нас они называли собаками, свиньями и др. самыми пренебрежительными названиями. И вот это то некоторые люди восприняли и иногда в страхе начинают выбрасывать эти словечки. Но тот, кто имеет голову на собственных плечах, тот никогда не скажет этого. Пусть меня хоть закроют гробницей, но я никогда не оплую великой традиции русского народа.

У кого можно встретить гостеприимство, теплоту, уважение, простоту натуры к незнакомому человеку? Только и только — у русских. Пусть мы имеем больные места в нашей жизни, и то это наше национальное русское.

Надо любить свой народ, уважать его, знать его недостатки, отзываться на них, быть сыном народа. Сейчас со мной рядом спит молодой человек по имени Борис, киевский родом. Мы с ним частенько вспоминаем прошлое — дни вольной жизни в гражданке. Вчера был В.Т., налетали самолеты и бомбили. Бомбежка длилась, примерно, около часу времени. В километрах 3-4 от нашего лагеря была сброшена зажигательная бомба, но вреда никакого не произвела.

Жизнь на крошках. Сегодня также из английского лагеря привозили суп, досталось по 3 ложки. Порой привозят больше. Погода установилась хорошая.

Сергей.

11 октября 1944 г. Лежа в постели, часто в своем воображении представляешь дни

прошлой жизни. На этом то я хочу остановиться. Растя* в семье малограмотных родителей, я до начала учения в неполно-средней школе, не имел понятия и желания чтения художественной литературы. В этом меня никто не принуждал, не прививал желания и вкуса к литературе. Уже в Н.С.Ш.¹ я начинаю самостоятельную работу над книгами. Читаю все без разбору, не имея на это указаний, направлений. С литературой я породнился, полюбил ее, она стала для меня утешением. В основном я воспитался и возможно воссоздал психологическое направление, личное поведение, натуру на подоснове прочтения книг. Но говоря о построении характера, я должен сказать, что я больше всего увлекался классической литературой, как русских, так и иностранных классиков XVIII и XIX столетий. Я не знаю как кто, я лично прочтя книгу, прочувствовав ее на себе, мне хотелось подражать этому герою или типу. Правда, это было почти еще детство, когда, читая приключенческие романы, особо «Гека», «Том Соера» и ему подобных, мне хотелось также чем-то отличиться и т.п. и т.д.

Более взрослым 16–17 л. я с большой страстью увлекаюсь любовными романтическими произведениями. Прочтя такие как «Чайд-Гарольд», «Отцы и дети», «Герой нашего времени», «Евгений Онегин», «Квентин Дарвард» и др. также стараешься чем-либо подражать герою данных романов. А это ведь отжившие типы архаизм. 17–18 л. уже имея за плечами большое количество прочитанных книг, приспосабливаешься к современной жизни, порой перебаривая себя, я должен был выработать в себе поведение порядочного человека. Обращение с людьми (особо с девушками), манеры, т.е. я должен был воссоздать какой-то современный тип. Подражать современным типам было почти некому, а если и были нарисованы в каких-либо романах современные типы, то они были совершенно скупы в области быта. И вот, исходя из этого, порой происходила внутренняя борьба с натурой, переданной по традиции с ее психологией и желаемой натурой для воссоздания в зависимости от теоретического кругозора. Конечно, что я хотел достигнуть, то я не достиг в довоенный период.

Жизнь полна прорех и недостатков, но я не имел на это указаний. Воспитывался так как хотелось мне, немного придерживаясь современности. Сравнивая других воспитание, которые не были сильно связаны с книгами, то получается напротив, тот человек в своей жизни больше всего упирался на влечении сердца — чувства (чисто половая жизнь). Подчиняясь влечению чувства, он

* Так в тексте.

¹ Начальная и средняя школа.

действовал по тем правилам и обычаям, в какой атмосфере он воспитался. Я же, наоборот, в своей жизни пользовался больше всего сознанием, в исключительных случаях чувством. Кажется, то и другое хорошо, но в обыденной жизни в деревне люди пользуются только чувством, для них сознание — посторонняя сторона. И это эффективнее.

Питание ухудшилось, баночки, которые давали с таблеткой (добавочный хлеб) не дают. От англичан супу также не стали возить. С Борисом вечерами подолгу сидим, вспоминая прошлое.

Сергей.

14 октября 1944 года. Время движется, вот уже больше месяца как я в данном госпитале, на правах больного. Жизнь в основном без изменений, ожидаем только приема пищи.

В 6–7 утра получаем чай, временами сладкий, временами нет, в 9 часов получаем картошку, 5–6–7 картош. в это же время в 10–11 часов хлеб, порой позже на 6 человек булку (1,8 кг.), раз в неделю получаем на 4 булку, это считается хорошим днем в 12 час. получаем суп. Суп варят иногда с крупой, очень жидкий, или с капустой, одна капуста без всякой примеси, временами жидка и ничем не заправлена. В 1–2 ч. тогда как дают молоко — обратно на 7 чел. пленных (1,5 л.). В 3–4 час. дают маргарин 20–24 гр., в 5 час. дают таблетку 100 гр. и 10 гр. маргарина, в это время иногда даже вслед за картошкой дают вечерний чай. Временами, правда, это редко бывает, привозят из английского лагеря суп, повидло, колбасы, что и дают в порядке добавки.

Таков распорядок дня. Когда что дается, тогда и уничтожается, даже чай, без хлеба и тот уничтожается. Все думают и даже говорят вслух, только о войне и ее конце. Друг друга порой убеждаем, что вот, вот война должна кончиться. Временами даже предполагаем, что к Октябрьской должно что-то совершиться, но увы, совершится ли это.

Сегодня читал газету «Заря» русских пленных, в которой сообщается об организации русско-эмигрантского правительства во главе генерал-лейтенанта Власова.

Это правительство якобы имеет целью мобилизации всех русских сил и вообще народов России на борьбу с большевиками. Эта провокация в предсмертных судорогах, задуманная в целях уничтожения русского народа, не удастся ему. Этим он создаст себе быстрейшую гибель.

Люди, особо пленные, пережившие такие неопишуемые ужасные условия жизни, испытавшие на своих спинах палки, приклады и резину, перенесшие многими тысячами не выдержанного голода, в конце концов чувствуя свою гибель, он в лице русских людей ищет союзников, кого он так унижал, издевался.

Этот трюк будет неудачным.

Сергей.

19 октября 1944 года. Чувствую себя сегодня плоховато, утром температура дошла до 38,2. Сильно знобило, даже почти целкал зубами, в одеяле укрытом с головой не мог обогреться, а часам к 9 перестало знобить и сейчас чувствуется температура и головная боль. Ночью также знобило. Снились нехорошие сны, видал отца, мать, родственников в убрatom виде. Здесь же, как-будто в театре, вижу знакомых девушек, ребят, загримированных. Затем вижу какой-то двор, во дворе якобы гробы, в которых лежат мертвецы и с ними же капуста. Затем вижу какой-то госпиталь с койками и тихо лежащими больными, шла бомбежка, после ко мне приходит совсем маленькая девушка, лет 6-7 и начинает меня звать с собой, я сопротивляюсь, но опасаясь ее оскорбить, после вижу коровий помет. Просыпаюсь почти больным с температурой. Беспокоюсь, волнуюсь, ибо наше здоровье такое — сегодня еще гуляешь, смеешься, а другой день на смертном одре.

Сергей.

21 октября 1944 года. Температура установилась. Сегодня был опять и четвертый раз по счету на рентгене. Результаты: легкое прижато к основанию 6 на 7. Не знаю, я почему-то опасаясь, что за это могут выписать из госпиталя, ввиду того, что долго держится воздух. Ребята убеждают, что это не может быть. Посмотрим. Говорят от англичан привезли посылки, но еще ничего не давали. Много бывает споров, толкований, но все попусту.

Суббота 2 ч. дня.

Сергей.

23 октября 1944 г. Сегодня утром дали картошку на 4 пленных (обычно давали на 3). И вот наш голодный люд начинает во всем этом обвинять обслуживающий персонал лагеря. Якобы они виноваты во всем этом, что мало заклали картошки. Мне кажется это напрасно, ибо шеф кухни есть немецкий унтер-офицер.

Порой обижаемся на врачей, в том, что те якобы мало заботятся о пленных, их бытовых условиях, особо в области одеял и белья. Белье здесь никогда не меняется, итак больные ходят в рваном и грязном белье. Благодаря дезинфекции белья, которая делается ежедневно, вшей не заметно.

В этом госпитале все врачи русские, и главврач доцент по хирургической части также русский. Немецкий, один лишь врач или даже фельдшер, который дает только адмраспоряжения.

От англичан были привезены посылки, три подводы, это порядочное количество, часть которых, говорят, растащили придурки (здесь принято фельдшеров, санитаров называть такими именами). Из всего этого сегодня дали по 2 галетины, хороши, но это же крошка.

Сергей.

24 октября 1944 года. Из посылок дали пока что по 2 галетины два дня подряд, и раз вечером был сварен компот. Выдача галет сопровождалась большим шумом и руганью. К примеру, нашей шестерке дали пакет, в котором было 11 галет, а нужно было 12, как было в других. Начинается крик, шум, ругань, за этой одной галеты.

Очень характерно для больных, особо в наших условиях, говорить о еде, завидовать врачам, докторам в их сытой жизни. Больных можно разбить на два в основном типа: людей выдержанных и малодушных, что на уме, то и на словах. Ложась спать, начинаем обсуждать о завтрашнем дне в смысле питания.

— Завтра будет чай несладкий, картошка на троих пленных, суп с капустой, хлеб, чай немного прислащенный, по две галеты дадут, маргарин и таблетка — говорит в одном углу.

— Врешь, завтра галет не дадут, суп будет крупяной.

— Нет, суп будет брюквенный и чай вечером несладкий потому, что дадут павидло.

— Кажется завтра должны дать вонючего сыру по 10-15 грамм.

Уже давно не ездили к англичанам, возможно гр. 200-250 привезут супу.

— Да, ну их на х... позавчера как привезли хорошего супу, придурки растащили.

— Б., им все не хватает, хотя жрут в четыре горла.

— Да, он курва, если бы брал себе, а то еще тащит своим товарищам и за одну сигарету отдает котелок супу.

— Мать их... когда-нибудь они нажрут.

Такой завязывается диалог между больными, но вдруг с какого-нибудь пустяка завязывается ругань.

— Ты же, паразит, рад с человека шкуру содрать, ты сволочь, вчера с больного за этот несчастный компот запросил пайку хлеба.

— Врешь, ты же безмозглый баран, ты ни сколь не петришь.

— Пусть, только бы не паразит, я не жополиз, я люблю правду, — говорит он. Таким образом начинается спор, ругань, друг друга называют самыми низкими именами и проч.

Так начинается и кончается наш день. Уже 25 день не был на поддувании, «отдыхаю». Люди прибывают сюда каждый день и отсюда отсылают ежедневно большими партиями. Ужасно.

Сергей.

4 ноября 1944 года. Жизнь на старых рельсах. 31 октября был на рентгене, воздуху было 3-4-8, после этого имел еще отсрочку 2 дня и вчера снова вдули 300 куб. см. на 8 дней.

Вчера вечером поднялась температура до 37,4, не знаю или после укола или прохватило. На ночь принял таблетку, ночью

пропотел, сейчас чувствую себя вяло и разбитым, температура — 36,8.

Да! Здоровье, конечно, хреновато, кровь 103/113, раньше было обнаружено три креста, в моче также крест обнаружен, напряжение крови ненормальное.

Мы, люди больные туберкулезом, обреченные на явную смерть рано или поздно, некоторые еще из нас думают попасть домой или даже здесь в случае попасть на команду.

О! Несчастные люди. Многим нам уже в эту зиму улыбается Фрида, другим немного позже. Бедные! Еще всем хочется жить, большинство — это молодые люди, которые еще не видали жизни.

Вчера к нам приходил врач. После небольшой беседы по болезни начинаем задавать волнующие вопросы. Заявляем, что комендант неравномерно распределяет добавку. Врач обещал объяснить это дело. Заявил коменданту, который минут через 5–10 пришел к нам в комнату.

— В чем дело, — зайдя, спрашивал он. Все молчали! — Кто на меня обижается.

Мы безмолвны.

— Ну, говорите, попросил старшой, обращаясь к одному из больных. Тот молчит. — Нам интересно разрешить один волнующий вопрос в смысле добавки, — начал я, — мы думаем или создается у нас такое мнение, что добавка дается почти всегда одним и тем же людям. К примеру, однажды соседней комнате дали два дня подряд, а нам нет. (Добавки дают на 4–5 человек пленных по 250–300 гр.).

— Я знаю, что я не хороший, что я никому никогда не угожу, что вы все голодные, один лишь я сытый — говорил он, но, товарищи, поверьте, что я не могу всех в один день оделить добавкой, добавка дается по очереди. В блоке 7 бараков по 3 комнаты — 21 всего. Народ немного успокоился. Нам всегда кажется, что в другом бараке дают больше или гуще.

Зависть. Голод.

Сергей.

7 ноября 1944 года. Дорогой мой! Наши родственники или знакомые сегодня держат тост, за будущее, за счастье и здоровье. А мы? О, мы жалкие люди, уже четвертый год в кошмарном водовороте этой хаотической жизни. Сегодня думали, что немец нам «отметит» праздник, но ничего кажется, идет все благополучно, чай даже дал утром сладкий, суп — наполовину горох с капустой, а дальше бог весть. Вчера вели борьбу с блохами, которых несчетное количество. Перетрусили матрасы, которые, видимо, года два не трусились. Ночевали хорошо.

Нет настроения.

Сергей.

13.XI.[19]44 года. Госпиталь. Барак № 3, комната 3. Здоровье хромает. Позавчера ходил на вдувание и в тот же день вечером была температура 38,4, а ночью, видимо, была еще выше, ибо сначала страшно морозило, а затем всего разжигало, наутро температура была меньше, но чувствовалась слабость и легкая головная боль. Сегодня чувствую, пока что хорошо. Старшего уборщика нашего сменили, поставили другого. Для меня он пока загадка. Ночь. Больные погружены в сон. Вдруг — стук железа, то полетела параша.

Больной без памяти при температуре 40° хотел оправиться, но во тьме столкнул эту парашу.

— «Это не люди, а свиньи», — были слова проснувшегося старшего.

Несчастный больной, обливаясь потом, пошел в уборную, уборщик еще долгое время бранился, что нарушили его сон. Идут слухи, что половину людей с нашего блока куда-то отправят.

Посмотрим.

Сергей.

18.XI.[19]44 года. Кривая ломаная, падающая с высоты 38,2 до уровня 36,8, вот орбита, в которой разжигается мой больной организм. Неровности поверхности этой температуры и плюс головная боль — вот мое настоящее здоровье. Как подъем воды в водоеме, угрожающий ближним селениям, так и подъем кривой порождает мрачные мысли в душе больного — это как раскаленная мачта из кратера вулкана, угрожающая человеческим жизням. О, да жизни! А какое могучее желание жить! Да — это и истина, ибо жизнь человеку дается только раз. И вот мысль утери этого счастья больно щекошет наши сердца. Увы! В наших условиях и в современных обстоятельствах приходится силой внушения доказать простоту этого дела. Да, стоит ли говорить, война — небывалый поток крови льется уже 3 года и 5 месяцев. Пали головы огромных миллионов людей, из них тысячи лучших умов. А что я, иль мне равные мужчины не павшие на полях сражения?

Воспоминание о родителях. Все теплое, все трепещущее, захватывающее с волнением дыхание нашего сердца — есть воспоминание о родителях. Да и как же не уважать? Мои дорогие, с раннего детства они следили за моей жизнью и радовались моим успехам в учебе. Они никогда не протестовали моим детским забавам и играм. Они прилагали все усилия к моему образованию, дабы их сын стал порядочным человеком. В тяжелые годы, невзгоды, они порой, сидя сами на порции, все же старались продолжить мое учение. И последнее, когда я был в «особом распоряжении», моя многоуважаемая мать, которой огромное мое уважение, старалась всеми силами создать мой отдых. Все лучшее мое должно направлено родителям и последняя молитва будет направлена им. Будьте живы

мои дорогие! Здоровье мое находится в сфере описания «кривой». Положение хреновое.

Сергей.

21.XI.[19]44 г. Был на рентгене, воздуху было 4-4-8 и незначительное количество жидкости и вот эта-то кривая, видимо, до некоторой степени зависит от нахождения жидкости, как говорит об этом доктор. Рентген сейчас стал более серьезный, просматривают обе стороны легких. У нас уже двоих выписали с комнаты. Да, вспомнился сегодняшней ночной случай. Вечером, но уже было совершенно темно, в часов 6-7 слышался резкий винтовочный выстрел, но на его никто не обратил внимания, ибо таких выстрелов бывает множество. Когда утром проснувшись в часов 7 утра мы узнаем, что вчерашним выстрелом был убит наш больной с первого барака. Оказывается, больной пошел набрать очистков с картошки из мусорного ящика, который находился в 200 м. от барака, но в зоне лагеря и вот какой-то воинственный фриз приложился к прикладу.

5.XII.[19]44 г. Сергей.

10.XII.[19]44 г. Интересно! У нас бывает множество споров на разнообразные темы, но порой бывает, что случайно темой спора бывает о психологических понятиях, нравственные суждения и пр. И вот выгоднее всего быть посторонним безучастным слушателем, ибо в данном случае ты можешь более логически следить за мыслью и понятием каждого. В процессе этого выясняется, что каждый хочет дать такой вывод, который не мог бы быть оспариваемый, но оказывается, редко кому это удается добиться, ибо каждый понимает по своему, поэтому как он понимает, для него является это истиной. Когда теоретически научное суждение говорит противоположность, но для многих нас наука еще объективное суждение, поэтому он создал свой круг, сферу понятий и на почве этого ориентируется в жизни. Это также наука, только личная. Здоровье следующее: жидкость чувствую увеличивается, это я чувствую при наклонах, резких поворотах и ходьбе. Кривая с вершиной 37,2-3-5, подошва которой 36,6-36,8. Дня через два-три должен пойти на рентген, не знаю, но тайно надеюсь на вторую половину легкого. Кашель бывает временный, но сильный из глубины груди, сухой. С приветом.

Сергей.

14.XII.[19]44 года. Все по-старому в атмосфере палочек и бацилл Коха. Вчера был на рентгене. Результат: «До 5 ребра — гидротрекс, легкое сжато 7 x 7». Пересматривали и вторую половину легкого, но пока что слава богу, а дальше... В комнате, в зависимости от погоды на улице, бывает также слишком холодно, так что пару хреновых одеял не в силах сохранить тепло. Угля дают всего половина ведра на день прессованного или 10 шт. по счету.

По возможности другие уборщики достают больше, но наш не имеет возможности.

Сергей.

21.XII.[19]44 г. Положение хреновое, вчера был на рентгене, легкое в старом положении — 7 x 7 до 4 ребра — гидротрекс. Сегодня в часов 9 ходил, брали пробу для анализа жидкости. Делали укол в полость нахождения жидкости и набрали один шприц. Цвет жидкости слегка мутновато-зеленоватого цвета. Наверное, будут выкачивать.

Состояние питания ухудшается. Картошки давать не стали. Варят один раз суп, с мизерным добавлением сухой картошки. Правда, вчера дали еще хороший суп и вовремя, а сегодня дали суп в 11 часов с какой-то зеленой травы и разнообразной примесью, причем очень жидкий и сразу же дали хлеб, булку на 6 человек. Так что совершили обед и теперь можно ожидать завтрашнего дня приема пищи. Да это только просто сказать, а как же почувствует это желудок.

Дела ухудшаются. День спустя, 3 дня подряд делали бомбардировку соседних городов.

27 декабря 1944 года. 4 года. Вот уже ровно четыре года исполнилось с тех пор, как я оставил родительский дом, свою дорогую семью и график нормальной гражданской жизни. Первое, хотя еще жизнь нормальной военной жизни, затем война и ранний плен. Плен, а с этим словом связан весь ужас и кошмар жизни. Пережито многое безчеловечного, страшного. С этим связаны огромные изменения в психологической, моральной и физической жизни. С этим связана и болезнь, туберкулез — смертоносное явление. Полное иссыхание костей и тела, у меня сейчас как у вымученной клячи торчат кругом мослы. А они, бедные, подвергаются такому истязанию, на которых приходится лежать по 20 часов в сутки. Угля до 1 января не обещают давать, а холода стоят до 13-15 градусов.

Картошки совсем не стали давать. Сегодня была самая жидкая и ничем не заправленная бряква.

Сергей.

1945 года, 1-е января.

С Новым годом, с новым счастьем — поздравляют друг друга добрые люди. А мы? Правда, я тоже поздравлял своего соседа, с которым мы уже спим на одной койке. Сейчас большинство людей в нашей комнате спит по 2 на одной и по 3 на двух койках, ибо мороз в комнатах невероятный. Угля два дня давал по 6 брикетов, а сегодня совсем не дали, так что ожидаем таблетку, а после таблетки — спать, под одеяло.

Лежим по 20 часов в сутки. Болят кости, ночью наполовину спим или просто лежишь.

Новый год ничем не отметили, а также и Рождество. Год грядущих чудес.

Сергей.

25.I.[19]45 г. Далеко, далеко слышны глухие раскаты артиллерийского грома. Прифронтовая полоса. Вот уже второй день наш лагерь бросили на произвол судьбы. Немецкое командование и здоровые фельдшера и обслуживающий персонал русских эвакуировались. Больных оставили. На один день оставили целиком продукты, а на второй лишь сейчас только дали брюквенный суп и обещается картошка, хлеба нет.

Ожидаем своих. Насколько скоро подойдут наши, настолько сохранится наша жизнь и здоровье, ибо продуктов нет. Из лагеря выйти также невозможно, ибо на сторожевых вышках маячат часовые. Положение тревожно. Голова заполнена разными, порой бредовыми мыслями. Лежишь, порой в полном напряжении, ожидая посторонних звуков. Временами кружится голова. Лечение всякое прекратилось, чувствуется мертвая тишина.

Мое здоровье также хреновое. Правая полость занята жидкостью. Временами бывают боли, иль колотье в бок, ключицу и проч.

12 час. дня.

Сергей.

28.I.[19]45 года.

Ужасно, страшно ужасно. Чего я так боялся лежа в госпитале, то произошло, весь блок туберкулезный перевели в лагерь в блок «А». Надо думать начальство с панического побега вернулось в лагерь и начало придумывать свои порядки. И, видимо, решили туберкулезных больных свести на свалку. Блок «А» — участок лагеря в количестве 8 бараков, обнесенных проволокой. Барак содержит 5 комнат. В комнате помещается человек 50—60 больных. Вместо коек стоят складные нары (трехъярусные). На нарах накидали на мелко перетертой стружкой матрасами. Одежд нет. В огромном количестве лезут блохи, клопы и порядочное количество вшей. Полы не моются. Окна в большинстве своем выбиты, вместо стекол вставлена фанера или картон, отчего в комнате полумрак. Печка стоит небольшая, железная, но топлива не дают, только благодаря находчивости людей, она топится, причем сильно дымит. Большинство больных курит, так что в комнате стоит все время дым. Воздух тяжелый. Но все это ужасное не так страшно, как страшно то, что люди в этом блоке уже 4 дня не получают ни грамма хлеба. А вчера дали только поллитра брюквенного супу и два раза не сладкий чай. А сегодня не знаю, кажется и совсем ничего не предвидится. Продукты с кухни все вывезены. Народ ослаб, некоторые не поднимаются, помирают в большом количестве. Сегодня вывезено две

подводы. Все надежды на приход своих. В противном случае грозит голодная смерть.

Ужасно. Сосет желудок.

Сергей.

29.I.[19]45 года. Вчера одуревшими немцами был сделан сюрприз. Приказали сдать все печи и трубы, оставили без печки, а к вечеру поднялся сильный мороз и ветер, так что сегодня температура достигает 20 градусов холода с ветром. Для нас мороз невыносимый. Что касается питания, то вчера дали по 1 литру горохового бульону, а сегодня 0,8 л. крупяного, где можно было обнаружить 4—5 ложек крупы — больше ничего совершенно.

Фашизм, видимо, в своих предсмертных судорогах сдумал заморить с голоду. А своих не видно, только порой доносятся разрывы.

1 февраля 1945 года. Жизнь по-старому в наземном аду, только без смолы. Измор плановым путем продолжается. Обнаружено людоедство. Вчера ночью один из больных забрался в холодилку и вскрыл мертвеца, вырезав ему внутренности, мягкие части тела. Это было замечено, и вчера этот человек был расстрелян. И все это вызвано страшным голодом.

За 4 дня пребывания в этом лагере мной было съедено 100 гр. гороху, 50 гр. сечки крупы, 100 гр. сырой брюквы, 50 гр. картошки и 20 гр. травы. Один лишь чай, собака, кипятит два раза. Правда, дня два тому назад была бомбежка картошки, в которой и я был соучастником. Три котелка сварил и съел, немного поддержался.

Вокруг нас громяют разрывы снарядов, кажется, вот вот недалеко за горизонтом, но существенного ничего не видали. Немцы несут караульную службу.

Сколько все это продолжится?

Сергей.

3 февраля [19]45 г. Суббота.

Блок смерти. Положение с каждым днем ухудшается. Силы от истощения с каждым днем улетучиваются. Смертность увеличивается, из одной только нашей команды каждый день выносят по одному, два, а вчера три трупа вынесли. Болезнь, а сейчас в большей степени голод берет свое. Некоторые смельчаки, решаясь жизни, бросаются на пикировку в кухню за картошкой. Вчера пять смельчаков попали под пули злодеев, а два из них, кажется, просто были казнены, так как все их тело было испорчено штыками и выколоты глаза. Положение ужасное. Смерть витает на носу. Страшно, голодная смерть. Возможно осталось несколько дней, а положение такое безнадежное. Говорят, пошли наши в наступление, но ничего не видно.

Подсасывает желудок.

Сергей.

6 февраля [19]45 года. Дорогой мой, вопиющий голос в пустыне. Я стою, кажется, уже на пороге смерти, я уже не располагаю на жизнь. Десять дней не имею крошки хлеба во рту, на поллитра временем литр травяного супу не в состоянии двигать мою кровь. Силы с каждым днем падают. Качает на ходу.

А гром артиллерийского раската, временем — пулеметная дробь слышна вблизи. Говорят, в пяти-трех км стоит передовая.

О! Боже, как жаль так близко родные братья, которые несут свободу и вдруг смерть — голодная смерть. Вокруг нас гремит, образовался какой-то волшебный круг, на площади которого Ламсдорф с 318 лагерем. Центром лагеря является кухня, вокруг которой все вращается и гибнет от пуль фашистских злодеев.

Во время моего пребывания человек 10 было пристрелено за пикировку на кухню, но голодный люд не обращает на это внимания. Одного пристрелят, другой лезет. Голод, страшный голод. Не знаю, придется ли еще взять карандаш в руки, возможно, попаду под пулю или уже не в силах буду подняться. Жаль, в последние часы перед свободой и придется погибнуть.

8 февраля 1945 года. Лежа на нарах я чувствую содрогание барака от разрывов снарядов, также слышны ружейные и пулеметные выстрелы. Фронт близок, но фашисты чинят свое звериное дело. Морить продолжают, по несколько человек убивают за пикировку. С нашей комнаты пало уже двое от рук кровожадных палачей. Скоро ли час освобождения... Но час голодной смерти еще ближе. Вчера фельдшерам привезли картошку, которая была расхвачана, комендант якобы сообщил немцу, который обещал еще также давать травы.

Сергей.

10 февраля 1945 года. Еще слабо бьется сердце, медленно пульсирует кровь, в перспективе гибель. Все надежды на ожидания и жизнь у же рухнули, у всех на устах печальное произношение о гибели, о голодной смерти. Все просят бога о спасении. О! Слишком страшно смотреть на эту картину.

О пище приходится только помечтать или в сонном воображении покажется свежий хлеб, которого ты боишься дотронуться. Временем кушаешь картошку, а когда проснешься, увы страшная пустота желудка, жажда есть. Кушать, кушать с этими словами, видимо, придется тихо и навечно уснуть.

13 февраля [19]45 года. О! Дорогой мой, какое ужасное желание похреть. Я сейчас бы съел все, разную падаль, нечисть, траву, корни, но увы, к сожалению, не могу этого ничего достать, здесь ведь только деревянные нары и все такие голодные, как и я. Мне пришлось наблюдать смерть человека, который, помирая, бессознательно махал руками бессильно просил: «кушать, кушать», но к сожалению, ему никто и ничего не мог подать. Из лагеря эвакуировали всех здо-

ровых и слабых, даже туберкулезных с закрытой формой. Сколько еще придется дней продыхать не знаю.

Сергей.

16 февраля [19]45 года. Сегодня за один день 12 ч. убили, 8 — тяжело ранили. Люди шли на кухню достать себе что-либо, достать хотя бы с помоев отбросы с кухни. Но, увы несчастные пали от рук злодеев. Да и вообще теперь нашего брата стреляют как птицу, к примеру, один прославленный «косой», заходя в блок снимает с плеч винтовку или вытаскивает пистолет и стреляют в собравшихся людей. Массу уже постреляли, сегодня мой сосед попал также под пулю.

14-го и сегодня дали по 300 гр. хлеба, суп остается старый, картошки нет. Измор продолжается.

1. Психологическое понятие

1. Мораль — сознание. 2. Натура — поведение, переданное по традиции. 3. Характер — сглаживается в процессе жизни.

а) Скромный чел., не делающий дурных поступков. б) Вежливый — мягкость натуры. в) Смелый — не знающий страха. г) Гордый — ставит себя выше других.

4. Темперамент — поведение.

а) Экзальтированный — вспышки б) Сангвинический.

5. Страх — религиозный, потеря жизни.

1 марта 1945 года. Я еще чуть жив, уже стараюсь реже подыматься с койки, чувствуется сильная слабость в ногах и вообще иссох, но иссох не от болезни, а от голода. Да и как здесь не иссохнуть, когда, начиная с 27 января, нам дали пять паек хлеба. Да! Это и удивительно за месяц и 4 дня скушать полтора кгр. хлеба. Какое же может терпение! А результаты этого терпения таковы: за этот самый же период вымерло 20 человек, из них — 10 человек от голоду. За фронт ходят разные слухи, надежды на освобождение не предвидится. Так что большинство людей ожидает со дня на день голодной смерти. В том числе и я, если утром проснешься жив, то и говоришь, слава богу. Чувствую это продлится считанные дни.

Страшна голодная смерть, но я бессильный в этом. Не знаю, удастся ли еще раз взяться за карандаш или нет. Но, а если не удастся, то придется попросить только, прости.

Очень жаль, осталось может несколько недель или малые месяцы, а здесь приходится погибать, да плюс от голоду. За что же страдал 3 года. О, боже!

5 марта [19]45 года.

Итак, я уже точно последний раз взялся за карандаш. Последний раз я беседую с этими листками. Да! Но я дожил до такого состояния, что смерть меня уже не пугает, а наоборот, будет чем-то приятным успокаивающим, тем миром, где всем одинаково хо-

рошо и плохо. Где нет науки, искусства, красоты, наслаждений, где вечный мрак и сырость.

Допустим, если фашизм не взялся морить, то я имел бы, может, шансы вернуться с туберкулезом на родину. И что же бы было, я бы мог быть лишней обузой в семье, в обществе и там-то будет гораздо тяжелее переживать все это. А здесь в связи с годоводкой здоровье ухудшается. Позавчера ночью началось страшное кровотечение. Слава богу, соль была, так солью немного пришлось остановить. Но я харкаю и сейчас кровью, так что три дня скидывается с моего счета. Плюс ко всему этому заедает вшета, их страшно великое количество. 2 месяца уже не были в бане. Грязь, масса мусору и проч. Все уже перемечтал, все малейшие случаи жизни. Круг моей родной семьи. О, бедные, жаль, слишком жаль, что с бедной матушкой.

Болтают, что в шести клм. наши взяли деревню, но нет выстрелов, ничего не слышно, абсолютная тишина. Хотя бы перед смертью услышать орудийные гулы, разрывы снарядов, чтобы земля гудела, черт побери. Обнимаю и целую все мне близкое и милое.

Прощайте мои дорогие на долгие годы. Мне скоро час пробыет, я уже не поднимаюсь с постели.

Ваш сын Сергей. Эти записи передайте Борису Сем.Родионову, если он жив, а если нет, то просто в редакцию.

С. Воропаев.

Сталинградская область

Кагановичский р-н, РАИЗО, Писареву М.Г.

Мой адрес: Казахстан, Кустанайская область, Пресногорьковский район, Пресноредутский с/совет, село Пресноредуть (отец мой) ВОРОПАЕВ Николай Алексеевич

С. Воропаев.

Дорогой товарищ, если Вам попадетсЯ эта записЬ, вышлете по этому адресу.

С подлинным верно:
сотрудник ЧГК Е. Черноусова 30.IV.[19]46 г.

Первое послесловие

История болезни и смерти Сергея Воропаева

Сергей Воропаев попал в плен в 1943 году. Где и когда, мы уже едва ли узнаем. Он был одним из 5,7 миллионов красноармейцев в нацистском плену, одним из 3,1 миллионов, увезенных нацистами в рейх и одним из 1,1 миллионов, умерших или погибших в Германии (еще 2,6 миллионов умерли, не доехав до нее). Умерли от бесчеловечного обращения, от недоедания, непосильного труда, истощения, болезней, травм и бомбежек.

Через все это прошел и Сергей Воропаев. Судьба занесла его в шталаг VIII в Ламсдорф в Верхней Силезии. Работал он на шахте, а главной мыслью его существования было: достать где-нибудь еды, что-нибудь поесть, что-нибудь, что угодно!..

Несмотря на давящую тяжесть повседневной рабской жизни, Сергей Воропаев, натура явно поэтическая, всею душой тянулся ко всему светлому, обнадеживающему, что заложено в смене времен года и, в особенности, в приходе весны — пусть даже и последней для него. Но в таких условиях, в каких он оказался, лирическое неминуемо переходит в трагическое. Вот начало первоапрельской записи за 1944 год: «Весна. Сегодня самый настоящий весенний день. Когда-то самое лучшее время жизни возрождение поэзии и творческих чувств...». Сколько же скрытой глубины и вместе с тем сокрушенности в этом поразительном «когда-то»!

Где-то в середине Дневника впервые появляется имя «Сергей». Чувствуя, как мало ему осталось жить, автор как бы боится своим именем, хочет, чтобы хотя бы оно осталось.

Вместе с тем это вдумчивый и хладнокровный наблюдатель — летописец и аналитик, каким, например, в другом месте и в другое время был артиллерийский офицер Александр Солженицын. Достаточно указать на один только расчет прибыли, которую имеет с его труда Германия.

И одновременно это безрассудный мальчишка, не отдающий себе полного отчета в том, сколь опасны некоторые из его откровенных записей. Например, эта, за 6 апреля 1944 г.: «Сегодня один с нашей группы сделал побег. Пока удачно. Это удовольствие делал я, прошло лето. 1 час ночи. Спать». Цена этой самоубийственной записи — где-то посередине между виселицей и концлагерем. Впрочем, жизни ему и так было отпущено неполный год...

Условия проживания и труда на шахте привели Воропаева к туберкулезу легких. Перевод в туберкулезное отделение спасе-

нием не стал, а недостаточное питание — только ускорило болезнь. Туберкулез косил всех военнопленных, а работающих в шахте — почти без промаха!

Он умер 23 марта 1945 года — 24 лет от роду, за 1,5 месяца до конца войны и спустя неделю с момента освобождения советскими войсками лагеря, в котором он сидел. Отдавал ли умирающий Воропаев себе отчет в том, что дожил до Свободы?

Скорее нет, чем да. Дневник его был обнаружен гораздо позже, при одном из осмотров бараков шталага.

Машинописная копия дневника Сергея Воропаева хранится среди материалов Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 102. Д. 631). Другой экземпляр находится в фондах Центрального Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге (№ 63508/2), куда он поступил в 1962 году от профессора М.Н. Авдеева.

В настоящей публикации Дневник печатается по копии, хранящейся в ГА РФ. Многоточиями отмечены пропущенные или не разобранные переписчиком места.

Оригинал дневника в апреле 1946 года был отослан в село Пресноредут Кустанайской области Казахской ССР Николаю Алексеевичу Воропаеву — отцу Сергея. В предисловии к журнальной публикации фрагментов из дневника Воропаева¹ я писал: «В случае, если каким-то чудом дневник сохранился или живы люди, знавшие Воропаевых, публикатор был бы признателен за любые сведения».

И такое чудо состоялось — дневник отыскался. С 1964 года местом его хранения является Кустанайский областной историко-краеведческий музей. Республика Казахстан, г. Костанай (инвентарный номер 817). Но подробнее об этом во втором послесловии, принадлежащем самому нашедшему, — Виктору Адольфовичу Страздовскому².

В настоящей публикации дневник С. Воропаева печатается по тексту ГА РФ, сверенному с текстами Центрального военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге и ксерокопией оригинала

¹ Дневник военнопленного Сергея Воропаева / Вступительная заметка, публикация и примечания П. Поляна // Знамя. 1996. № 6. С. 156—176. Сокращенный вариант этой публикации увидел свет и на польском языке: Dziennik jęca wojennego Siergeja Woropajewa «Dni powszednie w piekle». Wprowadzenie Pawel Polian, tłumaczenie Edmund Nowak // Szkice z dziejow obozow w Lamsdorf/Lambinocach. Historia i wspolczesnosc. Zeszyt 2 / Pod red. E. Nowaka. Oipole, 2000. S. 150—179.

² См. ниже.

(к сожалению, весьма трудночитаемой). В оригинале дневник начинается указанием его адреса: «Мой адрес: Казахстан. Кустанайская область. Пресногорьковский район. Пресноредутский с/с. Село Пресноредуть. Отец мой Воропаев Николай Алексеевич». Левее, на внутренней стороне обложки, следующая запись: «Дневник советского военнопленного Воропаева, обнаруженный при осмотре бараков инфекционного лагеря русских военнопленных (см. протокол осмотра от 9 января 1946 года. Военный следователь Военной прокуратуры Северной группы войск, капитан юстиции. Подпись неразборчивая». Правее — две подписи лиц, получивших дневник на месте (также неразборчивые). Тексту самого дневника предшествует страничка с перечислением различных продуктов, с указанием для некоторых из них норм в граммах. Можно предположить, — судя по набору продуктов и приписке самого Воропаева («Полностью... не удалось. Это так как есть»), — что голодный пленный разузнал и даже записал рацион своих немецких охранников.

Многоточиями отмечены пропущенные или не разобранные переписчиком места. Благодарим В.А. Страздовского (Москва), И.П. Казырина (Санкт-Петербург) и Н. Бажкенову (Костанай) за помощь в работе над этой публикацией.

Павел Полян

«Жизнь в наземном аду, только без смолы»

Находка в архиве

Среди множества документальных свидетельств о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны, выявленных и зафиксированных Чрезвычайной Государственной комиссией, есть один необычный документ.

Я его обнаружил в фондах Государственного архива РФ, где изучал документы о лагерях военнопленных в Ламсдорфе. Когда-то здесь, в Шталаге VIII F (318), я был узником-военнопленным под лагерным номером «90116» и вымышленной фамилией «Соколов»¹.

В этой связи, для меня лично, архивная находка имела особое значение. Это была машинописная копия дневника военнопленного Ламсдорфа Сергея Воропаева.

По мере знакомства с дневниковыми записями, в моей памяти невольно воскрешались картины ужасов ламсдорфской лагерной жизни, оплетенной колючей проволокой и изолированной от внешнего мира.

С Сергеем Воропаевым я не был знаком. Мы находились в разных лагерных блоках, разделенных рядами колючей проволоки, но у нас были почти одинаковые условия бесчеловечного существования и единое, безмерное желание скорее вырваться из этого ада.

Жуткий исторический след в моей ламсдорфской жизни, и вообще пребывания в плену, я попытался после войны описать в своих воспоминаниях. Но сейчас речь не о них, а о Дневнике Сергея Воропаева.

Его Дневник берет начало с марта 1944 года. Он вместил в себя 77 датированных записей. Они велись не регулярно по месяцам и дням в течение одного года. До сих пор я поражаюсь, как Сергею удавалось вести свой дневник, прятать его от вездесущих глаз надзирателей и полицаев на протяжении длительного времени.

Чтобы иметь хотя бы некоторое представление, о чем писал Сергей в своем лагерном дневнике, достаточно ознакомиться только с несколькими фрагментами из него, относящимися к записям 1945 года.

«28.01.[19]45. Народ ослаб, некоторые не поднимаются, умирают в большом количестве. Сегодня вывезено две подводы. Все

¹ См.: Страздовский В.А. 90161. М.: Народная память, 2001.

надежды на приход своих. В противном случае грозит голодная смерть. Ужасно. Сосет желудок».

«1.02.[19]45. ...Некоторые смельчаки... бросаются на пикировку в кухню за картошкой. Вчера пять смельчаков попали под пули злодеев, а два из них, кажется, просто были казнены, так как все их тело было испорчено штыками и выколоты глаза. Положение ужасное...»

«16.02.[19]45. ...Сегодня за один день 12 человек убили, 8 — тяжело ранили. Люди шли на кухню достать себе что-либо».

«5.03.[19]45. ...Итак, я уже точно последний раз беседую с этими листками».

Вскоре, после моего знакомства с архивным Дневником Сергея Воропаева (я его частично переписал в свою рабочую тетрадь), выяснилось, что он уже был однажды опубликован в журнале «Знамя» № 6 за 1996 год. Журнальную публикацию Дневника вместе со своим предисловием подготовил известный исследователь Павел Полян.

Не мало усилий и времени ушло на поиск дорогого для меня номера журнала с Дневником Сергея Воропаева. Спасибо редакции «Знамени». Они с трудом, но все же нашли и подарили его мне. Сняв себе копию, я тут же отправил журнальный вариант Дневника в Центральный музей военнопленных в Ополе-Ламбиновице (Польша). Этот музей, с которым я поддерживаю многолетние связи, был создан после войны на базе останков бывших лагерей Ламсдорфа. Он является хранилищем памяти о страданиях и жертвах бывших его узников. В научных фондах музея вместе с другими вещественными экспонатами нашли свое место и воспоминания бывших обитателей ламсдорфских лагерей, военнопленных — многих граждан СНГ. Среди них есть там и моя рукопись воспоминаний, переведенная на польский язык.

Оказалось, что о существовании дневника Сергея Воропаева в Музее ничего не знали до получения от меня журнала «Знамя». Как мне сообщил руководитель научного отдела Музея Эдмунд Новак, Дневник Сергея Воропаева они готовят к переводу на польский язык и он будет опубликован в одном из польских журналов в самое ближайшее время¹.

Последние дни Ламсдорфа

17 марта 1945 года советскими войсками, наступавшими в Верхней Силезии, был освобожден немецкий город Ламсдорф (теперь Ламбиновице, Польша). Здесь в годы Второй мировой войны

¹ Centralne Muzeum Jęccywo Wojennych w tambinowiccho-opość. Szkice z dziejow w Lamsdorf/Lambinowicach. Historia i współczesność. Zeszyt 2. Opole 2000. С. 150—178.

гитлеровцы создали комплекс лагерей военнопленных вермахта — Шталаг VIII В «Бритенлагерь» и Шталаг VIII F (318), он же 344 «Руссенлагерь».

Через эти лагеря в нечеловеческих условиях прошли многие тысячи узников разных стран и национальностей из 16 государств, в том числе около 200 тыс. советских военнопленных.

Сложившаяся в январе 1945 года ситуация на фронте, заставила германские военные власти приступить к срочной эвакуации военнопленных из Ламсдорфа на запад, в глубь Германии. В лагере были оставлены только больные и ослабленные советские военнопленные, неспособные к изнурительному многодневному пешему маршу. Всего около 3000 обреченных.

Когда воины Красной Армии появились на территории лагеря, перед их глазами предстало свидетельство еще одного чудовищного преступления гитлеровцев.

Советские воины застали в лагере в живых только около 500 человек. Но и большинство из них вскоре умерли из-за сильного истощения и болезней. Среди них был и автор бессмертного дневника Сергей Воропаев. Он скончался 23 марта 1945 года в Полевом подвижном терапевтическом госпитале № 5481 и был похоронен там же, в Ламсдорфе.

«Мы припомним им и застенки Ламсдорфа». Под таким заголовком в журнале «Огонек» № 18 от 6 мая 1945 года, за два дня до окончания войны, был помещен обвинительный фоторепортаж Р.Мозелева (ТАСС). О чем свидетельствовали фотоснимки — ясно говорят такие подписи к ним:

«Вот вход в Ламсдорфский лагерь смерти. На воротах указатель «Лагерь русских» и людоедское объявление гитлеровцев...»

«За оградой из колючей проволоки томились тысячи пленников».

«В конце января, когда части Красной Армии форсировали Одер, гитлеровские тюремщики объявили, что в наказание за потери, понесенные германской армией, все заключенные в Ламсдорфском лагере советские люди приговорены к голодной смерти.

С 29 января им перестали выдавать пищу. Заключенные голодали до прихода Красной Армии. Лишь очень немногим удалось дождаться дня своего освобождения».

«Трупы умерших от голода узников лагеря».

«Фашистские изверги заставляли еще живых заключенных убирать трупы своих товарищей. На снимках тачка с трупами заключенных, которую тащил один из смертников. От истощения он сам свалился замертво».

О судьбе дневника Сергея Воропаева

Дневник военнопленного Воропаева был обнаружен только через несколько месяцев после его смерти, при осмотре барачков

инфекционного блока «А» «Руссенлагеря» в Ламсдорфе. Этот факт был засвидетельствован протоколом Военной прокуратуры от 9 января 1946 года.

В апреле рукописный оригинальный Дневник был перепечатан на машинке и копия его приобщена к другим материалам Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков... (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 102. Д. 631). С этим Дневником я и познакомился в архиве.

Подлинный Дневник Сергея Воропаева, как он это завещал, в том же году был отправлен его родителям в Казахстан.

С тех пор, как я познакомился с архивным Дневником однолагерника по плену Сергея Воропаева, он не давал мне покоя. Я задался целью попытаться выяснить, что стало с подлинным рукописным Дневником, какова его судьба. Интересно было бы познакомиться и с довоенной биографией самого автора Дневника.

С малой надеждой на успех ушло мое первое письмо в Казахстан, теперь уже другое государство. Я, конечно, понимал, что родителей Сергея уже нет в живых и, вряд ли письмо достигнет своей цели.

Мое послание в конверте долго гуляло по Казахстану, пересылалось из одной области в другую и обратно, не находя нужного адресата. Усложняло ситуацию и то обстоятельство, что после распада СССР в Казахстане изменилось и административно-территориальное деление.

К счастью, почтовое ведомство не осталось равнодушным к моему письму. После немалых усилий его все же доставили кому следует. Но обо всем этом я узнал по истечении многих месяцев, когда уже совсем расстался с мыслью получить какой-либо ответ на свой запрос.

Совсем неожиданно я получил подробное и благожелательное письмо из Узункольского района Кустанайской области от Павла Константиновича Воропаева. Он оказался дальним родственником семьи Воропаевых и другом Сергея.

Письмо помогло мне выйти на след Дневника, узнать некоторые подробности из биографии Сергея Воропаева.

Подлинный рукописный Дневник в 1946 году был доставлен в родное село Сергея Воропаева, в Пресноредуть. Вручили его матери Татьяне Степановне. О том, что ее сына Сергея нет в живых она узнала из скорбного извещения Райвоенкомата, полученного 19 мая 1945 года. Не вернулся с войны и отец Сергея, он погиб на фронте еще в январе 1943 года, в боях под Москвой.

Дневник не залежался дома. Мать Сергея передала бесценный Дневник в руки секретаря сельской комсомольской организации Павлу Воропаеву (от которого я получил письмо). Он орга-

низовал в местном клубе коллективное чтение Дневника Сергея, на которое собрались все жители села. Дневник читали и перечитывали насколько раз. Было много слез и немало высказано теплых слов об односельчанине Сергее.

О Дневнике узника Ламсдорфа вскоре стало известно в районе и области. В с. Пресноредуть прибыл секретарь Кустанайского обкома комсомола Малехоньков и Татьяна Степановна передала ему Дневник своего сына, фотографии Сергея и его письма из армии. Все эти бесценные реликвии вскоре обрели свое достойное место в экспозиции Кустанайского областного историко-краеведческого музея, где директором тогда был Махмутов Баязит Махмутович.

Дневник, с определенными комментариями к нему, неоднократно публиковался в местных газетах. Во многих школах Пресногорьковского района стали создаваться пионерские отряды имени Сергея Воропаева.

Как писал мне Павел Константинович, после 1984 года он в Областном музее не бывал и о дальнейшей судьбе Дневника ему ничего не известно. Письмо его заканчивалось такими словами: «Мне очень приятно сознавать, что и сегодня в памяти людей сохраняются защитники нашего отечества, такие как Сергей и тысячи других».

Это письмо меня обрадовало и обнадежило на перспективу дальнейшего поиска Дневника. Незамедлительно ушел мой запрос в областной музей Кустаная. На удивление быстро пришел большой пакет из Казахстана. В нем было все, что я просил, но не надеялся получить.

Итак, в руках у меня оказались фотография Сергея Воропаева, ксерокопии нескольких страниц рукописного Дневника, извещение Райвоенкомата о смерти Сергея, записки следователя о найденном в лагере Дневнике, а также копия газетной публикации о Дневнике и его авторе («Ленинский путь», 1 декабря 1988 г.).

Директор Кустанайского областного историко-краеведческого музея Н. Баженова и ведущий научный сотрудник В. Федоренко сообщали, что Дневник находится в ветхом состоянии и многие странички уже плохо прочитываются, качественные копии с них сделать невозможно. В сопроводительном письме музея были и такие строки: «Уважаемый Виктор Адольфович! Выражаем Вам благодарность за память о нашем земляке Воропаеве С.Н., бывшем военнопленном лагеря Ламсдорф, за Вашу работу по увековечиванию памяти погибших в этом лагере».

Копии всех полученных из Казахстана материалов я опять же отправил в Ополе (Польша). С трудом удалось выйти на связь с Павлом Поляном, так как его длительное время не было в Москве. Отвечая на его обращение к читателям журнала «Знамя», в

котором он просил: «В случае, если каким-то чудом Дневник сохранился или живы люди, знавшие Воропаевых, публикатор был бы признателен за любые сведения». Я ему сообщил в длинном разговоре по телефону все, что знал об истории Дневника и о самом Сергее Воропаеве.

А недавно пришло еще одно письмо от Воропаева, теперь уже из Кургана, от среднего брата Сергея — Константина Николаевича. Ему переслал мое письмо, его сын и племянник Сергея — Валерий Воропаев, который живет сейчас в селе Пресноредуть, на родине Сергея Воропаева.

Константин Воропаев подробно ответил на все мои вопросы и сообщил много интересного из жизни большой семьи Воропаевых, особенно о своем старшем брате Сергее.

В начале 2005 года, по просьбе П.М. Поляна, готовившего эту публикацию, я еще раз обратился в Кустанайский (ныне Костанайский) историко-краеведческий музей и уже 11 февраля я получил необычайно теплый и дружеский ответ от Н. Баженовой. К письму была приложена ксерокопия всего дневника С. Воропаева и нескольких других документов о нем. Бумага оригинала обветшала и загрязнилась от времени, соответственно и ксерокопии получились темными и трудночитаемыми, тем не менее они чрезвычайно помогли при подготовке текста дневника.

Из биографии Сергея Воропаева

Родился и вырос Сергей в с. Пресноредуть — в одной из казачьих станиц Пресногорьковского района Кустанайской области (теперь Пресновского района Северо-Казахстанской области).

В большой пятистенной деревянной избе жила скромная, трудолюбивая, высоконравственная, хотя и малограмотная, семья Воропаевых.

Глава семьи — Николай Алексеевич и его жена Татьяна Степановна в трудах и заботах растили и воспитывали четверых своих детей: Агафью (1916 г.р.), Сергея (1921 г.р.), Константина (1926 г.р.) и Алексея (1938 г.р.). Жили они дружно и не плохо.

Дети росли и воспитывали в себе от родителей все доброе и хорошее. Уже в начальной сельской школе Сергей много увлекался чтением книг, пробовал самостоятельно работать над ними.

В этот период времени жизнь и какие-то обстоятельства побудили семью Воропаевых сорваться с родного места и податься в другие края.

В 1931 году родители с детьми переехали на жительство в столичный Киргизский город Фрунзе. Там прожили недолго и снова — дорога. Перебрались в Омскую область. В 1935 г. Воропаевы вернулись назад, в свое родное село Пресноредуть.

С 5-го класса Сергей стал учиться в райцентре. Зимой ходил в школу, а летом помогал своей семье работать в колхозе. Учился Сергей хорошо. Родители радовались успехам в учебе своего старшего сына. Никогда не препятствовали против его детских забав и увлечений.

Сергей был высокого роста, крепкого телосложения, силой бог его не обидел. Он отличался веселым нравом и обходительностью, всегда хорошо и аккуратно одевался и в то же время был скромным деревенским парнем.

Со временем любовь Сергея к книгам росла, особенно его увлекала русская и иностранная классическая литература. Уже в школьные годы он начал вести свой Дневник, приобретая первые навыки в литературном творчестве, находя в этом занятии утешение для души.

За свои человеческие качества и авторитет среди сверстников Сергей был избран Комсомольским руководителем Преснегорьковского района. Некоторый период времени ему довелось работать в местном детдоме. На его жизненном пути появилась девушка по имени Лидия, которую он безумно любил, больше всего на свете.

Шли годы, Сергей взрослел. Настало время, и в декабре 1940 года он был призван Преснегорьковским Райвоенкоматом на службу в армию. По этому случаю собрались всей семьей и сфотографировались на память.

27 декабря отец Сергея отвез своего сына и его друга Николая Кладникова в Райцентр. Там новобранцев собрали и отвезли к ближайшей железнодорожной станции Лебяжье, где погрузили в воинский эшелон для следования к месту назначения¹.

После длинного пути Сергей со своим другом прибыли с эшелоном в Минск. Их определили в разные воинские части, дороги и судьбы их разошлись навсегда. Воинская служба Сергея началась с Латвийского города Даугавпилс, затем продолжалась в Себеже, а потом он снова оказался в Минске. Там его и застала война, всего через полгода после призыва в армию. Сергей оказался в самом эпицентре ее трагической истории начального периода.

Ну, а далее сплошные вопросы, на которые пока не найдены ответы: в какой части и кем служил Сергей, где и как развивались события на участке действия его части. При каких обстоятельствах, где и когда он оказался в плену. Через какие лагеря военнопленных он прошел до того, как оказался в Ламсдорфе.

¹ Согласно присланным из Костаная документам точной датой призыва было 20 декабря 1940 года, а местом дислокации военной части 2292, в которой он служил, по крайней мере 24 февраля 1941 года, был Даугавпилс.

Пока же можно предположить следующее. Война настигла Сергея и его часть, в которой он служил, на Минском направлении Западного фронта. Здесь в первые недели войны наши войска понесли большие потери. 28 июня немецкими войсками уже был взят Минск, вскоре были отрезаны и окружены 11 советских дивизий (возможно, в одной из них и служил Сергей Воропаев). Они боролись и пытались выйти из окружения до 8 июля 1941 года...

Вероятней всего, Сергей Воропаев попал в плен где-то под Минском в конце июня — в июле 1941 г. и находился в местных пересыльных лагерях для военнопленных. В апреле 1942 года Сергей оказался уже на территории Германии, побывал в нескольких лагерях. В 1943 году он стал узником Ламсдорфского лагеря, в одной из его рабочих команд. Там на его долю выпал тяжелый, многомесячный шахтерский труд на глубине 350 метров от поверхности.

Как уже было ранее сказано, Сергей начал вести свой лагерный Дневник в Ламсдорфе. До этого, в мирные дни у себя дома, он уже пробовал делать дневниковые записи, приобрел определенный опыт.

Уезжая на армейскую службу, Сергей оставил в родительском доме два чемодана с книгами и своими дневниками. Чемоданы пролежали в домашней кладовке все военные годы и незаметно были изъедены мышами, затем останки их спалили в печке. А Ламсдорфский Дневник Сергея сохранился и по ныне.

Дневник военнопленного Сергея Воропаева служит потомкам документальным свидетельством о горькой участи советских военнопленных в гитлеровских лагерях периода Второй мировой войны, о чем забывать нельзя.

Виктор Страздовский

«СЕГОДНЯ ЖИВ, А ЗАВТРА НЕ ЗНАЮ...»

Дневник военнопленного и остарбайтера¹

(3 сентября — 23 октября 1943 г.)

(Публикация и послесловие Л. Лисиной и П. Поляна)

1943 г.

В.К. Пахомов

Воскресенье

3.9.[19]43

Погода была хорошая, вставши утром, я решил провести этот день хорошо. В 10 часов утра пошел подышать свежим воздухом за лагерь в лес. Лагерная жизнь так опротивела, что иногда решился бы на все. Чтобы не скучать, я решил описывать все то, что происходит на моих глазах за время «жизни» в Германии.

Вернусь немного вперед «назад», 1942 год, 4 июня, приезд в Германию.

По приезду в Германию нас сразу же определили за колючую проволоку «лагерь». Известная жизнь под конвоем полиции, шефов. Выход из лагеря запрещается, кушать помногу также, вообще², не живешь, а существуешь, сегодня жив, а завтра не знаю. Мне дали работу грузчика в транспорте, работа «за-работная», но не денежная: нагружать и разгружать на станции и заводе приходилось не продукцию, которую я скушал бы машину целую, а металл, песок, камень, шлак — их кушал бы, но очень крепки — зубы не берут. Пришлось заняться кражей из соседних вагонов свеклы, капусты и картофеля и есть сырьем, так как шеф наш дурной, и если что заметит, так сразу отбирает; и частенько по затылку попадает, как ему захочется.

¹ В двойных угловых скобках дан текст, исправленный или дополненный самим автором позднее — возможно, уже после войны. В одинарных угловых скобках — конъектуры, в прямых — опущенные части сокращенных слов.

² В тексте сохранено своеобразное авторское написание некоторых слов и выражений.

А вообще в лагере умереть не дадут. [В] 5 утра дают кофе без^{*}, в обед 12 ч — суп, из капусты или моркови, «или» картофельный, и вечером — 150 грамм хлеба, 10 грамм маргарину и кофе — от живота. В июле у меня пропали деньги и документы, с училища — фотографии.

В октябре м[еся]це были переведены в новый нами выстроенный деревянный лагерь, обнесенный кругом проволокой и наблюдательными постами по углам и на воротах, строем ходили на работу и с работы, ноги ели двигаются сильно, устаешь и переутомляешься, жрать нечего, сейчас бы поесть русского борща с ржаным хлебом, да Русь далеко отсюда, да из лагеря не выпускают. Лагерь с каждым днем растет, прибывают новые люди «с» Донбасса, строят новые бараки.

Выходные дни приходится украдкой собирать по полям картофель и незаметно проносить в лагерь.

1 ноября работал с Павлом Виноградовым в поле у своего шефа, за все время кормили хорошо: утром — хлеб с маслом и колбасой, кофе, в 10 ч — пирожное, кофе и груши. В обед — суп мясной без хлеба и пирожное — 2 шт. «Шеф» водил по двору и показывал свое хозяйство, легковую машину, свинья, кролики, и сад, где мы наелись вишни, а также дали с собой вишни и по полмешка картофеля.

Старик хозяин — хороший человек, «от» незнания языка приходилось объясняться с хозяйкой жестами, мимикой, от них мы узнали, что им говорят, что русские с немецкими солдатами обращаются плохо, вырезают звезды на спине, выкалывают глаза, вообще самые страшные казни, а поэтому обращение их к нам было недружелюбное.

Мы были рады за то, что первый раз покушали хорошо.

Картофель в лагере варить воспрещалось и было приказано: кто имеет, то немедленно сдать на кухню, пришлось поломать ночью пол и запрятать туда картофель.

А утром, идя на работу, берешь в карманы картофель, и там печешь ее, и это очень было вкусно и полезно. Во время разгрузки картофеля я стащил 1 мешок в подвал и спрятал в песок, теперь я каждый день кушаю горячий печеный картофель.

На днях пришлось в приспособл[енных] для этого сумках стащить [мешка] два моркови и немного луку. Жизнь пошла немного лучше.

Декабрь. К нам присылают нового старшего раб[отника]. Очень хорошего молодого, его должны скоро отослать на фронт, но ему не хочется, с нами обращается как с равными, рассказывает нам о фронте. Русские отошли до Сталинграда, Москва в

* Одно слово неразборчиво.

окружении, у всех думка одна: пропадать здесь, не увидя больше своей страны, своих родных и знакомых.

Наш мастер — молодой, красный, как бурак — недоволен, что его посылают на фронт, <<где он увидит русского дожличка>>, а главное — ему хочется наесться яйца, курку, молока, хрю-хрю, а поэт[ом]у он злится, дерется с нами, мне также немного попало от него за то, что не поймешь, что он <говорит>. Все ничего обошлось бы благополучно, но на второй день заставил нас с Павлом нести тяжелую машину. Он был не в духе и все время, идя возле нас, бил под зад пинками, нести и так тяжело, а тут еще он на шее сидит. Я бросил машину и сказал, что не понесу — тяжело, он подлетел и начал бить кулаками, я не выдержал — стал защищаться, он испугался и стал убегать от меня, порвал рубаху на себе. Я гнался за ним, но не догнал: сил не хватило, упал, немного полежал, пришел в себя, опомнился — жалко, что не догнал.

Пошел работать, а он подходит и говорит «ком¹ в бюро». Приведя в бюро, он наговорил, на меня, что я его ударил и чуть не задушил, не работаю, не подчиняюсь ему.

Нач[альник] завода сказал что-то, и меня отвели в камеру, где очень холодно, раздели и били плетью, пока кожа на спине и на заднице не полопалась, первые удары были очень больны, я вспомнил всю свою прошлую жизнь, а затем уже стало как-то и не больно и не страшно, сознаешь, что тебя <возможно, пугают> и не ощущаешь никакой боли, только стогнешь; удовлетворившись вдоволь, они бросили меня лежать не на скамью, а на каменном полу, после чего подняли за руки и повели к начальнику, где дали проповедь: слушай и подчиняйся своему мастеру, а не то плохо будет, и завтра выходи на работу.

До окончания работы осталось 2 часа, но они мне показались больше года: ходить никак было невозможно, чтобы поднять с земли предмет, нужно не нагибаться, а приседать — а мастер довольный тем, что одержал верх, еще больше кричит, замахивает[ся] лопатой и заставил возить в тачке камень — полное издевательство.

Наконец подошло 5.15 ч — все пошли домой, и меня хлопцы привели домой в бараки, на ответ что случилось, ребята ответили: на заводе через меня переехала «машина»², и мало кто знает, что было со мной*.

После этой истории до Нового года оставалось две недели, одну неделю мне невозможно было подняться, а потом меня при-

¹ От нем. «kommt» — подойди.

² Одно из обозначений избиения или других издевательств охраны. В сходном значении употреблялись также слова «кружок» или «конвейер».

* Одно слово неразборчиво.

гласили в лагерь оформить сцену в клубе, вернее в контине¹. Исполнял я это хорошо. Клеевыми красками сделал березовую рощу с рекой и вдали деревней. Лагерному начальнику эта декорация понравилась, в особенности нач[альнику] лагеря Каспору, который сам немного рисует картины. Но портреты он не может, а поэтому он стал меня просить, чтобы я сделал с натуры портрет его лично. У меня не было чем рисовать, он принес хорошие цветные карандаши и александрийскую бумагу, после работы при свете выполнил портрет неудачно, но ему понравилось: большое сходство и подбор цвета лица. Видя, что я хожу в деревяшках² и оборванный, как беспризорник, он на второй день после окончания работы принес мне за труды поношенные ботинки и рубашку — и за это большое спасибо, но не догадался то, что я есть хочу и не принес хоть небольшой кусок хлеба. Зная, что жизнь наша голодная и холодная, прекрасно понимая все наши нужды живущих в лагере под его надзором. Очень [он] хитрый, расчетливый и строгий, любит подражаться.

Вообще все немцы хитры, любят командовать, распоряжаться над другими лицами, чтобы работали, но сам[и] стоят в сторонке и покрикивают «шнель»³ — очень противно, когда над душой стоять и стогнуть.

Все надоело, и хочется домой. Но дом далеко-далеко, наверно, больше я не увижу ни родных, ни знакомых. Каждый день убегают хлопцы, в другой лагерь или на с/х. Некоторых вернули обратно, и полиция бьет, и сажают в холодную, откуда он <хлопец> выходит, как раньше я выходил; некоторые смельчаки доходили до Польши, но их ловили и посылали в концлагерь.

Если буду жив, то вспомнить всю свою жизнь в войну и до приезда в Германию — получится целый роман. В Германию нас везли «добровольно», под винтовкой, с цивильными девушками и ребятами. Я был в гражданской одежде и также сделался цивильным. С нами ехали наши знакомые девушки из деревни Белое, мы еще из дома договорились, чтобы быть вместе, не разлучаться. По приезду в Магдебург стали отделять: хлопцев — отдельно, девчат и семейных — отдельно. Я с товарищами решили говорить, что и мы семейные, зная, что будут обращаться лучше и не пошлют концлагерь. Мы с товарищем думали, что мы одни так сделали, а оказалось, что очень много: некоторые нашли себе сестер, братьев, отцов. Так что везли эшелон военнопленных, а оказалось, что привезли гражданских.

¹ От нем. «Kantine» — столовая на производстве.

² Деревянная обувь, которую носили оstarбайтеры; иногда ее еще называли колодками.

³ От нем. «schnell» — быстро.

В Магдебурге был распределительный пункт, из которого все люди распределялись по всем городам Германии на заводы и баворам¹ на с/х, в шахты и т.д.

Мы с товарищем как семейные попали в г. Халберштадт, [который] был распределительным пунктом, а из него направили в маленький городок Вернигероде на завод.

Сколько было слез, когда привезли нас в лагерь, сразу переводчик Петр Петрович Никифоров, русский эмигрант, сказал, что все, которые сошлись в дороге и не имеют на это право или документов, будут жить раздельно. А семейных, привезенных в лагерь, оказалось 12, конечно, документы имела только одна семья с детьми. Мы все бездокументные стали говорить, чтобы <они> не показывали этого документа, а говорили, что у нас документы не пишут, а просто живут и все. Конечно, по просьбе нач[альника] завода капитана Томаса также стали просить, он оказался хорошим человеком во всей Германии — как я узнал после, — который шел на все уступки и даже помогал русским в работе. Видя, что мастера жестоко обращаются с рабочими, которые ползли из лагеря, как мухи, он запретил драться. Это немного помогло: а также многих обессиленных, не могущих больше работать на тяжелой и горячей работе, переводил на легкую работу; если который чем заболел, то клали в больницу. Через [н]его стало немного улучшение в питании и одежде. Перевели в новый лагерь. Наступили холода, бараки деревянные и худые, посреди <барака> стоит печь. Лагерь окружен не колючей проволокой, а одна невысокая <изгородь>. В бараках стоят двухэтажные койки с клопами, с крыши и с боков летит снег, ветер гуляет по комнате, только и спасение — сидеть возле железной печи.

17 декабря родился в лагере первый ребенок, Кравец Галина.

Новый год 1943 год

1 января работал на сцене оформлением декорации «Березовая роща» вид Украины и комнаты. Пьеса была поставлена, комедия в одном действии «Ох, не люби двух». На Новый год всем дали по 1 булочке, 5 печенье и поили сладким кофе утром, а вечером ребятам дали по пачке сигарет, мне дали две пачки, как хорошо сделавшему декорацию.

Девушкам дали по сорочке. Поношенные. После Нового года я стал работать при лагере, больше на завод не ходил. И хорошо, что больше не вижу своего мастера, а то могло что-нибудь произойти: или я его или он меня ... жалко, что с ним разлучили. В газ[ете] узнали, что бои идут уличные в Сталинграде, но по слухам не так. <Нарис[овал] 2 порт[рета] нач[альника] лагеря и мужск[ой]>.

¹ От нем. «Bauer» — хозяин, крестьянин.

Февраль. Работа попала мне хорошая, холода не вижу, сделал два портрета мужских, за что получил: за первый — ничего и за второй — осенний плащ, исполнил масл[яными] красками, в неделю платят 6–7 мар[ок]. Немцы покинули Сталинград.

1943 г. 24 февраля в 5 ч. вечера родилась дочь Светлана. Хорошее дело, не на лагерных условиях, после родов матери требуется хорошее питание, а дают то, что и нам: капусту, морковный суп. У начальника лагеря выпросил немного хлеба и колбасы и отнес ей, также приходится готовить картофельное пюре, ест, как молотилка, съедает и мои 200 грамм хлеба.

Я сильно похудал, голова кружится; идут бои в Африке в Тунисе.

Март. Снегу вообще не было, но по утрам стоят морозы — ходить очень скользко. После работы хожу работать на дом к переводчику, рисую его дочь с натуры, кормит хорошо, а также дает мне кое-что с собой. За 10 час[ов] я выполнил портрет цветными карандаш[ами]. Сходство хорошее, даже им понравилось.

Переводчик по лагерю Роймар Георгий Федорович. Русский эмигрант в Германии с 1918 г. имеет свой собств[енный] дом, жену, сына <<солдат>>, 2 дочери <<замужем>>, очень хитрый, грамотный, окончил семинарию. Имел в России большое хозяйство в Ленинграде.

Был в Сибири, затем бежал в Германию.

Апрель. Пришла мне посылка за портрет, прислала дочь переводчика, в посылке было: серый костюм, рубашка, гамаша, носки, туфли, жен[ская] нижняя сорочка, галстук, карандаши. Бои идут на Кубани, река Дон. Не знаю, была ли взята моя местность. Работа легкая: пишу объявления, ношу с почты посылки.

Много привезли девок с Полтавской обл[асти] и Харьковской.

Май. Дома хорошо бы отдохнул после окончания полевых работ, а здесь их только начали.

Субботу и воскресенье был на квартире у Томаса, где рисовал его дочь 12 лет. Рисовать очень плохо: нет полотна, а рисуешь на бамазе¹ после грунтовки, полотно это обвисает и очень плохо рисовать. Утром кормит: бутерброды с колбасой и повидло, кофе с молоком, а в обед — по-нашему гуляш, немного гороху, картофеля, соус и мясо телятина, молодое, очень вкусное, но без хлеба, не привыкши, нехорошо и не наешься досыта.

Идут дожди, очень грязно, хорошо, что все асфальтировано. По воскресеньям хожу на квартиру к Томасу, нарисовал второй портрет сына 3 года, рисовать очень трудно: рисуешь с фото и цвет берешь с него.

¹ Возможно, имеется в виду бумага — хлопчатобумажная ткань с начесом на изнанке.

А также был у Пенса, начал с натуры жену его — маленькая белокурая женщина лет 35, с полуоткрытым ртом. В три приема я сделал портрет, с собой она давала намащенные бутерброды, ел у них пирожное и кофе, от них ходил в город, купил много цветных открыток. Цена 15–20 феников¹.

В магазинах на витрине чего хочешь, но ничего не купишь: все по карточкам или нет совсем. Русские только и берут без карточек морковь, редьку, брюкву и какао. На все другое нужно иметь карточку. Некоторые пронырливые девки достают 2–3 кил[ограмм] картофеля, сахарину.

Июнь. Начальника лагеря перевели на другое место работы, вместо него дали нового. В мае м[еся]це дали также нового переводчика Берколца, солдата-фронтовика, до революции жившего в России, хорошо грамотного, говорит хорошо по-русски и по-немецки, по-польски, по-французски и др. языках, имеет награды в войне, но воевать не хочет, сильно любить водку пить и с девочками гулять. Жил в Польше, имеет свою пекарню и жену, был ранен на фронте и отправлен в лазарет, а теперь находится в нашем лагере и крутит с девочками. Но долго жить ему в лагере не пришлось: заимел много знакомых русских, стал пить водку, спирт с ними, а поэтому был уволен 25 июля 1943 г. и отправлен на фронт. Человек был хороший, обходительный, красивый, не имел верхних зубов, а затем вставил новые. Старого переводчика послали работать на завод, а потом домой.

Июль. Встаю всегда <в> 7–30, умываюсь и иду на работу. Плохо, что не владею нем[ецким] языком, а в училище не любил, больше занимался чтением и спортом, ездил за Волгу на этюды.

Зная язык, можно не только жить, но и доехать до Польши.

Каждый вечер <в> субботу и воскресенье играет струнный оркестр. Девки и хлопцы танцуют, как будто и нет войны, и жизнь весела, хотя по сравнению с [19]42 годом стало небольшое улучшение. Стали пускать гулять за лагерь. В кино ходить в город воспрещается, если поймают, то штрафуют, ездить так по ж[елезной] д[ороге] — штраф 20–10 м[арок].

В лесу за лагерем приходят французы с фотоаппаратом и фотографируют, цена за одну карточку — 25 феников, и другой берет 50 фенк.

Фото получает[ся] неважная, хороша как память. Я каждое воскресенье хожу фотографироваться, сейчас имею уже много фотографий.

18 июля, как сообщает газета, бои идут между Белогородом и Орлом, взято 28 т[ысяч] плен[ных], 2200 танк, 2000 самол[етов], 1400 орудий.

¹ От Pfennig (нем.) — пфенниг, разменная немецкая монета.

25/7 45 тыс. пл[енных], 3 тыс. самол[етов], 5500 танков, 1100 минометов.

10 июля высадился десант в Сицилии, в конце августа закончили.

Август м[еся]ц. В лагере произошла перемена: дали нового нач[альника] лагеря и пришел старый переводчик, который сильно рассердился, что я не ходил к нему, а главное — что ему хотелось иметь второй портрет дочери у себя, но я не пошел рисовать, потому что он говорил, что мужу моей дочери портрет не нравится: сделано старше, чем она выглядит.

Придя на работу, он со мной не здоровается, также сказал, чтобы я вернул ему кожаные гамашы, говоря, что много дали за работу, а поэтому муж дочери его просит возвратить, вечером я передал ему их.

В лагере теперь очень много французов и русских девчат и хлопцев.

Живут все отдельно друг от друга. По разрешению нач[альника] завода стали русские хлопцы жениться: 8 ч[еловек].

Летом вообще кормили сносно, а к осени стали каждый день баланду [давать] и один два раза в неделю — немытая картофель. Приходится покупать у французов хлеба, очень дорого — 12–14 марок два килограмма. Маргарин за табак или сигареты можно купить, а за деньги редко 4–5 мар[ок], 50 гр. сахару не дают. Французы от русских получают больше всего.

[...] в половина раза, отдельно их столовая, готовят лучше. Каждую неделю им показывают на заводе вечером кинофильм, театр, музыка, а русским — ничего, а если и поведут <в кино>, то ничего не поймешь, кинофильмы по сравнению с русскими плохи, не содержательны, не имеют главный смысл и последовательность, после просмотра в памяти ничего не остается, все фильмы имеют <одно> содержание: жизнь Артистов, их игра на сцене и за кулисами, любовь не настоящая, как это должно быть, а сходятся, находят других любовников или любовниц.

Все картины напоминают «Большой вальс»¹, конечно, хуже по содержанию, музыке, но лучшего нет, приходится довольствоваться тем, что показывают.

3-го сентября высадка в ... Италии К*

В воскресенье для французов и немцев был концерт, я достал у француза билет и пошел вечером в завод <<контину>>, слушал музыку немецкую и итальянскую, особенно хорошо пел солист <<тенор>> итальянец, также показывали ритмические танцы, фо-

¹ Голливудская мелодрама кинорежиссера Ж. Дювивье о жизни и любовных похождениях короля вальса И. Штрауса, в 1938 г.

* Слово неразборчиво.

кусы, клоунада, концерт <в> 2-х отд., во втором отделении был один № балет и акробатические номера — вообще впечатление произвел концерт хорошее.

25 июля было перемена правительства Муссолини.

7 сентября итальянское правительство во главе мар Бадوليو и королем В[иктором]-Эммануилом капитулировали, идут бои с немцами. Бои на восток<е>, за 12 сентября <взяты> Вязьма, Севск, Спас-Демянск, Белг[ород] и особенно Харьков, Донец-мица¹. Сдача г. Орел.

1 сентября прибыло много хлопцев 1927 г.р., их так же, как и нас, везли много из Запорожской обл., Харьковской, киевские.

Октябрь. Каждую ночь тревога, налетают ночью англ[ийские] и амер[иканские] самолеты, бомбят Берлин, Ганнов[е]р, Магдебург и другие.

5/9 1943. Суббота, работал до 12 час. После обеда ходил на завод, где руками русских и поляков концлагеря сделано физкультурное поле. На поле играли юнги, русским с поляками не разрешили играть в футбол, ввиду того, что завтра будет олимпиада (немцев). С другом Павлом Виноградовым пошел в город, где зашли в кино, купили билеты, но были вежливо выгнаны — по лицу узнали, что русские — один подходит, предъявляет свой ас-вайс¹, что он имеет право нас выгнать, очень раздосадованный, пошли домой в лагерь, не пошел я к себе в барак, а пошел играть в карты. Проиграл 30 м[арок].

Воскресенье 6. После завтрака был в лесу, где смотрел на природу. И как русские девушки гуляют с французами, чехами, румынами и поляками. И много ходят русские с русскими.

Лагерное начальство запрещает иметь русским связь с иностранцами, за что отправляют в другой лагерь <<штраф[ной] лагерь>>, но не помогает. В 5 часов вечера ходил на стадион завода, где проходила спартакиада: бег, прыжки, бросание гранат и ритмические танцы. Немки, народу не очень много, играли футбольные команды юнгов, играют очень слабо.

После их игры русские играли с поляками. Когда на стадионе не было никого, кто разувши, а кто в колodках. Игра закончилась 10 : 2 в пользу русских, играли сбор[ной], кто умеет, а кто любитель первый раз; [в] волейбол в Германии не принято играть. Играют через веревку и бьют от одного толчка о землю, неинтересная <игра>, допускают <мяч> до земли. В лагере была устроена волейбольная площадка и городки, городки быстро поломали и пожгли в бараках, а волейбол — нет заядлых волейб[олистов] и ввиду плохого питания не хотят бегать, играть.

* Так в тексте.

¹ От нем. «Ausweis» — удостоверение.

Выходной день 11.10.1943 г. Вставши утром, пошли со своей комнаты я, Самойлов Николай и Фоменко Иван <<военнопленные, женились в дороге, сейчас имеют маленьких ребятишек>> на заработки к Френзелю в деревню, у него оказалось уже четверо, работает, и мы еще четверо, но он принял нас, и мы стали копать картофель. В 10 ч. нам принесли бутерброд и груши, в 1 часу обед — сладкий суп без хлеба, пирожное, каша <<как котлеты>> и варенье чайную чашку, и в 4 ч. кофе с молоком и пирожки с яблоками и вареньем. Очень вкусно покушали, хорошо на дорогу, да по 2 ведра картофеля и 1 марки. Вообще я ходил из-за интереса, как живут немцы: обстановка комнаты богатая, дома малые, но двухэтажные, живут по 2–3 и больше семей, очень стеснено — не как в России — дома все каменные, под красной черепицей, соломенных нет. Есть деревянные постройки, дороги все асфальтированные, культурно рассажены деревья: яблони, груши, сливы, вишни об дорогу. Первое время по приезду в Германию русские, голодные, делали облаву на яблоки и груши ночью, а потом стали запрещать, и сейчас кто попадется, то штраф — другой 5–10 марок. Этим штрафом в Германии достигли того, что все фрукты висят, и их мимо идут и не трогают. Яблоко, которое упало, можешь поднять и скушать. Мы часто с ребятами ходили собирать такие яблоки или груши, а иногда никто не видит, запустить палочку. Сейчас сезон отходит — уже все пообрывали, стрелять незачем. Наступила осень. Листья потемнели, по утрам становится холодно, с первого октября почти у всех в комнатах поставили печи. В нашей комнате все лето была печь ввиду того, что детишки. В несколько раз выбрасывали [печи], ввиду того, что варят себе, а потом грязно. А как и не быть грязно, когда живут в одной комнате 14 человек с детьми — 7 детишек — жара и клопов уйма?

1 октября для детей сделали ясли, матери работают в лагере, детские городские карточки отобрали, а стали кормить из столовой 5 раз в сутки, суп готовят каждый день сладкий, взрослому и то противно кушать, а они дают картофеля и капусты или моркови 2–4 недельному ребенку. За неделю получили 50–100 феников рубль.

На фронте немцы отступили до Днепра, сдали Смоленск, Рославль, Брянск, Таганрог сократили линии фронта. По слухам, фронт у старой границы, в некоторых [сообщениях] дальше Барановичей.

Воскресенье 17.10.1943 г. В субботу всю ночь 4 ч. проиграл в карты, подходит зима, больше заняться нечем, только играть в карты в «очко», бура; а Воскресенье спал до обеда. После обеда приходил фотограф, сфотографировал всех по одному 7 детишек, цена 1 карт. — 5 феников, а затем [ходили] за лагерь, где

также фотографировались с детьми. К вечеру играл в очко — выиграл 40 м[арок]; 9-30 тревога.

В понедельник приступаешь с неохотой за работу. Пронесся слух о перемирии, Рибентроп вылетел в Москву. Это должно быть неправда.

Немцы отступили с кубанского предм[естья] Укрепления, бои Мелитополь, Запорожье и юго-запады Великих Лук.

В Италии идут местные бои. Немцами взят о. Кос.*

19 вторник. С утра и до вечера облачность, рисовал преискурант, а после обеда перешли в новый барак, который весь промок ночью. Сегодня прибыли из тюрьмы два человека: Евтихов Сергей и Дмитрий, — которые убегали из лагеря в июле м[еся]це, их поймали и отослали в штрафной лагерь, а потом <они> работали у бавора, убежали и попали в тюрьму, к нам прибыли чуть живые, <их> сразу же послали на завод работать. С вечера был дождик, в 8 час погас свет: тревога — я лег спать, но в 10 час был разбужен гулом самолетов, очень много кругом бомбят, каждую ночь ракеты бросают, все видно как днем, а потом горят города, налеты до 5 тыс. на всю Германию.

Из бараков все повыходили, но полиция загоняет обратно; в одном городе убило 400 русских девушек и хлопцев, а в других — не знаю. Это написали письмо <<Полтавские девки>>.

Жизнь все равно испорчена, молодость прошла в скитаниях, только давно уже не видел своих родных и знакомых — охота повидать. Надоело то, что каждый день в страхе, нужде и <на> чужой стороне — каждый над тобой хозяин, что хотят, то делают — так лучше сразу к одному концу, чем так мучиться и переживать.

Я еще не жил, а посмотришь на себя в зеркало, то видишь бледное исхудалое лицо, с сильно выдающимися скулами и впалыми глазами, на всем лице видишь только курносый нос и серые, еще не угасшие глаза.

Пятница.

Суббота 23.10.[19]43 г. Вставши утром, писал много плакатов: ждут комиссию в субботу. В субботу развешивал плакаты до обеда, в половине двенадцатого пришла комиссия из 12 русских. Все солдаты, в немецкой одежде, были уже на фронтах, все тяжело раненые, есть безрукие и безногие.

Говорить с ними мало пришлось, да и об чем говорить, один сказал, что ранило его в деревне, из которой я был взят в Гер<ма>нию>. Про фронт никто ничего не говорит — боятся; да были они полчаса, водили <их> только по хорошим баракам, а не заводят, где живут с детьми в тесноте, грязи. Все они бывшие военнопленные, живут, конечно, не как мы — в лагере военнопленных.

* Слово неразборчиво.

К вечеру жена принесла 2 ведра опенок, грибов, наварили их, очень вкусно поели, а остатки засолили, может быть, что получится, то буду есть соленые опенки. Ночью играл в карты, немного выиграл <<60 м[арок]>>. Купил 4 кг хлеба, отдал 30 м[арок], в 1-м часу лег спать, а рано утром, вставши, пошел зарабатывать ботинки, так сказал мне переводчик Роймар, что дают за работу. Пошли мы в город 4 чел., переводчик распределил нас до хозяев. Я попал к Фальке очень богатый, но и скупой. Это видно из того, что работал я с 8 и до 4-х ч, был голодный, работа тяжелая и колючая: копал огород, где растут яблони, малинник, ежевичник — весь искололся. Кормил так: в 10 часов принес грамм 150 хлеба, намазанный повидлой, и кофе, в обед — сам ушел на квартиру, а мне принес корзину вареной красной капусты и картофеля. Я, конечно, картофель покушал, а капуста осталась вся. Он приходит, спрашивает, почему я не ел, а я говорю, что этого кушанья в лагере достаточно, а в России этого нет. Он принес мне маленькие скибки¹ хлеба и кофе. За работу вместо ботинок дал рваную рубашку, трусы и негодный галстук, говоря, что на следующее воскресенье он подыщет ботинки, если я приду работать. Лучше я найду где-нибудь дерев[янные] ботинки, но не пойду к такому... Хлопцев кормили немного лучше, заплатили 5 м[арок]².

¹ Здесь: ломтики, кусочки.

² Далее имеющийся в нашем распоряжении текст обрывается.

Послесловие

Исповедь военнопленного, ставшего остарбайтером

Василий Корнеевич Пахомов родился 6 апреля 1918 года в Сталинградской (совр. Волгоградской) области, но до войны жил в Сталинграде, где закончил школу, затем училище. Занимался спортом, как и многие сверстники; позже, в дневнике он напишет, что немецкий язык в школе не привлекал его, за что потом в Германии он себя очень корил. А вот то, что он хорошо рисовал, очень пригодилось и помогло выжить.

Его судьба и похожа, и не похожа на судьбы многих других военнопленных времен Второй мировой войны: был призван на военную службу, был в окружении под Смоленском, выбирался к своим, снова бои, попал в плен, бежал, с оккупированной территории и из Рославльского района Смоленской области угнан в Германию — в числе тысяч других молодых людей, но уже как гражданское лицо.

Что было далее, подробно описывается в его дневниковых записях. Писать дневник Пахомов начал в 1943 году, но в самом начале он вспоминает о событиях 1942 года.

В Германию, в Вернигерроде близ Хальберштадта, он прибыл 4 июня 1942 года.

За две недели до нового 1943 года Пахомов подвергся жесточайшему избиению за то, что возмутился и поднял руку на своего мастера. После этого он не мог вообще работать и был переведен на легкую оформительскую работу в столовую, где, собственно, и проявились его рисовальные способности. Этот самоявленный дар — вместе с последующим производством фактически в придворные лагерные художники — серьезно облегчили остовскую судьбу Василия Пахомова.

Собственно, и остовцем он стал как бы экспромтом. Будучи военнопленным, при отправке в Германию он попал в эшелон, в котором военнопленные ехали попеременно с гражданскими. Мало того, прямо в эшелоне он и «поженился», записавшись в семейные люди, — таких «молодоженов» в эшелоне обнаружилось 12 пар и немцы со скрипом, но признали их семейными. А для пущей «убедительности» его жена, Валентина Дмитриевна, родила ему 24 февраля 1943 года дочь Светлану.

Месяц за месяцем он записывал то, что происходило с ним самим и вокруг него, много внимания уделяя своим личным переживаниям и осмыслению пережитого. Но вот что удивительно: он

оценивал окружающих его людей и их поступки не по принципу «свои — враги», а сосредоточиваясь на проявлениях в людях их человеческого начала, неважно — будь то соотечественники или немцы-«хозяева», у которых ему приходилось работать. Он искренне интересуется бытом, традициями и даже жизненной позицией окружающих его немцев.

То он характеризует подошедшего мастера или переводчика, то слышится чувство благодарности за милосердие, проявленное новым хозяином, а то и ирония по отношению к своим остарбайтерам («как будто и нет войны»).

Василий Корнеевич постоянно помнил, что он на чужбине, что он оторван от своей земли, от родных и близких; пронзительная тоска, временами доходящая до отчаяния («надоело») — вот истинный лейтмотив его дневника. И даже рождение дочери («хорошее дело») смешано у него с горечью условий неволи — и радует, и не радует.

Его мучает, его изводит бездействие (когда нет даже работы) и ожидание конца войны, он следит за событиями в мире и ждет...

Но другого выхода нет. Или, во всяком случае, он его не знает.

После войны Василий Корнеевич продолжил службу в рядах Красной армии, демобилизовался, после чего его пути с женой и дочерью разошлись. Он вернулся на родину, в Сталинградскую (Волгоградскую) область, где вновь женился и прожил до конца своих дней (В.К. Пахомов умер в марте 2004 года).

Свои дневниковые записи, а также фотографии, сделанные в Германии, В.К.Пахомов прислал в Российский фонд «Взаимопонимание и примирение» вместе с заявлением и документами на получение компенсации. Присланный им фрагмент дневника охватывает неполные два месяца и обрывается на записи от 23 октября 1943 года. По всей видимости, это самое начало дневника, но существовало и продолжение¹. Разыскать его подлинник, к сожалению, не удалось.

Лариса Лисина, Павел Полян

¹ Об этом прямо говорится и в статье о В.К. Пахомове, опубликованной С. Шляхтеровой в газете «Вперед» за 4 мая 1995 года.

Содержание

Предисловие к серии. «Человек на обочине войны». Одна на всех — великая и неделимая война. П.М. Полян	7
Зов истории. П.М. Полян	10

Часть первая. ОККУПАЦИЯ. ИНТЕРИРОВАННЫЕ. ОСТОВЦЫ

Николай Саенко Таганрогский дневник (2 октября 1941 г. — 1 сентября 1943 г.)	25
Александр Яворский Оккупация Таганрога — глазами мальчишки (Письмо в «Известия»)	119
Елизавета Егорова Воспоминания об оккупации: Сталинград и Белая Калитва (1926–1946 гг.)	123
Игорь Маракасов Записки интернированного (22 июня 1941 г. — 1946 г.)	156
Василий Баранов Дневник оstarбайтера (начало сентября 1943 г. — 21 января 1944 г.)	161
Анатолий Пилипенко Дневник-воспоминание (осень 1944 г. — июнь 1945 г.)	232
Григорий Лодкин Остарбайтер. Жизнь на чужбине (1941–1952 гг.)	262
Борис Андреев Дневник оstarбайтера (апрель 1942 г. — август 1946 г.) ..	286
Валерий Худяков Некоторые непричесанные мысли о советском и немецком фашистских режимах, почерпнутые из собственного опыта. (1945–1955 гг.)	332

Часть вторая. ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Анатолий Галибин «Год, который, не задумываясь, можно было бы вычеркнуть из жизни...»: Дневник военнопленного, извлеченный из его могилы (26 июня 1941 г. — 5 сентября 1942 г.)	342
Сергей Воропаев Дневник военнопленного: история одной болезни и смерти (29 марта 1944 г. — 5 марта 1945 г.)	356
Василий Пахомов «Сегодня жив, а завтра не знаю...» Дневник военнопленного и оstarбайтера (3 сентября — 23 октября 1943 г.)	400

«НАМ ЗАПРЕТИЛИ БЕЛЫЙ СВЕТ...»
Альманах дневников и воспоминаний
военных и послевоенных лет

Редактор М.А. Айламазян
Компьютерная верстка С.В. Шеришорин
Художественное оформление Д.А. Морозов

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 23.11.2005.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84, Тираж 1000 экз. Заказ № 6880

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14